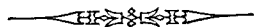

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XX

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П. Н. Третьяков (ответственный редактор)
С. Б. Бернштейн, И. К. Бунина, Л. Б. Валев,
В. Н. Кондратьева (ответственный секретарь), *И. С. Миллер,*
С. А. Никитин, С. В. Никольский

Л. Б. Валев

ИЗ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ *

Общественно-политическая борьба накануне войны

К кануну второй мировой войны в Болгарии уже полностью утвердился режим открытой монархо-фашистской диктатуры. После военно-фашистского переворота 19 мая 1934 г., в результате которого даже формально были уничтожены остатки парламентаризма и буржуазной демократии, в рамках фашистской диктатуры произошло несколько смен кабинетов. В итоге было устранено влияние в управлении страной антимонархистски настроенных офицерских кругов и утвердилось монархо-фашистская диктатура. Образованный в ноябре 1935 г. чисто чиновничий кабинет Георгия Кыосенванова, послушно выполнявший волю царя Бориса и его камарильи, просуществовал, претерпевая неоднократные изменения, вплоть до февраля 1940 г. В системе утвердившегося таким образом монархо-фашистского режима, при котором монархизм и фашизм слились в одно целое, господствующее положение заняли элементы, проводившие политику прямой защиты интересов крупной буржуазии, связанной с германским капиталом. Активную поддержку монархо-фашистской диктатуре оказывала также реваншистски настроенная реакционная военщина, объединенная вокруг федерации союзов офицеров и унтер-офицеров запаса. Характерной особенностью этого режима было то, что он был установлен и поддерживался при отсутствии массовой и монополярной партии фашистского типа.

Такой партии не удалось создать не только правящей монархо-фашистской клике, оказавшейся вынужденной рядиться в тогу «беспартийного режима», но и тем группировкам фашистского толка — цанковцам, ратникам, легионерам, пансиенцам и др., которые по тем или иным соображениям находились в своего рода оппозиции к официальной правящей группировке.

Одной из таких организаций фашистского типа являлось так называемое Национально-социальное движение небезызвестного палача болгарского народа Александра Цанкова. Начало этому «движению» было положено еще в первой половине 30-х годов в результате разложения и

* Данная статья является частью более широкой работы автора, в которой рассматривается также ряд других вопросов общественно-политического и социально-экономического развития Болгарии в указанный период и во время второй мировой войны.

раскола обанкротившегося «Демократического сговора», из которого Цанков вышел. Подражая во всем Гитлеру, на поклон к которому он лично ездил в ноябре 1936 г., Цанков претендовал на роль болгарского «фюрера». Он выступил с открыто фашистской программой, пытаясь при помощи социальной демагогии подчинить своему влиянию массы рабочих и мелкой буржуазии. Характеризуя сущность движения Цанкова, ЦК БКП писал в одном своем воззвании (июль 1936 г.): «...партия Цанкова открыто и усиленно восстанавливает свои связи — она беспрепятственно устраивает свои конференции и собрания;

она начинает проповеди о «необходимости» создания вооруженных отрядов по немецкому образцу и приступает к их созданию;

цанковцы, при активном содействии полиции, подготавливают провокации против болгарских рабочих, против их партии с тем, чтобы снова залить кровью всю страну...»¹.

Другая часть фашистско-националистических элементов группировалась вокруг полувоенной организации «Ратников за прогресс болгарщины», возникшей в 1936 г. и возглавлявшейся профессором агрономического факультета Софийского университета Асеном Кантарджиевым. Так же, как и сторонники Цанкова, организация ратников ставила своей задачей отвлекать внимание масс от классовой борьбы, направить их по пути буржуазного национализма, шовинизма и расизма*. Ее члены скрытно пытались проникать в среду нелегальных демократических организаций, подрывать их изнутри. О том, насколько «патриотической» была эта организация, свидетельствовал хотя бы тот факт, что ее руководители получали прямые субсидии от немецких фашистов².

Верной агентурой гитлеровцев был также «Союз болгарских национальных легионов» (СБНЛ), полувоенная шовинистическая и расистская организация фашистского типа, созданная еще в 1932 г. В то время как ратники вербовали свои кадры главным образом из среды торговцев, состоятельных ремесленников и особенно крупной буржуазии, легионеры действовали в основном среди мелкобуржуазной учащейся молодежи. Задачей СБНЛ являлась подготовка из среды болгарской молодежи погромщиков-шовинистов и шпионов-provокаторов для борьбы с демократическим движением³. К 1934 г. СБНЛ поглотил однородные с ним по составу старые заговорщические организации «Хан Кубрат» и «Союз болгарской родной защиты», постепенно распространив свое влияние на довольно значительную часть реакционно-настроенных слоев учащейся молодежи. Отдельно действовала еще одна подобная организация,

¹ «Нелегални позиви на БКП», София, 1954, стр. 151—152.

* При благосклонном бездействии полиции в апреле 1938 г. ратники совершили хулиганское нападение на слушателей лекции проф. Методия Попова против расовой теории; в мае того же года они пытались устроить погром в еврейском квартале Софии, громили еврейские магазины и т. п. (см. «Работническо дело», год XII, № 4, февраль 1939 г.).

² Об этом свидетельствуют даже донесения тайных полицейских агентов. Так, полицейский осведомитель, скрывающийся за № 101, в своем донесении от 18 января 1939 г. приводит сведения о том, что «организация ратников во главе с проф. Кантарджиевым щедро субсидируется германским правительством, так как она проводит в Болгарии чисто немецкую политику и копирует все немецкое» (Централен държавен исторически архив (далее — ЦДИА), ф. 370, оп. 2, а. е. 825, л. 1).

³ Легионеры неоднократно оказывали прямую помощь полиции в борьбе с демократическим движением и в особенности с прогрессивным студенчеством. Так, например, вместе с полицией они участвовали в разгоне состоявшихся 13 и 15 марта 1937 г. студенческих демонстраций, которые были направлены против нового избирательного закона, лишившего студентов избирательных прав (см. Д. Казасов. Бурни години 1918—1944. София, 1949, стр. 601).

являвшаяся агентурой гестаповцев, — так называемый «Всеболгарский союз имени Отца Паисия»⁴.

Все эти группировки вели полулегальное существование и взаимно конкурировали между собой⁵. Полицейские органы монархо-фашистского правительства смотрели сквозь пальцы на их антинародную деятельность, называя их в своих тайных донесениях «патриотическими организациями». Указанные организации всеми силами пытались разжечь в болгарском народе, особенно среди его молодого поколения, самые низменные расистские и шовинистские инстинкты, натравливать болгарскую молодежь на все демократическое и прогрессивное в стране, насаждать вражду к Советскому Союзу и соседним балканским народам. Будучи прямой агентурой гитлеровской Германии, они выполняли роль некоей «оппозиции справа» к существовавшему монархо-фашистскому режиму, резко критиковали его за якобы недостаточную решительность и последовательность в осуществлении реакционных мероприятий и т. п., являясь в какой-то мере конкурентами правящей клике. Немецкие фашисты ловко использовали эту агентуру для шантажирования правящей группировки, пуская от времени до времени слухи о возможной ее замене такой «оппозицией» и тем самым делая ее еще более сговорчивой в деле подчинения страны гитлеровской Германии.

Как уже было сказано, при помощи жестокого террора группировавшиеся вокруг царя Бориса наиболее реакционные элементы болгарской крупной буржуазии сумели утвердиться у власти, запретив деятельность политических партий и массовых демократических организаций, уничтожив и то немногое, что оставалось от демократических свобод и фактически приостановив действие буржуазно-либеральной Тырновской конституции.

Существование монархо-фашистского режима в значительной степени было облегчено и тем, что его приход и укрепление у власти произошло в обстановке разобщения демократических сил страны, что в то время не было народного антифашистского фронта, который бы мог преградить ему дорогу. «Пока пролетариат разъединен, пока он изолирован от остальных трудящихся города и деревни, пока он не установил правильных взаимоотношений и сотрудничества с другими демократическими силами страны — для горстки финансовых и промышленных магнатов, для фашистской буржуазии не так трудно, как показал пример Италии, Германии и Австрии, громить рабочее движение, расправляться по частям с отдельными слоями народа и уничтожать демократию».⁶ Пример Болгарии также полностью подтвердил справедливость этих слов Георгия Димитрова, сказанные им в 1936 г.

Господство левых сектантов в руководстве БКП в период 1929—1934 гг. имело тяжелые последствия для рабочего и демократического движения в стране. Левые сектанты полностью отрицали революционный характер прошлого БКП, пытались запятнать и опорочить старые партийные кадры, которые обладали богатым революционным опытом и широкими связями с массами. Они толкали партию на путь пагубной для нее

⁴ Подробнее о структуре и деятельности всех этих фашистских группировок см. Иван Генев. Зъбите на фашизма. София, 1945.

⁵ Особенно ожесточенная конкуренция и борьба велись между легионерами и ратниками, а также между отдельными фракциями каждой из этих организаций. Так, например, в 1938—1939 гг. внутри СБНА за руководство Союзом боролись две группы: одна, возглавляемая Иваном Дочевым, и другая, во главе с Илией Станевым (ЦДИА, ф. 370, оп. 2, а. е. 825, л. 1).

⁶ Г. Димитров. Съчинения, т. 10. София, 1954, стр. 282.

изоляции от масс, авантюристическими директивами парализовывали ее боеготовность, отрывали партию от ее естественных союзников. В то время, когда нужно было всю энергию сосредоточить на борьбе против наступавшего фашизма, они утверждали, что главными врагами являются Земледельческий союз и социал-демократическая партия. В результате этого гибельного курса левых сектантов коммунистическая партия не сумела разглядеть новую перегруппировку сил в лагере буржуазии, организовать необходимый отпор наступлению реакции и поднять массы на борьбу против военно-фашистского переворота 19 мая 1934 г., а когда после переворота политические партии были поставлены вне закона, левые сектанты поспешили объявить Рабочую партию и Рабочий союз молодежи, с кадрами которых они и раньше обращались как с кадрами второго сорта, «самоликвидировавшимися». Тем самым они лишили компартию возможности использовать имевшиеся этими организациями широкие связи с массами⁷.

Исполком Коминтерна неоднократно обращал внимание на неправильные методы работы левосектантского руководства. Но и после этих указаний левосектантский ЦК продолжал проводить вредную политику отрыва партии от масс. «Только быстрое преодоление сектантских извращений во всех областях партийной деятельности могло помочь партии восстановить свои связи с массами и сделать ее способной создать единый народный антифашистский фронт для свержения военно-фашистской диктатуры»⁸.

Героическое поведение Георгия Димитрова во время Лейпцигского процесса, где он на весь мир высоко и гордо поднял знамя антифашистской борьбы, с достоинством защитил имя и честь свободолюбивого болгарского народа, возвеличил дело сентябрьского восстания 1923 г., силу и значение рабоче-крестьянского союза, оказало неотразимое влияние на развитие единства действий болгарских трудящихся масс.

Еще во время Лейпцигского процесса, вопреки правительственному террору и саботажу со стороны временно захвативших в свои руки руководство БКП левосектантских элементов, неоднократно проявлялось это единство действий. В июне 1933 г. в Софии был создан комитет защиты жертв германского фашизма с участием всех массовых легальных организаций трудящихся. И хотя еженедельный орган этого комитета «Антифашистский фронт» и другие антифашистские издания конфисковывались, хотя организовывавшиеся комитетом собрания и митинги разгонялись полицией, тяга демократических сил народа к единству действий все более росла.

Состоявшийся в 1935 г. VII конгресс Коминтерна, исходя из новой расстановки классовых сил на международной арене и в отдельных странах, наметил генеральную линию коммунистических партий в борьбе против фашизма и войны. Раскрыв сущность фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, шовинистических и

⁷ Достаточно сказать, что в 1934 г., накануне самороспуска, Рабочая партия насчитывала в своих рядах около 35 тыс. членов и за восьмилетнее легальное существование сумела установить значительно более широкие связи с массами, чем глубоко конспирированная БКП. Рабочий союз молодежи к тому же времени насчитывал 20 тыс. членов. В резолюции VI расширенного пленума ЦК БКП, состоявшегося после разгрома левосектантской фракции, отмечалось: «С запрещением РП и РМС и последовавшим вслед за этим оппортунистическим их самороспуском были прерваны многие связи БКП с массами. Продолжение и после 19 мая старых форм организации и методов работы мешало партии быстро восстановить свои связи с широкими массами и было одной из основных причин многочисленных провалов, причинивших большие опустошения в партийных организациях» («БКП в резолюции», т. III, София, 1954, стр. 345).

⁸ Георги Димитров. Сочинения, т. 14. София, 1955, стр. 257.

империалистических элементов финансового капитала, разоблачив его как злейшего врага рабочего класса и всех трудящихся, конгресс разработал программу широкой мобилизации всех трудящихся на борьбу против фашистской опасности и угрозы империалистической войны.

Как подчеркнул в своем докладе на конгрессе генеральный секретарь ИККИ Георгий Димитров, особо важной задачей в деле мобилизации масс на борьбу с фашизмом являлось создание широкого народного антифашистского фронта на базе пролетарского единого фронта. Только пролетариат, как самый передовой класс общества, добившись сплочения своих собственных рядов, может объединить все слои трудового народа и повести его на борьбу за мир и демократию. Установив свое боевое единство в антифашистской борьбе, он в состоянии парализовать воздействие фашистской демагогии на крестьянство, городскую мелкую буржуазию, интеллигенцию, внушить колеблющимся слоям веру в силу рабочего класса. Решительные действия единого пролетарского фронта в защиту насущных экономических интересов различных слоев мелкой буржуазии и прежде всего крестьянства создадут предпосылки для установления правильных взаимоотношений рабочего класса с ними, для создания боевого рабоче-крестьянского союза. Все это открывает возможности создания широкого антифашистского народного фронта⁹. Георгий Димитров подчеркивал, что в отдельных странах народный фронт будет создаваться по-разному, в зависимости от конкретной обстановки, а также от социальных, исторических и политических особенностей данной страны. В каждой стране имеются узловые вопросы, волнующие на данном этапе самые широкие массы, вокруг которых должна быть развернута борьба за установление единого фронта¹⁰.

Под руководством и при самом ближайшем участии Георгия Димитрова и Васила Коларова после 1934 г. была проведена огромная работа по преодолению трудностей на пути к окончательной большевизации БКП и укреплению ее связей с массами, по организации, с учетом конкретных условий и особенностей Болгарии, широкого единого фронта болгарских трудящихся против фашистской диктатуры.

После идейно-политического разгрома левого сектантства и отстранения левосектантского руководства обновленный ЦК с помощью Исполкома Коминтерна выправил политическую линию партии, в основу работы которой был взят курс на укрепление связей с массами и установление в стране широкого антифашистского фронта. Уже в резолюции V пленума ЦК БКП (январь 1935 г.) виден серьезный шаг вперед в борьбе против левого сектантства. В ней ясно поставлена задача создания единого фронта коммунистической партии, Земледельческого союза и социал-демократической партии. 1 октября 1935 г. ЦК БКП обратился ко всем партийным организациям, членам партии и сочувствующим с открытым письмом, в котором разъяснялась сущность и вредные последствия левосектантского курса и ставилась задача активизации борьбы против фашистской диктатуры, за восстановление демократических прав и свобод народа. В письме указывалось, что рабочий класс, крестьяне и все трудящиеся при таких свободах и правах смогут легче бороться за свои материальные интересы. При наличии этих свобод и прав пролетариат лучше всего может повести трудящиеся массы на борьбу за пролетарскую диктатуру. Однако поражение фашизма может быть достигнуто только путем единой борьбы трудящихся антифашистов, идущих за компартией, за

⁹ Георги Димитров. Съчинения, т. 10, стр. 63.

¹⁰ Там же, стр. 65.

Земледельческим союзом, за социал-демократической партией и за другими нефашистскими организациями, только путем создания единого народного антифашистского фронта при участии этих организаций.

Центральный Комитет партии указывал, что выполнение основной задачи, т. е. создание единого народного фронта, развертывание массовой борьбы и доведение ее до образования правительства единого народного антифашистского фронта возможно только при самом энергичном и руководящем участии в этой борьбе пролетариата. Он призвал всех коммунистов и сочувствующих крепко сплотиться вокруг партийных организаций и приступить к энергичной работе по установлению связи со всеми трудящимися антифашистами, членами любой нефашистской организации, убеждая их в необходимости участия в единой борьбе против фашизма, по организации этой борьбы во всех возможных в данный момент и в данном месте формах¹¹.

Состоявшийся в конце февраля—начале марта 1936 г. VI расширенный пленум ЦК БКП принял исторические решения, представлявшие собой конкретную разработку нового курса партии во всех решающих областях партийной работы и направленные на окончательную ликвидацию отрыва партии от широких народных масс. Единодушно присоединившись к решениям VII конгресса Коммунистического Интернационала, пленум с еще большей настойчивостью подчеркнул значение вовлечения в борьбу широких народных масс и создания единого рабочего и широкого народного фронта против фашизма, наступления капитала и надвигавшейся войны, а также по осуществлению профсоюзного единства рабочего класса. Пленум четко указал, что главными врагами болгарского народа внутри страны являются носители фашизма — правительство царя Бориса и так называемое «национально-социальное движение» Цанкова, использующее разобщенность демократических сил для того, чтобы пробраться к власти. В резолюции пленума о политическом положении и задачах партии говорилось, что для устранения царящего в стране режима бесправия и фашистского произвола, недопущения прихода к власти Цанкова и прекращения ограбления масс необходимо добиться осуществления следующих конкретных задач:

1. Немедленное восстановление Тырновской конституции и предусмотренных в ней прав и свобод.
2. Немедленное назначение выборов в Народное собрание на основе старого избирательного закона.
3. Отмена всех антиконституционных декретов, изданных после 19 мая 1934 г.
4. Роспуск всех гражданских и военных организаций, которые отменили конституцию или выступают против ее восстановления.

«Если до сих пор, — указывалось в резолюции пленума, — в Болгарии продолжает существовать позорный режим террора и бесправия, не имеющих под собой никакой общественной опоры, это объясняется только разобщенностью сил демократии, междоусобной борьбой руководителей различных партий и отдельных групп в них и их боязнью борьбы масс. Путь к выходу из положения нужно искать в могучих силах народа, в его сильно развитых демократических традициях и чувствах, в борьбе масс, а не в компромиссах с паразитами на теле народном и с дворцом, как это стремятся делать некоторые руководители нефашистских партий»¹².

Вооруженная решениями VII конгресса Коминтерна и VI пленума своего ЦК, болгарская компартия под руководством испытанного ленинца

¹¹ «Незаконные позивы на БКП», стр. 126—130.

¹² «БКП в резолюции», т. III, стр. 331.

Георгия Димитрова твердо и уверенно встала на позиции большевизма и взялась энергично за работу по укреплению своих организаций и расширению своих связей с широкими массами. Этому значительно содействовали восстановление, после двухлетнего организационного бездействия, распушенной левосектантами Рабочей партии, как отдельной, параллельно с БКП действующей нелегальной партии рабочего класса, и проведение вслед за тем организационной перестройки коммунистического рабочего движения на основе создания единой партии¹³.

Восстановленная Рабочая партия к 1937—1938 гг. окрепла организационно и выросла численно, расширила и упрочила свои связи с массами. Количество ее членов превысило 10 тыс. человек. С июня 1935 г. в подполье было возобновлено издание ее печатного органа газеты «Рабочническо дело»¹⁴, которая приобрела большую популярность. Тот факт, что за членство в Рабочей партии фашистскими законами предусматривалось более легкое наказание, чем за членство в компартии, способствовал тому, что РП была более массовой. Представители Рабочей партии наладили контакт с руководителями других демократических партий в целях согласования единства действий всех антифашистских сил¹⁵; ее члены вступали в легальные организации, которые объединяли большое число трудящихся, и проводили в них массовую работу¹⁶.

¹³ «Уже в циркуляре № 1 от 2 апреля 1935 г. ЦК БКП обращался к окружным и районным комитетам партии с конкретными указаниями о проведении непосредственной работы по немедленному восстановлению Рабочей партии. «Сколь бы ни были велики трудности по восстановлению Рабочей партии, — говорилось в этом циркуляре, — их необходимо преодолеть и наша партия должна приложить все усилия к тому, чтобы охватить те массы, на которые распространяется политическое влияние Рабочей партии» (Цит. по кн.: Стойко Колев. Борбата на БКП за народен фронт 1935—1939. София, 1959, стр. 23).

¹⁴ Наряду с ней, вплоть до 1938 г., как орган БКП продолжала выходить газета «Работнически вестник». Тираж газеты, например, в 1937 г. составлял 8 тыс. экз. (цифра указана в передовой статье «Работнически вестник» № 1 от 15 февраля 1937 г.).

О неимоверно тяжелых условиях, в которых издавалась нелегальная коммунистическая литература, можно судить хотя бы по тому факту, что в период 1935—1938 гг. полицией было раскрыто 14 нелегальных типографий, три ротатора, два склада с нелегальными материалами и было арестовано 64 человека, обслуживавших технику нелегальной партийной печати («Работническо дело», 6 мая 1950 г.). Только с октября 1939 г. удалось создать тщательно законспирированную типографию, которую полиция не удалось раскрыть вплоть до марта 1944 г. (см. статью одного из организаторов этой типографии, Ст. Керезова, «Последната нелегална печатница на в. „Работническо дело“», — «Работническо дело», 21 и 22 февраля 1952 г.).

¹⁵ Этот факт не остался не замеченным и фашистской охранкой. Суммируя донесения областных полицейских начальников, начальник отделения «А» дирекции полиции в своем «Докладе о состоянии коммунизма в Царстве» за ноябрь 1938 г. приходил к следующему обобщающему выводу: «Отмечается восприятие коммунистами тактики взаимной работы с людьми демократического движения. Функционеры коммунистической партии и ее подразделений встречаются с демократическими функционерами и работают вместе с ними» (ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 619, л. 1). В аналогичном документе за апрель 1939 г. вновь отмечается стремление коммунистов работать вместе с представителями других демократических течений и упоминается о распространении в г. Варне воззваний ЦК Рабочей партии «Ко всем партиям, группам и течениям, ко всем рабочим, крестьянам, ремесленникам и интеллигентам, ко всему болгарскому народу» с датой 10 февраля 1939 г. (там же, а. е. 684, л. 51).

¹⁶ Об этом также свидетельствуют многочисленные донесения полицейских агентов со всех концов страны. В обобщающем «Докладе» отделения «А» за май 1939 г. подчеркивается, что основная линия коммунистов на местах заключается в «проведении большой просветительной работы среди их единомышленников и вступление в массовые культурно-просветительные организации: читальни, хозяйственные, культурно-просветительные и другие общества, причем они всячески стремятся захватить в свои руки их руководящие органы изнутри» (там же, а. е. 684, л. 68).

После восстановления Рабочей партии, являвшейся, так же как и БКП, марксистско-ленинской партией болгарского рабочего класса, все очевиднее становилась целесообразность сплочения революционных сил в одной нелегальной партии. Этот вопрос поднимался в ЦК БКП еще в 1937 г. В начале 1938 г., после согласования с Заграничным бюро и ИККИ, было приступлено к слиянию обеих партий. «РП и КП, — говорилось в письме-директиве Заграничного бюро «О реорганизации партии», образуют одну единую и нераздельную партию — рабочую по составу, коммунистическую по своей политике, марксистско-ленинскую по своей идеологии с единым политическим руководством»¹⁷.

В результате перестройки, которая была окончательно завершена в 1939 г., единственной представительницей коммунистического движения в Болгарии стала Рабочая партия.

По соображениям, вызвавшим необходимость создания единой марксистско-ленинской партии, в 1939 г. произошло слияние и существовавших параллельно двух коммунистических молодежных организаций — КСМ и РМС — причем кадры комсомола полностью вошли в Рабочий союз молодежи.

В рассматриваемый период РМС проделал значительную работу по мобилизации болгарской прогрессивной молодежи на борьбу против фашистской реакции. Под его фактическим руководством и влиянием находились многие десятки тысяч юношей и девушек, входивших в просветительные и другие массовые беспартийные организации. По многим вопросам, затрагивающим интересы трудящейся молодежи, РМС удалось достигнуть единства действий с Земледельческим и Социалистическим союзами молодежи. Накануне войны при его участии был создан Молодежный центральный конституционный комитет, в который входили также представители ЗСМ, ССМ, молодых радикалов и молодых сторонников группы А. Ляпчева¹⁸. В борьбе за интересы трудящейся молодежи выросли новые авторитетные кадры рабочего молодежного движения.

Следует, однако, отметить, что при всех несомненных успехах, которые РМС удалось достигнуть, в частности в культурно-просветительной работе, в предвоенные годы наметилось определенное отставание в его работе по марксистско-ленинскому воспитанию своих членов и организационному укреплению своих рядов¹⁹. Имелись серьезные недостатки и в ра-

¹⁷ Цит. по статье: Борис Богданов, Борис Митев. Реорганизацията на коммунистическото движение в България през 1934—1939 г. («Ново време», № 11, 1957, стр. 77). В указанной статье дается интересное документированное исследование вопроса о слиянии БКП и Рабочей партии, трудностей, с которыми была связана реорганизация, и борьбы за преодоление допускавшихся при этом ошибок.

¹⁸ Правда, Молодежный центральный конституционный комитет не развернул сколько-нибудь существенной практической деятельности, а сеть молодежных конституционных комитетов на местах по существу так и не была создана (См. «Младежка искра», 16 декабря 1944 г.).

¹⁹ «Несмотря на неоднократное подчеркивание боевого классового характера РМС, — писала впоследствии газета «Младежка искра», — он был перестроен как широкая культурно-просветительная организация молодого поколения. Очень часто в ходе нашей повседневной работы мы забывали, что конечные цели и задачи РМС далеко не совпадают и не исчерпываются текущими задачами молодежного антифашистского движения. В ряде мест в «интересах единства» с демократической молодежью ремсисы допускали принципиальные отступления от марксизма-ленинизма, что приводило к затуханию классово-боевого характера Союза. Мы хорошо не поняли, что превращение РМС, как организации трудящейся молодежи, в новый тип молодежной организации не означало превращения его в широкую культурно-просветительную организацию всего молодого поколения. Активы (местные организации, — А. В.) РМС почти не жили своей отдельной идейной и организационной жизнью, не проводили систематической работы по марксистско-ленинскому просвещению и воспитанию своих членов... Вербовка

боте РМС по мобилизации трудящейся молодежи на борьбу в защиту своих классовых интересов.

Указанные недостатки не могли не привлечь внимания руководства Рабочей партии. В опубликованной в марте 1939 г. специальной статье, посвященной этому вопросу, газета «Работническо дело» писала: «Действительно, сегодня основная задача всех демократических молодежных организаций заключается в создании новых и разрастании существующих массовых организаций молодежи: обществ трезвенности, спортивных, культурно-просветительных и др. Но неправильно, когда активы этих демократических молодежных организаций, и в первую очередь РМС, растворяются и превращаются только в кооперативный, спортивный и т. п. актив... Когда кадры Союза теряют свое лицо, занимаясь задачами лишь какой-нибудь одной специальной молодежной организации вроде обществ трезвенности, а работу по укреплению остальных или созданию новых подобных организаций они оставляют другим, — это равносильно самороспуску Союза. Основные кадры РМС... должны понять, что на них лежит ответственность и обязанность быть в данном месте или районе двигателем в деле воспитания, активизации и организации **всех форм работы среди молодежи и в первую очередь — трудящейся молодежи**»²⁰.

В годы, непосредственно предшествовавшие началу второй мировой войны, болгарские коммунисты много сделали для сближения демократических сил и активизации их общих действий в политических кампаниях и в массовых организациях. Особенно большая работа была проведена в борьбе за единство рабочего класса. В открытом письме ко всем членам партии (январь 1938 г.), в котором ЦК БКП разъяснял партийную тактику по всем основным вопросам, в этой связи говорилось: «Центральным звеном народного фронта в Болгарии является единый фронт болгарского рабочего класса и совместная борьба рабочих вместе с крестьянами и другими трудящимися города и деревни. В нашей неустанной работе по созданию народного фронта мы (члены партии) делаем в первую очередь упор на проведении единой сплоченной борьбы рабочих против капиталистической эксплуатации и фашистского гнета и на достижении самого тесного сотрудничества между всеми рабочими партиями и организациями. Мы стремимся к достижению единого фронта между всеми рабочими партиями, рабочими профсоюзами, кооперативами, организациями рабочей молодежи и другими рабочими организациями на основе классовой борьбы и борьбы против фашизма. Мы рассматриваем единый рабочий фронт как первый шаг к политическому и организационному единству болгарского пролетариата на классовой пролетарской основе»²¹.

Как известно, после военно-фашистского переворота 1934 г. наряду с политическими партиями были запрещены и демократические профсоюзные организации, в том числе и руководимые коммунистами Независимые рабочие профессиональные союзы. Вскоре после этого правительство декретировало создание государственных профсоюзов фашистского типа. Образованные таким путем профсоюзы для рабочих различных отраслей производства были объединены в Болгарский рабочий союз. Ремеслен-

новых членов была почти заброшена... При приеме членов РМС во многих местах все еще продолжали подходить по старому сектантскому способу, ища вполне подготовленных марксистов-ленинцев. Это закрыло двери наших организаций и для части молодых товарищей, выросших в период новой работы» («Младежка искра», 26 декабря 1944 г.; см. также «Кратка история на РМС». Издава околийския комитет на РМС. Шумен, 1947, стр. 19).

²⁰ «Работническо дело», № 5, март 1939 г.

²¹ «Нелегални позиви на БКП», стр. 202.

ники были загнаны в такой же казенный Союз ремесленников. Для государственных и муниципальных служащих были организованы 13 казенных профсоюзов служащих.

С целью вовлечения основных масс трудящихся во вновь созданные государственные профсоюзы, фашистские правители пустили в ход весь свой пропагандистский и административно-полицейский аппарат, используя наряду с террористическими мерами всевозможные средства демагогии и экономического принуждения. Было введено обязательное членство в профсоюзах всех работающих и принудительное отчисление членских взносов.

Несмотря на сопротивление наиболее сознательной части болгарского пролетариата и других трудящихся, на протяжении нескольких лет правящим кругам удалось вовлечь в казенные профсоюзы значительное число рабочих и служащих.

В этих условиях сама жизнь подсказывала болгарским коммунистам необходимость проведения работы внутри государственных профсоюзов с тем, чтобы использовать их для сближения с массами и организации борьбы трудящихся. Имевшие место в первый период после создания указанных профсоюзов недооценка этой работы и даже отрицательные отношения к ней со стороны многих коммунистов постепенно преодолевались. Руководство всей антифашистской работой внутри официальных профсоюзов было сосредоточено в руках специально созданной при ЦК Рабочей партии Центральной профсоюзной комиссии, а также в аналогичных комиссиях в отраслевых союзах и на местах. Преодолевая остатки сектантской тактики бойкота государственных профсоюзов, болгарские коммунисты по призыву ЦК партии стали систематически, настойчиво и терпеливо проводить работу в них, делая все возможное, чтобы срыть предпринимавшиеся фашистской диктатурой попытки поставить профсоюзные организации на службу своим антинародным интересам. За сравнительно небольшой промежуток времени, используя свои связи с массами, демократические и революционные традиции болгарских трудящихся, болгарские коммунисты сумели добиться в этом весьма существенных успехов. Сосредоточивая свое основное внимание на работе в низах, на предприятиях, они энергично разоблачали фашистских профсоюзных боссов, изолировали их от масс, добивались действительно демократического объединения рабочих и других трудящихся, мобилизуя их на защиту своих классовых интересов.

Активизация борьбы рабочих, установление их демократического профсоюзного и классового единства и их массовое участие в антифашистском движении все более усиливали демократический фронт борьбы против фашизма и содействовали сплочению всех демократических сил страны.

Фашистские правители, стремясь подчинить своему влиянию широкие крестьянские массы, создали организацию сельскохозяйственных задруг. Общий союз сельскохозяйственных задруг представлял собой нечто вроде корпоративной профессиональной организации, в которую пытались в принудительном порядке загнать болгарских крестьян.

«Что заставило фашистов создать эти организации? — писала газета „Работническо дело“. — Их задача — вырвать крестьянские массы из-под влияния БЗНС и Рабочей партии и приобщить их к государству, т. е. к фашистской диктатуре. Демагогической борьбой против „политиканства“ они стремятся уничтожить в сельских массах политический интерес и сознание»²².

²² «Работническо дело», № 3, январь 1939 г.

Так же, как и в БРС, в задругах на руководящие посты назначались правительственные чиновники²³, а с крестьян взимались обязательные членские взносы, хотя бы они и не подавали заявления о вступлении в члены этих организаций. О методах, применявшихся при создании задруг и о том, как реагировали крестьяне на принудительное взимание членских взносов, являвшихся по существу новым налогом, свидетельствуют многочисленные протесты, которые направлялись ими в адрес различных правительственных инстанций. Так, например, в письме, направленном 8 января 1939 г. председателю Народного собрания и подписанном представителями «задруг Софийской сельской околии, которые почти не существуют», указывалось, что сверх многочисленных налогов с болгарских крестьян взимается новый, «сотый налог» (как названы в письме принудительные членские взносы в Общий союз сельскохозяйственных задруг), несмотря на то, что болгарская деревня переживает тяжелый финансовый и хозяйственный кризис. Этот «сотый налог» взимался с каждого крестьянина старше 21 года в размере 60 левов плюс 6 левов в виде пени или всего 66 левов в год. Семьям, насчитывающим по пять-шесть человек старше 21 года, приходится платить в виде членских взносов сумму, равную стоимости целого мешка муки или тонны угля, которым они отапливают свое жилье на протяжении всего зимнего сезона. Сам Союз сельскохозяйственных задруг характеризуется в письме как целое министерство с многочисленными инспекторами и другими назначаемыми сверху чиновниками, «все, как один, отборными пенсионерами из Софии», «пахарями» и «землекопами» с месячным окладом по 5—6 тыс. левов, обогащающимися благодаря Союзу сельскохозяйственных задруг за счет тружеников села²⁴.

Предпринимавшиеся фашистскими властями попытки путем демагогии и насильственных мер добиться вовлечения в задруги крестьянских масс и превратить их в свою опору в деревне наталкивались на упорное сопротивление трудового крестьянства. Недовольство крестьянских масс было настолько велико, что сведения о нем просачивались даже в буржуазную печать. Вот что писала, например, выходившая в гор. Враца газета «Врачанско слово» в номере от 14 октября 1940 г. по случаю созыва Врачанской околийской конференции сельскохозяйственных задруг: «Г-н Чанков, член Общего союза задруг, остался очень недоволен состоянием задруг во Врачанской области. В околии из подлежащих организации 26.000 крестьян объединено лишь 5.000. В чем причины такого положения? О них сообщают секретари задруг. Во-первых, принудительное членство, насильственное взимание членских взносов сборщиками налогов, что отпугивает крестьян от задруг; во-вторых, назначение секретарей, которые не пользуются симпатиями и доверием крестьян; в-третьих, громкие обещания, остающиеся невыполненными; в-четвертых, то, что административные власти не считаются с организацией и не привлекают ее к разрешению вопросов, касающихся сельского хозяйства. «Нас превратили в сборщиков налогов», — заявляли секретари задруг. «Крестьяне стали нас ненавидеть. Одни ругают нас последними словами, а другие смеются над нами».

Делясь своими впечатлениями о собрании представителей задруг Плевенской околии, на котором он присутствовал, депутат Петр Думанов

²³ С целью введения масс в заблуждение относительно истинного характера создававшихся задруг на эти посты зачастую назначались лица, которые являлись в прошлом деятелями пользовавшегося популярностью среди крестьянства Земледельческого союза, но затем перешли на службу фашистской реакции.

²⁴ ЦДИА, ф. 173, оп. 6, а. е. 688, л. 8.

сообщал в своей речи в Народном собрании 21 ноября 1940 г., что за два года существования задруг в этой околии в них вступила лишь $\frac{1}{5}$ часть крестьян, подлежащих организации. Он заявил: «В деревне уже издаются над этими задругами, говоря: «Они для других, но не для нас»²⁵.

Примерно таким же было положение с задругами и в остальных околиях страны. Тем не менее, при помощи своего пропагандистского и административно-полицейского аппарата фашистским правителям удалось загнать в эти организации, хотя в основном лишь формально, довольно значительную часть крестьян²⁶. Между тем, в условиях фашистского террора в болгарской деревне не было других легальных профессиональных или политических организаций, где были бы сосредоточены крестьянские массы.

Вот почему Центральный Комитет призвал членов партии сделать все возможное, чтобы сорвать предпринимавшиеся фашистской диктатурой попытки поставить задруги на службу фашизма. «Этого можно добиться, — писала газета „Работническо дело“, — когда все члены партии вместе с нашими союзниками и всеми прогрессивными элементами войдут в задруги и используют их как легальную возможность для работы, преодолевая все бойкотистские настроения как в нашей среде, так и среди наших союзников.

Сельские задруги должны стать действительно массовыми и боевыми демократическими организациями крестьян... Они должны стать настоящими свободными независимыми организациями с добровольным членством и выборностью руководящих органов. В сельских задругах должны выдвигаться все требования, которые отвечают жизненным интересам крестьянских масс и через них необходимо проводить борьбу за осуществление этих требований»²⁷.

Далее перечислялись следующие конкретные требования, за которые партия призывала вести борьбу: уменьшение задолженности крестьян; уменьшение налоговых тягот; аннулирование штрафов; предоставление крестьянам пенсий по старости и по инвалидности; приведение цен на сельскохозяйственные продукты в соответствие с ценами на промышленные товары; государственное страхование от града и других стихийных бедствий; предоставление продовольствия неимущему и пострадавшему от засухи и других бедствий населению; отмена принудительных членских взносов в задруги; установление полной выборности руководящих органов задруг без всяких ограничений; сохранение мира, против войны; сохранение независимости страны²⁸.

Борясь за мобилизацию широких масс трудового крестьянства вокруг этих и других подобных требований, отвечавших его кровным интересам, болгарские коммунисты сумели выработать правильные методы и формы массовой работы, соответствующие создавшейся в деревне обстановке. К началу второй мировой войны ими были уже достигнуты определенные успехи в работе в задругах.

²⁵ Игра слов: «задруги—за други», т. е. для других. «Стенографски дневници на XXV ОНС; 2-ра редовна сесия», кн. 1, София, 1941, стр. 287.

²⁶ В 1937 г., перед созывом учредительного съезда, в задругах было организовано 175 тыс. сельских хозяйств, т. е. 14% крестьян, подлежащих охвату (газета «Днес» от 31 октября 1942 г.). В 1939 г., согласно официальным данным, Общий союз сельскохозяйственных задруг насчитывал уже 3552 местных организаций, в которые входило 464 736 членов (см. «Статистически годишник на царство България», г. XXXIV, София, 1942, стр. 781).

²⁷ «Работническо дело», № 3, январь 1939 г.

²⁸ Там же.

Тяга к народному фронту все сильнее проявлялась и среди старых массовых организаций болгарских трудящихся — кооперативных, просветительных, женских, молодежных, спортивных, обществ трезвости и др. По инициативе коммунистов и ремсисов (членов Рабочего союза молодежи), проводивших в них большую работу, их члены все активнее боролись за разрешение в демократическом духе животрепещущих вопросов общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни страны. Предпринимавшиеся фашистскими элементами попытки проникнуть в эти организации наталкивались на решительный отпор демократически настроенных масс и полностью провалились. Вопреки драконовским мерам и репрессиям фашистской реакции демократические организации сохраняли прогрессивный характер и продолжали благородную деятельность, поддерживая в болгарском народе дух свободолюбия и ненависти к фашистской тирании. Одной из форм массовой антифашистской борьбы являлась посылка в различные правительственные и административные инстанции делегаций, организация всякого рода комиссий и комитетов, предъявлявших требования масс.

Для активизации борьбы и укрепления единства действий трудящихся масс Рабочая партия использовала празднование различного рода юбилейных дат, как, например, День памяти великого болгарского революционера-демократа и поэта Христо Ботева, День славянских просветителей Кирилла и Мефодия и в особенности День международной пролетарской солидарности 1 Мая, проводя их под лозунгами борьбы против фашизма и угрозы войны, за демократические права и свободы, за жизненные интересы трудового люда.

В результате проведения Рабочей партией тактики народного фронта было достигнуто сближение и активизация демократических сил страны и сорваны попытки реакции создать массовое фашистское движение.

Направляя основные усилия на создание народного антифашистского фронта в низах, коммунисты вместе с тем использовали все возможности для переговоров и соглашений с руководствами нефашистских партий — Земледельческого союза, социал-демократической, радикальной, демократической и других партий, — поскольку такие соглашения способствовали сближению и практическим совместным действиям против фашизма. Надо сказать, что после роспуска в 1934 г. всех политических партий организационно-политическая деятельность нефашистских мелкобуржуазных и буржуазных партий фактически прекратилась. У них не было местных организаций, их социальная база была незначительна. Фактически они были представлены группками отдельных лидеров и политиканов, пользовавшихся известным общественным весом, но не выходивших в своей деятельности за пределы дозволенного фашистскими властями. Такие лидеры старых мелкобуржуазных и буржуазных партий, как Гичев, Пастухов, Мушанов, Гиргинов, Буров, неоднократно входившие в предшествующий период в буржуазные правительства, еще в то время успели зарекомендовать себя как проводники антинародной политики. Теперь, находясь формально в оппозиции к открытой фашистской диктатуре, они пассивно относились к развитию событий, дожидаясь благоприятной конъюнктуры, когда их призвут к власти. Готовясь к такому случаю, группа лидеров буржуазной оппозиции еще весной 1936 г. провела несколько политических совещаний, результатом которых явилось образование оппозиционного «совета пяти», или, как его иначе называли, «пятерки». В «пятерку» вошли представители следующих организаций: крыла Земледельческого союза «Врабча 1», возглавлявшегося Димитром Гичевым; правого крыла социал-демократической партии во главе с Крыстю Пастуховым; национал-

либеральной партии, возглавлявшейся Бояном Смыловым; группы Радикальной партии во главе с профессором Г. П. Геновым и от «Демократического сговора» Ляпчева в «пятерку» входили Григор Василев и профессор Данаилов. Во главе всей этой группировки лидеров старых буржуазных партий и правых элементов мелкобуржуазных партий стал Димитр Гичев. Из нефашистских партий буржуазной оппозиции за пределами «пятерки» остались Демократическая партия во главе с Малиновым и Мущановым, крыло социал-демократической партии во главе с Димитром Нейковым, крыло Земледельческого союза «Пладне», крыло Радикальной партии во главе со Стояном Костурковым, а также оппозиционно настроенные офицеры и другие сторонники политического кружка «Звено». Если не считать буржуазной Демократической партии, это были политические группировки, отражавшие в основном интересы городской и сельской мелкой буржуазии, а также мелкобуржуазной интеллигенции.

Руководители буржуазной оппозиции и прежде всего лидеры «пятерки» всячески саботировали осуществление предложений коммунистов об установлении единства действий против фашизма или даже открыто отклоняли эти предложения. Помыслы и взоры большинства этих людей, боявшихся пуще огня широкого народного движения, были обращены ко дворцу, откуда они смиренно ожидали министерских портфелей, а их «опозиционная» деятельность ограничивалась верноподданническими челобитьями и просьбами о восстановлении Тырновской конституции и образовании конституционного правительства. Широкому народному антифашистскому фронту они противопоставляли узкое соглашение между верхушками нефашистских буржуазных и мелкобуржуазных партий вроде упомянутого «совета пяти». Своей пассивностью, половинчатостью, политикой, ведущей к расколу демократических сил и прямым саботажем антифашистских действий они мешали борьбе народных масс против реакции и фашизма.

Однако последовательная, терпеливая и умелая работа коммунистов среди беспартийных масс и рядовых сторонников этих партий, их самоотверженная борьба за жизненные интересы народа убеждали в правоте коммунистов даже те слои трудящихся, которые примыкали к другим партиям. Особенно успешно этот процесс происходил среди рядовых членов Земледельческого союза, массово присоединявшихся к платформе Народного фронта. Тяга к народному фронту все сильнее стала проявляться и в низах других антифашистских партий. Под давлением масс лидерам оппозиционных партий приходилось менять свое открыто враждебное отношение к идее Народного фронта и соглашаться в ряде случаев на совместные с коммунистами действия. Так, летом 1936 г. между Рабочей партией, «пятеркой», Демократической партией, левым крылом Земледельческого союза («Пладне») и радикалами Костуркова было достигнуто соглашение о создании конституционных комитетов, сборе подписей под петициями в пользу восстановления конституции и проведения свободных парламентских выборов, восстановления демократических прав и свобод. Была установлена связь Рабочей партии и с некоторыми деятелями политического кружка «Звено». Созданный сторонниками запрещенных демократических партий при самом активном участии коммунистов Конституционный блок особенно активизировался в период выборов общинных советников, состоявшихся в марте 1937 г.

Выборы эти проводились по принятому в том же году новому антидемократическому избирательному закону²⁹. Хотя болгарские комму-

²⁹ По этому закону для пассивного избирательного права, которым пользовались только мужчины, вводился образовательный ценз и, кроме того, возрастной ценз

нисты и другие партии Конституционного блока допустили тактическую ошибку, призвав избирателей голосовать бюллетенями с лозунгами «За восстановление Тырновской конституции!», вместо того, чтобы выдвинуть демократических кандидатов, все же результаты выборов оказались крайне неблагоприятными для правящей монархо-фашистской группировки³⁰.

Подводя итоги выборов общинных советников, ЦК БРП отмечал, что, несмотря на допущенные участниками народного фронта ошибки³¹ и недостаточную активность выступавших вместе с коммунистами демократических партий, выборы ясно продемонстрировали возросшую силу народного антифашистского единства. «Впервые, — говорилось в выпущенной партией листовке, — на выборах общинных советников антифашистские партии предварительно договорились и дружно участвовали в борьбе против фашистской реакции. А это факт огромного политического значения. Сторонники демократических сил на местах подали друг другу руки и в огне борьбы взаимно узнали, поняли друг друга и сблизились. Выборы общинных советников явились первым более значительным успехом создающегося народного фронта в нашей стране. Избирательная борьба подняла на более высокую ступень все шире развертывающееся народное движение против фашизма и за демократию. После выборов на местах чувствуется возросшая бодрость, смелость и готовность к борьбе против реакции. А это открывает возможности для усиления борьбы народа за восстановление отнятых у него демократических прав и свобод»³².

Благодаря деятельности конституционных комитетов, создававшихся по всей стране под руководством коммунистов и вызвавших подъем политической активности масс, правительство Кыосеиванова, правда, после длительной оттяжки и на основе архиреакционного избирательного закона³³, было вынуждено назначить выборы в Народное собрание.

повышался с 25 до 30 лет. Активным избирательным правом пользовались с 21 года мужчины и замужние женщины, имеющие детей. Кандидат в общинные советники обязан был выдвинуть свою кандидатуру лично, торжественно заявив при этом, что он не исповедует «антигосударственных идей», не является членом коммунистической партии или других запрещенных законом организаций, не будет отстаивать классовые, сословные и т. п. интересы.

³⁰ Несмотря на штрафы, тюремное заключение и другие кары, которыми угрожало правительство за голосование лозунгами, даже по официальным, сильно искаженным данным, число недействительных бюллетеней (в своем большинстве с лозунгом «За восстановление Тырновской конституции!») составило 325 978 против 1 381 010 действительных (ЦДИА, ф. 176, оп. 1п, а. е. 37, л. 5к). 1 246 021 избиратель вообще бойкотировал выборы, отказавшись голосовать, хотя для мужчин голосование было обязательным. Как сообщала нелегальная коммунистическая печать, в некоторых околиях, как, например, в Софийской, Фердинандской, Белослатинской и др., где народный фронт лучше развернул свою работу, более половины избирателей голосовало недействительными бюллетенями. Так, например, по сведениям газеты «Работнически вестник» от 1 мая 1937 г. в Сливене бюллетенями с лозунгами проголосовало 3800 избирателей, в Пловдиве — 11 200, в Софии — 39 000 против 16 000, поданных за правительственных кандидатов. В селах недействительные бюллетени составляли от 10 до 40%, а кое-где и больше (см. статью: Ст. Стоименов. Из борбите на Партията в изборите за общински съветници. — «Работническо дело» от 29 марта 1939 г.). Примерно такие же сведения приводились и в изданной Рабочей партией после выборов листовке (см. «Нелегални позиви на БКП», стр. 166—167).

³¹ С развернутой критикой этих ошибок ЦК БКП выступил в своем «Открытом письме ко всем членам партии» в январе 1938 г. (см. «Нелегални позиви на БКП», стр. 199—200).

³² «Нелегални позиви на БКП», стр. 168.

³³ Этот закон, опубликованный специальным указом 21 октября 1937 г. и включивший все реакционные положения упоминавшегося выше закона о выборах народных советников, дополнял их рядом новых ограничений, дававших правительству возможность еще больше усилить свой произвол. Выборы должны были проводиться по мажоритарной системе, причем, поскольку закон довольно расплывчато определял число

В период избирательной кампании болгарские коммунисты развернули энергичную борьбу за укрепление старых и создание новых конституционных комитетов, за недопущение в них сторонников фашиста Цанкова, который, видя свою все более растущую изолированность от масс, пытался путем демагогии и обмана примазаться к демократическому движению и использовать его в своих реакционных целях. Критикуя непоследовательность, а зачастую и нелойальное поведение руководителей буржуазно-демократических партий, коммунисты настойчиво добивались превращения движения конституционных комитетов во всенародное движение за восстановление демократических свобод, улучшение положения трудящихся масс, за мир и отстаивание независимости страны. В этот период была проделана значительная работа по широкой популяризации платформы Конституционного блока.

Выборы в Народное собрание XXIV созыва были проведены не одновременно по всей стране, а в различных областях в разные сроки, с 6 по 27 марта 1938 г.³⁴, в условиях неслыханного террора и произвола. Монархо-фашистское правительство принимало драконовские меры в первую очередь против коммунистов, являвшихся душой демократического движения. Еще задолго до выборов многие деятели, взятые на заметку фашистской полицией, как функционеры Рабочей партии, были арестованы и сосланы в самые захолустные районы Родоп и Делормана. Несколько позже правительство организовало большой концентрационный лагерь в Несебыре, куда было согнано более 800 коммунистов и земледельцев, высланных ранее в различные районы страны³⁵. В этот же период правительством был распущен ряд массовых демократических организаций, в деятельности которых оно усмотрело сильное коммунистическое влияние.

Несмотря на террор монархо-фашистского правительства, кандидаты Конституционного блока собрали около 1 млн. голосов. Лишь в результате мошеннических махинаций и фальсификации результатов выборов³⁶,

избирателей, входящих в одну избирательную коллегию (от 20 до 40 тыс.), правящая группировка получала возможность определять коллегии по своему произволу, уменьшая их размер там, где антифашистские силы были слабее, и увеличивая там, где они были более многочисленными. Число депутатов Народного собрания сокращалось с 274 до 160. Закон лишал граждан права политической агитации, обсуждения кандидатов. Избирательного права были лишены солдаты, матросы, государственные служащие, учащиеся. Полицейская процедура утверждения кандидатов давала еще больший простор для правительственного произвола. Предвыборную агитацию могли проводить только сами кандидаты, и то лишь за 10—15 дней до выборов. Этот реакционный избирательный закон вызвал бурю возмущения демократической общественности, что нашло отражение в многочисленных протестах, направлявшихся в адрес правительства.

³⁴ Выборы были проведены: в Шуменской и Старозагорской областях 6 марта, в Бургасской и Плевенской — 13 марта, в Пловдивской и Врачанской — 20 марта и в Софийской — 27 марта. Такие сроки проведения выборов давали правительству возможность сосредоточить свой административно-полицейский аппарат против избирателей сначала двух первых областей, затем двух последующих и т. д. и таким образом попытаться любой ценой сломить сопротивление демократических сил.

³⁵ См. воспоминания Бориса Богданова «Изборите в миналото» («Работническо дело», 5 апреля 1959 г.). Согласно данным Асена Бояджиева, выдвинувшего, по указанию Рабочей партии, свою кандидатуру на парламентских выборах, вследствие чего он был арестован и отправлен в Несебыр, там вместе с ним находилось свыше 2 тыс. коммунистов и земледельцев. Между прочим, Бояджиев сообщает, что во время пребывания в Несебыре высланные туда коммунисты и земледельцы сумели созвать конференцию представителей конституционных комитетов, которая приняла ряд решений по вопросам организации и усиления их борьбы («Работническо дело», 22 декабря 1957 г.).

³⁶ Так, например, в Горно-Ореховской околии были арестованы все «заступники» и уничтожены все бюллетени кандидата Конституционного блока Димитра Кушева.

незаконного лишения мандатов депутатов-коммунистов и части земледельцев³⁷, а также привлечения на сторону правительства некоторых политических хамелеонов, правящим кругам удалось довести число своих депутатов до 104³⁸, а число депутатов оппозиции свести к 56.

Прибегая к практиковавшимся ранее в буржуазной Болгарии приемам, правящая монархо-фашистская клика в своей антинародной борьбе стала не без успеха использовать сообщничество некоторых депутатов, принадлежавших к оппозиционным буржуазным и мелкобуржуазным партиям и изменивших мандату своих избирателей. Так, один из видных деятелей Демократической партии (из крыла Ляпчева) Стойчо Мошанов в награду за совершенный им переход в правительственный лагерь был избран председателем Народного собрания, а изменивший Земледельческому союзу Георгий Марков — его заместителем.

Работа вновь избранного Народного собрания проходила в той же обстановке фашистского произвола, которая существовала и во время выборов. В декабре 1938 г. группа оппозиционных депутатов различных направлений обратилась к царю Борису с письмом, в котором, обрисовав свирепствовавшие во время выборов террор и насилие, писала: «Но и в деятельности созданного в таких условиях парламента чинятся препятствия. Свобода слова ограничена и, самое главное, почти полностью уничтожена публичность прений... Речи ораторов подвергаются произвольной цензуре и народ лишен возможности следить за дебатами в Народном собрании...»³⁹.

На первой же своей сессии Народное собрание утвердило два антидемократических закона, направленных против демократической печати и свободы общественных организаций, а также одобрило 1761 декрет, изданный фашистскими правителями за предшествовавшие четыре года (с 19 мая 1934 г. по 31 мая 1938 г.). После принятия закона о надзоре над печатью еще более усилилась и без того жестокая цензура. Согласно закону о контроле над организациями и союзами министр внутренних дел получал право решать вопрос об утверждении уставов общественных организаций, заменять их «неблагонадежные» руководящие органы или вовсе распускать эти организации. По предложению специальной службы при политической дирекции полиции за антифашистскую деятельность были

Сам Кушев всю последнюю неделю перед выборами находился под арестом. В Тырновской околии кандидату блока Атанасу Москову удалось посетить только шесть сел своего района, причем за это время на него составили семь актов «об оскорблении его величества», «за большевистскую пропаганду» и за проповедь «классовой ненависти». В седьмом селе он был арестован и направлен в Тырново, где содержался под надзором, пока ему не удалось бежать за два дня до выборов. Министры полиции и просвещения, посетившие центр этого района, Павликени, пригрозили местным жителям, что в случае избрания Москова они будут лишены гимназии. Несмотря на это, Москов был избран. Во многих местах при распечатании урн бюллетени, поданные за кандидатов Конституционного блока, заменялись правительственными бюллетенями, составлялись неверные протоколы, бюллетени, поданные за кандидатов Конституционного блока, объявлялись недействительными. В наиболее отсталых районах с турецким населением жителей просто собирали на площадь, и там околийский начальник предлагал им голосовать за правительственного кандидата. В Свиштовской околии были вызваны представители свыше 2 тыс. турецких избирателей, которым было заявлено, что в случае если они все до единого не будут голосовать за правительственного кандидата Екимова, то они будут высланы из этого района (см. «Правда», 20 июня 1938 г.).³⁷ 9—15 июня 1938 г. были лишены мандатов все пять депутатов-коммунистов, а 9 декабря — шесть депутатов — членов Земледельческого союза из крыла «Пладне». (См. «Стенографски дневници на XXIV ОНС, I изв. сесия», София, 1938, стр. 195—350 и I ред. сесия, кн. I, София, 1939, стр. 295—366).

³⁸ См. «Сборник на XXV Обикновено Народно събрание», София, 1940, стр. XV.

³⁹ Окръжен държавен архив — Враца, ф. 89, оп. 2, а. е. 8, л. 42—43.

распущены многие местные профсоюзные и другие демократические организации. Избранные руководящие органы ряда других организаций заменялись назначенными сверху тройками и пятерками. По всей стране были исключены из массовых организаций тысячи антифашистов. Среди запрещенных организаций оказался и Союз обществ трезвенности. Причиной его роспуска, как заявил министр внутренних дел, являлось массовое вступление в него левых элементов⁴⁰.

В ноябре 1938 г., после выражения правительству недоверия (был отвергнут законопроект о предоставлении кредита в 8 млн. левов на приобретение ротационной печатной машины для правительственной газеты «Днес»), произошла очередная реорганизация кабинета Кыосеиванова. В измененном составе правительства, в котором Кыосеиванов сохранил посты премьера и министра иностранных дел, появился ряд новых фигур, многим из которых в дальнейшем суждено было играть значительную роль в политической жизни страны. Среди них были Филев (министр просвещения), Божилев (министр финансов), Багрянов (министр земледелия). Генерал Недев занял пост министра внутренних дел, а генерал Даскалов — военного министра.

Несмотря на то, что большинство депутатов оппозиции были избраны во имя программы Конституционного блока, в Народном собрании они не только не выполняли своих предвыборных обещаний, но и в ряде случаев (при голосовании чрезвычайных военных кредитов и др.) выступали вместе с правительственным большинством. Депутаты буржуазной оппозиции ограничивались робкой и непоследовательной критикой правительственного курса, направленной по существу на укрепление существовавшего режима. Тем не менее, как результаты выборов, так и деятельность Народного собрания ясно показали, что монархо-фашистскому правительству не удалось создать сколько-нибудь прочной социальной базы. Рабочая партия, лишенная представительства в Народном собрании, всеми мерами старалась усилить демократический фронт против фашизма, добиться сплочения всех народных сил страны в борьбе против угрозы империалистической агрессии. С этой целью она стремилась связать и координировать также деятельность избранной голосами сторонников Конституционного блока оппозиции в Народном собрании с борьбой масс и их организаций вне парламента. Однако лидеры буржуазных и мелкобуржуазных партий Конституционного блока, боявшиеся пуще огня народного демократического единства, всячески сопротивлялись этому и не только не боролись за укрепление создававшегося народного фронта, но и фактически добивались его распада.

Все же деятели буржуазной оппозиции не могли решиться на открытую сделку с монархо-фашистской кликой, ибо для них это было чревато полной изоляцией от народа. Вот почему, всячески пытаясь затормозить движение народного антифашистского фронта, народную борьбу против монархо-фашистской диктатуры, они вместе с тем были вынуждены в какой-то степени считаться с требованиями масс и развернувшегося под руководством коммунистов демократического движения. Это движение к кануну войны уже представляло значительную силу и оказывало влияние на всю общественно-политическую жизнь страны.

⁴⁰ Так, по словам министра, студенческое общество трезвенности, состоявшее до переворота 19 мая 1934 г. из 47 членов, в 1938 г. насчитывало уже 600 членов, а Молодежный союз трезвенности с его 10 тыс. членами целиком находился под влиянием коммунистов (Димо Казасов. Бурни години 1918—1944 гг. София, 1949, стр. 625—626).

Международное положение Болгарии и внешняя политика ее правящих кругов накануне войны

Империалистические противоречия, вызванные углублением общего кризиса капитализма, достигли в годы, предшествовавшие второй мировой войне, исключительной остроты. Изменения в соотношении сил между империалистическими державами в результате неравномерности их экономического и политического развития на базе современного монополистического капитализма вновь поставили в порядок дня вопрос о насильственном переделе сфер влияния, рынков сбыта и колониальных владений.

В противоположность раздираемому противоречиями империалистическому миру страна победившего социализма — Советский Союз, — занятая выполнением своих величественных планов мирного строительства, твердо и последовательно проводила политику мира и дружбы со всеми народами. Эта политика Советского Союза, вокруг которого объединялись все поборники мира и который уже самим фактом своего существования вдохновлял освободительное движение всех народов, мешала осуществлению замыслов империалистов. Подготавливая агрессию против СССР, они надеялись путем его уничтожения добиться не только разрешения своих империалистических противоречий, но и облегчить себе расправу с растущим демократическим и народно-освободительным движением в других странах.

Политика развязывания войны против Советского Союза, проводившаяся господствующими классами всех империалистических держав, не устраняла и не могла устранить их взаимного соперничества. Переплетение этих двух тенденций было характерно для внешней политики указанных держав накануне второй мировой войны.

Суть внешней политики США, Англии и Франции в те годы заключалась в противодействии предложенной Советским Союзом политике коллективной безопасности, в уступках блоку фашистских держав, в первую очередь Германии, и подталкивании гитлеровских агрессоров против СССР. Эта политика попустительства фашистской агрессии получила название политики «невмешательства». «В политике невмешательства, — говорил И. В. Сталин, — сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия»⁴¹.

В Европе политика «невмешательства» и «умиротворения» была рассчитана на то, чтобы направить гитлеровскую агрессию сначала в страны Дунайского бассейна, Восточной Европы и Балканского полуострова, а затем — против Советского Союза. Наиболее ярко она проявилась в позорном Мюнхенском соглашении 1938 г., в результате которого фашистская Германия по частям захватила Чехословакию.

Проводившаяся западными империалистическими державами общая линия попустительства фашистской агрессии не могла не сказаться и на их балканской политике. Как показали события последних предвоенных

⁴¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11, стр. 570—571.

лет, западные державы, стремясь к соглашению с гитлеровской Германией за счет Советского Союза, сознательно шли ей на уступки и не оказывали эффективного сопротивления германской экспансии в балканских странах, несмотря на то, что она лишала их здесь важных экономических и политических позиций⁴².

Поощряя этим фашистскую Германию к осуществлению ее антисоветских целей, Англия и Франция сами намеревались использовать Балканы и Ближний Восток в качестве плацдарма для войны против СССР и приступили к практической военно-организационной подготовке этой агрессии⁴³.

Фашистская Германия, естественно, широко использовала благоприятную для нее политику уступок западных держав с тем, чтобы форсировать свое проникновение на Балканы. Ей удалось добиться постепенного отказа Югославии от ее прежней внешнеполитической ориентации на Францию и проведения правительствами Стоядиновича и Цветковича прогерманского курса. Гитлеровцам удалось также подчинить себе в хозяйственном отношении Румынию, навязав ей в марте 1939 г. кабальное

⁴² Об этом свидетельствуют и многочисленные документальные материалы, опубликованные после второй мировой войны. Так, в беседе с германским послом в Лондоне Дирксеном 9 августа 1939 г. английский министр иностранных дел лорд Галифакс, выражая точку зрения британского правительства, признавал за Германией роль «господствующей державы на континенте с преимущественными правами на юго-востоке Европы, в особенности торгово-политического характера; Англия будет заниматься там торговлей только в скромных масштабах» (см. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II. Архив Дирксена (1938—1939 гг.), М., 1948, стр. 146).

Содержание этого документа полностью подтверждается также докладом представителя английского правительства Хадсона о его беседе с германским уполномоченным Вольфатом от 20 июля того же года. «Я заявил, — пишет Хадсон, — что мы рассматриваем эту область (Юго-Восточную Европу) как попадающую в естественную экономическую сферу Германии и что мы не возражаем против ее экспансии на этом рынке при условии, что за нами сохранится там соответствующая доля» (см. «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series», v. VI, London, 1953, Doc. № 370, p. 407). Далее Хадсон заявил, что все же существуют более широкие и даже неограниченные возможности для совместной экономической экспансии Англии, Германии и Соединенных Штатов, назвав в качестве объектов этой экспансии в первую очередь территории России и Китая. При этом он указал, что во время его беседы со своими «американскими друзьями», состоявшейся в мае того же года, последние полностью поддержали позицию Англии в этом вопросе (там же, p. 407—410). См. также статью В. Тройе «Третья империя и западные державы на Балканах» в западногерманском журнале «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte» (1953, № 1), где на основании документального материала рассмотрены ход экономической экспансии фашистской Германии в балканские страны за период с 1933 по 1939 г. и позиция Англии и Франции в этом вопросе.

⁴³ Опубликованная уже обширная документация доказывает это совершенно определенно. По данному вопросу имеется и ряд научных исследований. См., например, статью Р. Юрьева «Подготовка Англии и Франции к нападению на Советский Союз с юга в 1939—1940 годах», в которой автор, основываясь на документах архива французского штаба Верховного командования, приходит к следующему выводу: «План нападения на СССР с юга, как часть общего плана войны против СССР в том или ином составе европейских государств, с использованием Турции и французских и английских позиций на Ближнем Востоке, возник у англо-французов еще за несколько месяцев до войны 1939 года с Германией, причем непосредственно с этим планом было связано и назначение Вейгана на Ближний Восток» («Вопросы истории», 1949, № 2, стр. 107). См. также статью И. Н. Чемпалова «Политика англо-французского блока на Балканах накануне и в начале второй мировой войны (октябрь 1938—июнь 1940 г.)» — «Ученые записки Уральского государственного университета им. А. М. Горького», в. 16, Свердловск, 1957, стр. 100—137), в которой автор использует публикации немецких и французских документов, свидетельствующих о подготовке нападения англо-французских вооруженных сил на СССР с юга, в первую очередь через Балканы, и о попытках правящих кругов Англии, Франции и США добиться соглашения с фашистской Италией и гитлеровской Германией относительно их участия в агрессии против СССР.

экономическое соглашение^{43а}. Усилилось экономическое и политическое проникновение Германии и в другие балканские страны, прежде всего в Болгарию. Пакт о «вечной дружбе», подписанный в 1937 г. между Болгарией и Югославией под нажимом гитлеровцев, являлся не чем иным, как попыткой фашистской Германии еще крепче привязать к себе Югославию при помощи Болгарии. Он должен был ослабить Малую и Балканскую Антанту — систему договоров, которую Франция в течение ряда лет создавала в Центральной и Юго-Восточной Европе, — а также ускорить превращение обеих стран в трамплин для агрессии против Советского Союза. Наконец, укрепляя позиции германского империализма на Балканах, этот пакт одновременно создавал основу для новой группировки государств на Балканах и в Дунайском бассейне. ЦК БКП уже в начале 1938 г. подчеркивал, что заключенный при содействии Гитлера двухсторонний пакт о «вечной дружбе» с Югославией стремятся превратить в орудие войны и реакции⁴⁴.

Все ту же цель поощрения подготовки к войне против СССР преследовало и Салоникское соглашение между Болгарией и странами Балканской Антанты от 31 июля 1938 г., узаконившее отмену всех военных ограничений, наложенных на Болгарию Нейским договором 1919 г.⁴⁵ Заключению соглашения активно содействовали Англия и Франция, оказавшие соответствующий натиск на своих балканских союзников. Правда, при этом Англия и Франция преследовали и другие цели. Одним из мотивов, которым они руководствовались, добиваясь заключения Салоникского соглашения, было их стремление примирить Болгарию со странами Балканской Антанты, а в дальнейшем — привлечь ее в той или иной форме к этой группировке балканских государств. Хотя территориальные претензии Болгарии к последним остались неразрешенными, Салоникское соглашение обязывало обе стороны воздерживаться от применения силы в качестве средства разрешения возникавших претензий.

Касаясь балканской политики империалистических держав накануне войны, нельзя сбрасывать со счетов и второго участника фашистской оси — Италию, с которой гитлеровская Германия 22 мая 1939 г. оформила военный союз. Будучи значительно слабее своих германских партнеров, итальянские империалисты, тем не менее, имели далеко идущие экспансионистские планы в бассейне Средиземного моря, Африке и на Балканском полуострове. Заключив в марте 1937 г. «договор о дружбе» с Югославией, Италия усилила свое влияние в этой стране и содействовала ослаблению французской системы союзов на Балканах и в Центральной Европе. Пользуясь попустительством западных держав, итальянский империализм захватил в апреле 1939 г. Албанию с целью овладения ценными источниками стратегического сырья и подготовки своей дальнейшей экспансии на Балканах. Усиливалось экономическое проникновение Италии и в Болгарию, во внешней торговле которой она занимала второе место после Германии. В июне 1939 г. было подписано итало-болгарское культурное соглашение, игравшее определенную роль в усилении влияния в Болгарии итальянского фашизма. В этих же целях ловко использовались родственные связи царствующих династий обеих стран.

^{43а} О сущности и результатах осуществления этого соглашения см. статью: А. А. Шевяков. Борьба Компартии Румынии против политики фашизации страны (1939—1941 гг.) — «Вопросы истории», 1959, № 8, стр. 62—63.

⁴⁴ «Недегални позиви на БКП», стр. 194.

⁴⁵ В этом отношении Салоникское соглашение фактически только оформляло существующее положение вещей, ибо еще до его подписания Болгария приступила к форсированному вооружению.

Следует отметить, что на определенном этапе политика уступок германскому и итальянскому империализму оказывалась в серьезном противоречии с собственными империалистическими интересами западных держав. Действия фашистской Германии на Балканах, как и повсюду, показывали, что она отнюдь не собирается придерживаться плана, исходящего из Лондона и Парижа. Правящим кругам Англии и Франции с каждым днем становилось все яснее, что фашистская Германия преследует свои собственные цели установления экономического и политического господства над Европой, а затем — и над всем миром. При этом не было никакой гарантии в том, что германский империализм не предпочтет начать борьбу за это господство, обрушившись сначала на своих западноевропейских соперников, отложив временно поход против СССР⁴⁶.

«Теперь становится все более ясным для всех, — писал весной 1939 г. Георгий Димитров, — что острие фашистской агрессии сейчас направляется прежде всего против западноевропейских государств. Надежды реакционной английской и французской буржуазии толкнуть фашистских хищников против Советского Союза пока не оправдались. Не оправдались не потому, что фашизм от подобных планов вообще отказывается, но потому, что советский орех слишком крепок для фашистских зубов. Фашизм боится на этом не только потерять свои зубы, но и сломать шею, и поэтому предпочитает направлять свою агрессию по линии наименьшего сопротивления».

Банкротство мюнхенской политики «умиротворения» настолько наглядно и бесспорно, что никто, в том числе и ее творцы, не решается теперь это оспаривать⁴⁷.

По мере того, как возрастала опасность войны между Германией и англо-французским блоком, все более усиливались стремления последнего укрепить свои позиции вообще и, в частности, на Балканах. Англия и Франция вовсе не собирались допустить без сопротивления полного господства Германии на Балканском полуострове и захвата ею здесь плацдармов, могущих угрожать их позициям в бассейне Средиземного моря и на Ближнем Востоке. Накануне войны англо-французская дипломатия заметно усилила свою активность в балканских странах. Особенно оживленную деятельность она развернула в Турции, Греции и Румынии. 13 апреля 1939 г. Англия и Франция демонстративно объявили о предоставлении ими гарантий Румынии и Греции, заявив, что в случае агрессии против этих стран они окажут им военную помощь. 12 мая Англия, а 23 июня и Франция заключили двусторонние соглашения о взаимной помощи с Турцией.

Эти соглашения имели не столько антигерманскую, сколько антисоветскую направленность⁴⁸. Они были подчинены основной внешнеполитиче-

⁴⁶ Уже в январе 1939 г. английское правительство информировало президента США о том, что оно располагало сведениями, что Гитлер рассматривает вопрос о нападении на западные державы в качестве предварительного условия для последующих операций на Востоке. Французское правительство также получило сведения об этих намерениях Германии. 1 февраля оно уведомило англичан, что нападение Германии, намечавшееся ранее на Восточную Европу, может оказаться направленным против Запада (см. В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1958, стр. 296).

⁴⁷ Г. Димитров. Съчинения, т. 11, стр. 10—11.

⁴⁸ Цели, которые преследовал англо-французский блок, предоставляя гарантии и добиваясь соглашений с указанными тремя балканскими странами, довольно правильно определила венгерская газета «Фюгентленшейт», писавшая в номере от 12 ноября 1939 г.: «Лондон и Париж хотели организовать на Балканах: во-первых, военные базы для своего флота и авиации; во-вторых, базы снабжения для своего флота на случай возможных действий на Востоке и, в-третьих, политические базы для противодействия Германии». Далее газета указывала, что румыно-турецко-греческому треугольнику на

ской идее реакционных политиков западных держав на данном этапе, а именно — путем укрепления позиций Англии и Франции создать более выгодные условия для соглашения с Германией в целях достижения с ней военно-политического союза, направленного против СССР. Это было именно то, что германский дипломат Дирксен назвал «принципом двухсторонней политики Англии или политики двойного действия» («Zwillingspolitik») ⁴⁹. «Англия, — писал Дирксен, — хочет посредством вооружений и приобретения союзников усилиться и поравняться с осью, но в то же время она хочет попытаться путем переговоров прийти к полюбовному соглашению с Германией...» ⁵⁰.

В развернувшейся накануне войны дипломатической борьбе на Балканах западные державы и особенно Англия пытались усилить свое влияние и в Болгарии или, по крайней мере, в какой-то степени парализовать прогерманские тенденции ее правящих кругов. Они, в частности, добивались привлечения ее к якобы нейтральной Балканской Антанте или создания с ее участием нового балканского блока, в котором преобладало бы их влияние. С этой целью был предпринят нажим на Болгарию по дипломатической, экономической, политической и культурной линиям, причем в игру был втянут также ряд государственных деятелей и дипломатических агентов стран Балканской Антанты. Особенно усилились эти попытки после сессии постоянного совета Балканской Антанты, состоявшейся в Бухаресте в феврале 1939 г. Участники сессии выразили удовлетворение заключением Салоникского соглашения, которое, по их мнению, показывало, что «делается все для установления более тесного сотрудничества на основе полного взаимопонимания и *абсолютного уважения существующих границ*» ⁵¹.

Это было как раз то, на что никак не могла согласиться находившаяся у власти в Болгарии группировка.

Точка зрения болгарского правительства была довольно откровенно выражена в секретной директиве № 19 о «позиции Болгарии при создавшейся международной обстановке», которую 19 апреля 1939 г. премьер-министр Кыосеиванов направил всем болгарским посольствам за границей для личного сведения и ориентации послов. В этой директиве говорилось:

«1. Болгария не может вступить в Балканскую Антанту, ибо она гарантирует границы, а Болгария не может согласиться со своими нынешними границами.

2. Вступление Болгарии в новое Балканское соглашение возможно лишь после проведения территориальных изменений, в результате которых мы должны получить Южную Добруджу, границу Фракии 1913 года и, эвентуально, районы Цариграда и Босилеграда в соответствии с границами старой довоенной территории Болгарии.

3. При нашем возможном присоединении к Балканскому пакту Болгария — единственное государство, у которого нет внешних границ по периферии балканских государств — не может взять на себя обязательство оборонять внешние границы нового Балканского соглашения.

4. При ныне создавшемся положении, когда Югославия может непосредственно оказаться под угрозой, а эвентуально под угрозой окажутся

Балканах противостоят Белград и София, обратившие свои взоры на Берлин и Рим, о чем свидетельствовали состоявшиеся в мае 1939 г. поездки югославского принца-регента Павла и болгарского премьера Кыосеиванова в Берлин (цит. по фондам ЦДИА, ф. 370, оп. 2, а. е. 3320, л. 22).

⁴⁹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II. Архив Дирксена (1938—1939 гг.), стр. 205.

⁵⁰ Там же, стр. 206.

⁵¹ См. Димо Казасов. Указ. соч., стр. 634.

также Греция и Румыния, Балканская Антанта не может проводить единой политики. В связи с создавшимися обстоятельствами одним из балканских государств придется пойти с державами оси, а остальным — с другой группировкой или, по меньшей мере, им придется сохранять строгий нейтралитет. Болгария проводит и будет проводить до тех пор, пока это окажется возможным, самостоятельную политику, ни с кем не связывая себя.

5. Наши экономические связи с Германией, которая поглощает более 75% нашего экспорта, делают для нас невозможным, независимо от политических соображений, присоединение к демократическим государствам против тоталитарных государств.

6. Предпринятые нами попытки получить оружие в кредит окончились неудачей, и мы вынуждены приобретать оружие почти исключительно в Германии.

При этом положении Болгария подвергается опасности, что с германской стороны ей будут поставлены политические условия. В конечном итоге Болгария придерживается выжидательной политики»⁵².

Этот документ как нельзя яснее говорил о том, что болгарские правящие круги в основном уже определили свое место на стороне гитлеровской Германии, захватнические планы которой шли в унисон с их собственными реваншистскими устремлениями. Слова о нейтралитете и «самостоятельной политике» Болгарии уже не могли скрыть этот очевидный факт, а что касается опасности предъявления Болгарии со стороны фашистской Германии «политических условий», о чем глухо упоминалось в приведенной выше директиве, то таковые уже ставились, и с каждым днем все более настойчиво.

В апреле же 1939 г. имел место характерный эпизод, продемонстрировавший прогитлеровские симпатии болгарских правителей. Правящие круги США, заботясь не столько о поддержании мира, сколько о создании и сохранении единого фронта империалистических государств против СССР, а также испытывая опасения за свои собственные интересы, предприняли слабую попытку сдержать все более усиливающийся натиск фашистских держав. 15 апреля президент Рузвельт обратился по телеграфу к Гитлеру и Муссолини с призывом дать обещание воздержаться в течение 10 лет от нападения на перечисляемые им 30 малых государств, среди которых фигурировала и Болгария. При этом Рузвельт выражал готовность выступить посредником для созыва конференции держав, заинтересованных в мирном сотрудничестве⁵³. Вслед за тем дипломатические агенты США в перечисленных 30 странах запросили соответствующие правительства, как они относятся к посланию американского президента. Ответ болгарского правительства на запрос поверенного в делах США в Софии был как нельзя более показательным. «Болгария рассматривает послание как гуманное дело, — заявил от имени премьер-министра политический директор министерства иностранных дел, — и она примет его с удовлетворением, если оно не исключает возможность изменения границ мирными средствами... В случае, если послание преследует цель кристаллизировать статус-кво, отношение Болгарии к нему не может быть положительным»⁵⁴.

Но дело этим не ограничилось. Отвергнув предложение Рузвельта (это было сделано в двух резких речах Гитлера и Муссолини, в которых

⁵² ЦДИА, ф. 176, оп. 1, п., а. е. 2, л. 19.

⁵³ Подробнее по этому вопросу см. «История дипломатии», т. III, М.—Л., 1945, стр. 664—667.

⁵⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п., а. е. 2, л. 21. Директива № 21 от 28 апреля 1939 г.

они заявили, что не допустят вмешательства США в их дела), фашистские державы и, в частности, гитлеровская Германия, предприняли ответные маневры, рассчитанные на то, чтобы нейтрализовать воздействие его послания на малые страны. Гитлеровское правительство через дипломатические каналы обратилось к правительствам государств, перечисленных в послании Рузвельта, с запросом о том, не считают ли они, что Германия угрожает их странам и не возлагали ли они на США заботу об обеспечении их безопасности.

Правительства малых стран по-разному реагировали на эту диверсию гитлеровцев. Среди них нашлись и такие, которые дали на первый из поставленных вопросов довольно уклончивые ответы. Так, например, румынское правительство ответило, что Румыния не имеет с Германией общей границы. Поэтому ей затруднительно решить, угрожает ли ей Германия. По мнению румынского правительства, лучше всего могла бы ответить на этот вопрос сама Германия⁵⁵. Болгарские же правители поспешили лишний раз продемонстрировать свое пресмыкательство перед Берлином. Явившийся с соответствующим запросом к премьер-министру Болгарии германский поверенный в делах в Софии незамедлительно получил нужный ему отрицательный ответ на оба вопроса⁵⁶.

Нажим со стороны гитлеровской Германии, уже довольно глубоко проникшей в экономику Болгарии и все более решительно использовавшей свое политическое влияние среди правящих монархо-фашистских кругов, производился систематически и неуклонно. Этой цели были подчинены поездки в Болгарию всякого рода официальных и неофициальных гитлеровских эмиссаров, начиная с таких высокопоставленных лиц как Геринг, фон Нейрат и Функ и кончая многочисленными «туристами», представителями экономических, культурных и прочих германских институтов и организаций. Соответствующей «обработке» подвергались и посещавшие Германию болгарские государственные деятели, начиная с самого царя Бориса.

Для иллюстрации применявшихся гитлеровцами методов воздействия на болгарских «гостей» приведем следующие характерные примеры. При посещении Берлина в июле 1939 г. премьер-министр Кыосеиванов был самым торжественным образом встречен Гитлером и награжден высшим германским орденом. Вся немецкая печать при этом расточала бурный поток славословий в адрес Болгарии — «верного ее союзника» по первой мировой войне. Вскоре после этого, в августе 1939 г., в Берлин под предлогом участия в работе VI международного конгресса археологов прибыл министр просвещения в кабинете Кыосеиванова профессор-археолог Богдан Филов. Берлинские хозяева встретили его с особым почетом, присвоив ему титул доктора honoris causa Берлинского университета. При этом Филову настойчиво внушали (хотя в этом не было никакой необходимости, ибо он был ярым сторонником гитлеровской Германии), что «у болгар нет другого выхода, кроме как идти вместе с Германией». «Фюрер очень привязан к своим друзьям, — говорили его собеседники, — однако это не должно быть „Gesellschaft mit beschränkter Haftung“ (обществом с ограниченной ответственностью)...»⁵⁷.

Правящие круги Болгарии, фактически уже определившие свое место в лагере фашистской Германии и подготавливавшие непосредственное

⁵⁵ «История дипломатии», т. III, стр. 666.

⁵⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 2, л. 20. Директива № 20 от 28 апреля 1939 г.

⁵⁷ См. Дневник Богдана Филова за 21 и 22 августа 1939 г. (Архив на Министерството на вътрешните работи на Народна република България. Делото на I състав на Народния съд — 1944 г., т. XXVI).

вовлечение страны в агрессивный блок фашистских держав, с целью обмана масс лицемерно прикрывали эту свою политику ширмой нейтралитета и миролюбия. Выступая 28 января 1939 г. на заседании Народного собрания, премьер-министр Кюсеиванов заявил: «Правительство будет твердо придерживаться самостоятельной, не связанной с какой-либо великой державой, политики, чтобы не создавать себе врагов в лице других государств, что даст нашей стране возможность, при ее географическом и международном положении, быть единственным хозяином своей судьбы»⁵⁸.

Такая маскировка своей подлинной политики была нужна болгарской монархо-фашистской клике по целому ряду соображений внутреннего и внешнеполитического характера. Между прочим, создавая иллюзию мнимого балансирования между англо-французским империалистическим блоком и фашистской Германией, эта маскировка давала болгарскому правительству возможность до известной степени маневрировать и извлекать определенные выгоды в переговорах с западными державами. Так, осенью 1938 г. болгарское правительство вело с английским правительством переговоры о предоставлении Болгарии займа в размере 9 млн. ф. ст. для закупки оружия. Такие же переговоры оно вело одновременно и с Германией⁵⁹. Примерно тогда же болгарское правительство получило заем в размере 375 млн. франков от французских финансовых кругов⁶⁰. Это дало повод Герингу во время беседы с царем Борисом в сентябре 1938 г. упрекнуть его в том, что болгары «мелочно хитрят» с военными заказами и хотят «сидеть сразу на трех стульях». Разумеется, болгарский монарх тут же поспешил заверить Геринга, что «в случае катастрофических событий и конфликтов» Болгария не пойдет с англичанами и французами, а останется «нейтральной»⁶¹.

О том, насколько робким и относительным было лавирование болгарских правящих кругов, свидетельствует эпизод с европейским турне председателя Народного собрания Стойчо Мошанова в июле 1939 г.

Мошанов, так же как и значительная часть депутатов буржуазной и мелкобуржуазной оппозиции в Народном собрании, придерживался англо-французской внешнеполитической ориентации. Полностью солидаризируясь с антисоветской политикой, проводившейся правительственным большинством, представители этой группы болгарской буржуазии, издавна связанные с западноевропейским капиталом, считали рискованным проведение прогерманского курса и находили более выгодным присоединение Болгарии к англо-французскому блоку. Визит в западные столицы такого видного парламентария, как Мошанов, с внешней стороны выглядел как важная политическая миссия, результаты которой могли бы повлиять на эволюцию внешнеполитического курса Болгарии. Провожать его на вокзал пришел ряд официальных лиц: министр юстиции Йотов, заместители председателя Народного собрания Марков и Пешев, много депутатов и др.⁶² В столицах Англии и Франции Мошанову был оказан торжественный прием. Он был удостоен личной аудиенции у английского короля, был принят председателями французского и английского парламентов и другими английскими и французскими официальными лицами.

⁵⁸ Стенографски дневници на XXIV ОНС, I р. с., кн. II, София, 1940, стр. 1336.

⁵⁹ «Правда», 1 ноября 1938 г.

⁶⁰ «Правда», 6 августа 1938 г.

⁶¹ См. шифрованную телеграмму царя Бориса из Берлина во дворец в Софию Груеву от 24 сентября 1938 г. (Архив на МВР, Дело на I състав на Народния съд. 1944, т. XXV, л. 248).

⁶² «Днес», 10.VII 1939.

Шум, поднятый вокруг поездки Мошанова, и значение, приписывавшееся его миссии англо-французской стороной, не могли не вызвать недовольства в Берлине. Вот почему софийские правители поспешили свести на-нет эффект от этой поездки и одернуть по их мнению слишком зарвавшегося Мошанова. В опубликованном 28 июля в Софии официальном сообщении болгарской Дирекции печати говорилось: «Некоторые иностранные газеты приписывают заграничной поездке председателя Народного собрания г-на Мошанова политическое значение и делают ошибочные предположения и заключения.

Мы уполномочены в связи с этим подчеркнуть, что г-ну Мошанову... не поручалось вести каких-либо переговоров о займе или решать экономические вопросы, а также давать разъяснения по вопросам внешней политики Болгарии. Следовательно, во время бесед, которые имел г-н Мошанов, он мог изложить лишь свое личное мнение, которое не связывает правительство»⁶³.

В исключительно напряженной международной обстановке кануна второй мировой войны, когда каждая из двух империалистических группировок всеми мерами стремилась привлечь Болгарию на свою сторону и вовлечь ее в готовившийся мировой вооруженный конфликт, единственно спасительной для болгарского народа внешней политикой являлась политика мира и нейтралитета, опирающаяся на дружбу с Советским Союзом — мощной опорой для сохранения мира на Балканах и независимости балканских народов. Это понимали не только широкие слои трудящихся масс, но и многие представители буржуазных кругов. Даже такой реакционный орган, как английский консервативный журнал «Great Britain and the East» в номере от 17 августа 1939 г. был вынужден признать: «...Известно, что политика, направленная на дружбу с Советами, встретит сердечную поддержку подавляющего большинства болгарского народа. Полагают, что 75 % болгарского населения проголосовало бы за Советы, если бы надо было выбирать между ними и державами оси»⁶⁴.

Однако болгарские правящие круги на протяжении ряда лет продолжали проводить враждебный Советскому Союзу внешнеполитический курс и отказывались от нормализации отношений с великой социалистической державой. Это вызывало недовольство не только болгарских трудящихся, все более решительно требовавших восстановления болгаро-советских дипломатических и экономических отношений, но и части болгарской буржуазии, заинтересованной в развитии и расширении экономических связей с Советским Союзом.

Дипломатические отношения между Болгарией и СССР были восстановлены, как известно, лишь осенью 1934 г. правительством Кимона Георгиева⁶⁵. Это открыло широкие возможности для улучшения внешнеполитического и экономического положения Болгарии. Последняя к этому времени оказалась политически изолированной, особенно после образования в феврале 1934 г. Балканской Антанты, направленной против нее. К тому же Болгария жестоко страдала от последствий экономического

⁶³ «Днес», 28.VII 1939.

⁶⁴ «Great Britain and the East», № 1473, v. LIII, August 17, 1939, p. 168.

⁶⁵ Установленные в результате подписания Брест-Литовского мирного договора от 3 марта 1918 г. болгаро-советские дипломатические и экономические отношения были порваны правящими кругами Болгарии по требованию держав Антанты в связи с заключением Нейского мирного договора (27 ноября 1919 г.). В текст последнего был включен специальный § 171, в силу которого, в частности, аннулировалась всякая формальная связь между Болгарией и Советской Россией (см. Д-р Б. Д. Кесяков. Принос към дипломатическата история на България, т. III. Ньойски договор. София, 1926, стр. 30—31).

кризиса. Несмотря на это, все попытки Советского правительства добиться сближения и сотрудничества между обеими странами в политической, экономической и культурной областях встречались правительством Болгарии враждебно.

Только непосредственно перед второй мировой войной болгарское правительство вынуждено было несколько изменить свою позицию и выступить с официальными заверениями о лояльном и даже якобы дружественном отношении Болгарии к СССР. Причиной этого являлись, наряду со все более усиливавшимся давлением общественного мнения, обострение международной обстановки и угроза новой мировой войны, тяжелое положение, в котором оказалось болгарское народное хозяйство в результате однобокой ориентации на гитлеровскую Германию, опасность лишиться необходимых для страны сырья и промышленных товаров, а также стремление использовать авторитет Советского Союза в разрешении некоторых важных для Болгарии внешнеполитических проблем.

Этот поворот в отношении болгарских правящих кругов к Советскому Союзу наметился более определенно после того, как в апреле 1939 г. Англия и Франция предоставили свои гарантии Румынии и Греции и еще более возросла напряженность обстановки на Балканах. В это время заметно меняется тон болгарской правительственной печати, ранее систематически выступавшей со всякого рода клеветническими антисоветскими измышлениями. Было дано разрешение на продажу советской художественной литературы и газеты «Известия», которая только в Софии распространялась в количестве 10 тыс. экземпляров⁶⁶. Были допущены к демонстрированию в стране некоторые советские фильмы, которые привлекали огромные массы зрителей, бурно выражавших свои симпатии к Советскому Союзу⁶⁷.

В этот период активизировали свою деятельность общества болгаро-советской дружбы. Организовывавшиеся ими лекции, посвященные классикам русской литературы, выставки, посвященные советской книге, успехам советского сельского хозяйства и промышленности и т. п., способствовали укреплению дружбы между советским и болгарским народами. В начале августа 1939 г. СССР посетила группа в составе 21 болгарского депутата во главе с заместителем председателя Народного собрания Георгием Марковым и председателем бюджетной комиссии Петром Кьосеивановым (братом премьер-министра), которая осмотрела Всесоюзную сельскохозяйственную выставку и совершила поездку по стране⁶⁸. Усилились стремления болгарских хозяйственных кругов к развертыванию торговли с Советским Союзом.

Вынужденное в силу сложившихся обстоятельств идти на временное смягчение отношений с СССР, правительство Кьосеиванова делало это исподволь, с большой неохотой и проявляло сильное беспокойство по поводу массового выражения болгарским народом дружественных чувств к СССР.

Хотя официально болгарские власти разрешили свободное распространение в стране советской газеты «Известия», фактически они рассматри-

⁶⁶ См. В. Коларов. Избранные произведения, т. III. София, 1955, стр. 151.

⁶⁷ «При демонстрации советских фильмов, — отмечало отделение «А» Дирекции полиции в январе 1939 г. — кинозалы посещаются массово не только городским населением, но и лицами, которые специально для этого приезжают из деревни» (ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 684, л. 32).

⁶⁸ Вспоминая об этом в 1940 г., Петр Кьосеиванов должен был подчеркнуть «большое внимание и сердечность», с которыми они были приняты в Советском Союзе (см. «Стенографски дневници на XXV ОНС», II р. с., 26.XI 1940, стр. 321—322).

вали чтение этой газеты как антигосударственное преступление и подвергали ее читателей полицейским преследованиям. Большое беспокойство проявляла полиция и в связи с демонстрацией советских фильмов. «Когда где-нибудь демонстрируется советский фильм, — сообщала с тревогой Дирекция полиции, — кино массово посещается коммунистами, социалистами и земледельцами и по ходу фильма раздаются бурные аплодисменты»⁶⁹. С целью пресечения проявлений симпатии к советскому народу принимались draconические полицейские меры. Характерным в этом отношении является следующий тайный циркуляр заместителя начальника полицейского управления Плевенской области, разосланный 31 октября 1939 г. всем околийским полицейским начальникам области: «Ввиду того, что в последнее время демонстрируются советские фильмы, в результате чего проводится коммунистическая пропаганда и тем самым среди зрителей культивируется ненависть к ныне существующему государственному строю, примите меры к строжайшему соблюдению следующих распоряжений:

Во время демонстрации советских фильмов безусловно запрещаются громогласные аплодисменты со стороны публики при появлении на экране каких бы то ни было кадров.

При констатации таких проявлений в первый раз демонстрирование фильма немедленно прекращается; при вторичном нарушении кинотеатр закрывается сроком на две недели; при нарушении в третий раз он закрывается навсегда»⁷⁰.

Советское правительство делало все от него зависящее, чтобы помочь болгарскому народу сохранить свой нейтралитет и независимость, оградить его от домогательств иностранных империалистов, стремившихся вовлечь Болгарию в назревавший вооруженный конфликт. В апреле 1939 г. проездом в Турцию и на обратном пути в Софии останавливался первый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин, который встретился с царем Борисом и Кьосеивановым. Во время бесед с ними были затронуты интересующие обе стороны вопросы и выражено стремление Советского правительства дружески помочь Болгарии отстоять свои национальные интересы и независимость.

Однако фашистское правительство Болгарии, все более ориентировавшееся на фашистскую Германию, продолжало проводить политику предательства национальных интересов и вовлечения страны в водоворот международных конфликтов и потрясений.

В противовес этому трудящиеся массы Болгарии все решительнее требовали покончить с политикой втягивания страны в войну и опереться на Советский Союз, великого друга болгарского народа, могущего оказать ему действительную помощь в отстаивании национальных интересов, обеспечить мир на Балканах и независимость балканских народов. Рабочая партия, тесно связанная с народными массами и пользовавшаяся большим авторитетом, направляла свои усилия на мобилизацию и сплочение демократических слоев страны для борьбы против вовлечения Болгарии в гибельные империалистические авантюры. Твердо придерживаясь принципов пролетарского интернационализма и солидарности с народами, борющимися за свободу и независимость, она призывала массы к протесту против фашистской агрессии. Болгарские трудящиеся гневно выражали свое возмущение позорной мюнхенской сделкой империалистических

⁶⁹ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 684, л. 90. Доклад начальника отделения «А» Дирекции полиции «О состоянии коммунизма в царстве за май 1939 г.».

⁷⁰ Окръжен държавен архив — Търново, ф. 81, оп. 1, а. е. 120.

держав, выдавших Чехословакию фашистской Германии. В мартовские дни 1939 г. в Софии состоялись демонстрации в защиту Чехословацкой Республики и против одобрения болгарским правительством гитлеровской агрессии. В демонстрациях 16 и 17 марта активное участие приняло демократическое студенчество столицы. Студенты Софийского университета и Художественной академии в эти дни прекратили занятия в знак протеста против оккупации Чехословакии немецкими фашистами и в защиту национальной независимости Болгарии. В выпущенном в этой связи воззвании представители студенчества писали: «Горячее желание болгарского студенчества встать на защиту национальной свободы и независимости ввиду нависшей над нашей страной грозной опасностью, чувство братской солидарности к славянскому народу, прошлое которого, подобно нашему, наполнено героической борьбой за свободу и независимость, сознание того, что каждый народ должен сам распоряжаться своей судьбой — вот что вызвало воодушевленное и единодушное прекращение занятий в Университете»⁷¹.

В период гражданской войны в Испании рабочий класс Болгарии, вопреки репрессивным мерам правительства, проводил кампанию протеста против фашистской интервенции, в защиту испанского народа. Болгарские рабочие собирали и направляли через МОПР денежные средства в помощь республиканской Испании. В многочисленных письмах и телеграммах они выражали свой энергичный протест против зверств франкистского режима⁷². Свыше 500 болгар отправились добровольцами в Испанию и вплоть до весны 1939 г. мужественно сражались в рядах интернациональной бригады⁷³.

Разоблачая агрессивную политику фашистских держав, на поводу у которых шла монархо-фашистская клика Болгарии, коммунисты предупреждали народ об угрожающей опасности и звали его на борьбу, чтобы преградить дорогу войне. «Внешняя политика Болгарии, — говорилось в одном из воззваний ЦК партии, — должна ориентироваться не на фашистскую Германию, не на поджигателей войны Гитлера и Муссолини, а на приверженцев мира во главе с Советским Союзом»⁷⁴. Рабочая партия все настойчивее подчеркивала, что главное, основное, на чем необходимо сосредоточить внимание всего народа, — это смелая и решительная борьба с теми силами, которые поддерживают агрессоров и готовят вовлечение страны в империалистическую войну. Указывая на гибельность подчинения страны империалистическим державам, будь то фашистская Германия или империалистические Англия и Франция, партия подчеркивала, что гарантировать балканским странам их свободу и независимость может только союз с могучим и свободолюбивым Советским Союзом, только общий отпор империалистической агрессии⁷⁵.

В последние месяцы перед войной Рабочая партия выступила с поддержкой движения за создание общебалканского блока обороны против фашистской агрессии, опирающегося на самого последовательного борца против захватнических устремлений империалистов, за всеобщий мир —

⁷¹ ЦДИА, ф. 370, оп. 2, а. е. 780, л. 4. За участие в демонстрации 16 и 17 марта 1939 г. реакционный Академический совет Софийского университета 29 марта исключил из Университета 12 наиболее активных студентов-антифашистов, а другим двум объявил строгий выговор с предупреждением. Этот произвол реакции вызвал новые протесты демократического студенчества (См. ЦДИА, ф. 370, оп. 2, а. е. 780, л. 5—6).

⁷² См., например, воспоминания рабочего фабрики «Юта» в гор. Русе Косты Георгиева (Окръжен държавен архив — Русе, отд. папка, необраб.).

⁷³ «Работническо дело», № 1, ноябрь 1939.

⁷⁴ «Нелегални позиви на БКП», стр. 176.

⁷⁵ Там же.

СССР. «Идея балканского блока, — писал в это время Васил Коларов, — вполне отвечает назревшим нуждам и жгучим интересам всех балканских народов. Народам балканских стран становится все яснее, что если им не удастся устранить свои внутренние разногласия и сплотиться в едином блоке против внешней агрессии, они неизбежно станут жертвой фашистских агрессоров, их постигнет участь Чехословакии и Албании.

Перед прогрессивными силами балканских стран стоит задача — вернуть широкое движение за внутринациональное единство и за общевосточную сплоченность... Беспощадно разоблачая захватнические цели германских и итальянских фашистов на Балканах, их методы экономического закабаления, национального раскола и взаимного натравливания балканских стран, коммунисты содействуют созданию в каждой балканской стране широчайшего народного фронта против фашистских агрессоров и их агентуры. При этом коммунисты не забывают, что именно интересы обороны балканских стран от агрессии, интересы независимости родины требуют самой решительной борьбы за демократическую свободу для народных масс, за низвержение диктаторских режимов»⁷⁶.

Рабочая партия указывала, что в общей борьбе балканских народов против общего врага в рамках балканского блока обороны будут созданы условия и для мирного разрешения всех спорных вопросов, как, например, о возвращении Болгарии отнятых у нее после первой мировой войны Южной Добруджи, районов Цариброда и Босилеграда и Западной Фракии, вопрос о предоставлении свободы македонскому народу и т. п.⁷⁷ Газета «Работническо дело» писала, что создание балканского блока обороны могло бы быть осуществлено на следующей платформе: «Балканские народы берут на себя обязательство:

1. Разрешать споры между собой только путем дружеских переговоров в рамках балканского блока обороны и Лиги наций на основе строгого уважения взаимных интересов.

2. Взаимно уважать национальную независимость и не прибегать к насильственным методам для разрешения своих требований.

3. Признать полное национальное равноправие внутри каждого балканского государства, так же как и равноправие между балканскими государствами важным условием дружбы и мирного сотрудничества балканских народов в деле их сплочения в единый оборонительный блок и укрепления их оборонительной силы против внешней агрессии.

4. Развитие экономических и культурных отношений между балканскими странами и сотрудничество в борьбе за прогресс балканских народов»⁷⁸.

В августе 1939 г. произошли важные изменения в международной обстановке. Продолжавшиеся более четырех месяцев англо-франко-советские переговоры о взаимной помощи были сорваны по вине английских и французских правящих кругов, ведущих двойную игру и стремившихся использовать переговоры с СССР для усиления своих позиций при заключении сделки с фашистской Германией. Ввиду этого Советское правительство сочло необходимым принять предложение Германии о заключении пакта о ненападении. Советско-германский договор, подписанный 23 августа, сорвал попытки создать общий фронт империалистических держав против СССР и вовлечь последний в войну с гитлеровской Германией в невыгодных для него условиях. Он обеспечил Советскому Союзу

⁷⁶ В. Коларов. О балканском блоке обороны против фашистских агрессоров. — «Коммунистический Интернационал», 1939, № 7, стр. 24—25.

⁷⁷ «Работническо дело», № 6, июнь 1939.

⁷⁸ «Работническо дело», № 7, июль 1939.

мир на полтора года, в течение которых была укреплена его обороноспособность.

Болгарская рабочая партия с самого начала выступила с поддержкой мудрого шага Советского правительства, выразившегося в подписании пакта. В сентябрьском докладе начальника отделения «А» Дирекции полиции упоминалось о распространении среди населения письма ЦК Рабочей партии, в котором разъяснялась ее позиция в связи с заключением советско-германского пакта, а также воззвания партии, озаглавленного «Германо-советский пакт о ненападении»⁷⁹.

Это воззвание было опубликовано также в виде передовой в сентябрьском номере нелегального органа партии газеты «Работническо дело». В указанном документе разъяснялось, что заключение советско-германского пакта не означает поворота в политике Советского правительства, ибо он является продолжением мирной политики СССР в отношении всех стран, готовых проводить такую же политику по отношению к нему. Как во время безуспешных переговоров с Англией и Францией, так и при заключении пакта о ненападении с Германией, СССР честно и искренне, твердо и последовательно отстаивает мир против войны и выступает в защиту независимости малых народов. «Рабочая партия, — говорилось в воззвании, — полностью одобряет пакт о ненападении между СССР и Германией. Это, однако, не означает прекращения нашей борьбы против фашизма, против германской и итальянской агрессии. Новое в этой борьбе после заключения пакта состоит в том, что в процессе переговоров между Англией, Францией и СССР была разоблачена подлая роль правительств Чемберлена и Даладье. Предательская роль этих правительств в отношении дела мира и интересов их собственных народов должна быть разоблачена и послужить уроком и для болгарского народа»⁸⁰.

Подчеркивая далее, что для Болгарии и других балканских народов опасность фашистской агрессии и войны не устранена, ЦК партии вновь и вновь указывал, что только сотрудничество этих стран с Советским Союзом и согласование их внешней политики с его мирной политикой может гарантировать их независимость и свободу. «Любая другая политика вражды между балканскими государствами или поддержки германских агрессоров и французских и английских поджигателей войны будет гибельной для балканских народов»⁸¹.

Отвечая тем буржуазно-демократическим деятелям в Болгарии, которые выступают с критикой советско-германского пакта, газета «Работническо дело» в другой статье писала: «Эти растерявшиеся болгарские демократические круги недовольны и тем, что пакт о ненападении между Советским Союзом и Германией означает будто бы прекращение нашей борьбы за демократию против фашизма в стране и немецкой агрессии. Ничего подобного. Борьба против реакционного и антинародного правительства Кыосеиванова, так же как и против немецкой агрессии, немецких агентов в нашей стране должна быть продолжена. Борьба за нейтралитет, за национальную независимость, за лояльные отношения с нашими соседями, за права и свободу болгарского народа быть господином своей судьбы в эти трудные и ответственные времена должна продолжаться»⁸².

Советско-германский пакт о ненападении был правильно понят трудящимися массами Болгарии, расценившими его как шаг, направленный на предотвращение войны и усиление позиции оплота мира — Советского

⁷⁹ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 684, л. 130.

⁸⁰ «Работническо дело», № 8, сентябрь 1939.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

Союза. Даже пресловутое отделение «А» Дирекции полиции в своем докладе за сентябрь 1939 г. было вынуждено констатировать, что значительная часть населения страны одобряет пакт и открыто выражает свои симпатии к СССР. В докладе отмечалось, что «повышение духа» и открытое высказывание симпатии к СССР имеет место даже со стороны «хороших националистов», которые в этом сближаются с коммунистами. «Таким образом, позиции левых усиливаются и создается настроение в пользу Советской России»⁸³.

В противоположность этой предлагавшейся болгарскими коммунистами единственно правильной и спасительной для страны внешней политики правящие монархо-фашистские круги продолжали тянуть Болгарию в лагерь фашистских агрессоров, все крепче привязывая ее к державам оси. Лицемерные декларации о мире и нейтралитете, которыми правительство Кьосеянова пыталось прикрыть свою антинародную внешнюю политику, не могли скрыть того очевидного факта, что к кануну второй мировой войны Болгария неуклонно скатывалась в водоворот империалистических противоречий и конфликтов. Все больше росла ее изоляция от демократических, миролюбивых сил мира и отчужденность от соседних балканских государств. Болгарский народ стоял накануне серьезных испытаний и бедствий.

Внешняя политика Болгарии в период сентябрь 1939 — март 1941 г.

1 сентября 1939 г. фашистская Германия, напав на Польшу, развязала вторую мировую войну. В эту войну, подготовленную реакционными кругами главных империалистических держав, вскоре были вовлечены народы многих стран.

Вторая мировая война возникла как итог неравномерности развития отдельных империалистических государств и дальнейшего обострения всех противоречий капиталистической системы. В силу антинародного, империалистического характера политики и целей, преследовавшихся главными воюющими государствами, она на начальном этапе была несправедливой, реакционной, империалистической как со стороны фашистской Германии, которая явилась ее зачинщиком, так и со стороны англо-французской группировки. В этот период определяющими для характера войны являлись с обеих сторон империалистические тенденции.

Коммунистический Интернационал и коммунистические партии всех стран с самого начала выступили с правильной, марксистско-ленинской оценкой сущности развернувшейся войны империалистических держав. В воззвании Исполкома Коминтерна к XXII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции говорилось: «Правящие классы Англии, Франции и Германии ведут войну за мировое господство. Эта война есть продолжение многолетней империалистической тяжбы в лагере капитализма... В этой войне повинны все капиталистические правительства и в первую очередь правящие классы воюющих государств»⁸⁴⁻⁸⁷.

Вступая в войну с Германией, правящие круги Англии и Франции исходили из корыстных империалистических интересов английской и французской буржуазии. В начальный период войны правители Англии и Франции, среди которых преобладали мюнхенские элементы, рассматривали свое участие в войне лишь как средство давления на гитлеровскую Германию

⁸³ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 684, л. 130.

⁸⁴⁻⁸⁷ «Коммунистический Интернационал», 1939, № 8—9, стр. 3—4.

с целью заставить ее пойти на сделку с западными империалистами и повернуть фронт войны против СССР.

Однако по мере развертывания событий действия Англии и Франции против гитлеровской военной машины, поскольку они имели место, объективно совпадали с борьбой трудящихся масс против фашизма. Свободолюбивые народы Европы, которые еще перед войной активно сопротивлялись агрессии гитлеровской Германии, стремившейся поработить их и навязать им режим самой мрачной империалистической диктатуры, в ходе войны значительно усилили свою борьбу. Все более внушительные размеры принимало и давление антифашистски настроенных народных масс Англии и Франции, требовавших от своих правительств активизации военных действий против фашистского агрессора. В дальнейшем, особенно после того, как в результате поражений, понесенных западными союзниками в 1940 г., возникла непосредственная угроза национальной независимости Франции и Англии, постепенно произошло изменение общего характера войны, которая стала превращаться и с их стороны в справедливую, антифашистскую, освободительную. Вступление Советского Союза в войну против государств фашистской оси особенно усилило антифашистский и освободительный характер второй мировой войны, ослабив вместе с тем влияние на ход событий империалистических кругов западных держав. Какова была официальная позиция болгарского правительства по вопросам внешней политики страны в условиях начавшейся второй мировой войны?

Примерно за полгода до начала войны внешнеполитический курс правительства был сформулирован в уже известной нам директиве премьер-министра Кыосеиванова (№ 19 от 19 апреля 1939 г.), направленной для сведения и ориентации болгарским полномочным министрам за границы. Наряду с упоминанием о выжидательной позиции Болгарии и вместе с тем намеками на явно наметившуюся ориентацию на фашистскую Германию, в этом документе были определены требования возвращения Болгарии территорий, которые были отторгнуты от нее после 1913 г. Однако совещание высших чиновников министерства иностранных дел⁸⁸⁻⁸⁹, в итоге которого была выработана указанная директива, пришло тогда к заключению, что «поскольку события⁹⁰ развертываются далеко (от Болгарии) и так как мы не обладаем необходимой силой для оказания соответствующего натиска, в случае поднятия указанных вопросов нельзя рассчитывать на удачу»⁹¹.

Основные положения директивы № 19 оставались в силе и в первое время после начала войны. 15 сентября 1939 г. Кыосеиванов направил всем болгарским посольствам за границей циркулярную телеграмму, в которой нотифицировалась следующая декларация правительства о нейтралитете: «При создавшемся международном положении и развертывающихся событиях Болгария, продолжая свою миролюбивую политику, останется нейтральной»⁹². Учитывая сложность международной обстановки и неподготовленность Болгарии к войне, министерство иностранных дел вменяло в обязанность болгарским дипломатическим представителям за границей особенно подчеркивать миролюбие и нейтралитет Болгарии. При этом указывалось, что Болгария, не отказываясь от требования границ

⁸⁸⁻⁸⁹ В этом совещании, обсудившем международную обстановку, создавшуюся после Мюнхена, кроме премьера Кыосеиванова, приняли участие И. Попов, П. Драганов, Н. Момчилов, Стоилов и Алтынов.

⁹⁰ Имеются в виду события, связанные с захватом Чехословакии гитлеровской Германией.

⁹¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п., а. е. 202, л. 1.

⁹² ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 789, л. 39.

1913 г., надеется добиться разрешения этого вопроса мирным путем, после окончания войны⁹³. В таком духе были выдержаны все официальные высказывания болгарских государственных деятелей. Так, в интервью корреспонденту греческого официоза «Неа Эллас», данном 22 ноября 1939 г., Кюсеиванов указывал, что, хотя Болгария не отказывается от своих территориальных требований, она преисполнена решимости сохранять нейтралитет и строить свои отношения с соседями на основе договоров, а не путем применения силы⁹⁴. Заявление Кюсеиванова, сделанное в связи с третьей годовщиной со дня подписания болгаро-югославского пакта о «вечной дружбе» от 24 января 1937 г., являло собой типичный пример демагогической фразеологии⁹⁵. В тронной речи при открытии Народного собрания XXV созыва 24 февраля 1940 г. царь Борис, осторожно выразив надежду, что интересы Болгарии «будут справедливо приняты во внимание», особо подчеркивал намерение страны и впредь неуклонно следовать искренней политике мира и нейтралитета⁹⁶. За несколько дней до этого, уходя в отставку с постов премьер-министра и министра иностранных дел Кюсеиванов говорил о том же в своей прощальной речи перед персоналом министерства иностранных дел. Слова о мире и дружбе со всеми народами звучали и в первых речах нового министра иностранных дел Ивана Попова, произнесенных в конце февраля и в начале марта 1940 г. во время и после его поездки в Белград⁹⁷. Более того, стремясь рассеять опасения, вызванные в соседних балканских государствах ревизионистскими требованиями Болгарии, как Кюсеиванов, так и Попов подчеркивали, что Болгария, проводящая лояльную политику в отношении к своим балканским соседям, не будет пытаться использовать возможные затруднения, которые в будущем могут постигнуть кого-нибудь из них, и не предпримет ничего такого, что могло бы ухудшить их положение⁹⁸.

Подлинная цель всех этих заявлений заключалась не столько в действительном желании сохранить мир на Балканах и дружественные отношения с соседями Болгарии, сколько в стремлении до поры до времени прикрыть подготовку монархо-фашистского правительства к включению страны в блок фашистских держав и к осуществлению любыми средствами экспансионистских воцелений болгарской буржуазии.

Примерно год спустя после выработки директивы № 19, 4 апреля 1940 г., в Софии было созвано новое совещание, на котором обсуждалось международное положение страны. Были вновь сформулированы основные задачи в области внешней политики. На этом совещании кроме Богдана Филова, сменившего Кюсеиванова на посту премьер-министра, присутствовали новый министр иностранных дел Иван Попов, посол в Берлине Пырван Драганов, посол в Лондоне Никола Момчилов и главный секретарь министерства иностранных дел Димитр Шишманов. Итоги этого совещания были сформулированы министром иностранных дел Поповым в специальном документе, озаглавленном «Заклучения». В новом

⁹³ См., например, проект дополнения к директиве № 19, составленный 2 апреля 1940 г. (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п., а. е. 202, л. 26).

⁹⁴ «Зора», 5.XII 1939.

⁹⁵ Там же, 24.I 1940.

⁹⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 679, л. 1.

⁹⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 679, л. 3. См. также «Междудържавно право», год. I, януари—март, 1940, стр. 98.

⁹⁸ См., например, ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 679, л. 6 или «Вестник на вестниците» от 28 апреля 1940. См. также интервью, данное Кюсеивановым корреспонденту французской газеты «Paris-soir» 4 декабря 1939 г. («Междудържавно право», год I, януари—март 1940, стр. 96).

документе указывалось, что ввиду опасности расширения войны, исход которой неясен, и возможной угрозы втягивания в нее Болгарии, последняя должна «и впредь следовать политике мира и строгого нейтралитета и заявлять, что будет защищать свою независимость от любого посягательства». Вместе с тем подчеркивалось, что «национальные требования Болгарии» остаются такими же, как они были определены в директиве № 19 бывшего премьер-министра Кыосеиванова. Однако если в этой директиве о них упоминалось только для личной ориентации болгарских послов за границей, то теперь перед последними ставилась задача уже активной подготовки к их осуществлению путем сбора и систематизации материалов в обоснование этих требований, настойчивых поисков и зондажей с целью обеспечения поддержки со стороны великих держав и других влиятельных государств, которые могли бы иметь решающее слово при их разрешении и были бы заинтересованы в этом. Для обеспечения большего успеха в деле осуществления территориальных требований рекомендовалось их разделить, установив очередность в зависимости от степени реальности возможности их достижения. В качестве первого этапа в этом ряду выдвигался вопрос о возвращении Южной Добруджи, что, по мнению участников совещания, при благоприятном стечении обстоятельств могло бы быть осуществлено еще до будущей мирной конференции⁹⁹.

Такова была общая линия внешнеполитического курса болгарского правительства в начальный период войны. Эта линия выражала точку зрения основной части болгарской буржуазии, оторванной от народных масс, напуганной неясными перспективами империалистической войны и неуверенностью в завтрашнем дне. Призывы к балансированию между великими державами, к проведению политики выжидательного нейтралитета, которым при случае можно спекулировать, составляли в тот период основное содержание почти всех выступлений по внешнеполитическим вопросам буржуазной печати, речей депутатов правительственного большинства и значительной части буржуазной оппозиции. При этом буржуазные деятели как германофильской, так и западной ориентации и прежде всего правительственные круги с особым рвением старались заверить своих империалистических покровителей, обеспокоенных все возрастающими симпатиями болгарских трудящихся к великой Стране Советов, в том, что они руководствуются не «народными настроениями», а «здоровым континюитетом», под которым подразумевалась ставшая традиционной антисоветская внешняя политика болгарских буржуазных правительств¹⁰⁰. Возникновение второй мировой войны привело к значительному осложнению внешнеполитического положения Болгарии. С началом войны усилился политический и экономический нажим держав обеих воюющих лагерей, каждая из которых предпринимала меры по укреплению своих позиций в стране.

Германский империализм, имевший экономическое преобладание в Болгарии и на Балканах в целом и получавший оттуда ценное сырье и продовольствие¹⁰¹, на первых порах не был заинтересован в распространении военных действий в этот район Европы и ограничивался проведением здесь мероприятий по дальнейшему укреплению своих экономических и

⁹⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 202, л. 12.

¹⁰⁰ Выступление болгарского посла в Лондоне Н. Момчилова на совещании в Софии 4 апреля 1940 г. (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 202, л. 4).

¹⁰¹ По подсчетам газеты «Le Temps» (20.IV 1940), в 1938 г. Германия вывезла из Венгрии, Румынии, Болгарии и Югославии 3,5 млн. т продовольствия, 2365 тыс. т с. х. сырья, 4,8 млн. т топлива и 1,7 млн. т руды. В целом экспорт этих четырех стран в Германию составил примерно 20% всего германского импорта указанных товаров.

политических позиций, а также по отражению попыток Англии и Франции привлечь балканские страны к участию в войне на их стороне. Правящие круги Болгарии и значительная часть болгарской буржуазии в силу уже известных нам экономических и политических причин находились в определенной зависимости от германского империализма и вместе с тем рассчитывали получить от союза с гитлеровской Германией некоторые выгоды, в частности удовлетворения своих ревизионистских требований. Их склонность к ориентации на Германию возрастала в зависимости от политических и военных успехов последней. Правящие круги Германии чувствовали свои позиции в Болгарии более прочными, чем в любой другой стране Балканского полуострова. В своем выступлении на совещании в болгарском министерстве иностранных дел 4 апреля 1940 г. болгарский посол в Берлине П. Драганов следующим образом характеризовал отношения фашистской Германии с Болгарией в начале войны: «У нас с Германией нет никакой формальной договоренности. Если немцы снабжают нас оружием, то это потому, что они считают, что Болгария, которая иначе, без вооружения, представляла бы собой опасный вакуум, должна быть сильной и что по причине наших старых связей периода первой мировой войны она не может выступить против Германии. При своей встрече с Кьосенвановым Гитлер заявил бывшему премьер-министру, что он считает, что интересы Болгарии требуют, чтобы она шла вместе с неудовлетворенной Германией»¹⁰².

Следует сказать, что эта характеристика далеко не полностью отвечала фактическому положению вещей. Гитлеровская Германия, действительно, рассматривала монархо-фашистскую Болгарию как своего потенциального союзника и всячески подогревала ревизионистские устремления болгарской буржуазии. Однако создание сильной и действительно независимой Болгарии совершенно не входило в планы германского империализма. Соглашаясь на поставки для болгарской армии некоторого количества устаревшего вооружения (и постоянно тормозя эти поставки), гитлеровцы всячески стремились взять под свой контроль как самую болгарскую армию, так и стратегические объекты страны. В частности, в рассматриваемый период они пытались воспользоваться наличием напряженности на болгаро-турецкой границе и обсуждением вопроса о поставке оружия для болгарской армии, как зацепкой для выступления с далеко идущими предложениями в этом направлении. «Однажды, — докладывал Драганов, — в германском министерстве иностранных дел меня спросили, сможет ли наша армия выдержать напор турецкой армии в случае, если она нападет на нас. Я им ответил, что мы будем в состоянии сделать это через год-полтора, когда получим необходимое вооружение. Тогда лица, с которыми я беседовал, сказали мне, что нам не остается ничего иного кроме как подготовить достаточное количество аэродромов для немецких самолетов, которые, в случае неожиданного нападения со стороны турок, прилетят за 4—5 часов и нанесут турецкой армии такое же поражение, какое нанесли полякам»¹⁰³.

Столь откровенное и наглое предложение немецких фашистов встретило возражения даже со стороны такого активного их сторонника как министра иностранных дел Ивана Попова. Последний назвал этот план «немного фантастичным», так как болгары не смогли бы снабжать подобную германскую воздушную эскадру бензином и боеприпасами, а кроме того помощь этой эскадры может понадобиться как раз в момент, когда немцы сами окажутся в затруднительном положении и вследствие этого не

¹⁰² ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п., а. е. 202, л. 9.

¹⁰³ Там же.

смогут оказать болгарам эффективной поддержки. «При этом, — добавил И. Попов, — без подписания предварительного обязательства оказание такой помощи было бы проблематичным. С другой стороны, в настоящий момент мы не в состоянии взять на себя подобное обязательство. Было бы лучше, если бы немцы ускорили присылку заказанного нами вооружения, ибо в последнее время наблюдается задержка с выполнением принятых немцами на себя в этом отношении обязательств»¹⁰⁴.

Заинтересованность германского империализма на данном этапе в мирной эксплуатации ресурсов Болгарии отнюдь не означала отказа гитлеровской Германии от планов использования в дальнейшем ее территории в качестве плацдарма для военных операций на юго-востоке Европы. Все же в начале войны для Болгарии на первый план выступила опасность вовлечения ее в мировую бойню со стороны англо-французского блока.

Как уже отмечалось, правящие круги Англии и Франции еще до начала второй мировой войны приступили к военно-организационной подготовке агрессии против Советского Союза, южными плацдармами для которой должны были явиться Балканы, Турция и Ближний Восток. С начала войны эта подготовка не только не приостановилась, но и значительно усилилась. Не проявляя никакой активности на западном фронте, английские и французские правящие круги, при поддержке империалистов США, прилагали большие усилия, чтобы добиться сговора с фашистской Германией и создать общий империалистический фронт против СССР. По их замыслу, этот фронт должен был охватить обширный район от Финляндии до Кавказа. Для разработки планов военных операций на южном участке осенью 1939 г. имел место ряд совещаний ответственных военных деятелей Англии и Франции. Так, 18 сентября 1939 г. в Бейруте состоялась встреча командующего французскими войсками на Ближнем Востоке генерала Вейгана с командующим британскими силами в Египте и восточном Средиземноморье генералом Уэйвеллом, которого сопровождал английский командующий в Палестине генерал Батлер. Всего за несколько дней перед этим Вейган посетил Анкару, где имел встречу с начальником штаба турецкой армии маршалом Чакмаком. 11 декабря французский главнокомандующий генерал Гамелен созвал в Париже англо-французское совещание специально по вопросу о Балканах и Ближнем Востоке с участием Вейгана и Уэйвелла. Вслед за тем при участии тех же Вейгана и Уэйвелла состоялось англо-французское военное совещание в Бейруте, на котором обсуждался вопрос о помощи Турции¹⁰⁵. О значении, которое придавалось при этом операциям на Балканах, свидетельствуют, например, следующие рассуждения генерала Гамелена: «С точки зрения военной операции на Балканах были бы для Франции гораздо выгоднее, чем операции в Скандинавии: плацдарм военных действий был бы расширен в большом масштабе. Югославия, Румыния, Греция и Турция предоставили бы нам подкрепление, равное, примерно, ста дивизиям»¹⁰⁶.

В планах развязывания антисоветской войны с юга видная роль отводилась Турции, все активнее выступавшей проводником политики англо-французского блока в этом районе. Несмотря на существование советско-турецкого пакта о ненападении, правящие круги Турции все более активно

¹⁰⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п., а. е. 202, л. 9.

¹⁰⁵ См. Р. Юрьев. Подготовка Англии и Франции к нападению на Советский Союз с юга в 1939—1940 годах. — «Вопросы истории», 1949, № 2, стр. 102.

¹⁰⁶ Документы германской шестой «Белой книги». Док. № 2. О планах нападения Франции и Англии на СССР и об участии в этом нападении Турции и Ирана. — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1940, № 7, стр. 166.

втягивались в проведение антисоветской политики западных держав. Не случайно генерал Гамелен доносил в сентябре 1939 г. французскому правительству: «Турция, по-видимому, хочет войти в нашу игру, открытие этого театра военных действий кажется возможным»¹⁰⁷. Сорвав происходившие в сентябре—октябре 1939 г. переговоры о заключении с Советским Союзом двустороннего пакта взаимопомощи, ограниченного районами Черного моря и проливов¹⁰⁸, турецкое правительство подписало 19 октября договор о военном союзе и военный протокол с Англией и Францией¹⁰⁹. Тогда же оно получило англо-французские кредиты в сумме 25 млн. фунтов стерлингов на закупку вооружения; в январе 1940 г. Турция получила на эти же цели дополнительные кредиты в размере около 20 млн. ф. ст.¹¹⁰ Увеличились поставки английского и французского оружия для турецкой армии, подготовка которой к военным действиям значительно активизировалась.

Вместе с тем, используя в качестве своего орудия в первую очередь турецкую, а также румынскую дипломатию, Англия и Франция предприняли серию маневров, преследующих цель консолидации Балканской Антанты, расширения ее рамок путем привлечения Болгарии и, в конечном итоге, приспособления балканскими странами своего нейтралитета к военно-стратегическим планам англо-французского империалистического блока, а затем и полного их отказа от нейтралитета и выступления на стороне союзников. «Англия, — писала в ноябре 1939 г. газета „Работническо дело“ — использует страх, вызываемый немецкой агрессией, следующим вероятным объектом которой могут стать Балканы, и страх, который господствующие классы (балканских стран) испытывают перед большевизмом, чтобы создать балканский фронт под своим руководством. Такую направленность Англия хочет придать Балканской Антанте. Эту же цель она преследует и организацией натиска на Болгарию, принявшего в последнее время особенно резкие формы; она даже не останавливается перед угрозой прибегнуть к превентивной войне»¹¹¹.

В первые недели войны была предпринята очередная, заранее обреченная на провал, попытка вовлечь Болгарию в Балканскую Антанту, о чем было договорено 19 сентября 1939 г. при встрече румынского министра иностранных дел Гафенку с югославским министром иностранных дел Цинцар-Марковичем на маленькой железнодорожной станции Джебел в Румынском Банате близ сербской границы¹¹². Вслед за этим, во второй

¹⁰⁷ См. Р. Юрьев. Указ. соч., стр. 102.

¹⁰⁸ Как известно, предлагая заключить этот пакт, Советское правительство считало, что: 1) СССР должен иметь гарантию, что ввиду угрозы войны Турция не пропустит военных кораблей нечерноморских держав через Босфор в Черное море и 2) что заключение такого пакта не может побудить его к действиям, которые могли бы втянуть его в вооруженный конфликт с Германией. Турецкое правительство отклонило обе эти оговорки СССР и тем самым сделало заключение пакта невозможным.

¹⁰⁹ Текст этого договора, так называемого Анкарского пакта см. — «Междудержавно право», год I, кн. 1, январь—март 1940, стр. 110—112. Согласно пакту, Турция была обязана прийти на помощь Англии и Франции в случае, если они подвергнутся нападению в районе Средиземного моря, а также в том случае, если они сочтут для себя желательным вмешаться в балканские дела, пользуясь таким предлогом, как односторонние гарантии, данные ими Румынии и Греции.

¹¹⁰ См. К. Гофман. Англо-французские интриги на Балканах. — «Интернационал молодежи», 1940, № 3—4, стр. 23. См. также К. Васильев. Турция в орбите европейской войны. — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1940, № 4—5, стр. 147—148.

¹¹¹ «Работническо дело», № 1, ноябрь 1939.

¹¹² Во время джебелской встречи было решено, что «для укрепления Балканской Антанты и выработки единства взглядов на Балканах было бы полезно, чтобы четыре государства Балканской Антанты попытались достичь какой-то договоренности по болгарской проблеме». «С этой целью, — писал Гафенку, — мы установили условия, на которых можно было бы принять во внимание некоторые требования Болгарии:

половине сентября, турецкое правительство выдвинуло идею создания в составе всех балканских стран, включая Болгарию, нового варианта Балканской Антанты под названием «нейтрального блока». Этот общевосточный военный блок, задача которого была сформулирована как «совместная защита нейтралитета от нападения с севера», должен был иметь явно антисоветскую направленность¹¹³. Вместе с тем он мог бы быть использован англо-французским империализмом и в качестве орудия сдерживания гитлеровской Германии и ослабления ее позиций на юго-востоке Европы. С целью склонить Болгарию войти в проектировавшийся «нейтральный блок», в частности, проводил зондажи в Софии генеральный секретарь министерства иностранных дел Турции Менеменджюглу, когда в начале второй декады января 1940 г., возвращаясь в Стамбул из двухмесячной поездки в Лондон и Париж, он остановился по пути в болгарской столице.

Отношение правящих кругов Болгарии к этим попыткам нашло свое выражение в специальной директиве № 25 от 15 декабря 1939 г., которую министерство иностранных дел направило болгарским дипломатическим представителям за границей. В этом документе констатировалось, что в основу усилий по созданию блока нейтральных балканских государств (авторы директивы считали эти попытки к тому времени окончательно неудавшимися) лежало стремление Румынии и Турции вырвать у Болгарии обязательство соблюдать статус-кво на Балканах пока длится война, причем от Болгарии не требовалось формального признания существующих границ, но и не предусматривалось признания за ней права поднимать вопроса о ревизии границ. «В новых условиях войны отношение Болгарии к подобной цели консолидации существующей Балканской Антанты не может быть иным, как отрицательным», — говорилось в директиве¹¹⁴.

Неудача, постигшая проект создания «нейтрального блока», не означала прекращения дипломатического нажима Англии и Франции на балканские страны с целью консолидации Балканской Антанты под руководством западных держав и приобщения к ней ревизионистски настроенных Болгарии и Венгрии. Этот нажим вновь усилился в период подготовки

1. Прежде всего, Болгария войдет в состав Балканской Антанты и подчинится всем соглашениям и обязательствам государств — участников Балканской Антанты. Компенсации, которые будут предоставлены Болгарии, должны способствовать созданию единства, учитывающего общие интересы всех балканских стран.

2. Компенсации, предоставляемые Болгарии, будут выражаться во вкладе, который каждое из государств — участников Балканской Антанты приносит в балканское общество.

3. Болгарское правительство, принимающее этот акт дружбы и солидарности со стороны своих соседей, должно представлять весь болгарский народ. Это необходимо для того, чтобы избежать враждебных выступлений, могущих помешать делу примирения» (Grigore Gafencu. Prelude to the Russian Campaign. London, 1945, p. 260).

¹¹³ См. «Documents on German foreign policy, 1918—1945». Series D., v. VIII. September 4, 1939—March 18, 1940. London, 1954, № 145, 151.

¹¹⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 1п, а. е. 2, л. 25. Как констатировалось в директиве, провал попыток создания проектировавшегося нового блока балканских государств объяснялся следующими обстоятельствами. Болгария с самого начала отнеслась к ним отрицательно. Видя бесперспективность этих попыток, Югославия заняла выжидательную, сдержанную позицию, тем более, что она опасалась отрицательной реакции своего северного соседа — Германии. В Греции новый проект также не встретил особого отклика. Италия сначала отнеслась к идее создания новой группировки на Балканах одобрительно, намереваясь сделать ее орудием своей политики. Англия и Франция вначале активно поддерживали усилия Румынии и Турции по созданию блока, но ввиду стремлений Италии установить над ним свой контроль быстро охладели к этой идее. В конце концов, убедившись в нереальности проекта, потеряла к нему интерес и Италия.

и проведения сессии постоянного совета Балканской Антанты, имевшей место в Белграде со 2 по 4 февраля 1940 г. В повестку дня сессии, наряду с вопросами о дальнейшей ориентации политики балканских государств в условиях войны, о взаимоотношениях между членами Балканской Антанты и об экономических отношениях балканских стран, был включен и специальный вопрос об отношении Балканской Антанты к Болгарии и Венгрии.

Как мы уже видели, англо-французский блок придавал этому вопросу весьма важное значение. Касаясь оживившейся в связи с созывом сессии Балканской Антанты дипломатической возни, направленной, в частности, на привлечение к этой группировке Болгарии, итальянская газета «Stampa» писала в номере от 7 февраля 1940 г.: «Известна точка зрения турок о том, что Болгария может сыграть важную роль в случае войны с Россией. Балканская Антанта без Болгарии рассматривается турками как стена, в которую пробита брешь; французам и англичанам это положение представляется... препятствием первостепенного значения. Вот почему английская дипломатия разворачивает в Софии лихорадочную деятельность и английский посол имел продолжительный разговор с премьер-министром Кыосеивановым. Вот почему не исключено, что Турция действует и в интересах Англии. В Белграде во время конференции г-н Сараджоглу попытался заставить югославов сказать какое-нибудь доброе слово своим друзьям из Софии. Г-н Сараджоглу попытался добиться от г. Гафенку более существенных обещаний и обсуждал с греками вопрос о способе, каким могли бы быть сделаны известные уступки к морю».

Однако не надо было быть пророком, чтобы понять, что при существовавших условиях указанные государства не пойдут ни на какие подобные уступки. Это прекрасно понимал корреспондент французской газеты «Jour Echo de Paris», который писал из Белграда: «Ясное сближение с Болгарией и Венгрией в одинаковой степени воодушевляет правительства Белграда, Анкары, Афин и Бухареста, но это желание не заставит их согласиться на уступки, которые несовместимы с целостностью государств Балканской Антанты. Следовательно, белградская конференция не станет балканским Мюнхеном. Она постарается найти способ разрешения вопроса, вызванного ревизионистскими требованиями Будапешта и Софии в отношении Румынии, и попытается заложить основы согласия и плодотворного сотрудничества с соседями Балканской Антанты без какого-либо урегулирования территориальных вопросов и исправления границ»¹¹⁵.

Болгарская же буржуазная печать использовала созыв белградской сессии именно для того, чтобы снова поднять вопрос о территориальных требованиях Болгарии. Так, близкая к правительственным кругам газета «Слово» ещё 13 января 1940 г. в передовой статье подчеркивала, что для того, чтобы добиться укрепления сотрудничества между балканскими странами, необходимо предварительно разрешить некоторые неразрешенные вопросы. Таким вопросом, по мнению газеты, являются уступки, которые необходимо сделать Болгарии, ибо принцип «Балканы для балканских народов» должен относиться ко всем балканским государствам и не допускает, чтобы балканское равновесие было в ущерб какому-либо из балканских государств. Та же газета 25 января высказывалась еще более определенно в этом смысле: «Все планы, замышляемые без Болгарии, направлены против нее и вместе с тем против самих своих авторов», — писала она. При этом газета выражала пожелание, чтобы все балканские

¹¹⁵ «Jour Echo de Paris», 4.II 1940.

государства поняли, что по пути балканских исключений невозможно создать ничего прочного на полуострове. В этом же духе были выдержаны высказывания и всей остальной болгарской буржуазной прессы.

В официальных кругах стран Балканской Антанты эти высказывания болгарской печати были встречены более чем холодно. Так, например, румынский король Кароль II, выступая по случаю нового года в Констанце, заявил, что «румынское государство в существующих границах представляет собой историческое осуществление принципа самоопределения народов». Румынская буржуазная печать в один голос вторила ему, уверяя, что «границы Румынии установлены навечно»¹¹⁶. Сохранение существующего территориального статус-кво во что бы то ни стало — таков был один из главных принципов, господствовавших на белградской сессии постоянного совета Балканской Антанты¹¹⁷. Не удивительно, что на этой основе о привлечении Болгарии в Балканскую Антанту нечего было и думать.

В этих условиях нетрудно было предвидеть провал попыток урегулировать отношения между Болгарией и Балканской Антантой. Тем не менее, выдавая желаемое за действительное, английская и французская печать не только до и во время сессии, но и некоторый период спустя продолжала трубить о якобы достигнутых по этому вопросу успехах. «Ловкий дипломат Сараджоглу сумел убедить Болгарию отложить в долгий ящик свои претензии на Добруджу», — писала французская газета «Figaro»¹¹⁸. «Черная овца становится белой, — вторила ей английская «Daily mail». — Болгария, которая длительное время была черной овцой на Балканах, берет на себя роль маленького джентльмена Европы»¹¹⁹. Однако в конце концов и эта печать вынуждена была признать, что Болгария и Венгрия проявили «недоверие» к результатам белградской встречи представителей стран Балканской Антанты и обошли их молчанием¹²⁰.

Как показали итоги сессии, по вопросу о взаимоотношениях Балканской Антанты с Болгарией и Венгрией, как, впрочем, и почти по всем остальным вопросам, не удалось достигнуть каких-либо положительных решений. В частности, потерпело провал вновь выдвинутое на сессии предложение турецкого министра иностранных дел Сараджоглу о создании некоего «оборонительного союза балканских стран»¹²¹.

Серьезное беспокойство в англо-французском лагере вызвала происшедшая 15 февраля 1940 г. замена кабинета Кыосеиванова кабинетом Филова и назначением в качестве нового министра иностранных дел Попова. Хотя в ряде правительственных заявлений специально было подчеркнуто, что смена правительства не знаменует никаких перемен во внешней политике страны, уход Кыосеиванова, имя которого было связано с подписанием пакта о «вечной дружбе» с Югославией и который все еще до ка-

¹¹⁶ ЦДИА, ф. 370, оп. 2, а. е. 833, л. 7.

¹¹⁷ См. L. S. Stavrianos. *Balkan federation. A history of the movement toward Balkan unity in modern times*. Northampton, Mass., 1944, p. 253. См. также официальное сообщение белградской сессии постоянного совета Балканской Антанты («Междугосударственное право», год 1, кн. 1, январь—март 1940, стр. 100—101).

¹¹⁸ «Figaro», 4.II 1940. Об этом же см. L. S. Stavrianos. Указ. соч., стр. 253—254.

¹¹⁹ «Daily mail», 28.II 1940.

¹²⁰ См., например, консервативную «Daily express», 6.II 1940.

¹²¹ Эту же цель Сараджоглу преследовал и во время своих продолжительных бесед с болгарскими государственными деятелями в феврале 1940 г., когда он дважды (по дороге в Белград и на обратном пути) останавливался в Софии. Его попытки убедить болгарского премьер-министра отложить разрешение вопроса о Южной Добрудже до окончания войны и примкнуть к проектировавшемуся «оборонительному союзу балканских стран» и на этот раз окончились неудачей.

кой-то степени поддерживал контакты с Англией и Францией, был симптоматичен. Французский еженедельник «La raix» в номере от 29 февраля 1940 г. напоминал, что во время своих бесед с Сараджоглу накануне созыва белградской сессии Кыосеиванов «давал понять, что хотя на этот раз и исключается вступление Болгарии в Балканскую Антанту, софийское правительство не допустит ничего такого, что омрачило бы балкано-дунайский небосвод» и вопрошал: «Учитывая это, надо ли толковать правительственный кризис как отказ от данного обещания? ... Или в этом кризисе следует усматривать разочарование результатами балканской конференции, базирующимися на строгом соблюдении афинского пакта 1934 года?» А выходящая в г. Болонье газета «Asalto» сообщала: «Падение Кыосеиванова явилось... тяжелым ударом для анкарского правительства и для тех, кто за кулисами держит в своих руках нити турецкой политики... Внезапно, без какого-либо оправдания, в Турции объявлена почти всеобщая мобилизация»¹²².

После провала своего дипломатического наступления западные державы несколько изменили тактику борьбы за влияние на направление внешней политики Болгарии и за оказание противодействия усилению позиций Германии в стране. Докладывая о состоянии англо-болгарских отношений, болгарский посол в Лондоне Н. Момчилов приходил к выводу, что английский правящие круги больше всего страшатся симпатий болгарского народа к Советскому Союзу и его стремления к союзу с ним. Они убеждены в том, что в случае войны с СССР «болгары, как славянское племя, станут форпостом Советского Союза». Что же касается позиции англичан по вопросу о взаимоотношениях Болгарии с гитлеровской Германией, то они готовы были примириться с существующим положением, лишь бы не увеличивался транзит через Болгарию предназначенных для Германии нефтепродуктов. «Тезис англичан, — докладывал Момчилов, — заключается в том, что если транзит нефти через нашу страну возрастет благодаря сооружению технических предприятий¹²³, тогда Англия должна будет вмешаться. Если же положение останется таким, каким оно является в настоящее время, то оно будет считаться нормальным и мы можем не бояться вмешательства»¹²⁴.

Руководители англо-французского блока хорошо понимали, что решающим фактором укрепления их позиций в Болгарии может явиться лишь исправление несправедливых территориальных постановлений Нейнского диктата. Однако они не могли решиться на такой шаг, не вызвав резкого недовольства своих союзников из Балканской Антанты. Так, докладывая в Софии о своей беседе с генеральным секретарем французского министерства иностранных дел Леже по вопросу о Южной Добрудже, болгарский посланник в Париже Н. Балабанов сообщал: «Г-н Леже сказал мне, что он вполне разделяет мнение об основательности болгарских претензий. Однако он считает, что вопрос может быть разрешен лишь после окончания войны. Румыния не согласна на уступку

¹²² «Asalto», 2.III 1940 (цит. по фондам ЦДИА, ф. 370, оп. 2, а. е. 3324).

¹²³ Как раз в это время (весна 1940 г.) сведения о сооружении таких объектов появились на страницах английской печати. Так, например, 9 апреля 1940 г. газета «Daily Telegraph and Morning Post» поместила сообщение своего бухарестского корреспондента о том, что при участии немецких техников ведется усиленное строительство складов для нефтепродуктов в г. Русе. Поднимался также вопрос о строительстве резервуаров в Варне (см. ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 532, л. 50).

¹²⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 1п, а. е. 202, л. 4. См. также шифрованную телеграмму Момчилова от 18 апреля 1940 г. о его разговоре с постоянным заместителем английского министра иностранных дел Александром Кадоганом (ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 532, л. 48—49).

территории до этого времени, а Франция считает, что она не может заставить Румынию пойти на подобные уступки». Далее Леже не постеснялся открыто заявить: «Франция не может сделать это потому, что... у нее нет никакой уверенности в том, что Болгария, получив Добруджу, тем не менее не окажется снова в лагере противника»¹²⁵.

Политика английских правящих кругов в отношении территориальных требований Болгарии определялась не более принципиальными соображениями. В апреле 1940 г. в Лондоне состоялось совещание английских дипломатических представителей в балканских странах. Цель этого совещания заключалась в выработке новых аспектов британской политики на Балканах, направленных на укрепление здесь позиции Англии и оказание более действенного влияния на внешнеполитическую линию балканских стран. Среди других вопросов, обсуждавшихся на совещании, был и вопрос о болгаро-румынском споре относительно Южной Добруджи. Опасаясь, что урегулирование этого спора может произойти при содействии других великих держав, английские дипломаты предложили, чтобы инициативу в этом деле взяла в свои руки Англия. Однако при этом большинство участников совещания предлагало согласиться на урегулирование вопроса о Добрудже при условии, если Болгария заключит соглашение о взаимопомощи с Румынией¹²⁶. Это была новая попытка втянуть Болгарию в блок балканских государств, который западные державы намеревались использовать в своих империалистических целях.

Если не считать подобных весьма двусмысленных предложений, самое большое, на что пошла англо-французская дипломатия в рассматриваемый период, было обещание содействовать предоставлению болгарскому компактному населению тех областей, на которые претендовала Болгария, местной автономии. «Окончательное урегулирование вопросов», как тут mismo выражались западные дипломаты и их подручные (в частности, эту линию проводили турецкие деятели во время своих визитов в Софию), должно было быть отложено на послевоенный период.

Такая позиция западных союзников решающим образом ослабляла их влияние в Болгарии и вместе с тем укрепляла влияние на болгарские правящие круги гитлеровской Германии, которая всячески подогревала усиливавшийся болгарский ревизионизм. «Так как англичане действуют на основе статус-кво, — не без злорадства писала еще 16 сентября 1939 г. газета „Kölnische Zeitung“, — то с самого начала стало ясным, что Болгария не поддастся на их приманку, если Балканы не будут вовлечены в конфликт».

В отношении приманок немецкие фашисты имели куда более широкие возможности. В частности, они всячески использовали вопрос о Добрудже для дальнейшего подчинения своей воле как болгарского, так и румынского правительств, шантажируя их одновременно или поочередно обещаниями содействовать получению или сохранению спорной территории. Поскольку болгаро-румынские противоречия являлись удобным поводом для такого шантажа, фашистская Германия стремилась оттянуть разрешение этого вопроса по возможности на более длительный срок. Вплоть

¹²⁵ См. докладную записку Н. Белабанова министру иностранных дел Болгарии от 1 мая 1940 г. (ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 532, л. 69).

¹²⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 532, л. 54—55. Истинная сущность этого предложения сразу же бросилась в глаза болгарскому посланнику в Лондоне Момчилову. Докладывая своему правительству о результатах совещания британских послов, он специально подчеркивал опасность, которую представляет для Болгарии подобное «условное заступничество» Англии в деле урегулирования добруджанского вопроса (см. там же, л. 55).

до лета 1940 г. общей линией германской политики в этом вопросе была ориентация на его разрешение лишь по окончании войны.

Своекорыстная подоплека этой политики ясно видна из содержания следующего донесения Драганова от февраля 1940 г.: «В германском министерстве иностранных дел меня заверили, что они не связаны политическими обязательствами в отношении Румынии, т. е. не принимали на себя гарантии ее границ, но в целях сохранения хороших отношений с Румынией занимают очень сдержанную позицию по большим для нее вопросам — Бессарабии, Добруджи, Трансильвании. До тех пор, пока Румыния поставляет Германии свою нефть в течение войны, нельзя ожидать, что Германия поднимет перед Румынией вопрос об урегулировании ее территориальных споров с соседями или же займет открыто симптоматическую позицию в деле их урегулирования»¹²⁷.

В конце июня 1940 г. Советским Союзом была освобождена от румынского владычества насильственно оторванная в свое время от Советской страны Бессарабия вместе с населенной украинцами частью Буковины. В связи с этим возникла благоприятная обстановка и для возвращения Болгарии мирным путем Южной Добруджи¹²⁸. В эти дни Германия употребила все свое влияние на то, чтобы удержать Болгарию от предъявления своих справедливых требований румынскому правительству. 2 июля к болгарскому министру иностранных дел явился германский посланник в Софии Рихтхофен, зачитавший телеграмму Риббентропа, в которой говорилось: «Германия вполне понимает ревизионистские претензии Болгарии. Но она считает, что еще не наступил час их осуществления, и убеждена в том, что при заключении мира будет найдено приемлемое для Болгарии разрешение добруджанского вопроса. Когда этот момент наступит, Германия употребит свое влияние для урегулирования в указанном смысле»¹²⁹. 29 июня с подобным же предостережением к болгарскому правительству обратился и министр иностранных дел Италии Чиано¹³⁰.

Такова была позиция империалистических держав в вопросе о территориальных требованиях Болгарии. И вовсе не случайно, например, болгарский посланник в Москве еще в октябре 1939 г., указывая на двусмысленность политики болгарского правительства по отношению к Советскому Союзу, восклицал: «Франция и Англия против нас, а Германия не с нами, по крайней мере в отношении наших территориальных требований; каково будет наше положение, если мы лишимся поддержки СССР?»¹³¹.

¹²⁷ Цит. по статье: М. Михов. Борбата на СССР за предотвратяване на хитлеристката агресия на Балканите по време на втората световна война. — «Военно-исторически сборник», № 1, 1954, стр. 89; см. также доклад Драганова о своей беседе с Вейцекером 23 марта 1940 г., в которой последний распространялся об основательности возражений румын против передачи Южной Добруджи Болгарии (ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 532, л. 25).

¹²⁸ Народные массы Болгарии, встретившие с полным одобрением возвращение бессарабских земель Советскому Союзу, связывали с этим большие надежды на скорое воссоединение с Болгарией Южной Добруджи. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные донесения болгарских полицейских и административных властей на местах. Так, в ежемесячном докладе Пловдивского околийского управителя Министерству внутренних дел за июнь 1940 г. указывалось: «Население особенно проявляет удовлетворение занятием Бессарабии Советской Россией и выражает свою полную веру в том, что осуществление болгарских национальных вожелений является вопросом дней». — Окръжен държавен архив — Пловдив, ф. 57, папка 43 (необработ.).

¹²⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 582, л. 164; см. также а. е. 533, л. 10.

¹³⁰ Там же, л. 165; см. также а. е. 533, л. 8, 9.

¹³¹ См. М. Михов. Борбата на СССР за мир на Балканите в началото на Втората световна война и България. — «Военно-исторически сборник», 1953, № 4, стр. 12.

Советский Союз был единственной великой державой, занявшей принципиальную, искренне доброжелательную позицию в отношении справедливых национальных требований Болгарии и, в частности, оказавшей ей бескорыстную поддержку в вопросе о возвращении Южной Добруджи, которая имела жизненное значение для развития болгарской экономики.

Газета «Правда», приводя официальные болгарские данные, согласно которым в Южной Добрудже болгары составляют основной кадр населения, тогда как на долю румын приходится всего лишь около 2%, писала: «Общественное мнение Болгарии считает, что Южная Добруджа была и должна оставаться житницей Болгарии». Далее газета давала краткий исторический обзор развития добруджанского вопроса, приводила факты насильственной румынизации и террора, осуществляемых румынскими властями над болгарским населением области, и в заключение писала: «На основании этих данных следует считать, что требование Болгарии о возвращении ей Южной Добруджи является справедливым и вполне обоснованным».

Как известно, Советский Союз всегда стоял и продолжает стоять на позиции поддержки этих требований Болгарии в отношении Румынии»¹³².

Советское правительство неоднократно и недвусмысленно заявляло болгарскому правительству, что считает болгарские требования законными и что оно полностью поддерживает их¹³³.

Однако болгарские правители, движимые чувством классовой ненависти к великой стране социализма и проводя пагубную для Болгарии политику ориентации на фашистскую Германию, не спешили использовать эту поддержку. Готовностью Советского Союза помочь Болгарии в справедливом разрешении вопроса о Добрудже они пытались воспользоваться весьма своеобразно. Об этом свидетельствует, например, шифрованная телеграмма болгарского посланника в Берлине Драганова от 19 июля 1940 г., в которой сообщается, что в разговоре со статс-секретарем министерства иностранных дел Германии Вейцзекером он «подчеркнул необходимость того, чтобы немцы поспешили с разрешением добруджанского вопроса с тем, чтобы предотвратить его разрешение с помощью русских»¹³⁴.

В этом отношении характерно также письмо бывшего болгарского царя Фердинанда, направленное им 7 июля 1940 г. Гитлеру, по-видимому, не без ведома царя Бориса. Рассыпаясь в верноподданнических чувствах к фашистскому «фюреру», Фердинанд всячески стремился доказать в своем письме, что возвращение Южной Добруджи Болгарии «именно немецкой рукой, а не рукой другого государства» было бы в интересах самой Германии. «Нет необходимости указывать, — писал он, — какими могут быть для дальнейшего развития Балкан последствия разрешения этого вопроса тем или другим способом... С точки зрения географического положения Болгарии, как центра Балкан, усиление ее позиции — в интере-

¹³² «Правда», 13.VIII 1940.

¹³³ См., например, ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 532, л. 124, 159; оп. 1п., а. е. 11, лл. 2, 34 и др.

¹³⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 532, л. 138; см. также шифрованную телеграмму Драганова от 1 июля 1940 г., в которой, сообщая о каких-то «коммунистических беспорядках» в Румынии, «создающих опасность» для германских интересов в этой стране, он писал: «...я здесь пускаю в ход мысль о большевистской опасности для нас и главным образом для Южной Добруджи и об ее предотвращении путем добровольной оккупации нами Южной Добруджи при наличии соглашения с Румынией и с согласия Германии» (ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 532, л. 115). См. также л. 128 и др.

сах прежде всего обеспечения безопасности германского пути на Восток»¹³⁵.

В этих же целях была использована и состоявшаяся в середине июля 1940 г. по приглашению гитлеровского главного командования поездка в Берлин бывшего главнокомандующего болгарской армией генерала Жекова¹³⁶.

Таким образом, готовностью Советского Союза поддержать справедливые требования Болгарии болгарские правители стремились воспользоваться лишь для того, чтобы припугнуть заправил фашистской Германии «коммунистической опасностью», возможным усилением влияния СССР в Болгарии и подчеркнуть как свою заинтересованность, так и заинтересованность самих гитлеровцев в укреплении влияния последних в стране и в разрешении добруджанского вопроса «германской рукой»¹³⁷.

К этому времени в международной обстановке произошли серьезные изменения. Французская армия и английские экспедиционные силы на европейском континенте были разгромлены. 22 июня 1940 г. реакционное французское правительство, смертельно боявшееся своего собственного народа, капитулировало перед гитлеровской Германией и вступившей в войну на ее стороне с 10 июня 1940 г. фашистской Италией.

Легко реализовав свой план «молниеносной войны» в Западной Европе и обеспечив себе значительные военные и материальные подкрепления, германский империализм считал, что наступило время для начала непосредственной подготовки войны против Советского Союза. Германский империализм исходил при этом из того, что без разгрома СССР он не мог рассчитывать на установление своего полного господства в Европе и во всем мире. 31 июля 1940 г. на секретном совещании в Бергхофе Гитлер заявил: «Если Россия будет разбита, у Англии исчезнет последняя надежда. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия... На основании этого заключения Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года... Лучше всего было бы уже в этом году, однако это не даст возможности провести операцию слаженно»¹³⁸.

¹³⁵ Цит. по статье: П. Георгиев. Едно царуване в борба срещу народа и в служба на Германия. — В кн.: «Републиката. Сборник статии», София, 1946, стр. 191.

¹³⁶ В телеграмме болгарскому посланнику в Берлине Драганову от 20 июля 1940 г. министр иностранных дел Попов писал: «Разъясняется, что Е. В. Царь не поручал Жекову встречаться с Гитлером или Герингом, а только сказал, чтобы он приветствовал их, если увидит, и изложил им нашу позицию. Было бы неплохо, если бы Жеков встретился с этими лицами» (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п. а. е. 11, л. 18).

¹³⁷ Следует сказать, что дипломатия государств фашистской оси, в первую очередь германская, давая болгарским правителям понять косвенным путем, что она рассматривает советско-германский пакт о ненападении как чисто временное явление, постоянно прощупывала позицию болгарского правительства и в свою очередь всячески стремилась запугать его «большевистской опасностью». Об этом свидетельствует, например, следующая телеграмма, направленная 10 июля 1940 г. министром иностранных дел Поповым болгарскому посланнику в Берлине Драганову: «Наше посольство в Москве сообщает, что итальянский военный атташе якобы получил какое-то сообщение, согласно которому русские потребовали от нас предоставления им морских баз в Варне и Бургасе».

Некоторое же время тому назад немцы здесь запрашивали, верно ли, что русские потребовали для себя воздушных баз в Шумене и Карнобате.

Ни первое, ни второе не соответствует действительности, но поскольку эти слухи свидетельствуют об отношениях между Россией и державами оси и поскольку они затрагивают нашу страну, было бы хорошо, если бы вы постарались собрать подробные сведения и разобраться, с какой целью эти слухи распускаются, а также скрывается ли за ними что-нибудь серьезное» (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п. а. е. 11, л. 6).

¹³⁸ Запись в служебном дневнике начальника германского генерального штаба сухопутных сил генерал-полковника Гальдера от 31 июля 1940 г. (см. служебный дневник Гальдера, «Военно-исторический журнал», № 2, 1959 г., стр. 67).

Настойчиво осуществляя свою агрессивную политику, заправили гитлеровской Германии с июля 1940 г. приступили к разработке конкретного плана военного нападения на Советский Союз. Маскируя свои действия видимостью соблюдения договора о ненападении с СССР и рекламированием «битвы за Англию», они уже в это время начали скрытное стратегическое сосредоточение и развертывание сил, предназначенных для агрессии против СССР¹³⁹.

В тесной политической и стратегической связи с этой агрессией находилась готовившаяся гитлеровским командованием т. н. операция «Марита» по захвату Югославии и Греции. Эта операция, к участию в которой предполагалось привлечь и сателлитов фашистской Германии в Центральной Европе и на Балканах, должна была, помимо всего прочего, также содействовать маскировке подготовки к нападению на СССР и вместе с тем обеспечить южный стратегический фланг фашистского агрессора в Европе¹⁴⁰. Роль одного из важных плацдармов для проведения операции «Марита», а в дальнейшем и для непосредственной агрессии против Советского Союза, по плану гитлеровцев, должна была сыграть Болгария. Для этого гитлеровскому руководству необходимо было еще крепче привязать к себе правящие монархо-фашистские круги Болгарии и обеспечить соответствующие политические и военно-стратегические позиции в самой стране. Учитывая все это, нетрудно понять, почему на сей раз в Берлине с особым вниманием прислушались к сообщениям болгарского правительства об «опасности» разрешения вопроса о Добрудже с помощью Советского Союза.

Уже 19 июля Драганов сообщил своему правительству, что в германском министерстве иностранных дел рассматривается вопрос о приглашении в Германию болгарского премьер-министра и министра иностранных дел¹⁴¹, а 23 июля германский посланник в Софии передал и само приглашение Филову и Попову. Сообщая болгарским дипломатическим представителям за границей об этом приглашении, Попов подчеркивал, что инициатором его является германское правительство. «Хотя германская сторона не поставила в приглашении никаких конкретных вопросов и требований, — писал он, — но нам ясно, что речь будет идти о наших взаимоотношениях с Румынией, премьер-министр и министр иностранных дел которой, по их собственной просьбе, вызваны в Германию на день раньше нас...»¹⁴².

¹³⁹ Например, к 20 июля 1940 г. главным командованием сухопутных войск Германии было переброшено в оккупированную Польшу 1 армейский штаб, 6 корпусных штабов, 15 пехотных дивизий, 1 кавалерийская дивизия (см. С. Козлов. Некоторые вопросы стратегического развертывания по опыту двух мировых войн. — «Военно-исторический журнал», № 12, 1959, стр. 12). По свидетельству К. Типпельскирха, в июле 1940 г. была переведена в Познань группа армий фельдмаршала фон Бока, т. е. штабы 4-й, 12-й и 18-й армий и около 30 дивизий (К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 166). См. также упоминавшуюся выше шифрованную телеграмму болгарского посланника в Берлине Драганова болгарскому министерству иностранных дел от 1 июля 1940 г., в которой, между прочим, сообщалось: «Здесь настроение против России растет. Официальная позиция еще не высказывается, но военные приготовления производятся. На ближайшие дни готовится переброска на Восток огромного количества войск» (ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 532, л. 115).

¹⁴⁰ По словам тогдашнего обер-квартирмейстера германского генерального штаба сухопутных войск Паулюса, Гитлер рассматривал захват Балкан «в качестве предварительного шага к вторжению в Россию». «Нашими целями в данном случае, — пояснял Паулюс, — ... было прежде всего иметь свободным «свое правое плечо», когда мы нападём на Россию» (цит. по кн.: В. А. Секистов. «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939—1943 гг.). М., 1958, стр. 195).

¹⁴¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 532, л. 137.

¹⁴² ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п. а. е. 11, лл. 22—23, 24 и др.

Встреча болгарских министров с Гитлером и Риббентропом состоялась 27 июля 1940 г. в Зальцбурге. 31 июля Попов направил болгарским дипломатическим представителям за границей следующее сообщение о результатах этой встречи: «Немцы хотят сохранения спокойствия в Дунайской области и посоветовали Румынии прийти к соглашению с нами и с Венгрией. Румынские министры заявили, что они готовы к уступкам и возьмут на себя инициативу по ведению переговоров. Немцы признают, что наше требование о возврате Южной Добруджи вполне обоснованно, и поддержат нас в этом»¹⁴³.

Эта перемена в позиции руководителей фашистской Германии в споре о возвращении Болгарии Южной Добруджи была весьма симптоматичной. Она свидетельствовала о том, что германский империализм уже приступает к непосредственной подготовке оккупации Балкан и к созданию здесь своего плацдарма для дальнейшей агрессии. Румынские правители, окончательно убедившись в эфемерности англо-французских «гарантий» (к тому же Франция к этому времени уже капитулировала, а Англия, убедившись в бесперспективности своей прежней позиции в вопросе о Южной Добрудже, также перестала возражать против ее возврата Болгарии)¹⁴⁴, теперь целиком отдали себя во власть Берлина, где, по всей вероятности, им уже обещали «возмещения» за счет обширных областей Советского Союза¹⁴⁵. Оказывая теперь поддержку Болгарии, гитлеровцы стремились выступить в роли ее «благодетелей» и форсировать окончательное ее превращение в своего сателлита. Вместе с тем этим своим жестом руководители фашистской Германии делали попытку противодействовать огромной популярности, которую завоевал в болгарском народе Советский Союз, настойчиво боровшийся не только за справедливое разрешение территориальных вопросов на Балканах, но и за обеспечение

¹⁴³ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 11, л. 29.

¹⁴⁴ Уже 15 июля 1940 г. английский посланник в Софии Рендел заявил главному секретарю министерства иностранных дел Шишманову, что «Англия в своих действиях сегодня более свободна, чем вчера, так как больше не связана с Францией и ее анти-ревизионистскими идеями». Рендел добавил к этому, что теперь он более свободно может заявить о согласии Англии на возвращение Добруджи Болгарии (ЦДИА, ф. 176, оп. 8, а. е. 533, л. 20). Несколько ранее, а именно 29 июня, Рендел заявил Шишманову, что Англия и Турция могли бы облегчить присоединение Добруджи к Болгарии при условии, если последняя откажется от претензии на Фракию (там же). В связи с этим поворотом в позиции Англии болгарская газета «Слово» 30 июля 1940 г. писала: «После того, как все попытки англичан добиться расширения войны путем предоставления гарантий Румынии и другим государствам потерпели провал, теперь Англия отказывается от принципа статус-кво лишь для того, чтобы доказать, что и она может иметь какое-то участие в урегулировании европейских дел».

¹⁴⁵ Вскоре после зальцбургской встречи, уже осенью 1940 г., был решен вопрос о привлечении Румынии к войне против СССР и использовании ее как плацдарма для наступлений. В сентябре 1940 г., после прихода к власти правительства Антонеску (4 сентября), в качестве связующего звена между германским и румынским генштабами в Румынию была направлена многочисленная германская военная миссия, возглавляемая генералами Гензеном и Шпейделем. Немецкие офицеры-инструкторы приступили к реорганизации румынской армии по немецкому образцу и подготовке ее к нападению на СССР (см. П. Жилин. Подготовка германским генеральным штабом войны против СССР. — «Военно-исторический журнал», № 12, 1959, стр. 35). По данным Типпельскирха, германская военная миссия, которой официально была поручена реорганизация румынской армии, была учреждена в начале октября 1940 г. С 11 октября в Румынию началась переброска учебных частей немецких сухопутных войск (фактически — одной танковой дивизии) и авиации (см. К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 135—136). 16 октября 1940 г. ТАСС опровергло сообщение берлинского корреспондента датской газеты «Политикен» о том, что СССР, якобы, был информирован о посылке германских войск в Румынию, а также о целях и размерах этих войск («Правда», 17.X 1940 г.).

балканским народам возможности свободного и независимого развития в условиях мира.

Следует сказать, что после зальцбургской встречи болгарские представители чувствовали себя в довольно фальшивом положении в отношении СССР, к которому они перед этим обращались за поддержкой в вопросе о Добрудже и ясная позиция которого явилась одной из причин, вынудивших Гитлера изменить свое отношение в этом вопросе. Этим, вероятно, была вызвана телеграмма Попова от 2 августа 1940 г., в которой он поручал болгарскому посланнику в Москве объяснить Советскому правительству, что инициаторами встречи в Зальцбурге являлись вовсе не болгары, а немцы, приславшие им приглашение по собственной инициативе, «так как Германия интересовалась урегулированием вопросов, связанных с Румынией». «Изложите нашу надежду, — писал в заключение Попов, — что при разрешении этого вопроса мы сможем рассчитывать на поддержку Советского правительства в соответствии с известной вам его декларацией»¹⁴⁶.

Непосредственный контакт между румынскими и болгарскими представителями по вопросу о передаче Южной Добруджи был установлен 3 августа, когда с этой целью в Софию прибыл румынский посланник в Белграде Кадере¹⁴⁷. Предварительные разговоры велись в Софии и Бухаресте с 3 по 19 августа, после чего в румынском городе Крайова начались официальные переговоры специально назначенных делегаций обеих сторон. Переговоры происходили с большими шероховатостями. В то время как болгары требовали интегральной передачи всей Южной Добруджи в границах 1913 г., румыны при предварительных переговорах настаивали на том, чтобы сохранить за собой города Силистра и Балчик¹⁴⁸. Во время переговоров в Крайове возникли разногласия также по вопросу о сроках занятия передаваемой территории болгарскими войсками, по вопросу об обмене населением и ряду других¹⁴⁹.

Наконец, 7 сентября 1940 г. румыно-болгарский договор о возвращении Южной Добруджи Болгарии был подписан¹⁵⁰. Крайовский договор предусматривал передачу Болгарии всей Южной Добруджи в границах 1913 г. (она охватывала территорию в 7.695 кв. км с населением в 350 тыс. человек). 21 сентября после того, как Народное собрание одобрило Крайовский договор, болгарские войска перешли границу Южной Добруджи. Ко 2 октября занятие области болгарскими войсками было завершено. В виде приложений к договору были включены соглашения об обмене болгарским и румынским населением¹⁵¹ и финансовое соглашение¹⁵².

¹⁴⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 11, лл. 34—35.

¹⁴⁷ Там же, лл. 36—37, 38—39.

¹⁴⁸ Там же, лл. 38—39, 40, 41, 42, 44, 53—55.

¹⁴⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 11, лл. 58—59.

¹⁵⁰ Полный текст Крайовского договора см. ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 3, лл. 1—18; см. также «Междудържавно право», год I, кн. 3—4, юлий—декември 1940, стр. 81—83. Согласно протоколу к § 1 договора, новая граница начиналась у Дуная, непосредственно над г. Силистра и заканчивалась у Черного моря в пункте, находящемся примерно в 8 км южнее г. Мангалия (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 3, л. 4). Новая территория была разделена на семь околий, охватывающих пять городских и 114 сельских общин («Слово», 9.IX 1940).

¹⁵¹ «Междудържавно право», год I, кн. 3—4, стр. 83—87. Переселение лиц болгарской национальности из Северной Добруджи в Южную было проведено с 7 ноября по 3 декабря 1940 г. и охватило 60 500 чел. В декабре того же года было проведено переселение из Южной Добруджи в Румынию 6 тыс. лиц румынской национальности (данные взяты из речи болгарского министра внутренних дел Петра Габровского в Народном собрании 3 декабря 1940 г. — «Стенографски дневници на XXV ОНС», II редовна сесия, кн. 1, София, 1941, стр. 420).

¹⁵² «Междудържавно право», год I, кн. 3—4, стр. 87—88.

Возвращение Южной Добруджи было воспринято народными массами Болгарии с большим воодушевлением. Болгарский народ отчетливо понимал огромную роль Советского Союза в справедливом разрешении этого важного национального вопроса Болгарии и горячо благодарил за это Советское правительство. С этими чувствами и настроениями народа вынуждено было в какой-то мере посчитаться и болгарское правительство. 10 сентября болгарский посланник в Москве Стаменов передал благодарность своего правительства правительству СССР за моральную поддержку, оказанную Советским Союзом Болгарии в разрешении вопроса о Южной Добрудже¹⁵³. Однако эта официальная благодарность прошла почти незамеченной в хоре громких славословий, которые болгарские правители и вся болгарская буржуазия расточали в адрес держав фашистской оси. Заключение Крайовского договора было использовано болгарской буржуазией для того, чтобы еще крепче привязать страну к военной колеснице гитлеровской Германии, для разжигания шовинистического угара, для усиления террора и преследования демократических сил внутри страны.

* * *

Авантюристическая внешняя политика болгарской реакции не могла не встревожить не только широкие слои болгарских трудящихся, но и тех честных общественных деятелей различных политических направлений, которым по-настоящему были дороги судьбы их родины. Так, еще в сентябре 1939 г. один из руководителей политического кружка «Звено» и бывший премьер-министр Кимон Георгиев в открытом письме к премьер-министру Кыосеиванову с тревогой обращал внимание на трагические последствия, к которым может привести антисоветский курс правительства. Георгиев указывал на полную изоляцию Болгарии, которая в столь ответственный момент оказалась без искренних друзей на Балканах и в Европе в целом. Он отмечал законность опасений на счет того, что провозглашенный правительством, но не подкрепленный практическими действиями и не опирающийся на реальную силу нейтралитет может явиться лишь прикрытием для несовместимых с ним целей. К. Георгиев с особой силой подчеркивал жизненную для Болгарии необходимость в установлении нормальных и дружественных отношений с великим Советским Союзом. «На протяжении ряда лет, — писал Георгиев, — события все ярче подчеркивали роль и значение России в судьбах всего мира, Европы и Балкан. Ныне политика России имеет преобладающее значение особенно в вопросах Восточной Европы». Напомнив о нерушимых культурно-исторических и духовных узах, издавна связывающих оба славянских народа, автор письма указывал, что для Болгарии линия на установление тесных политических и экономических связей с великим Советским Союзом является естественной и наиболее здоровой политической концепцией¹⁵⁴.

Демократическая общественность Болгарии хорошо понимала, что в борьбе за сохранение страны вне империалистической войны для болгарского народа нет и не может быть более прочной и надежной опоры, чем Советский Союз. Рабочая партия, являвшаяся выразителем самых сокровенных чаяний болгарских трудящихся и организатором борьбы болгарского народа за мир, демократию и национальную независимость,

¹⁵³ «Правда», 11.IX 1940.

¹⁵⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 9, а. е. 2848, л. 15.

возглавила широкое народное движение за дружбу и союз с СССР. «Партия, — писал позже Г. Димитров, — правильно считала, что Советский Союз остается единственной мощной опорой для сохранения мира на Балканах и независимости балканских народов.

Исходя из этого, партия поставила в качестве решающей задачи внешней политики Болгарии заключение пакта о дружбе и взаимной помощи с Советским Союзом. Если же Болгария в результате стремления вовлечь ее в войну окажется перед опасностью нападения или подвергнется нападению какой-либо из двух воюющих сторон, болгарский народ будет всеми силами бороться за свободу и независимость, ища поддержки у Советского Союза»¹⁵⁵.

Давление широких кругов болгарской общественности, требовавшей от болгарского правительства проведения активной политики мира и ориентации на Советский Союз, так же как и сложность международной обстановки, все возрастающая опасность развязывания империалистической агрессии на Балканах и слабая подготовленность Болгарии в военном отношении, — все это заставило болгарское правительство предпринять накануне и в начале войны некоторые шаги в сторону улучшения отношений с СССР. В какой-то мере эти шаги были облегчены и наличием советско-германского договора о ненападении¹⁵⁶. Наконец, на эти шаги толкала болгарскую буржуазию опасность лишиться необходимых для страны сырья и промышленных товаров в результате нарушения торговли с рядом государств и катастрофическое положение, в котором оказалось болгарское народное хозяйство в результате однобокой ориентации на гитлеровскую Германию.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на полную очевидность политических и экономических выгод для Болгарии от улучшения отношений с СССР, ее реакционные правящие круги, ослепленные классовой неприязнью к великой стране социализма, шли на эти шаги крайне неохотно, робко и непоследовательно, лишь под давлением крайней необходимости.

Верное своей политике мира и дружбы со всеми народами, Советское правительство в обстановке начавшейся второй мировой войны прилагало

¹⁵⁵ Г. Димитров. Политический отчет ЦК БРП(к) V съезду партии. — В кн.: Г. Димитров. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 604. Выходивший в подполье центральный орган партии газета «Рабочническо дело» следующим образом формулировал основные цели и задачи в области внешней политики страны в обстановке начавшейся мировой войны:

«1. Решительный отпор попыткам воюющих держав, особенно Англии, втянуть Балканы и Болгарию в империалистическую войну. Борьба за сохранение мира на Балканах и недопущение вовлечения страны в империалистическую войну.

2. Сближение и союз между балканскими государствами; разрешение спорных между ними вопросов мирным путем — путем взаимных уступок и совместной борьбы как против их вовлечения в империалистическую войну со стороны Англии и Франции, так и против возможной агрессии в будущем со стороны Германии. Этот Балканский союз сможет справиться со своими задачами лишь в том случае, если он будет опираться на СССР.

3. Решительная ориентация внешней политики страны на союз с СССР... Заключение пакта о ненападении и взаимной помощи с нашим могучим северо-восточным соседом» (См. «Рабочническо дело», № 1, ноябрь 1939).

¹⁵⁶ Это обстоятельство, несомненно, объективно не могло не сказаться на внешнеполитической линии болгарского правительства. Однако следует указать, что монархофашистская клика Болгарии пыталась спекулировать на наличии советско-германского пакта и дезориентировать отсталые в политическом отношении слои болгарского народа, изображая дело таким образом, будто Советский Союз пошел на изменение своей миролюбивой внешней политики в направлении совместных действий с фашистской Германией и чуть ли не сговора с ней. Болгарская рабочая партия посвятила много сил разоблачению этих провокационных утверждений (см., например, изданную в 1939 г. в Софии брошюру Тодора Павлова «Против обьркването на понятията»).

большие усилия для предотвращения ее дальнейшего расширения и, в том числе, для сохранения мира на Балканах. В частности, Советский Союз делал все от него зависящее для того, чтобы уберечь от ужасов войны братский болгарский народ. Усилия Советского Союза были направлены здесь на предотвращение оккупации Болгарии иностранными империалистами и превращения ее территории в плацдарм антисоветской войны, на мирное разрешение справедливых национальных требований Болгарии, на оказание ей экономической помощи и ослабление зависимости болгарской экономики от империалистических хищников.

Некоторые сдвиги к лучшему в советско-болгарских отношениях наметились еще с лета 1939 г., когда СССР посетила болгарская парламентская делегация и был поставлен вопрос о нормализации экономических связей между обеими странами. Последовавшее 11 декабря 1939 г. подписание конвенции об установлении воздушного сообщения между Москвой и Софией¹⁵⁷ и особенно заключение 5 января 1940 г. советско-болгарского договора о торговле и мореплавании сроком на три года и соглашения о товарообороте и платежах на 1940 год создали практические предпосылки для улучшения советско-болгарских экономических отношений. Торговый договор предусматривал взаимное применение принципа наибольшего благоприятствования. В соответствии с соглашением о товарообороте, в 1940 г. общий оборот должен был составить 920 млн. левов¹⁵⁸, в то время как за предшествовавшие пять лет ежегодный товарооборот между обеими странами не превышал 8 млн. левов, а в 1939 г. составил всего лишь 5 млн. левов¹⁵⁹.

Заключение советско-болгарского торгового соглашения было исключительно выгодным для Болгарии. Оно значительно смягчило ее хозяйственные затруднения, вызванные условиями военного времени и кризисом, обеспечивало снабжение страны необходимыми дефицитными товарами и сырьем, сбыт значительной части предметов болгарского экспорта, а также улучшение положения трудящихся масс. Советский импорт и советские заказы обеспечили работой десятки тысяч болгарских рабочих¹⁶⁰.

¹⁵⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, а. е. 1257, л. 2—3. 17 февраля 1940 г. в Софии было подписано дополнительное соглашение между СССР и Болгарией о торговой и технической эксплуатации воздушной линии Москва—Херсон—Бургас—София, на которой курсировали скоростные советские самолеты.

¹⁵⁸ См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», том IV (1935—июнь 1941 г.), М., 1946, стр. 482, № 390. В феврале 1940 г. указанная сумма была увеличена до 1075 млн. левов в связи с подписанием двух новых соглашений (по тогдашнему курсу 100 левов равнялись 6 руб. 26 коп.). Вплоть до ноября 1940 г. советско-болгарский товарооборот развивался весьма интенсивно. Уже к концу июля предусмотренные соглашением контингенты были реализованы обеими сторонами примерно на 50—55%. Этот факт, наглядно продемонстрировавший богатые возможности для расширения торговли между обеими странами, показал, что крайне ограниченные размеры торгового оборота предшествовавших лет вызывались искусственно. Однако вновь усилившаяся антисоветская политика болгарских правителей и натиск немецких трестов привели к сильному сокращению взаимного товарооборота в последние месяцы 1940 г. (подробнее о хозяйственных взаимоотношениях и связях между Болгарией и СССР в рассматриваемый период см. в кн.: В. Хаджиниколов. Стопански отношения и връзки между България и Съветския съюз до Девети септември (1917—1944), гл. III. София, 1956, стр. 185—228).

¹⁵⁹ В. Хаджиниколов. Указ. соч., стр. 176.

¹⁶⁰ Торговое соглашение предусматривало, что Болгария получит из Советского Союза на исключительно выгодных условиях нефтепродукты, сельскохозяйственные машины, черные металлы, медный купорос, каменную соль, хлопок, удобрения и другие необходимые ей товары, а будет вывозить в СССР табак, розовое масло, свинину и свиней, рис, кожевенное сырье, семена огородных культур и другие товары. В соответствии с соглашением болгарские текстильные фабрики получали на переработку 10 тыс. т. советского хлопка, что гарантировало работу 40 тыс. болгарских рабочих.

«Советское правительство, — писал позже В. Коларов, — заключило с Болгарией самое выгодное для нее торговое соглашение. Болгарские правители тогда не могли нахвалиться этим соглашением и считали его своим большим успехом. Болгарский народ по достоинству оценил этот подлинно равноправный договор, проникнутый уважением к политической и экономической независимости Болгарии и самыми лучшими чувствами к ее всестороннему благополучию»¹⁶¹.

Весной 1940 г. СССР принял участие в VIII Пловдивской международной ярмарке. Многие тысячи болгарских трудящихся (ярмарку посетило 220 тыс. человек) получили здесь возможность ознакомиться с достижениями Советского Союза во всех областях промышленности, сельского хозяйства, культуры и науки. Участие СССР в ярмарке укрепило деловые связи между обеими странами.

Успешное развитие экономических связей между Советским Союзом и Болгарией не могло не оказать благотворного влияния и на развитие их культурно-политических взаимоотношений.

21 июня 1940 г. между ТАСС и Болгарским телеграфным агентством было заключено соглашение об обмене информацией¹⁶². В этот период в Болгарии получила более широкое распространение советская художественная и научная литература, демонстрация советских фильмов и другие формы культурного общения. Несмотря на ограничительные и репрессивные меры болгарских властей, в этот период шире развернули свою деятельность общества болгаро-советской дружбы, популяризовавшие величайшие победы социалистического строительства в СССР, достижения советской науки и искусства, мирную политику Советского Союза, укреплявшие стремление болгарского народа к миру и братской дружбе с великой Советской страной. Помимо созданных ранее 46 обществ советско-болгарской дружбы, на протяжении 1939 и 1940 гг. было основано, по неполным данным, 42 новых общества в городах и 14 — в селах страны. Число их членов превышало 5—6 тыс. человек¹⁶³.

В яркую демонстрацию болгаро-советской дружбы превратилась встреча и пребывание в Софии в августе 1940 г. игроков советской футбольной команды «Спартак». Энтузиазм, вызванный среди трудящихся Софии вестью о предстоящем прибытии советских футболистов, был настолько велик, что он вселял тревогу не только среди болгарских правящих кругов, но и среди их немецких покровителей. Об этом свидетельствует следующая телеграмма, направленная 30 июля 1940 г. министром иностранных дел Поповым болгарскому посланнику в Берлине Драганову: «Позавчера Рихтхофен (германский посланник в Софии. — Л. В.) и сам Риббентроп сообщили мне о некоей 50-тысячной коммунистической манифестации в связи с приездом русских футболистов. Здесь я констатировал, что не было ничего подобного. Во-первых, сами футболисты не прибыли, а отложили свой приезд на 6 августа. Во-вторых, собравшихся встречать было даже менее 5 тыс. человек. Постарайтесь рассеять подозрения, вызванные указанными слухами, и при этом подчеркните, что они могут исходить только от людей, стремящихся скомпрометировать Болгарию»¹⁶⁴.

Однако если при несостоявшейся встрече в конце июля даже по значительно преуменьшенным данным болгарского министра иностранных дел

¹⁶¹ В. Коларов. Против хитлеризма и неговите български слуги. София, 1947, стр. 323.

¹⁶² См. «Междудържавно право», год I, кн. 2, апрيل—юни, 1940, стр. 93.

¹⁶³ М. Манев. Забележителен юбилей. — «Българо-съветска дружба», № 17, 1959, стр. 2.

¹⁶⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 11, л. 27.

собралось 5 тыс. человек, то встреча 6 августа превзошла самые худшие его опасения. Интересным свидетельством об этой встрече является конфискованное полицией письмо Ивана Станишева от 13 августа 1940 г. интернированному в селе Рибарица поэту Цветану Спасову. «То, что произошло при встрече, — писал Станишев, — было поистине невиданным и единственным в своем роде. Не могу припомнить ни одно событие, которое бы вызвало на улицах Софии такое воодушевленное стечение народа. Советским спортсменам была устроена такая встреча, какую ни они сами, ни известные круги у нас не ожидали. По мощи выраженного в ней воодушевления эта встреча наверняка останется навсегда в памяти как тех, которые радуются ей, так и особенно тех, кто озадачен и озлоблен ею... Разумеется, излишне объяснять тебе, что демонстрация была не столько в честь самих игроков, сколько в честь чего-то большего. Ясно, что в лице советских спортсменов народ приветствовал других, которых он, к своему сожалению, не имел возможности приветствовать непосредственно»¹⁶⁵.

И на этот раз болгарский министр иностранных дел в специальных телеграммах посланникам в Берлине и Риме счел необходимым возложить на них задачу каким-то образом смягчить впечатление от величественной демонстрации болгаро-советской дружбы в связи с приездом советских спортсменов. Министр мотивировал этот шаг тем, что в указанных столицах «довольно чувствительны к любому коммунистическому проявлению в нашей стране». Пытаясь опровергнуть сообщение софийского корреспондента агентства «Рейтер» о том, что советских футболистов вышло встречать 100 тыс. человек, Попов тем не менее был вынужден признать, что по всему многокилометровому пути от аэродрома до центра столицы их приветствовали тысячи софийцев¹⁶⁶.

Правящие круги Болгарии испытывали страх перед огромным ростом симпатий болгарских трудящихся к Советскому Союзу, видя в этом «коммунистическую опасность». Поэтому они стремились всячески ограничить народное движение за сближение с СССР и принимали свирепые полицейские меры для его подавления. Не в меньшей мере были напуганы этим движением и их империалистические покровители из-за границы, усматривавшие в болгаро-советском сближении угрозу своим позициям в стране. Этим и объяснялась их чрезвычайная чувствительность к любому проявлению дружбы между народами обеих стран.

Все же болгарское правительство, учитывая в какой-то степени огромное значение морально-политической и дипломатической поддержки Советского Союза для укрепления международного положения Болгарии и разрешения ее национальных требований, в рассматриваемый период старалось поддерживать нормальные отношения с СССР и воздерживаться от антисоветских выступлений на международной арене. Например, когда во время спровоцированной финскими реакционерами советско-финской войны западные империалисты подняли волну антисоветской истерии, пытаясь использовать ее для организации похода против СССР, и провели через Лигу Наций решение об исключении Советского Союза из Лиги, болгарский делегат в Женеве воздержался от голосования. В болгарской печати стала появляться объективная информация о СССР. Некоторые болгарские газеты даже перепечатывали статьи из «Правды» и «Известий» по международным вопросам.

Установление нормальных и дружественных отношений между обеими странами отвечало коренным интересам Болгарии. Это наглядно показал,

¹⁶⁵ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 921, л. 1.

¹⁶⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 11, л. 47.

как мы уже отмечали выше, пример разрешения вопроса о мирном возвращении Болгарии Южной Добруджи.

В условиях бушевавшей империалистической войны шансы на сохранение действительного нейтралитета и национальной независимости такой малой страны, как Болгария, становились совершенно иллюзорными, если она не могла опереться на реальную силу, на поддержку могучей миролюбивой державы, каким являлся Советский Союз. Это стало очевидным для всех еще осенью 1939 г., когда выявилась непосредственная угроза развязывания подготовлявшегося англо-французскими империалистами и их турецкими подручными нападения на Болгарию с юга. В это время на турецко-болгарской границе в Восточной Фракии проводились подозрительные маневры с участием большого количества турецких войск. О сосредоточении в этом районе значительных турецких частей, в том числе конницы и танковых соединений, болгарские власти имели обширную информацию как по линии военного министерства, так и по линии министерства иностранных дел¹⁶⁷.

Очутившись перед лицом такой непосредственной опасности в условиях внешнеполитической изоляции страны, находившееся тогда у власти правительство Кыосеиванова вступило в переговоры с Советским правительством, намереваясь использовать их в целях политической спекуляции. Во время имевших место в сентябре—октябре 1939 г. болгаро-советских переговоров Советское правительство выразило готовность всемерно помочь Болгарии в деле обеспечения ее безопасности и суверенитета. Важным фактором в этом деле могло явиться заключение между обеими странами договора о дружбе и взаимной помощи. Однако вскоре выявилось полное нежелание болгарских правителей идти на заключение такого договора, получить помощь от Советского Союза и взять на себя какие-либо обязательства.

Они предпочли другое — ориентацию на гитлеровскую Германию, принося в жертву коренные национальные интересы Болгарии, превратив страну в базу для антисоветских авантюр и агрессии против соседних балканских стран¹⁶⁸. Этот курс правящих буржуазных кругов Болгарии особенно усилился с лета 1940 г., когда неожиданно быстрое поражение Франции и оккупация почти всей Западной Европы, казалось, сулили державам оси скорую победу.

В конце сентября 1940 г. в Берлине между Германией, Италией и Японией был заключен пакт о тройственном военном союзе (Тройственный пакт), знаменовавший собой «дальнейшее обострение войны и расширение сферы ее действия»¹⁶⁹. Хотя в тексте тройственного пакта для отвода глаз содержался специальный абзац, в котором утверждалось, что он не затрагивает отношения трех фашистских держав с СССР, для всех было ясно, что пакт направлен в первую очередь именно против Советского Союза. Вслед за подписанием берлинского пакта фашистская Германия предприняла меры по созданию вокруг него блока своих вассалов в Европе.

Уже с середины октября 1940 г. германская дипломатия стала осуществлять усиленный натиск на болгарское правительство, добиваясь при-

¹⁶⁷ Подробнее об этом см.: М. Михов, Борбата на СССР за мир на Балканите в началото на Втората световна война и България. — «Военно-исторически сборник», 1953, № 4, стр. 6—7.

¹⁶⁸ Характерно, что о факте отклонения советского предложения о договоре болгарское правительство незамедлительно сообщило в Берлин, где, по словам Кыосеиванова, его позиция была встречена с полным одобрением (См. М. Михов, Указ. соч., стр. 10).

¹⁶⁹ «Правда», 30.IX 1940.

соединения страны к фашистскому пакту. 16 октября германский посланник в Софии зачитал министру иностранных дел Попову телеграмму Риббентропа о решении Германии, Италии и Японии «облегчить присоединение дружественных государств к пакту от 27 сентября». «Позиция, которую Болгария займет в связи с этим приглашением, — добавил посланник, — явится критерием ее поведения по отношению к державам оси». Телеграмма Риббентропа заканчивалась почти ультимативным предложением: учитывая отношения, существующие между Болгарией и державами оси, последние с уверенностью ожидают ее присоединения к пакту «эventуально до субботы»¹⁷⁰.

Предлагая болгарскому правительству присоединиться к тройственному пакту, руководители фашистской Германии даже не сочли нужным сообщить его текст. Это вызвало телеграмму болгарского министра иностранных дел в болгарское посольство в Берлине с просьбой разузнать и донести, не содержатся ли в пакте некоторые необнародованные в печати положения. Одновременно Драганову поручалось разобраться в том, каковы истинные соображения, побуждающие Германию навязывать Болгарии этот пакт, который может сыграть для нее роковую роль¹⁷¹.

Как бы то ни было, болгарское правительство с самого начала хорошо представляло себе агрессивную сущность тройственного пакта. Оно понимало, что присоединение к нему чревато для Болгарии большими опасностями и отнюдь не будет способствовать сохранению мира на Балканах. Именно боязнь внутренних и внешнеполитических осложнений заставляла его колебаться и медлить с присоединением к фашистской оси. На следующий день после получения вышеупомянутого приглашения, обращаясь к болгарскому посланнику в Берлине, Попов писал: «Прежде, чем направить ответ, хочу, чтобы Вы незамедлительно сообщили мне Ваше мнение. Не считаете ли Вы, что наше присоединение к указанному пакту вызовет англо-турецкую опасность и даже до известной степени опасность со стороны Югославии и особенно России. Считаете ли Вы, что Берлин, делая это предложение, хорошо понимает положение, в котором мы находимся, особенно, если иметь в виду наше недостаточное вооружение?»¹⁷².

Напуганная все более сгущавшимися тучами на Балканах, болгарская дипломатия на первых порах пыталась занять в отношении пакта более сдержанную позицию, чем, скажем, венгерская или румынская. Она выискивала такие аргументы, которые, подкрепляя и обосновывая эту ее позицию, вместе с тем не давали бы гитлеровцам основания усумниться в доброжелательном отношении и преданности к ним болгарского правительства. Болгарские руководители указывали, что не только для них самих, но и для держав оси будет выгоднее, если Болгария, формально не присоединяясь к последним, под прикрытием своего нейтралитета по-прежнему будет сковывать турецкую и частично греческую армии. По всей

¹⁷⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, л. 31.

¹⁷¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, л. 34. В другой телеграмме, датированной 27 октября, болгарский министр иностранных дел вновь повторял эту свою просьбу и, кроме того, запрашивал сведения о том, как протекают переговоры о присоединении к тройственному пакту Венгрии и Румынии и какова позиция последних (там же, л. 35).

¹⁷² ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, л. 31. Вдогонку этой телеграмме 17-го же октября Попов направил Драганову следующую: «Чтобы Вам было ясно положение, сообщаю, что по достоверным сведениям, полученным нашим военным атташе в Анкаре, который позавчера счел необходимым приехать со специальным докладом, у турок во Фракии имеется 24 приведенных в полную боевую готовность дивизий. Кроме того, греки, имея восемь дивизий на албанской границе, держат на нашей границе семь дивизий» (там же, л. 32; см. также шифр. телеграмму Попова от 25 октября. — Там же, л. 36).

видимости, эти аргументы составляли основное содержание и личного письма царя Бориса Гитлеру, с которым 21 октября помчался в Берлин советник болгарского монарха Морфов¹⁷³.

По всем данным, миссия Морфова оказалась безрезультатной. Берлин продолжал настаивать на присоединении Болгарии к фашистской оси. Положение осложнялось, и болгарский монарх оказался вынужденным просить у Гитлера личной аудиенции. 17 ноября 1940 г. премьер-министр Филов записал в своем дневнике: «Сегодня царь и Попов вылетели инкогнито в Берхтесгаден»¹⁷⁴. Во время встречи в ставке Гитлера последний вновь потребовал, чтобы Болгария официально примкнула к тройственному пакту. Не возражая в принципе, царь Борис повторил тезис о возможных внешнеполитических осложнениях для Болгарии и просил лишь о том, чтобы ее формальное присоединение к оси было отложено на более поздний срок, когда будет завершена необходимая военная и политическая подготовка. На этом и порешили. Уходя от Гитлера, болгарский монарх обратился к нему со следующими подобострастными словами: «Sie haben darunter einen kleinen treuen Freund, tun Sie ihn nicht abschiessen»¹⁷⁵.

Встреча в Берхтесгадене, о которой официально было издано лишь лаконичное коммюнике как о «частной поездке» болгарского монарха в Германию, вызвала обширные комментарии в мировой прессе. Верным признаком капитуляции царя Бориса перед Гитлером являлись похвалы, которые расточала в эти дни в его адрес печать фашистских держав. Так, итальянский официоз «Giornale d'Italia» 20 ноября в корреспонденции из Софии писал: «Посещение фюрера царем Борисом имеет большое значение для внешней и внутренней политики страны... Положительное отношение Болгарии к державам оси ясно. Это показывает, что политика Болгарии проводится с большой мудростью и ее плоды будут скоро получены. Царь Борис дал своему правительству и своему народу возможность почувствовать его широкий взгляд. Он выступил как один из самых способных и одаренных монархов. Отныне Болгария получает свое место в новом порядке на юго-востоке»¹⁷⁶.

Во всех европейских столицах поездка Бориса III в Берхтесгаден была расценена как непосредственная подготовка к открытому включению страны в лагерь фашистской оси.

Тем временем в Вену стали съезжаться вассалы Гитлера из Центральной и Юго-Восточной Европы. 20 ноября на церемонии в Бельведерском дворце граф Чаки зачитал декларацию о присоединении Венгрии к тройственному пакту. Вслед за ней 23 ноября к этому пакту была присоединена Румыния, а 24 ноября — Словакия. Наступала очередь Болгарии: Еще 20 ноября болгарский консул в Вене Ходжов телеграфировал своему правительству, что, по полученным из авторитетного источника сведениям, в Берлине ожидают к 26 ноября прибытие болгарского премьер-министра и министра иностранных дел¹⁷⁷.

В целях дезориентации мирового общественного мнения и облегчения присоединения к фашистскому блоку других государств немецкие фашисты распространяли утверждение, что присоединение, например, Венгрии к пакту трех держав достигнуто будто бы при сотрудничестве и полном

¹⁷³ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, л. 34.

¹⁷⁴ Дневник Филова, запись от 17.XI 1940.

¹⁷⁵ «Там (имеются в виду Балканы. — А. В.) у Вас есть маленький верный друг, не оставляйте его» (см. там же, запись от 18.XI 1940).

¹⁷⁶ Цит. по «Междудержавно право», год I, кн. 3—4, 1940, стр. 90—91.

¹⁷⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, л. 85.

одобрении Советского Союза. Советское правительство решительно опровергло эту клевету. Сообщение ТАСС от 23 ноября 1940 г. о том, что указанное утверждение ни в какой мере не соответствует действительности, заставило болгарское правительство призадуматься перед тем, как предпринять роковой шаг¹⁷⁸.

Советское правительство имело ясное представление о внешнеполитическом курсе правящих кругов Болгарии. Состоявшиеся 12—13 ноября 1940 г. в Берлине беседы представителей Советского Союза с руководителями фашистской Германии подтвердили, что Гитлер рассматривает Балканские страны как сферу влияния фашистской оси, что Болгария, так же как Румыния и Венгрия, уже превращена в сателлита Германии¹⁷⁹. Тем не менее, Советское правительство, исходя из интересов безопасности СССР, так же как и из интересов болгарского народа, приложило все усилия, чтобы воспрепятствовать или, по крайней мере, задержать присоединение Болгарии к фашистской оси и не допустить окончательного порабощения страны германским империализмом.

19 или 20 ноября болгарский посланник в Москве сообщил своему правительству о том, что Советское правительство предлагает Болгарии заключить пакт о дружбе и взаимной помощи¹⁸⁰. Несколько дней спустя, 25 ноября, прибывший в Софию генеральный секретарь Наркоминдела СССР А. А. Соболев посетил министра иностранных дел Попова, а также премьер-министра Филова и подробно изложил им предложение Советского правительства. Он указал на то, что между Болгарией и СССР существуют дружественные отношения, взаимовыгодные и неоднократно проверенные на деле (как, например, при разрешении вопроса о Южной Добрудже). Советский Союз понимает национальные интересы Болгарии и готов содействовать их мирному осуществлению. Имея в виду общность интересов СССР и Болгарии, Советский Союз вновь повторяет свое предложение от сентября 1939 г. о заключении пакта о взаимопомощи с Болгарией. В соответствии с этим СССР принимает на себя обязательство оказать Болгарии всяческую помощь, в том числе и военную, в случае угрозы нападения на нее со стороны какой-либо третьей страны или группы стран. Представитель Советского правительства подчеркнул при этом, что заключение предлагаемого пакта ни в коем случае не затрагивает существующий внутренний режим, суверенитет и независимость Болгарии. СССР выражал далее готовность в случае надобности оказать Болгарии в форме займа финансовую и продовольственную помощь, а также помощь вооружением и материалами. Вместе с тем СССР был готов расширить свои закупки болгарских товаров¹⁸¹.

¹⁷⁸ Во всяком случае болгарский посланник в Москве Стаменов незамедлительно реагировал на него шифрованной телеграммой своему министерству иностранных дел, в которой, в частности, говорилось: «Сегодняшнее опровержение ТАСС относительно одобрения Советским Союзом присоединения Венгрии к тройственному пакту ясно показывает русскую позицию. Здесь усердно распространяется слух о нашем присоединении к тройственному пакту, вмешательстве в пользу Италии (имеется в виду начавшаяся в октябре итало-греческая война, по отношению к которой Болгария объявила себя нейтральной. — Л. В.), переходе немецких войск через нашу территорию...» (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, л. 86).

¹⁷⁹ «Фальсификаторы истории (историческая справка)», М., 1948, стр. 70.

¹⁸⁰ «В тот же вечер, — отмечает Филов в своем дневнике, — мы с Поповым обсудили эту телеграмму и решили ответить отрицательно» (см. Дневник Филова, запись от 23 XI 1940).

¹⁸¹ Архив на Министерството на вътрешните работи на НР България. Делото на I състав от Народния съд — 1944 г. Т. XXI, л. 187; ср. также ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 5, л. 141.

Как же реагировало болгарское правительство? Прежде всего оно постаралось скрыть советское предложение от болгарского народа¹⁸². В тот же день премьер-министр Филов поспешил уведомить о содержании своего разговора с советским представителем германского посланника в Софии Рихтхофена. Вечером того же дня у царя Бориса собралась руководящая «четверка» в составе премьер-министра, министра иностранных дел Попова, министра внутренних дел Габровского и военного министра Даскалова. Обсудив советское предложение, они тут же решили отвергнуть его в принципе, даже не уведомив остальных членов кабинета¹⁸³.

О том, чем мотивировали болгарские правители свой отрицательный ответ, можно судить по документу, в котором были изложены соображения Советского правительства в связи с ответом болгарского правительства. Указанный документ был вручен Попову советским посланником в Софии Лаврищевым 7 декабря 1940 г. Характерно, что на следующий же день Попов сообщил основное его содержание в Берлин¹⁸⁴. Советское правительство указывало, что все три довода, которыми болгарское правительство пытается обосновать свой отказ от заключения договора о дружбе и взаимопомощи с Советским Союзом, основаны либо на недоразумении, либо на непонимании позиции СССР. «I. Одним из мотивов отклонения советского предложения, — говорилось в документе, — болгарское правительство считает то обстоятельство, что оно намеревается осуществить свои национальные чаяния не путем войны, а мирным путем. В связи с этим можно предположить, что болгарское правительство рассматривает советское предложение как средство вовлечения Болгарии в войну. Но это чистое недоразумение. Советское предложение целиком и полностью основано на стремлении к разрешению болгарских требований мирным путем. Но Советское правительство вместе с тем отдает себе отчет, что не все будет зависеть от мирных стремлений Болгарии и СССР... Нельзя считать исключенной вероятность военной угрозы или даже военного нападения на Болгарию извне. Нетрудно понять, что советское предложение направлено на предотвращение и преодоление именно такой опасности.

2. В качестве другого довода для отклонения советского предложения выдвигается то обстоятельство, что болгарское правительство считает, будто пакт о взаимной помощи возлагает на Болгарию военные обязательства, непосильные для малой страны. Советское правительство считает и этот довод плодом недоразумения. Советское правительство никогда не считало, что на Болгарию могут быть возложены обязательства, равные обязательствам СССР. Разумеется, вопрос о сумме обязательств каждой страны, а также и о районах и порядке их реализации подлежит дальнейшему рассмотрению, причем конечно, большую часть обязательств взял бы на себя СССР. Несмотря на это, СССР готов принять во внимание приведенное выше соображение болгарского правительства. В таком случае можно ограничиться лишь гарантированием Советским Союзом целостности Болгарии и ее интересов, что означало бы освобождение Болгарии от тяжелых для нее военных обязательств.

3. В качестве последнего довода для отклонения советского предложения болгарское правительство выдвигает то обстоятельство, что оно уже

¹⁸² В болгарской печати было опубликовано лишь ничего не говорящее лаконичное сообщение о прибытии в Софию Соболева и его приеме царем Борисом и Филовым («Слово», 26 XI 1940).

¹⁸³ Дневник Филова, запись от 25 XI 1940.

¹⁸⁴ См. шифрованную телеграмму Попова от 8 XII 1940 болгарскому посольству в Берлине (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, л. 41).

вступило в переговоры с некоторыми государствами о присоединении к пакту трех держав и что советское предложение поэтому является либо запоздавшим, либо противоречащим характеру этих переговоров.

Советское правительство считает и этот последний довод необоснованным. Хотя Советское правительство и не осведомлено о характере вышеупомянутых переговоров, но оно уже теперь может сказать, что присоединение Болгарии к пакту одной из группировок воюющих держав будет означать отход от позиций нейтралитета и вовлечения ее в орбиту войны против другой группировки воюющих держав, что не может не создать военной угрозы для Болгарии со стороны этой последней группировки.

Советское правительство считает, что такую позицию болгарского правительства трудно совместить с его желанием добиваться удовлетворения национальных интересов Болгарии лишь мирным путем»¹⁸⁵.

Как мы видим, приведенные выше соображения Советского правительства показали всю несостоятельность «доводов» болгарских правителей. Еще менее убедительными были возражения, выдвигавшиеся ими в дальнейшем. Впрочем, как было показано выше, существо вопроса заключалось совершенно в другом: монархо-фашистские правители Болгарии фактически уже привязали страну к колеснице гитлеровской Германии. Советское правительство не питало на этот счет никаких иллюзий. Однако оно знало, что его предложение встретит полную поддержку со стороны трудящихся масс Болгарии и будет содействовать разоблачению антинациональной политики монархо-фашистской клики¹⁸⁶. Возникшее в связи с советским предложением мощное движение болгарского народа и ясная позиция, занятая Советским Союзом, помешали монархо-фашистскому правительству открыто примкнуть к фашистской оси в этот период^{186а}. Советское предложение вынудило его отложить подписание пакта на целых пять месяцев. Этот факт имел немаловажное значение не только для оттяжки окончательного порабощения Болгарии гитлеровской Германией, но и для укрепления среди нейтральных стран духа сопротивления германскому натиску^{186б}.

¹⁸⁵ Цит. по: М. Михов. Борбата на СССР за предотвратяване на хитлеристката агрсия на Балканите по време на Втората световна война. — «Военно-исторически сборник», № 1, 1954, стр. 100—101; см. также ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, л. 41.

¹⁸⁶ Болгарская Рабочая партия довела до сведения болгарского народа содержание советского предложения и обратилась к нему с призывом развернуть борьбу за его принятие. О мощном народном движении в пользу заключения советско-болгарского пакта, сыгравшем большую роль в политической жизни страны в этот период, будет рассказано в другой нашей работе.

^{186а} Об этом имеются и прямые признания ответственных представителей держав фашистской оси. Так, например, в зашифрованной телеграмме от 30 ноября 1940 г. болгарский посланник в Риме сообщал, что высший чиновник итальянского министерства иностранных дел (по всей видимости, Анфузо) за день до этого «объяснил неприкосновенность Болгарии к тройственному пакту настроением нашего общественного мнения и натиском России, которая предложила нам пакт о взаимной помощи» (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, л. 94).

^{186б} Еще 14 ноября 1940 г. Риббентроп похвально перед Драгановым, что к фашистскому пакту, помимо Болгарии, «в ближайшее время присоединится еще пять государств» (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, л. 72). В дальнейшем предполагалось вовлечение в фашистскую ось и скандинавских стран, в частности Швеции. Болгарский посланник в Стокгольме Антонов 13 декабря 1940 г. сообщал: «Отказ Болгарии присоединиться к пакту тройственного союза, несмотря на осуществлявшийся осью натиск на Софию, произвел сильное впечатление в здешних политических и дипломатических кругах, которые под влиянием сведений из Берлина первоначально поверили, что и мы последуем примеру Венгрии и Румынии. Это впечатление постепенно кристаллизуется в начинающее уже проявляться убеждение в том, что своим твердым поведением болгарское правительство (как свидетельствуют факты, в этом «твердом поведении» по отношению к требованиям фашистской Германии меньше всего была

Вместе с тем Советское правительство получило возможность еще раз убедиться в агрессивных антисоветских планах гитлеровской Германии. Несколькими годами спустя, в 1946 г., во время встречи с делегацией правительства народно-демократической Болгарии, возглавляемой Кимом Георгиевым, И. В. Сталин сделал следующее замечание по поводу советского предложения Болгарии в ноябре 1940 г.: «Поспешное и категорическое отклонение предложения дало нам лишние доказательства насчет германских планов на Балканах»¹⁸⁷.

Отклонение болгарским правительством предложения Советского Союза, подавшего руку братской помощи болгарскому народу в этот критический момент, было одобрено не только гитлеровской Германией, решающая роль которой в этом деле не подлежит никакому сомнению. Оно получило одобрение и со стороны правящих кругов Англии, о чем докладывал своему правительству болгарский посланник в Лондоне Момчилов¹⁸⁸.

Хотя английская (так же, как и американская) дипломатия официально отмежевывалась от подготавливавшейся агрессии фашистской Германии на Балканском полуострове, она фактически поощряла гитлеровцев и их подручных в этих действиях, так как понимала, что наступление Гитлера на Балканах явится прелюдией к нападению на Советский Союз. А это отнюдь не противоречило целям английского империализма, особенно если учесть, что после разгрома и капитуляции Финляндии планирование им нападения на Советский Союз с юга стало главным элементом подготовки поворота от войны с Германией к войне против СССР. В довольно запутанном переплете сложившихся к концу 1940 г. взаимоотношений на Балканах нетрудно заметить элементы негласного сговора обеих воюющих империалистических группировок, направленного в конечном счете на развязывание войны против СССР.

17 февраля 1941 г. в Анкаре была подписана турецко-болгарская декларация о дружбе и ненападении. Текст декларации гласил, что «Турция и Болгария считают незыблемой основой их внешней политики воздержание от всякой агрессии», что «оба правительства воодушевлены взаимными дружественными намерениями и будут сохранять и развивать дальше обоюдное доверие в своих добрососедских отношениях» и «готовы изыскать способы максимального расширения торгового обмена между обеими странами»¹⁸⁹.

Как известно, в течение ряда месяцев перед подписанием этой декларации на болгаро-турецкой границе положение было крайне напряженным.

повинна именно правящая клика Болгарии. — А. В.) предотвратило беду, нависшую не только над Болгарией, но и над другими нейтральными государствами. В шведском министерстве иностранных дел об этом говорят с благодарностью. Один из директоров [министерства] вчера мне напрямик сказал, что отпор Болгарии приостановил целую серию задуманных осью присоединений к берлинскому пакту, включая и присоединение Швеции, к которой Германия обязательно обратилась бы с таким предложением, если бы мы не повернули ход событий. И поскольку этот поворот приписывается вмешательству России в результате миссии Соболева в Софии здесь с интересом отмечают проявленное в последнее время русскими заступничество в пользу Болгарии и Швеции с тем, чтобы сохранить эти две страны не только вне войны, но и вне комбинаций Германии против Англии» (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п. а. е. 8, л. 120).

¹⁸⁷ Цит. по: К. Драмалиев. История на Отечественния фронт. Лекция четена в партийната школа при ЦК на БРП(к). София, 1947, стр. 22—23.

¹⁸⁸ См., например, шифрованную телеграмму Момчилова из Лондона от 1 I 1941. В этой телеграмме указывалось, что в политических кругах Лондона, так же как и в редакциях некоторых английских газет, получены сведения о том, что болгарское правительство отклонило советское предложение заключить пакт о дружбе и взаимной помощи. «Эти сведения, — сообщал Момчилов, — встречаются здешними руководящими кругами с явным одобрением» (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п. а. е. 8, л. 121).

¹⁸⁹ Полный текст декларации см. в «Междудържавно право», кн. 3—4, 1940, стр. 93. См. также газеты «Слово» и «Заря», 18.II 1941.

Турки сконцентрировали во Фракии значительные контингенты войск. Турецкое правительство еще в 1940 г. осуществило ряд чрезвычайных мероприятий: в прилегающих к границе районах было введено затемнение, а сами районы были объявлены на осадном положении; ряд официальных учреждений был перемещен в Анатолию; была проведена подготовка к эвакуации некоторой части населения из Фракии и Стамбула¹⁹⁰. Со стороны болгар были приняты аналогичные меры. В этой обстановке «миролюбивый» поворот в болгаро-турецких отношениях в момент, когда фашистская Германия готовилась к наступлению на Балканы, мог показаться неожиданным. Между тем, он может быть легко понят, если разобратся в том, что скрывалось за Анкарской декларацией. По существу этой декларацией Берлин через Софию заверял Анкару в том, что при создании своего балканского плацдарма Германия не нарушит зону безопасности Турции. Со своей стороны Турция, во внешнеполитической ориентации которой под впечатлением побед гитлеровских войск в Западной Европе стали проявляться прогерманские тенденции, давала понять, что при указанном условии Германия может действовать на Балканах более уверенно. К тому времени турецкое правительство успело уже дважды нарушить свои союзные обязательства по англо-франко-турецкому договору, воздержавшись от вмешательства в пользу своих союзников при нападении Италии сначала на Францию, а затем — и на Грецию.

Отнюдь не случайным является то, что переговоры о подписании болгаро-турецкой декларации начались в тот самый день, когда в Софию прибыл представитель Советского правительства Соболев. Филов отмечал в своем дневнике, что непосредственно вслед за Соболевым он принял турецкого посланника в Софии Беркера, который сделал болгарскому правительству предложение «о заключении какого-то соглашения об обеспечении взаимного ненападения». «Сегодняшний день был вообще чрезвычайно перегружен и тревожен», — так характеризовал Филов 25 ноября 1940 года¹⁹¹. В тот же день Беркер зачитал главному секретарю болгарского министерства иностранных дел Шишманову (министр был болен) пространную телеграмму турецкого министра иностранных дел Сараджоглу, в которой тот предлагал, оставив в области «высокой политики» («dans la haute politique») вопрос о внешнеполитической ориентации каждой из двух стран, установить во взаимоотношениях между Болгарией и Турцией «частную и параллельную политику». Одновременно он сообщил Попову содержание своего разговора с германским послом в Анкаре фон Папеном, который заверил турецкое правительство в том, что Германия не видит ничего плохого во внешнеполитических союзах, связывающих Турцию, и не собирается на нее нападать¹⁹².

Содействуя турецко-болгарскому сближению в плане создания почвы для агрессии против Советского Союза, германская пропаганда в целях

¹⁹⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, лл. 88, 102 и др.

¹⁹¹ См. Дневник Филова, запись от 25.XI 1940.

¹⁹² ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, лл. 88—89. См. также донесение болгарского посланника в Анкаре Кирова от 26 ноября 1940 г. о содержании его разговора с фон Папеном, имевшего место накануне. Папен рассказал Кирову подробно о своей беседе с турецкими государственными деятелями. От имени держав оси он дал турецкому правительству заверение в том, что в намерения этих государств не входит совершение нападения на Турцию, равно как и нарушение ее нейтралитета и независимости; они не предъявляют Турции никаких требований или условий и не считают англо-турецкий союз препятствием для мирного сотрудничества с Турцией. Эта политика держав оси может быть изменена лишь в том случае, если Турция примет участие в военных действиях на балканском фронте, который захотела бы создать Англия (там же, лл. 91—92, 95—101).

дезинформации, по своему обыкновению, распространяла слухи о том, будто при этом «за Анкарой стоит Москва, которая в данный момент хочет предоставить Берлину возможность свободно маневрировать на Балканах»¹⁹³. Эта заведомая ложь была решительно отмечена Советским правительством¹⁹⁴.

Анкарская декларация явилась одним из последних этапов подготовки к вступлению Болгарии в блок фашистских держав. В это время приготовления германского командования к осуществлению операции «Марита» шли полным ходом. С января 1941 г. значительно усилилась переброска в Румынию крупных соединений германского вермахта¹⁹⁵. Под видом «туристов» и в других замаскированных формах увеличилась и инфильтрация в Болгарию германских военных специалистов и даже отдельных соединений, которые, в сотрудничестве с болгарскими властями, вели подготовку к переброске в страну основной массы немецких войск.

Советское правительство и на этот раз недвусмысленно разоблачило перед болгарским народом и перед всей мировой общественностью агрессивные намерения немецких фашистов и их болгарских подручных, выразив вместе с тем свое резко отрицательное отношение к готовившейся оккупации Болгарии¹⁹⁶.

Тем временем подготовка к официальному присоединению Болгарии к тройственному пакту вступила в последнюю фазу. 1 января 1941 г. в Зальцбурге для встречи с Гитлером был вызван премьер-министр Филев. По его возвращении в стране началось проведение срочных мероприятий административно-полицейского и пропагандистского характера в целях подготовки населения к «восприятию» готовившегося акта национальной

¹⁹³ Это фальшивое утверждение, между прочим, нашло место и в некоторых последних трудах западноевропейских историков (см., например, кн.: Georges Bourgin et François Bourgin. *Les démocraties contre le fascisme. Histoire de la seconde guerre mondiale*. Paris, 1946, p. 87).

¹⁹⁴ 23 февраля 1941 г. было опубликовано опровержение ТАСС в связи с напечатанным швейцарской газетой «Basler Nachrichten» сообщением о том, что «последнее соглашение между Болгарией и Турцией было заключено при активном содействии Советского Союза» (см. «Правда», 23.II 1941).

¹⁹⁵ Еще 14 января болгарский посланник в Бухаресте сообщал, что в районах Крайовы, Тимишоара, Тырговиште, Сибиу, Брашова, Констанцы, Арада сосредоточено семь германских дивизий, не считая значительного количества саперных частей с понтовыми материалами в придунайской полосе. На следующий день он сообщал уже о 10 дивизиях, а 25 января приводил следующие сведения о дислокации группы германских войск в Румынии, находившихся под командованием фельдмаршала Листа: одна дивизия в районе Турну-Северина, одна — в районе Крайовы, одна — в районе Александрии, Джурджу и Бухареста, одна — в районе Бухареста, Олтеницы и Кэлэраши, две-три дивизии — в районе Констанцы и Чернавода, одна — в Питешти, один подвижной корпус из двух дивизий — в районе Плоешти и Брашова, две дивизии — около Сибиу, три дивизии — на советской границе в Молдове, понтонные части напротив Видина, Оряхово, Сомовита, Свиштова, Русе, Тутракана и Силистры. По некоторым сведениям, к концу февраля численность немецких войск в Румынии достигла 700 тыс. человек (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п. а. е. 8, л. 144).

¹⁹⁶ В заявлении ТАСС от 13 января 1941 г. говорилось: «В иностранной прессе распространяется сообщение со ссылкой на некоторые круги Болгарии, как на источник информации, что в Болгарию уже перебросена некоторая часть немецких войск, что переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР, что на запрос болгарского правительства о пропуске немецких войск в Болгарию СССР ответил согласием. ТАСС уполномочен заявить, что:

1. Если немецкие войска в самом деле имеются в Болгарии и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, что все это произошло и происходит без ведома и согласия СССР, так как германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию;

2. В частности Болгарское правительство никогда не обращалось к СССР с запросом о пропуске немецких войск в Болгарию, и — следовательно — не могло получить от СССР какой-либо ответ» («Правда», 14.I 1941).

измены. Насколько при этом правящая клика боялась своего собственного народа свидетельствует следующая запись в дневнике Филова об его беседе с германским посланником Рихтхофеном, состоявшейся 7 февраля: «Я объяснил ему, — пишет Филов, — почему мы считаем, что в Болгарию должно быть введено большее количество германских войск, указав при этом на наш балканский склад ума»¹⁹⁷.

2 февраля между представителями генерального штаба болгарской армии и командованием армии фельдмаршала Листа был подписан протокол из 14 пунктов, уточняющий вопросы переброски частей вермахта. 1 февраля было подписано соглашение о снабжении германских войск в Болгарии¹⁹⁸. Тогда же между представителями Болгарского национального банка и управлением германских кредитных касс было заключено соглашение о предоставлении сумм, необходимых для покрытия расходов этих войск. На первых порах для этой цели Болгарским национальным банком выделялось 500 млн. левов¹⁹⁹.

Уже 9 февраля, как сообщает Филов, была достигнута договоренность о том, что подписание пакта состоится одновременно со вступлением армии Листа на территорию Болгарии. 14 февраля военный министр Даскалов передал Филову телеграмму о том, что по приказу Гитлера к 21-му числу все должно быть подготовлено для начала наступления немцев²⁰⁰. В тот же день в Болгарии была объявлена частичная мобилизация вооруженных сил. Болгарские войска уже занимали позиции вдоль греческой границы.

На основании некоторых материалов архива болгарского министерства иностранных дел создается впечатление, что в последней декаде февраля как германская, так и болгарская дипломатия были озабочены не столько подготовкой формального акта присоединения Болгарии к тройственному пакту, сколько тем, как будет реагировать на него Москва и в какой форме следует сообщить Советскому правительству об этом акте²⁰¹.

¹⁹⁷ Этот «склад ума», на который жаловался Филов, был настолько опасен для немецких фашистов и их болгарских приспешников, что еще 27 января 1941 г. германский посланник Рихтхофен выдвинул идею провести подписание Болгарией тройственного пакта тайно от народа и в спешном порядке. «Я всем сердцем воспринял это предложение», — писал глава болгарского правительства (см. Дневник Филова, запись от 27.I 1941).

¹⁹⁸ Архив на Министерството на вътрешните работи на НРБ. Дело на I състав от Народния съд — 1944 г. Т. XXV, лл. 274—275.

¹⁹⁹ Там же, л. 276; см. также приложение к соглашению — там же, лл. 277—278.

²⁰⁰ См. Дневник Филова, записи от 9 и 14 II 1941.

²⁰¹ 24 февраля Драганов сообщал из Берлина, что заместитель генерального секретаря германского министерства иностранных дел собирается довести до сведения болгарского правительства проект текста извещения Советского правительства о присоединении Болгарии к оси. Четыре дня спустя тот же Драганов телеграфирует Попову, что текст сообщения для Советского Союза одобрен (см. ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п. а. е. 8, л. 144). Что касается реакции Англии и США, то этим фашистские правители были куда менее озабочены, и, надо сказать, не без основания. О том свидетельствует, например, следующая конструктивная телеграмма министра иностранных дел Попова, направленная им 25 февраля 1941 г. болгарскому посланнику в Лондоне: «Когда Вы в личных разговорах объясняете положение Болгарии, не забывайте заявление Черчилля в одной из его последних речей о том, что Германия сегодня столь могуча в Европе, что может свободно перемещаться с одного ее конца до другого (по-видимому, речь идет о выступлении Черчилля от 10 февраля 1941 г., в котором он подчеркивал, что на Юго-Востоке Европы сосредоточены значительные силы германской армии и авиации. — Л. В.). Другую характеристику положения дал недавно здешний американский полномочный министр (Эрл. — Л. В.), который недвусмысленно стоит на стороне Англии, но заявил мне, что вне зависимости от того, пропустит ли Болгария немецкие войска или будет сопротивляться, в обоих случаях ее положение будет тяжелым. Он же в разговоре с Ренделом (английский посланник в Софии. — Л. В.), который упрекал Болгарию за ее колеблющееся поведение, ответил ему, как он мне лично сообщил, что все относительно и что он спрашивает себя, каково было бы

Подписание протокола о присоединении Болгарии к тройственному пакту состоялось в Вене 1 марта 1941 г. В тот же день бронетанковые и мотомеханизированные дивизии армии фельдмаршала Листа, заранее построившей десятки переправ через Дунай, широким потоком двинулись в глубь страны, а германские авиационные соединения заняли болгарские аэродромы.

Правительство Филова в сговоре с гитлеровской кликой и на этот раз попыталось обмануть болгарский народ и общественное мнение за границей. Оно не ограничилось лживыми утверждениями, будто ввод германских войск в Болгарию имеет целью ... «защиту ее границ» и «сохранение мира на Балканах». Вопреки предельно ясной позиции Советского Союза, оно широко распространяло версию, будто ввод германских войск происходит с согласия Советского правительства. Эта ложь агентов Гитлера была полностью разоблачена нотой Наркоминдела СССР от 3 марта 1941 г. В ответ на сообщение болгарского правительства о том, что оно дало согласие на ввод немецких войск в Болгарию якобы с целью сохранения мира на Балканах, Наркоминдел СССР в этой ноте заявил:

«1. Советское правительство не может разделить мнения болгарского правительства о правильности позиции последнего в данном вопросе, так как эта позиция, независимо от желания болгарского правительства, ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии;

2. Советское правительство, верное своей политике мира, не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики»²⁰².

Последующие события целиком и полностью подтвердили правильность этого заявления Советского правительства. Присоединение Болгарии к тройственному пакту означало, что правящие круги страны открыто вступили в союз с гитлеровской Германией. Порочный круг предательства национальных интересов болгарского народа замкнулся. Болгария была превращена в плацдарм германского империализма для агрессии против Советского Союза и соседних балканских государств.

положение Англии, если бы место Ла-Манша занимала река Дунай и если бы население Англии не превышало 6 млн. человек, как население Болгарии» (ЦДИА, ф. 176, оп. 1 п, а. е. 8, л. 51). Почти три с половиной года спустя Филов приводил в своем дневнике отрывок из доклада Попова от 15 июля 1944 г. из Бухареста (в то время Попов находился уже на посту болгарского посланника в Румынии. — Л. В.), в котором тот вновь вспоминал об этом разговоре с Эрлом, защищавшим в 1941 г. поведение болгарского правительства (см. Дневник Филова, запись от 20 июля 1944 г.).

²⁰² «Правда», 4.III 1941.

И. В. Туркина

ГОРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СЛОВЕНИИ В XVI в.

Развитию горного дела в словенских землях в XV—XVI вв. посвящено лишь несколько работ (например, книги Виснера «История добычи благородных металлов в Каринтии» и «Каринтийское железо»)¹. Имеются исследования, не рассматривающие специально горное дело, но затрагивающие вопросы, связанные с ним (например, работа Тремеля «Ранний капитализм во Внутренней Австрии»² и др.). Этой же теме отводятся небольшие разделы в книгах по истории словенского народа или по истории отдельных словенских городов.

Мы рассмотрим исследования Виснера и Тремеля, поскольку они в большей степени, чем другие, касаются истории горного дела. Виснером были широко использованы материалы каринтийских, венских, штирийских архивов, горные статуты, налоговые книги, калькуляции горных промышленников, прошения горняков и т. д. Многие документы приводятся им полностью, на языке оригинала. В этом — одно из больших достоинств его работы. Однако материал, который он приводит, мало исследован.

Виснер разным вопросам уделяет не одинаковое внимание. Так, у него очень подробно разбираются вопросы борьбы за власть над рудниками и мало говорится об отношениях между владельцами рудников и горняками.

Исследование Тремеля «Ранний капитализм во Внутренней Австрии» выгодно отличается от книг Виснера. Автор рассматривает формы капиталистических отношений, сложившихся во внутриавстрийских землях (Штирия, Каринтия, Крайна, Горица, Приморье) в XV—XVI вв., явления, послужившие причиной их складывания. Он совершенно справедливо считает, что главной причиной возникновения капиталистических отношений в горном деле является развитие производительных сил, в результате которого мелкие производители были подчинены капиталу.

Можно оспаривать некоторые его положения, например, положение о том, что главной причиной хозяйственного упадка внутриавстрийских земель является экономическое оскудение бюргерства, наступившее в результате сужения внешнего рынка и ряда внутренних неурядиц. С нашей точки зрения, хозяйственный упадок в конце XVI в. был вызван победой феодальных сил над реформацией и крестьянским движением. Однако в целом концепция и целенаправленность его работы нам кажутся верными.

¹ H. Wiessner. Geschichte des Kärntner Edelmetallbergbaues. Klagenfurt, 1950; его же. Kärntner Eisen. Klagenfurt, 1953.

² F. Tremel. Des Frühkapitalismus in Innerösterreich. Graz, 1954, стр. 2.

Наконец, следует сказать несколько слов о диссертации Ю. М. Григорьяна «Горная промышленность и горнорабочие Германии в конце XV—XVI в.»³. Хотя в ней автор лишь попутно касается непосредственно словенских земель, все же она представляет интерес и для нашей темы, поскольку отношения, сложившиеся в горном деле немецких земель, во многом напоминали отношения, сложившиеся в то же самое время в словенских землях. Однако с рядом его положений нельзя согласиться. Так, он считает, что в Штирии происходило авансирование предпринимателей со стороны купцов. В действительности же авансы в основном давались мелким производителям. Вызывают сомнения и некоторые переводы документов, в частности, перевод перечня идрийских предпринимателей (1572 г.). Слово *Freiherr* Григорьян считает фамилией группы предпринимателей, в то время как это просто титул — барон.

Нужно отметить также статьи Генриха Бланка «Беляцкий бюргер Вильгельм Нойман как купец и предприниматель в Идрии»⁴ и Е. К. Некрасовой «Характер капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров»⁵. Оба автора касаются деятельности крупнейших в словенских землях предпринимателей — Фуггеров и Ноймана. Статья Е. К. Некрасовой весьма интересна и, на наш взгляд, верно показывает соотношение торговой и предпринимательской деятельности Фуггеров.

Интерес для нашей темы представляют свидетельства современников — путевые заметки и впечатления Гуго Блоциуса «Путь из Вены в Венецию и Падую через север и Неаполь австрийский» и записки доктора Гвалтиери Попа об идрийских рудниках⁶. Путевые заметки Гуго Блоциуса относятся к 1572—1573 гг. Они дают материал относительно места расположения рудных разработок Словении; записки Гвалтиери Попа (доктор Гвалтиери Поп сам спулся в идрийские рудники) детально знакомят не только с устройством рудников, но и с положением занятых там рабочих. Поэтому сведения, даваемые им, очень ценны, хотя и относятся к несколько более позднему периоду — к XVII в.

Некоторые материалы о положении мелких производителей в горном деле имеются в урбариях фрейснигенского епископа, касающихся Шкофы Локи и ее окрестностей⁷.

В XV—XVI вв. все словенские земли входили в состав Внутренней Австрии, принадлежавшей Габсбургам. Исключение представляли земли Венецианской Словении, которые мы не затрагиваем в данной статье. Внутренняя Австрия имела свое собственное самоуправление, своих наместников. Не все районы Внутренней Австрии были чисто словенскими по населению. Северные Штирия и Каринтия к этому времени были уже германизированы. В Горице и Приморье жило много итальянцев. Ядром словенской народности была Крайна. Следует отметить, что в данной статье использованы и некоторые материалы, касающиеся областей Внутренней Австрии с несловенским населением. Объясняется это, во-первых, скудостью имеющихся у автора материалов, и, во-вторых, тем, что все же эти области вместе со словенскими входили в одни земли, следовательно, условия жизни там были в значительной мере схожими.

Господствующий класс феодалов в словенских землях был немецким по национальности уже с XI в., наиболее именитые и богатые горожане —

³ Защищена в Московском гор. педагогическом ин-те им. В. П. Потемкина 20 июня 1955 г.

⁴ «700 Jahre Stadt Villach», Villach, 1940, S. 116—137.

⁵ «Из истории западноевропейского феодализма», М., 1934, стр. 52—131.

⁶ «Glasnik muzejskega društva za Slovenijo», Ljubljana, 1939; J. Valvasor. Die Ehre Herzogthums Crain, v. 1. Laibach, 1689.

⁷ F. K. o. s. Doneski k zgodovini Skofje Loke in njenega okraja. Ljubljana, 1894.

тоже. Крестьяне же, низшие и средние слои городского населения были словенцами. Таким образом, национальные и классовые противоречия в Словении совпадали.

Конец XV—XVI вв. — важная эпоха в истории словенского народа. Этот период ознаменовался крупными крестьянскими восстаниями в деревне и реформационным движением в городах и горных районах страны.

Основной задачей данной статьи является выяснение тех отношений, которые складывались в XV—XVI вв. в горном деле.

* * *

Словенские земли чрезвычайно богаты различными рудами, месторождения которых разрабатывались там уже с X—XII вв. Особенно славились рудники Каринтии, Штирии и Крайны.

XVII в. Вальвасор насчитывал в Крайне 13 крупных железных рудников⁸. Из них он особенно отмечает Яворник, Железники, Бохинь. Имеются сведения и о других рудниках. В конце XV в. у Крапя в Беснице стали добывать железную руду⁹. В начале XVII в. (1603 г.) граф Ганс Людвиг Турн просил разрешения у эрцгерцога открыть на своих собственных землях железный рудник недалеко от Камника¹⁰, на что им и было получено разрешение 5 марта 1604 г.

Помимо этих рудников, шла добыча болотной железной руды по всей Верхней и Нижней Крайне кметами¹¹ (крестьянами).

Много железных рудников было в Каринтии, особенно в северной части, в районе Хюттенберга, и на южных и северных склонах Караванков¹². Гуго Блюциус пишет о городе Беляке: «... город расположен в месте почти ровном, но недалеко от него находятся горы, правда, невысокие, но дающие нужные металлы, а именно: железо...»¹³. Он же отмечал и обилие железа в районе Понтебы: «Как в Понтебе, так и в прилегающих местах есть много водяных мельниц как деревянных, так и железных, потому что в этих местах добывается большое количество железа; и легко можно иметь не только загородки и решетки, но и окна и двери из чистого железа...»¹⁴.

Наконец, следует упомянуть о штирийском железе. Основные, наиболее знаменитые его разработки находились в Северной Штирии, в районе Леобена и Айзенэрца¹⁵. Эти разработки велись на немецких землях, но все же считаем возможным говорить о них, поскольку управление, а также отношения, сложившиеся там, были характерны для всей Штирии и даже в известной степени для всей Внутренней Австрии. Хотя в районах Леобена и Айзенэрца производство железа было на более высоком уровне, чем в других местах.

Помимо железа, в словенских землях добывались и другие металлы — свинец, ртуть, медь, золото и серебро. В Нижней Крайне, например,

⁸ Сава, Плавж, Яворник, Верхний и Нижний Железники, Бохинь, Старые Фужины, второй Бохинь, Бохиньска Бистрица, Верхняя Кропа, Нижняя Кропа, Камена Горица, Крка («Valvasorjevo berilo», Ljubljana, 6/г, str. 122).

⁹ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja. Ljubljana, 1939, str. 83.

¹⁰ «Kronika», 1955, № 1, Ljubljana, str. 25.

¹¹ «Letopis Matice Slovenske», Ljubljana, 1882—1883, str. 403.

¹² H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 205.

¹³ Gugo Blotius. Iter Vienna Venetias et Patovium per sempronium et Neapolim Austriae 1571—1574. — «Clasnik muzejskega društva za Slovenijo», Ljubljana. 1939, str. 309.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Mittheilungen des Historischen-vereins für Steiermark», Graz, 1885, S. 157.

в 1520 г. Мартином Альтдорфером недалеко от Крапя у Повель¹⁶ был открыт свинцовый рудник. В XVII в. Вальвасор упоминает о крупном свинцовом руднике в Мальнеке¹⁷. Он находился в четырех милях от Любляны. Позднее рядом с Мальнеком обнаружили медные руды. Медь и свинец имелись также в Караванках¹⁸.

Особенно богатым свинцовыми рудами здесь был Плиберк.

Небольшие золотые и серебряные рудники разрабатывались в Южной Каринтии, более крупные у Гросскірхайма, Оберфелаха и Штайнфельда-Гмюнда в Северной Каринтии¹⁹.

Но из всех рудников словенских земель самым известным и богатым был рудник в Идрии, где добывалась ртуть. Этот рудник подробно описан многими из путешествовавших по Словении в XVII в., в частности Вальвасор приводит в своем труде «Die Ehre des Herzogthums Crain» рассказы о нем Франциска Коппини²⁰ и доктора Гвалтиери Попа²¹.

Об идрийском руднике в народе сохранилось большое количество легенд. Интересна легенда об открытии ртути в этих местах²². В 1490 г. какой-то кмет в лесах у Идрии поставил мокнуть на ночь деревянное ведро в родник. К утру дно ведра покрылось серебряным налетом. Об этом кмет рассказал ювелиру в Шкофье Локе, а потом солдату Андрею Прегару из Гребинья. Выяснилось, что это была ртуть. Андрей Прегар первый начал добывать ее в Идрии, правда, не совсем удачно, поскольку средств у него не хватило. Его преемники тоже не сразу добились успеха. Но уже к 1500 г. были сделаны значительные успехи в разработке ртутного месторождения, и в Идрии появилось поселение рудокопов с церковью. Спустя 20 лет Идрия была обнесена уже стенами и рвом²³.

Богатые естественные запасы руд в Крайне, Штирии и Каринтии давали большие возможности для развития горного дела в словенских землях²⁴. Серебро и отчасти золото с самого начала добывались в рудниках. Так, предание говорит, что еще в XI в. графиня Кршская Хема имела у Селич свои собственные серебряные и золотые рудники.

Из железных руд в словенских землях чаще всего встречался бурый железняк. Он располагался близко от поверхности земли и его сравнительно легко и просто было добывать при помощи самых примитивных орудий труда. Поэтому месторождения бурого железняка разрабатывались кметами уже в XII—XIII вв. Только позднее и железную руду стали добывать в рудниках.

В XV—XVI вв. добыча руды шла чаще всего шахтным способом. Шахта в отличие от штольни шла вертикально от поверхности земли. Такой способ добычи руды обуславливался тем, что в одном и том же месте часто вели разработку несколько предпринимателей. И для того чтобы они не заходили на территорию друг друга, разработка руды при помощи штолен (горизонтально к поверхности земли) разрешалась редко.

Устанавливались определенные размеры рудников, расстояния между ними. Так, в 1517 г. вышел горный статут императора Максимилиана I. В нем говорилось: «...по писаному праву, как это ведется издавна,

¹⁶ J. Zontar. Zgodovina..., str. 403.

¹⁷ «Valvasorjevo berilo», str. 122, 126.

¹⁸ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 206.

¹⁹ H. Wiessner. Geschichte..., S. 24.

²⁰ J. Valvasor. Die Ehre..., S. 338.

²¹ Там же, стр. 402—403.

²² J. Gruden. Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1910, str. 300.

²³ Там же, стр. 426.

²⁴ J. Gruden. Указ. соч., стр. 79.

в шахте должно быть в высоту и в ширину не больше трех шнуров* для всего рудника; и вверх и вниз другого расстояния, большего, чем в три шнура, не должно быть»²⁵. В горном статуте от 1524 г., изданном архиепископом Матхойзом и утвержденном вицедомом Каринтии, устанавливалось: «Если получают и строят новые рудники, то должны их делать на расстоянии 10 горных клафтеров друг от друга»²⁶. А горный статут от 1567 г. увеличил это расстояние в два раза — до 20 клафтеров со всех сторон²⁷.

Что собою представляли такие рудники-шахты, можно узнать из описания доктора Гвалтиери Попа, побывавшего в XVII в. в одном из идрийских рудников: «Этот рудник, в который мы вступили, самый лучший и большой по изобилию из всех, посвящен святой Варваре, как и другие рудники другим святым. Глубина его 125 шагов. ...имеется два спуска: более короткий — отвесная дорога, по которой спускаются и поднимаются и некоторые рабочие; другой — дорога более пологая, очень трудная, потому что в некоторых местах нельзя стоять выпрямившись; но это недолго продолжается, вплоть до того, как мы подойдем к настоящему спуску по отвесной лестнице... У выступов каждой лестницы находятся сидения, расположенные крестом, где можно было немного передохнуть...»

Вся дорога спуска и глубины, где находятся в гористых местах вырубленные забои, были укреплены или ограждены большими еловыми досками, которые прилажены и соединены между собой часто и плотно... Добывают минералы... мотыгами...»²⁸.

Из этого описания мы можем видеть, что представлял собою лучший рудник в Идрии в XVII в. Добыча руды в нем производилась самым примитивным способом. По-видимому, рудники XVI в. мало чем отличались от описанного выше рудника.

Добыча золотоносной породы производилась молотком и кайлом²⁹. Правда, предварительно ее размягчали при помощи костров. При таком ручном способе один рудокоп за 48 рабочих часов добывал 0,353—0,675 т золотоносной породы. Часто руду из рудников рудокопы выносили на своих плечах³⁰.

При разработке рудники, углубляясь, доходили до водоносных слоев. Для откачки воды делали дополнительные штольни и применяли водоткачивающие машины, как это было в словацких рудниках³¹. Добытая руда шла на дальнейшую обработку.

Прежде всего мы рассмотрим, как происходила в те времена плавка железной руды³². Самым простым способом выплавки железа был способ, применявшийся кметами издавна. Выкапывали яму, ставили туда круглый желоб. Потом клали слоями дрова, уголь, руду и все это поджигали. Вытопившееся при этом железо стекало вниз и застывало. При подобном способе плавки половина железа уходила в отходы. Эти простые печи назывались по-словенски топильницами.

Потом такие ямы стали копать на высоких горах, где дули сильные ветры. Сбоку в них для прохода воздуха делали специальные каналы. В таких ямах лучше горел огонь. Это были ветровые печи, или печи на ветру.

* Систему мер смотрите в конце статьи.

²⁵ H. Wiessner. Geschichte..., S. 50.

²⁶ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 32—33.

²⁷ Там же, стр. 48.

²⁸ J. Valvasor. Die Ehre..., S. 403.

²⁹ H. Wiessner. Geschichte..., S. 47—48.

³⁰ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 46.

³¹ J. Kořan. Přehledné dějiny československého hornictví. Praha, 1955.

³² J. Gruden. Указ. соч., стр. 423—424.

Уже в XIII—XIV вв. появилась домница. Строили ее из огнеупорной глины или из кремня. Обычно она была довольно низкой, но иногда достигала высоты 2 м. Посередине ее находилось углубление, куда должно было стекать выплавленное железо. В домницах уже имелись меха, приводившиеся в движение руками или ногами. В печь укладывали слоями уголь и руду — иногда 18—24 прослойки. Железо стекало вниз, остывало и образовывало, застывая, твердую массу. Снизу снимали среднюю стенку печи и вынимали ее.

Немного позднее меха стали приводить в движение водой. Домницы были довольно распространены в XVI в. и в Кропе, Железниках, на Липеце. Строили их и позднее.

В начале XVI в. появляются новые итальянские печи (бресцианская печь — по местечку Брешиа в Италии, где они впервые стали строиться). В словенских землях такая печь была построена в Есеницах. В 1537 г. Матиас Зеенус получил от эрцгерцога привилегию построить в Яворнике впервые в Крайне бресцианскую печь. В течение следующих 15 лет никто в Крайне не имел права строить печи такого типа³³.

Итальянская печь достигала высоты 3—4 м. Сверху она имела ширину в $\frac{1}{3}$ м, к середине значительно расширялась, а внизу снова суживалась. Из таких печей при плавке получали и крицу и чугуны. От них уже был только один шаг до чугунолитейных печей (домен). Первая доменная печь, по мнению Виснера, была построена в Кремсбрюкене (Каринтия) в 1541 г. Свои предположения он основывает на документе от 1541 г., в котором говорится, что «должно позволить на этом месте начать работу на новой печи на кремсбрюкенской руде по новому способу плавки железа». И далее в документе следует: «Управляющий должен сделать первую пробу из чугуна и из нее сделать обработанное железо, все расходы собственноручно записать и послать господину хозяину»³⁴.

В своей основе это был процесс доменного производства, как мы понимаем его теперь. «Доменное производство — производство чугуна. Чугун получается путем восстановительной плавки железных и некоторых других руд...»³⁵. Главным отличием домен от обыкновенных плавильных печей была непрерывность процесса плавки.

Следует, однако, отметить, что некоторые исследователи считают, что первая в мире доменная печь (вернее, одна из первых) появилась в Рейнской долине почти за 100 лет до каринтийской — в 1443 г.³⁶ Но это была весьма примитивная доменная печь. Более усовершенствованные печи начали появляться только к середине XVI в. Весьма возможно, что упоминаемая Виснером печь у Кремса была такой именно усовершенствованной доменной печью.

15 января 1578 г. город Шент Вид получил концессию на строительство другой такой же печи³⁷. Эта доменная печь была построена в Уртле. Она имела уже весьма значительную высоту и давала гораздо больше чугуна, чем предыдущие. В 1625 г. она производила ежегодно девять выпусков чугуна по 242 кг каждый выпуск. Подобные печи строились и в Штирии³⁸. Но более широко стало распространяться строительство домен только в начале XVII в.

³³ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 143.

³⁴ Там же, стр. 147—148.

³⁵ БСЭ, т. 15, стр. 51.

³⁶ Ю. М. Покровский. Очерки по истории металлургии. М., 1936, стр. 36.

³⁷ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 54.

³⁸ Ю. М. Покровский. Указ. соч., стр. 62.

В целом мы должны отметить большой прогресс в производстве выплавки железа, произошедший в XVI в. в словенских землях, а особенно в Каринтии. Это станет наглядным при сравнении с другими странами. Так, в Чехии, издавна славившейся горным делом, первые доменные печи появились только в конце XVI в.³⁹ В России первая домна была построена под Тулой не раньше 1637 г.⁴⁰

В связи с развитием техники повысилась производительность труда при выплавке железа. Так, в 1530 г. одна средняя плавильная печь давала ежегодно 200 майлеров железа, а в 1563 г. — 300 майлеров, что означало повышение производительности труда на 50%⁴¹.

Еще более возросла производительность труда в связи с появлением доменных печей. Сохранились сведения о продукции шентвидской доменной печи в 1625 г.⁴² За этот год было осуществлено две плавки. Первая продолжалась с 4 апреля по 9 июня, т. е. девять недель и два дня, и за это время было отлито 450 балванок в 217 600 фунтов. Вторая продолжалась с 15 сентября по 15 декабря, было отлито 649 балванок в 312 490 фунтов. Всего выплавили 530 110 фунтов, или приблизительно 530 майлеров. Таким образом, производительность труда по сравнению с 1563 г. увеличилась почти вдвое. Так сказывалось развитие техники на повышении производительности труда. Интересно сравнить производительность труда при плавке железной руды в Штирии и Чехии. В середине XVI в. плавильная печь в Чехии вырабатывала 200—300 кг в день, а в Штирии — 1500 кг (в пять — семь раз больше!). Отсюда мы можем видеть, что по технике плавки железной руды Штирия (как и Каринтия) в то время стояла на одном из первых мест в мире⁴³.

Все же основными плавильными печами в XVI в. были не домны, и даже не итальянские печи, а домницы. Выплавленное в них железо (крица) не могло сразу же идти в производство, а должно было претерпеть дополнительную обработку в особых железцовых кузницах, чтобы удалить из крицы шлаки. В XIV—XV вв. происходит тоже своего рода революция в обработке крицы — молоты, применяемые в этих кузницах, стали приводиться в движение силой воды⁴⁴. В частности, о таком молоте говорится в урбарии от 1551 г. (Холленберг, Каринтия). Там некий кузнец Ганс Шмидт владел «колесом на воде... Было также колесо и у владельца железцовой кузницы Михаеля Тершея...»⁴⁵.

Такие механические молоты резко увеличили производительность труда. Однако они только превращали крицу в мягкое железо. Дальнейшую обработку для получения лучших сортов железа нужно было производить маленькими молотками на так называемых штрекхаммерах, а потом на блеххаммерах (кузницы, где делалось листовое железо), дратхаммерах (кузницы, где вытягивалась проволока), нагелсхаммерах (кузницы, где изготовлялись гвозди)⁴⁶. Только после этого железо могло идти в непосредственное производство.

Способ добычи ртути в Идрии в XVII в. подробно описывает Гвалтиери Поп: «Способ добывания ртути таков: берут землю и кладут ее в решето, сеть которого сплетена из медных нитей на таком расстоянии,

³⁹ J. Kořan. Piehledné..., str. 98.

⁴⁰ С. Г. Струмилин. История черной металлургии в России, ч. I. М., 1954, стр. 103.

⁴¹ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 22.

⁴² Там же, стр. 53—54.

⁴³ См. Ю. Григорьян. Указ. соч., стр. 72.

⁴⁴ Ю. М. Покровский. Указ. соч., стр. 48.

⁴⁵ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 215.

⁴⁶ F. Tremel. Der Frühkapitalismus in Innerösterreich..., S. 55, 56.

что можно получить промежуток в средний палец. Затем несут к проточной воде и промывают до тех пор, пока порода не пройдет больше через решето. Та земля, которая не прошла (через решето. — И. Ч.), откладывается в особую кучу; а та, которая прошла, содержится в углублении и вынимается помощником. И так она обрабатывается приблизительно через десять или двенадцать решет с пропорционально суживающейся сеткой»⁴⁷. В ямах, над которыми промывают породу, находят ртуть. Оставшуюся породу размельчают и подвергают той же обработке. «Некоторое количество земли, оставшейся после этого, из которой более не вымыть ртути, кладут в железные реторты и закрывают пробкой для того, чтобы в плотные трубки не попадала грязь. Таким образом, огонь своей силой гонит ртуть в трубки...

Далее остаток снова кладут (в реторты. — И. Ч.) и повторяют операцию. И делают это так долго, пока больше не могут из нее извлечь ртути...

Машины, которыми пользуются в этих рудниках, удивительны: больших колес, чем эти, я никогда в жизни не видел; всякий может понять, как много материала необходимо для такой громады. Все движется при помощи воды, подведенной туда при помощи водопровода, стоившего недорого, с горы, находящейся отсюда на расстоянии трех миль. Вода, вычерпнутая из глубины рудника 52 насосами, с каждой стороны по 26, предназначена для приведения в движение других колес, сообразно с другими различными установками... Они пользуются большим количеством дерева при создании и установлении машин и при топке печей (их всего 16 и каждая имеет по 24 реторты)»⁴⁸.

Так получали ртуть в XVII в. Добыча ее в XVI в. мало чем отличалась от вышеуказанного способа. Об этом мы можем судить по описанию обработки ртутной руды в XVI в. на Альмаденских рудниках в Испании, принадлежавших Фуггерам⁴⁹. Там тоже руда клалась в большие реторты с плотно закрывающейся крышкой, и эти реторты ставились в печь. В каждую альмаденскую печь помещалось только 18 реторт, в то время как в идрийскую — 24 реторты, но суть процесса была та же: при нагревании в закрытом сосуде из руды выделялись пары ртути, которые оседали на его стенках и, охлаждаясь, превращались в капельки ртути.

Интерес представляют описанные Попом машины с большими колесами. Они, по-видимому, предназначались не для добычи руды, поскольку добыча ее производилась при помощи мотыг. Остается предположить, что указанные машины использовались для подсобных работ в рудниках — для откачки воды и, возможно, для выемки руды.

Размеры добычи ртути были таковы⁵⁰: в 1519 г. на руднике св. Ахация, одном из самых крупных в Идрии, дали 361 цент ртути. Якоб Штридер приводит размеры добычи ртути и киновари (в центах) в Идрии в 20-е—30-е годы XVI в.⁵¹:

год	1525	1526	1527	1528	1529	1530	1531	1532	1533	1534	1535
ртуть	524	103	621	302	536	20	50	85	94	14	4
киноварь	65	118	143	180	30	24	6	41	11	—	—

⁴⁷ J. Valvasor. Die Ehre..., S. 403.

⁴⁸ J. Valvasor. Die Ehre..., S. 403.

⁴⁹ «Из истории западноевропейского феодализма», стр. 122.

⁵⁰ J. Gruden. Указ. соч., стр. 425, 426.

⁵¹ J. Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, v. II. München, 1925, S. 309.

По торговому договору, заключенному идрийскими предпринимателями с Гервартами в 1548 г. сроком на 5 лет, Герварты должны были купить у них приблизительно 860 центов ртути и 210 центов киновари. Таким образом, в год Герварты получали 172 цента ртути и 42 цента киновари⁵². Это должно было приблизительно соответствовать всей добыче ртути и киновари в Идрии, поскольку договор предусматривал монопольное положение Гервартов как скупщиков идрийской ртути. В середине XVII в. в Идрии добывалось в год 230—260 тыс. фунтов ртути, т. е. 2300—2600 центов. Так как техника производства, как мы видели, в XVI и XVII вв. в основном оставалась такой же, то увеличение добычи происходило не столько за счет улучшения техники, сколько за счет расширения производства.

Золото добывалось самым простым методом — промыванием⁵³. Но наряду с этим золото получали еще и при помощи плавки, однако, как делали это конкретно — неизвестно.

В XVI в. не происходит заметного прогресса в способе добычи золота. Зато технически совершенствуются подготовительные работы. Так, дробление породы до XVI в. велось ручным способом. В XVI в. это делают, используя воду⁵⁴. От водяного колеса приводился в движение железный пест, который дробил породу до величины крупных зерен. В 1512 г. Сигизмунд Мальтиц изобрел машину для размельчения руды с двадцатью такими пестами, приводившимися в движение водой. По свидетельству Агриколы, такие машины особенно широко были распространены в Альпийских областях Священной Римской империи⁵⁵. Далее эта размельченная порода шла в рудную мельницу. Такие машины применялись и для дробления железной и других руд. Введение механического дробления породы повысило производительность труда рабочих по добыче золота. Были попытки усовершенствовать и сам способ промывки золота. В 1559 г. некий Роттенштайнер объявил об изобретении им нового метода промывки золота⁵⁶.

Серебро выделяли из руды путем плавки. Но содержание серебра в каринтийской руде было весьма невелико⁵⁷.

В конце XV—начале XVI в. на серебряных рудниках графов Турцо в Венгрии был применен новый способ добычи серебра — «зайгерование»⁵⁸. Этот способ был изобретен алхимиками. Он заключался в извлечении серебра из медной руды при помощи рафинировки ее свинцом⁵⁹. Был ли он распространен в Каринтии, где имелись основные запасы серебра в словенских землях, сказать трудно. Однако предположить это весьма возможно, поскольку графы Турцо были компаньонами Фуггеров в венгерских рудниках, а последние, помимо этого, имели еще рудники и в Каринтии.

Вообще в землях Внутренней Австрии (Каринтия, Штирия, Крайна) в 1560—1562 гг. было добыто: золота — 1305 марок 19 лот 6 квинтилионов, серебра — 18 276 марок 3 лота 1 квинтилион.

⁵² Там же, стр. 319.

⁵³ H. Wiessner, *Geschichte...*, S. 47.

⁵⁴ Там же, стр. 48.

⁵⁵ См. Ю. Григорьян. Горная промышленность..., стр. 99.

⁵⁶ H. Wiessner, *Geschichte...*, S. 66.

⁵⁷ Там же, стр. 63. В 1553 г. Ганс Розенберг приобрел в Верхней Каринтии серебряный рудник. Но уже через некоторое время он жалуется, что за смену у него выплавляют 1,5 марки серебра, в то время как в Роттенбурге и других местах за то же самое время плавят 4—6 марок серебра.

⁵⁸ «Из истории западноевропейского феодализма», стр. 93.

⁵⁹ Ю. М. Покровский. Указ. соч., стр. 56.

Виснер считает, что в те годы на Каринтию падало 95% всей добычи золота и 47% всей добычи серебра во Внутренней Австрии⁶⁰. Итак, мы видим, что в XVI в. наблюдается известный прогресс в металлургии. Если добыча руды остается в основном на старом уровне и производится ручную, то некоторые подсобные работы — откачка воды из рудников, дробление руды — уже механизировались.

Особо большие изменения происходят в плавке железной руды — в XVI в. появляются сначала бресцианские (итальянские) печи, а потом и первые домы. В связи с этим производительность труда за 100 лет повышается почти в 2,5 раза. В целом мы можем отметить, что горное производство в словенских землях стояло на высоком для того времени уровне.

* * *

В XVI в. эрцгерцог являлся собственником всех месторождений руды, рудников и лесов. Это означало, что управление рудниками, суд находились в руках эрцгерцога. Управление регламентировалось многочисленными «горными статутами», издаваемыми как верховной властью, так и отдельными феодалами, духовными и светскими. Многие положения этих статутов менялись на протяжении XVI в. Подробно проследить эти изменения на основе тех материалов, которые имелись в распоряжении автора, нет возможности. Поэтому будет дан общий обзор управления горными разработками, как оно складывалось к концу XVI в.

Уже в конце XV в. происходят крупные изменения в горном управлении Австрии⁶¹. Рудники Штирии, Каринтии, Крайны (так же, как и рудники Верхней и Нижней Австрий) получили собственное управление. Во главе стоит оберстбергмайстер (высший горный судья), представлявший райткамеру и правление. Центром его пребывания сначала являлся Инсбрук, а потом Беляк. Назначался он дворцовой судебной палатой, обычно по предложению вице-дома и дежельного главара (вице-дом — управляющий имуществом эрцгерцога в данной области; дежельный главарь — наместник эрцгерцога в «дежеле» — земле), чаще всего из числа дворян⁶². Но иногда этот высокий пост занимали представители купечества, в частности, вторым оберстбергмайстером Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны в начале XVI в. был меняла (Wechsler) Лампрехт Цэх.

Обязанности оберстбергмайстера определялись инструкциями правительства. Сохранилась такая инструкция, посланная Лампрехту Цэху: «Сначала должен Лампрехт Цэх, поскольку он является нашим оберстбергмайстером, каждый год в подходящее время один раз объехать с приложением все наши вышеназванные рудники, которые построены и обрабатываются теперь и впредь в вышеназванных областях наших владений; исследовать, где возможны нужда и несчастье, и проверить, как идут дела и как они (рудники. — И. Ч.) обрабатываются»⁶³. Все возможные несчастья он должен устранить. Должен следить также, чтобы во всех рудниках был прочитан установленный горный статут, чтобы своевременно и исправно собирались со всех рудников налоги в пользу императора. Помимо вышеуказанного, оберстбергмайстер должен был представлять

⁶⁰ Н. Wiessner. Geschichte..., S. 67, 69.

⁶¹ Там же, стр. 43.

⁶² Там же, стр. 61.

⁶³ Там же, стр. 43—44.

иннсбрукскому правлению кандидатуры бергрехтеров для утверждения. Он же являлся и высшей властью для бергрехтеров.

В 1553 г. эрцгерцогом был установлен специальный оберстбергрехтер для Крайны⁶⁴. Вплоть до 1573 г. он назначался эрцгерцогом. Платил ему краинский виедом⁶⁵. В 1573 г. в Крайне собрались представители владельцев горных предприятий Крайны и Горицы и избрали оберстбергрехтером Феликса Толхопфа⁶⁶. В 1579 г. высшим горным судьей был избран Грегор Комар, а в конце XVI в. им был горожанин города Краня Михаел Харрер.

Высший горный судья Крайны и Горицы должен был раз в три месяца (в квартал) объезжать все рудники, находящиеся в его ведении. Он обладал судебными и административными функциями — имел право судить во всех процессах, за исключением процессов с применением пыток.

Горные судьи или бергрехтеры стояли во главе отдельных горных округов. О них упоминается и в инструкции Лампрехту Цэху, приведенной уже выше: «... в особенности он (оберстбергмайстер. — И. Ч.) должен также смотреть за тем, чтобы наша руда сносилась (в одно место. — И. Ч.) нашими бергрехтером и фронером и без нашего приказа этими бергрехтером и фронером не продавалась, не плавилась и не давалась взаимы»⁶⁷.

Чаще всего горный судья назначался. Так, например, это было в горном округе Хюттенберг, принадлежавшем Зальцбургу. Горный судья там назначался представителями Зальцбурга, но утверждать его мог только дежельный главарь Каринтии в качестве эрцгерцогского поверенного (с 1535 г.)⁶⁸.

Как происходило это введение в должность бергрехтера, рассказал Ульрих Энгели, ставший бергрехтером Хюттенберга в 1601 г.: «20 августа вышеуказанного года я, Ульрих Энгели, горожанин Хюттенберга, был назначен бергрехтером (очевидно, оберстбергрехтером. — И. Ч.), в качестве хюттенбергского бергрехтера. Я дал присягу в Фриезахе во дворце перед господином виедомом (в Фриезахе пребывал зальцбургский виедом. — И. Ч.) и перед господином Бартлама Хаслингером в Пфанхофе, теперешним полномочным комиссаром эрцгерцога... Мне был передан жезл судьи господином секретарем, а именно Георгом Примеггером, здесь в Хюттенберге в ратуше. И мною была дана присяга всемогущему богу, чтобы он дал мне свой святой дух мудрости и понимания, чтобы управлять именем Иисуса Христа, нашего господина»⁶⁹.

Бергрехтером мог быть горожанин (и, очевидно, чаще всего и бывал). Бергрехтер имел право суда в своем горном округе. Суд этот вершился во время поездок бергрехтера. О том, как он происходил, рассказывает горный статут 1524 г., изданный зальцбургским архиепископом Матхойзом Лангом⁷⁰. Горный судья Зальцбурга во время суда должен был при себе иметь пять человек присяжных — трех из плавильщиков и двух из кузнецов, которые помогали ему. Вообще же по горному статуту 1567 г. устанавливалось число присяжных от двух до пяти человек⁷¹. Апелляция шла

⁶⁴ A. Dimitz. Geschichte Krains, v. II. Laibach, 1874, S. 294.

⁶⁵ «Valvasorjevo berilo...», str. 123.

⁶⁶ J. Zontar. Zgodovina..., str. 154.

⁶⁷ H. Wiessner. Geschichte..., S. 43—44.

⁶⁸ См. выше.

⁶⁹ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 47.

⁷⁰ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 32.

⁷¹ Там же, стр. 47.

к зальцбургскому вице-дому, а потом к архиепископу (впоследствии — к комиссарам эрцгерцога). Горный суд собирался в определенное время, «... но если кто имеет особые, данные ему права и не хочет ждать названного горного суда или не может, ему должен наш бергрехтер на третий день после этого дать гарантированный суд...» Помимо суда, бергрехтер имел еще ряд обязанностей. Эти обязанности также определялись горным статутотом от 1524 г.: «Бергрехтер должен вместе с присяжными в Рождество, когда рудокопы приходят в рудники, вместе с ними идти и по соглашению место и работу рабочим определять... Бергрехтер должен повсюду в горах отдавать в аренду золотые, серебряные, свинцовые, медные и железные рудники, где они имеются, и, кроме него, никто (не может делать этого. — И. Ч.) под страхом тяжелого наказания и немилости...»⁷². Так в 1578 г. хюттенбергский бергрехтер дал Шент Виду концессию на строительство чугунолитейных печей в Уртле.

Но право сдавать в аренду рудники бергрехтеры имели не всегда и не везде. По горному статуту 1567 г. бергрехтер мог только представлять предложения об аренде в зальцбургское вице-домство, а последнее, если одобряло их, передавало эти предложения каринтийским правительственным горным комиссарам, от которых они, наконец, и поступали в Вену в императорскую монетногорную дирекцию⁷³. Бергрехтеры также следили за выплатой всех сборов в пользу императора, в частности фрона. Все они получали заработную плату от эрцгерцога, притом довольно высокую. Так, Вольф Клинггайзен, бывший горным судьей в Штирии с 1583 по 1603 г., получал ежегодно 132 флорина. Эта сумма выглядит весьма внушительно при сравнении с годовым жалованием присяжного — всего 7 флоринов в год⁷⁴.

К горной княжеской администрации относились и амтманы. Они назначались эрцгерцогом, при этом на определенный срок. Так, в 1464 г. амтманом в Целле был назначен горожанин этого города Иоганн Ратмансдорфер сроком на два года. При этом ежегодно он должен был платить казне 515 фунтов 5 шиллингов 22 пфеннига⁷⁵. В 1467 г. должность амтмана в Мариборе получил Освальд Грессель на три года за 800 фунтов пфеннигов ежегодно.

В 1482 г. такую же должность получил в Бистрице Бернанд Краннагль на три года за 300 венгерских дукатов ежегодно⁷⁶.

Как видно из приведенных примеров, должность амтмана не только не оплачивалась эрцгерцогом, но, наоборот, получивший ее должен был вносить определенную сумму эрцгерцогу. Этот факт указывает на чрезвычайную ее доходность. Видимо, тем и объясняется, что всегда находилось много желающих получить на таких, казалось бы, нелюбимых условиях должность амтмана.

Каковы же были обязанности амтмана? Во второй половине XVI в. эрцгерцог Карл издает специальные постановления для своих чиновников⁷⁷. Они определяют и права и обязанности амтмана. Амтман вел надзор за добычей и производством железа. Ежеженедельно осматривал все рудники и плавильни. Он должен был следить, чтобы все плавильни рабо-

⁷² Н. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 33.

⁷³ Н. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 80.

⁷⁴ Ю. Григорьян. «Горная промышленность...», стр. 158.

⁷⁵ «Archiv für Kunde österreichische Geschichts-Quellen», v. 2, Wien, 1849, S. 463, 465.

⁷⁶ Там же, стр. 480.

⁷⁷ E. Mayer. Das Eisenwesen zu Eisenerz in den Jahren 1570 bis 1625. — «Mittheilung des Historischen Vereins Steiermark», Graz, 1885, S. 161.

тали, чтобы владельцы плавильных жилищ были скромны. Каждый владелец плавильни мог брать займы только с разрешения амтмана. Последний же обязан был следить, чтобы он расходовал полученные им займы разумно. Амтман же должен был делать судебную опись имущества, собирать пошлины и держать дороги в хорошем состоянии.

Таким образом, амтман имел достаточную власть и достаточные средства в своих руках, что, несомненно, давало ему возможность с лихвой возместить ту сумму, которую он должен был ежегодно выплачивать казне за свою должность. На это, по всей видимости, рассчитывал и эрцгерцог. В своей диссертации Ю. Григорьян пишет, что амтман являлся главным представителем горного ведомства, как отрасли государственного управления⁷⁸.

Помимо княжеской администрации, в рудниках и плавильнях были чиновники предпринимателей. Эти чиновники осуществляли непосредственное руководство предприятием. Так, рудниками управляли обыкновенно шихтмейстеры. Штайгеры осуществляли надзор за рабочими в рудниках, гутманы — на плавильнях.

Высшая власть Габсбургов над рудниками выражалась не только в том, что эрцгерцог назначал горных чиновников, с помощью которых подвергал контролю добычу и производство металлов, но и в праве брать часть доходов от рудников и плавильных печей себе. Дежельный князь (эрцгерцог. — И. Ч.) получал два вида налогов — фрон и вексель. Ими облагалась добыча благородных и цветных металлов.

Фрон обычно выплачивался рудой или металлом. Крупные предприниматели, имевшие свои собственные плавильные печи, доставляли фрон металлом. Мелкие предприниматели обычно всю свою руду плавил в дежельно-княжеских плавильных печах за особую плату⁷⁹. Однако фрон они чаще всего давали непосредственно в руде. Об этом свидетельствует инструкция бергмайстеру Лампрехту Цэху, написанная в начале XVI в.: «В особенности должен он также смотреть за тем, чтобы наш фрон с гор в ящиках с приложением сносился нашим бергмайстером и фронером и из него (фрона. — И. Ч.) без нашего приказа ими (ничего. — И. Ч.) не продавалось бы, не плавилось и не давалось займам»⁸⁰.

За каждый цент собранного фрона фронер получал 1 геллер зарплаты.

По величине фрон был равен 10% добытой руды (или выплавленного металла)⁸¹.

Выше говорилось еще об одном виде налогов на добычу благородных металлов — о векселе.

По мнению Григорьяна, вексель — это разница между рыночной ценой на металл и той определенной твердой ценой, по которой эрцгерцог при желании имел право покупать этот металл у горных предпринимателей. Так, например, в конце 90-х годов XV столетия в Тироле эрцгерцог скупал серебро по 5 голдинеров за марку, а на рынке оно стоило 8 голдинеров. Следовательно, вексель на серебро в это время равнялся 3 голдинерам за марку (весовую).

Это право преимущественной скупки цветных металлов эрцгерцог не всегда осуществлял. Однако в отношении благородных металлов положение было иное⁸².

⁷⁸ Ю. Григорьян. Горная промышленность..., стр. 152.

⁷⁹ H. Wiessner. Geschichte..., S. 67.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ H. Wiessner. Geschichte..., S. 70.

⁸² См. диссертацию Ю. М. Григорьяна, стр. 208—210.

Так, например, серебро не могло свободно вывозиться из земель, где оно добывалось, продаваться на стороне — оно должно было за определенную плату сдаваться на императорский монетный двор в Линце. Об этом, в частности, говорил указ императора Максимилиана I от 1496 г.: «...и чтобы вышеназванные предприниматели все серебро, которое они добывают в названных рудниках⁸³, в это время нашему верному Гансу Штриглу, нашему мюнцмайстеру в Линце или тому, кто в будущем станет там же нашим мюнцмайстером, и никому другому, отдавали за подобающую цену и из страны не вывозили...»⁸⁴.

То, что такая принудительная продажа серебра не была случайностью, а практиковалась довольно часто, говорит нам и политика Фердинанда I, преемника Максимилиана I в австрийских землях. 7 августа 1529 г. он сдал в аренду каринтийскому ландшафту монетный двор за 10 тыс. голдинеров ежегодно. Причем Фердинанд обязал всех владельцев серебряных рудников в Каринтии продавать добытое серебро только этому монетному двору и не дороже чем 10 голдинеров 20 крейцеров за марку. Соглашение с каринтийским ландшафтом было подписано на 10 лет. Однако действовало оно гораздо дольше, потому что еще в 1556 г. рейхстаг в Аугсбурге среди прочих вынес любопытное решение о том, что король должен снова взять себе каринтийский монетный двор⁸⁵. На это дворцовая казна ответила, что не может этого сделать, поскольку ей необходимы те 10 тыс. голдинеров, которые ей дает ландшафт в качестве арендной платы за этот монетный двор.

Интересно, что подобное же соглашение было подписано в 1506 г. относительно монетного двора в Линце.

Такая политика препятствовала развитию разработок серебряных рудников в Каринтии, поскольку они становились маловыгодным делом. Поэтому не прошло и года после оформления соглашения 1529 г., а владельцы серебряных рудников подали уже прошение Фердинанду, в котором доказывали невыгодность сдачи монетного двора в аренду. Это прошение заканчивалось малоутешительным выводом, что если все останется по-старому, то «и ландшафт не будет иметь серебра и Ваше Величество не будет иметь фрона и векселя и люди разбегутся»⁸⁶. Фердинанд жалобе не внял. А в 50-е годы XVI в. граф Фердинанд фон Ортенбург, владелец серебряных рудников, жаловался, что дежельнокняжеский монетный двор платит ему слишком незначительную сумму — за марку серебра всего 12 голдинеров — в результате чего он получает очень незначительные доходы⁸⁷.

Упомянутые налоги в пользу дежельного князя собирались обычно со всех рудников. Однако бывали исключения. Об этом говорит указ 1509 г.: «...с новых разработок месторождений свинца и руды... не взимается никакая пошлина и налог»⁸⁸.

Когда в 1553 г. Ганс Розенберг из Аугсбурга приобрел серебряный рудник в округе Феллах, оберстбергмайстер освободил от фрона 1000 центов добытой там руды⁸⁹. После того как Розенберг все же продал эти рудники, их купил Фердинанд фон Ортенбург⁹⁰. Вследствие крайне тяжелого положения рудников он в 1559 г. просил освободить их от фрона на

⁸³ Рудники Феллаха, Штайнфельда, Кирхайма.

⁸⁴ H. Wiessner. Geschichte..., S. 45.

⁸⁵ H. Wiessner. Geschichte..., S. 65.

⁸⁶ Там же, стр. 59—60.

⁸⁷ F. Tremel. Der Frühkapitalismus..., S. 87.

⁸⁸ H. Wiessner. Geschichte..., S. 49—50.

⁸⁹ Там же, стр. 63.

⁹⁰ Там же, стр. 65.

15 лет. Выполнена была его просьба или нет, неизвестно. Впоследствии фронем не облагали и тугоплавкую руду⁹¹.

Фрон и вексель иногда брали на откуп богатые купцы из южнонемецких и австрийских земель⁹². Особенно это часто случалось во времена Фридриха III (вторая половина XV в.).

Платили ли фрон с добычи и плавки железной руды, сказать трудно. Во всяком случае данных об этом у автора нет. Есть кое-какие данные только о взимании определенного налога с плавилен. Взимался он, очевидно, и в крице и в деньгах. Об этом налоге (datz) есть упоминание в калькуляции, сделанной предпринимателем Штефаном Швингхаммером. При подсчетах стоимости одного месса обработанного железа, он при перечислении различных статей расходов упоминает и datz: «Как я считал, одна плавильня должна давать в год налога 200 мессов, что дает расходов на каждый месс 5 шиллингов 11,5 пфеннигов»⁹³.

Это был все же не очень большой налог, поскольку все расходы по производству (включая и налог) одного месса обработанного железа, по его же данным, равнялись 9 флоринам 4 шиллингам 17,5 пфеннига.

Есть много сведений о пошлинах, взимаемых за перевоз железа. В частности, в Кремсе ремесленники и предприниматели с 1558 до 1567 г. заплатили пошлин в общей сумме 14 830 флоринов 30 крейцеров⁹⁴.

Пошлины взимались не только за провоз по дорогам, но и при продаже крицы плавильщиками кузнецам. Об этом говорит калькуляция фордербергских плавильщиков. Они продавали торговцам железом из Леобена майлер крицы за 5 флоринов 7 шиллингов 15 пфеннигов. Последние при покупке крицы платили императорской казне за майлер 1 флорин 7 шиллингов 15 пфеннигов⁹⁵.

Эти многочисленные поборы приводили к попыткам обойти их со стороны торговцев. Контрабанда при торговле железом была весьма распространена. Сборщикам пошлин приходилось туго. В 1556 г. сборщик пошлин в словенской Понтебе на границе с Италией Бартама Лукателли написал письмо эрцгерцогу, в котором жаловался, что жизнь его находится в опасности из-за контрабандистов⁹⁶.

Помимо налогов и пошлин в пользу императорской казны, существовали еще местные налоги для владельцев рудников, а также и для владельцев плавилен и кузниц. Так, часть расходов по устройству рудников принимали на себя местные горные власти. В связи с затоплением рудников в северной Каринтии потребовалось проведение дополнительных штолен для откачки воды⁹⁷. Предприниматели Мёзинца и Лелинга считали, что их это не касается, так как их рудники в гораздо лучшем состоянии, чем рудники хюттенбергцев и эберштайнерцев. Поэтому они не хотели платить установленный ранее налог с каждого майлера обработанного железа в 3 крейцера, а с каждого майлера необработанного железа в 2, а согласны были платить только 6 пфеннигов с майлера обработанного железа и 1 крейцер — с необработанного. Этот налог с предпринимателей был, несомненно, местным. В данном случае он был вызван экстраординарным событием — затоплением рудников и, очевидно, носил временный характер.

⁹¹ Там же, стр. 68.

⁹² F. Tremel. Des Frühkapitalismus..., S. 75.

⁹³ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 41.

⁹⁴ Там же, стр. 150.

⁹⁵ Там же, стр. 41.

⁹⁶ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 257.

⁹⁷ Там же, стр. 46.

Вероятно, постоянных местных налогов не было, поскольку в нескольких калькуляциях предпринимателей, написанных ими с очень подробным перечнем расходов, специально для правительства, о них не упоминается.

Непосредственно личной собственностью Габсбургов в словенских землях были идрийские рудники (с 70-х годов XVI в.). Там велась разработка ртутных залежей на средства Габсбургов, и все доходы от добычи шли лично Габсбургам. Большинство остальных рудников находилось во владении феодалов и купцов.

Многими рудниками владели светские феодалы. Среди них следует упомянуть имя Сигизмунда Дитрихштейна. В 1518 г. император Максимилиан продал ему за 10 тыс. гульденов два урада в Каринтии: Бистрица (нем. — Feistritz) и Штокенбой со всеми людьми, службами, чиншами, налогами и всеми рудниками⁹⁸. В обоих урадах (управление, вернее, округ с единым административным центром) наряду с рудниками имелись плавильни, здесь же велась и обработка руды. В 1532 г. Сигизмунд фон Дитрихштейн даже издал свой собственный горный статут для этих рудников⁹⁹. В конце XVI в., однако, Дитрихштейны несколько раз продавали рудники с правом выкупа через несколько лет. Недалеко от Беяка в южной Каринтии, а также в Штирии имел рудники и плавильни штирийский дежельный главарь Иван Унгнад, знаменитый протестант¹⁰⁰. В северной Каринтии во второй половине XVI в. владел серебряными рудниками граф Фердинанд фон Ортенбург¹⁰¹. В начале XVII в. недалеко от Камника были открыты железные рудники графом Гансом Людвигом Турном¹⁰² (с разрешения эрцгерцога). Но уже в 1622 г. они перешли во владение некоего Ганса Шуста. Вплоть до конца XVI в., когда Идрия перешла в непосредственную собственность императора, ртутными рудниками там владели горные товарищества, в состав которых входили некоторые знатные дворянские фамилии: Экки, Дитрихштейн, Ламберги, Парадайзер¹⁰³.

В Крайне железные рудники Яворника находились в собственности барона Янеза Фердинанда Яворницкого (XVII в.)¹⁰⁴, свинцовые рудники Мальнека — дворян из Добы, железные рудники у Радовлицы — баронессы Ламберг и т. д.

Тесно была связана с горным делом на продолжении более одного века фамилия итальянских выходцев Буцеллини. В 1526 г. в Крайну из Бергамы приехал Бернард Буцеллини¹⁰⁵, по всей вероятности, дворянин. Он построил замок Саву и купил в 1538 г. у короля Фердинанда плавильное предприятие, где выделывал высококачественную сталь. Уже к концу XVI в. Буцеллини имели рудники, леса, плавильни в Есеницах и Железниках¹⁰⁶. Занятие горным делом принесло им не только деньги, но и почет. Во второй половине XVII в. Вальвасор пишет, что у замка Савы между торгами Есеницей и Яворником находятся рудники и железоделательные предприятия, которыми владеют граф Октавий Буцеллини и его брат граф Янез Андрей Буцеллини. Как и сто с лишним лет назад, их сталь считалась лучшей в Крайне¹⁰⁷.

⁹⁸ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 170—171.

⁹⁹ Там же, стр. 171—173.

¹⁰⁰ Там же, стр. 272—274.

¹⁰¹ H. Wiessner. Geschichte... S. 65.

¹⁰² «Kronika», 1955, № 1, стр. 25.

¹⁰³ J. Zontar. Zgodovina..., стр. 153.

¹⁰⁴ «Valvasorjevo berilo...», стр. 125.

¹⁰⁵ A. Dimitz. Geschichte..., v. 2, S. 294.

¹⁰⁶ J. Zontar. Zgodovina..., стр. 399.

¹⁰⁷ «Valvasorjevo berilo...», стр. 127—128.

Ряд рудников в Каринтии находился во владении архиепископа Зальцбурга и епископа Бамберга, а в Крайне — во владении фрейсингенского епископа. Несмотря на то, что им пришлось поступиться верховной властью в пользу эрцгерцога, все же основные доходы с рудников шли к ним.

Владельцами рудников нередко были и купцы. В частности, следует отметить Ганса Розенберга из Аугсбурга, который в 1553 г. приобрел серебряный рудник с плавильней в северной Каринтии. Правда, вскоре ему пришлось его продать Фердинанду фон Ортенбургу¹⁰⁸. Мартин Альтдорфер из Крайны добывал свинец недалеко от Повель¹⁰⁹.

Довольно крупным предпринимателем был белякский купец Вильгельм Нойманн. Он имел доли в Идрии, был совладельцем свинцовых копей в Плиберке. В Патернионе он арендовал у Дитрихштейна свинцовые и ртутные шахты. Наряду с ним у Дитрихштейна арендовали рудники Ганс и Маттиас Горчахеры, граждане города Беляка¹¹⁰. Вообще, очевидно, Дитрихштейны сами непосредственно не занимались рудными разработками, а предпочитали отдавать их в аренду. Об этом свидетельствует один весьма любопытный факт. В 1587 г. Дитрихштейны продали свое владение Патернион (с урадами Бистрица и Штокенбой) Морицу Кристофу Кевенхюллеру за 40 тыс. флоринов с правом последующего выкупа. В акте продажи оговаривалось, что в случае, если выкуп не произойдет, все арендаторы останутся на своих местах. Дитрихштейн также один мог давать право строить на своих землях предприятия по обработке руды — различного рода плавильни и кузницы.

На южном склоне Караванков в округе Холленберг в 1563 г. Сигизмунд Дитрихштейн отдал в аренду на покупном праве (нем. — Kaufrecht) желездовую кузницу белякскому гражданину Клингендрату¹¹¹. В этом же округе арендатором кузниц и плавилен был Ганс Шнелко, горожанин Целовца (нем. — Klagenfurt), бывший в 1555 г. там судьей. В 1584 г. он арендовал у Дитрихштейна кузницу в Любели (нем. — Loibl) за 8 фунтов пфеннигов в год¹¹². К кузнице принадлежал дом и мельница. Весьма возможно, что эта мельница использовалась для приведения в движение молотов в кузнице. Позже, после смерти Шнелко в 1593 г., кузница перешла к Паулю Оргису и Вайту Хуберу. Те в свою очередь отдали ее в аренду городу Шент Виду. Таким образом, мы видим, что в горном деле существовала и двойная аренда, когда первые арендаторы передавали в свою очередь предприятие (будь то рудник, кузница или плавильня) второму арендатору.

До продажи поместья Патерниона Дитрихштейнам Габсбурги сами сдавали там в аренду все кузницы, плавильни, толчен. В 1492 г. они были сданы в аренду Кальтенхойзеру. В арендном акте по этому поводу говорилось: «За это должен он ежегодно нашему управлению один фунт пфеннигов чинша от каждой кузницы, толчен и от каждой плавильной печи»¹¹³.

Каринтийская книга горных ленов от 1531 г. называет в качестве владельцев рудников Якоба фон Намплаха, Леонарда Мослахера, Кристофа Пастельника, Кристофа, Галлуса и Феликса Шламингеров, Блажа Винклера, Якоба Хайла, Кристиана Майера, Панкраца Хубмайера,

¹⁰⁸ H. Wiessner. Geschichte..., S. 61—62, 65.

¹⁰⁹ J. Zontar. Zgodovina..., str. 106.

¹¹⁰ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 171—172.

¹¹¹ Там же, стр. 205.

¹¹² Там же, стр. 246.

¹¹³ H. Wiessner. Geschichte..., S. 170.

Томаса Цвинка, Якоба и Сигизмунда Экков, Ганса Хофера, Балтазара фон Кюнбурга, графа Урбана, Георга Зетценштолена и т. д. Уже по этому перечню видно, что среди владельцев ленов были наряду с представителями дворянства (граф Урбан, Экки и т. д.) многие представители незнатных, скорее всего купеческих фамилий.

Для горного дела конца XV—XVI вв. характерны не отдельные предприниматели, собственники целых рудников, а горные товарищества, компании пайщиков.

Все крупные разработки руды находились в руках таких товариществ предпринимателей. Доходы от рудников распределялись по паям. Так, в Идрии было несколько таких товариществ. В 20-е годы XVI в. их было три. Одно из них было создано в 1510 г. и носило имя св. Ахация. Оно было самым старым из всех трех товариществ. В него входили такие знатные дворяне, как Ганс фон Ауэрсберг, Каспар и Сигизмунд фон Ламберг, Экки и т. д. Наряду с ними крупным держателем паев был богатый бельгийский купец Вильгельм Нойманн.

Второе горное товарищество, св. Екатерины, образовалось в 1520 г. Оба эти горные товарищества — св. Ахация и св. Екатерины — часто имели одних и тех же членов. В 1522 г. эрцгерцог Фердинанд открыл еще один рудник в Идрии. В 1523 г. он передал его новому обществу (третьему), в которое входили такие представители знати, как Габриэль фон Саламанка, граф фон Ортенбург и т. д. Это общество на четыре года было освобождено от фрона и векселя¹¹⁴.

Сохранились сведения о распределении паев в идрийском товариществе предпринимателей от 1572 г.¹¹⁵ Согласно им, в Идрии было 43 пайщика, владевших 144 паями (куксами).

Стоимость всех этих паев равнялась 200 тыс. флоринов. Уже из этого мы можем сделать вывод, что объединение предпринимателей в товарищества диктовалось прежде всего необходимостью вложения в рудник (или другое предприятие) очень больших капиталов, не доступных для каждого предпринимателя в отдельности.

Среди идрийских пайщиков выделялись наследники госпожи Барбары Нойманн, имевшие $18\frac{1}{48}$, $\frac{1}{168}$ и $\frac{1}{252}$ паев; Урбан Айнлехурн — $13\frac{1}{3}$, $\frac{1}{30}$ и $\frac{1}{756}$ паев; Христоф Пфлюгель — $16\frac{1}{240}$ паев; Герварты — 12 паев; наследники Вольфа Энгельпрехта — $9\frac{3}{4}$ паев; Ламберги — почти 12 паев и т. д.

В целом крупные купеческие фамилии (Герварты, Гохштеттеры, наследники богатых купцов Вильгельма Нойманна и Ганса Пфлюгеля) обладали 50 паями, т. е. фактически третью идрийских рудников. Наряду с этими крупнейшими купеческими фамилиями владельцами идрийских паев являлись дворянские фамилии Ауэрсбергов, Ламбергов, Дитрихштейнов, Турнов, Парадайзеров, фон Еелхов. К сожалению, определить классовое положение остальных пайщиков для автора не представляется возможным.

Однако уже из известных нам данных мы можем видеть, что членами горного товарищества в Идрии были как купцы, так и дворяне. Такое же приблизительно положение было и в Вальденштейне. Там имелось девять рудников. По записям бергрехтера (горного судьи) от 1539 г., владельцами их являлись, кроме Унгнада, предприниматели Бэрта Лавенталер, Вольф Штампфер, Ганс Бруннер, Вайт Штамбл, Георг Пезолла, Леонард Вайнмани, Каспар Вентцлер, Георг Грабшафт, Георг Краних, Маттиас

¹¹⁴ J. Strieder. Studien zur Geschichte..., v. 2. München, 1925, S. 292—293.

¹¹⁵ Там же, стр. 352—353.

Мунчарт. Но это — сравнительно крупные предприниматели. Помимо них, имелось еще значительное количество мелких. Так, на одном из рудников существовало по меньшей мере 29 предпринимательских долей. Владельцами двух из них были женщины¹¹⁶. Вообще совместное владение рудниками характерно не только для Каринтии и Крайны, но и для других областей, например для Штирии, Тироля¹¹⁷. В этих случаях разработки велись совместно, прибыль делили в зависимости от пая.

В начале XVI в. в каринтийское горное дело проник знаменитый торговый дом Фуггеров. Фуггеры даже образовали специальное общество «Тирольская и каринтийская торговля», ведавшее горными предприятиями в Тироле и Каринтии.

Центром их деятельности стали свинцовые рудники Плиберка (у Беляка)¹¹⁸. У Плиберка многие свинцовые рудники являлись собственностью многих пайщиков. Однако в отличие от Идрии здесь преобладал капитал Фуггеров. Из 54 рудников они были единственными хозяевами 21 рудника. В остальных у них тоже имелись доли¹¹⁹. Здесь же Фуггеры владели и плавильнями.

Кроме плиберских рудников, Фуггеры являлись хозяевами еще 36 рудников в Лавантале (Каринтия). Здесь добывались свинец и золото.

Следует отметить, что в конце XV и на протяжении всего XVI в. идет процесс объединения мелких предприятий в горном деле, процесс вытеснения мелких производителей. Так было в Верхней Каринтии. Там в Оберфеллахе и Гросскирхайме к концу века, т. е. к 1500 г., из многих владельцев рудников и плавильен осталось всего 20¹²⁰.

* * *

Теперь для нас чрезвычайно важно выяснить, каким способом, с помощью какой рабочей силы велось горное дело — добыча руды, ее плавка, первичная обработка. Преобладало ли в горном деле ремесленно-цеховое, феодальное или капиталистическое производство.

Рассмотрим сначала, как производилась разработка рудников, добыча железных, ртутных и прочих руд.

Выше мы уже говорили о том, что техника добычи руды на протяжении XVI и даже XVII вв. оставалась весьма примитивной, изменения, происходившие в ней, были весьма незначительны.

Такое положение приводило к возможности добычи руд не только людьми, обладавшими значительными средствами, но и отдельными мелкими производителями. В частности, издавна промыслами железной руды занимались крестьяне Крайны, Штирии и Каринтии. Некоторые крестьяне участвовали даже в горной добыче благородных металлов. Но в основном, конечно, такие разработки находились полностью в руках дворянства и богатого купечества¹²¹. О добыче железной руды кметами и другими отдельными мелкими производителями сохранилось много сведений и от XV—XVII вв.

Указ императора от 23 декабря 1601 г., определявший, какими товарами могут торговать горожане и кметы, разрешал им торговать и

¹¹⁶ H. Wiessner. Kärntner Eisen..., S. 272.

¹¹⁷ «Из истории западноевропейского феодализма», стр. 81, 103.

¹¹⁸ Там же, стр. 81.

¹¹⁹ L. Scheuermann. Die Fugger als Montanindustriell in Tirol und Kärnten. München und Leipzig, 1929, S. 230—231.

¹²⁰ F. Tremel. Указ. соч., стр. 78—79.

¹²¹ H. Wiessner. Geschichte..., S. 54.

железом¹²². Это указывает на то, что среди кметов и горожан многие занимались добычей и плавкой железа. Некоторые из них еще сохраняли видимость самостоятельности. Но многие не имели возможности плавить добытую ими руду в собственных плавильнях и поэтому попадали в зависимость от владельцев крупных плавильен, выступавших по отношению к ним в роли скупщиков. Об этом, например, свидетельствует проект оберстбергмайстера Ганса Губмайера, который он предоставил каринтийскому ландшафту. В проекте говорилось о необходимости создания дежельнокняжеской плавильни в Каринтии, чтобы на ней могли плавить свою руду те, кто не имел своих плавильен. Это была попытка оградить мелких собственников от разорения и подчинения их крупным предпринимателям.

В Крайне уже упоминаемые нами владельцы железоплавильных предприятий в Железниках, Буцеллини, в 1604 г. добились у Фердинанда II патента, по которому никто не мог препятствовать торговле железом торговцам, торговавшим им и раньше¹²³. Этот патент был направлен против крупных владельцев рудников, пытавшихся в своих интересах запретить кметам добычу и торговлю железной рудой. Но Буцеллини, вероятно, выгоднее было скупать железную руду у кметов, чем покупать ее у крупных владельцев рудников, часто и самих имевших свои собственные плавильни. Поэтому они и выпросили у Фердинанда II патент, дающий право кметам торговать железной рудой. В чем же заключалась эта выгода скупки руды у кметов? Дело в том, что в горном деле в XVI в. распространяется особая система зависимости мелких производителей от крупных предпринимателей, так называемая система заложничества. Об этом пишет и Фердо Гестрин. В работе «Общественные отношения в Словении и Реформация» он отмечает, что эта система была распространена в определенных отраслях ремесла — в полотняном, в решетном деле, но особенно широко в горнорудной промышленности¹²⁴. В Штирии и Каринтии заложничество появляется уже с середины XV в., а в Крайне — с XVI в.

Эта система заключалась в том, что мелкий производитель или мелкий предприниматель ссужался как деньгами, так и материальными средствами крупным предпринимателем, за что он и должен был последнему продавать по установленной цене продукцию своего производства.

В таких отношениях с Буцеллини находились, очевидно, те кметы, в интересах которых выступили эти железнитские предприниматели перед Фердинандом II.

Об этой системе заложничества в горном деле Тироля и Каринтии пишет Е. К. Некрасова в статье «Характер капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров»: «В Тироле и Каринтии мы наблюдаем обычно авансирование мелких производителей, запродажу последними будущей продукции, заклад самого права разработки рудника или его части»¹²⁵.

О таком авансировании писал в своем докладе о расходах по плавке железа хюттенбергский предприниматель Симон Латтахер: «...и если такие угольщики, а также рудокопы, которые все нам много должны, уходят с большим долгом или умирают, то мы все при этом терпим

¹²² I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih. Ljubljana, 1886, str. 165—166.

¹²³ J. Vrhovec. Указ. соч., стр. 168.

¹²⁴ F. Gestrin. Družbeni razredi ma Slovenskem in reformacija. — «Drugi Trubarjev zbornik», Ljubljana, 1952, str. 17.

¹²⁵ «Из истории западноевропейского феодализма», стр. 35.

убытки...»¹²⁶. Очевидно, и в данном случае мы имеем дело с авансированием со стороны собственника плавильной печи поставщиков сырья: угольщиков и рудокопов.

В упомянутой работе Е. К. Некрасова даны сведения об организации добычи свинцовых руд Фуггерами в Плиберке. Фуггеры сдавали в аренду свои рудники рудокопам — леенхауерам. Те вели на них работу иногда с помощью подсобных рабочих. За это они платили Фуггерам определенную арендную плату. Добытую руду некоторые леенхауеры должны были обязательно по определенной цене продавать собственнику рудника. Но многие из них могли распоряжаться своей рудой «свободно»: или продать ее предпринимателю или обрабатывать ее самим за свой счет, но на машинах и плавильнях, принадлежащих этим же предпринимателям. В частности, для этой цели у Фуггеров в Плиберке имелись: плавильня, печь и толчея, за пользование которыми взималась определенная плата¹²⁷.

Что же представляли собою в социальном отношении леенхауэры?

Ю. Григорьян в своей диссертации считает леенхауэров «рабочими, не имеющими средств производства». Нам кажется, что рабочими их нельзя считать хотя бы потому, что сам факт о возможности непродажки их продукции владельцам рудников говорит об их некоторой, хотя и очень незначительной, самостоятельности.

В данном вопросе, по нашему мнению, правильной следует считать точку зрения Е. К. Некрасовой, отличающей термины «Lehenhauer» от термина «Harrenarbeiter». Ведь рабочий отличается от мелкого производителя не только тем, что получает заработную плату, но главным образом тем, что не имеет собственных орудий труда. Что же касается леенхауэров, то они, по словам Е. К. Некрасовой, владели собственными орудиями труда¹²⁸. Кроме того, Тремель отмечает, что обычно леенхауэры получали от владельца рудника в аренду отдельные заборы, которые обрабатывали вместе с подсобными рабочими, нанимаемыми и оплачиваемыми ими самими¹²⁹. В этом они выступали как самостоятельные мелкие производители. Но, с другой стороны, леенхауэры должны были всю свою продукцию продавать владельцам рудников по установленной ими цене или перерабатывать ее на их плавильнях. В этом сказывалось их зависимое, подчиненное положение по отношению к владельцу рудника.

Поэтому мнение Е. К. Некрасовой, что леенхауэры являются мелкими производителями, попавшими в зависимость от крупного предпринимателя, а не рабочими, кажется нам справедливым.

На рудниках, помимо труда леенхауэров, применялся и наемный труд. В XVI в. на некоторых крупных рудниках было занято уже значительное количество рабочих. Самыми крупными в Крайне, как мы уже говорили выше, являлись ртутные рудники в Идрии. Уже в 1511 г., когда в результате обвалов в шахтах добыча ртути прекратилась, 500 человек вынуждены были покинуть Идрию и ее окрестности¹³⁰. В это число, вероятно, входили рудокопы и члены их семей. В XVII в. в идрийских рудниках непосредственно было занято, по свидетельству доктора Гвалтиери Попа, 280 человек¹³¹.

В северной Каринтии в округе Феллах на серебряном руднике, принадлежавшем Гансу Розенбергу из Аугсбурга, работало 100 человек

¹²⁶ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 40.

¹²⁷ L. Scheuermann. Die Fugger..., S. 231.

¹²⁸ «Из истории западноевропейского феодализма», стр. 109.

¹²⁹ F. Tremel. Указ. соч., стр. 82.

¹³⁰ «700 Jahre Stadt Villach», S. 121.

¹³¹ J. Valvasor. Die Ehre..., S. 404.

(XVI в.)¹³². В Хюттенберге в конце XVI в. общее количество рабочих доходило до 1000 человек¹³³. Но в это число входили не только рабочие-рудокопы, но и угольщики, плавильщики и т. д. Значительное количество рабочих было на рудниках в Вальденштейне. Только на одном из них в период с 24 апреля по декабрь 1539 г. рабочие съели 65 шеффелей пшеницы, 109 шеффелей ржи и 52 шеффеля овса.

Если техника добычи руды оставалась в XVI в. приблизительно такая же, как и в более ранний период, то техника плавки за это же время значительно двинулась вперед. Появились бресцанские печи, домны, для строительства и эксплуатации которых необходимы были весьма значительные средства, недоступные многим отдельным мелким производителям. Правда, наряду с ними существовали и другие виды плавильных печей, более простые. Но даже и они требовали гораздо больших затрат, чем, например, орудия труда для рудокopa. Поэтому плавильные печи являлись или собственностью крупных предпринимателей или собственностью группы мелких производителей. В Железнике, например, наряду с железоплавильными предприятиями Буцеллини имелась плавильная печь, являвшаяся собственностью 48 кузнецов¹³⁴. Эти кузнецы еще владели тяжелым молотом в кузнице. Каждый из владельцев имел определенные дни в году, когда он мог плавить в этой общей плавильне руду, которую добывал сам, проковывать в общей кузне крицу. Таким образом, мы здесь имеем дело с мелкими производителями, сумевшими объединиться и сохранить свою независимость. О существовании таких общих плавильных говорит и урбарий Локского господства от 1560 г. Он устанавливал, в частности, налог с таких владельцев плавильных в пользу фрейсингенского епископа.

Из урбария¹³⁵ можно сделать вывод, что речь идет о двух плавильнях; обе они находились в Железниках, но одна — в Верхнем конце, а другая — в Раковнике. Первая имела 13 долей, а вторая — 11. Владелец каждой доли имел право определенное время (неделю или половину недели) плавить свою руду в плавильной печи. От этой своей доли он должен был платить определенный налог собственнику Железника фрейсингенскому епископу. Очевидно, что среди владельцев долей есть более состоятельные и менее состоятельные. К числу более состоятельных следует отнести братьев Гомпа, Анже и Фелициана. В первой плавильной печи они имели право плавить в течение одной половины недели (по всей вероятности, своей) и, кроме того, в течение другой половины недели за счет доли некоего Дионисия Матайли (возможно, купленной у последнего). Во второй плавильне они пользовались правом плавить в счет долей Юрия Брецея (половина недели), Андрея Сенузена (неделя), Петра Планины (половина недели) и еще одну неделю (видимо, своя доля). Таким образом, во второй печи братья Гомпа имели право плавить в течение трех недель.

Большую часть долей, принадлежавших им, они приобрели совсем недавно, поскольку в урбарии упоминаются имена прежних владельцев. И рядом с братьями Гомпа владельцами долей во второй плавильной печи были братья Пиерия, Марко и Панкраций, вдвоем владевшие всего половиной недели.

¹³² H. Wiessner. Geschichte..., S. 64.

¹³³ Там же, стр. 57.

¹³⁴ «Kronika», 1954, № 2, str. 96.

¹³⁵ F. K. o. s. Doneski k zgodovini Skofje Loke in njenega okraja. Ljubljana, 1894, str. 31.

И здесь среди мелких производителей, как мы видим, выделяются наиболее богатые, будущие, а может быть, уже настоящие предприниматели.

Некоторые собственники рудников запрещали такое совместное владение нескольких лиц одной плавильней. Так, в 1524 г. был издан горный статут зальцбургским архиепископом Матхойзом Лангом¹³⁶, согласно которому не разрешалось владение половиной или долей плавильни. Это запрещение объяснялось тем, что многие такие мелкие пайщики даже не имели своих рудников и не добывали сами руду. Руду же они получали или в качестве оплаты с тех, кто плавил у них свою руду, или вообще неизвестными способами.

Были плавильные печи, на которых использовалась наемная рабочая сила и которые принадлежали как отдельным предпринимателям (Унгнаду, Буцеллини, Латтахеру и более мелким, так называемым радмайстерам), так и целым обществам (например, домна в Уртле принадлежала городу Шент Виду).

Среди горожан многих металлургических центров, таких, как Хюттенберг, Леобен, Железник, было много владельцев плавильен. Они иногда сами участвовали в процессе плавки, а иногда (наиболее богатые из них) были просто предпринимателями.

Конечно, при плавильных печах использовалось гораздо меньше рабочих, чем в рудниках, и они были более квалифицированными. В частности, в калькуляции Латтахера указывается на следующие специальности рабочих-плавильщиков: дмецы, дробильщики, угольщики, кроме того, упоминаются просто рабочие без указания специальности, вероятно, подсобные рабочие.

Е. К. Некрасова, описывая плавильные печи в Тироле (Фалькенштейн, Эрбштоллен), говорит о следующем распределении по специальностям: всего было 662 человека¹³⁷. Из них: на плавке было занято 24 рабочих (7 квалифицированных и 17 поденщиков); плотников 55 и их подручных 45; на подвозе руды было занято 286; на очистке руды — 183 человека, при этом 21 надзиратель; толчейщики или дробильщики — два человека; четыре конторщика.

Итак, непосредственная работа на плавке отнимала сравнительно небольшое количество рабочих — 24 человека из 662. А если принять во внимание, что только семь из них были квалифицированными, то процент занятых непосредственно на плавке рабочих станет еще меньше — немногим более 1% от общего числа рабочих. Остальные были заняты на подсобных работах, главным образом на подвозе руды и на ее очистке.

Уровень техники плавки руды в Тироле был приблизительно таким же, как в словенских землях, особенно в Каринтии и Штирии. Поэтому в словенских землях на плавильных печах было приблизительно такое же соотношение между различными специальностями рабочих, как в Тироле.

После плавки крица (чугунолитейных печей в то время было мало) поступала на первичную обработку в железцовые кузницы. Обычно эта первичная обработка производилась на местах, т. е. в тех же или соседних городах и местечках, где добывалась руда и производилась ее плавка.

Владельцами таких кузниц были горожане или кметы. Эти кузницы были их собственными или они брали их в аренду у собственников земли и платили за это определенные налоги. По урбарии от 1524 г. такие

¹³⁶ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 33—34.

¹³⁷ «Из истории западноевропейского феодализма», стр. 113.

арендаторы имелись во многих местах округов Патернион, Холленберг и т. д.

В 1563 г. беякский горожанин Георг Клингендрат получил от графа Зигмунда Дитрихштейна кузницу на покупном праве у Мюллнера¹³⁸. В 1604 г. ею уже владел итальянец Иоганн Зигмунд Иовио. Кроме того, здесь же имелись кузницы по выделке гвоздей, принадлежавшие Никласу Вршице и Никласу Ригони. У Ригони дело было поставлено весьма широко, так что он имел торговые связи даже с Нюрнбергом. В 1610 г. здесь же возникла третья кузница по производству гвоздей, принадлежавшая Андреасу Лопати.

Недалеко от Мюллнера в Ферлахе тоже упоминается ряд кузниц по первичной обработке железа. В частности, в урбарии от 1524 г. говорится о некоем мастере Георге Айзенциере, имевшем две кузницы. Он должен был платить за использование на них водной энергии 4 шиллинга¹³⁹.

В округе Холленберг в Любеле, как видно из урбария 1524 г., железцовой кузницей владел Ганс Горчак¹⁴⁰. Он платил за нее 2 фунта пфеннигов и еще 1 фунт пфеннигов за кузницу по вытяжке проволоки. Урбарий 1551 г. сообщает, что эта кузница находилась уже в руках Кристофа Гравенштейнера и Матеаса Фрайбурга, которые платили за нее чинш в размере 8 фунтов пфеннигов. Такой рост платежей можно объяснить общим ростом цен в тот период, революцией цен, происходившей тогда во всей Европе. Революция цен была, вероятно, основной причиной увеличения чинша, но наряду с этим можно также предположить и возможность расширения данной кузницы за прошедшие 27 лет, усиление эксплуатации арендаторов собственником кузницы. После упомянутых владельцев кузницу приобрел Ганс Шнелко. Это был весьма зажиточный человек, поскольку в 1555 г. он являлся городским судьей города Целовца, а его родственником был Якоб Шнелко, таможенник по дороге в Нижнюю Любель. Он также платил чинш графу Дитрихштейну в 8 фунтов пфеннигов. В 1593 г. после смерти Ганса Шнелко кузница перешла к Паулю Оргису и Вайту Губеру, которые в свою очередь отдали ее в аренду городу Шент Виду. К кузнице принадлежали дом и мельница — очевидно, на ней использовалась водная энергия. Уже из сказанного можно предположить, что упомянутая кузница у Любели являлась довольно крупным предприятием, на котором, несомненно, применялась наемная рабочая сила. Об этом говорит ряд косвенных данных: во-первых, высокий чинш, уплачиваемый за нее; во-вторых, использование на ней водной энергии, что делалось лишь на сравнительно крупных кузницах; и, в-третьих, тот факт, что некоторые арендаторы, как, например, Шнелко из Целовца, город Шент Вид, находились от нее на значительном расстоянии, следовательно, не могли непосредственно работать на ней (особенно это касается Шент Вида), а могли только пользоваться для работы в этой кузнице наемной рабочей силой.

Из вышеназванных кузниц такими кузницами, применявшими наемную рабочую силу, могли быть обе кузницы мастера Георга Айзенциера, на которых применялась водная энергия.

В большинстве же случаев железцовыми кузницами владели отдельные ремесленники. Выше упоминались уже неоднократно кузницы, употреблявшие водную энергию. Владеть ими могли или в достаточной мере богатые люди или группа ремесленников. В Железнике 48 кузнецов имели, помимо общей плавильной печи, общую кузницу с тяжелым мо-

¹³⁸ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 206.

¹³⁹ Там же, стр. 215.

¹⁴⁰ Там же, стр. 244.

лотом ¹⁴¹ (в то время тяжелый молот мог приводиться в движение только при помощи воды). Они пользовались этим тяжелым молотом так же поочередно, как и плавильной печью.

Среди плавильщиков и кузнецов по первичной обработке крицы было значительное количество мелких производителей. Однако почти все они находились в такой же зависимости от купца, дававшего им заем, как и рудокопы.

Такое положение было связано с тем, что в развитии горной и плавильной техники произошел значительный прогресс, и мелкий производитель без ссуды купца не мог обеспечить ею свою мастерскую, будь то кузница или плавильня. Так же, как и горняк, он брал займы у купца ссуду, обещая за это сбывать ему свою продукцию по договорной цене. Такие отношения особенно отчетливо проявились в северной Штирии — в районе Леобена и Айзенэрца.

Здесь многие кузнецы находились в зависимости от купцов города Штейра и городов южной Германии (главным образом Аугсбурга). Тремель пишет по этому поводу, что в 1560 г. в окрестностях Штейра половина железцовых кузниц находилась в зависимости от крупных купцов ¹⁴². Многие купцы давали ссуды и владельцам плавильен, за это последние должны были продавать им свою продукцию, а кузнецы оставались без нужного им сырья. Такое положение вызывало большое количество жалоб со стороны кузнецов.

В ответ на эти жалобы эрцгерцог Карл издал в 1570 г. «Статут о ссудах и паях» ¹⁴³. В нем говорилось, что ни один купец отныне не имеет права давать владельцам плавильен ссуды. Их могли ссужать только владельцы железцовых кузниц. Причем ссуда не могла превышать 1000 гульденов.

Однако часто владельцы кузниц не имели достаточных средств, чтобы давать их займы. А без этого они не могли обеспечить свои предприятия крицей. Поэтому владельцы кузниц должны были сначала сами занимать у купцов, а потом уже из этой суммы ссужать владельцев плавильен. Последние в конечном итоге оказывались в зависимости опять-таки от тех же самых купцов, но теперь уже через посредство владельцев кузниц.

Ссуды кузнецам от купцов не определялись точно и зависели всецело от желания последних. Обычно давалась сначала общая ссуда (Verlag). Кроме того, ежемесячно заимодавец должен был давать определенную сумму денег своему должнику. Эта сумма далеко не всегда выдавалась заимодавцами. За ее регулярной выдачей должны были следить специальные комиссары эрцгерцога.

Вообще штирийские кузнецы уже не могли существовать без постоянных ссуд со стороны купцов. Характерно, что именно они, а не купцы, требовали от правительства определить размеры ссуды, сделать отношения между ними и торговцами более прочными ¹⁴⁴. Они жаловались, что в случае смерти одной из договаривающихся сторон договор обычно разрывался. В результате владелец кузницы (старый, если умер заимодавец, и новый, если умер должник) должен был отыскивать себе нового покровителя-заимодавца (Verlager).

Тремель пишет, что особенно ухудшилось положение штирийских владельцев кузниц после 1564 г. ¹⁴⁵ В 1564 г. была проведена окончательная

¹⁴¹ «Kronika», 1954, № 2, str. 96.

¹⁴² F. Tremel. Указ. соч., стр. 57; M. Mayer. Указ. соч., стр. 162—165.

¹⁴³ M. Mayer. Указ. соч., стр. 164.

¹⁴⁴ M. Mayer. Указ. соч., стр. 171—175.

¹⁴⁵ F. Tremel. Указ. соч., стр. 57.

граница между Австрией и Штирией, в результате чего город Штейр, где жили главные кредиторы штирийских кузнецов, оказался в Верхней Австрии. Поэтому штейрские купцы стали отдавать предпочтение в выдаче ссуд австрийским кузнецам. Из-за этого уже в 1575 г. треть всех штирийских владельцев кузниц осталась без кредита, а следовательно, и без работы.

Итак, мы видим, что очень многие мелкие производители фактически полностью потеряли свою независимость — хотя они и имели еще собственные мастерские, собственные орудия труда, но работать они могли уже только получая ссуды от купцов.

В 1586 г. граф Зигмунд Дитрихштейн сдал в аренду в Патернионе кузницу и плавильню у ручья Бистрица трем горожанам Беяка: Гансу Хальфингеру, Михаелу Грунднеру и Ахацию Прендтнеру¹⁴⁶. Впоследствии им отвели на ручье место для строительства молотового стана. По всей вероятности, здесь мы уже имеем дело не с мелкими производителями, каковыми являлись пайщики молотового стана в Железниках, а с предпринимателями, поскольку все они беякцы, следовательно, сами работать в Патернионе не могли. Интересно, что они сосредоточивали в своих руках и плавильни и кузницы. Это было характерной чертой сравнительно крупных предпринимателей. В горном деле в XVI в. были и такие крупные предприниматели, которые в своих руках сосредоточивали не только рудники и плавильни, но и предприятия по первичной обработке железа. К таким предпринимателям относился барон Иван (Ганс) Унгнад, дежельный главарь Штирии, один из самых видных протестантов в словенских землях. Он открывал собственные предприятия на своих землях, покупал их у других. Так, у Рехберга немецкий рыцарский орден имел железцовую кузницу, куда на обработку привозили крицу из Хюттенберга¹⁴⁷. Потом это предприятие перешло во владение Унгнада. Последний стал уже привозить сюда крицу не из Хюттенберга, а из Вальденштейна, где были его собственные плавильные печи. В 1539 г. король Фердинанд дал ему привилегию, согласно которой в течение трех лет крица из Вальденштейна могла привозиться беспошлинно в Рехберг. В этом же году Унгнад открыл новые рудники, плавильную печь и железцовую кузницу в Паке. Кроме того, в Вальденштейне он владел молотовым станом, а также двумя железцовыми кузницами. Здесь же у него была кузница по изготовлению гвоздей, на которой работало 28 человек, две кузницы по вытяжке проволоки и маленькая кузница, где могло работать 10 человек. Унгнад поставлял железо в Зальцбург, Крайну и итальянские земли.

Таким образом, первичная обработка железа находилась как в руках предпринимателей, так и в руках мелких производителей (арендаторов или мелких собственников). Последние стали уступать место первым, особенно в связи с применением молотовых станов, где молоты приводились в движение при помощи воды.

Значительное производство железа в словенских землях явилось основой для развития там оружейного дела. Оружейные мастерские существовали около Целовца¹⁴⁸. В Каринтии же имелось предприятие Зебальда Пегла, которое производило оружие для нужд эрцгерцога¹⁴⁹. Гестрин считает его мануфактурой. Однако у автора статьи, кроме этого

¹⁴⁶ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 171.

¹⁴⁷ Там же, стр. 271—274.

¹⁴⁸ Там же, стр. 216.

¹⁴⁹ F. Gestrin. Указ. соч., стр. 19.

утверждения Гестрина, нет никаких других данных, подтверждающих сделанный им вывод. Гестрин называет еще ряд крупных оружейных предприятий в словенских землях, которые он также считает мануфактурами. Так, у Любляны в Фужинах Вид Кизл имел предприятие, на котором делал пушечные ядра для неаполитанского короля Карла V.

В 1558 г. император Фердинанд I построил оружейную мастерскую в Боровлях. В том же году дворцовая палата писала: «Его величество обдумало предложение господина Унгнада о продаже его пушек, а также пушечных ядер и военного снаряжения, и на это сему возлюбленному сыну его королевского величества приказали ждать этого указа из Бехайма»¹⁵⁰. Из этого ясно следует, что Унгнад, помимо всего прочего, имел еще и оружейные мастерские.

Были ли все указанные предприятия, изготовлявшие оружие, мануфактурами или простой капиталистической кооперацией, в которой еще не существовало разделения труда, сказать трудно. Нельзя даже точно утверждать, что на всех них употреблялся свободный наемный труд. В частности, на предприятие Кизла было послано из Италии (вероятно, неаполитанским королем) 15 мастеров. Но по их ли желанию или принудительным порядком, не известно.

Теперь мы непосредственно подходим к рассмотрению очень важного, фактически центрального вопроса данной темы — каким по своему характеру был труд рабочих в горной промышленности? Был ли он вольнонаемным, капиталистическим трудом или принудительным, связанным с феодальными правами и привилегиями хозяев предприятий горной промышленности? Тот факт, что многие предприниматели являлись феодалами по своей классовой принадлежности, делает возможным предположение о применении на горных разработках, да и в плавильнях, подневольного труда.

На этот вопрос, очевидно, данная работа не даст исчерпывающего ответа, особенно в отношении Крайны и Штирии.

В своем исследовании горного дела в Каринтии историк Герман Виснер исходит из положения, что в горном деле Каринтии в XVI в. (да и раньше) применялся вольнонаемный труд рабочих¹⁵¹. При этом он отмечает, что о недостатке рабочей силы в тот период не могло быть и речи — спрос превышал предложение.

Е. К. Некрасова в уже упомянутой нами работе «Характер капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров» считает, что на рудниках и плавильнях Тироля и Каринтии (особый упор она делает все же на Тироле) использовался труд наемных рабочих (Herrenarbeiter). О подневольном труде в этих областях она совершенно не говорит, в то время как касаясь Испании, особо отмечает, что там в горном деле применялся подневольный труд морисков и рабов. Таким образом, и Е. К. Некрасова тоже говорит о наличии вольнонаемного труда рабочих в Каринтии — и только вольнонаемного.

Насколько справедливы утверждения обоих приведенных авторов, может показать только исследование конкретного материала, которого у нас, к сожалению, мало.

От 1569 г. сохранился очень интересный в этом отношении документ — жалоба владельцев рудников северной части Каринтии нижнеавстрийской дворцовой палате: «Предприятия в Штайнфельде, здесь (в Феллахе. — И. Ч.) и в Кирхайме закрываются из-за некоторых рабочих, которые

¹⁵⁰ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 275.

¹⁵¹ H. Wiessner. Geschichte...; его же. Kärntner Eisen...

ходят с женами и детьми туда и сюда и не хотят работать (из-за низкой оплаты. — И. Ч.)»¹⁵².

Это явно указывает на то, что горные рабочие имели свободу передвижения. Подтверждение нашего вывода мы находим и в жалобе рабочих хюттенбергских рудников, поданной бергрихтеру Хюттенберга в 1595 г. Они писали, что в связи с ростом дороговизны «...возникли столь большой голод и скорбь среди нас, что многие рабочие эти рудники покинули и отправились в поисках лучшего в другие места...»¹⁵³. Жалобы предпринимателей из Хюттенберга правительству на рудокопов, имевших, по их мнению, слишком много праздников¹⁵⁴, тоже говорят о том, что рабочие-горняки не находились в личной зависимости от предпринимателей и последние не могли их заставить работать столько, сколько бы им хотелось, но должны были за содействием обращаться к верховной власти.

И, наконец, Виснер указывает еще на одну деталь, которая характеризует, несомненно, особое привилегированное положение горняков. В 1401 г. зальцбургский архиепископ Грегор издал собственный горный статут для Гемюнда. В нем, в частности, говорилось, что «...рабочие рудников могут носить свое оружие в горах, как это издавна ведется, однако в Гемюнде-городе носить оружие запрещается»¹⁵⁵.

Тот же Виснер приводит «Статут, права и привилегии хюттенбергских горняков», утвержденный императором в 1494 г. В нем рудокопы обязывались в случае, если на дежелу нападут враги, прийти на помощь к дежельному князю в три дня. Если в ходе войны военные действия перейдут на территорию другой дежелы, то князь должен будет платить им за службу. Горняки имели большие права, чем основная масса крестьянства, которая не имела права ношения оружия.

В первом горном статуте, изданном императором Максимилианом I в 1517 г., указывалось: «Рудокопы, плавильщики и угольщики, кузнецы и лесорубы, когда идут на работу или с горы — все они находятся под защитой дежельного князя»¹⁵⁶.

Конечно, здесь имеются в виду не только рабочие, но и самостоятельные мелкие производители и даже, по всей вероятности, главным образом мелкие производители, но характерно все же, что данное покровительство верховной власти распространялось на всех горняков, иначе бы это было оговорено.

На основе вышесказанного мы можем сделать вывод, что рабочие горных предприятий имели свободу передвижения, имели право носить оружие и находились непосредственно под защитой верховной власти. Все это говорит о их свободном положении, об отсутствии личной зависимости от предпринимателя, следовательно, о существовании в горном деле вольнонаемного, а не принудительного труда. Данные выводы сделаны нами на основании каринтийских материалов. Очевидно, такое же положение было в Штирии, находившейся примерно в сходном положении с каринтийскими землями. Что же касается земель Крайны, то здесь большую роль, чем в Штирии и Каринтии, играли мелкие производители; они в основном и добывали железную руду. Только при переработке железной руды и при добыче ртути в Идрии применялось значительное количество рабочих.

¹⁵² Н. Wiessner. Geschichte..., S. 71.

¹⁵³ Н. Wiessner. Kärntner Eiser, S. 58.

¹⁵⁴ Там же, стр. 46.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ J. Gruden. Указ. соч., стр. 426.

Следует еще добавить, что существование вольнонаемного труда в горном деле XVI в. характерно для всех немецких земель. Об этом, в частности, пишет М. М. Смирин в своей статье «О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации». Разбирая труды по горному делу Георгия Агриколы, относящиеся к первой половине XVI в., М. М. Смирин приходит к выводу не только о существовании наемного труда в горной промышленности, но и даже об определенном превышении предложения над спросом: «Нельзя не обратить внимания и на то, что обычной репрессивной мерой против рабочих оказывается у Агриколы увольнение с работы и набор других вместо увольняемых. Напомним, что проверку записей мастеров о поведении каждого рабочего и увольнение нерадивых Агрикола советует производить каждую субботу. При этом у автора не возникает опасений насчет возможности регулярных пополнений наемной рабочей силы»¹⁵⁷. Об этом говорит в своей диссертации и Григорьян: «К рассматриваемому времени в горной промышленности Германии работали исключительно юридически свободные люди»¹⁵⁸.

Существование вольнонаемного труда в горном деле волей-неволей ставит перед нами еще один вопрос — что собою представляли эти вольнонаемные рабочие? В связи с тем, что словенские города были довольно незначительны по населению, следует предположить, что основная масса горнорабочих вербовалась из деревни. Были это зависимые люди, отпускаемые своими господами для заработков, или они были полностью лично свободны и независимы — ответить трудно. Поэтому мы ограничимся некоторыми предположениями. Прежде всего в ряде горных районов жители почти не знали крепостного права. Об этом говорит, например, тот факт, что крестьяне некоторых округов Тироля могли посылать своих представителей в сословные собрания¹⁵⁹. Такое же положение было до середины XVI в. и в Горице. Что же касается горных районов Каринтии, Штирии и Крайны, то и здесь, по всей вероятности, если и существовала личная зависимость крестьян, то гораздо более слабая, чем в равнинных областях — крепостное право в XVI в. являлось следствием широкого развития производства хлеба на рынок, а о каком широком производстве хлеба могла идти речь в горных районах? Вообще, по всей видимости, личная зависимость крестьян в XVI в. была довольно слаба, иначе нельзя себе представить возможности существования рынка свободной рабочей силы — при этом довольно значительного, поскольку и Виснер и Смирин говорят о том, что наем рабочей силы не представлял трудностей и предложение превышало спрос.

Говоря о наемном труде, следует отметить еще весьма интересную деталь, характерную для сельского хозяйства словенских земель в XVI в. В тот период особенно заметен рост кайжарства, т. е. малоземелья крестьян. Кайже — мельчайший надел, чаще всего просто усадьба, на которой стоит изба (по-словенски — kajže, отсюда и название надела). Конечно, такой надел не мог прокормить крестьянина, и он должен был искать дополнительных заработков. Такие дополнительные заработки крестьянин-кайжар мог найти или в торговле, или в занятии ремеслом, в частности и в работе на горных промыслах.

Так, некоторые кайжары в Железниках были в то же время ремесленниками-предпринимателями, например, уже упоминаемые нами выше Бе-

¹⁵⁷ М. М. Смирин. О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху реформации. — «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 93.

¹⁵⁸ См. Ю. Григорьян. Горная промышленность..., стр. 149.

¹⁵⁹ П. Митрофанов. История Австрии, ч. I. СПб., 1910, стр. 44.

Бенедикт, Семен и Фелициан Гомпа¹⁶⁰. Большинство же кайжар становилось не предпринимателями, а горными рабочими.

Перейдем к рассмотрению вопроса о существовании мануфактур в словенских землях.

Описывая добычу ртути из руды, мы отмечали, что первоначально ртутную руду промывали через 12 решет с пропорционально суживающимися отверстиями, а потом нагревали в железных ретортах¹⁶¹. Несомненно, что при таком способе существовало значительное разделение труда — одни промывали ртутную руду в одних решетках, другие — в других, третьи ее нагревали в ретортах. При этом каждый из промывщиков руды имел помощника, вынимавшего чистую ртуть из ямы, над которой промывали руду.

Что касается производства железа, то здесь мы имеем более точные данные о разделении труда. В частности, на плавильных печах были заняты мастера-плавильщики, рабочие на подсобных работах при плавке, мастера-плотники, подручные мастеров-плотников, рабочие-толчейщики, рабочие на подвозе руды, рабочие на очистке руды¹⁶².

Таким образом, при производстве ртути и железа применялась наемная рабочая сила (о чем говорилось выше) и существовало разделение труда; следовательно, эти предприятия уже можно считать капиталистическими мануфактурами.

Несколько слов о так называемом вальдайзене («лесное железо»). О нем упоминают Тремель и Виснер. Оно было известно в Крайне, Каринтии и Штирии. Особенность его заключалась в том, что его могли производить только для собственных нужд, но не для продажи. Причем те, которые имели право производить вальдайзен, могли плавить столько крицы, сколько были в состоянии обработать ее в собственной кузнице.

Дело здесь было не в особенностях добычи или производства такого железа, а в тех правах, которые имели его производители.

Однако владельцы плавильни, производивших вальдайзен, нередко нарушали запрещение о продаже и конкурировали весьма успешно с теми, кто имел право торговать крицей, с так называемыми «хауптайзенвурцен». Последние в 1450 г. жалуются на эту конкуренцию и требуют запрещения производства вальдайзена. В 1507 г. император издал постановление, в котором говорилось, в частности: «Вследствие того, что в наших княжествах Штирии, Каринтии и Крайне делается и обрабатывается много вальдайзена, который, как мы слышали, никогда не поступает на наши склады и таможенную и через это наше леобенское железо сильно страдает, а также мы имеем заметный убыток в имуществе нашей казны, то мы хотим, чтобы впредь вальдайзен более не вырабатывали, но кузницы и плавильни, на которых подобное железо вырабатывают и делают, а именно в Обервольце, Гемюнде и в Капле и в других местах указанных наших княжеств, должны быть уничтожены и упразднены»¹⁶³.

Исключению подлежали лишь кузницы и мастерские монастыря св. Лампрехта, которые могли производить железо в количестве, необходимом для нужд монастыря и его подданных.

Из отрывка видно, что вальдайзен, очевидно, не приносил никаких доходов казне («никогда не поступает на наши склад и таможенную») и не облагался налогом, вследствие чего император выступает в качестве защитника леобенского железа, которое производили «хауптайзенвурцен».

¹⁶⁰ F. Kos. Doneski k zgodovini..., S. 31.

¹⁶¹ См. стр. 75—76 данной работы.

¹⁶² См. стр. 91 данной работы.

¹⁶³ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 142.

Этот указ сильно затормозил развитие производства вальдайзена, но не прекратил и не уничтожил его.

В 1533 г. правительству снова стали поступать жалобы от хюттенбергцев и других привилегированных владельцев плавильных и кузнечных предприятий, вырабатывающих вальдайзен¹⁶⁴. Особенно много их было в долине Канала, Вальденштейне, Кремсе, а также в Яворнике, Кропе, Бохинье. Железо с этих предприятий вывозилось в Зальцбург и в Италию.

Борьба между предпринимателями, производящими вальдайзен и «хауптайзенвурцен», продолжалась весь XVI в. Особенно непримиримую позицию в отношении производителей вальдайзена занимали города Хюттенберг и Шент Вид в Каринтии и Леобен в Штирии. Иногда дело доходило до закрытия предприятий, вырабатывающих вальдайзен.

Сохранился список от XVII в., перечислявший эти предприятия в связи с их закрытием¹⁶⁵. Всего там перечислено 20 предприятий, находившихся в землях Штирии, Каринтии, Крайны (Словенская Капла, Черне, Гемюнд, Толмин, Холленберг, Уква и т. д.).

Владельцами некоторых из них были очень значительные лица — граф Гронеггер, Экки и т. д. Выше уже говорилось об аббате монастыря св. Лампрехта, единственном из всех, кому давали право не прекращать производства вальдайзена.

Таким образом, мы видим, что среди владельцев предприятий по производству вальдайзена были дворяне и духовенство. Может быть, они даже преобладали среди них, так как вырабатывать железо для собственного потребления, а не для продажи нужно было прежде всего крупным феодальным хозяйствам, а не мелким производителям, которые производили железо именно для продажи. Но это только предположение, основанное на том весьма шатком факте, что имеющиеся несколько имен владельцев предприятий по производству лесного железа принадлежат светским и духовным феодалам.

Наконец, перейдем к непосредственному рассмотрению положения рабочих на горнорудных и металлургических предприятиях.

Прежде всего остановимся на продолжительности рабочего дня. Георгий Агрикола в своих трудах рекомендует предпринимателям установить на горных промыслах три рабочих смены каждая по семь часов. Помимо этого, предоставить рабочим выходные дни в субботу и воскресенье, а также во все значительные церковные праздники. Конечно, в случае необходимости хозяин, по его мнению, имел право заставить рабочих работать в тот или иной выходной день¹⁶⁶. Таков был, так сказать, идеальный распорядок дня для рабочих горной промышленности в Германии. Как же обстояло дело в действительности?

Согласно горному статуту, изданному Максимилианом I в 1517 г., каждый штейгер «в понедельник свободен и за понедельник со своими подручными (рабочими. — И. Ч.) идет на гору и работает 4 часа... В субботу должны быть свободны и за субботу смена должна отработать 4 часа»¹⁶⁷. Всего рабочая неделя равнялась 48 часам. Если принять во внимание освобождение от работы на три дня в неделю (суббота, воскресенье, понедельник), то в среднем в остальные дни рабочий день равнялся 11—12 часам. Такой порядок был связан с необходимостью для рабочих спускаться с гор за продовольствием, для чего нужно было дополнитель-

¹⁶⁴ Там же, стр. 143.

¹⁶⁵ Там же, стр. 144.

¹⁶⁶ М. М. Смирин, Указ. соч., стр. 92.

¹⁶⁷ H. Wiessner. Geschichte..., S. 51.

ное время. Кроме того, императором указывался ряд церковных праздников, для празднования которых рабочие также получали выходные дни.

В 1540 г. верховными властями был издан новый «Горный статут»¹⁶⁸, согласно которому рабочий день должен был продолжаться в будни с 6 до 11 часов и затем с 12 до 17 часов. При этом в субботу работу кончали в полдень, а в понедельник ее начинали в 10 часов утра. Рабочая неделя стала продолжаться 52 часа. В некоторых районах она была ещё больше. Так, Тремель считает, что в Плиберке рабочая неделя равнялась 58,5 часам¹⁶⁹.

В Идрии, по свидетельству доктора Гвалтиери Попа, в XVII в. рабочий день продолжался 6 часов, очевидно, ввиду особой вредности работы на ртутных рудниках¹⁷⁰.

И все же такой рабочий день казался предпринимателям слишком коротким. Во второй половине XVI в. хюттенбергцы жаловались правительству, что рудокопы кончают работу, когда им вздумается, и имеют так много праздников в году, что трудятся едва три дня в неделю¹⁷¹. Конечно, здесь явное преувеличение со стороны предпринимателей, желавших разжалобить высшие власти.

В действительности, вероятно, многие рабочие отработывали по две смены в день, поскольку заработная плата была невелика. О такой вероятности на шахтах в германских землях говорит Георгий Агрикола. Он считает возможным в некоторых случаях разрешать двухсменный труд одного рудокопа¹⁷². Поскольку его советы и предписания предпринимателям исходили из реального положения вещей, следовательно, двухсменный труд горняка практиковался в немецких землях. Что касается словенских земель, то сведений о существовании двухсменного труда там у автора настоящей статьи нет. Но если принять во внимание общую тенденцию и сходство развития горного дела в землях Священной Римской империи, можно предположить существование такого труда и в Штирии, Каринтии и Крайне.

Заработная плата рабочих зависела от той работы, которую они выполняли. Имеются данные о поденной заработной плате рабочих-плавильщиков и подсобных рабочих в Фалькенштейне (Тироль) в 70-е годы XVI в. Эти сведения считаем возможным использовать в нашей работе потому, что они относятся к предприятиям Фуггеров, имевших свои предприятия также и в Каринтии. Так, на их плавильнях получали: мастера-плавильщики 15 крейцеров за шихту, рабочие на подсобных работах при плавке — 14, плотники (мастера) 9—12, подручные плотников 6—8, рабочие-толчейщики 7—8, рабочие на подвозке руды 5—7, рабочие на очистке руды 4, конторщики — 15—17 крейцеров в день¹⁷³.

Как уже видно из перечня, среди рабочих не было равенства, некоторые из них, главным образом рабочие на плавке, мастера-плотники, получали заработную плату в два-три раза больше других.

Имеются сведения и о непосредственной оплате каринтийских рабочих, но в данных документах зарплата исчисляется не поденно, а в расчете на 1 майлер или месс обработанного железа, поскольку данные документы представляют собою калькуляцию предпринимателей относительно производства одного майлера обработанного железа.

¹⁶⁸ F. Tremel. Указ. соч., стр. 57.

¹⁶⁹ Там же, стр. 71.

¹⁷⁰ J. Valvasor. Die Ehre..., S. 404.

¹⁷¹ H. Wiessner. Kärntner Eisen, str. 45.

¹⁷² См. М. М. Смирин. Указ. соч., стр. 92.

¹⁷³ «Из истории западноевропейского феодализма», стр. 113—114.

Такую калькуляцию сделал, в частности, Симон Латтахер, один из крупнейших предпринимателей в районе Хюттенберга: «Мы должны дать кузнецу за майлер в качестве платы 55 пфеннигов, что составляет обоим кузнецам в качестве платы 3 шиллинга 20 пфеннигов. Потом должны дать дмецам плату за майлер обоим 63 пфеннига. Затем дробильщику нужно дать плату 27 пфеннигов, плата пяти рабочим падает на 1 майлер железа 1 шиллинг»¹⁷⁴.

Подобный же расчет произвел другой предприниматель — Штефан Швингхаммер. Он произвел его не на майлер, а на месс обработанного железа.

«Дмецам плата от каждого месса 2 шиллинга. Дробильщику — 1 шиллинг 10 пфеннигов... Расходы на кузнеца и на подвоз к плавильне на 1 месс — 1 шиллинг 10 пфеннигов. Нужно перевозчику угля за провоз через Альпы на одну лошадь дать плату 3 флорина в год»¹⁷⁵.

Следует принять во внимание, что размеры оплаты, вероятно, обоими предпринимателями сильно преувеличены, поскольку калькуляция предназначалась для правительства с целью убедить его в своих больших расходах, чтобы на основании этого требовать ссуд и снижения налогов и пошлин. Поэтому к их данным следует относиться весьма осторожно.

О непосредственной оплате каринтийских рудокопов сведений у автора почти нет. Только в жалобе владельцев рудников от 1569 г. говорится, что рудокопы имеют недельный заработок в 1 голдинер¹⁷⁶. И Латтахер в своей калькуляции оговаривается, что «мы имеем от рудокопов 8 фудеров (руды) за один голдинер». Очевидно, здесь тоже дело идет не о рабочих рудниках, а о зависимых мелких производителях (леенхауерах), по отношению к которым Латтахер выступает не как предприниматель-работодатель, а скорее как купец-скупщик.

Относительно зарплаты идрийских рудокопов нам дает сведения Поп: «Рабочие работают за юлию (монета итальянская, по стоимости не выше 6 или 7 английских денарий, которые в народе называют пенсами) целый день...»¹⁷⁷.

Об оплате труда рабочих на золотых приисках дает сведения Трельмель. Согласно ему, в 1550 г. главный надсмотрщик получал еженедельно 12 шиллингов, рудокоп — 6 шиллингов и промывщик — 3 шиллинга 3 крейцера¹⁷⁸.

Чтобы иметь возможность представить себе реальную величину зарплаты, нужно обратиться к ценам, существовавшим в то время. В середине XVI в. они были приблизительно таковы: коврига хлеба — 14 пфеннигов, фунт говядины — 7 пфеннигов, фунт свинины — 24 пфеннига, фунт сала — 28 пфеннигов.

Расходы на пропитание для семьи в два человека составляли более 40 крейцеров в неделю.

По-видимому, в некоторых случаях существовала особая форма оплаты труда рабочих товарами, особенно в начале XVI в. Так, на серебряных рудниках в Феллахе по горному статуту 1509 г. рабочих нужно было вознаграждать деньгами, а не товарами¹⁷⁹. В Тироле крупный предприниматель Ганс Штекль в 1531 г. в счет заработной платы выдавал рабочим продукты, которые закупал в городе Штерцинге¹⁸⁰.

¹⁷⁴ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 40.

¹⁷⁵ Там же, стр. 40.

¹⁷⁶ H. Wiessner. Geschichte..., S. 71.

¹⁷⁷ J. Valvasor. Die Ehre..., S. 404.

¹⁷⁸ F. Tremel. Указ. соч., стр. 83.

¹⁷⁹ H. Wiessner. Geschichte..., S. 47.

¹⁸⁰ См. Ю. Григорьян. Горная промышленность..., стр. 289.

Вообще поставка продовольствия горнякам была делом очень выгодным, поэтому предприниматели часто брали его в свои руки. В Тироле в 1526 г. была даже организована компания предпринимателей по доставке продовольствия на рудники. В нее входили Фуггеры, Герварт, Пимели, Буркгарт¹⁸¹.

Свои рудники в Каринтии Фуггеры тоже снабжали продовольствием сами. На этом они немало наживались. Сохранились счета Фуггеров для Лаванталя (1577 г.)¹⁸² и Плиберка (1585 г.)¹⁸³. В них указываются цены, по которым Фуггеры покупали и продавали продовольствие. Так, в Лавантале:

	покупали	продавали
сало 1 фунт	5—6 крейц.	6—7 крейц.
сыр 1 фунт	2 крейц.	3,25—3,5 крейц.
свинина 1 фунт	5 крейц.	6—7 крейц.
ржаной хлеб 1 фунт	7,5 крейц	8,5 крейц.

	в Плиберке	
пшеница 1 цент	1,34—2,1 флор.	1,43 фл.
рожь 1 цент	1,07—2,1 фл.	1,18—4,1 фл.
сало 1 фунт	24—26 пф.	7,5 крейц.
свинина 1 фунт	24—25 пф.	7,5 крейц.
сыр	2 крейц.	2,5 крейц.

Как можно видеть, Фуггеры порядком наживались на перепродаже продуктов рабочим. Если дело снабжения рабочих продовольствием не брали в свои руки сами предприниматели, им занимались купцы и торговцы. Конечно, они так же наживались на этом, как Фуггеры.

Таким образом, в связи с трудностями снабжения продовольствием горных районов цены там были выше, чем в других местах, в связи с чем реальная заработная плата рабочих-горняков, естественно, понижалась.

Правительство стремилось как-то регулировать заработную плату рабочих в интересах большинства предпринимателей. Так, по горному статуту 1567 г., изданному для Хюттенберга, устанавливалось, что ни один предприниматель не мог давать рабочим зарплату выше установленного максимума¹⁸⁴. Очевидно, наиболее крупные предприниматели могли давать большую зарплату, чем мелкие, и таким образом могли переманивать к себе нужных им рабочих.

В большинстве случаев рабочим не хватало их зарплаты, чтобы прокормить себя и семью. Особенно остро чувствовалась нехватка в период революции цен, т. е. во второй половине XVI в. Об этом писали даже владельцы рудников Феллаха и Штайнфельда нижнеавстрийской дворцовой палате от 1569 г.: «Я не могу сдержаться, Ваша милость, ибо нельзя получить хлеба за зарплату... рабочие на их недельный заработок не могут существовать, так как невозможно, особенно тем, кто имеет жен и детей, обходиться только одним гульденом в неделю. С предприятий в Штайнфельде, здесь (в Феллахе) и в Кирхайме по этой причине рабочие уходят..., и они из-за голода должны быть в отчаянии, и голодают так, что камень может сжалиться...»¹⁸⁵.

¹⁸¹ L. Scheuermann. Die Fugger..., S. 306.

¹⁸² Там же, стр. 231.

¹⁸³ Там же, стр. 284.

¹⁸⁴ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 48.

¹⁸⁵ H. Wiessner. Geschichte..., S. 70—71.

Об этом же говорят и жалобы хюттенбергцев бергрехтеру Хюттенберга в 1595 г. по поводу разрешения вывоза зерна из Каринтии: «Даже не вызывает вопроса или удивления, почему происходит так, что указанный хюттенбергский железный рудник вместе с мастерскими в таком большом и значительном упадке и разорении, а мы с нашими женами и детьми пришли к крайней нужде и гибели. Множество нас и прежде, к сожалению, ясно видело не только чрезвычайную, но и все продолжавшую расти дороговизну всех товаров вопреки всем мерам, и, как это можно предвидеть, она (дороговизна. — И. Ч.) скоро не кончится, а к этому еще зерно разрешают вывозить из нашей страны. Нам же запрещают привозить и приносить через Альпы из Обдаха, Тржича и других мест Штирии сюда, в этот рудник, прежде имевший лучший подвоз и месторасположение, зерно, сало, свинину — равным образом и другое продовольствие. И-за этого запрещения подвоза возник столь большой голод и скорбь среди нас, что многие рабочие эти рудники покинули и отправились в поисках лучшего в другие места...

... Таким образом, если не хотят полной гибели рудника, то нужно ликвидировать запрещение, иначе они не могут оставаться в этом плохом, бесплодном и холодном месте при этой дороговизне со своими женами и детьми»¹⁸⁶.

Особенно тяжелым было положение идрийских рабочих. К тяжести эксплуатации здесь еще прибавлялась большая вредность для здоровья паров ртути. Об этом пишет Франциско Коппини (XVII в.): «Запах из ртутных рудников вреден для всего живого, по свидетельству Плиния. Это все проверяется опытом: ведь все рабочие и рудокопы в ртутных рудниках Идрии парализованы и кажутся дрожащими»¹⁸⁷.

Более подробно пишет об этом доктор Поп: «Рабочие работают за юлию... целый день, но это недолго продолжается. Хотя никто из них не остается в руднике более шести часов, все, однако, вскоре (одни раньше, другие позже) делается парализованными и умирают... Мы видели там человека, который проработал в рудниках только шесть месяцев, настолько зараженного ртутью, что, если положить кусочек меди в его рот или потереть его пальцами, то кусочек меди сразу становится белым как серебро. Кроме того, он был настолько парализован, что не мог поднести к своему рту стакан, наполовину наполненного вином, без того, чтобы его не разлить»¹⁸⁸.

Такое тяжелое положение рабочих являлось причиной частых волнений и восстаний рудокопов. Так, в 1515 г., когда восстали крестьяне Крайны, к ним присоединились рудокопы и плавильщики Железника — единственного из всех краинских городов и торгов, поддерживавшего восставших. В хорватско-словенском крестьянском восстании 1573 г. приняли активное участие штирийские рудокопы. Каринтийские горно-промышленные города Беляк и другие явились центрами распространения идей реформации.

У горняков довольно рано стали появляться организации так называемые братские кассы (Bruderslade). О них довольно подробно говорит в своих работах Виснер. В частности, он останавливается на одной из таких касс, существовавших в Оберфеллахе (северная Каринтия)¹⁸⁹. Она упоминается уже с 1537 г. Существовала она за счет вычетов из зарплаты рабочих, регулярных взносов предпринимателей, а также штрафов.

¹⁸⁶ H. Wiessner. Kärntner Eisen, S. 58.

¹⁸⁷ J. Valvasor. Die Ehre..., S. 338.

¹⁸⁸ Там же, стр. 404.

¹⁸⁹ H. Wiessner. Geschichte..., S. 78—80.

Каждый рабочий должен был в нее отчислить от своей зарплаты один крейцер.

Доходы этой кассы взаимопомощи в период 1537—1565 гг. исчислялись в 911 флоринов 5 шиллингов 2 пфеннига, следовательно, ежегодно в 40 голдинеров. В 1567—1578 гг. доходы кассы равнялись 1019 гульденам 28 пфеннигам. Позднее ее доходы падают, поскольку само горное дело приходит в упадок.

Все деньги кассы хранились в особых сундуках и ежегодно пересчитывались брудермайстером (выборным лицом из числа членов братской кассы) в присутствии бергмайстера, писца и уполномоченных горняков. Брудермайстеров было обычно два. На их выборах и отчетах присутствовали представители предпринимателей. Так, например, в 1557 г. на очередных перевыборах брудермайстеров были известные оберфеллахские предприниматели: Георг Реш, Георг Гохштеттер, Петер Нусбаумер, Исаак Шламингер и т. д. Таким образом, деятельность горняцких братских касс находилась под непосредственным контролем властей и предпринимателей. Отсюда сугубо экономический характер ее деятельности. Цель кассы взаимопомощи — материальная помощь ее членам и их семьям, безвозмездная или временная.

Так, в 1541 г. рабочий Флориан Вайтум взял из кассы 8 гульденов. В 1542 г. рабочий Андрей Хартлиб получил из нее 1 флорин 3 шиллинга 15 пфеннигов, Петер Пойерзинг за время своей болезни — 4 голдинера, а Вастл Гуганик и Вольф Пеккер взяли в долг 5 голдинеров. Братья из кассы могли не только рабочие, но и предприниматели. Причем долги предпринимателей достигали весьма значительных размеров. Так, в 1556 г. Кристоф Шламингер из Феллаха был должен братской кассе 331 голдинер 4 шиллинга 26 пфеннигов. К 1580 г. его долг возрос уже до 407 голдинеров. В том же 1580 г. предприниматели братья Путц были должны оберфеллахской братской кассе 86 гульденов, а Вейтмозер — 26 голдинеров. Если сравнить суммы, которые брали из братской кассы рабочие с суммами, бравшимися предпринимателями, то станет ясно, что большая часть всех доходов братской кассы шла на нужды последних.

Помимо помощи своим членам, братская касса финансировала общие расходы — закупки на общие праздники, покупку общего имущества, например, в 1557 г. ею был куплен за 190 голдинеров дом в Оберфеллахе. В целом мы можем говорить о братской кассе не как о сугубо рабочей организации, а как об организации, объединявшей в известной мере и рабочих и предпринимателей, организации, в этом отношении похожей на средневековые цехи, но вместе с тем в основе своей совершенно отличной от последних. Ведь кассы объединяли предпринимателей и рабочих, в то время как цехи — мелких самостоятельных производителей. Братские кассы ограничивались гораздо более скромными задачами, чем цехи — они не вмешивались в производственную сферу, а только оказывали некоторую материальную помощь своим членам.

Выше мы уже говорили о том, что в горном деле применялся вольнонаемный труд, что указывает на наличие там капиталистических форм производства. В связи с этим нужно отметить наиболее крупных капиталистических предпринимателей, действовавших в Штирии, Каринтии и Крайне.

Среди них одним из самых крупных был белякский купец Вильгельм Нойманн¹⁹⁰.

¹⁹⁰ H. Blank. Der Villacher bürger Wilhelm Neumann als Kaufmann und Gewerke in Idria. — «700 Jahre Stadt Villach», S. 116—137.

Уже в начале XVI в., когда создалось первое идрийское общество для разработки ртути, Вильгельм Нойманн был в нем одним из пайщиков. Однако большинство пайщиков данного общества являлось венецианцами по происхождению. Когда в 1508 г. началась война между Венецией и Священной Римской империей, император Максимилиан конфисковал все доли венецианских купцов и роздал их своим чиновникам. В числе счастливых оказался и Вильгельм Нойманн, получивший от императора $5\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ паев. Некоторое время спустя Нойманн увеличил еще свою долю, женившись на дочери одного из идрийских предпринимателей Ганса Штригла из Линца. Последний появился в Идрии в 1509 г., тоже получив в подарок от императора несколько идрийских долей.

В 1523 г. вместе со своим компаньоном Гансом Пфлюгелем из Зальцбурга Вильгельм Нойманн имел уже $17\frac{1}{2}$ пая, а в 1529 г. лично у Нойманна было 14, $\frac{97}{112}$ пая. Среди идрийских предпринимателей он был одним из самых крупных¹⁹¹. Помимо разработки идрийских рудников, Вильгельм Нойманн принимал участие в эксплуатации свинцовых рудников в Плиберке и серебряных — в Штайнфельде. Все же основу его богатства составляли именно доли в идрийских рудниках.

Нойманн вел не только предпринимательскую, но и широкую торговую деятельность. Вместе с вышеупомянутым Гансом Пфлюгелем он продавал ртуть, добываемую в Идрии, в Венецию. У них там в Фондако был даже собственный филиал фирмы.

Эта ртуть шла не только от их паев. Очевидно, Нойманн и Пфлюгель имели привилегию продавать всю ртуть, добываемую на идрийских рудниках. На это указывает, в частности, договор от 1 февраля 1521 г. Согласно ему, Нойманн и Пфлюгель должны были принять от идрийских предпринимателей 3 тыс. центов ртути и 200 центов киновари по следующей цене: за цент ртути — 25, за цент киновари — 28 рейнских флоринов, т. е. на сумму 73 тыс. флоринов.

Еще ранее этого Нойманн и Пфлюгель получили от идрийских предпринимателей (Ауэрсперг, епископ Любляны Кристоф Раубер и Линхарт Раубер барон фон Бланкенштейн и др.) 2 тыс. центов ртути и 100 центов киновари для продажи. Доверенным лицом идрийских предпринимателей, очевидно, был Ауэрсперг, потому что Нойманн и Пфлюгель дали на его имя обязательство о том, что продадут указанную ртуть и киноварь с такою же заботою, как собственную. Ауэрсперг не мог требовать у них ликвидации договора, но в качестве гарантии уплаты ему предоставлялось право самому просматривать деловые записи фирмы.

Между Нойманном и Пфлюгелем не было официального договора. Пфлюгель сначала получал четверть всех доходов от торговли, а потом половину.

Однако совместная деятельность Нойманна и Пфлюгеля продолжалась сравнительно недолго — до 1523 г. В 1523 г. Ганс Пфлюгель тяжело заболел. 23 августа того же года он заключил официальный договор с Нойманном, согласно которому в случае смерти одного из компаньонов оставшийся в живых должен был вести дела вплоть до прекращения договора с идрийскими предпринимателями, причем в эти дела наследники не имели права вмешиваться. В том же году Пфлюгель умер. Всего личного имущества у фирмы оставалось: в Венеции — на сумму в 47 тыс. дукатов (флоринов); в землях Священной Римской империи — на сумму в 6500 флоринов.

Кроме того, в словенских землях имелось более 330 центов ртути, которую предстояло продать в Венеции по 148 дукатов за майлер, и

¹⁹¹ См. выше, стр. 86.

547 центов свинца. Ко всему этому нужно еще добавить долг фирме Пфлюгеля в размере 1500 флоринов и Нойманна — в размере 7400 флоринов. Общими были пай в Плиберке, Штайнфельде, Кирхайме и Идрии.

Из всего этого имущества фирма была должна 27 тыс. флоринов, главным образом идрийским предпринимателям.

Всего наследники Пфлюгеля насчитывали совместного имущества на 71 тыс. голдинеров, в то время как Нойманн только на 56 тыс. флоринов (голдинеров). Действительная сумма, вероятно, представляла собою нечто среднее между обеими суммами, поскольку наследникам Пфлюгеля выгодно было преувеличить размеры общего имущества фирмы, а Нойманну — преуменьшить.

Из приведенного перечня мы можем сделать вывод, что основные средства фирмы Нойманн—Пфлюгель все же находились в торговле, а не в производстве. Производство занимало весьма скромное место в их совместных капиталах. Но все же основным предметом их торговли являлись ртуть, киноварь, свинец (в меньшей степени), в организации добычи которых они оба принимали непосредственное участие. Следовательно, мы должны отметить довольно тесную связь между производственной и торговой деятельностью Нойманна.

После смерти Пфлюгеля фирма продолжала действовать согласно завещанию вплоть до 1529 г., когда наследники Пфлюгеля все же принудили Нойманна выделить полагающееся им имущество. Нойманн вынужден был прекратить торговлю ртутью и отныне действовал только как идрийский предприниматель.

Сам Нойманн был весьма влиятельным человеком: в 1509 г. он стал бергрехтером в Идрии, а в 1516—1518 гг. — судьей в Беяке.

Интересно отметить еще одну сферу деятельности Нойманна. Будучи купцом и предпринимателем, он все же значительную часть капиталов с самого начала стал вкладывать в землю. Так, в 1522 г. он купил у барона Унгнада замок Вассерлеонбург за 6 тыс. флоринов. Покупал он и другие земли.

После смерти Нойманна все его огромное имущество перешло к его детям. Однако все они умерли бездетными, и в конце концов в 1623 г. богатства Нойманна были захвачены ярыми контрреформаторами (Нойманн и его наследники являлись протестантами), правительственным канцлером Кальтенхаузером и люблянским епископом Томажем Хреном.

После отказа Нойманна от торговой деятельности торговлю идрийской ртутью взяли в свои руки его родственники — Амброзий и Иоганн Гохштеттеры¹⁹². В 1525 г. они заключили с королем Фердинандом и идрийскими предпринимателями договор на четыре года. За это время последние должны были продавать всю ртуть и киноварь из идрийских рудников Гохштеттерам по 30 флоринов за венский цент ртути и по 35 флоринов за венский цент киновари. Договор с идрийскими предпринимателями должен был стать для Гохштеттеров первым шагом к овладению всей торговлей ртутью в Европе. Но здесь они встретились с такими сильными конкурентами, как Фуггеры, господствовавшими в Альмаденских ртутных рудниках (Испания). В борьбе победили Фуггеры. В 30-е годы идрийские ртутные рудники находились в упадке, а в 1539 г. мы уже встречаемся с новым скупщиком идрийской ртути — Гансом Баумгартнером, заключившим договор с Фердинандом и идрийскими предпринимателями сроком на пять лет. Но, очевидно, и ему торговля ртутью не принесла желанной прибыли. Уже в 1548 г. в Идрии занимались скупкой ртути

¹⁹² J. Strieder. Studien zur Geschichte..., S. 296—354.

Герварты. И Герварты, и Гохштеттеры имели доли в идрийском руднике, как Нойманн и Пфлюгель. В 1572 г. на долю Гервартов приходилось 12 паев в Идрийском руднике, а Гохштеттеров — $3\frac{2}{3}$ пая. Таким образом, и они были связаны с производством, как Нойманн и Пфлюгель, хотя и в значительно меньшей степени.

Кроме упомянутых идрийских промышленников, крупными горными предпринимателями в словенских землях были Фуггеры, представители самой крупной торговой фирмы не только в средневековой Германии, но и, пожалуй, во всей Европе¹⁹³. Фуггеры появились в Аугсбурге в XIV в. Их предок — Ганс Фуггер — был преуспевающим ткачом, ведшим вместе с тем и оживленную торговлю тканями. Впоследствии (80-е годы XIV в.) Фуггеры потеряли связь с ремеслом, превратились в крупных торговцев-ростовщиков. В конце XV в. ростовщические операции Фуггеров вынудили их заняться горным делом. Дело в том, что в этот период дом Фуггеров был настолько богат, что мог ссужать деньги даже государям. В 1487 и 1488 гг. Яков II Фуггер заключил первые крупные сделки с Сигизмундом Тирольским под обеспечение продукции Швабских рудников. В 80-е годы Фуггеры вступили в компанию с графами Турцо по разработке венгерских рудников (в Словакии).

С конца XV в. постоянными клиентами Фуггеров стали Габсбурги. На ведение своих бесконечных войн они брали в долг огромные суммы, давая за это Фуггерам в залог земли и рудники. В 1496 г., например, император Максимилиан I взял у них займы 121 600 флоринов под обеспечение тирольских рудников. В 1507 г. им же была взята в долг сумма в 50 тыс. флоринов под залог императорских земель в Кирхберге и Вейсенгорне. Кстати, эти земли так никогда и не были выкуплены и остались в руках Фуггеров. В 1508 г. Максимилиан I взял у Фуггеров три ссуды, одна из которых составляла 128 750 флоринов и была дана под обеспечение добычи меди и серебра в Габсбургских землях.

Финансовая мощь Фуггеров была настолько велика, что во время выборов императора Священной Римской империи в 1519 г. они оказали решающее влияние на их исход. Благодаря их финансовой поддержке (543 тыс. флоринов) императором был избран старший внук Максимилиана I Карл V Габсбург. После этого избрания ссуды Фуггеров Габсбургам не прекратились, наоборот, последние стали их требовать в еще больших размерах. В залог шли габсбургские земли и рудники.

Несмотря на то, что Фуггеры получали большие доходы от рудников Тироля, Венгрии и Каринтии в первой половине XVI в., центр тяжести их деятельности лежал все же в торговле и ростовщических операциях.

В 1527 г. их общее состояние исчислялось в 2 021 202 флорина. При этом норма их прибыли равнялась 54,5%. А в 1546 г. их капиталы равнялись уже 5 111 883 флоринам.

Мы уже говорили выше, что Фуггеры стали заниматься горным делом благодаря своим ростовщическим операциям. В 20-х годах XVI в. особенно интенсивно они разрабатывали рудники Тироля и Каринтии. В связи с этим ими был создан в 1522 г. официально самостоятельный торговый дом «Тирольская и каринтийская торговля» с общим капиталом в $461\frac{4107}{8}$ флорина. Уже в 60-х годах в связи с ухудшением дел Фуггеров появился новый торговый дом «Иебахская торговля», в ведение которого перешло большинство рудников «Тирольской и каринтийской торговли». В «Иебахской торговле» принимали участие и торговые дома Гауг и Лангауэр и Катцбек.

¹⁹³ «Из истории западноевропейского феодализма», стр. 52—131.

Вообще с конца 40-х годов наблюдается тенденция уменьшения тиро́льско-каринтийского капитала. В 1546 г. он составлял 461 410 флоринов; в 1562—1563 гг. — 291 546 флоринов; в 1568—1569 гг. — 234 795 флоринов; в 1610—1611 гг. — 170 622 флорина. Отчасти это был результат убытков, а отчасти — общей линии Фуггеров на изъятие капиталов из торговли и горного дела и вложения их в земельные владения. Торговые дома «Тиро́льская и каринтийская торговля», а впоследствии «Иебахская торговля» главной задачей своей ставили организацию торговли металлами. Часть из этих металлов добывалась непосредственно на фуггеровских рудниках, но большая часть скупалась у других многочисленных горных предпринимателей.

Из каринтийских рудников Фуггеров наибольшую известность имели свинцовые рудники в Плиберке. На непосредственной добыче руды здесь использовались обычно мелкие производители, зависимые от Фуггеров. На плавильнях же работали наемные рабочие. Плиберкские свинцовые рудники настолько заинтересовали Фуггеров, что глава их дома Яков II Фуггер, самый влиятельный человек из всей торговой династии Фуггеров, даже приобрел замок Фуггерау недалеко от Плиберка, который сделал своей резиденцией.

Плиберкские рудники не были полностью собственностью Фуггеров. Часть паев здесь принадлежала другим предпринимателям, например вышеупомянутому Нойманну. Но Фуггеры сохраняли здесь руководящее положение.

Из крупных предпринимателей, связанных с добычей благородных металлов (серебра), следует упомянуть Путцев.

Их имена уже встречаются с 1496 г.¹⁹⁴ В течение первой половины XVI в. они не отличаются особым богатством и значительностью. Только при Мельхиоре Путце этот род выдвинулся. Еще в 1554 г. дела Мельхиора Путца были неважными — его пассив превышал его актив, задолженность была весьма велика. Однако ему удалось объединиться с двумя аугсбургскими купцами Урбаном Зигхартом и Вайтом Виттихом. Последние два должны были финансировать рудники, а Путц должен был дать свои рудники. Прибыли делились на три равные части. Вскоре Виттих умер. Рудники уже приносили значительные доходы, и Путцу не хотелось делиться ими с третьим компаньоном. Поскольку Зигхарт непосредственно не участвовал в управлении рудниками и, по-видимому, мало смыслил в этом, Путц пошел на очень смелую операцию. Он забросил на четыре года рудники. Поступление доходов прекратилось, и Зигхарт счел для себя более выгодным уступить свою часть Путцу за весьма скромное вознаграждение. Путц, став единственным владельцем рудников, продал половину их за 32 700 голдинеров предпринимателю из Тироля. Путц к этому времени единолично владел 89 рудниками и совместно с Кирхбергами еще 81. Путцы настолько окрепли, что в конце XVI в., когда все серебряные рудники были охвачены кризисом и заброшены, смогли проводить добычу серебра, правда, опираясь на ссуды, даваемые им ландшафтом. В 1608 г. братья Путцы обратились к эрцгерцогу Фердинанду с просьбой даровать им ряд привилегий и кредитов¹⁹⁵. Эрцгерцог не был в принципе против этого, но каринтийский ландшафт их просьбу не поддержал. В том же году были осмотрены и рудники братьев Путц. В Ладелниге работало на них 68 человек, а в Кирхайме — 157.

Среди владельцев предприятий по обработке железа в XVI в. выделялась семья Пёглов. Пёглы в первой трети XVI в. имели крупное ору-

¹⁹⁴ F. Tremel. Указ. соч., стр. 80.

¹⁹⁵ H. Wiessner. Geschichte..., S. 76—77.

жейное предприятие в северной Штирии, выросшее на базе развитой железорудной промышленности.

Первое упоминание о нем относится к 1469 г. Ее владельцем был Петер Пёгл. Он был в родственных отношениях с богатейшими гражданами североштирийских городов Брука и Леобена¹⁹⁶. Но крупнейшим и известнейшим предпринимателем из всех Пёглов был Зебальд Пёгл, являвшийся одним из помощников императора Максимилиана I в деле внедрения в армии новой артиллерии. Предприятие при нем имело новейшее оборудование. В начале XVI в. на нем работало 80 рабочих¹⁹⁷. Зебальд Пёгл находил более выгодным обеспечивать свою оружейную мастерскую не покупным, а собственным железом. Поэтому у него были свои плавильни и железцовые кузницы. Там тоже работали наемные рабочие.

Зебальд Пёгл был личным поставщиком оружия у императора Максимилиана I. Первый заказ его у Пёгла относится к 1498 г. Тогда император закупил у него 100 ружей за 100 рейнских голдинеров¹⁹⁸. Потом он еще заказал 300 ружей и 100 ружей со спусковым механизмом. Следующие заказы относятся к 1500 и 1502 гг. В 1502 г. император Максимилиан приказал выплатить Зебальду Пёглу из своей казны 400 рейнских голдинеров. Кроме того, Пёглу же было выдано еще 1000 голдинеров в золоте и был погашен его долг в 1100 голдинеров.

За период 1502—1505 гг. Зебальд Пёгл поставил императору различного вида вооружение (пушки, ружья и т. д.) на 14 тыс. голдинеров. Новые заказы ему были сделаны в 1507 и 1508 гг.

В 1508 г. император Максимилиан поручил своему чиновнику в Штирии Гансу Гаугу выдавать Пёглу ежегодно 3200 голдинеров в счет доходов от пошлин у Айзенэрца¹⁹⁹. Кроме того, Гауг должен был лично следить за тем, чтобы на предприятиях Пёгла работали лучшие оружейники. Зебальд Пёгл получил от императора ряд ссуд.

Кроме производства оружия, Пёгл еще занимался торговлей железом, выработанным на его плавильнях и железцовых кузницах. Его железо шло в Швабию, Хорватию²⁰⁰.

Свои доходы Зебальд Пёгл активно вкладывал в землю²⁰¹. В 1504 г. он купил Пёглхоф у Брука и небольшие владения в Обдахе. Позднее он приобрел несколько домов в Роттенманне у своего родственника Панкраца Корнелиуса. У него же он купил в 1513 г. некоторые земельные владения у Брука и Леобена. Наконец, новые земельные приобретения были сделаны им в 1521 г.

В 1528 г. во главе предприятий Пёглов становится сын Зебальда — Зебальд II. Он еще более расширил собственное производство крицы путем приобретения нескольких новых плавилен. Его земельные владения, полученные им от отца и позднее значительно им расширенные, давали ему необходимое количество угля для его плавилен и кузниц, а также продовольствие для рабочих. Таким образом, производство оружия полностью обеспечивалось его собственными ресурсами.

Зебальд II Пёгл был очень богатым человеком. Он давал ссуды даже королю Фердинанду. Всего последний был должен ему в 1537 г. 4594 фунта пфеннигов 4 шиллинга 18 пфеннигов.

¹⁹⁶ F. Tremei. Указ. соч., стр. 89—90.

¹⁹⁷ Там же, стр. 95; «Mittheilungen des Historischen Vereins für Steiermark», S. 92.

¹⁹⁸ Там же, стр. 91—92.

¹⁹⁹ Там же, стр. 94.

²⁰⁰ Там же, стр. 90.

²⁰¹ Там же, стр. 91.

Пёглы с 1500 г. являлись дворянами, а с 1537 г. получили звание имперских баронов.

Фердинанд решил разделаться со своим кредитором. Придравшись к борьбе, которую Зебальд II вел с одним из штирийских предпринимателей, он по указу от 1 февраля 1539 г. лишил Пёгла всех привилегий и приказал, кроме всего прочего, уплатить штраф в 38 тыс. голдинеров в королевскую казну. Этот указ положил конец процветанию Пёглов.

У Целья имелись весьма значительные королевские оружейные мастерские. В 1522 г. король Фердинанд дал приказ своему цойгмайстеру Ульриху Лейссеру отправиться в Целье вместе с оружейником Гансом Дюрингом²⁰². Наряду с этим он послал главарю и вицеодому в Целье Гаспару Хербсту указание выдать Дюрингу из доходов вицеодомства для его работы 100 голдинеров рейнских.

Для первоначального литья Дюринг использовал старое оружие, имевшееся в Целье, а кроме того, крайнскому вицеодому Эрасмусу Браунбарту было велено отправить в Целье 12 центов новой меди и старое оружие, имевшееся в Любляне. Старое оружие должны были прислать и из Фиуме.

В этом же 1552 г. Дюринг получил дополнительно 200 голдинеров и в 1523 г. — такую же сумму.

Так как ему не хватало меди, королевский чиновник Матиас Зеенус получил приказ отправиться в Тироль и купить там 24 цента меди по 3 флорина 51 крейцаров за цент.

Сама литейная печь для Дюринга была поставлена на средства вицеодомства. 300 центов кремня, необходимого для нее, должны были доставить на барщинных работах подданные короля.

Наконец, в 1524 г. оберцтойгмайстер Ульрих Лейссер получил приказ вызвать из Градишки в Целье двух оружейников для опробирования первой пушки из мастерской Дюринга и наградить последнего за его заслуги ста фунтами пфеннигов.

В 1526 г. снова упоминается имя Ганса Дюринга как «эрцгерцогского оружейника и литейщика».

Оружейная мастерская была и у Фуггеров недалеко от Фуггерау²⁰³. Максимилиан I в период 1507—1510 гг. не раз получал отсюда оружие. В 1558 г. император Фердинанд I установил оружейную мастерскую в Боровлях²⁰⁴.

Такое широкое развитие оружейного дела не являлось случайностью. Борьба с турками, войны с Венецией требовали большого количества оружия, поэтому властивсячески покровительствовали росту его производства.

* * *

Итак, в XVI в. горное дело словенских земель, как мы видим, стояло на довольно высоком уровне развития. Именно в XV—XVI вв. техника горного дела сделала большой шаг вперед. Особенно это относится к технике плавки и первичной обработки железных руд, ибо в это время появляются первые домны и первые тяжелые молоты. В связи с этим значительно повысилась производительность труда.

Совершенствование техники приводит к вытеснению самостоятельного мелкого производителя, не имевшего возможности приобрести новые до-

²⁰² F. Tremel. Указ. соч., стр. 97—99.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ F. Gestrin. Указ. соч., стр. 13.

рогие орудия труда, или к подчинению его крупному предпринимателю или купцу через так называемую систему авансирования. Особенно широко эта система была распространена среди рудокопов и кузнецов.

На горных предприятиях (рудниках, плавильнях) используется свободный наемный труд. Среди владельцев этих предприятий встречаются такие крупные предприниматели, как Фуггеры, Нойманн, Унгнад, Буцеллини и др. Большинство из них связаны со старыми формами производства (с феодальной эксплуатацией крестьянства или с купеческим капиталом) в гораздо большей степени, чем с предпринимательской деятельностью. Но в горном деле они выступают как промышленники-капиталисты.

Таким образом, в горном деле словенских земель в XVI в. уже развивались новые капиталистические отношения. Они оказывали влияние и на словенские города, поскольку словенские города были всегда тесно связаны с горной промышленностью.

Многие горожане участвовали в горных разработках в качестве предпринимателей или мелких производителей, были связаны с ремеслами по обработке металлов, торговали металлами.

Некоторые крестьяне (особенно кайжары) тоже занимались горными промыслами.

Наконец, среди дворян имелись горные предприниматели. Примером этого могут служить Ауэрсперги, Турны, Парадайзеры, Ламберги, Дитрихштейны на идрийских ртутных рудниках; Унгнад и Буцеллини — в добыче и переработке железной руды.

Таким образом, многие горожане, отчасти крестьяне и дворянство оказывались втянутыми в новые отношения, развивавшиеся в горной промышленности в XVI в.

Средневековые меры в Словении

Меры для сыпучих тел

стар (тяжелого зерна) — 105—106 литрам
стар (легкого зерна) — 114—118 литрам
стар — 2 кобала — 4 мерника

Меры для вина

урна — 100 литрам
ведро (краинское) — 16—16,5 бокала
чебер — 66 литрам
бокал — 1,64 литра

Меры длины

лакаты — 284 см
клафтер — 1,896 м
шнур — 7 клафтерам

Меры веса

цент — 56 кг
фунт — 560 г
майлер — 560 кг
месс — 616 кг
марка — 288 г
товор — 139—180 кг — среднему весу, который может нести на себе обычный конь.
фудер — 336 кг — 6 центам
фунт — 32 лотам
лот — 4 квинтилионам

Денежные единицы

флорин = дукат = фунт пфеннигов =
гульден = 8 шиллингов = 60 крейцеров — 2,132 г золота — 23,448 г серебра
шиллинг — 30 пфеннигов
крейцер — 4 пфеннигам (винарям)
марка золотом — 132 гульденам
марка серебром — 12 гульденам

И. В. Созиц

К ВОПРОСУ
О ТОВАРНОСТИ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА
ЮЖНОЙ ЧАСТИ ПОЛЬШИ
В 70-х — 90-х гг. XVIII в.

Вопрос о связях крупного помещичьего хозяйства с рынком является одним из принципиальных вопросов при изучении процесса разложения феодально-крепостнической системы. Под влиянием этих связей помещичье хозяйство теряло свой натуральный характер, подрывались основы этого хозяйства, характерные для периода господства феодальных отношений. Развитие рыночных связей вызывало перемены в методах эксплуатации труда крепостных крестьян. Продолжая оставаться по своему характеру феодальным, помещичье хозяйство вместе с тем делало шаг вперед по пути усвоения новых, буржуазных отношений (производство на рынок, развитие найма и т. д.). Уже буржуазные историки, изучавшие состояние польской экономики в период разделов Речи Посполитой, отмечали отдельные стороны процесса разложения хозяйственной и политической системы шляхетской Польши, пытаясь ответить на коренной вопрос о причинах несостоятельности старого строя в условиях, когда уже нарождались новые отношения в производстве (работы Т. Корзона, особенно Я. Рутковского и др.)¹.

Ученые народно-демократической Польши развернули за последние годы дискуссию по проблеме разложения барщинно-фольварочной системы хозяйства². В ходе обсуждения важнейших вопросов экономической истории Польши второй половины XVIII в. со всей очевидностью выявилась необходимость изучения эволюции отдельных помещичьих хозяйств различных районов Польши на основе привлечения свежих архивных материалов. Один из современных польских историков В. Куля отмечал

¹ Т. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. tt. I—VI. Kraków—Warszawa, 1897—1898; J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski, t. I. Warszawa, 1947 (русский перевод: Я. Рутковский. Экономическая история Польши. М., 1953); его же. Studja z dziejów wsi polskiej XVI—XVIII w. Warszawa, 1956.

² W. Rusiński. Uwagi o rozwarstwieniu wsi w Polsce XVIII wieku. — «Kwartalnik historyczny», t. LX, № 2, 1953; W. Kula. Początki układu kapitalistycznego w Polsce XVIII w. — «Przegląd historyczny», t. XLII, 1951; St. Śreniowski. Problem rozwarstwienia chłopstwa w ustroju folwarczno-pańszczyźnianym w Polsce. — «Przegląd historyczny», t. LXVI, z. 4, 1955; W. Rusiński. Drogi rozwojowe folwarku pańszczyźnianego. — «Przegląd historyczny», t. XLVII, 1956; B. Zientara. Z zagadnień spornych tzw. «wtórnego poddaństwa» w Europie środkowej. — «Przegląd historyczny», t. XLVII, z. I. 1956 и др.

в 1956 г., что книга Я. Рутковского о Бжозовском ключе является до сих пор единственной монографией о крупном землевладении XVIII в.³ Но указанная книга характеризует крупное духовное имение. То же следует сказать и о монографии Е. Топольского, посвященной землевладению архиепископства Гнезненского⁴. Специальных же работ, посвященных развитию крупных помещичьих латифундий на собственно польских землях в эпоху начавшегося упадка феодального способа производства, пока еще нет. Это отчасти объясняется тем, что до самого последнего времени архивные разыскания не давали исследователям компактного материала о состоянии отдельных более или менее крупных имений в изучаемый период.

В настоящее время в Польше предпринято издание серии ценнейших публикаций, открывающих новые возможности для изучения круга вопросов, относящихся к проблеме изменений в аграрном строе Польши в последний период существования независимой шляхетской Речи Посполитой.

Среди изданных документов наиболее важны публикации инвентарей⁵. Последние представляют собой описи имений, особенно подробные именно для второй половины XVIII в. Хотя этот тип источников и не может дать ответа на многие вопросы, касающиеся жизни помещичьих хозяйств, при наличии нескольких инвентарей одного и того же имения за разное время, создается реальная возможность выявления основных тенденций в ходе развития как фольварочного, так и крестьянского хозяйства. Инвентари ценны и как источники о распространении принудительного найма при выполнении ряда сельскохозяйственных и иных работ. Однако составители инвентарей почти никогда не ставили перед собою задачу показать всестороннюю хозяйственную жизнь. И в этом смысле инвентари, конечно, имеют ограниченное значение. В частности, по ним нельзя установить ни рыночных связей помещичьего хозяйства, ни степени развития товарного производства сельскохозяйственной продукции в различных имениях.

Значительно больше дают в этом отношении отчеты (или бухгалтерские счета — *rachunki*) о хозяйственной деятельности. К сожалению, такого рода документы встречаются в архивах значительно реже, чем инвентари.

Публикации источников по истории феодальной деревни, проводимые польскими научными учреждениями, расширили и будут расширять базу для исследовательской работы в области истории аграрных отношений в Польше в XVI—XVIII вв.

Несомненный интерес в этом отношении представляют работы историков, входящих в аграрный кружок, руководимый профессором Краковского университета Ц. Бобиньской. Этот научный коллектив на основе выявления нового материала в польских, а отчасти и советских архивах принял успешную попытку разработки ряда тем, имеющих прямое отношение к проблеме разложения феодализма и зарождения буржуазных отношений в Польше в XVIII в. Первые результаты его работы опубликованы в 1957 г. в «Исследованиях из истории малопольской деревни во второй половине XVIII века»⁶. Руководствуясь марксистской методологией, историки, работы которых вошли в упомянутый сборник, обратили

³ J. Rutkowski. Klucz brzozowski biskupstwa przemyskiego w XVIII w. Krakow, 1910.

⁴ J. Topolski. Rozwój latyfundiów arcybiskupstwa gnieźnieńskiego od XVI do XVIII wieku. Poznań, 1955.

⁵ См. И. А. Воронков. Инвентари имений — важный источник по истории польской феодальной деревни. — «Вопросы истории», 1959, № 4.

⁶ «Studja z dziejów wsi Małopolskiej w drugiej połowie XVIII wieku». Warszawa, 1957.

основное внимание на изучение положения и классовой борьбы крестьян в этом районе Польши. Состояние источниковедческой базы принуждало их, правда, решать ряд важных проблем, опираясь преимущественно на материалы королевщин, хотя Малая Польша (Краковское и Сандомирское воеводства) была районом преобладания помещичьего (магнатского, а также среднего и мелкого шляхетского) землевладения. Авторы статей сборника в большинстве случаев не ставили перед собою задачу монографического исследования отдельно взятых помещичьих хозяйств за более или менее длительный промежуток времени. В этом смысле несколько выделяется лишь работа И. Рыхликовой о крестьянах Велькопорембского ключа Водзицких⁷.

Представляется в основном удачной попытка участников аграрного кружка Х. Мадурович и А. Подразы⁸ показать на материалах, охватывающих западную часть Малой Польши, выделение здесь уже во второй половине XVIII в. нескольких экономических районов. Последние отличались не только своими природными условиями, но и хозяйственной специализацией. Некоторые положения и выводы авторов этой статьи весьма важны и для автора настоящей работы. В частности, заключение их относительно характера района по левому берегу Вислы почти полностью совпадает с нашими представлениями об указанном районе, в котором фольварочное хозяйство носит явно товарный характер⁹.

Известные итоги изучения аграрного строя Речи Посполитой второй половины XVIII в. подведены в «Истории Польши», издаваемой Институтом истории Польской академии наук¹⁰. Автор соответствующего раздела в этом издании В. Русиньский указывает, что во второй половине XVIII в. фольварочное хозяйство в большой степени носило товарный характер, причем основной отраслью этого хозяйства продолжало оставаться производство зерна¹¹.

Советские историки, естественно, направляют главное внимание на изучение экономики восточных областей бывшей Речи Посполитой¹². Следует выделить монографию А. И. Барановича о магнатском хозяйстве на Волинии в XVIII в. В ней дана характеристика отдельных отраслей помещичьего хозяйства, упор сделан на показ застойности и упадка феодального хозяйства южной Волинии. Разрозненность использованных А. И. Барановичем архивных материалов по отдельным помещичьим имениям не дала ему возможности детально исследовать степень товарности помещичьего хозяйства и связанные с этим явления. Кроме того, А. И. Баранович уделил очень мало внимания также важнейшим вопросам влияния товарно-денежных отношений на развитие помещичьего хозяйства и использование в нем принудительного и свободного найма. Изучение истории сельскохозяйственного и ремесленного производства на Правобережной Украине во второй половине XVIII в. показало, что хозяйство польских магнатов на этой юго-восточной окраине Речи Посполитой все сильнее связывалось с рынком как внешним, так и внутренним¹³. По-

⁷ «*Studia z dziejów wsi Małopolskiej w drugiej połowie XVIII wieku*», Warszawa, 1957, стр. 579—644.

⁸ Там же, стр. 57—167.

⁹ Там же, стр. 80, 159.

¹⁰ «*Historia Polski*», т. II, część I, Warszawa, 1958.

¹¹ Там же, стр. 109.

¹² А. И. Баранович. Магнатское хозяйство на юге Волинии в XVIII в. М., 1955 г.; Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957.

¹³ В. О. Маркіна. До питання застосування найманої праці в господарстві польських магнатів на правобережній Україні в другій половині XVIII ст. — «Вісник Київ-

следнее обстоятельство особенно важно для понимания процесса постепенного превращения прежнего, в основном натурального по своему характеру, помещичьего хозяйства в товарное со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Суммарная характеристика перемен, происходивших в польской деревне в эпоху разделов Речи Посполитой, содержится в первом томе «Истории Польши», написанном коллективом советских историков-полонистов¹⁴.

Здесь на значительном конкретном материале показано социально-экономическое развитие Польши в период разложения крепостнических и зарождения буржуазных отношений.

Наиболее важным с точки зрения развития товарного производства следует признать выдвинутое в разделе «Польская деревня во второй половине XVIII в.» (написанном Д. А. Похилевичем) положение о том, что помещичье хозяйство все более меняло свое лицо, происходило разложение типичного феодального поместья, от натурального земледелия фольварк переходил к товарному¹⁵. Механизм этого сложного процесса развития помещичьего хозяйства в эпоху перехода от феодального способа производства к буржуазному нуждается еще в детальном исследовании на примере отдельных имений.

Так, до сего времени очень мало известно о развитии единого польского национального внутреннего рынка во второй половине XVIII в., о роли в складывании его местечек и степени распространения денежных отношений в деревне. Не изучены в достаточной мере проблемы проникновения в сельское хозяйство того времени буржуазных отношений и влияния их на прочность крепостнических порядков, вопросы распространения наемного труда в фольварочном и крестьянском хозяйстве, развития сельских промыслов и ремесла и т. д. В связи с этим особое значение приобретает исследование развития фольварочного хозяйства в рамках крупных феодальных имений.

Работ, посвященных изучению процесса развития во второй половине XVIII в. отдельных крупных помещичьих хозяйств, расположенных на собственно польских землях, в советской историографии пока нет. Поэтому попытка показать на основе архивных материалов рыночные связи одного из таких имений, расположенного в Малой Польше, за последнюю треть XVIII в. представляется заслуживающей внимания.

Состояние источниковедческой базы, отсутствие каких-либо сводных данных о количестве хлеба, производимого помещичьими хозяйствами отдельных районов Речи Посполитой (не говоря уже в целом о стране), а затем поступавшего на внутренний и внешний рынки, вызывает необходимость исследовать проблему товарности сельского хозяйства накануне падения Речи Посполитой применительно к отдельным помещичьим хозяйствам. Значение сохранившихся в некоторых фамильных фондах крупных польских землевладельцев хозяйственных документов в этом отношении трудно переоценить. Во время работы в филиале Государственного исторического архива УССР во Львове автор настоящей статьи обнаружил компактный материал о состоянии ряда имений, расположенных в Малой Польше и принадлежавших крупным землевладельцам графам Ланцкорон-

ського університету», № 1, серія історії та філософії, вып. 1, 1958; еє же. Про грошову і відробітну ренти на Правобережній Україні в другій половині XVIII ст. — «Український історичний журнал», 1959, № 2.

¹⁴ «История Польши», т. I. Изд. 2, М., 1956, стр. 344—374.

¹⁵ Там же, стр. 351—352.

ским¹⁶. Особенный интерес среди изученных документов их фамильного фонда представляет бухгалтерская отчетность Водзиславского ключа, который находился в руках Ланцкоронских на протяжении нескольких столетий. Годовые отчеты по ключу, сохранившиеся начиная с 1769 г. (с небольшими перерывами) вплоть до конца XVIII в., раскрывают с достаточной полнотой основные стороны жизни этого довольно крупного помещичьего имения. Эти отчеты составлялись за каждый прошедший хозяйственный год, причем с 1783/84 г. была установлена определенная форма и порядок их составления. С этой целью из управления имениями приезжал счетовод, которому администрация ключа обязана была представить всю имеющуюся документацию за прошедший хозяйственный год¹⁷.

Отчет включал в себя данные о размерах посевов всех сельскохозяйственных культур под урожай отчетного года, подробные сведения об этом урожае (в снопах, в обмолоченном зерне) и о степени урожайности основных культур. Далее в отчет включались: штатное расписание служащих и рабочей челяди фольварков с указанием получаемых ими продуктов (ординарии) и денег, ведомость о приходе и расходе зерновых, сена, солом, овощей, кудели, пряжи, полотна, сведения о приходе и расходе различных видов инвентаря. Составной частью этого годового отчета были также данные о приходе и расходе соли, муки, крупы, продуктов скотоводства, ведомости о производстве и расходе пива, водки, меда и т. д. Далее шла сводная ведомость о состоянии скотных дворов и овчарен и наличии в них скота, а также данные расчетов с арендаторами скотных дворов. По мере надобности в годовой отчет вписывались сведения о всех действующих в имении заведениях (кирпичных, лесопильных и т. д.). Наконец, последней по порядку, но тем не менее важнейшей частью общего отчета являлась ведомость, содержащая подробнейший перечень всех денежных доходов и расходов по имению. Таким образом, сведения, включаемые в годовую отчетность, как в части, охватывающей область материального производства, так и в отношении денежного бюджета ключа позволяют судить о степени проникновения товарно-денежных отношений в помещичье хозяйство, о товарности зернового земледелия и скотоводства. Почти все отчеты подвергались проверке, которая производилась по поручению владельца ключа специально приезжавшим в имение особо доверенным лицом (например, личным секретарем графа). Часто после такой ревизии управляющий или писарь ключа отстранялись от дел, а имущество их описывалось за долги¹⁸. Поэтому данным такой отчетности можно доверять в значительно большей степени, чем, например, документам о состоянии хозяйства, выдвигавшимся во время имущественных споров между владельцами имений и их посессорами.

Сохранилось также несколько отчетов о сплавных операциях Ланцкоронских за различные годы, по которым можно судить о том, в каких размерах зерно, производимое в имениях этой магнатской фамилии, поступало на внешний рынок. Кроме того, отчеты о сплаве дают представление об организации сплава по р. Висле до Гданьска. Таким образом, вы-

¹⁶ В 1789—1790 гг. в имениях графа Антония Ланцкоронского, находившихся только в пределах границ Речи Посполитой того времени, было свыше 13,5 тыс. жителей деревень и местечек (Львовский филиал ЦГИА УССР, ф. 181, оп. 1 (далее — ЛФЦГИА), д. 115, лл. 35—36. Еще более обширными были его имения в Галиции, где ему принадлежало несколько крупных ключей.

¹⁷ Хозяйственный год начинался 24 июня текущего календарного года и заканчивался 24 июня следующего календарного года.

¹⁸ См. ЛФЦГИА, д. 95, л. 109 (1769 г.), д. 103, лл. 35, 75, 77, 83, 96—97, 103 (1769 г.); д. 114, л. 57 (1790 г.).

является один из основных каналов, по которому помещичье хозяйство связывалось с рынком. В настоящей работе использованы были и некоторые другие документы из того же фонда (инвентари, инструкции и т. п.). К сожалению, не сохранились кассовые книги Водзиславского ключа, текущая хозяйственная документация, квитанции, акты сделок, контракты с ремесленниками, распоряжения администрации этого имения и т. п., на основе которых составлялись годовые отчеты. Во всех случаях, когда такого рода документы сохранились, они использовались для проверки сведений, приводимых в отчетах. Поскольку последние представляют хронологически почти непрерывный ряд однотипных документов, данные их отчетливо выявляют главные тенденции развития фольварочного производства за длительный промежуток времени. Сохранившаяся хозяйственная отчетность Водзиславского ключа (почти за 30 лет) дает, таким образом, реальную возможность проследить эволюцию этого крупного помещичьего хозяйства в период начавшегося разложения крепостнических отношений, а также судить о том, насколько далеко такие помещичьи хозяйства ушли по пути превращения в товарные.

* * *

Водзиславский ключ (в документах он иногда называется графством) расположен приблизительно в 50—55 км северо-восточнее Кракова, почти на полпути между Краковом и Кельце. Среди имений, принадлежавших графу Ланцкоронскому в этом районе страны, указанный ключ был крупнейшим по своим размерам, числу населения и хозяйственным возможностям. По переписи, проводившейся в 1789 г. (в связи с решением Четырехлетнего Сейма о податном обложении шляхетских имений), в Водзиславском ключе проживало 1746 человек (включая жителей деревень Сельце и частично Миронице, находившихся до 1792 г. в посессии)¹⁹. Центром ключа являлось довольно значительное по количеству населения местечко Водзислав (852 человека, или 48,8% всех жителей имения). Остальное население проживало в восьми деревнях ключа (самая большая из них — Ляскова — насчитывала 178 жителей, самая малая — Дроблин — всего 35 жителей). Пятую часть жителей ключа составляло еврейское население (489 человек, или 20,8%). Подавляющее его большинство проживало в местечке (472²⁰ из 489 человек). Остальные 17 человек — это семьи трех сельских шинкарей и один коморник.

Большую часть еврейского населения этого местечка составлял торговоремесленный элемент (53,4%). Занятия домовладельцев (26%) установить не удалось. По переписи они проходят под рубрикой «хозяева». Предположение о том, что часть этих хозяев была владельцами земельных участков, не подтверждается имеющимися документами. Сохранилась подробная опись земельных угодий, которыми владели или пользовались жители Водзислава, составленная в мае 1791 г. Среди владельцев пахотных участков в этом списке значится только одна еврейская фамилия²¹. Заслуживает внимания, безусловно, и тот факт, что довольно значительная группа (20,6%) еврейского населения представляла собою бедноту,

¹⁹ ЛФЦГИА, д. 115, лл. 8—9, 35—36. По той же переписи в Мотковицком ключе Ланцкоронских насчитывалось 736 человек, в Клишовском — 635, а в Кийском — всего 401, т. е. во всех трех ключах почти столько же, сколько в одном Водзиславском ключе.

²⁰ Из них совершеннолетних: мужчин — 179, женщин — 193, а всего 372 человека (в том числе из челяди, служащих и *luźnych* — 35).

²¹ ЛФЦГИА, д. 105, лл. 14—21.

жившую за счет выполнения различного рода работ и услуг как у богатых евреев, так и в поместье графа Ланцкоронского. Интересно, что среди этой беднейшей части еврейского населения встречались даже *luźni*, т. е. гулящие, не имеющие постоянного занятия, дома и других средств для существования, кроме подневной наемной работы за самую мизерную плату.

Еврейское население местечка Водзислав (особенно это относится к торгово-ремесленной его части, а также к бедноте) в хозяйственном отношении было тесно связано с экономикой помещичьего имения, обслуживало его. Польское население местечка составляло меньшую его часть (380 чел., или 44,6%)²². Почти половина польского населения местечка (48,4%) принадлежала к числу ремесленников. Довольно значительную группу составляли хозяева (22,4%), основным занятием которых являлось, по-видимому, сельское хозяйство. Если учесть, что в упомянутой выше описи земельных угодий, используемых жителями Водзислава, перечислено свыше 100 владельцев пахотных участков²³, то надо полагать, что и местечковые ремесленники-поляки, не говоря уже о челяди и тех, кто служил в помещичьем имении, также занимались земледелием. Люди *luźni* как одна из прослоек жителей местечка стояли по своей численности (17,1%) на третьем месте (после ремесленников и земледельцев). Следовательно, большая часть польского населения Водзислава так или иначе была связана с сельскохозяйственным производством или обслуживала нужды помещичьего хозяйства и жителей ключа в качестве ремесленников. При этом следует отметить, что если среди еврейского населения местечка первое место занимали по своей численности торговые элементы (31,8%), то среди польской его части преобладали ремесленники (48,4%), не порывавшие, однако, и с земледельческим трудом.

Наконец, еще несколько общих замечаний по поводу населения местечка Водзислав. Торгово-ремесленный элемент в его составе, несомненно, имел важнейшее значение, составляя в целом 51,4% общего числа жителей (из них на ремесленников приходилось 33,5%). В то же время, если учесть, что почти все польское население Водзислава продолжало наряду с ремеслом заниматься и сельским хозяйством, то можно говорить о непосредственной связи с этой отраслью экономики не менее 70% всего населения ключа.

Таким образом, с точки зрения производственных занятий жителей Водзиславский ключ являлся в целом обычным земледельческим хозяйством. Наличие довольно многочисленной группы ремесленников, к тому же в большинстве своем не порвавших с сельскохозяйственным производством, не меняет положения. Всего в ключе ремеслом занимался 91 человек²⁴, составляя вместе со своими семьями всего 11% населения ключа. Торговлей и шинкарством занималось 58 человек²⁵, что вместе с семьями составляло лишь 9,6% всего населения ключа.

Такое сочетание внутри одного хозяйственного комплекса двух элементов (сельскохозяйственного и торгово-ремесленного) дает ряд преимуществ при исследовании эволюции этого помещичьего имения в период разложения феодальных отношений. Поскольку крупные землевладельцы

²² Из них совершеннолетних: мужчин — 113, женщин — 117, а всего 230 человек (в том числе из челяди и служащих — 32 и *luźnych* — 39).

²³ ЛФЦГИА, д. 105, лл. 14—21.

²⁴ Из них евреев — 37, поляков — 54 (52 в местечке и 2 в деревнях Лоны и Зеленки).

²⁵ Из них евреев — 57 (в том числе шинкари деревень Миронице, Зеленки и Класенице), поляк — 1.

имели больше средств для того, чтобы перестраивать свое хозяйство в связи с требованиями рынка, на примере такого имения, как Водзиславский ключ, легче проследить те перемены, которые в нем происходили в связи с превращением фольварочного хозяйства в товарное.

В деревнях Водзиславского ключа насчитывалось, по данным переписи 1789 г., 894 жителя (из них 17 евреев, или менее 2%)²⁶. Однако подробные сведения о составе сельского населения имеются только на 811 человек (из них 16 евреев, или около 2%)²⁷.

Прежде всего следует отметить два примечательных факта. Во-первых, количество людей, получающих средства для существования не со своих земельных наделов, а почти исключительно путем работы на помещика и на своих более состоятельных односельчан, составляет чуть ли не половину (48,5%) всего сельского населения, что само по себе характерно для помещичьих хозяйств, все более переходящих к такой форме эксплуатации крепостного и некрепостного (каким были *luźni*) населения, как наем за самую низкую оплату. Вместе с тем более половины деревенского населения (50,6%) составляют семьи крестьян, располагающих пахотной землей. К сожалению, перепись не выделяла различные категории этих крестьян (кметов, полурольников и загородников). Однако можно с полной уверенностью утверждать, что среди них значительную часть составляли загородники, которые зачастую также работали за плату на фольварках.

В хозяйственных отчетах администрации Водзиславского ключа за ряд лет (1776, 1778/79, 1780/81, 1789/90, 1790/91) плата загородникам, коморникам и халупникам за дни, отработанные по принудительному (низкооплачиваемому) найму (*dni zarobne*), выделена особо и занимает ведущее место в этой статье расходов по имению²⁸.

Во-вторых, весьма значительную часть сельского населения составляла категория челяди и *luźnych* (26,9%). Последние, как, впрочем, и коморники²⁹ (17,1%), работали не только на фольварках, но и в хозяйстве кметов. Указания инвентарей на то, что кметы обязаны отбывать барщину, высылая в фольварк двух работников³⁰, также свидетельствуют о том, что в кметских хозяйствах была своя рабочая челядь. Последняя рекрутировалась, очевидно, не только из безземельных крестьян своей деревни, но и из числа *luźnych*. Среди совершеннолетних мужчин из числа сельского населения Водзиславского ключа на *luźnych* приходилось более 51,5% (все взрослые мужчины, отнесенные к графе «челядь и *luźni*», при проверке по другим данным оказались исключительно *luźnymi*)³¹. По данным, включающим в себя все сельское население (польское) Водзиславского ключа (т. е. и находившееся до 1792 г. в посессии), совершеннолетних *luźnych* мужского пола насчитывалось более 50,5% всего трудоспособного мужского населения деревень. Иными словами, это составляло приблизительно 28,5% всего сельского населения ключа, если считать *luźnych* вместе с их семьями. По отношению ко всему населению Водзиславского ключа *luźni* и их семьи составляли вместе с челядью приблизительно 21%

²⁶ ЛФЦГИА, д. 115, лл. 8—9.

²⁷ Из них совершеннолетних: мужчин — 266, женщин — 225, а всего 491 человек (в том числе 195 человек из челяди и *luźnych*).

²⁸ ЛФЦГИА, д. 108, лл. 55, 66, 70, 102, 113, 134; д. 114, лл. 54—55, 79.

²⁹ J. Rutkowski. *Studia...*, str. 208, 210—212; «*Studia z dziejów wsi Małopolskiej...*», str. 152, 157, 240 и др.

³⁰ См., например, ЛФЦГИА, д. 105, л. 3.

³¹ Там же, д. 115, лл. 8, 35—36.

(в составе польского населения ключа одни только *luźni* и их семьи составляли примерно 23%)³².

Поскольку категория *luźnych* весьма интересна с точки зрения разложения традиционных крепостнических отношений, небезынтересно выявить и число совершеннолетних *luźnych* (мужчин и женщин) среди взрослого населения ключа. Имеющиеся данные позволяют сделать это только в отношении польского населения Водзиславского ключа. В составе всего взрослого польского населения на *luźnych* приходилось около 32,5%, если же брать только сельскую часть этого населения, соответственно 39,7%³³.

Указанные здесь цифры, а также приведенные выше соотношения совершеннолетних *luźnych* мужского пола ко всему трудоспособному польскому мужскому населению очень показательны. Основываясь на них, можно безошибочно сказать, что труд *luźnych* занимал важнейшее место в хозяйстве Водзиславского ключа. А это обстоятельство свидетельствует в первую очередь о том, что данное помещичье хозяйство в рассматриваемое время (на рубеже 80—90-х годов XVIII в.) достаточно далеко продвинулось в смысле замены на фольварках труда крепостных, наделенных землей, трудом людей, полностью оторванных от земли, лишенных орудий и средств производства. По нашему мнению, такое вытеснение традиционной барщины низкооплачиваемым наймом, который тогда еще сплошь и рядом ничем не отличался от принудительного найма, является одним из путей перестройки помещичьего хозяйства в эпоху разложения феодализма и постепенного изживания крепостнических отношений. Именно *luźni* превратились в период складывания капитализма в сельском хозяйстве Польши в батраков, составив основу сельского пролетариата, многочисленность которого была одной из характерных черт буржуазной Польши. Такой путь развития капитализма в сельском хозяйстве, связанный с сохранением помещичьего землевладения и с постепенным разорением подавляющей части крестьян, был особенно мучителен для последних. Усиление эксплуатации крестьян, увеличение товарного производства сельскохозяйственной продукции способствовали превращению помещичьего хозяйства в крупное капиталистическое. Пережитки старых феодальных отношений в связи с сохранением помещичьей собственности на землю оказывались очень живучими, что отражалось очень сильно на взаимоотношениях обуржуазившихся помещиков и крестьян даже и после отмены крепостного права.

Район, в котором расположен Водзиславский ключ, входит в зону плодородных лёссовых почв. Последние очень легки для обработки и весьма урожайны³⁴. В отношении близости к основной водной магистрали страны — р. Висле ключ также занимал достаточно выгодное место, так как по прямой от местечка Водзислав до устья р. Ниды, где находились сплавные пристани, было всего около 50 км. Кроме того, в непосредственной близости от этого помещичьего хозяйства находился один из крупных городов Польши — Краков (в нем на рубеже 80—90-х годов XVIII в. насчитывалось до 24 тыс. жителей³⁵). Таким образом, природные условия

³² В нашей статье «Помещичье хозяйство Южной Польши в 70-е—90-е годы XVIII в.» (журнал «Исторические науки». Научные доклады высшей школы, № 1, 1959, стр. 145) количество совершеннолетних *luźnych* мужского пола ошибочно соотносено ко всему населению Водзиславского ключа. В результате доля *luźnych* преуменьшена до 9—11%.

³³ Здесь не берется во внимание население деревень, находящихся в посесси.

³⁴ Ю. Барбаг. Экономическая география Польши. М., 1952, стр. 63, рис. 8; см. также ЛФЦГИА, д. 105, лл. 3, 12.

³⁵ «Studia z dziejów wsi Małopolskiej...», str. 114.

(лёссовые почвы, мягкий климат, близость к рынкам сбыта) вполне благоприятствовали развитию в Водзиславском ключе товарного производства сельскохозяйственной продукции.

Водзиславский ключ находился в зоне, которая характеризовалась во второй половине XVIII в. преобладанием среди зерновых культур посевов ржи и овса. По данным польских исследователей Х. Мадурович и А. Подразы, в этом районе, за некоторыми исключениями, главную роль играли посевы ржи (от 30 до 50% общего высева четырех основных хлебов), а в большинстве изученных ими деревень посевы гречихи превышали высевы как ячменя, так и пшеницы³⁶.

Однако если рассмотреть движение посевов в Водзиславском ключе, то придется признать, что фольварочное хозяйство в этом имении значительно отличалось от приведенной выше общей характеристики, хотя и в нем посевы ржи и овса в целом преобладали. Прямых сведений о посевных площадях Водзиславского ключа нет. Отсутствие их вполне понятно: никаких податей с господских земель не платили, а размеры пахотных земель определялись количеством высеваемого зерна³⁷. Поскольку коренных улучшений в практике земледелия в изучаемое время не было, норма высева на морг пахотной земли почти не изменялась. Поэтому имеющиеся сведения о количестве посевного материала могут дать косвенное представление о соотношении посевов отдельных зерновых культур.

Несмотря на то, что хозяйство Водзиславского ключа состояло в различные годы из неодинакового числа фольварков³⁸ (в связи со сдачей их в посессию и основанием новых), данные о количестве высеваемого зерна дают некоторую возможность уловить тенденции в движении посевных площадей³⁹. При этом следует сразу же оговориться, что эти сведения только по четырем основным культурам ни в коей мере не могут показать общего баланса пахотных земель, имевшихся в этом хозяйстве, и практики их использования. Резкие же колебания в посевном материале объясняются рядом причин как внутренних, так и внешних. К числу первых относится система севооборотов, практиковавшаяся в Водзиславском ключе (по-видимому, господствовало здесь трехполье)⁴⁰. Внешние же причины указанных колебаний более понятны, поскольку они связаны с условиями, в которых велось данное помещичье хозяйство в те или иные годы. Здесь, во-первых, следует указать на неблагоприятные политические обстоятельства. Так, например, в результате оккупации иностранными войсками района, в котором был расположен Водзиславский ключ, а также восстания 1794 г. помещичьему хозяйству был нанесен значительный ущерб. В отчете за 1793/94 г. указано, что в связи с восстанием 1794 г. и бегством из ключа служащих, наблюдавших за ведением фольварочного хозяйства, крепостные, а затем проходившие войска забрали значительную часть зерновых⁴¹, были потравлены посевы яровых и озимых. В записи, сделанной на титульном листе отчета за 1794—1797 гг., составленного в марте 1798 г., счетовод генерального управления имениями

³⁶ «Studia z dziejów wsi Małopolskiej...», str. 81.

³⁷ См. J. Rutkowski. Studia..., str. 192, 193.

³⁸ С 1796/97 г. в составе Водзиславского ключа в связи с покупкой графом Ланц-коронским соседнего фольварка Гневенцин было всего 10 фольварков (ЛФЦГИА, д. 125, л. 29, 34; см. также д. 1, л. 99).

³⁹ См. ЛФЦГИА, д. 108, 114, 125, 142.

⁴⁰ См. там же, д. 105, лл. 4, 12.

⁴¹ По данным отчета за 1793/94 г., эти потери одного только зерна составили около 450 корцев (в том числе ржи 135, пшеницы — 39, ячменя — 89, овса — 164, проса — 22 корца; см. ЛФЦГИА, д. 125, лл. 7—8).

графа Ланцкоронского отметил ухудшение состояния хозяйства Водзиславского ключа в связи с событиями 1794—1795 гг. В революционном 1794 г. и пореволюционном 1795 г., писал он, по всем статьям хозяйства, а особенно по зерновому хозяйству, выявляется разница между давним и нынешним уровнем. Объясняет он это обстоятельство тем, что посевы во время революции были попорчены, а кроме того, им был нанесен ущерб крепостными. Подводы и инвентарь у крестьян и с фольварков забирали проходившие войска, часть крепостных была взята в армию, а остальные отказывались отбывать барщину в связи с революцией⁴².

Второе обстоятельство, оказывавшее непосредственное влияние на развитие помещичьего хозяйства (в первую очередь зернового) Водзиславского ключа, — это благоприятная конъюнктура, особенно на внешнем рынке, для польского хлеба. В 70-х годах XVIII в. она значительно улучшилась, в результате чего цены на хлеб в Гданьске значительно возросли⁴³. Посевы в Водзиславском ключе на протяжении этого десятилетия почти все время растут, соотношение между отдельными культурами также изменяется.

Посевы ржи и пшеницы в эти годы росли, по-видимому, равномерно, в то время как яровой клин увеличивался больше за счет ячменя. С конца 70-х годов цены на зерно в Гданьске снова падают, причем 1780 год был как бы роковым, падение цен было наиболее резкое и в то же время в Водзиславском ключе был неурожай, который повторился в 1781 г. Владелец имения по-своему реагировал на эти бедствия. Часть ключа (крупнейшие фольварки Зеленки и Клеменцице) весной 1781 г. были отданы в посессию, а в оставшихся фольварках посевы были, по-видимому, просто сокращены.

Период 1781—1788 гг. без преувеличения можно считать временем наибольшего упадка зернового хозяйства Водзиславского ключа. Но и в эти годы происходит передвижка в посевных площадях. Это обстоятельство особенно важно отметить, так как именно за 1782—1788 гг. есть возможность сделать менее условные сравнения доли отдельных культур в их общем балансе. В указанные годы на изменение посевных площадей не влияло такое чисто внешнее обстоятельство, как посессионные отношения. Оставшиеся после 1781 г. в составе ключа фольварки не переходили в чужие руки. Напротив, к четырем имевшимся в это время фольваркам добавился в 1786 г. вновь основанный фольварк в дер. Свентники⁴⁴. С 1782 по 1788 г. посевы пшеницы и ячменя росли, в то время как посевы других культур или топтались на месте (овес) или росли значительно медленнее (рожь). Следовательно, и в наиболее трудных для помещичьего хозяйства условиях развития основное внимание уделялось сохранению посевов пшеницы, являвшейся самой ценной товарной культурой данного хозяйства. При этом если брать озимый клин (рожь, пшеница), то данные за 1782—1788 гг. дают основание предполагать, что посевы пшеницы увеличивались за счет площадей, бывших прежде под рожью. В яровом клине также расширялись посевы ячменя, по-видимому, в какой-то мере за счет вытеснения овса. Такого рода явление объясняется

⁴² ЛФЦГИА, д. 125, л. 29; см. также д. 124 (допрос крепостных в сентябре 1794 г. о захвате проходящими войсками и крестьянами зерна на фольварках). Примечательно в приведенной записи следующее: восстание 1794 г. именуется революцией и с последней связывается отказ крепостных от выполнения барщины. Есть основания предполагать, что крестьяне Водзиславского ключа знали о Поланецком универсале Костюшко от 7 мая 1794 г., так как лагерь Костюшко находился всего в нескольких десятках километров от ключа.

⁴³ «История Польши», т. 1, стр. 344.

⁴⁴ ЛФЦГИА, д. 108, 206.

ролью, которую играл ячмень в помещичьем хозяйстве: именно он являлся основным сырьем для пивоварения и отчасти винокурения⁴⁵.

Новое увеличение зернового хозяйства Водзиславского ключа начинается с 1789 г. и продолжается фактически до конца рассматриваемого периода. Правда, этот процесс был нарушен в 1794—1795 гг. в связи с указанными выше обстоятельствами, не связанными непосредственно с экономикой. Условия для развития зернового хозяйства вплоть до конца XVIII в. оставались благоприятными. Это было время нового повышения цен на зерно как в Гданьске, так и в Кракове⁴⁶. И в результате в 1789—1798 гг. снова быстро растут площади под пшеницей. Посевы ячменя увеличиваются почти втрое, а овса только вдвое.

Подведем некоторые итоги. В помещичьем хозяйстве Водзиславского ключа, если сравнивать данные за тридцатилетие (1769—1798 гг.), произошли весьма характерные изменения в структуре посевных площадей. Удельный вес посевов овса значительно сократился, посевы ржи также несколько уменьшились. В то же время увеличилась доля посевов, приходящаяся на пшеницу. Конечно, эти данные в известной степени условны, поскольку речь идет не о моргах пашни, а о корцах посевного зерна. Но и эти косвенные данные, по нашему мнению, отчетливо показывают общую тенденцию развития этого крупного помещичьего хозяйства. Во-первых, увеличивается значение пшеницы, которую это хозяйство поставляло на внешний рынок. Если взять озимый клин, то окажется, что посевы пшеницы в целом росли быстрее, чем посевы ржи, и вытесняли последнюю. Кстати, Водзиславский ключ находился именно в той части района преобладания посевов ржи и овса (по классификации, принятой в упоминавшейся уже работе Х. Мадурович и А. Подразы), которая являлась экспортером хлеба⁴⁷. Во-вторых, возрастает роль ячменя. Помещичья администрация, стремясь увеличить доходы имения от права пропинации, уделяет все больше внимания пивоварению и винокурению. Поэтому яровой клин расширяется в первую очередь за счет ячменя, хотя растут и площади, занятые овсом.

Соотношение и динамика роста посевов зерновых на фольварках Водзиславского ключа за последнюю треть XVIII в., к сожалению, не могут быть проверены по другим, более надежным данным. Владелец имения в условиях шляхетской речи Посполитой не испытывал нужды в измерении площадей пахоты и других сельскохозяйственных угодий. Однако в 1796 г., после того как, согласно трактату о третьем разделе Речи Посполитой, район, в котором был расположен Водзиславский ключ, перешел под власть Австрии, где действовала совсем иная система податного обложения, начался перемер земель и в этом имении⁴⁸. Сведений об итогах его обнаружить не удалось. Возможно, он не закончился вплоть до 1798 г.⁴⁹ Есть лишь данные от 7 мая 1803 г. о посевах на 10 фольварках Водзиславского ключа⁵⁰. Из общей площади в 1662 морга, засеянных зерновыми (озимые посева 1802 г., яровые — 1803 г.), рожь занимала

⁴⁵ Данные об изменениях посевной площади на основных фольварках Водзиславского ключа за 1769—1792 гг. См. И. В. Созин. Помещичье хозяйство..., стр. 136.

⁴⁶ См. T. Furtak. Ceny w Gdańsku w latach 1701—1815. Lwów, 1935, str. 62; T. Kozłowski. Указ. соч., т. II, str. 84—85; E. Tomaszewski. Ceny w Krakowie w latach 1601—1795. Lwów, 1934, str. 50 (введение).

⁴⁷ «Studia z dziejów wsi Małopolskiej...», str. 82.

⁴⁸ ЛФЦГИА, д. 125, л. 29.

⁴⁹ В отчетах за 1797/98 и 1798/99 гг. отмечены расходы на межевые работы (ЛФЦГИА, д. 125, л. 73; д. 142, л. 2).

⁵⁰ ЛФЦГИА, д. 118, л. 7.

562 морга (33,8%), пшеница — 338 моргов (20,3%), ячмень — 318 моргов (19,1%) и, наконец, овес — 444 морга (26,7%).

Указанные соотношения посевных площадей четырех зерновых культур за 1802/03 хозяйственный год значительно отличаются от характерного для этого района преобладания ржи и овса. По подсчетам Х. Мадурович и А. Подразы, на долю ржи здесь в среднем приходилось около 40%, а на долю овса — около 35% высева четырех видов зерновых, и, следовательно, эти две культуры составляли $\frac{3}{4}$ всех посевов⁵¹. В Водзиславском же ключе доля их была ниже, в то время как процент пшеницы и ячменя, которые были основными товарными культурами, был значительно больше. Вместе они составляли не четвертую часть, а по крайней мере около $\frac{2}{5}$ посевов четырех видов зерновых⁵². Таким образом, следует признать, что доля пшеницы в посевах основных зерновых на фольварках Водзиславского ключа колебалась в начале XIX в. от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$, а доля ржи и овса вместе составляла не 75%, а всего около 60%. Этот факт также свидетельствует о том, что в этом помещичьем хозяйстве пшеница занимала видное место в севооборотах.

О том, что именно на эту культуру обращалось главное внимание, говорят и данные об урожайности основных зерновых культур. По данным Х. Мадурович и А. Подразы, в Ксенжском повете (где находился и Водзиславский ключ) наивысшими урожаями на рубеже 80-х—90-х годов XVIII в. были сам-4—сам-6. Имеющиеся сведения о количестве высеваемого ежегодно зерна и сборах последнего показывают, что урожайность хлебов на фольварках Водзиславского ключа была в указанное время на довольно высоком уровне. Этот факт также служит подтверждением мысли о том, что, увеличивая товарность зернового хозяйства, крупные землевладельцы добивались известного прогресса в земледелии. Достигалось это, в частности, путем перехода к низкооплачиваемому найму преимущественно своих же крепостных. Данные об урожайности зерновых в Водзиславском ключе за 1769—1798 гг. показывают, что урожай пшеницы и ячменя почти всегда бывали лучшими, нежели урожай ржи и особенно овса.

Повышение урожайности было, по-видимому, одной из задач, которую ставил перед своей администрацией владелец имения. Во всяком случае начиная с 1784/85 хозяйственного года он требовал отчета по этой части от своих управляющих. В сводные годовые отчеты включаются данные об урожайности всех полевых культур. До этого об урожаях есть прямые указания только в отчете за период с 1 июля 1780 г. по 1 апреля 1781 г. Писарь Новаковский, составлявший тогда ведомость о приходе и расходе зерновых, сделал интересные приписки об урожаях отдельных культур⁵³. Он отметил, что обмолот не дал и 1,5 зерен от посева ржи, едва 2 зерна пшеницы и овса. Урожай в 1780 г. действительно был очень низким, хотя при своих расчетах Новаковский и не учел того, что часть сбора 1780 г. (свыше $\frac{1}{5}$ ржи и более $\frac{1}{4}$ ячменя) к концу марта лежала еще в скирдах и была обмолочена только летом и осенью 1781 г. Неурожайный 1780 г. (следующий, 1781 г. также был неурожайным), совпавший с резким падением цен на хлеб на рынке, по-видимому, послужил одной из причин временного свертывания помещичьего хозяйства в Водзиславском ключе. Летом 1781 г. два крупнейших фольварка (Клеменцице и Зеленки) были

⁵¹ «Studia z dziejów wsi Małopolskiej...», str. 82.

⁵² По данным за 1810/11 хозяйственный год, среди четырех зерновых культур посевы (в моргах) ржи составляли 33,9%, овса — 23,8%, пшеницы — 25,4% и ячменя — 16,9% (см. ЛФЦГИА, д. 118, л. 21).

⁵³ ЛФЦГИА, д. 108, лл. 104—108.

отданы в посессию. На оставшихся четырех фольварках начиная с 1782 г. урожаи неуклонно повышаются. Проверка данных об урожайности основных зерновых, приводимых в годовых отчетах за 1784—1788 гг., показывает, что администрация сообщала владельцу имения в основном правильные сведения о средней урожайности зерновых. Конечно, коренных улучшений в земледелие в изучаемое время не вносили. По-прежнему основная тяжесть по обработке барской запашки и уборке урожая ложилась на крепостных. Последние, естественно, были мало заинтересованы в том, чтобы производительно работать на помещичьих фольварках. Правда, в этот период в Водзиславском ключе все возрастающую долю полевых работ выполняли уже крепостные батраки, а также нанимавшиеся на фольварки за самую низкую оплату *luźni* и жители деревень того же ключа и местечка Водзислав. Однако применение низкооплачиваемого, большею частью принудительного найма хотя и было некоторым шагом вперед по сравнению с эксплуатацией малопродуктивного труда крепостных, оно не могло в принципе изменить положение дела. Можно сказать, что урожайность зависела прежде всего от природных условий. Поэтому, несмотря на общую тенденцию к повышению урожайности, помещичье хозяйство Водзиславского ключа не знало устойчивых урожаев. Единственное, чего могли добиться управляющие имениями, — это более или менее тщательное и своевременное проведение весенних полевых работ хотя бы на части пахотных угодий силами имевшихся на фольварках крепостных ратаев и форналей, а также уборка урожая в более сжатые сроки и с меньшими потерями путем привлечения своих же крепостных (коморников, загородников) и живущих в имении *luźnych* к работе на жатве и молотбе за плату, назначаемую фольварочной администрацией.

Если сравнивать общий уровень урожайности, достигнутый в Водзиславском ключе в 70-х годах, с уровнем урожайности 80-х годов, то повышение последнего необходимо, по-видимому, отнести не только на счет благоприятных климатических условий. Указанное обстоятельство в какой-то мере объясняется тем именно, что помещичье хозяйство шло по пути перестройки, все больше вводилось в нем в действие факторы, которые были чужды традиционному феодальному хозяйству или являлись до этого спорадическим элементом внутри последнего. Так, известный исследователь феодальной польской деревни Я. Рутковский, рассматривавший труд фольварочной челяди как чисто наемный, отмечал, что в XVIII в. использование такого рода труда на пахоте встречалось весьма редко⁵⁴. В Водзиславском же ключе начиная, очевидно, с середины 70-х годов постоянно работают на фольварках ратаи (основным видом выполняемых ими работ, судя по тому, каким тяглом и орудиями они пользовались, была пахота) и форналы (проводили боронование, использовались для внутрихозяйственных перевозок). На фольварках появляется вместе с этим работником и другое, не менее важное новшество — собственная производственно-техническая база (необходимое количество сельскохозяйственного инвентаря и тягла). Времена, когда помещичье хозяйство велось на основе использования исключительно тягла и инвентаря крепостных, уходили, таким образом, в прошлое. Нет оснований для того, чтобы считать труд постоянной фольварочной челяди, занятой в земледелии, простым наемным трудом, хотя в нем и были такие элементы, которые внешне напоминают собою наемный труд (например, полная оторванность от орудий и средств производства, оплата труда). Дело в том, что рабочая челядь на фольварках рекрутировалась главным образом из крепостных,

⁵⁴ J. Rutkowski. *Studia...*, str. 81—82, а также стр. 188 и сл.

в сословном же отношении все эти ратаи, формали продолжали оставаться в крепостной зависимости от своего помещика. Оплата их труда зависела лишь от воли помещика, и никакие внешние обстоятельства на размер ее не влияли. От обычного крепостного крестьянина такой батрак отличался тем, что был полностью лишен каких-либо средств производства и орудий труда. Он работал на барском поле, используя помещичьи тягло и сельскохозяйственный инвентарь. Что же касается платы, которую он получал за свой тяжелый труд, то, по нашим подсчетам, в Водзиславском ключе она в среднем равнялась оплате труда по принудительному найму. В положении, аналогичном положению крепостной рабочей челяди на фольварках польских помещиков, находились крестьяне, переводимые русскими помещиками на месячину. Оба указанных явления (месячники, крепостные батраки) были показателями разложения старых феодальных отношений в производстве и свидетельствовали о попытках крупных землевладельцев в возможно широких размерах использовать труд обезземеленных и малоземельных крестьян своих деревень.

Трудно судить о том, был ли труд постоянной фольварочной челяди, занятой непосредственно в земледелии, как низкооплачиваемый (принудительный чаще всего) труд производительнее, чем барщина. Тенденция к повышению урожайности зерновых, которая наблюдалась в Водзиславском ключе, является косвенным доказательством того, что в какой-то степени постепенный переход ко все более широкой эксплуатации труда крепостных за плату (пусть очень незначительную) способствовал повышению производительности земледельческого труда. Но главную роль при этом играл, очевидно, труд *luźnych*, проживавших в данном имении. В силу существующего в стране общественного порядка они принуждены были работать за низкую плату на помещичьих фольварках, т. е. эксплуатировались, по сути дела, наравне с крепостными⁵⁵. Характерно, что в сохранившейся документации о расходах администрации Водзиславского ключа на наем работников нигде не выделяется оплата труда *luźnych*. Есть основания полагать, что размеры платы за различные сельскохозяйственные работы своим крепостным, жителям местечка и *luźnym* ничем или мало чем отличались. Между тем в Водзиславском ключе, судя по данным переписи, проведенной в 1789 г., *luźni* среди взрослого (иными словами трудоспособного) польского населения составляли не менее трети (см. выше). Один только этот факт, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о том, что значительную часть работ на фольварках выполняла здесь именно эта часть населения. Наличие в ряде годовых отчетов выделения сумм, выплаченных за работу загородникам, жителям местечка Водзислав, коморникам⁵⁶, может быть истолковано как косвенное свидетельство того, что всякий раз, когда шла речь о найме работников на фольварки Водзиславского ключа, администрация его имела в виду именно *luźnych*, а поэтому и выделяла соответственно оплату принудительного найма своих крепостных. Предположение такого рода имеет известные основания, если учитывать многочисленность этой части населения Водзиславского ключа. Однако интересно сейчас само по себе не это, а совсем другое обстоятельство. Ведь если принять во внимание указанное предположение, то надо согласиться с тем, что плата за одинаковый дневной труд как своим крепостным, так и *luźnym* была одинаковой. В обоих случаях администрация придерживалась одной и той же таксы. А поскольку оплата труда *luźnych* не

⁵⁵ Ср. St. Śreniowski. Указ. соч., стр. 588—590.

⁵⁶ См., например, отчеты за 1776—1781 гг. 1789—1791 гг. (ЛФЦГИА, д. 108; лл. 46, 55, 66, 70, 84, 102, 113, 134; д. 114, лл. 54—55, 79).

отличалась почти ничем от оплаты принудительного найма собственных крепостных, нет возможности в данном конкретном случае отличать коренным образом наем *luźnych* от найма крепостных и квалифицировать первый как обычную наемную работу, а второй как принудительную. Вопрос этот заслуживает особенного внимания, и ниже придется к нему возвратиться в связи с проблемой использования имевшихся в Водзиславском ключе рабочих рук. Сейчас же важно подчеркнуть лишь то, что установление факта систематической эксплуатации владельцем ключа на фольварках труда *luźnych* помогает, как нам кажется, несколько расширить наше представление о причинах повышения урожайности зерновых на фольварках Водзиславского ключа.

Средняя урожайность основных зерновых культур в помещичьем хозяйстве ключа в отдельные годы довольно сильно колебалась⁵⁷. Отличия в степени урожайности на различных фольварках Водзиславского ключа выявились особенно резко после возвращения из посессии фольварков Зеленки и Клеменцице в 1789 г.

Администрации Водзиславского ключа не всегда удавалось определить урожайность зерновых. Так, в отчете за 1793/94 г. указывалось, что дать точные сведения об урожайности отдельных культур не представляется возможным⁵⁸. Политические события (восстание Т. Костюшко) нарушили нормальное развитие хозяйства и в этом имении. Следует отметить, что резкое падение урожайности в последующие годы было связано, по-видимому, не только с неблагоприятными природными условиями⁵⁹, но отчасти и с ущербом, нанесенным зерновому хозяйству в 1793—1795 гг. войной, восстанием 1794 г. и иностранной оккупацией. В то же время фольварки Клеменцице, Зеленки, Пломеньчик подверглись, очевидно, меньшему опустошению в военные годы. Поэтому на них не наблюдалось такого резкого падения средней урожайности, какое было характерным в последние годы XVIII в. для остальных фольварков. Правда, известную роль в объяснении имеющейся разницы в урожаях на отдельных фольварках Водзиславского ключа могли бы сыграть данные о том, какие почвы преобладали на каждом из фольварков. Но, к сожалению, такого рода сведений источники не дают.

На фольварках Водзиславского ключа, особенно в 1784—1793 гг., достигались очень высокие для того времени урожаи. В первую очередь это касается пшеницы. Нет необходимости преувеличивать значение тех улучшений, которые стремилась внести помещичья администрация в практику земледелия. И все же данные об урожайности позволяют заметить два интересных момента. В 1786—1789 гг., когда в целом в Польше отмечался неурожай⁶⁰, в Водзиславском ключе была достигнута наивысшая урожайность (в среднем за четыре года: рожь сам-6, пшеница — почти сам-9, ячмень — почти сам-8, овес — более сам-5). Во-вторых, сравнение средней урожайности, достигнутой в 1789—1792 гг. на фольварках, находившихся под управлением администрации Ланцкоронского, и на фольварках, которые были в 1781—1789 гг. в посессии, показывает, где земледелие было поставлено лучше. Урожаи на этих фольварках при прочих в основном равных условиях значительно отличались. На посессионных

⁵⁷ См. ЛФЦГИА, д. 108, 114, 125, 142.

⁵⁸ Там же, д. 125, л. 4.

⁵⁹ Неурожай в Польше в то время были явлением довольно частым. Некоторые из них были связаны с неблагоприятными климатическими условиями (например, в 1794—1795 гг.). См. St. Siegel. *Ceny w Warszawie w latach 1701—1815*. Lwów, 1936, str. 56 (введение).

⁶⁰ См. St. Siegel. Указ. соч., стр. 55.

фольварках хозяйство велось, очевидно, гораздо хуже. Только к 1792 г. эта разница в урожайности основных зерновых культур начинает стираться. Другим подтверждением того, что посессионные отношения нанесли большой ущерб помещичьему хозяйству, служит еще один пример. В 1796 г. владелец Водзиславского ключа граф А. Ланцкоронский, желая расширить посевные площади, а особенно лесные угодья этого своего имения, купил за 79 тыс. зл. деревню и фольварк Гневенцин, находившиеся в 8 км от Водзислава⁶¹. Указанный фольварк перешел, следовательно, от одного владельца к другому не в силу начала или окончания посессии и поэтому хозяйство в нем было поставлено неплохо. К сожалению, данных об урожайности за 1796 г. по этому фольварку нет, так как бывший его владелец П. Дембинский, составляя инвентарь своего имения перед его продажей, не указал в нем, сколько было израсходовано зерна на посев озимых в 1795 г. и яровых в 1796 г. За последующие годы урожайность основных зерновых культур на фольварке Гневенцин была следующей (в самах)⁶²:

	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес
1797	2,6	5,5	4	3,2
1798	4	5,3	4,5	3,7

Эти данные показывают, что урожай в среднем за 1797 и 1798 гг. на фольварке Гневенцин были не ниже, а даже выше, чем в Водзиславском ключе, и переход этого имения из одних рук в другие в результате купли-продажи не выявил такой большой разницы в уровне ведения зернового хозяйства, какая наблюдалась при возвращении фольварков из посессии.

Каким же путем помещичья администрация достигала получения хороших для того времени урожаев? Чтобы ответить на этот вопрос, не следует пренебрегать имеющимися сведениями об удобрении полей, пахоте, об уходе за посевами, уборке урожая и других сельскохозяйственных работах в Водзиславском ключе.

Основную часть полевых работ, несомненно, выполняли на фольварках крепостные крестьяне. Однако наряду с этим все шире применялся низкооплачиваемый труд *luźnych*, живших в Водзиславском ключе, жителей местечка Водзислав, а также безземельных и малоземельных крестьян (коморников и загородников). По нашим подсчетам, около четверти всех работ, требующих применения тягла (в первую очередь сюда относятся пахота, боронование), выполняли крепостные батраки (ратан и форнали), используя заведенную на фольварках производственно-техническую базу (в виде необходимого инвентаря и рабочего скота). Что касается сельскохозяйственных работ, не требующих применения тягла (например, жатва, молотба), то в начале 90-х годов, по нашим подсчетам, около трети их, если не больше, выполнялось людьми, трудившимися на фольварках за плату, определяемую владельцем имения или его администрацией. Указанные явления играли важную роль в помещичьем хозяйстве Водзиславского ключа. Фактически нельзя было уже представить себе фольварочное производство, тесно связанное с рынком, без применения наряду с барщиной низкооплачиваемого труда *luźnych*, жителей местечка, а также беднейшей части крепостного населения деревень.

⁶¹ ЛФЦГИА, д. 1, л. 99; д. 125, л. 29. В 1827 г. к фольварку Гневенцин относилось около 1200 моргов земли, из которых 680 моргов занимал лес (S. Borkiewicz, Z. Linowski. *Monografia historyczna i gospodarcza powiatu Jędrzejowskiego*. Kielce, 1937, стр. 31).

⁶² Данные из отчетов за 1797/98 и 1798/99 гг. (см. ЛФЦГИА, д. 125, л. 57; д. 142, л. 1).

Малопроизводительной барщины в 80-х—90-х годах XVIII в. явно не хватало для того, чтобы своевременно и как следует выполнить необходимые сельскохозяйственные работы. Поэтому повсюду рядом с крепостным, отбывающим свою повинность, работал уже человек, получающий за свой труд плату. Когда речь идет о работе за плату крепостных того же помещика, такой наем обычно квалифицируется как принудительный. Даже в отношении жителей местечка Водзислав такого рода наем можно называть условно принудительным. По-другому, казалось бы, должно было обстоять дело с наймом работников из такой категории, как *luźni*, поскольку формально они не являлись крепостными данного помещика. Элемент принудительности в отношении этой части наемников выступал формально лишь в том, что плату за их труд определял землевладелец. Однако практически *luźni*, находясь в том или ином помещичьем имении, попадали полностью под юрисдикцию его владельца.

Проблема использования в фольварочном хозяйстве труда *luźnych* встала еще на заре его развития. Петровский статут 1496 г. разрешал шляхте привлекать *luźnych* к работе в своих имениях на основе найма, носившего принудительный характер⁶³. Польские землевладельцы широко пользовались этим своим правом.

В XVII в. безземельная фольварочная челядь также стала рассматриваться как крепостная независимо от того, какого происхождения были эти люди. Феодальное право позволяло каждому шляхтичу хватать *luźnych* и прикреплять их к земле. И все же *luźni* были продуктом разложения феодального строя. Шляхта никогда не могла в конечном счете втиснуть эту категорию в рамки обычных традиционных крепостнических отношений, несмотря на стремление ограничить свободу передвижения *luźnych* путем введения, например, свидетельства об уходе (*abszyt*), без которого нельзя было наняться в другом месте⁶⁴. Во второй половине XVIII в. положение *luźnych* в этом отношении не изменилось. Помещики по-прежнему стремились в принудительном порядке превратить их в постоянную рабочую силу на фольварках. С этой целью использовалась паспортная система. Все это позволяло помещику как «работодателю» регулировать по своему усмотрению отношения с такого рода работниками. В этом проявлялось стремление каждого помещика в какой-то мере осуществить свое сословное право неполной собственности на непосредственного производителя.

Выяснение правового статуса *luźnych* дает возможность лучше понять факт, о котором выше уже говорилось, — наличие по существу одинаковой платы труда по найму *luźnych* и своих крепостных в Водзиславском ключе. Администрация последнего, опираясь на существующее в стране законодательство, рассматривала всех этих людей (как *luźnych* и жителей местечка, так и своих обезземеленных и малоземельных крестьян, уже отбывших инвентарную недельную барщину) как дополнительный резервуар необходимой для фольварков рабочей силы и принуждала их работать на таких условиях, которые она сама назначала (в виде определенной таксы оплаты такого труда). В этом смысле наем *luźnych* также не был в изучаемое время полностью свободным и может трактоваться в известной мере как принудительный. Такое утверждение, если иметь в виду помещичье хозяйство Водзиславского ключа, подтверждается в какой-то степени тем, что не удалось за вторую половину XVIII в. обнаружить ни

⁶³ Z Kaczmarczyk, B. Leśnodorski. Historia państwa i prawa Polski, cz. II. Warszawa, 1957, str. 55.

⁶⁴ Там же, стр. 182, 183, 248, 252, 398, 483.

одного документа, который давал хотя бы косвенные основания для того, чтобы рассматривать принудительный наем своих крепостных просто как разновидность отработочной ренты⁶⁵.

В конкретных условиях Водзиславского ключа принудительный наем своих крепостных сблизился настолько с наймом *luźnych* (одинаковая оплата труда тех и других), что трудно отличить одну форму найма от другой. Можно скорее говорить о том, что в обоих случаях мы имеем дело не со свободным наймом, а с наймом, в той или иной степени отягощенным элементами внеэкономического принуждения. Конечно, при найме своих крепостных фактор принудительности играл, по-видимому, более значительную роль, чем при найме *luźnych*. Вместе с тем нельзя переоценивать эту разницу, учитывая, что и *luźni* также находились под гнетом существующего в стране сословного неравенства, что не могло не отражаться на их отношениях с помещиками, выступавшими в роли «работодателей». Элемент внеэкономического принуждения особенно ярко проявлялся при расчетах с наемными работниками обеих категорий. Пользуясь крепостной зависимостью одних (своих крестьян) и безвыходным положением других (*luźnych*), помещицы администрация всеми способами стремилась урезать и без того мизерную оплату их труда. Сведения о такого рода злоупотреблениях служащих попадали иногда на страницы документов. Так, в замечаниях по делу бывшего генерального комиссара имений графа М. Ланцкоронского Л. Осинского, составленных 2 июня 1766 г., указывалось, что наихудшая монета использовалась по распоряжению Осинского для выплаты беднякам, которые таким образом притеснялись. Среди последних перечисляются люди, нанмававшиеся на строительные работы, на уборку урожая и т. д. Им платили за труд такой неходовой монетой, что они с трудом могли на полученные деньги купить кусок хлеба⁶⁶. Через десять лет управляющий Водзиславского ключа Я. Марчевский, по свидетельству писаря того же ключа Ковальского, «великие кривды учинил людям» при расчете за заработанные ими дни (1776 г.). Когда присяжный (выборный от крестьян) сказал об этом, Марчевский жестоко его избил и принудил крестьян молчать во время опроса их писарем. В денежном отчете по ключу за 1776 г. Марчевский указал, что на наем работников на жатву было израсходовано около 877 зл. Крепостные же заявили, что они указанной суммы не получили, поскольку среди них «нет того человека, который бы не понес ущерба от него» (т. е. от Марчевского)⁶⁷. При проверке выяснилось, что последний занимался подделкой квитанций и т. д., а когда был смещен со своей должности, не хотел в течение двух с половиной месяцев представить отчет о своем управлении Водзиславским ключом⁶⁸. Характерно, что личный секретарь графа М. Ланцкоронского Ю. Войцеховский, проверявший правильность отчета, составленного Марчевским, не обратил на это никакого внимания и признал отчет в этой части правильным⁶⁹. Этот интересный факт сохра-

⁶⁵ Так трактуется принудительный наем, например, Я. Рутковским (см. J. Rutkowski. *Studia...* str. 229), а также современными польскими исследователями Х. Мадурович и А. Подразой (см. «*Studia z dziejów wsi Małopolskiej*», str. 143). А. Фальневская считает принудительный наем скрытой формой барщины, ничем почти от нее не отличавшейся (там же, стр. 204, 219). Мало чем отличался от барщины принудительный наем и по мнению Е. Топольского (см. J. Topolski. *Położenie i walka klasowa chłopów w XVIII w. w dobrach arcybiskupstwa Gnieźnieńskiego*. Warszawa, 1956, str. 186), но он связывает его с ростом товарно-денежных отношений.

⁶⁶ ДФЦГА, д. 104, лл. 160, 199, 218.

⁶⁷ Там же, 108, лл. 55, 70.

⁶⁸ Там же, лл. 57, 69.

⁶⁹ Там же, лл. 68, 71.

нился только благодаря заметкам писаря Ковальского, сделанным им на отчете после бурной стычки, которая произошла между ним и Марчевским⁷⁰.

Вопрос о сущности принудительного найма в исторической литературе до сих пор еще полностью не выяснен⁷¹. Польский историк С. Сьреневский, указывая, что в условиях барщинного фольварка не всегда удастся ясно понять, имеешь ли дело с принудительным наймом или с обычной отработочной рентой, призывал изучать конкретные условия, в которых землевладельцы прибегали к принудительному найму⁷². Мнение советских полонистов изложено в «Истории Польши». Здесь говорится, что обезземеленные и малоземельные крестьяне вынуждены были искать работу у помещиков. Последние, пользуясь положением этой части крестьян и своей властью над ними, принуждали их работать за низкую плату на фольварках. Этот вид найма квалифицируется авторами этого раздела «Истории Польши» О. Е. Ивановой и Д. Л. Похилевичем как носивший чисто феодальный характер; они называют его кабальным наймом⁷³, хотя речь идет о такой категории производителей, которые оставались крепостными. Вместе с тем Д. Л. Похилевич в другом разделе того же издания пишет, что в связи с применением наемного труда разорившихся и обездоленных крестьян помещики должны были заводить свой инвентарь и рабочий скот. Далее он высказывает интересную мысль о том, что применение даже принудительного, крайне низкооплачиваемого найма заставляло помещика заботиться об улучшении орудий труда, приемов земледелия, сортов семян и т. д., чтобы повысить производительность труда батраков, которым платили⁷⁴. Однако, переходя к вопросу об удельном весе наемного труда в сельскохозяйственном производстве второй половины XVIII в., Д. Л. Похилевич фактически соглашается с мнением, которое разделялось в свое время Я. Рутковским, о том, что наемный труд меньше всего применялся в полеводстве. Этот тезис на примере хозяйства Водзиславского ключа не находит подтверждения. Большая часть найма *luźnych* и своих крепостных на фольварках этого ключа использовалась именно на сельскохозяйственных работах⁷⁵.

Выше уже было указано, что в Водзиславском ключе оплата труда при найме *luźnych*, жителей местечка и крепостных крестьян ничем не отличалась, и практически можно рассматривать труд тех и других в данном случае как явление одного порядка.

В польской исторической литературе несколько лет тому назад была высказана, на наш взгляд, правильная мысль о том, что халупников и коморников, работавших по принудительному найму, следует рассматривать по отношению к наемным рабочим как группу переходную⁷⁶. Во втором томе «Истории Польши», издаваемой Институтом истории ПАН, подчеркивается также связь принудительного найма с характерным для

⁷⁰ Там же, л. 57.

⁷¹ См. В. Baranowski. Z dziejów antyfeudalnych ruchów chłopskich na Podlasiu. Warszawa, 1953, str. 151.

⁷² St. Sreniewski. Указ. соч., стр. 588.

⁷³ «История Польши», т. 1, изд. 2, стр. 302, 346; см. также В. О. Маркина. До питания застосування найманої праці..., стр. 100. Автор рассматривает принудительный наем в условиях господства феодальной собственности на землю как разновидность барщины (там же, стр. 108).

⁷⁴ «История Польши», т. 1, стр. 350, 351.

⁷⁵ Если добавить сюда работу, выполняемую ратаями и форналями, то доля наемного труда в полеводстве возрастет еще больше.

⁷⁶ J. Wiśniewski. Przesłanki tworzenia się układu kapitalistycznego w rolnictwie zachodnio-pomorskim w w. XVIII. — «Kwartalnik historyczny», t. LXI, № 4, str. 127, 128.

нисходящей стадии феодализма процессом превращения безземельных и малоземельных крестьян в фольварочную челядь, находящуюся на иждивении помещика⁷⁷.

Так как в хозяйственной отчетности Водзиславского ключа плата за *dni zarobne* своим крепостным в ряде случаев выделена, можно считать, что основную часть работ по найму выполняли не крепостные, находившиеся в данный момент в ключе. Эта мысль находит подтверждение и в том, что *luźni* составляли весьма значительную часть населения Водзиславского ключа (по переписи 1789 г., около трети всего трудоспособного польского населения). Однако вряд ли все работы по найму за те годы, в которые плата за *dni zarobne* загородникам и коморникам не фигурирует в денежных отчетах управляющих Водзиславского ключа, производились одними только *luźnymi*. Мы вправе сомневаться в этом хотя бы потому, что в одном из документов есть весьма интересная запись, имеющая прямое отношение к разбираемому вопросу. В инвентаре Водзиславского ключа за 1743 г. относительно повинностей коморников между прочим, говорится, что они обязаны работать один день в неделю, а если пойдут работать за деньги, то им надлежит платить как чужим⁷⁸. Следовательно, в данном случае наем этой части крепостных рассматривался как наем чужих. Надо полагать, что позднее этот принцип остался в силе и получил большее распространение. Вряд ли такая запись в инвентаре могла быть случайностью. Возьмем другой факт. В письме, написанном, по-видимому, между вторым и третьим разделами Речи Посполитой одним из служащих, распоряжавшимся в имениях графа Ланцкоронского Мотковице, Клишов и Кише, расположенных недалеко от Водзиславского ключа, сообщалось, что сенокос и уборка зерновых еще не проводились в связи с проходом иностранных войск. «Жатву на этой неделе хочу начать, — пишет этот служащий, — если люди захотят выходить за деньги». Хотя приведенный факт относится к тому времени, когда хозяйство оказалось не совсем в обычных условиях («почти никакой барщины за шесть недель люди не отработывали», — сообщалось в том же письме), характерна сама мера, предлагаемая для спасения урожая⁷⁹. Помещичий служащий по опыту прошлых лет знал, каким образом удавалось своевременно убирать зерновые при нехватке барщины, и поэтому в более сложных условиях стремился использовать тот же способ привлечения крепостных на работы за плату.

Зерновое хозяйство составляло главный предмет повседневных забот помещичьей администрации. Чтобы добиться получения хорошего урожая хлебов, служащим Водзиславского ключа вменялось в обязанность следить за тем, чтобы господские земли обрабатывались как можно лучше и своевременно. В инструкции, данной генеральным комиссаром имений графа А. Ланцкоронского Ю. Войцеховским в октябре 1797 г. управляющему (эконому) Водзиславского ключа, говорилось о необходимости повысить урожайность зерновых, весьма низкую в последние годы⁸⁰. Действительно, урожайность за 1794—1797 гг. была значительно ниже уровня, достигнутого до 1793 г.

Повысить урожайность зерновых культур можно было, во-первых, путем удобрения пахотных угодий. В сохранившихся документах о хозяйстве Водзиславского ключа нет прямых данных о том, под какие культуры и в какое время поля унавоживались. Но это отнюдь не является свидетельством того, что такая мера не проводилась. Вывозом навоза на поля с гос-

⁷⁷ «Historia Polski», t. II, cz. I, Warszawa, 1958, str. 125.

⁷⁸ ЛФЦГИА, д. 97, л. 2.

⁷⁹ Там же, д. 87, л. 15.

⁸⁰ Там же, д. 139, л. 2.

подских скотных дворов занимались, очевидно, постоянные крепостные работники (ратаи и форналы). Основную часть этой важной работы выполняли, однако, кметы в счет недельной тяглою барщины. В годовые отчеты, естественно, не могли быть включены сведения о том, на каких именно работах отбывали крепостные крестьяне свои барщинные повинности. Поскольку мы не располагаем (за некоторыми исключениями) также инвентарями Водзиславского ключа за середину и вторую половину XVIII в., воспользуемся данными инвентарей других имений, принадлежавших Ланцкоронскому. Например, в инвентаре деревень Бискупиче и Злота (Западная Галиция), составленном 25 апреля 1743 г., было записано, что каждый из кметов обязан посылать двух работников на вывозку навоза своим тяглом. Для разбрасывания навоза на господских полях каждое кметское хозяйство также должно было присылать двух своих батраков⁸¹. В инвентаре дер. Домославице (Западная Галиция), также принадлежавшей Ланцкоронскому, составленном в апреле 1760 г., тоже была указана кметская повинность вывозить навоз на барскую запашку своим тяглом⁸². Еще более подробная запись об этой обязанности кметов содержится в инвентаре малого фольварка Дембно от 24 марта 1757 г. В нем говорится, что для вывоза навоза на фольварочную пашню каждый из шести кметов имения должен приезжать с тройкой или четверкой хорошего тягла, с соответствующими (т. е. пригодными для такого рода работы) повозками и орудиями труда. Кроме того, кмет или присылаемый им вместо себя работник должен быть не один, а с хлопцем или девкой для накладки навоза на телегу⁸³. Вряд ли в Водзиславском ключе положение в этом смысле чем-либо отличалось. Нет оснований думать, что кметы здесь были освобождены от такой повинности. В условиях, когда фольварочное хозяйство все теснее связывалось с рынком, а крепостнические отношения продолжали сохраняться, происходило не ослабление, а усиление феодального гнета, увеличение, в частности, отработочной ренты.

Навозом удобрялись, очевидно, в первую очередь поля, засеявшиеся озимыми, в частности пшеницей. На работах по удобрению пахотных земель также использовался низкооплачиваемый наемный труд. По таксе за день работы по разбрасыванию навоза на полях в 90-х годах XVIII в. обычно платили наемникам по 8 гр. Упоминания о найме людей для выполнения такого рода работы встречаются в хозяйственном отчете за 1791/92 г.⁸⁴, но здесь оплата его еще не выделена. В отчете за 1792/93 г. указано, что за разбрасывание навоза на господских полях наемникам платили по 8 гр. При этом указанная работа в отчете объединена с работой по расчистке лугов, день которой оценивался также в 8 гр. Всего на оплату найма на тот и другой вид сельскохозяйственных работ администрация Водзиславского ключа затратила в первой половине 1793 г. 13 зл. 26 гр. (т. е. уплатила за 52 дня найма)⁸⁵.

В отчете за 1793/94 г. снова фигурируют расходы по найму людей для разбрасывания навоза⁸⁶. В упоминавшемся выше письме одного из служащих из Мотковского, Клишовского и Кийского ключей (середина

⁸¹ Там же, д. 61, лл. 18—19. То же самое говорилось в инвентаре указанных деревень за 1741 г. (д. 62, л. 63).

⁸² ЛФЦГИА, д. 64, л. 7.

⁸³ Там же, д. 317, л. 34. По инвентарю Дембинского ключа от 25 октября 1741 г. кметы должны выезжать на вывоз навоза на паре волов (см. д. 310, л. 21).

⁸⁴ ЛФЦГИА, д. 114, л. 114.

⁸⁵ Там же, л. 142.

⁸⁶ Там же, д. 125, л. 25.

90-х годов XVIII в.) среди сельскохозяйственных работ, о которых сообщает этот служащий, упомянут и вывоз навоза. Письмо было написано в летнюю пору, незадолго до жатвы, скорее всего во время сенокоса, поскольку автор письма уделяет много внимания вопросу организации сенокоса. Служащий пишет, что навоз в Кийях совсем еще не вывезен, как и на одном из фольварков Мотковицкого ключа (Вулька). В Клишовском ключе с вывозом его дело обстояло значительно лучше, хотя и здесь на фольварке Борчин такие работы не проводились, а в Клишове навоз вывезен только из овчарни и стойла волов, а на скотном дворе остался. В Мотковицах, по словам служащего, навоз был вывезен только с пивоварни и то не весь⁸⁷. Это письмо позволяет судить о том, когда и откуда в первую очередь вывозили естественные удобрения на господские поля. Главным источником их были скотные дворы, конюшни и овчарни при фольварках, а также при пивоваренных и винокуренных заведениях, где отходами производства откармливался скот (преимущественно выбракованные волы) на продажу. Основная часть работ по вывозке навоза падала, по-видимому, на весенне-летний период, поскольку удобрялись в первую очередь поля, засеваемые озимыми. Автор упомянутого выше письма недаром был обеспокоен тем, что приближаются осенние полевые работы, а вывозка навоза на фольварочные поля еще не закончена.

В случае необходимости навоз даже покупали. В 1797/98 г. продавал, например, навоз на фольварк со своего двора в Гневенцине шляхтич Яновский⁸⁸.

В 1796/97 хозяйственном году на наем людей при вывозке навоза была также затрачена некоторая сумма денег, выделить которую из других расходов на наем работников, к сожалению, не представляется возможным⁸⁹.

В следующем, 1797/98 г. сумма, израсходованная на наем людей для вывозки навоза, уже выделена. Всего было оплачено 24 дня такой работы по 8 гр. за каждый⁹⁰. В 1798/99 г. при перечислении работ, на которые привлекались наемники, также упомянуто разбрасывание навоза на господских полях⁹¹.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что на удобрение полей под посевы в Водзиславском ключе обращалось соответствующее внимание. К этой работе ввиду недостатка барщины постоянно привлекались (особенно в 90-х годах XVIII в.) наемники. Администрации предпринималось в этом отношении использовать все имеющиеся возможности. Так, в одном из параграфов инструкции, данной эконому ключа в 1797 г., было указано на необходимость сохранять навоз, являющийся основным удобрением для фольварочных полей. Эконом должен был следить за тем, чтобы шинкари отбросов никому не продавали и не отдавали. При шинках, пивоварнях, винокурнях, заезжих дворах были конюшни, скотные дворы, и скапливавшийся здесь навоз должен был вывозиться на господские поля. Чтобы сохранять навоз в овчарнях, та же инструкция предписывала систематически производить в кошарах подстилку из земли или соломы. Кроме того, эконом должен был позаботиться о том, чтобы гурты овец и кошары регулярно передвигались с одного места на другое для увеличения возможности удобрять таким образом пахотные земли. Диспозиторы (управляющие на фольварках) с той же целью обязаны были записывать, какие поля и когда были удобрены как путем вывоза на них навоза, так

⁸⁷ ЛФЦГИА, д. 87, л. 15.

⁸⁸ Там же, д. 125, л. 75.

⁸⁹ Там же, л. 51.

⁹⁰ Там же, лл. 73—74.

⁹¹ Там же, д. 142, лл. 19—20.

и путем размещения на них овечьих гуртов летом. Инструкция 1797 г. содержит детальные указания и относительно своевременного запахивания вывезенного и разбросанного на полях навоза⁹².

Серьезное внимание обращалось на своевременное проведение пахоты как под яровые, так и под озимые. Хотя в изучаемое время основную часть пахоты поднимали своим тяглом кметские хозяйства, тяглой барщины уже не хватало для того, чтобы возможно быстрее провести эти полевые работы. Рядом с кметами или присылаемыми ими работниками в 70-х—90-х годах постоянно выполняли часть работ на пахоте фольварочные челядники—ратаи (или паробки плужные) и форналы. Фольварки не могли уже обойтись без дворских плугов⁹³. Однако появление на фольварках среди челяди работников, связанных непосредственно с полевыми работами, объяснялось не только недостатком тяглой барщины. Фольварочное производство в таком хозяйстве, каким являлся Водзиславский ключ, было рассчитано на то, чтобы выбрасывать ежегодно на рынок возможно большее количество сельскохозяйственной продукции (особенно зерна). Интенсифицировать в этих условиях свое хозяйство владелец имения мог, лишь прибегая к использованию новых по сравнению с традиционной барщиной форм эксплуатации непосредственного производителя. Товарное производство неизбежно вело к проникновению товарно-денежных отношений в помещичье хозяйство. Этот процесс был очень длительным, поскольку производство на фольварках хлеба на продажу не было во второй половине XVIII в. чем-то новым. В этот период на примере таких крупных хозяйств, каким был Водзиславский ключ, можно исследовать уже известные результаты длительной практики производства сельскохозяйственных продуктов на рынок. Появление и постоянное воспроизведение в постепенно увеличивающемся масштабе собственной производственно-технической базы на фольварках и было одним из результатов воздействия рыночных связей на помещичье хозяйство. Последнее не могло уже обходиться производственными возможностями имевшихся крестьянских хозяйств, если хотело увеличивать товарное производство сельскохозяйственных продуктов. Владелец его стал постоянно вкладывать в производство часть средств, получаемых от продажи продуктов, используя эти средства на приобретение и восстановление сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, на оплату труда фольварочной челяди, работающей этим инвентарем, а также на наем работников как из числа своих крепостных, так и *luźluch* и жителей местечка.

В 1792/93 г. в Водзиславском ключе насчитывалось шесть форналей и семь ратаев⁹⁴, а в 1797/98 г. было уже восемь форналей и 11 ратаев⁹⁵. Увеличение числа этих постоянных работников на фольварках было связано с нуждами помещичьего хозяйства. Организация труда крепостных батраков была подчинена одной цели: обеспечить наибольший эффект от их эксплуатации. Инвентари, как известно, указывали порядок отработки кметами тяглой барщины. В инвентаре фольварка Сельце от 24 июня 1763 г., например, говорилось о том, что кметы выезжали пахать господское поле четверкой тягла или шестеркой с надлежащим плугом, причем установлена была дневная норма выработки (по чернозему 30 загонов по четыре борозды в каждом загоне, а по песчаным почвам 50 таких же

⁹² ЛФЦГИА, д. 139, л. 4.

⁹³ К такому же выводу пришел А. И. Баранович, изучая магнатское хозяйство южной Волыни XVIII в. (А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 67).

⁹⁴ ЛФЦГИА, д. 114, л. 121—123.

⁹⁵ Там же, д. 142, л. 2.

загонов)⁹⁶. Исходя из этого, администрация Водзиславского ключа заботилась о том, чтобы ратаи (паробки плужные) располагали не менее чем четверкой волов и соответствующими орудиями труда (плугами и т. п.).

В том же инвентаре говорилось, что кметы, если пашут господское поле сохой, то обязаны также бороновать его на паре коней. Форналы, проводившие боронование, обеспечивались четверкой лошадей, боронами, перевозочными средствами.

В каждом годовом отчете управляющий Водзиславского ключа информировал своего помещика о том, что было сделано за прошедший хозяйственный год для обеспечения ратаев и форналей хорошим рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Так, в 1798/99 г. на фольварках Водзиславского ключа насчитывалось 32 форнальских коня, причем за год было заменено не меньше половины их (было куплено для замены старых коней кметских и форнальских 25, а продано и пало из прежнего поголовья 18)⁹⁷. Рабочих волов у ратаев на фольварках было в том же году 47. За год было куплено 84 вола, из них 26 специально для вновь посаженных на землю крепостных. Так как за год было продано и пало всего 10 волов, надо полагать, что были заменены почти все вола, на которых работали ратаи⁹⁸. В 1798/99 г. было куплено поковочного железа на 665 зл. Оно было использовано, в частности, для ремонта борон восьми форналей, плугов восьми ратаев, а также на ремонт плугов, телег и борон крепостных крестьян⁹⁹. В то же время администрация приобрела за год на 330 зл. различного инвентаря, необходимого в хозяйстве (сошники, косы, 34 лемеха, цеп для молотбы, боронные гвозди и т. д.) Этот инвентарь был использован для пополнения орудий труда форналей (ремонт борон) и ратаев (оснащение деревянных плугов железными лемехами). Кроме того, крепостным крестьянам, отбывающим тяглую барщину, было роздано 16 лемехов и 21 сошник¹⁰⁰. Число таких примеров можно без труда умножить, пользуясь сведениями отчетов за другие годы.

Из отчета за 1798/99 г. видно, что фольварочное хозяйство обслуживалось значительным числом ремесленников (колесник, слесари, кузнецы, шорник, кожевник, коновал, а также столяры, плотники, каменщики, кирпичных дел мастеров, бондари и т. д.). За год им было выплачено всего около 5,9 тыс. зл. (сюда входит частично плата за материал, например стекольщикам за стекло, а также оплата наемников из числа крепостных, помогавших каменщикам, пильщикам, плотникам на строительстве)¹⁰¹. Кроме того, в 1798/99 г. было куплено инвентаря для крепостных и на фольварки на 940 зл. (телеги, упряжь, бороны, корзины тележные, сохи, 39 деревянных плугов для ратаев и новых полурольников и т. д.)¹⁰². Таким образом, администрация ключа стремилась обеспечить вполне пригодным инвентарем не только всех имевшихся на фольварках работников, но и своих крепостных крестьян, чтобы те и другие работали на господских полях исправным инвентарем.

По сравнению с крестьянами, отбывающими на фольварках барщинную повинность и совершенно экономически не заинтересованными в ее выполнении, ратаи и форналы, получавшие плату за свой труд, в какой-то степени были заинтересованы в нем. И поскольку администрация обеспе-

⁹⁶ ЛФЦГИА, д. 105, л. 3.

⁹⁷ Там же, д. 142, л. 9.

⁹⁸ Там же, л. 10.

⁹⁹ Там же, л. 12.

¹⁰⁰ Там же, л. 13.

¹⁰¹ Там же, лл. 20—23.

¹⁰² Там же, л. 19.

чивала эту часть постоянной рабочей челяди фольварков лучшим инвентарем, а рабочий скот, которым она пользовалась при полевых работах, был лучше крестьянского, можно предполагать, что производительность труда ратаев и форналей в какой-то степени превышала производительность барщинного. Конечно, прямых фактов, убедительно свидетельствующих об интенсивности труда фольварочных работников, занятых в земледелии, нет. Однако помещичье хозяйство было крайне заинтересовано в труде ратаев и форналей.

В 90-х годах XVIII в., как и в 70-х—80-х годах, годовая ординария и денежное жалованье этой части челяди были значительно больше того, что получали за свой труд постоянные работники, занятые, например, в животноводстве¹⁰³.

Имеющиеся по Водзиславскому ключу сведения не дают, к сожалению, возможности более детально судить о том, какое место занимал в помещичьем хозяйстве труд ратаев и форналей, какая часть полевых работ выполнялась ими. По нашим подсчетам, из работ, требующих применения тягла, в Водзиславском ключе на долю форналей и ратаев в 80-х—начале 90-х годов XVIII в. могло приходиться не менее $\frac{1}{5}$, если принимать во внимание только инвентарную тягловую барщину кметов и полурольников.

Как уже отмечалось выше, имея на фольварках инвентарь и рабочий скот и постоянных оплачиваемых работников, администрация, по-видимому, могла, комбинируя труд последних с тяглой барщиной крепостных, более своевременно проводить пахоту, боронование, а следовательно, и посев зерновых, что безусловно сказывалось на урожайности, если климатические условия были более или менее благоприятными. Эконому Водзиславского ключа было в 1797 г. предписано следить за подбором людей в состав рабочей челяди на фольварках. Если эти люди хорошо подобраны, гласила инструкция, они исправно ведут порученное им дело¹⁰⁴. Относительно рабочего скота (плужных волов) та же инструкция указывала, что их следует ежегодно на день св. Михаила (осенью) выбраковывать и всех негодных перегонять в соседний Мотковицкий ключ для откорма и последующей продажи. Вместе с тем эконом должен был следить за отбором молодняка, чтобы скот на фольварках всегда был хороший. Кроме того, в обязанность администрации входило наблюдение за порядком использования рабочего скота на фольварках. Один из пунктов инструкции 1797 г. запрещал впрягать коней в повозки и телеги, которые предназначались для перевозок на волах. Последних предписывалось ежедневно менять (то же относилось и к плужным волам)¹⁰⁵. Исполнение этих указаний способствовало сохранению на фольварках тягла, без которого нельзя было эксплуатировать труд ратаев и форналей на сельскохозяйственных работах.

Форналы и ратаи, использовавшие в процессе производства помещичий живой и мертвый инвентарь и получавшие натуральную и денежную плату за свой труд, представляли собою таких непосредственных производителей, которые в отличие от обычного крестьянина не имели своего частного хозяйства и находились целиком на содержании помещика. Такое явление, превратившись из спорадического в постоянно воспроизводимое, выходило за рамки обычных отношений, наблюдаемых в эпоху феодализма. Это явление было тесно связано с развитием товарного производства и

¹⁰³ АФЦГИА, д. 125, лл. 4—5, 31—32, 58.

¹⁰⁴ Там же, д. 139, л. 2.

¹⁰⁵ Там же, лл. 3, 7, 10.

в конечном счете стало одним из элементов разложения феодальной системы хозяйства. Появление на фольварках своей производственно-технической базы и группы постоянных оплачиваемых работников было, таким образом, зародышем новой организации помещичьего хозяйства, которая получила свое дальнейшее развитие в буржуазную эпоху. Но в конкретных условиях второй половины XVIII в. указанную форму эксплуатации непосредственных производителей помещик рассматривал как одно из средств преодоления последствий начавшегося разложения феодальных отношений. Используя эту новую форму в сочетании с усиленной крепостнической эксплуатацией крестьян, крупный землевладелец стремился предотвратить разорение своего хозяйства путем постепенного перевода его на низкооплачиваемый наемный труд. И действительно, если взять помещичье хозяйство Водзиславского ключа, оно во второй половине XVIII в., несмотря на развивавшийся в нем, как и во всей стране, процесс распада феодальных отношений, продолжало расширять свои хозяйственные связи с внешним миром, добывалось нередко высоких урожаев, увеличивало запашку. Такое положение служит одним из доказательств того, что в новых условиях путем использования труда непосредственных производителей за плату, хотя бы и самую мизерную, помещичья администрация, несомненно, добивалась в отдельных случаях некоторого повышения производительности труда в сельском хозяйстве. В Водзиславском ключе это находило свое отражение главным образом в достижении, особенно в 1784—1793 гг., весьма высокой урожайности зерновых культур.

Интересно и другое явление, связанное с выполнением на фольварках полевых работ. К концу XVIII в. в помещичьем хозяйстве Водзиславского ключа применялся уже и сезонный наем на пахоту. Последний мог быть использован только потому, что на фольварках был уже свой живой и мертвый инвентарь. Если эксплуатация постоянной фольварочной челяди (ратаев и ферналей) была связана с переводом части крестьян, лишившихся своего хозяйства, на положение крепостных батраков, дворовой рабочей челяди, находящейся на содержании у помещика, то эксплуатация сезонных работников была в этом смысле некоторым шагом вперед в организации фольварочного производства. Прибегая к использованию сезонного найма, помещичья администрация получала возможность в нужный момент, располагая необходимым инвентарем и тяглом, сосредоточивать большее количество рабочих рук там, где это требовалось в каждый данный период полевых работ.

Во время проведения пахоты в помощь ратаям и ферналям привлекались в 70-х—начале 90-х годов погоничи, получавшие за свой труд питание, одежду, иногда некоторое количество денег¹⁰⁶. В отчете за 1792/93 г. среди расходов на наем работников выделена оплата 11 дней (по 12 гр. за каждый) на пахоте и в помощь ферналям¹⁰⁷. В 1797/98 г. наемники отработали 20 дней за ферналей, получив за каждый день работы по 12 гр. В то же время на пахоте, а частично на межевых работах фольварочными плугами было за тот же год отработано за плату 124 дня (по 15 гр. каждый)¹⁰⁸. В 1798/99 г. за больших фольварочных работников наемниками было отработано 102 дня (плата по 12—15 гр. за день); кроме работ на пахоте, сюда включен также наем помощников ферналям. Кроме того, наемники отработали за указанный год на пахоте, используя фольварочный инвентарь, 45 дней (по 12—15 гр. за каждый)¹⁰⁹. Вряд ли

¹⁰⁶ ЛФЦГИА, д. 108, лл. 60, 102, 121; д. 114, л. 114.

¹⁰⁷ Там же, д. 114, л. 142.

¹⁰⁸ Там же, д. 125, лл. 73—74.

¹⁰⁹ Там же, д. 142, лл. 19—20.

в приведенных случаях мы имеем дело хотя бы частично с наймом крестьян, выезжавших на работу со своим тяглом и инвентарем. В отчетах, особенно за 90-е годы XVIII в., ясно оговаривается, что полевые работы наемники производили не своим инвентарем, а помещичьим. Предположение о найме этих работников со своим тяглом отпадает, поскольку день такой работы оплачивался по 12—15 гр. и, следовательно, не превышал оплату дня пешей барщины¹¹⁰.

На полевых работах с использованием фольварочного тягла и инвентаря работали, по-видимому, в счет барщины и загородники. Об этом есть данные в отчете за 1796/97 г., где указано, что загородники дер. Клеменцице с 1 апреля до 24 июня 1797 г. работали на господских полях плугом¹¹¹, используя, возможно, частью свой, а частью помещичий живой и мертвый инвентарь. Таким образом, администрация ключа стремилась использовать все имеющиеся у нее возможности для своевременного проведения пахоты и сева зерновых¹¹², от которого во многом зависело и получение хорошего урожая. А хороший урожай зерновых давал помещику возможность увеличивать количество зерна, вывозимого как на внешний, так и на внутренний рынок.

Одним из средств получения хороших урожаев является, как известно, проведение сева не только своевременно и в сжатый срок, но и применение для посева качественного зерна. В договоре о сдаче в посессию дер. Сельце от 24 июня 1763 г. говорилось, что сев на фольварке должен производиться хорошо очищенным зерном. Если в ключе не хватало добротного посевного материала, его покупали или привозили из других имений. Так, в 1756—1758 гг. был куплен для посева овес, а в 1763—1765 гг. на покупку 210 четвертей ржи на посев в Водзиславском и соседних с ним ключах (Клишовском и Кийском) было затрачено, по сведениям, представленным генеральным комиссаром имений графа М. Ланцкоронского Л. Осинским, почти 2,5 тыс. зл.¹¹³ В 1775 г. на посев озимой пшеницы в Водзиславском ключе было куплено 50 корцев зерна (на 900 зл.)¹¹⁴. Почти ежегодно, особенно в 80-х—90-х годах XVIII в., приходилось покупать или завозить из других ключей овес, так как собственного на фольварках явно не хватало для удовлетворения внутренних потребностей. Вполне возможно, что какая-то часть купленного овса шла на посев, но установить это по имеющимся документам почти невозможно. Впрочем, в годовых отчетах обычно отмечалось, для каких нужд приобреталось то или иное количество зерна. Никаких указаний на то, что овес покупали специально для посева, в отчетах за 70-е—90-е годы XVIII в. нет, и поэтому трудно судить, какая его часть могла быть использована в качестве посевного материала¹¹⁵. Овес не являлся культурой, которую возделывали для продажи, и поэтому на него обращали меньше внимания, чем, скажем, на пшеницу.

После 1775 г. сведения о покупке зерна для посева в годовых отчетах не встречаются вплоть до 1792 г., когда было куплено с этой целью 64 корца пшеницы¹¹⁶. При этом за каждый корец было уплачено по 15 зл.,

¹¹⁰ День пешей барщины в 1793/94 г. оценивается в Водзиславском ключе в 15 гр. (см. ЛФЦГИА, д. 125, л. 22).

¹¹¹ ЛФЦГИА, д. 125, л. 42.

¹¹² На севе также работали по найму, хотя и очень редко (например, в 1791/92 г., см. ЛФЦГИА, д. 114, л. 114).

¹¹³ ЛФЦГИА, д. 104, л. 4—6, 135, 144. Краковская *ćwierćnia* = 36 гарцам.

¹¹⁴ ЛФЦГИА, д. 95, лл. 178—179.

¹¹⁵ Глухие упоминания о покупке овса специально на посев имеются лишь в отчете за трехлетие 1794—1797 гг. (см. ЛФЦГИА, д. 125, л. 32).

¹¹⁶ ЛФЦГИА, д. 114, л. 123.

тогда как обычная рыночная цена в то время не превышала 13 зл. Это является косвенным подтверждением того, что для посева старались использовать наилучшее, отборное зерно.

Но чаще всего недостающее на посев зерно привозили из соседних ключей, принадлежавших Ланцкоронскому¹¹⁷. Это было значительно выгоднее в целом для бюджета помещичьего хозяйства. Рентабельность имений проверялась землевладельцами в первую очередь тем, сколько они могли давать и фактически давали дохода чистой монетой. С этой точки зрения подходили и к созданию запасов отборного зерна для посева в Водзиславском ключе. В хозяйственной инструкции 1797 г. так и было указано эконому — пшеницу в случае надобности привозить для посева с других фольварков лучшую. Администрация должна была также следить за тем, чтобы зерно для посева было хорошо очищено¹¹⁸. Подготовка посевного материала должна была, следовательно, проводиться с таким расчетом, чтобы гарантировать получение хорошего урожая зерновых.

Немаловажное значение придавалось также уходу за посевами, особенно их прополке. Основную часть этой работы выполняли крестьяне в счет барщины. Однако в хозяйственной отчетности Водзиславского ключа можно найти также сведения о привлечении к этому виду полевых работ людей за плату. В финансовом отчете управления ключа за 1741 и 1742 гг. упоминается об оплате наемников, проводивших прополку посевов¹¹⁹. Такая же точно статья расходов есть и в кассовом отчете по Водзиславскому ключу за время с 24 июня по 25 декабря 1775 г.¹²⁰

В дальнейшем такого рода расходы фигурируют почти всякий раз, когда приводятся в денежных счетах суммы, затраченные на наем дополнительных рабочих рук из числа *luźnych* и своих крепостных¹²¹. К сожалению, не во всех отчетах расходы на прополку посевов выделены. По сводной ведомости о хозяйстве Водзиславского ключа за 1769 — первую половину 1771 г., например, можно установить, что в 1769 г. на оплату найма на эту работу было израсходовано 60,5 зл., в 1770 г. — 31 зл. 12 гр., а за первую половину 1771 г. — 56 зл. 9 гр., что составляло незначительную сумму по сравнению с суммами, израсходованными на оплату труда на жатве за те же годы¹²².

Уход за посевами различных культур был, конечно, налажен неодинаково. По-видимому, посевы пшеницы обрабатывались гораздо тщательнее, чем яровые. Но не всегда удастся по имеющимся документам точно установить, что прополка проводилась именно на полях, занятых посевами пшеницы. Расходы по этой части в подавляющем большинстве обозначены общей рубрикой — «за прополку посевов», и только косвенно иногда удастся понять, какие посевы пропалывались.

Конечно, прополке подвергались в первую очередь те посевы, которые более всего были засорены, но при прочих равных условиях особое внимание обращалось все же на уход за посевами наиболее ценной товарной культуры — пшеницы. В 1774 г. нанимали людей для прополки посевов пшеницы и проса на фольварках Водзиславского ключа¹²³. В то же время в отчете за 1784/85 г. говорится о найме работников на прополку одного

¹¹⁷ Там же, д. 108, лл. 1—4, 76—77, 89—90, 116—117, 126—127, 149—150, 178—179, 208; 244—245, д. 114, лл. 63, 92, 123; д. 125, лл. 6, 32.

¹¹⁸ ЛФЦГИА, д. 139, л. 3.

¹¹⁹ Там же, д. 96, лл. 2—4.

¹²⁰ Там же, д. 95, лл. 178—179.

¹²¹ Там же, д. 108, лл. 34, 66, 145; д. 114, лл. 54, 79, 114.

¹²² Там же, д. 108, л. 19.

¹²³ Там же, л. 34.

только проса¹²⁴. Последнее было одной из зерновых культур, занимавших сравнительно небольшое место в севооборотах, но игравших весьма важную роль в хозяйстве Водзиславского ключа.

Вообще прополка посевов на господских полях была тем видом полевых работ, выполнение которых входило в первую очередь в обязанность коморников. В инвентаре дер. Сельце Водзиславского ключа, составленном 7 февраля 1728 г., было записано, что здешние коморники обязаны выходить на прополку посевов независимо от того, отработали они или нет свою инвентарную барщину¹²⁵. В инвентаре дер. Лоны того же ключа, составленном осенью 1737 г., относительно имеющихся коморников также говорилось, что они должны пропалывать посевы, за что им следует платить по 6 гр. в день¹²⁶. По-видимому, во второй половине XVIII в. положение не изменилось, и коморники по-прежнему выполняли эту часть полевых работ, тем более что для этого не требовалось специальных орудий труда. Изменилась лишь со временем оплата за день такой работы.

Отчет управляющего Водзиславским ключом за 1792/93 г. дает очень подробное расписание работ, на которые привлекалась за плату дополнительная рабочая сила. В 1792 г. на прополке посевов было отработано 107 дней, а плата за каждый день составляла уже 8 гр.; в первой половине 1793 г. на соответствующий уход за посевами ушло 268 оплачиваемых дней работы (также по 8 гр. в день)¹²⁷. Эти цифры показывают, какое внимание уделяла администрация прополке посевов, если учесть, что остальную, большую часть этого этапа полевых работ выполняли в счет своей барщинной повинности крепостные крестьяне. Тщательная обработка посевов в 1792—1793 гг. при благоприятных природных условиях позволила получить хороший урожай. В 1793/94 хозяйственном году наемники отработали на прополке посевов 149 дней (за 8 гр. в день). В 1794—1797 гг. на прополку посевов зерновых и частично огородных культур были израсходованы значительно меньшие суммы — за три года было отработано по найму на прополке всего лишь 102 дня¹²⁸. Это объяснялось, по-видимому, тем, что хозяйству в 1794—1795 гг. был нанесен значительный ущерб иностранной оккупацией, а также восстанием 1794 г. Это совпало с неблагоприятными климатическими условиями. Помещичье хозяйство в Водзиславском ключе оказалось расстроеным. Оно стало давать меньше дохода, а поэтому реже прибегала администрация и к найму дополнительной рабочей силы. В результате если в 1793/1794 г. *luźni*, жители местечка и крепостные отработали в имении, по нашим подсчетам, около 5,6 тыс. дней, то за три года — с лета 1794 до лета 1797 г. — они работали за плату только немногим более 4,2 тыс. дней¹²⁹. В последние годы XVIII в., когда хозяйство Водзиславского ключа снова налаживается, на прополку посевов администрация опять начинает нанимать людей за деньги во все увеличивающихся масштабах. Так, в 1797/98 г. было отработано на прополке посевов зерновых уже 75 дней (за плату в 8 гр. за день), тогда как за 1796/97 г. было на тех же работах использовано всего лишь 29 дней¹³⁰. В этот период, очевидно, нанимали работников специально для ухода за посевами пшеницы и проса. В отчете о найме рабочей силы в 1798/99 г.

¹²⁴ Там же, л. 259.

¹²⁵ Там же, д. 94, л. 2.

¹²⁶ Там же, д. 84, лл. 127—128.

¹²⁷ Там же, д. 114, л. 142.

¹²⁸ Там же, д. 125, лл. 25, 51.

¹²⁹ Там же, лл. 25, 51.

¹³⁰ Там же, лл. 51, 73—74.

указано, что за прополку посевов этих двух культур было выплачено 30 ал. 12 гр. (т. е. по 8 гр. за 114 дней работы)¹³¹.

Администрация Водзиславского ключа должна была обращать на прополку зерновых надлежащее внимание, ибо от состояния посевов на фольварках зависело получение сносного урожая. В инструкции эконому ключа, данной осенью 1797 г., было указано и время, наиболее удобное для проведения этой части полевых работ. Прополку пшеницы, говорилось в инструкции, следует производить, как только она зацветет. Здесь же определялись и культуры, посевы которых должны были непременно пропахиваться, — это были пшеница и просо¹³². Следовательно, указанная инструкция подтверждает тот факт, что возделыванию пшеницы придавалось особое значение. В то же время не исключена была, конечно, и необходимость прополки яровых (например, ячменя). В 1792/93 г. такой обработке подвергались, по-видимому, как озимые, так и яровые¹³³.

Предметом особых забот администрации Водзиславского ключа была организация уборки выращенного на фольварках урожая зерновых. В период уборочных работ она стремилась мобилизовать все имеющиеся в имении рабочие руки для того, чтобы провести своевременно жатву яровых и озимых и обмолотить как можно скорее после начала уборки большую часть урожая. Крепостные крестьяне поголовно отработывали в период страды не только свою обычную недельную барщину, но и различного рода «толоки», «гвалты» и т. д. Так как именно уборка урожая требовала одновременно усилий наибольшего числа рабочих рук, здесь находил широкое применение наем работников не только из числа *luźnych*, но и жителей местечка Водзислав, коморников и загородников, отработавших свою барщину. Наем людей на жатву (а также и на молотьбу) во второй половине XVIII в. был настолько обычным явлением, что помещицья администрация, очевидно, и не предполагала, что можно во время уборки урожая обойтись без него. И чем больше был выращенный на фольварках урожай зерновых, тем шире администрация ключа использовала наем дополнительных рабочих рук.

Судя по оплате, наем на жатву людей из различных категорий населения Водзиславского ключа ничем не отличался. Были ли это крепостные деревень, входивших в состав ключа, жители местечка, находившегося в границах последнего, наконец, *luźni* — они получали обычно одинаковую плату за день труда. Мало того, если в отчетности Водзиславского ключа в подробной денежной ведомости иногда выделялись суммы, израсходованные на наем той или иной категории людей во время уборочных работ, то в кратких сводных денежных счетах все эти расходы, вместе взятые, фигурировали под общим названием «на наем работников»¹³⁴. Поскольку оплата труда была одинаковой, помещицья администрация не отделяла наем *luźnych*, находившихся в данный момент в пределах ключа, от найма своих собственных крепостных. По-видимому, это было связано в какой-то степени с тем, что в деревнях Водзиславского ключа по переписи 1789 г. *luźni* составляли, как выше было показано, более трети всего трудоспособного населения деревни. Надо полагать, что многие из них длительное время проживали в ключе. Может быть, одним из аргументов в пользу этого предположения является наличие в деревнях и в местечке большого числа семейств *luźnych*¹³⁵.

¹³¹ ЛФЦГИА, д. 142, лл. 19—20.

¹³² Там же, д. 139, л. 3.

¹³³ Там же, д. 114, л. 141.

¹³⁴ См., например, ЛФЦГИА, д. 114, лл. 54—55, 59 (отчет 1789/90 г.).

¹³⁵ Там же, д. 115, л. 8.

Выше уже говорилось о том, насколько сильна была власть помещика над этой категорией населения. По нашему мнению, нет ничего удивительного в том, что администрация Водзиславского ключа смотрела на *luźnych*, работавших за плату на фольварках, как на зависимых людей и при оплате не отличала их от собственных крепостных. В этом отношении наем обеих категорий можно рассматривать как принудительный, или, вернее, как наем, отягощенный еще достаточно сильно элементами внеэкономического принуждения. Последнее выражалось, во-первых, в низкой оплате труда, сплошь и рядом не превышавшей оценочной стоимости дня пешей барщины; во-вторых, по отношению к крепостным «работодатель» выступал как феодальный господин; в-третьих, по отношению к *luźnym* владелец имения пользовался сословными привилегиями и правом принуждать *luźnych* к работе в своем хозяйстве.

В документах, характеризующих хозяйство Водзиславского ключа, при самом внимательном их изучении не удалось обнаружить ни одного факта, когда бы на полевых работах *luźnym* платили больше, чем собственным крепостным. Возможно, это связано с тем, что в ключе было достаточное число постоянно проживавших здесь *luźnych*, и администрация никогда не нуждалась в том, чтобы прибегать в случае необходимости к найму чужих. Единственный случай, когда это, так сказать, установившееся правило было нарушено, произошел в самом конце XVIII в. В отчете за 1798/99 г. указано, что на жатве работали «чужие люди», которым платили по 1 зл. в день (всего за девять дней), в то время как остальным жнецам платили по 12, 15 и очень редко по 24 гр. за день¹³⁶. При этом на долю этих «чужих людей» (надо думать, что это были жители имений других помещиков, так как трудно предположить, чтобы вновь пришедшим *luźnym* стали платить больше, чем тем, которые уже работали в ключе) приходилась настолько малая часть всех выполненных на жатве работ, что ее трудно даже представить в виде процентного отношения (девять дней из 1518).

Постоянный наем работников на уборку урожая был для такого помещичьего хозяйства, как Водзиславский ключ, одним из условий существования и нормального развития. Оплата труда на жатве и молотье за последние 30 лет XVIII в. почти не изменилась. Поэтому мы ограничимся здесь рассмотрением лишь материалов по этому вопросу, относящихся к последним годам XVIII в.¹³⁷

В 1793—1799 гг. в Водзиславском ключе дни, отработанные наемниками на жатве, а также на молотье, составляли ежегодно не менее $\frac{2}{3}$ всего количества оплаченных администрацией дней работы в земледелии. Так, в 1793/94 г. из 4,7 тыс. дней на жатве и молотье было отработано за плату свыше 3,6 тыс. дней, а в 1798/99 г. из 3 тыс. соответственно около 2 тыс. дней¹³⁸.

Таким образом, на наем приходилась в конце XVIII в. довольно значительная часть работ по уборке урожая в Водзиславском ключе. Это вызывалось, безусловно, стремлением сохранить путем быстрой жатвы и обмолота полученный на фольварках урожай. По количеству дней, отработываемых в страду наемниками, можно судить об интенсивности этих работ.

Своевременной жатве придавалось в помещичьем хозяйстве громадное значение, поскольку дело шло о получении основного продукта сельско-

¹³⁶ Там же, д. 142, лл. 19—20.

¹³⁷ О распространении принудительного найма в Водзиславском ключе до 1793 г. см. И. В. Созин. Помещичье хозяйство..., стр. 143—148.

¹³⁸ ЛФЦГИА, д. 125, л. 25; д. 142, лл. 19—20.

хозяйственного производства. В связи с этим и жнецам платили не меньше, чем на других сельскохозяйственных работах, а в определенных случаях даже значительно больше. Различалась по оплате жатва яровых и озимых: за день работы на уборке яровых наемнику платили обычно по 12 гр., а тем, кто жал озимые, по 15 гр. Это было связано как с тем, что убирать последние было тяжелее, так и с тем, по-видимому, что озимые, прежде всего пшеница, представляли для помещичьего хозяйства Водзиславского ключа, носившего ярко выраженный товарный характер, особую ценность. Поэтому на жатве озимых иногда платили по 24 гр. за день, что могло быть также связано с недостатком рабочих рук. Так, в 1798/99 г. на жатве озимых за 49 дней было уплачено наемникам по 24 гр., тогда как за остальные 904 дня платили, как обычно, по 15 гр.¹³⁹

Особый случай представляла собой уборка зерновых в 1794 г. в связи с событиями восстания 1794 г. и военными действиями, непосредственно затронувшими район расположения Водзиславского ключа. В предшествующем, 1793 г. и в последующем, 1795 г. на жатве озимых платили по таксе 15 гр. за день работы.

В 1794 г. из 1382 дней, отработанных на жатве, за 929 дней, т. е. за подавляющую часть работы, было уплачено по 15 гр., но зато за 171 день по 24 гр., а за 252 дня даже по 1 зл.¹⁴⁰ Предположить, что в этом случае администрация имела дело с пришлыми сезонными работниками, нельзя, да и документы не дают для этого никаких оснований. Чем же могла быть вызвана такая перемена, в результате которой временно была прорвана традиционная оболочка низкооплачиваемого найма и значительная часть тех людей, которые еще в прошлом году работали за 15 гр. в день, вдруг смогли потребовать и получить вдвое больше? Некоторые данные по этому поводу можно почерпнуть из письма, направленного из соседних с Водзиславским ключом имений Ланцкоронского. Автор письма, один из представителей помещичьей администрации, сообщал, что он думает начать жатву, если люди (здесь имеются в виду главным образом крепостные) согласятся работать за деньги. Далее он писал, что эти люди в течение шести недель не отработывали барщины частично из-за прохода войск, но более всего из дерзости. По словам автора письма, проходившие через имения русские солдаты внушили крестьянам надежду, что у панов имения будут отобраны, а господские поля будут разделены между крестьянами. Крестьяне поверили обещаниям и не хотели работать на фольварках, некоторые из них заявили при этом, что земля дана только им одним. Далее в письме говорится, что в создавшихся условиях ничего другого не остается, как просить австрийские власти в Кракове прислать в имение солдат. Иначе нет надежды чтобы «мы смогли и поля убрать и подумать о будущем посеве» — так объясняет графский служащий необходимость вызова военного гарнизона¹⁴¹. О том, что факты, указанные в приведенном письме, имели место и в Водзиславском ключе, свидетельствует запись, сделанная на титульном листе хозяйственного отчета за 1794—1797 гг. В этой записи, между прочим, отмечается, что крестьяне барщину отбывать с началом революции не хотели¹⁴².

Таким образом, факты говорят о том, что внезапное повышение оплаты наемников на уборке озимых в 1794 г. было связано с политической обстановкой, создавшейся в стране в результате восстания под руководством Т. Костюшко. Учитывая сложившиеся обстоятельства, администрация

¹³⁹ ЛФЦГИА, д. 125, л. 25; д. 142, лл. 19—20.

¹⁴⁰ Там же, д. 125, л. 51.

¹⁴¹ Там же, д. 87, л. 15.

¹⁴² Там же, д. 125, л. 29.

Водзиславского ключа вынуждена была для того, чтобы спасти урожай, уплатить почти за пятую часть дней, отработанных наемниками из числа *luźpuch* и крепостных ключа, по 1 зл., т. е. столько, сколько в тот период получали за такую работу те, кто нанимался на нее на более свободных условиях¹⁴³. Помещичья администрация шла на такой шаг, считаясь также с чисто экономическими соображениями — не упустить возможности продать побольше хлеба. А так как на рынок шли главным образом озимые (рожь и особенно пшеница), в предвидении крупной хлебной торговли можно было и «переплатить» какому-то количеству наемных работников на жатве.

Не менее важное значение играл своевременный обмолот, касавшийся в первую очередь пшеницы, которую готовили для отправки на сплавную пристань на Висле. С этой целью эконо́м Водзиславского ключа должен был так организовать сельскохозяйственные работы, чтобы, как требовала инструкция, данная ему осенью 1797 г., сразу же после сева озимых и других осенних полевых работ, используя хорошую погоду, молотить пшеницу. Не будет большой натяжкой в связи с этим предположить, что низкооплачиваемый наем во время молотбы использовался главным образом для ускоренного обмолота пшеницы. Так как на вывоз предназначалась пшеница хорошо очищенная, на фольварках сразу же после молотбы организовывалась очистка намолоченного зерна. В 1793/94 г., например, на просевании пшеницы было отработано по найму 613 дней (по 8 гр. каждый)¹⁴⁴.

Попытка изучить вопрос о применении найма (сплошь и рядом принудительного) на различных полевых работах в Водзиславском ключе показывает, на наш взгляд, достаточно убедительно роль этой формы эксплуатации непосредственных производителей в период, когда полным ходом шло разложение крепостнических отношений, а крупные хозяйства типа Водзиславского ключа превращались в товарные. В конкретных условиях Водзиславского ключа особенно трудно представить наем, являвшийся здесь по преимуществу принудительным, как более или менее завуалированную разновидность барщины.

Причисление принудительного найма к разряду феодальных повинностей не отобразило бы тенденции развития аграрных отношений и представило бы последние (если иметь в виду вторую половину XVIII в.) как нечто застывшее и статичное, а всю экономику как целиком застойную и не носящую в себе никаких потенциальных возможностей для дальнейшего развития. Если считаться по-настоящему с перспективой исторического развития, можно утверждать, что такие явления, как развивающийся институт крепостных батраков в земледелии, вместе с системой принудительного найма были явлениями, которые стояли на грани двух эпох и должны рассматриваться как прямые предшественники явлений уже чисто капиталистического типа, каким было, например, батрачество, весьма характерное для сельского хозяйства Польши в буржуазную эпоху.

Как уже было показано выше, новые явления в помещичьем хозяйстве Водзиславского ключа были связаны в первую очередь с земледелием. Во второй половине XVIII в. администрация ключа стремилась увеличить товарное производство этой важнейшей отрасли помещичьего хозяйства; в частности, расширялись посевы пшеницы, которая была основной товарной культурой. Тем же вызывалось развитие системы принудительного найма (особенно во время уборки и обмолота зерновых). Постоянные

¹⁴³ Там же, д. 142, лл. 19—20.

¹⁴⁴ Там же, д. 125, л. 25.

крепостные работники на фольварках ключа (ратаи и форнали) были заняты земельными работами и подвозом зерна на рынки. Наконец, увеличение товарности земледелия достигалось безусловно и путем усиления гнета крепостных крестьян. Последние, по-прежнему продолжая отбывать барщину, стали подвергаться эксплуатации также путем принудительного найма.

Степень товарности земледелия может быть более или менее точно установлена, если исследовать основные статьи расхода зерновых. В 70-е—90-е годы XVIII в. из основных зерновых культур, производившихся в Водзиславском ключе, пшеница, рожь и ячмень были рассчитаны в большей степени на рыночный спрос, нежели на внутреннее потребление, тогда как овес потреблялся в качестве фуражного зерна преимущественно внутри ключа. Водзиславский ключ находился сравнительно близко (около 50 км по прямой) от Вислы, по которой хлеб, производимый в помещичьих хозяйствах, шел через Гданьск на внешний рынок. В то же время ключ был расположен в такой части Малой Польши, которая имела много небольших местечек, где развивалась значительная торговля сельскохозяйственными продуктами. В состав самого ключа входило местечко, жители которого скупали свыше $\frac{9}{10}$ всего хлеба, выбрасываемого помещичьим хозяйством Водзиславского ключа на местный рынок. Другими местными рынками были для ключа Краков и особенно близлежащие местечки. Так, в 1753—1755 гг. в Краков было отвезено на продажу около 170 корцев пшеницы¹⁴⁵.

В случае необходимости администрация приглашала скупщиков хлеба прямо в Водзислав или, наоборот, поручала евреям-торговцам из Водзислава везти зерно на продажу в Пшиоров и другие местечки¹⁴⁶. То, что Краков и в 60-е годы XVIII в. был местом сбыта зерновых, производимых в Водзиславском ключе, подтверждает запись в инвентаре, составленном летом 1763 г. при сдаче в заставную посессию Селецкого фольварка. Кметы в случае поездки в Краков на ярмарку обязаны были везти туда помещичий хлеб. То же самое относится к подвозу помещичьего хлеба на рынки ближайших местечек¹⁴⁷. Что касается подвоза хлеба с фольварков в местечко Водзислав, то в 40-е годы XVIII в. он производился кметами в порядке выполнения подводной повинности¹⁴⁸. В 70-х—начале 90-х годов XVIII в. положение несколько изменилось, и такие перевозки выполнялись большей частью помещичьими работниками (форналами). Но это не означает, однако, что кметы в этот период освобождались от подводной повинности и, в частности, от перевозок помещичьего хлеба. В отчетах управляющих ключа за 1769—1771 гг. и за 1792/93 г. есть данные об утрате кметами своего рабочего скота на непосильных перевозках¹⁴⁹.

Продажа помещичьего хлеба жителям местечка Водзислав, которое входило в состав владений Ланцкоронских, развивалась, конечно, не в XVIII в., а значительно раньше, и связана она с возникновением фольварочного хозяйства в этом ключе. Важно то, что в 70-х—90-х годах XVIII в. местечко было одним из основных потребителей хлеба, производимого на фольварках ключа. Эта торговля хлебом в середине XVIII в. была еще сильно опутана феодальными условиями, носила на себе печать внеэкономического принуждения, особенно если иметь в виду посессионную систему.

¹⁴⁵ ЛФЦГИА, д. 77, л. 53.

¹⁴⁶ Там же, д. 114, лл. 79, 110.

¹⁴⁷ Там же, д. 105, лл. 3, 6—7.

¹⁴⁸ Там же, д. 97, л. 1.

¹⁴⁹ Там же, д. 108, л. 8; д. 114, л. 131.

В 1755 г. жители местечка жаловались на то, что арендный посессор Водзиславского ключа Вонсович принуждал их покупать зерно по завышенным ценам¹⁵⁰.

В конце 60-х годов XVIII в. своего рода посредниками между помещичьим хозяйством и рынком были в Водзиславе хлеботорговцы-евреи (шкутники). Они были тесно связаны с помещичьим хозяйством, брали большие партии хлеба, рассчитывались за него постепенно. К началу 1769 г. на двух шкутниках, Эйбере и Шайе, было долгу свыше 5 тыс. зл., а на июль 1771 г. они были должны администрации ключа за взятый для продажи хлеб 17 тыс. зл.¹⁵¹ Расчеты между помещичьей администрацией и шкутниками велись на основе местных торговых цен на хлеб. В первую очередь имелись в виду цены на хлеб на Святоянской ярмарке, происходившей в Кракове ежегодно в конце июня¹⁵². Поскольку посредники не могли внести сразу денег за весь взятый у помещика хлеб и система такого рода кредитования утвердилась, помещичья администрация с 1783/84 г. стала отпускать хлеб для жителей местечка Водзислав в кредит по цене, которая была на 1 зл. выше краковской¹⁵³. Практика эта существовала и в 1793 г.¹⁵⁴ Тем самым администрация ключа, используя в данном случае свое влияние на местном рынке, путем установления надбавки на цену обеспечивала себе дополнительный денежный доход. В отличие от принудительной продажи хлеба жителям местечка по повышенной цене продажа в кредит с надбавкой на торговую цену имела двойкий смысл. Поскольку местечко было во владении помещика, в установлении этой надбавки, несомненно, был элемент принудительности. Но отпуск хлеба в кредит был к 1783 г. постоянным явлением, а цены на хлеб в течение хозяйственного года испытывали, конечно, значительные колебания. Поэтому, устанавливая надбавку на торговую цену, помещик получал как бы компенсацию за то, что он давал хлеб в кредит по твердой цене.

Таким путем в 1769—1793 гг. продавалось около $\frac{2}{3}$ всего хлеба, выбрасываемого помещичьим хозяйством Водзиславского ключа на рынок (или свыше четверти всего производимого в ключе хлеба). Развитие торговли хлебом в кредит было фактом, свидетельствующим о том, что помещичье хозяйство Водзиславского ключа стало приобретать предпринимательский характер.

Со второй половины 80-х годов XVIII в. польское население Водзислава стало покупать помещичий хлеб через своих бургомистров, а евреи — пекари и шинкари брали хлеб через двух своих уполномоченных¹⁵⁵. Такой порядок продажи хлеба в местечке имел свои основания. Польское население местечка большей частью само занималось земледелием, имело землю не только огородную, но и полевою. Еврейское население местечка, напротив, было по преимуществу торгово-ремесленным, а поэтому именно оно скупало и потребляло большую часть помещичьего хлеба, продаваемого в местечке.

Значительная часть зерновых — ржи, пшеницы и особенно ячменя — шла на винокурни и пивоварни. Водзиславский ключ не был в этом отношении исключением.

¹⁵⁰ Там же, д. 77, л. 55.

¹⁵¹ Там же, д. 108, л. 15.

¹⁵² Там же, л. 76.

¹⁵³ Там же, д. 108, лл. 151, 245. А. И. Баранович приводит данные о том, что в Вишневце пекари брали помещичье зерно тоже на 1 зл. дороже, чем на рынке (см. А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 120).

¹⁵⁴ ЛФЦГИА, д. 114, л. 124.

¹⁵⁵ Там же, д. 108, л. 227; д. 114, лл. 22, 64.

Во второй половине 80-х—начале 90-х годов XVIII в. на пивоварни и винокурни шла $\frac{1}{9}$ часть всего хлеба, которым располагал Водзиславский ключ. В среднем треть имевшегося ячменя перерабатывалась на пивоварнях. Рожь и пшеница (сырье для винокурен) расходовались в значительно меньших размерах (8—11%)¹⁵⁶. Дело в том, что большая часть водки, продававшейся в Водзиславском ключе, производилась не на местных винокурнях, а ввозилась из соседнего Мотковского ключа, принадлежавшего также Ланцкоронским¹⁵⁷.

Очень трудно определить долю зерна (особенно овса), которое превращалось в товарное путем скармливания его скоту, затем продаваемому. Точного ответа на такой вопрос не могут дать документы даже самые обстоятельные.

Если торговля хлебом на местных рынках охватывала все основные зерновые культуры в той или иной степени (больше рожь и ячмень, меньше — пшеницу), то вывозилась на внешний рынок в основном пшеница. Водзиславский ключ на протяжении второй половины XVIII в. не порывал связей с внешним рынком. Управляющий Водзиславским ключом Красовский писал 29 февраля 1751 г. графине Ланцкоронской, что у него приготовлено для сплава 225 корцев отборной пшеницы и он ждет лишь распоряжений на этот счет¹⁵⁸.

В договоре от 29 января 1752 г. о разделе наследства указывалось, что братья Мацей и Станислав Ланцкоронские отказываются в пользу своей мачехи от денег, полученных за пшеницу, сплавленную летом 1751 г. в Гданьск¹⁵⁹. Договор подтверждает, таким образом, торговлю пшеницей на вывоз в 50-х годах XVIII в.

В 60-х годах XVIII в. в тех случаях, когда помещицней администрации казалось, что своей пшеницы мало для того, чтобы предпринять сплавную операцию, производилась скупка ее¹⁶⁰. В 1764 г. было скуплено с этой целью около 340 корцев пшеницы в Опатове и других местах, в 1765 г. — 186 корцев¹⁶¹.

С конца 60-х годов XVIII в. из Водзиславского ключа вывозили только пшеницу, производимую в своем хозяйстве, поскольку на последние последнего стали обращать с этого времени значительно больше внимания¹⁶².

Сплавные операции были в 70-х—90-х годах XVIII в. для Ланцкоронского обычным делом. В Вислицком старостве, недалеко от впадения р. Ниды в Вислу, в Винярах, Ланцкоронский имел свои складские помещения и пристань. Через эту пристань по Висле в Гданьск шел хлеб не только из Водзиславского ключа, но и из трех других крупных ключей, принадлежавших Ланцкоронскому и расположенных вблизи друг от друга (Клишовского, Мотковского и Кийского). На Висле Ланцкоронские имели свои сплавные суда (шкоты, дубасы, галеры, барки), состав которых по

¹⁵⁶ В самом помещицнем хозяйстве Водзиславского ключа переработка зерна на пиво и водку не производилась. Это право помещик отдавал арендаторам, которые и покупали у него зерно как сырье для пивоварения и винокурения. Ср. в 1775 г. в Берестеческом ключе пошло на нужды пропинации около 28% урожая, т. е. в два с лишним раза больше, чем в Водзиславском ключе в 1786/87 г. (А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 56).

¹⁵⁷ Данные об этом имеются во всех отчетах управляющих за 1769—1793 гг.

¹⁵⁸ ЛФЦГИА, д. 95, л. 478.

¹⁵⁹ Там же, д. 86, лл. 75—76.

¹⁶⁰ Там же, д. 104, л. 126.

¹⁶¹ Там же, лл. 134, 143; д. 106, л. 69.

¹⁶² Свидетельством этого, в частности, является сохранившаяся хозяйственная отчетность Водзиславского ключа за 70-е—90-е годы XVIII в.

мере надобности обновлялся и расширялся (данные об этом есть от 1765, 1776, 1778, 1781, 1789, 1790, 1791 гг.)¹⁶³.

Есть косвенные данные о том, что Ланцкоронские и в Гданьске имели свой склад для привозимого зерна¹⁶⁴.

Обслуживался сплавный флот наемными и крепостными людьми¹⁶⁵. Сплавный флот использовался на обратном пути из Гданьска не только для перевозок заграничных товаров для помещичьего хозяйства (английского пива, французских вин, сельдей и др.), но и для фрахта (так, в 1791 г. производилась перевозка из Гданьска соли по просьбе прусских властей)¹⁶⁶.

Вывозилась в Гданьск из Водзиславского ключа преимущественно пшеница. По-видимому, с этим связано и то, что в отчетах управляющих ключом очень редки указания на то, чтобы оставалась необмолоченной хотя бы небольшая часть урожая пшеницы. В то же время часть ржи, например, почти ежегодно оставалась необмолоченной вплоть до нового урожая.

Как только заканчивался обмолот основной части урожая пшеницы, после тщательной очистки начинался вывоз ее к сплавной пристани в Винярах. Перевозка пшеницы производилась под наблюдением фольварочной администрации: с обозами направляли в Виняры администраторов (диспозиторов) фольварков или других служащих ключа¹⁶⁷. Выполняли перевозки обычно помещичьи формали на помещичьих лошадях¹⁶⁸.

Подвоз пшеницы к Висле производился в зимние месяцы (с декабря по март)¹⁶⁹. В этом был свой смысл, поскольку имеющихся в ключе формалей и лошадей можно было в это время целиком использовать для того, чтобы быстрее вывезти хлеб к месту сплава. Расходы по перевозке, в том числе питание служащих и рабочей челяди, администрация брала полностью на счет помещичьего хозяйства¹⁷⁰.

Погрузка пшеницы на речные суда производилась перед самой навигацией, т. е. в конце марта—начале апреля¹⁷¹. В апреле караван направлялся вниз по Висле. В те годы, когда Висла была достаточно полноводной, караван уже в мае прибывал в Гданьск¹⁷². Если река была мелководной, то приходилось задерживать суда в Варшаве, так как от мелководья страдало больше нижнее течение Вислы. В крайних случаях в Варшаве производилась перегрузка зерна с дубасов и шкотов на суда более мелкие (барки или галеры), которые могли преодолеть речные перекаты и отмели.

В связи с этим, например, в 1790 г. зерно было привезено в Гданьск только в августе, т. е. в то время года, когда пшеница стоила в Гданьске дешевле, чем в мае¹⁷³. В обратный путь сплавные суда (шкоты и дубасы) шли вверх по Висле под парусами и возвращались в Виняры обычно

¹⁶³ ЛФЦГА, д. 104, лл. 49, 51, 134, 143; д. 106, л. 68; д. 108, л. 51, 134; д. 110, л. 2, 28, 51, 94—95.

¹⁶⁴ Там же, д. 110, лл. 49, 86, 94—95.

¹⁶⁵ Там же, лл. 1, 3—4, 18—21, 48—53, 77, 96.

¹⁶⁶ Там же, д. 110, л. 95.

¹⁶⁷ Там же, д. 114, л. 79.

¹⁶⁸ Там же, д. 108, л. 201.

¹⁶⁹ Там же, д. 110, лл. 40, 54.

¹⁷⁰ Там же, д. 108, лл. 163—164.

¹⁷¹ Там же, д. 110, лл. 44, 63.

¹⁷² Там же, лл. 61—62.

¹⁷³ Там же, л. 50. Ср. S. Hozzowski. Polski eksport wiślany w 1784 roku. «Kwartalnik historyczny», t. LXIII, № 4—5, 1956, str. 70.

в середине лета¹⁷⁴. Мелкие речные суда (галеры или барки) вверх по реке не гоняли, продавая их в Гданьске¹⁷⁵.

Через Виняры Ланцкоронский ежегодно сплавлял в Гданьск значительные партии пшеницы из своих ключей, находившихся вблизи от этой сплавной пристани. В 1779 г. было отправлено в Гданьск из Водзиславского, Мотковского, Клишовского и Кийского ключей приблизительно 2 тыс. корцев (около 12—13 тыс. пудов) пшеницы¹⁷⁶. В 1788—1791 гг. ежегодно из тех же ключей вывозилось по 2,7—2,9 тыс. корцев (около 17—18 тыс. пудов) зерна¹⁷⁷. Из этого количества зерна 35—40% с 1789 г. составляла пшеница, вывозимая из Водзиславского ключа¹⁷⁸.

От каждой сплавной операции в кассу графа Ланцкоронского в конце 80-х—начале 90-х годов XVIII в. поступало монетой свыше 40 тыс. зл. (в 1779 г. в кассу поступило всего лишь 16 тыс. зл.)¹⁷⁹. Кроме того, в имения графа привозили пиво, вино, сельди, которые были куплены в Гданьске также на деньги, вырученные от продажи зерна и которые большей частью распродалась в помещичьих корчмах и шинках по более высоким ценам. Это обстоятельство также свидетельствует о том, что помещичье хозяйство Водзиславского ключа превращалось в торгово-предпринимательское.

Показать на основе имеющихся данных выгоду, получаемую помещичьим хозяйством Водзиславского ключа от вывозной торговли пшеницей в сравнении с продажей ее на местных рынках, весьма трудно. Например, в 1790 г. корец пшеницы продавали в Гданьске по 21—22 зл., на местном рынке (в Кракове) корец пшеницы стоил в это время 17 зл.¹⁸⁰ В 1791 г. корец пшеницы был продан в Гданьске по 20—21 зл., цены на местном рынке остались на прежнем уровне. Помещичья администрация попыталась в 1791 г. высчитать цену корца пшеницы, продаваемой в Гданьске, вычитая при этом все расходы по организации и проведению сплава и на таможенные (польские и прусские) сборы. Такие расходы, по подсчетам администрации, составили не менее 6 зл. на каждый корец пшеницы, проданной в Гданьске. Таким образом, цена корца составила в среднем 14—15 зл., почти столько, сколько на местном рынке¹⁸¹. На первый взгляд получается, что вывозная торговля пшеницей была для помещичьего хозяйства менее выгодной, чем торговля на месте, если признать, что расчеты помещичьей администрации полностью отвечают действительности. В самом деле так ли это? Во второй половине XVIII в. помещичье хозяйство Водзиславского ключа было уже тесно связано с внешним рынком. Выгода от вывозной торговли состояла в первую очередь в том, что помещик мог сразу за наличные деньги сбывать громадные для того времени партии зерна ежегодно (в 80-х—начале 90-х годов по 12—18 тыс. пудов пшеницы). Сделать это на местном рынке из-за его узости было невозможно (достаточно вспомнить о том, что на месте по-

¹⁷⁴ ЛФЦГИА, д. 110, л. 63.

¹⁷⁵ Там же, л. 49.

¹⁷⁶ Там же, д. 110, л. 5.

¹⁷⁷ Там же, д. 95, л. 171; д. 110, лл. 93, 94. Корец пшеницы считается здесь в 100 кг (см. «Studia z historii społecznej i gospodarczej pow. Fr. Bujakowi». Lwów, 1931, str. 243 (примечание).

¹⁷⁸ Там же, д. 110, лл. 40, 54.

¹⁷⁹ Там же, лл. 4, 50, 95.

¹⁸⁰ Е. Томашевский. Ceny w Krakowie..., str. 30 (таблица цен); см. также ЛФЦГИА, д. 110, лл. 48—49; д. 114, л. 41.

¹⁸¹ ЛФЦГИА, д. 110, л. 93; д. 114, л. 63. Сам факт такого подсчета, производимого администрацией, показывает предпринимательский характер помещичьего хозяйства.

давящая часть хлеба продавалась помещиком жителям местечка в кредит, с уплатой в рассрочку). Вывозя хлеб в Гданьск, помещик не опасался конкуренции. В условиях господства крепостнических отношений себестоимость зерна, продаваемого в Гданьске, фактически составлялась для помещика лишь из расходов помещичьего хозяйства на содержание постоянных крепостных работников на фольварках, инвентаря и скота, которым они работали, на принудительный наем крепостных и, наконец, на организацию и проведение сплава (не считая другие, более мелкие расходы по хозяйству). Не менее $\frac{3}{4}$ работ по производству зерна выполнялось силами крепостных крестьян, их рабочим скотом и инвентарем¹⁸². Только благодаря тому, что помещик пользовался барщинным трудом своих крепостных, он мог пойти и на уплату больших торговых пошлин, установленных прусскими властями на польский хлеб, сплавляемый по Висле в Гданьск. Именно при наличии крепостнических отношений, несмотря на высокие расходы по вывозу хлеба, польским помещикам было выгодно сбывать таким путем значительную часть зерна, производимого на их фольварках.

Помещичье хозяйство Водзиславского ключа во второй половине XVIII в. было настолько связано с хлебной торговлей, что всякое вторжение в эту сферу помещичьей монополии рассматривалось помещиком как удар по доходности его имений. В связи с этим поучительна более чем двадцатилетняя тяжба графа М. Ланцкоронского с бывшим генеральным комиссаром его имений шляхтичем Л. Осинским, происходившая в 60-х—80-х годах XVIII в.¹⁸³ При проверке хозяйственной деятельности Осинского, в 1765 г. уволенного от своей должности, были выявлены его многочисленные злоупотребления. Осинский арендовал вблизи Водзиславского ключа имения Гуры и Ковары для того, чтобы было удобнее сельскохозяйственную продукцию из них сбывать в этом крупном имении графа¹⁸⁴. Пользуясь тем, что в первой половине 60-х годов XVIII в. администрация Водзиславского ключа очень часто покупала хлеб на местном рынке, Осинский стремился сбывать зерно из арендованных им имений в Водзиславском ключе, особенно жителям местечка, в то время как на фольварках ключа хранился необмолоченный хлеб¹⁸⁵. В материалах расследования указывается, что Осинский «без нужды свозил всякое зерно из своих имений» в Водзиславский ключ и, мало того, использовал сплавные суда графа Ланцкоронского для вывоза в Гданьск и Варшаву своей пшеницы¹⁸⁶. Сбывая по высоким ценам свое зерно в имениях графа, Осинский пытался оправдать это тем, что в последних якобы не хватало зерна для сева и ординарии, а высокие цены — тем, что молотба и подвоз зерна в Водзислав производились на его, Осинского, средства¹⁸⁷. Граф Ланцкоронский поставил своему бывшему управляющему в вину то, что он ввозил зерно в господские имения, хотя в этом не было никакой нужды, «так, что превратил панские имения в Гданьск для себя»¹⁸⁸. Эта фраза весьма характерна, если учесть, что вывозная торговля хлебом была для крупных помещичьих хозяйств одним из основных источников увеличения доходов.

¹⁸² Выше было показано, что в Водзиславском ключе труд крепостных батраков на фольварках и система принудительного найма охватывали к началу 90-х годов XVIII в. не менее четверти всех сельскохозяйственных работ.

¹⁸³ См. ЛФЦГИА, д. 104, 106.

¹⁸⁴ Там же, д. 169, 285.

¹⁸⁵ Там же, лл. 32, 150, 190.

¹⁸⁶ Там же, лл. 157, 198, 200.

¹⁸⁷ Там же, д. 104, л. 164.

¹⁸⁸ Там же, л. 182.

Развивая торговлю хлебом как на местном рынке, так и на вывоз, получая за счет этого крупные денежные суммы, польский помещик во второй половине XVIII в. не задумывался, конечно, над тем, что он ускорит разложение и крах основ феодального способа производства. В связи с этим особое значение приобретает ответ на вопрос, насколько сильно было втянуто во второй половине XVIII в. крупное помещичье хозяйство типа Водзиславского ключа в торговлю хлебом.

Водзиславский ключ был крупным помещичьим хозяйством, основанным главным образом на барщинной эксплуатации крепостных крестьян и отразившим в своем развитии все новые веяния, связанные с разложением феодальных отношений.

Рассматривая степень товарности помещичьего земледелия, следует ясно представить себе место, которое занимала в хозяйстве та или иная зерновая культура. В противном случае соотнесенная ко всему валовому сбору товарная часть зерновых не покажет истинного положения вещей, поскольку в этот общий валовой сбор войдет как пшеница, подавляющая часть которой шла на рынок, так и овес, в основном потребляемый внутри помещичьего хозяйства. Имеющиеся по Водзиславскому ключу данные о расходе зерновых (пшеницы, ржи, ячменя и овса) позволяют вычислить приблизительно среднюю долю зерновых, шедшую на внутреннее потребление помещичьего хозяйства, и долю, которая поступала на рынок.

При обработке имеющихся данных о расходе зерновых за основу при расчетах был взят не валовой сбор (обмолот) этих культур, а количество хлеба, которым помещичье хозяйство за это время располагало. Обмолот (валовой сбор) не мог быть взят за основу для расчетов, поскольку вместе с ним в расход поступало почти ежегодно некоторое количество хлеба, купленного или привезенного из соседних имений¹⁸⁹.

Поскольку общее количество зерновых, которым располагало ежегодно помещичье хозяйство Водзиславского ключа, было больше валового сбора (обмолота), получаемого в ключе, соотношение различных статей расхода зерновых с валовым их сбором дало бы еще более высокие показатели товарности отдельных культур и всего зернового хозяйства ключа в целом.

Зерновые, которыми располагало хозяйство Водзиславского ключа, в 1769—1793 гг. в среднем распределялись следующим образом (в %) ¹⁹⁰:

¹⁸⁹ Так как ежегодно вместе с урожаем текущего года обмолачивали остатки урожая зерновых прошлых лет (особенно это относится к ржи и ячменю) и вместе с тем ежегодно в расход шли амбарные запасы прошлых лет и возвращаемые крестьянами помещику зерновые ссуды, нельзя соотносить отдельные статьи расхода с валовым сбором и за отдельно взятые годы.

При подсчете были исключены также все взаимосключающие друг друга за указанные годы (1769—1793) купли-продаж, ввоз и вывоз зерновых в другие имения Ланцкоронского.

Этот метод вычисления был применен с единственной целью сблизить возможно больше валовой сбор с общим количеством зерна, которым ключ располагал в указанные годы. Несмотря на это, осталась значительная разница между этими суммами в отношении пшеницы, поскольку имел место значительный подвоз этой культуры из соседних ключей, и овса, так как значительные партии его закупались в связи с нехваткой этой фуражной культуры.

¹⁹⁰ Данные взяты из отчетов управляющих Водзиславским ключом, содержащихся в ЛФЦИА, д. 108, 114. Приводить расход зерна (в корцах) за указанное время было бы неверно потому, что неизвестны соответствующие суммы прихода и расхода зерна за некоторые годы (1771—1773, 1775—1776, 1779/80 гг.). В то же время, учитывая неизбежные колебания доли тех или иных статей расхода в пределах всего периода (1769—1793 гг.), средние процентные показатели могут быть распространены и на эти годы.

	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Все зерновые
Посевной материал . . .	13,8	23,0	19,1	33,1	23,4
Ординарии	3,7	17,5	17,7	7,6	11,7
Фураж скоту	2,0	0,5	1,8	48,9	14,6
Продажа на месте . . .	30,9	47,5	48,3	—	28,8
Вывоз в Гданьск . . .	47,4	2,5	4,5	1,2	14,7
Ученный документами валовой сбор	86,3	98,7	96,5	89,5	95,9

Приведенные в таблице данные о расходе зерна в Водзиславском ключе в конце 60-х—начале 90-х годов XVIII в. показывают, каким образом распределялись основные зерновые культуры. В качестве обязательных расходов внутри помещичьего хозяйства рассматривались расходы на посев, ординарии служащим и челяди ключа, а также на фураж скоту. Все зерно, не входившее в указанные статьи расхода (особенно посев и ординарии), помещичья администрация при внутривладельческих расчетах считала зерном, идущим в доход. Поэтому при сдаче фольварков в посессию или определении доходности земледелия эту часть зерна переводили на деньги¹⁹¹.

Основной товарной культурой в Водзиславском ключе была пшеница — 78% ее за указанный период (1769—1793 гг.) пошло на рынок. При этом именно пшеница была продуктом вывозной торговли хлебом, составляя свыше 85% всего вывоза зерна за указанные годы. Характерно, что пшеница, как наиболее ценная товарная культура, почти не расходовалась внутри помещичьего хозяйства, если не считать посевного материала. Последний в сравнении с остальными культурами составлял также значительно меньшую долю в общем расходе пшеницы. Это объяснялось тем, что администрация ключа больше всего пеклась о возделывании этой зерновой культуры, следила за тем, чтобы поля под пшеницу удобрялись навозом, чтобы посевы пшеницы очищались по возможности от сорняков, чтобы уборка и обмолот пшеницы производились в возможно короткие сроки с целью сохранения урожая. Средняя урожайность пшеницы была поэтому выше, чем средняя урожайность остальных зерновых.

Рожь и ячмень были основными продовольственными культурами. Значительная часть их шла на ординарии служащим и челяди (около 18%). Так как урожайность этих культур была сравнительно ниже, чем пшеницы, то и доля зерна, идущего на посев ржи (23%) и ячменя (19%), была в 1,5 раза больше, чем пшеницы. Однако и эти культуры дают в среднем весьма высокий процент товарной массы (рожь — 50%, ячмень — 53%). В отличие от пшеницы рожь и ячмень вывозились очень редко (рожь вывозили за 1769—1793 гг. лишь однажды, а ячмень — три раза)¹⁹². Большая часть обеих культур продавалась на местном рынке, в первую очередь жителям местечка Водзислав. Свыше 76% ячменя, поступавшего на местный рынок, продавалось в качестве сырья для пивоварения.

Сравнение с данными таблицы сведений о расходе зерновых в Берестечском ключе на Волини за 1775 г. показывает, что внутривладельческие расходы в обоих ключах сближаются в процентном отношении (А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 53).

¹⁹¹ См., например, ЛФЦГИА, д. 105, л. 13; д. 95, лл. 160—163, 166—167, 169.

¹⁹² Там же, д. 108, лл. 24—27; д. 114, лл. 97—92, 122—124.

Совсем иную картину давал овес. В среднем около половины его (49%) шло на корм скоту внутри помещичьего хозяйства. Овес был такой зерновой культурой, потребление которой почти не выходило за рамки самого помещичьего хозяйства. Но поскольку овес был фуражной культурой, а в помещичьем хозяйстве Водзиславского ключа производился откорм волов специально для продажи, овес таким путем становился одним из компонентов определенной меновой стоимости. Вычислить, какую долю составляла эта часть овса, не представляется возможным. Очевидно лишь то, что она была невелика и ею можно пренебречь при выведении средних показателей в целом по ключу. Что касается прочих статей внутреннего потребления овса, то здесь следует выделить часть, шедшую на посевы (33%). То, что треть овса уходила на посевы, объяснялось невысокой урожайностью этой культуры.

По-видимому, возделыванию овса помещичья администрация не уделяла особого внимания, возмещая плохую урожайность расширением его посевов.

Если брать в целом основные зерновые культуры, то окажется, что Водзиславский ключ выбрасывал на рынок свыше $\frac{2}{5}$ всего имеющегося хлеба (43%). При этом доля зерна, которая шла на вывоз, составляет примерно треть зерна (около 15%), выбрасываемого помещичьим хозяйством Водзиславского ключа на рынок¹⁹³.

Отсюда следует, что при изучении товарности отдельных помещичьих хозяйств необходимо учитывать не только то, какая часть хлеба, производимого на фольварках, попадала на внешний рынок. Несмотря на то, что продажа хлеба на местных рынках была еще связана часто с условиями чисто феодального характера (например, продажа хлеба жителям местечка, входившего в состав владений помещика, и т. д.), с нею нельзя не считаться, когда речь идет о товарности земледелия в помещичьем хозяйстве второй половины XVIII в.

Приведенные выше цифры о расходе зерновых дают возможность судить о помещичьем хозяйстве Водзиславского ключа, как о хозяйстве, тесно связанном с рынком и далеким от той натуральной замкнутости, какая присуща типичным барщинным поместьям средневековой эпохи. Конечно, в хозяйствах средней и мелкой шляхты Малой Польши товарность земледелия была, по-видимому, значительно меньшей, чем в крупных помещичьих хозяйствах типа Водзиславского ключа.

Средние показатели товарности земледелия в целом за 1769—1793 гг. не дают возможности судить о том, возрастала или падала доля товарного хлеба в изучаемое время. Колебания были довольно значительными. Так, в отдельные годы шло на вывоз от 34 (1780/81 г.) до 80% (1788/89 г.) общего количества пшеницы, имевшейся в ключе. Всего на продажу шло от 43 (1780/81 г.) до 87% (1785/86 г.) пшеницы, от 37 (1780/81 г.) до

¹⁹³ А. И. Баранович, изучая магнатское хозяйство юга Волыни, пришел к выводу, что помещики юга Волыни продавали в среднем около 16% производимого хлеба, исключая при этом из обмолота посевной материал (А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 57). Очевидно, он имел здесь в виду ту долю зерновых, которая шла на внешний рынок (см. его статью «Фольварки Вишневецкого ключа во второй половине XVIII в.» в сборнике «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 304). По данным Р. Зубика, изучавшего состояние фольварочного хозяйства в конце XVIII в. на примере трех фольварков, расположенных вблизи г. Перемышля, в 1795—1798 гг. с этих фольварков шло на продажу около 28% урожая основных хлебов (R. Zubyk. Gospodarstwo folwarczne z końcem XVIII wieku. — «Studja z historii społecznej i gospodarczej...». Lwów, 1931, str. 250, 251).

66% (1791/92 г.) ржи и от 39 (1780/81 г.) до 68% (1791/92 г.) ячменя, которым располагал Водзиславский ключ¹⁹⁴.

Доля товарного зерна была в зависимости не только от внутреннего потребления зерновых. Удельный вес последнего вырастал в неурожайные годы, так как объем ординарии, выдаваемой челяди и служащим, не уменьшался, а количество посевного материала возрастало. В результате помещичье хозяйство могло выбрасывать на рынок хлеба значительно меньше, чем в благоприятные годы. Если брать данные о расходе зерновых в Водзиславском ключе в 70-х годах XVIII в., то представить картину колебания доли товарного зерна весьма трудно, так как некоторые хозяйственные отчеты ключа за эти годы не сохранились вовсе, а сохранившиеся отчеты слишком неоднородны (в отношении сроков, охватываемых отдельными отчетами), и данные их поэтому не могут быть сравниваемы. Можно лишь предполагать, что товарность зернового хозяйства в целом росла вплоть до урожайного 1777/78 г. После этого наблюдалось падение; наибольшим оно было, по-видимому, в неурожайном 1780/81 г. С 1781 г. начинается снова общий рост товарности зернового хозяйства с небольшими отклонениями.

Если сравнить данные об урожайности зерновых в Водзиславском ключе с данными о товарности зерновых, то станет ясной прямая зависимость между урожайностью и долей товарного зерна. Это обстоятельство объясняется тем, что объем внутреннего потребления зерновых в помещичьем хозяйстве был более или менее стабилен, изменяясь лишь в зависимости от присоединения к помещичьему хозяйству новых фольварков. В то же время общая сумма зерна, которым располагало помещичье хозяйство, зависела от урожая, полученного в каждом отдельном случае. Поэтому доля товарного хлеба в первую очередь зависела от ежегодного сбора зерновых.

Эта зависимость еще раз подтверждает тот факт, что помещичье хозяйство (земледелие) в Водзиславском ключе было в 70-е—80-е годы XVIII в. приспособлено в основном для производства зерновых на рынок, носило товарный характер.

Вторая половина 80-х годов по товарности зернового хозяйства Водзиславского ключа была выше среднего уровня товарности за 1769—1793 гг., если брать пшеницу и рожь, и оставалась на том же уровне, если брать ячмень. В связи с этим характерно следующее явление. Наиболее высокий уровень по товарности был достигнут во второй половине 80-х годов XVIII в. в рамках тех фольварков, которые составляли основу помещичьего хозяйства. С возвращением из посессий ряда других фольварков товарность зерновых культур понижается. Помещичье хозяйство фольварков, находившихся в посессии, было поставлено хуже и давало меньше товарного зерна. На этих фольварках, в частности, были более низкие урожаи, выше удельный вес посевного материала в общем расходе зерновых, чем на тех фольварках, которые в посессию не сдавались и где помещичье хозяйство было поставлено лучше.

Данные о товарности земледелия в помещичьем хозяйстве Водзиславского ключа не дают оснований для вывода о том, что помещичье хозяйство этого ключа в конце 60-х—90-х годах XVIII в. переживало упадок, хотя разложение старых, феодальных, производственных отношений уже шло в нем полным ходом. Барщинно-фольварочное хозяйство Водзиславского ключа в рассматриваемое время уже не имело замкнутого, натураль-

¹⁹⁴ Данные из отчетов, имеющих в ЛФЦГИА, д. 108 и 114.

ного характера¹⁹⁵. Оно было связано с рынком, а точнее говоря, производство его в большей степени было рассчитано на торговлю сельскохозяйственными продуктами, чем на внутреннее потребление последних.

В. И. Ленин, имея в виду помещичье хозяйство России, указывал, что производство хлеба помещиками на продажу было предвестником распада старого режима¹⁹⁶. Это ленинское положение применимо и к развитию польского помещичьего хозяйства.

Говоря о господстве натурального хозяйства, В. И. Ленин имел в виду не только торговлю сельскохозяйственными продуктами, но и другие стороны этого хозяйства. В частности, натуральность помещичьего хозяйства была тесно связана с тем, что все хозяйственные нужды удовлетворялись его внутренними ресурсами (в первую очередь ресурсами крестьянского хозяйства) и оно не нуждалось или почти не нуждалось в хозяйственной помощи извне.

Средства, получаемые помещиком от торговли сельскохозяйственными продуктами, и в XVIII в. поступали в хозяйство в очень ограниченном размере. Они шли большей частью на потребительские нужды помещика и его семьи. В этом состоял паразитизм помещичьего класса по отношению к данному способу производства. Польское помещичье хозяйство, несмотря на длительное развитие производства сельскохозяйственных продуктов на продажу, продолжало сохранять свой натуральный характер, почти все расходы по воспроизводству ложились на крестьянское хозяйство.

Начало более решительного разрушения натуральности крепостнического хозяйства в Польше необходимо связывать, по-видимому, не только с развитием производства хлеба на продажу, но и с переходом помещика к хозяйствованию своим инвентарем, своим рабочим скотом, с переходом помещика к частично оплачиваемому труду своих крепостных. Иными словами, распадение старого режима надо связывать с обращением помещиком части средств, получаемых от реализации прибавочного продукта, на нужды воспроизводства. Такой шаг в развитии помещичьего хозяйства был подготовлен длительным развитием в помещичьем хозяйстве производства сельскохозяйственных продуктов на продажу, и именно ленинское указание по этому поводу дает ключ к решению всей проблемы разложения феодализма в Польше.

Крупное помещичье хозяйство, каким был Водзиславский ключ во второй половине XVIII в., оставаясь хозяйством феодальным по господствовавшим в нем производственным отношениям, в то же время является примером эволюции помещичьего хозяйства в эпоху начавшегося разложения феодальных отношений. Натуральный характер этого хозяйства был уже разрушен продолжительным развитием производства сельскохозяйственных продуктов на продажу. Продажа эта была источником получения денежных сумм, часть которых уже постоянно вкладывалась в хозяйство. Поэтому в этой продаже содержалось новое качество.

Положение изменилось, во-первых, потому, что производство хлеба на продажу стало во второй половине XVIII в. основным стимулом для развития помещичьего хозяйства; во-вторых, потому, что средства, получаемые от сбыта сельскохозяйственной продукции, частично шли на производственные нужды, хотя подавляющая часть их продолжала по-прежнему расходоваться на потребительские нужды помещика.

¹⁹⁵ А. И. Баранович, изучавший помещичье хозяйство южной Волыни в XVIII в., пришел к выводу, что феодальное поместье оставалось замкнутым целым, хотя производство хлеба на продажу и возрастало (см. А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 62, 180).

¹⁹⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 158.

Наличие производства на продажу основного продукта сельского хозяйства — зерновых не является еще признаком развития буржуазных отношений. Однако, ведя к проникновению товарно-денежных отношений в сферу, где до этого безраздельно господствовала феодальная рента, производство хлеба на продажу подготовило постепенно проникновение буржуазных отношений в сельское хозяйство, победу этих отношений в будущем. Так как этот процесс шел под прикрытием различных феодальных оболочек, развитие происходило медленно.

Изучение отдельных хозяйственных ячеек, какими были помещичьи имения (ключи) в период начавшегося разложения феодализма, показывает перемены, которые происходили внутри помещичьего хозяйства в указанное время. Традиционное натуральное хозяйство в этот период окончательно распадается, перерастает в товарное. Товарно-денежные отношения проникают хотя и весьма медленно, но неуклонно в хозяйство. Наконец, рядом с крепостническими отношениями в сфере производства вырастают такие явления, как постоянная низкооплачиваемая работа крепостных и *luźnych* в помещичьем хозяйстве (в виде крепостного батрачества и принудительного найма).

Основной фигурой производства в рамках принудительного найма и крепостного батрачества продолжал оставаться крепостной крестьянин. Но рядом с ним все чаще появлялась фигура наемника из числа *luźnych*. Помещик имел право назначать произвольную плату за такой труд, т. е. прибегал к внеэкономическому принуждению. Последнее проявлялось и в том, что крепостные и *luźni* не могли отказаться от выполнения той или иной работы за такую плату, какая будет установлена помещичьей администрацией. Плата эта колебалась в определенных рамках между оценкой дня пешей и тягой барщины с тенденцией к повышению в случае выполнения срочных или квалифицированных работ.

Переход к новым формам эксплуатации непосредственных производителей вызывался по крайней мере двумя причинами. Во-первых, дальнейшее расширение помещичьего хозяйства с целью повышения его товарности наталкивалось все более на низкую производительность барщинного труда. Чтобы стимулировать производительность труда, помещик должен был переходить к вознаграждению за труд как поощряющей мере. Именно благодаря этому принудительный наем приобретал совершенно новое качество, роднившее его с наемным трудом. Во-вторых, расширение помещичьего хозяйства встречало препятствие ввиду недостатка рабочих рук, получаемых за счет отработочной ренты. Дальнейшее повышение норм барщины было немыслимо в отношении кметских хозяйств, обязанных еженедельной пятидневной барщиной. Повышение норм пешей барщины в отношении безземельных и малоземельных крепостных могло быть осуществлено практически только путем перевода их в разряд крепостных батраков. Это в свою очередь упиралось в узость собственной производственно-технической базы в помещичьем хозяйстве.

Более радикальным способом решения проблемы рабочих рук для помещичьей администрации оказался низкооплачиваемый наем *luźnych*, безземельных и малоземельных крепостных и жителей местечка и перевод незначительной части крестьян на положение крепостных фольварочных батраков¹⁹⁷. Решая таким образом проблему получения новых рабочих рук в земледелии, помещик, конечно, не понимал, что он делает шаг к переводу в будущем своего хозяйства на рельсы наемного труда. Он был озабочен лишь тем, чтобы подешевле получить новый источник труда.

¹⁹⁷ Я. Рутковский. Экономическая история Польши М., 1953, стр. 287—289.

Появление крепостных постоянных работников на фольварках и широкое развитие принудительного найма были тесно связаны с тем, что зерновые и другие сельскохозяйственные продукты поступали во все увеличивающихся количествах на рынок.

Всякий шаг по пути разложения феодализма, приближавший помещичье хозяйство к буржуазному способу производства, отражался на всех основных сторонах его жизни. Производство хлеба на продажу в эпоху разложения феодализма подготавливало почву, на которой впоследствии выросло капиталистическое крупное сельское хозяйство. Из принудительного по существу найма *luźnych* и крепостных в помещичьих имениях развился позднее наемный труд в сельском хозяйстве. Самым ходом экономического развития во второй половине XVIII в. постепенно подготавливалась почва для смены одних отношений производства другими, более прогрессивными, дающими новые возможности для развития производительных сил.

То обстоятельство, что развитие капитализма в сельском хозяйстве Польши пошло по прусскому пути, наложило яркий отпечаток на весь ход изживания феодальных отношений в производстве. Помещичье хозяйство (если иметь в виду такое крупное хозяйство, как Водзиславский ключ) не испытывало в этих условиях резкого падения уровня производства, несмотря на происходившее разложение феодальных отношений.

Вековые формы эксплуатации крестьян, характерные для крепостнической эпохи (в первую очередь барщина), постепенно вытеснялись здесь новыми формами эксплуатации батраков и сезонных рабочих из числа *luźnych* и крестьян; переходными в этом отношении были такие формы эксплуатации, как крепостное батрачество и принудительный наем, сочетавшие в себе черты старого и нового. Помещичье хозяйство, начинавшее создавать свою производственно-техническую базу, тем самым подготавливало еще один элемент для своего последующего развития по пути капитализма. Решение проблемы увеличения товарности зернового хозяйства в рамках крепостной системы подрывало все больше традиционные устои феодального хозяйства, ведя к неуклонному вытеснению докапиталистических форм ренты в их чистом виде, и таким образом ставилась под вопрос экономическая целесообразность дальнейшего существования феодальной системы хозяйства.

Е. А. Ефремов

ФОРМИРОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В ДАЛМАТИНСКОЙ ХОРВАТИИ В X—XI вв.

(Формирование крупного феодального землевладения)

Введение

Данная статья имеет целью выяснение вопроса формирования крупного феодального землевладения в Далматинской Хорватии в X—XI вв. Исследование этой проблемы является одной из важных и в то же время одной из сложных задач славянской медиевистики. Разрешение такой задачи связано со значительными трудностями в силу недостаточности имеющихся источников, отрывочности, лапидарного характера сообщений в сохранившихся грамотах. Поэтому невозможно рассчитывать на восстановление картины феодального крупного землевладения в полной мере, и автор ограничивает свою задачу попыткой выяснить лишь основные тенденции формирования феодальной собственности на землю.

Изучением социального строя Хорватии периода раннего средневековья занимались буржуазные историки различных стран, но и по настоящее время социально-экономические отношения остаются еще недостаточно изученными. Серьезное исследование прошлого хорватов начинается по существу лишь со второй половины XIX в. После революции 1848 г. в Хорватии усилилось стремление к независимости, что вызвало широкое общественное течение и развитие идей независимого самобытного развития хорватов. Стесненная хорватская буржуазия апеллировала к народу, демократии в ее буржуазном представлении. Во второй половине XIX в. складывается буржуазная историческая школа, которая поддерживает и развивает идеи самобытного развития хорватов с момента появления их в Далмации. Эти идеи, по их мнению, должны были явиться обоснованием независимости общественного развития хорватов как в прошлом, так и в настоящем. Общественный строй хорватов изучался через призму задружного быта, родо-племенного строя, исключавшего феодальные отношения. Как известно, южнославянская задруга привлекла внимание многих исследователей, в результате чего появилось немало литературы, посвященной задруге. Однако специальных исследований по аграрным отношениям до XII в. существует сравнительно немного.

Одним из первых исследователей общественного строя хорватов был основатель буржуазной исторической хорватской школы Фр. Рачки,

который выработал общую концепцию социального развития хорватского народа в ранний период средневековья. Сущность его концепции заключается в признании господства в Хорватии до XII в. родо-племенных отношений¹. Хорватское общество, по мнению Рачки, состояло в рассматриваемое время из свободных людей и зависимых. Слой свободных состоял из вилланов — свободных держателей земель, которые по своему усмотрению распоряжались землями: дарили, продавали их. Следующим слоем было племя — дворянство, состоявшее из высшего слоя — великашей и низшего племства. К высшему слою племства относились жупаны, баны и придворная знать, а остальные составляли слой рядового племства (*nobiles*). Процесс образования племства происходил по мере выделения из основной массы старейшин племен, родов, братств. Со времени прихода в Далмацию хорваты расселились отдельными племенами по жупам, племенным территориям, но потом население перемешалось, жупы приобрели территориальное значение и в них уже в X—XI в. проживало по нескольку племен. Когда в IX в. образовалось государство, его возглавил князь или великий жупан, а с 925 г. Хорватия превращается в королевство. Жупаны сохраняли за собой положение предводителей племен, которых, по мнению Рачки, было 12. Они являлись представителями наиболее выдающихся родов, из них формировалась дружина короля. Эти роды составляли остов хорватской аристократии. В их руках сосредоточивались крупные земельные владения. Они подчиняли своему влиянию местную власть. Племя и особенно знать опирались на наследственные владения — баштины. На их землях сидело прикрепленное несвободное население — кметы, которые платили господам поземельные поборы².

У хорватов, следовательно, существовало «племенное» государство, истоки которого коренились в задружной жизни, родственных связях, коллективной собственности членов задруг, братств. У хорватов не получило развития право личного распоряжения недвижимым имуществом: таковым распоряжалась задруга, братство, а не отдельные члены семьи. Нетронутой осталась и племенная иерархия не только в рассматриваемое время, но и позже³. Вассальных отношений до XII в. не было, так как отношения короля к королевской дружине строились на иной основе, чем на Западе. В рассматриваемое время не было феодальных институтов, не было феодализма⁴. Взгляды Рачки и его школы во многом устарели, но не потеряли интереса до наших дней. Точка зрения Рачки на отношения земледельческого зависимого населения с господами гораздо ближе к истине, чем точка зрения буржуазных историков XX в. Теория «племенного» государства, безраздельного господства задружных хозяйств, родственных отношений явилась в результате влияния идей «самобытного» развития хорватов. Крупное землевладение констатируется им как уже сложившееся, опускается из виду продолжавшаяся концентрация земель за счет мелких землевладельцев, за счет распада задруг и в результате развития частной собственности на землю.

Хорватские буржуазные историки в основном разделяли точку зрения Рачки на устройство общественной жизни хорватов периода раннего средневековья. Большинство исторических исследований XIX—XX вв. так или иначе обосновывали господство родо-племенных отношений до XII в. Новых изысканий в области аграрных отношений не предпринималось ни

¹ Fr. Rački. Nutarnje stanje Hrvatske prije XII stoljeća. — «Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti», kn. 57, 70, 91, 99, 105.

² Rad, kn. 70, str. 174.

³ Rad, kn. 57, str. 134.

⁴ Rad, kn. 91, str. 162.

в конце XIX в., ни в начале XX в. Гораздо больше уделялось внимания вопросам задружного хозяйства и происхождения племства. В вопросе происхождения последнего сложилось два направления: первое держалось точки зрения возникновения племичей из родовых, племенных старейшин хорватских племен, второе признавало господами 12 племен в целом, объявляло их всех племичами.

Так, В. Клаич в конце XIX в. собрал материал о 12 хорватских племенах и выдвинул теорию господства этих племен над остальным населением⁵. По его мнению, хорваты — представители 12 племен — со времени своего прихода покорили славянское население и авар, живших в Далмации до прихода хорватов. Как завоеватели хорваты захватили земли, а население превратили в зависимое. Таким образом, Клаич развивал идеалистические идеи завоевательной теории образования господствующего класса и государства. К сожалению, он не дал характеристики хозяйственного положения господ-племичей, в силу чего собранный им материал имеет лишь относительную ценность для выяснения вопроса о землевладении господствующего класса⁶.

Точка зрения Клаича встретила возражения и не была принята рядом исследователей. К числу таковых следует отнести хорватского историка первой половины XX в. Ф. Шишича. Ф. Шишич не дал специальных работ по истории аграрных отношений раннего средневековья, но в своей работе «История Хорватии во время правления народной династии»⁷ он останавливается на характеристике внутреннего положения вплоть до XII в. Ф. Шишич разделяет мнение Рачки по вопросу деления общества хорватов на свободных и несвободных, состав свободных им определяется так же, как и у Рачки: villane, горожане, племичи, делившиеся на два разряда. Племяство произошло из племенных предводителей и старейшин, т. е. Шишич отвергает теорию Клаича. Но зависимое население состояло, по его мнению, не из «колонов» — зависимых крестьян, а из сервов, положение которых не отличалось от положения римских рабов⁸. Признание родо-племенного строя со всеми его атрибутами, отрицание феодальных отношений и элементов феодализма также присуще концепции Шишича⁹.

По его представлениям, зависимых крестьян вообще не было в Хорватии до XII в., но были лишь свободные арендаторы земель. Эти взгляды Шишича свидетельствуют об отходе хорватских буржуазных историков XX в. от либеральных позиций своих предшественников в объяснении общественных явлений; буржуазные историографы занимают более правые позиции, чем их предшественники.

⁵ V. Klaić. Hrvatska plemena od XII do XVI stoljeća. — Rad, kn. 130.

⁶ В последнее время точку зрения Клаича по вопросу о 12 племенах и образовании государства поддерживает Л. Гауптманн («Podrijetlo hrvatskoga plemstva». — Rad. 273; «Hrvatsko praplemstvo». Razprave, Ljubljana, 1950). Однако Гауптманн не уделяет должного внимания анализу материального и социального положения хорватского «племства», в силу чего основные его положения остаются необоснованными. Более того, Гауптманн тенденциозно сгущает краски в изображении прошлого хорватского народа. Его утверждения вызвали серьезные возражения и критику со стороны хорватских историков. См. например, O. Mandić. Bratstvo u ranosrednjovjekovoj Hrvatskoj. — «Historijski zbornik», God. V. Zagreb, 1952; N. Klaić. L. Hauptmann. Hrvatsko praplemstvo. — «Historijski zbornik», Zagreb, 1956. Следует отметить, что Пайскер в отличие от Клаича рассматривал 12 племен и их предводителей охорвачеными германцами. Завоевательная теория внесла много путаницы и извращений в объяснение прошлого хорватского общества.

⁷ F. Šišić. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925.

⁸ Там же, 668.

⁹ Там же, стр. 651—676.

Хорватской буржуазной исторической школе присуще единое мнение об отсутствии феодальных отношений у хорватов в X—XI вв. и о господстве родо-племенных отношений не только до XII в., но и в более позднее время. Такая трактовка вопросов общественной жизни хорватов раннего периода средневековья страдает существенными искажениями в освещении истории хорватского народа. В этом проявилась порочность буржуазной методологии в понимании общественных явлений исторического прошлого.

Немало интереса к изучению истории хорватского общества было проявлено со стороны русских исследователей. Интерес русских историков к аграрным отношениям различных народов, в том числе и хорватов, был обусловлен общим интересом к судьбам общинного быта и общинного хозяйства, волновавшим общественную мысль пореформенного периода. Изучением аграрных отношений больше других занимался профессор Казанского университета И. Н. Смирнов, который посвятил несколько работ истории раннего периода средневековья Хорватии¹⁰. По его мнению, земли в Хорватском государстве в X—XI вв. принадлежали королю, банам и жупанам, церквям и монастырям, городским и семейным общинам¹¹. Земельные владения короля состояли из разбросанных по всей стране территорий, селений. Часть королевских земель перешла в руки духовенства и дворянства, придворным чиновникам, жупанам и другим лицам. Владения банов и жупанов состояли из пожизненных ленов короля и наследственной поземельной собственности. Пожалованными землями держатели не могли распоряжаться по своему усмотрению и в случае отчуждения таких необходимо было получить особое согласие короля. Эти отношения напоминали, по мнению Смирнова, ленные отношения в Германии, тем не менее он не делает вывода о господстве феодальных отношений в Хорватии рассматриваемого времени.

Королевскими землями, по его мнению, пользовались не только свободные люди, но и колонь. Значительная часть земель короны находилась в руках закрепощенного населения. Владения церкви, светской знати, крупных землевладельцев обслуживались также несвободным населением. Остальные земли принадлежали городским и семейным общинам. Распоряжение землей находилось в руках семейных общин, члены же этих общин лишь пользовались землями и не могли без ведома общины ни отчуждать ни распоряжаться ими по своему усмотрению. Эти земли назывались «дединой». Смирнов в основном разделяет мнение хорватских историков по вопросам устройства общественной жизни хорватского народа, считая характерными чертами быта хорватов задружные начала, равенство членов в семейных общинах и выборное начало. Вслед за другими буржуазными историками Смирнов утверждал, что хорваты, как и вообще славяне, не выработали общих понятий наследования и личной собственности. Это и понятно. Исходными позициями буржуазной историографии служит идеалистическое мировоззрение. В основе развития общества лежит, по их мнению, развитие идей и понятий, но не производство материальных благ. Следует отметить, что идеалистические позиции взглядов Смирнова привели его к утверждениям, что сознанию хорватов была доступна лишь жупа, а государства они не понимали, остава-

¹⁰ См. И. Н. Смирнов. Очерк истории хорватского государства до подчинения его угорской короне. Казань, 1880; его же. Землевладение в Хорватии и Далмации в X—XI вв. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), 1884, ч. CCXXXV.

¹¹ Там же, ч. CCXXXV, стр. 307.

лись разделенными на племена или роды. Если и появилось у хорватов государство, то лишь в результате влияния германцев¹².

Смирнов неизвестно почему относил большинство грамот, содержащих сведения о поземельных отношениях, к городским общинам и неосновательно считал, что о сельской общине грамоты сведений не дают. Им было отмечено разложение задружных хозяйств, развитие частной собственности на землю, но он далек от мысли проследить влияние романизованного населения на славян в области развития частнособственнических отношений. Для него этой проблемы не существует, хотя в области внешнеполитической истории влияние далматинских городов на судьбы хорватского государства и народа им сильно преувеличено. Такое же преувеличенное значение придается им влиянию католической церкви на хорватов.

Смирнов, как и другие буржуазные историки, понимал феодальные отношения как совокупность надстроечных явлений, а не производственных отношений; это и явилось причиной порочных представлений об историческом прошлом хорватского общества, помешало занять правильные позиции и дать научное объяснение устоев общественной жизни хорватского народа рассматриваемого времени.

В настоящее время историки Югославии пересматривают историю своей страны, отказываются от устаревших и малообоснованных теорий буржуазной историографии. Следует отметить выход в свет сводного труда по истории народов Югославии, составленного коллективом авторов¹³. Авторы глав по раннему периоду средневековой истории Хорватии отказались от теории господства родо-племенных отношений и приходят к заключениям о развитии феодализма в Хорватии в ранний период средних веков.

Коллектив авторов уделил необходимое внимание также и сельской общине, которая игнорировалась буржуазными историками¹⁴.

Однако трудно ожидать от обобщающего труда разрешения всех сложных вопросов развития феодальных отношений — решение ряда важных проблем только намечено. Требуется еще исследовать конкретные пути возникновения и развития феодального землевладения, образования различных категорий землевладельцев. Этим и определяется наш интерес к предлагаемой теме. Разумеется, мы не можем дать исчерпывающего решения намеченных вопросов, но сама постановка таковых и исследование путей развития феодализма на основе конкретного фактического материала будут, как нам представляется, не бесплодны в деле изучения социально-экономических отношений хорватского общества раннего периода средневековья.

Основным источником для изучения аграрных отношений в период становления феодализма в Далматинской Хорватии X—XI вв. являются дарственные грамоты, акты купли-продажи земель, которые содержатся в собраниях документов и грамот, изданных Фр. Рачки¹⁵. Эти грамоты в прошлом являлись достоянием церковно-монастырских архивов, в них содержатся сведения об имуществе, землях, которые сосредоточивались в руках церковно-монастырских хозяйств. Дарственные грамоты, акты

¹² И. Н. Смирнов. Очерк истории..., стр. 94.

¹³ «Historija naroda Jugoslavije». I. Zagreb, 1953 (HNJ).

¹⁴ См. отзыв о данном произведении: «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 158—162.

¹⁵ «Documenta historiae chroatica periodum antiquam illustrantia» (далее — D), Zagreb, 1877. Грамоты монастыря св. Петра приводятся нами по изданию В. Новака (см. «Supetarski kartular». V. Novak P. Skok. Zagreb, 1952).

купли-продажи земель обычно содержат сведения об объекте отчуждения; упоминаются, в частности, пахотные поля, луга, лес, виноградники, постройки, несвободные люди и т. п. В них содержатся сведения о лицах, отчуждающих недвижимость, порой приводятся свидетели акта отчуждения с указанием социального положения и без указания такового. В грамотах нередко содержится описание границ отчуждаемого участка, но сведения о площади участков, как правило, отсутствуют. В большинстве случаев описание объекта дарения дается суммарно, посредством стандартной формулы, в которой в общем виде отмечается передаваемый надел.

Наиболее ранние сведения о пожалованиях земель церквям относятся к середине IX в.; эти пожалования исходили от хорватских князей. В X в. таких пожалований земель церквям, монастырям поступало больше, грамоты содержат сведения о дарениях не только князей, но и знати, представителей различных слоев хорватского общества. Но основная масса дарственных грамот и актов купли-продажи земель относится к XI в., точнее, ко второй половине XI в., когда были основаны монастырские корпорации на собственно хорватской земле. Монастыри в приморской части Хорватии существовали и до XI в., но они были расположены преимущественно на землях далматинских городов, пользующихся муниципальным самоуправлением и независимостью от хорватской короны, что затрудняло рост их владений за счет хорватского населения. К середине XI в. на хорватской земле возникли монастыри св. Иоанна в Белграде¹⁶, св. Петра в Полице и др. К тому же связи хорватского населения с далматинскими городами к XI в. упрочились, что создало новые возможности для притока земель в церковно-монастырские хозяйства, расположенные на территориях далматинских городов. Князья, а с 925 г. уже короли Хорватии, зная, состоятельные землевладельцы, отдавали монастырям земельные владения. Грамоты, собранные в монастырских картуляриях, дают важные свидетельства о процессе концентрации земель в руках монастырей, о путях формирования крупного церковно-монастырского феодального землевладения. Картулярный материал является ценнейшим источником для изучения монастырского хозяйства.

Гораздо хуже обстоит дело с источниками по светскому феодальному землевладению. Для восстановления картины состояния светского феодального землевладения мы располагаем лишь теми же дарственными грамотами и актами купли-продажи земель, которые содержатся в монастырских картуляриях. Поскольку дарения недвижимости монастырям, церквям производились представителями различных слоев населения, то этот материал может служить источником для изучения светского землевладения. Естественно, грамоты картуляриев не могут дать полного представления о светском феодальном землевладении, но основные тенденции в развитии такового можно выяснить.

Отсутствие иных источников о светском землевладении значительно осложняет исследование аграрных отношений. На основе сообщений грамот картуляриев порой совершенно невозможно восстановить социальное положение лиц, упоминаемых в грамотах в качестве дарителей или отчуждающей стороны. К тому же, как правило, данных об объеме владений того или иного феодала в грамотах не содержится, в силу чего мы можем рассчитывать лишь на приблизительно точное представление о хозяйстве знати, феодализирующихся элементов. Иногда в грамотах содержатся непосредственные данные о социальном положении традента,

¹⁶ Имеется в виду Белград, расположенный на далматинском побережье Адриатического моря.

отчуждающего лица; порой содержатся сведения о населении, которое обрабатывало отчуждаемые земли, что также облегчает разрешение вопроса о социальном положении отчуждающих. Но большая часть грамот содержит лишь имя дарителя, членов его семьи или родственников, если это было коллективное отчуждение. Поэтому при определении социального положения того или иного лица, если отсутствуют непосредственные данные о нем, приходится использовать различные косвенные свидетельства.

При определении социального положения различных лиц могут оказать услугу данные об объекте дарения, состав свидетелей, указания на разбросанность участков, принадлежавших одному и тому же лицу. В грамотах иногда содержатся сообщения о передаче светским лицом церкви тому или иному монастырю, что дает основание к суждению о социальном положении дарителя. Состав свидетелей, которые обычно выступают в грамотах как при дарениях, так и при продаже недвижимости, также проливает свет на социальное положение отчуждающего. Отчуждение значительных владений, участков земли обычно происходило при представителях местной власти — жупанах, их заместителях, знатных лицах королевского двора и т. п. В актах купли-продажи земель обычно обозначена цена участка, но нет данных о площади отчуждаемой земли. Лишь в одной из грамот имеется такое указание на площадь отчуждаемой земли (она измеряется количеством засеваемого зерна), но и это сообщение может оказать услугу при определении площадей, скупаемых монастырями.

Все эти данные могут быть использованы при определении социального положения лиц, выступающих в грамотах в качестве отчуждающих сторон. Однако во многих грамотах нет никаких косвенных данных о положении отчуждающих, тем более что передавались, продавались не все земли отчуждающего, а лишь часть таковых. Мы лишены возможности восстановить объем владений того или иного лица, так как сведений о совокупности владений традента, отчуждающего, нет и восстановить действительную картину их хозяйства не представляется возможным. В большинстве случаев отсутствуют сведения о том, кто обрабатывал земли, которые переходили в руки церквей и монастырей.

Из числа нарративных памятников, имеющих отношение к нашей теме, следует отметить хронику сплитского хрониста XIII в. Фомы-архидиакона¹⁷. В его хронике событий церковной истории содержатся сведения о росте церковно-монастырского хозяйства за счет богатых даров князей и королей Хорватии. Важное значение хроника Фомы-архидиакона имеет при выяснении общественных отношений в целом: его сведения помогают восстановить подлинные отношения в Хорватии рассматриваемого времени и опровергают точку зрения сторонников господства племенных отношений. Фома определенно отрицает наличие племен как в XIII в., так и в более раннее время; по его мнению, племена исчезли вскоре после прихода хорватов в Далмацию. В целом же он враждебно настроен к хорватам, защищает интересы далматинских городов, и его сведения требуют критического отношения.

Источники не дают нам представления о развитии аграрных отношений в различных частях Хорватии: грамоты, изданные в собрании документов, относятся к Далматинской Хорватии и почти совершенно отсутствуют сведения о Посавской Хорватии. Поэтому цельное представление о поземельных отношениях для всей Хорватии раннего средневековья составить трудно.

¹⁷ Thomas-archidiaconus. Historia salonitana. Zagrabiae, 1894. Ed. Fr. Rački.

Но основные тенденции в развитии феодального землевладения в Далматинской Хорватии в X—XI вв., как нам представляется, можно выявить на основе тех источников, которыми мы располагаем.

Королевское землевладение

Одним из наиболее крупных землевладельцев в Хорватии X—XI вв. являлся король. Королевские владения в грамотах именуются «terra regalis», «villa regalis», «territorium regale» и т. п. Эти владения были разбросаны по всей территории государства, но главным образом они сосредоточивались в приморье между Трогиром и Сплитом, Сплитом и Омишем, близ Белграда, Нина, Задара, Книна¹⁸. Трудно судить о размерах данных владений, но вряд ли можно сомневаться в их значительности.

Наиболее ранние сведения о княжеских владениях дают дарственные грамоты IX в., в которых эти владения именуются *possessiones*¹⁹. Из дарственной грамоты от 892 г. следует, что в состав владения входят поля (*campi*), виноградники (*vinei*), луга (*prati*), леса (*silvae*) и прочее недвижимое и движимое имущество²⁰. *Possessio*, по мнению Рачки, тождественно по своему значению владению, выступающему под термином *praedium*²¹. И в том и в другом типе владения непосредственные производители именуются «*servi et ancillae*»²², т. е. несвободное население, прикрепленное к земле.

Довольно часто в дарственных грамотах, как и в других актах, говорится о королевских владениях, обозначаемых термином *terra*²³. Эти владения обычно выступают в грамотах с указанием расположения, как, например: *terra in Tochinia*, *terra Salone*, *regis terra in Dollani*²⁴ и т. п. Упоминаются земли обрабатываемые (*terra cultae*) и земли необрабатываемые (*terra incultae*), куда относятся леса, пастбища, пустоши, овраги, горы. Владения, выступающие под термином *terra*, являются земельными участками неопределенной величины, но иногда эти владения состояли из поселений с прилегающими к ним землями. Так, владения, именуемые *terra in Dollani*, *terra in Elčani*, *terra in Komenjani*, являются селами, расположенными сравнительно недалеко одно от другого²⁵. Несмотря на то, что упомянутые владения по актам отчуждаются, переходят в руки других владельцев, о населении данных сел ничего не говорится. Можно предположить, что население упомянутых поселений не является несвободным, так как оно не входит в состав даримого; факт дарения населения, проживавшего на передаваемых землях, был бы непременно отмечен. Вероятно, население обладало личной свободой, но в то же время оно не являлось собственником земель, сидело на землях государя.

Некоторые из княжеских и королевских владений, а равно и других владельцев выступают под наименованием *curtis*²⁶. *Curtis*, видимо, представляло поместное хозяйство, охватывающее собой дом господина и его близких или служившее местом жительства управляющему поместьем. К дому владельца прилежали хозяйственные постройки: сарай, конюшни,

¹⁸ F. Rački. Rad, kn. 105, str. 209; F. Šišić. Povijest Hrvata, str. 668; M. Lanošić. Ustavno pravo Hrvatske narodne države. — Rad, kn. 266, str. 1.

¹⁹ D. № 2, 11, 12.

²⁰ D. № 12.

²¹ F. Rački. Rad, 105, str. 230, 231.

²² D. № 2, 12.

²³ D. № 11, 15, 16, 40, 48, 52, 65, 105, 163 и др.

²⁴ D. № 15, 16, 40.

²⁵ D. № 40, 133 (66); Rad, kn. 105, str. 202.

²⁶ D. № 2, 40, 62, 73 и др.

навесы, овчарни, сушильни и прочие помещения²⁷. Вблизи поместья находились земли *curtis*: пашни, луга, пастбища, сад, виноградники, лес. Поместье, по-видимому, обслуживалось рабочей силой сервов — такое заключение следует из грамот, содержащих сведения о производителях материальных благ²⁸. В ту эпоху «сервами» обозначалось нередко зависимое население, положение которого отличалось от положения раба в системе производственных отношений.

Нередко королевские владения именуются термином *territorium*²⁹. Эти владения обычно имеют конкретные названия, как, например: Икулюс, Росохатица, Берда, Дилатто, Путало, Пустица, Радуна и др. Иногда «территория» состояла из сравнительно небольшого участка, но порой под «территорией» выступает совокупность участков, «земель»³⁰. Свое название «территория» берет, по-видимому, по большей части от названия селений, имеющих в данном владении или примыкающих к нему. Такие владения были различны по своему объему и включали в свой состав как обрабатываемые земли, так и необрабатываемые, леса, источники, пастбища в долинах и горах, луга «высохшие и цветущие» и другие места³¹. О населении «территории» мы имеем недостаточные сведения. Однако можно отметить, что в таких владениях некоторая часть населения является несвободной (*servi et ancillae*)³²; но, несомненно, в этих владениях находилось и свободное население. Так, король Звонимир в 1076 г., подтверждая дарения различного имущества сплитской архиепископии, подаренного его далекими предшественниками, закрепил за церковью «территорию» вместе с сервами, проживавшими на той территории, а также со всеми теми, «кто живет или будет жить на той территории»³³. Подобная формулировка дает основание предположить наличие лично свободных крестьян, которые осели и которые осядут на землях церкви при условии выполнения определенных повинностей.

Из числа владений, принадлежавших королевскому двору, следует также отметить королевские «виллы»³⁴. *Villa*, по мнению Рачки, представляла собой поместье, обслуживавшее господский двор и напоминавшее владение, именуемое *curtis*³⁵. Население вилл, по-видимому, состояло как из сервов, так и из лично свободного населения, которое сидело на королевских землях и платило феодальную ренту. Некоторые из вилл могли служить в качестве резиденции королевского двора, который, перемещаясь по стране, потреблял заготовленные во владениях продукты.

Таким образом, королевские владения, поскольку о них имеются сведения в грамотах, выступают под различными наименованиями (*possessio*, *terra*, *curtis*, *territorium*, *villa* и др.). В состав отмеченных владений входили земли обрабатываемые и необрабатываемые, поселения, острова, леса, пастбища, луга и прочее имущество. Как было отмечено, в большинстве грамот, за исключением особо оговоренных случаев, говорится о дарении земли, но не о людях, населявших земли. Несмотря на отсутствие этих

²⁷ Rad, kn. 105, str. 231.

²⁸ См., например, D. № 2, 12, 29, 37 и др.

²⁹ D. № 5, 14, 56, 58, 69, 88, 104, 115, 120, 125 и др.

³⁰ D. № 97, 124. Так, в состав королевской «территории», носившей название Лазани, входила terra Пустица.

³¹ Такое представление о содержимом владения можно составить по описанию земель и угодий о-ва Зури (D. № 40).

³² D. № 2, 88 и др.

³³ D. № 88 «... cum servius et ancillis in eodem territorio positus atque commorantibus, presentibus et futuris, seu in eodem territorio in posterum residere uolentibus...».

³⁴ D. № 97 «Actum est hoc in uilla regali...».

³⁵ Rad, kn. 105, str. 231, 232.

данных, люди, безусловно, проживали во владениях, их руками обрабатывались земли. Невозможно представить, чтобы огромные массивы земель, раздаваемые королевской властью монастырям, церкви, отдельным лицам, были не заселены, пустовали. Уже в X—XI вв. земля представляла собой определенную ценность: каждый участок земли учитывался, и с хозяйственной точки зрения было безрассудством оставлять пустующими земли, когда в них была такая нужда³⁶, тем более что ряд владений являлись поселениями. Сплитский хронист Фома-архидиакон неоднократно отмечал, что хорватские князья и короли богато наделяли церкви и монастыри владениями и селами³⁷. Земли этих поселений переходили в руки различных лиц, но в то же время о населении этих земель ничего не говорится. Если предположить, что в этих поселениях проживало несвободное население (сервы), то странно было бы в дарственной грамоте не говорить о людях как об объекте дарения. Как следует из материала грамот, в тех случаях, когда вместе с землей дарилось несвободное население, на это обычно особо указывалось³⁸. Если при передаче земельных владений в актах ничего не говорится о людях, проживающих на отчуждаемых землях, то, очевидно, это население обладало личной свободой³⁹, поэтому оно и не могло входить в объект даримого владения. Это население не являлось собственником земель, оно сидело на землях, принадлежавших в данном случае королю. Не случайно отчуждаемые земли именуются *terre regalis* или *territorium regale*, т. е. государственные земли, принадлежавшие королю. Король являлся собственником земель, он ими распоряжался по своему усмотрению или по согласованию со знатными лицами, дарил духовенству, монастырям, светским лицам. Население отдельных территорий в силу тех или иных причин потеряло права собственности на землю и попало в зависимость от феодальных собственников.

В источниках сохранились непосредственные свидетельства о том, что даримые земли были заселены крестьянами, пользующимися личной свободой. В одной из грамот от 1059 г. повествуется о предоставлении привилегий монастырю св. Иоанна и наделении его землями. Среди других земель и владений, передаваемых монастырю, упоминается королевская земля, которую обрабатывали своим трудом четверо вилланов⁴⁰. В той же грамоте сообщается о дарении монастырю земли, которую обрабатывал своим трудом некий Белсцихо, являвшийся, по-видимому, также вилланом⁴¹. Следовательно, мы имеем основание предполагать заселение даримых земель населением независимо от того, говорится об этом в грамотах или нет⁴². Для нас в настоящем случае важно отметить наличие насе-

³⁶ См. об этом ниже.

³⁷ «...tribuebantque ecclesie sancti Domnii uillas et predia multa...». — «Historia salonitana...», р. 47.

³⁸ См., например, D. № 2, 12, 37, 88 и др.

³⁹ Т. е. население еще не потеряло право перехода на другие земли, оно не было прикреплено к земле, сохраняло черты личной свободы. Но оно зависело от землевладельца экономически, что обуславливало возрастание личной зависимости. Вероятно, это «свободное» население находилось в той или иной степени личной зависимости.

⁴⁰ «De regali terra quam uillani coluerunt: Nosimir, Vitiço, Bil de Cucia, Jadareus. Eadem auctoritate regali dono, concedo, annuo eidem monasterio eas terras quas colerunt, dum uixerunt, ad suum opus isti, videlicet Nosimir et Vitico et Bil de Cucia et Jadarens, in Chrastani in loco qui dicitur Suchikham» (D. № 40, р. 53).

⁴¹ «...eam terram, que est in Sichona, quam Belsçicho ad suum opus coluit, dum vixit» (D. № 40, р. 54).

⁴² Ф. Шишич также признавал существование слоя населения, которое сидело на королевских землях и крупных землевладельцев, но он рассматривал этот слой в качестве свободных арендаторов, не допуская мысли о формировании из него феодально зависимого крестьянства («Povijest Hrvata...», стр. 668).

ния, сидевшего на землях короля, а также, вероятно, тех лиц и монастырей, к которым переходят королевские земли.

Теперь попытаемся проследить характер земельных пожалований и отношений, складывающихся между королевской властью и различными лицами, к которым переходят земельные владения. Согласно сохранившимся источникам, наибольшее количество пожалований земельных владений князья, короли представляли церкви, монастырям⁴³. Грамоты, в которых содержатся сведения о приобретенных монастырями землях от королей (или князей), позволяют выяснить в основных чертах те отношения, которые складывались как между королевской властью и монастырями, так и между королем и различными лицами, к которым переходили королевские земли в силу пожалований.

Дарения земель церкви и монастырям производились «навечно», безвозвратно, с правом полного распоряжения владением — такова типичная формулировка грамот⁴⁴. Следовательно, земли дарились в полную собственность владельца, они становились аллодиальной собственностью последнего. Однако подобное заключение было бы несколько поспешным. Такому мнению противоречат довольно часто встречающиеся в грамотах подтверждения дарений своих предшественников со стороны князей и королей. Так, князь Трпимир подтверждает в 852 г. дарение владений сплитской церкви, которое сделал его предшественник князь Мислав⁴⁵. Князь Мутимир подтверждает дарения и привилегии, данные его предшественником князем Трпимиром сплитской церкви⁴⁶. Король Звонимир в 1076 г. подтверждает дарения, сделанные как Трпимиром, так и Мутимиром⁴⁷. Следовательно, королевское пожалование земель монастырям и церкви не было безусловным, иначе совершенно непонятны подобные подтверждения и мотивы их. Мы можем заключить, что подтверждения дарений свидетельствуют об известной условности владения недвижимостью. Если учесть статус далматинских городов, которые номинально зависели от Константинополя, но временами попадали в зависимость от хорватских королей, то нам будет понятно многое из отношений далматинских монастырей и сплитской архиепископии с хорватскими королями. Несмотря на известное своеобразие отношений далматинских городов с хорватским престолом, поземельные отношения между ними складывались на чисто феодальной основе. Земли монастырям, церквям далматинских городов дарились в аллодиальную собственность; но хорватские короли рассматривали эти земли в качестве коронных земель, вследствие чего в грамотах встречаются подтверждения дарений со стороны различных королей. Таким образом, аллод в рассматриваемое время не был безусловным владением, несмотря на то, что владельцем аллодов выступает церковь. Аллод, который подтверждают хорватские короли на протяжении нескольких столетий, напоминает по своему характеру больше бенефициальное владение, чем просто аллодиальное. Хотя дарения по форме были аллодиальными, тем не менее хорватские короли, подтверждающие дарения предшественников, выступают в качестве верховных сюзеренов отчужденных ранее земель и владений.

Переходный характер отношений, когда аллод превращается в бенефициальное владение, отражен, как нам представляется, и в других

⁴³ См. D. № 1, 2, 11, 12, 14, 40, 45, 48, 52, 55, 56, 58, 66, 75, 79, 88, 103, 104 и др.

⁴⁴ «Concedimus illum ab eodem habendum et perpetuo tenendum...», например, D. № 45, 48, 88, 97.

⁴⁵ D. № 2.

⁴⁶ D. № 12.

⁴⁷ D. № 88.

грамотах. Так, в дарственной грамоте от 1066 г. говорится о том, что король Пётр Крешемир подарил монастырю св. Марии, расположенному в Задаре, землю в Тохинии, которая была королевской или принадлежала «сервам» короля⁴⁸. Из той же грамоты известно, что эту землю подарил дед Петра Крешемира — Крешемир своему родственнику задратинцу Мадью и его сыну⁴⁹. Как следует из грамоты, земля находилась в руках знатных лиц города Задара — Мадия и его сына, но вновь была возвращена хорватской короне. Условный характер владения землей со стороны представителей далматинского города по отношению к короне подтверждается и данным примером. Но владельцами или держателями земель в данном случае выступают светские лица.

Дарения в условное держание со стороны хорватских князей практиковались и в более раннее время. Так, в конце IX в. (892 г.) хорватский князь Мутимир в присутствии придворных разбирал спорное дело, возникшее между нинским (хорватским) епископом и сплитским архиепископом из-за приходов и земельных владений епископии и архиепископии. Сплитский архиепископ утверждал, что владение с полями и виноградниками, пастбищами и лесом, вместе с сервами и со всем движимым и недвижимым, а также церковь в Путало были подарены князем Трпимиром (середина IX в.) сплитской архиепископии, и представил соответствующие документы, подтверждающие факт дарения⁵⁰. Однако нинский епископ подверг сомнению данное утверждение архиепископа и указал на то, что церковь и владение были уступлены князем Трпимиром сплитской архиепископии лишь во временное держание⁵¹. Решение князя Мутимира склонилось в пользу архиепископа, и он подтвердил дарение Трпимира сплитской церкви всех владений совместно с населением, проживающим в данных владениях⁵². Знаменательно само упоминание о дарениях во временное пользование. Утверждение нинского епископа дает основание к заключению о практиковавшихся дарениях земель во временное пользование, т. е. условное держание, уже в IX в. Подтверждения дарений земель, различных владений, которые были сделаны ранее рассматриваемого времени, хорватскими королями X—XI вв. приводят к тому же заключению.

Условный характер аллодиального владения выявляется также при ознакомлении с пожалованиями отдельным представителям духовенства. В 1083 г. король Звонимир подарил Гизильберту — аббату сплитского монастыря св. Стефана — территорию в местечке Радуна⁵³. Вероятно, в состав данной территории входят село, пахотные земли, луга, пастбища, воды, а возможно, и лес. Территория дарится «навечно», с правом держать, пользоваться и дарить, кому захочет новый собственник⁵⁴. Казалось бы, в упомянутой грамоте говорится о типичном дарении владения в аллод. Но имеется еще дарственная грамота о территории Радуна, которая появилась несколькими годами позже. В грамоте говорится о том, что

⁴⁸ «...dono terram in Tochinia, que regalis esse dinoscitur uel regalium seruorum...» (D. № 52).

⁴⁹ «...quam auus meus Cresimir dedit cognato suo Madio et filio eius Dabro» (там же; см. также F. Šišić. «Povijes Hrvata...», str. 517).

⁵⁰ D. № 12.

⁵¹ «...non ita habetur, sed nostrae potius ecclesiae dominio detinetur; quoniam non in ecclesia sanctorum Domnii et Anastasii, ut dicitis, possidentia; sed ipsius praesuli fruenda ad tempus tradita est». Там же.

⁵² «...cum omni suo introitu et exitu subiugare privilegio: cum seruis et ancillis, campis et vineis, pratis et siluis, cuncta mobilia et immobilia omnia» (там же).

⁵³ «...concessimus territorium in loco Raduna dicto...» (D. № 115).

⁵⁴ «...ut ab eo perpetuo habeatur cum iure quidem illud possidendi, habendi et quinque libuerit donandi...» (там же).

король Стефан по просьбе аббата монастыря св. Стефана уступает королевскую территорию, которая называется Радуна. Дарение производится «навечно», с правом обмена⁵⁵. Видимо, уступленное королем Звонимиром владение Радуна по каким-то мотивам было возвращено в королевский фиск, а новый аббат монастыря св. Стефана вновь просит уступить данное владение. Возможно, территория была возвращена на основе права короля на выморочное имущество или просто в силу смены лиц на королевском престоле. Так или иначе, условный характер земельного владения выступает со всей очевидностью и в данном случае.

Аналогичные дарения из королевских владений делались равным образом и, вероятно, не в меньших масштабах служилым людям короля. В источниках содержится немало сведений подобного порядка. Так, управляющий королевским двором (*ded — dad*) передал монастырю за «спасение своей души» *curtis*. Это владение он получил от короля и подарил его по разрешению короля⁵⁶. Управляющий получил *curtis*, по-видимому, в условное держание, и лишь разрешение короля позволяет ему подарить данное владение монастырю. Между прочим, тот же управляющий продает тому же монастырю другое владение, являвшееся его наследственной собственностью, не спрашивая на то королевского согласия⁵⁷. Следовательно, служилые люди получали от короля в держание владения, которые являлись по своему характеру бенефициальными владениями.

Такое же дарение монастырю несколько позже сделал другой управляющий королевским двором; но это дарение было произведено с согласия короля⁵⁸. В другой грамоте повествуется о передаче королем Петром Крешемиром земель Прибине Гусичу, в то время как тот вступает в монастырь. Прибина, очевидно, являлся служилым человеком и держал земли от короля; в момент вступления в монастырь король разрешил ему передать землю в обитель⁵⁹. Как видно из данных грамот, король не препятствовал дарению земель его служилой знатью церкви, монастырям. Однако держатели королевских земель должны были испросить на то королевское согласие.

Королевские власти держали под контролем отчуждение недвижимого имущества, особенно этот контроль проявлялся при отчуждении значительных земельных участков. Когда некий Радован пытался передать свое владение монастырю Хрисогона, расположенному в Задаре, ему воспрепятствовали жупан и помощник придворного судьи (тепчий), которые утверждали, что данная земля уступлена была королем жупану⁶⁰. Если земля уступлена королем, то, следовательно, Радован не имеет права дарить ее, так как сюзереном и собственником таковой являлся король. Радовану пришлось обратиться к королю и доказывать перед ним как

⁵⁵ «...assentire volui itaque illi regium nostrum territorium situm in loco, qui Raduna dicitur, totum atque integrum concessimus ob amorem dei et salutem anime nostre, immo patris et matris nostre, in die tremendi indicii, perpetuo ab eo habendum, possidendum aut perpetuandum» (D. № 125).

⁵⁶ «Hanc ipsam denique terram promerui a domino meo Cresimiro rege, et ipse concessit mihi hanc facere donacionem». — D. № 62 (2).

⁵⁷ «Ego Johannes, Chroatorum dad, cum conscia uxore mea Dobriza uendo possessionem meam in loco, qui dicitur Cepriylani, mon. beati «Chrisogoni pro XX solidis iure perpetuo possidemdam...». — D. № 62 (1).

⁵⁸ «Družnik Chroatorum ded donat cum assensu Cresimiri regis mon...» (D. № 73).

⁵⁹ «Cresimir rex donat terram in Kamenjani Pribine Gusić, filio Prvanegi, dum ordinem s. Benedicti in monasterio s. Joannis Belgradi ingrederetur» (D. № 66).

⁶⁰ «Ego Radovan, nepus Lilici, trado omnem possessionem meam, que fuit predicti aui mei, in loco, qui dicitur Suchouara, beato Chrisogono martiri... Sed quia resistebat michi Uekemir Luce inpanus cum Boleslauo tepci, et contradicebat hoc fieri quod feceram dicens, ipsa terra a rege predicto sibi esse concessa...». — D. № 61 (1).

патримониальный характер своего владения, так и правовую законность дарения земель монастырю⁶¹.

Отчуждение земли, земельной собственности обычно происходило либо в присутствии короля, либо в присутствии представителей местной власти: жупанов, поджупанов, сотников. Акт передачи аллода Иваном Славянином монастырю Иоанна происходит в присутствии короля и жупанов⁶². Воевода (*dux*) Стефан, внук короля Петра Крешемира, вступил в монастырь и подарил монастырю два своих владения⁶³. Владения дарятся в присутствии короля и, следовательно, во избежание всяких недоразумений данное дарение подтверждалось королем. Духовенство стремится закрепить полученное ими дарение и в том случае, если подарившего уже нет в живых. Так, представители монастыря св. Петра добиваются подтверждения королем дарения вельможи Русина, которого уже не было в живых. Этим актом аббат монастыря стремился предупредить возможные притязания властей или частных лиц на данное дарение⁶⁴.

Сохранились сведения не только о передаче королем земель различным представителям формирующегося класса феодалов, но имеются также сведения о возвращении в королевский фиск земель, ранее уступленных в держание. Так, имеется документ, в котором говорится о продаже королем монастырю аллодиального владения вдовы. Аллод представлял значительное владение, на что указывает цена его в 40 солидов⁶⁵. Очевидно, король, используя право сюзерена на выморочное имущество, продал аллодиальное владение вдовы. Владелец аллода был по меньшей мере состоятельным служилым человеком, по-видимому, получившим земли из королевского фиска⁶⁶. И данным примером подтверждается мнение об условном характере аллода, который не представлял собой безусловной или наследственной собственности.

Таким образом, аллод по приведенным документам не отвечает по своему содержанию понятию аллодиальной собственности. Качественно новое явление — условное держание — продолжает сохранять старое название аллода. По своему характеру эти условные владения являются не чем иным, как бенефициальными владениями. Аллодиальная собственность превратилась в бенефициальную. Пожалования земель носили условный характер; эта условность владения аллодом появилась не в X—XI вв., а раньше. В приведенных документах отсутствуют какие-либо конкретные условия пользования землей, нет никаких сведений о правах и обязанностях держателей по отношению к королевскому двору. Но само условное держание предполагает определенные феодальные обязанности держателя не только в форме военной, но и в форме административной службы.

Королевская власть практиковала как пожалования земель, так и пожалования сбора налогов с населения, проживавшего на уступаемых

⁶¹ Там же.

⁶² «Coram Suinimiro rege, eiusque iupanis: Stresina breberistico, Jacobo tepicone et Jura nonensi iupano nec non coram Madio abbate... donat Joannes Sclausus...» (D. № 110).

⁶³ «Et obtuli eidem monasterio duos campos mei patrimonii... Acta sunt hec in presencia Suinimiri regis, domini mei...» (D. № 101).

⁶⁴ «Postea uenit Slauiz rex et corroboranit prenomintas terras coram Petro bano et Sarubba iupano...» (D. № 81). Интересно отметить, что после смерти Русина его дарение подтвердила жена: «Denique post mortum prefati (Rusini) morstici uenit uxor eius et affirmavit prefatas terras...» (там же). По-видимому, это подтверждение больше означало свидетельство отказа со стороны ближайших родственников от возможных притязаний на подаренное в будущем.

⁶⁵ D. № 78.

⁶⁶ Такого же мнения придерживался И. Н. Смирнов (см. ЖМНП, 1884, № 10, стр. 308).

в держание землях. В качестве иллюстрации уместно привести случай дарения королем Звонимиром земель своему дяде⁶⁷. Звонимир не только уступил земли, но также наделил своего родственника правом собирать налоги с населения уступленной территории⁶⁸. Такое дарение означало по существу наделение нового собственника правами иммунитета. Если в данном случае нет еще полного иммунитета, то основы его уже налицо. По-видимому, такими правами пользовались представители знати, и они всемерно были заинтересованы в получении таких прав. Но основная масса пожалований производилась без таковых прав, и в документах нет никаких свидетельств, которые давали бы основания к предположению пожалований сбора налогов с населения уступаемых территорий.

Вероятно, были случаи наделения земель в условное держание, когда часть государственных поборов с населения уступленных владений оставалась в руках получившего дарение, а другая часть шла в королевскую казну⁶⁹. Однако какая часть оставалась за королевской казной и какая часть поступала феодальному держателю — владельцу земель, об этом в источниках непосредственных данных не содержится. Население хорватских земель облагалось поземельным налогом⁷⁰, за пользование землей взималась рента феодалом с сидящих на землях феодала крестьян. Возможно, за королевской казной сохранялся налоговый сбор, а за владельцем земель — установившаяся в практике традиционная норма ренты, колеблющаяся от четвертой части урожая до половины⁷¹. Освобождение монастырей от государственных обложений⁷², а также освобождение светских лиц от этих обложений⁷³ свидетельствует о том, что обычным явлением был сбор с землевладельцев государственных налогов, крестьяне, сидевшие на землях феодалов, платили ренту господам. Освобождение от налогов как частных лиц, так и монастырских корпораций не освобождало земледельческое население от бремени налоговых обложений. От налогов освобождались отдельные землевладельцы, но не крестьяне, которые сидели на их землях.

Из всего сказанного следует, что короли являлись крупнейшими феодальными землевладельцами в Хорватии X—XI вв. На королевских землях, в различных королевских владениях находилось как лично зависимое население (*servi et ancillae*), так и лично свободное. Это население обслуживало своим трудом господское хозяйство, платило феодальную ренту и выполняло повинности.

⁶⁷ D. № 111, стр. 132; «Supetarski kartular», № 81, стр. 224.

⁶⁸ «Post hec vero Suinimir rex dederat Strezi auunculi sui totas terras que erant in Masaro, et incipiente a Salona usque Biaki, ut ipse tolleret tributum ab eis» (там же).

⁶⁹ Такое предположение можно сделать на основании укрепившейся со времен венгерского короля Коломана практики пожалований формирующемуся феодальному сословию земель вместе с правом сбора поземельной подати — мартурины (или кунювины) в Славонии, присоединенной к Венгрии в 1091 г. Собиравшаяся со словенцев мартурина распределялась следующим образом: $\frac{2}{3}$ собиравшейся суммы шли в пользу королевской казны, а треть оставалась в руках владельца данной земли. Имеются известные основания к предположению, что в Хорватии, в состав которой входила Славония, до XII в. распределение подати происходило в подобной же пропорции (см. V. Klaić. Marturina. Slavonska daća u srednjem vijeku. Rad, kn. 157). Такое распределение подати было традиционным. В пользу короля шли $\frac{2}{3}$ торговых пошлин с далматинских городов, а треть оставалась в руках местного князя. См. М. Костренčić. Slobode dalmatinskih gradova po tipu trogirskom. Rad, kn. 239, стр. 62.

⁷⁰ См. F. Rački. Rad, kn. 99, стр. 86; F. Šišić. Povijest Hrvata..., стр. 669.

⁷¹ HNJ. I, стр. 201.

⁷² См. D. № 40, 56.

⁷³ Пожалование Звонимиром права собирать tributum является свидетельством освобождения от земельного налога.

Хорватские короли обильно дарили земли церквям, монастырям, наделая ею служилых людей. Несмотря на то, что дарения церкви производились «навечно», в аллодиальную собственность, тем не менее они носили условный характер. Служилые люди, являвшиеся светскими представителями формирующегося феодального класса, получали от королевской власти в держание бенефициальные владения. С середины XI в. в Хорватии получает распространение церковный феодальный иммунитет, а также светский феодальный иммунитет.

Широкие раздачи государственных земель с сидящим на них населением способствовали концентрации земель в руках складывающегося класса феодалов, вели к феодальной системе производства. Королевская власть в процессе формирования феодальных производственных отношений активно способствует становлению феодального базиса и его развитию.

Церковно-монастырское феодальное землевладение

Крупнейшим владельцем земель в рассматриваемую эпоху в Хорватии, как и в других государствах, являлась церковь. С IX в., со времени христианизации хорватов, складывается и упрочивается церковное землевладение. Духовенство приложило много усилий и энергии в деле приобретения земель и расширения земельных владений. Используя суеверие масс, религиозные чувства прихожан, фальсифицируя и подделывая деловые грамоты, используя свои хозяйственные и иные возможности, духовенство шло и множило свои владения. Союз светской и церковной власти, их взаимная поддержка означали для церкви, кроме всего остального, постоянный приток земельных богатств в форме дарений и пожалований, а также предоставление различных привилегий. Этот приток недвижимости начался в первой половине IX в. и продолжался в последующее время. Поскольку уже к тому времени земельные богатства были распределены и находились в руках общин, знати и государя, деятельность духовенства в деле концентрации земель протекает в направлении перераспределения недвижимости.

Еще с начала второй четверти X в. хорватская церковь была подчинена юрисдикции сплитской архиепископии, т. е. духовенству романизированных далматинских городов. По решению сплитского церковного собора от 925 г. была ликвидирована нинская, или хорватская, епископия, ранее не зависевшая от сплитской архиепископии, и провозглашено верховенство в церковных делах сплитской архиепископии. Это решение явилось результатом переговоров между папской курией, Византией и хорватским княжеством. Согласно решению собора, далматинские города в церковном отношении освобождались от юрисдикции Византии и ставились в подчинение Рима. Ранее независимая от духовенства далматинских городов нинская епископия лишилась своей независимости и была ликвидирована⁷⁴. Со времени подчинения нинской (хорватской) епископии сплитской архиепископии романизированное духовенство является проводником в распространении частнособственнических отношений, норм римского права среди хорватского населения, которое находилось в стадии распада, разложения пережитков родо-племенных отношений. С этого времени происходит интенсивная концентрация земель в руках церквей и монастырей далматинских городов.

Все население Хорватии в церковном отношении было разделено на приходы, епископии или большие округа, включавшие одну или несколько

⁷⁴ См. «Zbornik kralja Tomislava u spomen tisućugodišnjice hrvatskoga kraljevstva», Zagreb, 1925; F. Šišić. Povijest Hrvata..., str. 401; HNJ, I, str. 192.

жуп⁷⁵. В каждой жупе была своя церковь, которая имела определенные территориальные границы. Епископии обычно имели земельные владения вблизи епископской столицы, а также владения, разбросанные в различных частях Хорватии⁷⁶. Так, архиепископии сплитской принадлежали владения близ Сплита, Солина и под Масором, а также владения в других жупаниях⁷⁷. Король Звонимир подарил сплитской церкви целую жупу Цетинскую⁷⁸. Наиболее крупной по земельным владениям и богатству была книнская епископия, образованная в 1042 г. и заменившая по существу упраздненную нинскую епископию⁷⁹. Юрисдикция книнского епископа распространялась на основную часть Хорватии, к ней относились многие приходы, ее владения простирались во многих жупаниях хорватского королевства⁸⁰.

Важнейшей доходной статьей духовенства были десятина, *primitiae* и *oblaciones*. Все население обязано было платить таковую местному духовенству. Десятина собиралась согласно обычаю от урожая и имевшегося поголовья скота. Сюда могли также относиться различные продукты — молоко, сыр, шерсть, яйца и т. п.⁸¹ *Primitiae*, *oblaciones* платились хлебом, зерном, медом, сыром, вином и т. п.⁸² Но не менее важной статьей дохода были доходы с огромных церковных владений. Хорватские историки единодушны в том, что церкви принадлежали крупные земельные владения⁸³.

Согласно сообщениям сохранившихся источников, земельные владения церкви увеличивались за счет пожалований со стороны князей, королей, знати, частных лиц различного происхождения, а также за счет скупки земель у населения. Особенно богато одаривали церковь земельными владениями и другим имуществом хорватские князья и короли. Фома-архидиакон неоднократно упоминает о дарениях владений хорватскими князьями в пользу церкви. Так, повествуя о христианизации хорватов, он сообщает, что князья Славонии (Хорватии) стали почитать церковь св. Домния и дарили ей многие поместья и владения, а также охотно давали десятину, делали различные подарки⁸⁴. Повествуя о событиях второй половины XI в., о деятельности влиятельного архиепископа Лауренция, Фома вновь отмечает щедрые дары хорватских королей церкви. Духовенство получило новые привилегии, многие новые владения, новые села⁸⁵. Крупные земельные владения церковь получала не только от князей, королей, но также от состоятельного населения. Уже при основании церквей последние наделялись земельными владениями за счет земель общин, населения сел, городов. Нередко сооружение церквей осуществляли частные лица, которые являлись владельцами таковых; учредители при сооружении стремились не только совершить «богоугодное дело», но при этом, видимо, преследовалась материальная цель, так как церковь прино-

⁷⁵ F. Rački. Rad, kn. 79, str. 161.

⁷⁶ Там же, кн. 105, стр. 210.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ HNJ, I, str. 210.

⁷⁹ F. Šišić. Povijest Hrvata... str. 492.

⁸⁰ «Historia salonitana...», p. 45.

⁸¹ M. Lanović. Ustavno pravo... str. 72.

⁸² F. Rački. Rad, kn. 99, str. 170.

⁸³ Там же, кн. 105, стр. 210; F. Šišić. Указ. соч., стр. 662; HNJ, I, str. 210.

⁸⁴ «Igitur duces Sclavonie habere ceperunt in magna veneratione ecclesias beati Domnii, donantes ei predia et possessiones multas decimas et oblaciones corde ylari offerentes». — «Historia salonitana...», p. 35.

⁸⁵ «Et quia talis erat vir, in magna reuerentia habebatur a regibus et principibus Sclavonie, tribuebantque ecclesie sancti Domnii uillas et predia multa; facientes confirmationes, et priuilegia super nouis collationibus et antiquis». — «Historia salonitana...», p. 47.

сила определенные доходы. Состоятельные люди из представителей складывающегося господствующего класса строили церкви, наделяли их различным имуществом; они распоряжались церковными доходами и владениями церкви, передавали церкви с их хозяйством по наследству, отчуждали различным лицам. Так, сестра бана Годемира владела церковью, которой принадлежало различное имущество⁸⁶. Некий Стпiс владел церковью в Миране; церкви также принадлежали земли⁸⁷. Собственниками церквей, по документам, выступают различные лица⁸⁸; нередко они строились на средства городов, и в таких случаях город являлся коллективным собственником церкви⁸⁹.

Однако наибольшее количество документов сохранилось о земельных владениях монастырей. В XI в. в далматинской части Хорватии насчитывалось 15 монастырей ордена св. Бенедикта; они были расположены в Задаре, Сплите, Белграде, Вране, в округе Солинском и в Полице. Четыре из них были расположены на Кварнерских островах⁹⁰. По мнению Рачки, владения монастырей значительно превышали владения белого духовенства; эти владения состояли из крупных участков, территорий, разбросанных по всему побережью от Истрии до Неретвы⁹¹.

Наибольшими владениями располагали аббатства св. Хрисогона, св. Марии, расположенные в Задаре, св. Иоанна в Белграде и монастырь св. Петра в Полице⁹². Монастырь св. Хрисогона, основанный в IX в., сконцентрировал в своих руках крупные земельные владения, расположенные как на континенте, так и на островах⁹³. Мы перечислим дарения монастырю Хрисогона, чтобы составить представление как о даримом, так и о хозяйстве монастыря.

Андрей, приор Задара, дарит (918 г.) по завещанию виноградник и 100 голов скота. Вместе с недвижимостью дарятся сервы⁹⁴. Горожане Задара передают (994 г.) земли внутри города и близ монастыря, виноградники, земли обрабатываемые и необрабатываемые, дома и прочее движимое и недвижимое имущество⁹⁵. Елена, сестра бана Годемира, дарит (1029 г.) церковь со всей территорией, стадо овец с пастухом, две пары быков с двумя молодыми сервами для «нужд обработки земель»⁹⁶. Гражданка Задара дарит восьмую часть дома с условием, чтобы ее похоронили в монастыре⁹⁷. Знать города передает монастырю сад и строение (1036 г.)⁹⁸. Хорватский бан Степан со своей супругой дарят три крупных владения вместе с несвободным населением, состоящим из 20 familia, 10 сервов. Во владениях имелось около 500 голов скота⁹⁹. Король Петр Крешимир подтверждает дарение территории Дикуло, некогда подаренной его дедом¹⁰⁰. В одной из грамот повествуется о том, как село Постимана досталось монастырю Хрисогона¹⁰¹. Еще в X в. приор Май со знатью

⁸⁶ D. № 29.

⁸⁷ D. № 91.

⁸⁸ D. № 31, 44, 72.

⁸⁹ D. № 18.

⁹⁰ F. Rački. Rad, kn. 105, str. 210.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ D. № 18, 20, 26, 43, 46, 69, 80, 85, 91 и др.

⁹⁴ D. № 13.

⁹⁵ D. № 17.

⁹⁶ D. № 29.

⁹⁷ D. № 33.

⁹⁸ D. № 34.

⁹⁹ D. № 37.

¹⁰⁰ D. № 45 (см. D. № 14).

¹⁰¹ D. № 54.

Задара дарят церковь с территорией, расположенной на о-ве Постимана¹⁰². Радован передает (1070 г.) монастырю виноградник и землю¹⁰³. Пятеро братьев подарили обители свое владение за спасение душ своих родителей¹⁰⁴. Петр Крешмир подарил (1068 г.) тому же монастырю о-в Мауни¹⁰⁵, а двое братьев передали территорию в месте Секирани¹⁰⁶.

В документах не содержится никаких указаний относительно размеров даримых участков, но имеются все основания к предположению, что среди таковых были крупные участки, целые поселения и, как уже говорилось, острова. Перечисленные владения, разумеется, не исчерпывают всех земель монастырского хозяйства, но они дают общее представление о характере монастырского хозяйства и землевладения.

Из других статей доходов монастыря Христогона следует отметить получение им десятины от рыбаков Задара¹⁰⁷. Воспользовавшись какими-то инсценированными фокусами, именуемыми «чудесами» (было якобы найдено тело св. Крщевана-Христогона), монахи добились обещания от рыбаков давать часть улова в пользу монастыря. Обещание было подкреплено клятвой, а монахи поторопились закрепить обещание угрозой проклятия в случае неисполнения такового. Монастырю принадлежали также рыболовные места (*piscaciones*)¹⁰⁸, право на эксплуатацию которых он передавал различным лицам, взимая за это четвертую часть улова. Монахи ревностно следили за выполнением этих условий и в случае нарушения их добивались выплаты части улова через суд¹⁰⁹. Кроме различных подаяний и приношений, в руках монастыря могли сосредоточиваться различные доходы, которые им передавали, например, власти города¹¹⁰. Таков неполный перечень владений и статей дохода монастыря. Восстановить в полной мере статьи дохода не представляется возможным, но имеющийся материал о хозяйстве и доходах других монастырей может восполнить это представление.

Сооружение монастыря в середине XI в. являлось делом нелегким и требовало значительных средств. При основании монастырей им обычно дарились прежде всего церковь и земли от имени учредителей монастыря. Так, в 1059 г. жители о-ва Раба, разрешив построить монастырь, наделили его двумя церквями со «всем к ним относящимся», передали рыболовные места и наделили определенными правами. Влиятельный архиепископ Лауренций в 1069 г. основал «по совету с приором и знатью города» Сплита женский монастырь св. Бенедикта. В грамоте говорится об освобождении монастыря от обязанности платить различные обложения светской власти. Монастырю дарятся две церкви с относящимися к ним землями и виноградниками. Оговаривается, что рыбаки должны были отдавать часть своего улова монастырю, а торговые суда с хлебом, при-

¹⁰² D. № 18.

¹⁰³ D. № 60.

¹⁰⁴ D. № 71.

¹⁰⁵ D. № 55.

¹⁰⁶ D. № 63.

¹⁰⁷ D. № 39.

¹⁰⁸ D. № 20.

¹⁰⁹ D. № 106.

¹¹⁰ В данном случае имеется в виду передача приором Задара доходов с соли в местечке Любриката и «того, что должны платить (жители Любрикаты) епископу». Данные доходы были столь прибыльны, что вызывали зависть и борьбу знати за них, а также недовольство населения вследствие обременительности обложениями. По совету со знатными приор передал доходы монастырю, с тем чтобы прекратить споры и борьбу за обладание ими, да и местному населению труднее было спорить с монахами (D. № 134).

бывающие в порт, — вносить модий хлеба¹¹¹. Монастырские суда освобождались от пошлин, если они не были предназначены для торговых целей. Далее имеется важная оговорка об освобождении земель, которые в будущем будут принадлежать монастырю, от всяких обложений, именуемых на «вульгарном» языке *ziugum*¹¹². В данном случае выступают, как нам представляется, существеннейшие черты феодального церковного иммунитета.

Интересно отметить тот факт, что не все города радушно встречали предложение представителей церкви об основании монастырей. Епископ Трогира много раз просил власти города разрешить основать монастырь, но городские власти далеко не сразу дали на то свое согласие. Выражая, наконец, это согласие, они поставили существенное условие: подарив монастырю церковь, виноградники и часть морского берега, потребовали, чтобы церковь не имела другого господина, кроме города, и для ведения церковных дел и управления церковным имуществом выделили своего представителя¹¹³. Власти города проявили осторожность и нежелание предоставить монастырю полную свободу деятельности. Вероятно, здесь, кроме других соображений, существенным было нежелание концентрации земель в руках монастыря, так как он мог расширять землевладение за счет города и ближайшей округи.

Монастырские земельные владения расширялись не только за счет дарений различных представителей общества. Накопленные средства от различных пожертвований, средства от монастырского хозяйства, которое они в известной мере подчиняли запросам рынка, также направлялись на приобретение земель. По описям монастырских владений мы видим, что купленные участки земель составляют не менее половины всех земель монастырей. Наиболее показательные примеры широкой скупки земель у населения дают монастыри св. Иоанна и св. Петра. В картулярии монастыря св. Иоанна имеется опись владений, как подаренных монастырю, так и купленных им¹¹⁴. Монастырь был основан в конце 50-х годов XI в. и богато одарен королем П. Крешемиром и его преемниками. В грамоте имеется, в частности, перечень территорий, подаренных П. Крешемиром: о-в Зури, *curtis* Рогово со всем относящимся и смежные земли, владения в Доллани, земля Сервиза, Бассано, земли в Сидраге, Набресе, Сихова, Елчани и другие владения¹¹⁵. Рогово было основным владением монастыря, центральной усадьбой¹¹⁶. По картулярию до конца XI в. монастырю было подарено более 20 участков различной величины, но в то же время монастырем было куплено не менее 34 земельных участков. Большинство приобретенных участков было куплено за наличные деньги, но нередко встречаются сделки, где в качестве платы выступает скот (кони различной стоимости, коровы, быки, козы, овцы). В описи фигурируют земли стоимостью в 30—40 солидов, что является показателем относительно крупных земельных участков, упоминаются крупные по своим размерам виноградники (*largum vinetum*). В состав владений входит *curtis* со всем к ним относящимся; имеется ряд владений, именуемых аллодом с правом пользования лесом, лугами и водой¹¹⁷. В руках монастыря

¹¹¹ «... quodque nauigium, frumenti deferens, singula modia contribuant» (D. № 57).

¹¹² «... aderint suis facultatibus immo et territoriis, libera cuncta, que in prephato monasterium optulerint, territoria uolumus adesse ab humano cuncto seruicio, scilicet ab illo quod uulgo *ziurum* dicitur» (там же).

¹¹³ D. № 46.

¹¹⁴ D. № 133.

¹¹⁵ D. № 40.

¹¹⁶ Rad, kn. 105, str. 210.

¹¹⁷ D. № 133.

сосредоточивались различные по своему характеру и своим размерам владения, приобретенные у лиц различного социального положения. С 1059 по 1085 г. монастырь приобрел теми или иными путями около 80 крупных и мелких участков, владений.

Не менее активную деятельность по приобретению земель развернул основатель монастыря св. Петра в Полице Петр Чрни. Во второй половине XI в. за сравнительно короткий срок (25—30 лет) им было приобретено более 50 земельных участков различных размеров¹¹⁸. Приобретенные земли состояли из полей, пастбищ, виноградников, участков леса и т. п. В состав приобретенных владений входили также два села с полями и виноградниками¹¹⁹. Эти владения были разбросаны по Полице, сплитскому и солинскому приморью, а также на о-ве Брач¹²⁰. В совокупности за земельные участки было заплачено 126 солидов и 6 *argentei*, 81 модий ячменя, 27 модиев и 4 стара зерна, 7 модиев и 4 стара соли, 47,5 галет вина, 7 сыров, 7 хлебов, 300 луковиц, 28 локтей полотна, 374 овечьих шкуры, конь, козы, овцы, свиньи и т. п. В состав владений входили небольшие земельные участки стоимостью, например, в 4 сыра и 4 хлеба, но были также владения стоимостью в 20 солидов, 300 овечьих шкур и т. п.¹²¹ Большая часть участков была приобретена в обмен за хлеб, вино, соль, сыр, скот, шкуры и т. п. Незначительные участки земель, парцеллы, скупались у бедного люда в обмен на продукты питания. Рост монастырского землевладения осуществлялся за счет концентрации земель разоряющегося населения. В рассматриваемое время происходила дифференциация общества, продолжалось дальнейшее расслоение на богатых и бедных¹²², углубляемое развитием частнособственнических отношений и дальнейшим разложением пережитков родо-племенного строя. Рядовые общинники все больше разорялись и попадали в экономическую и личную зависимость. Наряду с широкой скупкой земель Петр Чрни развернул куплю несвободного населения; имеется немало примеров, когда лишенные средств к жизни крестьяне передавали в сервы своих детей, членов семьи и самих себя¹²³. Основатель монастыря св. Петра в Полице приобрел более 50 лиц несвободного населения¹²⁴. В таких условиях происходил процесс феодализации хорватского общества; экономические закономерности действовали неумолимо и подтачивали устой общинного хозяйства, обуславливая рост вотчинных хозяйств феодализирующей знати и слоя служилых людей, а равно и церковно-монастырского хозяйства.

Описей земельных владений других монастырей не сохранилось, но и по имеющимся сведениям можно составить представление о землевладении монастырей и монастырских хозяйствах. Их владения растут и растут быстро. Монастыри, развернувшие деятельность по концентрации земель, не брезгают никакими средствами в осуществлении своих стремлений. В сборниках документов имеются грамоты, признанные критикой поддельными¹²⁵. Большинство их принадлежит монастырям, и они были составлены монахами.

Вторая половина XI в. является временем наиболее интенсивного процесса концентрации и перераспределения земельной собственности.

¹¹⁸ «Supetarski kartular...», str. 112.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же, str. 213, 227.

¹²² HNJ, I, str. 199—201.

¹²³ Там же, стр. 200, 201.

¹²⁴ «Supetarski kartular...», str. 220—222.

¹²⁵ F. Rački. Podmetnute, sumnjive i preradjene listine hrvatske do XII veka. — Rad, kn. 45.

Пустующих земель ищут всюду. Всякая необрабатываемая земля присваивается. В одной из грамот аббат монастыря св. Хрисогона заявляет, что «приближается светопреставление, так как некоторые захватывают земли хитрыми поступками и злокозненными махинациями»¹²⁶. Но духовенство, монастыри сами не гнушались никакими средствами в деле расширения владений. Здесь уместно привести пример захвата земель у крестьян с. Тугари основателем монастыря Петром Чрни. В «Супетарском картулярии» повествуется о том, что Петр Чрни, скупавший земли у населения, имел столкновение с неким Мирославом. Это столкновение произошло из-за земель и послужило поводом к судебным препирательствам, которые закончились в конце концов полюбовным соглашением. Мирослав, являвшийся, по-видимому, состоятельным человеком и мало отличавшимся по социальному положению от П. Чрни, уступил земли, право на которые он пытался оспаривать, и дополнительно уступил Чрни земли за 80 модиев ячменя и один солид. Но, как оказалось, Мирослав продал не собственные земли, а земли, которые принадлежали общине Тугари. Когда приступили к постройке зданий для монахов на вновь приобретенных участках, то жители села выступили против присвоения земель Чрни¹²⁷. Дело об объекте спора рассматривалось даже в присутствии короля, но решение последнего склонилось не в пользу тугарян, земли были присуждены основателю монастыря¹²⁸.

Итак, земли в руках церкви, монастырей сосредоточивались различными путями. Здесь мы видим приток их от князей и королей, а также знатных лиц; монастыри скупали много земель у разоряющегося населения деревень; духовенство использовало внеэкономическое принуждение, не останавливаясь перед подделкой грамот, завещаний, захватывало земли общин, отдельных общинников.

В монастырских хозяйствах возделывались различные зерновые культуры: рожь, ячмень, пшеница, просо и др. Довольно значительную роль в хозяйстве играло виноградарство. В грамотах довольно часто упоминаются виноградники, которые сосредоточивались в руках монастырей; виноградники насаждали сами монахи¹²⁹. В описи земель монастыря Хрисогона упоминаются виноградниковые и оливковые плантации¹³⁰. Было развито садоводство, а также огородничество.

Наряду с земледелием в монастырских хозяйствах занимались скотоводством, которое являлось одной из важнейших отраслей хозяйства. В руках монастырей имелись сотни и тысячи голов различного скота. Достаточно напомнить, что монастыри получали от различных дарителей по 500 голов скота. Монастыри разводили коней, которых выменивали нередко на земли; в их хозяйствах содержалось много коров, волов, овец, коз, свиней и т. п.

Наконец, изыскивая статьи дохода, монахи ревностно добивались прав на места, где можно было сооружать водяные мельницы. Они обращались

¹²⁶ «Ego quidem Petrus s. Chrisogoni abbas immeritus cerno, quod in his temporibus, in quibus iam deueniunt fines seculorum, nonnulla subtrahuntur de possessionibus sanctorum per ingluuias anxium mundanorum ac deum non uerencium callida» (D. № 53).

¹²⁷ «Quapropter consilio memorati abbati aliorumque fratrum uoluimus in nominato Monticellum, quod comparari a Mirosлаuo et a filiis Michahelis, uicum construere nostris famulis, ceperunt Uilkiki nec non Pro—danus duornico cum omnibus Tugaranis causa inuidie zeloque diaboli inflammati resistere dicentes: „Non licet tibi construere uicum in Monticellum quia noster est“. — «Supetarski kartular...», str. 215.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ D. № 53.

¹³⁰ Там же.

к королям с просьбой о наделении их такими местами¹³¹. Особенно много подобных просьб относится к XII в. Очевидно, мельницы давали немалый доход и потому монахи стремились обзавестись ими как можно в большем количестве.

Усилия черного духовенства были направлены также на то, чтобы заполучить церкви, находившиеся в светских руках. Источники содержат немало сведений о том, что церкви все больше переходили из частных рук в руки монастырей¹³². Особенно часто упоминается об этом со второй половины XI в., когда началась реформа католической церкви.

В различных направлениях развивалась хозяйственная деятельность монастырей. Они приспособлялись к спросу на рынке, торговали хлебом, вином, скотом и т. п., поддерживали торговые связи как на континенте, так и на море.

Разумеется, не все земли, которыми располагали монастыри, были заняты под монастырским хозяйством. Население деревень, принадлежавших монастырям, большей частью, по-видимому, платило чинш натурой. Земли отдавались либо в аренду крестьянам за часть урожая, либо держатель обязывался отработать определенное количество дней в монастырском хозяйстве. Так, наследники некоего Майя за пользование землей, которая находилась в собственности монастыря, обязаны были платить четвертую часть урожая¹³³. Видимо, четвертая часть урожая была распространенной нормой феодальной ренты, за пользование рыбными местами (тонями) взималась также четвертая часть улова¹³⁴.

Со второй половины XI в. монастыри получили ряд новых важных привилегий, свидетельствовавших о росте влияния в общественной жизни и расширении их независимости от государственной власти. Так, монастырь св. Иоанна в 1058 г. получил от короля дарственную грамоту с освобождением от всех обложений в пользу королевской казны¹³⁵. В грамоте особо оговаривается освобождение монастыря от обязательных подарков, которые раньше делались жупанам, хорватской знати. Налоги, взимаемые до того с населения монастырских земель королевской казной, переходят в руки монастыря. По дарственным грамотам, полученным монастырями во второй половине XI в., ни жупаны, ни другие представители власти не должны были беспокоить монастырские владения, вмешиваться в их дела¹³⁶. За нарушение королевской привилегии предусматривалась ответственность перед королем и наказание штрафом в четырехкратном размере по отношению к нанесенному ущербу¹³⁷.

Аналогичные свободы (*regiam libertatem*) получил монастырь св. Марии¹³⁸ и другие монастыри¹³⁹. «Королевские свободы» означали, следовательно, освобождение монастырей и монастырских владений от тех обложений, которые до получения привилегий поступали в королевскую казну, представителям власти. С получением жалованных грамот монастыри освобождались от обычных обложений, кроме тех, что «пожелают дать

¹³¹ D. № 58, 97, 124 и др.

¹³² D. № 29, 31, 41, 44, 46, 54, 57, 62, 72, 91, 131 и др.

¹³³ «... post obsecrum uero eius si quis ex suo genere eas retinere uoluerit, reddat quarta in domo sancti Laurencii...» (D. № 85).

¹³⁴ D. № 20, 39, 106.

¹³⁵ «... sed usque adeo liberum sit et plenarie absolutum monasterium sancti Joannis apostoli et evangeliste, ut neque tributum, neque vectigal fisco soluat» (D. № 40).

¹³⁶ «... donaria secularia debita banis, iuppanis uel reliquis potentiolis prorsus nesciat» (D. № 40).

¹³⁷ D. № 51.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ HNJ, I, str. 204.

сами монахи». Обычными обложениями были, видимо, *tributum vectigal*, от необходимости выплаты которых освобождались монастыри¹⁴⁰. Следовательно, земли и население монастырских земель переходили под юрисдикцию самих монастырей; они изымались из-под юрисдикции жупанов и прочих представителей светской власти. Эти грамоты являлись по существу иммунитетными грамотами, они свидетельствуют о сложившемся церковном феодальном иммунитете, об иммунитетных правах, которыми наделялись монастырские корпорации.

Поскольку в руках монастырей сосредоточивались земли собственно Хорватии, а также земли муниципальных общин далматинских городов, то наделение монастырей свободами и привилегиями шло не только со стороны королей, но и со стороны городских властей¹⁴¹. Следовательно, монастырские корпорации получали иммунитетные права как от хорватских королей, так и от городских властей далматинских городов. Иммунитет, жалуемый королем, распространялся на хорватские земли, а иммунитетные права, жалуемые властью далматинских городов, распространялись на земли городской округи.

Следует отметить, что земли и раньше дарились с правом полного распоряжения, но это не освобождало владельцев, в том числе и монастыри, от уплаты податей, государственных налогов. Поэтому мы не находим в актах дарений земель королем монастырям свидетельств об освобождении последних от уплаты налогов до середины XI в. Но и освобождение монастырей от уплаты податей, видимо, не означало полной свободы их в распоряжении землями. Подтверждения дарений своих предшественников последующими королями приводят к такому заключению. Эти же подтверждения встречаются в грамотах не только в конце XI в., но и в грамотах XII в. Все это наводит на мысль о том, что в Хорватии рассматриваемого времени отношения между королевским двором и церковно-монастырскими хозяйствами являлись типично феодальными отношениями: за королем всегда оставалось право верховного сюзерена на хорватские земли, которые так или иначе попадали в руки монастырей, расположенных в далматинских городах. Политические отношения далматинских городов с хорватским королевством изменялись, но короли никогда не отказывались от верховной власти на хорватские земли, которые находились в руках различных юридических лиц из числа городского населения. В данном случае речь идет о монастырях, но дело, видимо, не менялось, когда подобные отношения складывались между горожанами и королевским двором.

В заключение мы можем отметить, что монастыри и духовенство развернули широкую деятельность по сосредоточению в своих руках земельных владений. Концентрация земель в руках монастырей и церкви происходила путем дарений им со стороны княжеской и королевской власти, со стороны знати и различных слоев населения. Но не меньшую роль в деле концентрации земель монастырями сыграла купля таковых.

Не позднее чем с середины XI в. духовные корпорации получали новые привилегии в форме пожалований церковного феодального иммунитета, что открывало перед ними новые возможности к экспроприации земельной собственности свободного населения и к дальнейшему закабалению крестьян.

¹⁴⁰ *Tributum* — государственный поземельный налог, *vectigal* — поборы с товаров, находившихся в обороте (см. V. Mažuranić. *Prinosi za hrvatski pravno-povjestni gječnik*. Zagreb, 1908—1922).

¹⁴¹ См. соответствующие разделы данной статьи.

Монастырские, церковные хозяйства превращались в типично феодальные хозяйства той эпохи. Церковно-монастырское землевладение охватило значительные территориальные пространства, церковь становилась крупнейшим феодальным собственником в Хорватии, владения ее быстро росли, увеличивались за счет различных земельных собственников, потери крестьянами земельной собственности и превращения их в зависимых держателей церковных земель.

Светское феодальное землевладение

Как было уже отмечено, для исследователя большую трудность составляет определение социального статуса лиц, выступающих в актах дарения, купли-продажи. При определении социального положения и степени материальной обеспеченности лиц, выступающих в актах, приходится использовать различные косвенные указания, проливающие в какой-то мере свет на этот вопрос. Поэтому определение социального статуса не может быть достаточно точным, хотя общая картина крупного светского землевладения может быть выяснена в основных своих контурах. Попытаемся восстановить положение господствующего слоя хорватского общества, из которого формировался класс светских феодалов.

Как мы могли уже убедиться, в ряде случаев в грамотах перед нами выступают представители крупного светского землевладения, относившиеся к господствующему классу. Напомним о дарении монастырю бана Степана. В состав дарения входили три владения (*curtis*), состоявшие, видимо, из пахотных земель, угодий. Кроме того, в состав даримого входило около 500 голов различного скота и много золотой и серебряной утвари. Владения обслуживались трудом несвободного населения — сервами: в первом владении находилось шесть сервов мужского пола и четыре женщины (*ancillae*), во втором — двенадцать *familiae* и в третьем — восемь *familiae*¹⁴². В состав первого владения входила также церковь. По всей вероятности, даримое баном никак не исчерпывало его богатств и являлось незначительной частью его владений. Даримые поместья обслуживались трудом несвободных, но в то же время последние, по-видимому, вели собственные хозяйства. Если понимать *familiae*, упоминаемое в грамоте, как семейную группу несвободного населения, то вероятность наделения их земельными участками становится еще более очевидной.

Об остальных владениях бана нам ничего не известно. Но и перечисленное дает представление о хозяйстве крупного землевладельца, представителя высшей знати хорватского общества. Баны являлись наиболее влиятельными после короля лицами в государстве. Их владения состояли, видимо, главным образом из наследственной собственности, которой они распоряжались по своему усмотрению. Хозяйство вотчинника состояло из усадьбы с господским домом, к которому примыкали хозяйственные постройки, сад и виноградники. В окрестностях простирались земли, пашня, луга, пастбища и лес¹⁴³.

Нами уже упоминалось дарение сестры бана Годемира Елены, которая передала монастырю одно из своих владений (*territorium*), унаследо-

¹⁴² «Dedi etiam unam curtem, que nominatur uitula, cum ecclesia sancti Petri et cum sex seruos et quatuor ancillas. et alia curte, que uocatur Noua Sella, cum duodecim, familie, et tercia curte, que dicitur Batina ues, cum octo familias. Dedi uiginti iumenta cum duos equos et triginta uaccas et CCCC pecora et triginta duos porcos» (D. № 37). Под термином *familiae*, по-видимому, выступают семьи зависимого населения (см. F. Rački. Rad, kn. 10, str. 157).

¹⁴³ F. Rački. Rad, kn. 105, str. 231.

ванное ею от матери. Напомним, что в состав даримого входили церковь со всем имуществом, земли, стадо овец с пастухом и две пары быков с двумя сервами (молодыми сервами — *seruulis*)¹⁴⁴. Мотивом дарения послужила болезнь Елены и ее желание снискать благоволение небесных сил. Таким образом, владения банов и их родственников состояли из сравнительно небольших по объему поместий-вотчин, число которых не поддается учету. Эти владения обслуживались трудом несвободного населения, что не исключает возможности эксплуатации сохранявших еще личную свободу крестьян.

К числу крупных землевладельцев безусловно относились жупаны, в руках которых была сосредоточена власть в административно-территориальном округе — жупе. Жупанами обычно являлись наиболее знатные представители родовитой знати, что, однако, вовсе не исключало возможности назначения королем на должность жупана того или иного представителя из служилой знати¹⁴⁵. Земельные владения жупанов также, по-видимому, являлись их наследственной собственностью, которой они распоряжались по своему усмотрению, т. е. независимо от короля. Но жупаны, безусловно, получали земли от короля, являлись держателями королевских земель. Мы не располагаем источниками, которые могли бы создать цельное представление о землевладении жупанов, этой родовитой знати Хорватии. Сохранилось несколько грамот, в которых содержатся отрывочные данные о владениях последних. Так, Петр, жупан Сидражской жупы, совместно с братом передают монастырю все землю в месте, называемом Бравизо, которой владел их отец¹⁴⁶. Земля передана ради спасения «своих душ и душ родителей».

Несколько позже другой жупан в той же Сидражской жупе уступил свою территорию монастырю за очень хорошего коня¹⁴⁷. Этим почти исчерпываются сведения о землевладении жупанов. Но, несомненно, последние располагали крупными участками земель¹⁴⁸, использовали труд как несвободного населения, так и труд разорявшегося крестьянства, терявшего свою свободу и пополнявшего ряды несвободных. Жупаны, как было отмечено, являлись крупнейшими сановниками, знатными лицами в государстве; в их руках находилась политическая власть в жупе. Они следили за общим порядком в округе, судили население, являлись представителями войска жупы, собирали или участвовали в сборе государственных податей¹⁴⁹. В грамотах жупаны или их представители (поджупан, сотник) часто выступают в качестве свидетелей акта купли-продажи¹⁵⁰ как представители государственной власти. К тому же при оформлении акта власти взимали определенную мзду, часть которой оставалась у жупана. В обязанности последнего, видимо, входил контроль за владениями короля, уступленными в условное пользование каким-либо лицам.

¹⁴⁴ «Offero eidem eciam mecum, quam ibidem construxi, ecclesiam; offero quidem cuncta, que in eodem loco mea sunt, territoria; offero eciam gregem ouium cum pastore nomine Uilcona, duo paria boum cum duobus seruulis ad opus fratrum, qui ipsa colerent territoria» (D. № 29).

¹⁴⁵ HNJ, I, str. 201.

¹⁴⁶ «Ego Petrus iupanus de Sidraga cum Slauizo fratre per remedium animarum nostrarum et parentum defunctorum trado omne territorium, quod pater meus Semiuit possedit in loco, quod oppelatur Brauizo» (D. № 70).

¹⁴⁷ «Eidem monasterio uendidit Juranna iupanus de Sidraga suum territorium, quod est in Sidraga, a puteo usque ad palacium; pro eo accipiens optimum equum». — D. № 133 (19).

¹⁴⁸ HNJ, I, str. 201.

¹⁴⁹ M. Bračnić. Zupe u Hrvatskoj državi... — Rad, kn. 25; Rad, kn. 99, str. 109.

¹⁵⁰ Это особенно относится к тем актам, в которых говорится об отчуждении более или менее значительных земельных участков.

В подтверждение этого мнения напомним о дарственной грамоте Радована, пожелавшего подарить монастырю владение, доставшееся ему от деда. Однако дарению воспротивился жупан, который утверждал, что земля принадлежит королю и была уступлена ему в пользование¹⁵¹.

Жупаны, являясь представителями местной власти, использовали свое положение для дальнейшего своего обогащения и расширения своих владений. Рядовым общинникам трудно было спорить с жупаном, носителем функций государственной власти в пределах жупы. Их владения могли расширяться не только за счет земель рядовых производителей материальных ценностей; они не прочь были поживиться, например, даже за счет монастырских земель. В одной из грамот повествуется о том, что Стрезина, жупан брибирский, вместе со своими родственниками пытался захватить земли у монастыря св. Иоанна¹⁵². Земля, вернее половина земель с. Мирани, была куплена аббатом за 30 солидов, но эту землю пытался отторгнуть Стрезина. Однако аббату удалось после длительного спора в королевском суде отстоять владение, на которое покушался жупан. Сам факт попытки захвата земель монастыря весьма знаменателен: если жупан попытался отторгнуть земли у духовенства, то как далеко могли заходить его действия в этом по отношению к рядовым землевладельцам! Не случайно и то обстоятельство, что королям приходилось специально оговаривать в дарственных грамотах, чтобы жупаны и другие, как знатные, так и незнатные особы не осмеливались нарушать королевских дарений¹⁵³. Подобная оговорка наводит на мысль, что жупаны и другие представители знати могли отторгнуть даримое или часть его либо выторговывать что-либо для себя у лиц, получивших то или иное владение. Следует также помнить, что жупаны как представители государственной власти получали определенные дарения от лиц, подчиненных им; монастыри также были обязаны делать им различные подарки, пока королевская власть не освободила их от этой обязанности.

Родственники жупанов располагали, вероятно, также крупными владениями. В одной из грамот монастыря Иоанна выступает теща жупана Стрези Роза, которая подарила монастырю часть своих земель, а другой участок ею был обмнен¹⁵⁴. Несколько позже она же продала монастырю значительный земельный участок стоимстью в 15 солидов¹⁵⁵. Другими конкретными данными источников мы не располагаем.

О землевладении поджупанов, сотников известно еще менее. Рачки относил поджупана Крукоњу и сотника Веченега к представителям крупного землевладения¹⁵⁶. Если это и не так, то, несомненно, поджупаны и сотники относились к классу вотчинников, хотя, быть может, и не крупных.

Люди королевского двора — служилая придворная знать — располагали владениями, унаследованными или так или иначе приобретенными¹⁵⁷, а также владениями, полученными за службу от короля. Здесь мы должны

¹⁵¹ «Sed quia resistebat michi Uekemir Luce iupanus cum Boleslao tepci, et contradicebat hoc fieri quod feceram dicens, ipsa terra a rege predicto sibi esse concessa...». — D. № 61 (1).

¹⁵² D. № 109; 133 (11).

¹⁵³ См., например, D. № 97.

¹⁵⁴ «Est et ibidem alia, quam Rosa sochrus Strezii donavit eidem monasterio: tamen, partim dando, partim cum pro alia mutando». — D. № 133 (32).

¹⁵⁵ «Rosa quedam, socrus Strezij, uendidit eidem monasterio terram inibi pro xu romanatis». — D. № 133 (42).

¹⁵⁶ Rad., kn. 105, str. 211.

¹⁵⁷ Данное утверждение не имеет целью отрицать наличие при королевском дворе служилых людей, вышедших из низов.

возвратиться к приводившемуся ранее дарению Ивана, который располагал как собственными, так и владениями, которые он держал от короля¹⁵⁸. Нужно думать, что этим не исчерпывались владения управляющего королевским двором. Поместья «деда» Ивана обслуживались рабочей силой многих людей, но никаких намеков на таковую в грамотах нет. В самом деле, владения придворного вельможи, даже те, о которых мы имеем свидетельства, требуют применения труда многих людей. Сам палатин, разумеется, непосредственно хозяйством не занимался. Возможно, часть его владений обслуживалась трудом сервов, но не исключено, что и другие земли сдавались за определенную часть урожая, которая колебалась от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$, крестьянам малоземельным или вовсе безземельным. Как видно из грамот, Иван держал земли, полученные за службу от короля, на отчуждение которых он испрашивает особое разрешение своего «сюзерена». Это типично бенефициальные отношения в период развивающегося феодализма.

Придворный *Arçiçani Socolar*, оказавший достойный прием свите короля, являлся также состоятельным владельцем земель: королю он подарил лучшего коня и серва-слугу, королеве — служанку, щитоносцу — щит и копье¹⁵⁹. В знак благодарности король со своей стороны подарил Соколяру земли в Елчани, которые последний передает монастырю¹⁶⁰. Упомянутый выше князь Стефан (*dux*), вступая после болезни в монастырь, подарил обители два села с прилегающими к ним землями¹⁶¹. Владения князя Стефана вряд ли ограничивались только упоминаемыми в источниках землями¹⁶².

Крупным владельцем земли выступает уже известный нам основатель монастыря св. Петра в Полице Петр Чрни. Он совместно с женой подарил ряд собственных владений этому монастырю¹⁶³. В совокупности, как было отмечено, им было приобретено более 50 земельных участков различной величины¹⁶⁴. Петр Чрни посвятил свою деятельность на благо основанного им монастыря, но не с меньшим успехом он мог бы скупать земли для собственного хозяйства¹⁶⁵. Петр Чрни по своему социальному положению являлся состоятельным землевладельцем, относившимся если не к знати, то по меньшей мере к состоятельным вотчинникам. Он выступает в судебных спорах со знатыми лицами как равная сторона, нет ни одного судебного спора, зафиксированного в «Супетарском картулярии», решение которого склонилось бы не в пользу его. Располагая значительными земельными владениями, Петр использовал в своих владениях труд несвободного населения. Все это приводит к заключению о принадлежности его к состоятельным владельцам.

В грамоте от 1090 г. повествуется о том, что некий Петризо заключил с Людино, сыном Мирослава, какую-то сделку и оставил себе в залог (в обеспечение того, что ему не будет причинен вред ни Людино, ни род-

¹⁵⁸ См. стр. 171 данной статьи.

¹⁵⁹ D. № 133 (5).

¹⁶⁰ D. № 65; № 133 (5).

¹⁶¹ «*Et obtuli eidem monasterio duos campos mei patrimonii: duo predia ex meo patrimonio concessi*» (D. № 101).

¹⁶² Интересно отметить, что и в данном случае нет ни слова о населении или рабочей силе уступаемых владений. Факт передачи сервов в грамотах обычно отражался. Можно заключить, что население этих владений не было еще закрепощено или понятие «серва» уже не было применено к данной категории населения.

¹⁶³ D. № 112, 117.

¹⁶⁴ См. стр. 179 данной статьи.

¹⁶⁵ В. Новак утверждает, что Петр приобрел земли раньше, чем им были основаны церковь и монастырь, которые он одарил владениями.

ственниками Людино) двух рабов и 300 свиней. Но Людино совершил нападение на виллу Петризо и разорил ее: им было захвачено четыре серва, две рабыни (ancillae), а родителей последних он засек до смерти. Кроме того, Людино захватил двух лучших коней, мула, трех быков, двух коров, шесть свиней, различное имущество, включая рабочий инвентарь¹⁶⁶. После обращения Петризо в суд родственники Людино согласились компенсировать ущерб, причиненный их сородичем, и передали Петризо земельное владение и виноградник¹⁶⁷. В. Новак считает, что Петризо есть не кто иной, как Петр Чрни¹⁶⁸. Как бы то ни было, перед нами выступают состоятельные представители господствующего класса. Петризо располагает значительными владениями, которые обслуживаются трудом несвободного населения. Людино, как и его родственники, являются также состоятельными владельцами: в их распоряжении имелись, видимо, значительные земельные владения, одно из которых они передали Петризо в качестве компенсации за ущерб, причиненный их сородичем. Они располагали крупными стадами скота, эксплуатировали труд зависимых людей¹⁶⁹.

Восстановить социальное положение отдельных лиц помогает указание на обладание церквями. Обладателем церкви мог быть лишь представитель состоятельных феодалов. К таковым можно отнести некоего Петра, сына Семивита (сын жупана?), имя которого неоднократно упоминается в грамотах. Вместе со своей дочерью и со всеми ближними (домашними?) Петр около 1072 г. на спасение душ своих родителей, за свое здравие и здравие своих наследников подарил монастырю церковь со всей территорией, относящейся, видимо, к церкви¹⁷⁰. В грамоте монастыря Иоанна имеется сведение о дарении тем же Петром владения со всем к нему относящимся упомянутому монастырю, причем Петр получил от монастыря очень хорошего коня¹⁷¹. По-видимому, он обладал несколькими значительными владениями и уж, конечно, не собственным трудом обслуживал свои владения. Однако Петр ни в первом, ни во втором случае не обозначен как «знатный» или «благородный»: он выступает как частное лицо¹⁷². В данном случае нас не интересует титул Семивита, но мы желаем напомнить о том, что многие лица, упоминаемые в грамотах, обладали значительными земельными владениями, продавали и отчуждали таковые, выступают в грамотах без какого-либо титула, обозначающего их социальное положение. Это обстоятельство указывает на то, что в хорватском обществе, видимо, еще не оформились окончательно основные условия феодального общества, класс феодалов со всеми его политическими и социальными правами. В правовых нормах еще не выработалась терминология социальных категорий, присущая оформившемуся, сложив-

¹⁶⁶ D. № 127; «Supetarski kartular...», str. 226.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же, стр. 45.

¹⁶⁹ В. Новак, исследовавший «Супетарский картулярий», приходит к заключению, что Людино являлся сыном того Мирослава, который опротестовал приобретение Чрни в Тугарах (см. В. Новак. Указ. соч., стр. 206).

¹⁷⁰ D. № 72: «Ego Petrus, Seminiti filius, una cum filiis Crine et omnes mei propinqui donamus pro animabus nostrorum parentum et pro salute nostra et nostrorum successorum cenobio sancte Marie ecclesiam, que est in Brauizo dedicata in honore sanctorum apostolorum Petri et Pauli, et cum omni territorio nostro...».

¹⁷¹ D. № 133 (46): «Petrus, Seminiti filius curtem in Lessani cum tota illius pertinentia pro eterna gloria concessit eidem monasterio, pro qua et optimam equum a parte fratrum habuit».

¹⁷² Подобный пример дарения монастырю церкви частным лицом дает грамота под № 91. Но и в этой грамоте нет никаких непосредственных указаний на социальное положение дарителя.

шемуся феодальному обществу. Но хорватское общество находилось на грани этого оформления, так как необходимые условия уже вызревали в недрах общественной жизни.

Упоминание о нескольких владениях, сосредоточенных в руках некоторых обладателей, состав свидетелей, присутствовавших при заключении тех или иных сделок, проливают в известном смысле свет на социальное и имущественное положение упоминаемых лиц. Если в одном случае некий Лютстрах участвует вместе с братом в дарении монастырю «территории»¹⁷³, а в другом случае тот же Лютстрах продает другому монастырю «свой лучший аллод» за 14 солидов¹⁷⁴, то мы имеем необходимые основания к заключению о наличии в руках Лютстраха значительных владений. Это заключение подтверждается рядом других соображений. Прежде всего в качестве свидетелей дарения выступают знатные лица Задара, а также двое жупанов и другие лица¹⁷⁵. Все это наводит на мысль о дарении значительного владения и о принадлежности дарителей не к рядовому населению, а к слою людей, общественное положение которых было выше положения основной массы крестьянства. Кроме того, Лютстрах продает «свой лучший аллод», что дает основание к предположению о сосредоточении в руках последнего других аллодов или владений. Цена отчуждаемого аллода равна 14 солидам. Нами уже приводились свидетельства о продаже вилланами своих аллодов за 3 солида. Масса различных «земель», участков продавалась за 1—5 солидов. Больше того, в грамотах имеются указания на то, что «хорошее владение» (*curtem optimam*) приобретено за 7 солидов¹⁷⁶. В грамотах, к сожалению, нет указаний на размеры приобретаемых, отчуждаемых земель и владений. Но в одной из них содержится указание на цену отчуждаемого участка, а размер его определяется тем, что данный участок засевадается 24 модиями семян. Упомянутый участок принадлежал дякону и был отчужден за 6 солидов¹⁷⁷. На основании этих данных хорватские историки приходят к заключению, что размер данного участка был равен 3—4 га¹⁷⁸. Следовательно, цена одного га пахотной земли не превышала 2 солидов. Разумеется, в конкретных случаях цена участков могла определяться качествами земли, местом расположения участка и т. п. обстоятельствами. Тем не менее данные свидетельства позволяют составить определенное суждение о размерах отчуждаемых участков. Так, если продается земля неким Писсахани за 35 солидов, то мы можем полагать, что отчуждаемый участок является для Хорватии довольно значительным по своим размерам. Владельцу пахотных земель принадлежало право на пользование лугами, лесом и водой¹⁷⁹. Напомним, что владение самого управляющего королевским двором было продано за 20 солидов. Писсахани был по меньшей мере состоятельным вотчинником. Состав свидетелей, присутствовавших при заключении

¹⁷³ D. № 63: «Ego Chrobatinus una cum fratre meo Lutstrach tradimus in mon. s. Chrisogoni territorium, quod abemus in loco, qui dicitur Sechirani...».

¹⁷⁴ D. № 133 (13): «Eidem mon. uendidit Luthstrach frater Chroatini suum optimum alodium in Chrastani pro XIII solidos».

¹⁷⁵ D. № 63.

¹⁷⁶ D. № 133 (12): «... uendiderunt... curtem optimam in Chrastani pro VII solidis».

¹⁷⁷ D. № 84: «Ego Johannis diaconus... uendidi terram in loco, qui uocatur Obrouezo, per VI solidos aureos, continentem sementis modia usque XXIII, que est iuxta terram uestri cenobii...».

¹⁷⁸ HNJ, I, str. 207.

¹⁷⁹ D. № 133 (49): «Est et ibidem alia, quam emit ille idem abbas Madius pro XXXV solidis de Pissachani et quicquid pertinebat illi terre in aquis, pratis, siluis». Не меньшее владение имел Семнан, уступивший часть земель Петру Чрни. См. «Supetaski kartular...», str. 214.

сделки, подтверждает это суждение: в качестве свидетелей упомянуты жупан брибирский, пять его воинов и дядя короля Звонимира.

Однако чаще в грамотах упоминаются владения, приобретаемые за 10—15 солидов или в обмен за коней стоимостью в 8—12 солидов¹⁸⁰. Несомненно, среди обладателей подобных участков, отчуждающих свои владения, были представители как состоятельных вотчинников, так и мелких вотчинников, по тем или иным причинам продававших свои земли. Многие из них, нужно полагать, обладали не только теми участками, которые они отчуждали, напротив, в их руках чаще сосредоточивалось по несколько владений. Действительно, рядовому виллану холеный конь (*optimum*) вряд ли был так необходим в его хозяйстве, когда обычно пахали на быках и даже телках¹⁸¹. Однако состоятельные землевладельцы порой в силу необходимости вынуждены были продавать владения. Так, Семиян «задолжал своим противникам» 40 солидов, и, чтобы спастись от угрозы долговой кабалы, он вынужден был передать Петру Чрни половину своего владения, а другую половину сохранить за сыном¹⁸². По аналогичным мотивам подарил Керич монастырю Иоанна церковь и земли: в плен попала сестра Керича и была продана в серваж, из которого ее выкупил аббат упомянутого монастыря¹⁸³. В тот беспокойный период хорватского прошлого не были гарантированы от разорения даже слои состоятельных землевладельцев. Тем более от разорения, постепенной потери земельных владений не могли быть гарантированы общинники, владельцы земель, которых мы можем отнести к разряду мелковотчинных землевладельцев. Так, в картулярии монастыря Иоанна значатся аллоды, приобретенные у двух вилланов. Аллоды проданы с правом пользования лугами, лесами, водами¹⁸⁴. За аллоды заплачена довольно высокая сумма в 35 солидов. Аллоды представляли, видимо, выделенные из общин владения. Это соображение, довольно высокая сумма, уплаченная за аллоды, дают известные основания отнести данные лица в разряд мелких вотчинников. Мотивы отчуждения аллодов не приведены, но мы можем предположить, что подобные сделки могли совершаться в силу необходимости. Так или иначе, потеря земельных владений приводила некоторые семьи к обеднению, что могло вызвать опущение последних на низкую ступень оформлявшихся социальных отношений. Весьма показательный пример дает попытка возвращения земельных владений наследниками дарителей. Как было ранее отмечено, пятеро братьев произвели дарение владения ради спасения своих душ и душ умерших родителей. Владение, как это можно заключить при ознакомлении с описанием границ последнего, было крупным по своему объему¹⁸⁵. Состав свидетелей подтверждает заключение о значительности земельного владения, а также принадлежность дарителей к категории землевладельцев по меньшей мере мелковотчинного характера: в качестве свидетелей акта дарения присутствовали управляющий королевским двором, а также трое жупанов. Кроме того, со стороны «латинян», т. е.

¹⁸⁰ D. № 133 (§ 7, 23, 24, 37, 50, 52, 53, 55 и др.).

¹⁸¹ См., например, D. № 133 (9): «...dedit... uaccam unam et iuencum, arare potentem...».

¹⁸² «Insuper emimus Semianum a suis inimicis pro XL romanatis: ipse autem non habens unde se redimeret, dedit michi territorium quod sui patris erat ut ego diuiderem cum filio suo omne per medietatem...». — «Supetarski kartular...», стр. 214.

¹⁸³ «...ille uero, utpote bonus pastor, sororis mee benignissime intuitus et misertus est et eam precio redemit et sic de captiuitate liberauit» (D. № 91).

¹⁸⁴ «Eidem monasterio uendiderunt alodia sua in Gorriça pro XXXV solidis isti uillani, nidelicet: Tnessimir et Dabraça, cum omnibus suis pertinencis in aquis, in siluis, in pratis». — D. № 133 (14).

¹⁸⁵ D. № 71.

романизированного населения далматинских городов, акт дарения засвидетельствовали двое приоров, судья и другие лица. Дарение было произведено в 1072 г., но в начале XII в., во времена короля Коломана, «некоторые развращенные потомки» дарителей пытались отобрать у монастыря ранее подаренные поля¹⁸⁶. Монахи сумели отстоять спорные земли и закрепить их за монастырем. Знаменательным является факт попытки возвращения земель, потерянных старшими родственниками. Следовательно, уже ближайшие наследники дарителей испытывали недостаток в землях, стеснение и потому они через 30—32 года после акта дарения пытаются вернуть хотя бы часть владений своих предшественников.

В период, когда земля в качестве товара отчуждается, продается и покупается, происходит концентрация земель в одних руках, тогда как другая часть населения теряет свои земли, разоряется. В процессе становления и развития феодальных отношений, оформления социальных слоев общества часть состоятельных общинников могла опускаться до положения лично зависимых людей. Такая же участь могла ожидать некоторых владельцев мелкоземельного характера. Разумеется, мы не можем утверждать, что упомянутые только что лица непременно разорились или опустились на ступень ниже в социальном отношении. Однако такая тенденция в развитии могла привести если не данных лиц, то других как к разорению, так и к закабалению.

В источниках проводится различие простого люда (*populus*) и знатных (*nobilis*). Баны, жупаны, придворная знать именуется в грамотах *primates populi*, *regni principes*, *comites*, *nobiles*¹⁸⁷. Причем наименования *primates*, *proceres*, *principes* встречаются в грамотах с IX в., но со второй половины XI в. появляется титул «comes», а также титул «бароны»¹⁸⁸, заимствованные из терминологии западных стран. Все эти наименования в равной мере применимы как к жупанам, так и к представителям высшей придворной знати. В практике встречались случаи, когда жупан как представитель власти жупы являлся одновременно исполнителем придворной службы¹⁸⁹. Следовательно, не было резкой разницы между родовитой и служилой феодализирующейся знатью. Обе группы формирующегося господствующего класса находились в процессе слияния. И те и другие были *primates*, *principes*, *proceres*, они являлись племичами¹⁹⁰. Понятие «племенные люди», «племичи» отождествляется в хорватской исторической литературе с понятием дворяне. Хорватские буржуазные историки придерживались точки зрения, согласно которой к племенитым людям относились так называемые «двенадцать хорватских племен», из наиболее знатных родов которых избирались как баны, так и жупаны, а остальные представители этих племен были освобождены от уплаты королевскому фиску налогов¹⁹¹. Это право было преимуществом 12 племен, которым последние весьма дорожили: оно давало право на племяство¹⁹². В подтвер-

¹⁸⁶ «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae» (Ed. Kukulević Sak-sinski, v. I—II. Zagreb, 1874, № 157).

¹⁸⁷ Например, «communi consilio cum meis cunctis fidelibus et primatibus populi» (D. № 12); «Ego Cresimir... testimonium facio cum omnibus nobilibus meis...» (D. № 56); см. Rad, 91, str. 139.

¹⁸⁸ Впервые эти титулы, заменяют титул жупана в 1076 г. (см. Rad, kn. 91, str. 140). D. № 88: «...nec non comitum et banorum: Dominici tepzii curialis comitis. Kirne comitis, Dobrili comitis Cleunensis, Pribini comitis Cetinensis, Lubomiri comitis, et aliorum nostrorum comitum et baronum, ubi fuit fidelium maxima congregacio».

¹⁸⁹ Rad, kn. 91, str. 140—144.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Rad, kn. 99, str. 87; V. Klaić. Rad, kn. 130; F. Šišić. «Povijest Hrvata...», str. 669.

¹⁹² Там же.

ждение этого мнения обычно ссылаются на договор, который заключили 12 знатных представителей 12 родов Хорватии с венгерским королем Коломаном (Кальманом) в 1102 г.¹⁹³ Согласно договору, хорватская знать (XII *nobiles sapientiores de XII tribulis Croatiae*)¹⁹⁴ признала хорватским королем венгерского короля, но последний гарантировал знати ряд важных привилегий. Приводим текст договора Коломана с представителями 12 знатных родов: «Все названные выше да обладают своим достоянием в мире и спокойствии, и пусть ни один из перечисленных выше родов и их людей не платит королевскому величеству чинша (ценза, регулярных взносов); их обязанности по отношению к господину королю должны сводиться лишь к тому, что в случае чьего-либо нападения на королевские границы они должны по королевскому зову явиться самое меньшее с 10 всадниками от каждого названного выше рода за свой счет и свои издержки и следовать до р. Дравы; за Дравой, по пути к Венгрии, они должны оставаться при войске до тех пор, пока оно не будет распущено»¹⁹⁵.

Представители 12 знатных родов выступают в грамотах вплоть до XVI в. В. Клаич, собравший материал о представителях знатных родов, выдвинул теорию господства в Хорватии 12 племен, представители которых являлись господами по отношению к остальному населению¹⁹⁶. По его мнению, эти племена основали государство, захватили земли, остальное население превратили в своих подданных, кметов. Нам необходимо кратко проследить, кто же входит в «племена» по документам, чтобы составить определенное мнение о представителях так называемых племен и по мере возможности выяснить их социальное положение.

Возьмем для примера одно из влиятельнейших «племен» — племя Кашичей. Прежде всего это князь-жупан (*comes*) Југан, подписавший договор с Коломаном в 1102 г. Затем некий Никола вместе с родственниками и со всеми подвластными заключил мир с Котором в 1167 г.¹⁹⁷ В 1180 г. Никола Кашич с братьями и ближними из рода Кашичей (*qui erant ex genere Casitorum*) убили в споре за землю архиепископа. Борислав, сын Николая, князя Кашичей, был адвокатом монастыря в Сплите¹⁹⁸. В 1190 г. Кашичи заключают мир с Дубровником; в грамоте упоминается жупан Брена, сын Николая, и ряд других лиц. В 1198 г. упоминается Толен Кашич, располагавший владением (*praedium*), Кашичи встречаются среди свидетелей в различных актах конца XII—начала XIII в. В 1208 г. князь Омиша (Кашич) вместе с братьями и ближними (*fratribus*

¹⁹³ Вопрос о достоверности этого документа остается нерешенным. Л. Гауптманн считает его поддельным и появление его относит к XIII в. (см. *Hrvatsko praplemstvo*). Но другие хорватские историки отстаивают аутентичность этого документа (см. *Nada Klaić. H. Z. God. IX, Zagreb, 1956*).

¹⁹⁴ «...videlicet: comitem Juran de genere Chacittorum, comitem Vgrinum de genere Chuccacorum, comitem Marmagniam de genere Subithorum, comitem Pribislauum de genere Cuddomirorum, comitem Georgium de genere Snaçithorum, comitem Petrum de genere Murithorum, comitem Puulum de genere Gusichorum, comitem Martinum de genere Karinensium, et de genere Lapçanorum, comitem Pribislauum de genere Politchorum, comitem Obradum de genere Lasniçitorum, comitem Joannem de genere Jammometorum, comitem Mirogum de genere Tugomirorum» («*Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*», v. II. T. Smiciklas. Zagreb, 1904, № 5).

¹⁹⁵ «...quod omnes predicti teneant suum pacifice et quiete, et quod non teneantur aliqua predictarum generationum nec nec eorum homines regie maiestati soluere censum, nisi tantum teneantur domino regi, quando aliqui inuaderent sua confinia regalia, tunc ei dominus rex mittit pro ipsis, tunc ire debeant adminus cum decem armigeris equitum de qualibet generatione prenomina cum suis sumptibus et expensis usque ad flumen Draue; inde versus Ungariam ad expensas domini regis, usque qui exercitus duranerit, debeant permanere».

¹⁹⁶ V. Klaić. *Hrvatska plemena...*, str. 12.

¹⁹⁷ Там же, стр. 28.

¹⁹⁸ Там же, стр. 29.

et propinquis suis — Desislaus, Rados, Dragan, Bogdanus et Sinca comes) желает обновить мир с Дубровником. В 1214 г. Кашичи упоминаются как пираты. В 1220 г. король Андрей пишет князю Кашичей Малдуко и его родственникам о пиратской деятельности Кашичей, в 1224 г. упоминаются вновь Кашичи, порой в грамотах говорится о Кашичах-пиратах¹⁹⁹. В 1231 г. в качестве свидетеля упоминается князь Драган, а в 1235 г. Кашич князь Коломан со своими родственниками и ближними заключает мир с Дубровником²⁰⁰. В грамоте от 1238 г. говорится о посланниках Омиша и князе Кашичей Николае. В 1239 г. вновь упоминаются князь Николай, князь Прибислав как свидетели. В другой грамоте от того же года упоминаются князья Кашичи: Степан, Андрей, Толлен и Николай со своими ближними. В 1245 г. упоминаются Николай, сын Ходимира — князя Омиша, а также другие князья: Прибислав, Осар, Юрий, Родош, Зломир, Продан и другие, участвовавшие при заключении договора с представителями Дубровника²⁰¹. В грамоте от 1262 г. упоминаются князь Родосий и жупан Петр из рода Кашичей²⁰². В XIII—XV вв. неоднократно упоминаются представители рода Кашичей; там, где имеется упоминание о социальном положении представителей этого рода, обычно выступают князья, судьи, адвокаты, т. е. представители господствующего класса, знатные лица. Кашичи выступают владельцами земель, они были представителями «знатного рода» — нобилями.

О других «знатных» родах мы можем прочитать в документах примерно то же самое, что и о Кашичах. Одни роды были более многочисленными, как, например, Гусичи, Лапчани, другие — малочисленны и сведений о них сохранилось немного (например, Полетичи, Ласнич и др.)²⁰³. Представители этих родов принадлежали к прослойке либо высшей знати, либо относились просто к «знатным» — нобилям. По грамотам целые районы или компактные территории принадлежали тем или иным «знатным» родам. Население этих земель находилось в зависимости от феодальных собственников — представителей рода. Места расположения владений того или иного рода могли изменяться: представители отдельных родов меняли свои владения, перемещаясь с юга на север (из Омиша к Задару) и на острова²⁰⁴.

Все эти данные были приведены нами для того, чтобы составить конкретное представление о составе «знатных родов», которые в хорватской исторической литературе нередко обозначали племенами. Собранный Клаичем материал свидетельствует о том, что как в рассматриваемое нами время, так и позже сохранялись роды, разросшиеся семьи феодальной знати, которые концентрировали в своих руках земли и власть на местах, но нет никаких данных, которые давали бы материал для заключения о наличии племен в научном смысле этого слова²⁰⁵. Нет никаких

¹⁹⁹ V. Klaić. Hrvatska plemena..., str. 29, 30.

²⁰⁰ Там же, стр. 31.

²⁰¹ Там же, стр. 32.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же, стр. 67, 68.

²⁰⁴ Там же, стр. 19, 20.

²⁰⁵ Мандич считает, что в Хорватии сохранялись «братства» — объединения родственников в широком смысле слова. Эти объединения носили больше политический характер, члены «братств» нередко не имели между собой хозяйственных связей. 12 «племен», по его мнению, являются «братствами», члены которых являлись представителями господствующего класса. Из членов этих братств выдвигались представители высшего слоя господствующего класса, которые концентрировали в своих руках крупные земельные владения и политическую власть (см. O. Mandić. Bratstvo u ranosrednjovjekovoj Hrvatskoj. — «Historijski zbornik», God IX, 1952, Zagreb, str. 225).

оснований говорить о племенах после того как образовалось государство у хорватов, после объединения племен под властью единого князя, когда на смену племенам приходит хорватская народность. Мы можем отметить, что уже в IX в. не было племен. Фома-архидиакон был безусловно близок к истине, когда заявлял, что хорватские племена вскоре после их прихода в Далмацию прекратили свое существование²⁰⁶. Он отвергает наличие племен не только в XIII в., когда жил сам, но и в более раннее время. Следовательно, это лишний раз подтверждает ту мысль, что в грамотах говорится о родственных объединениях, совершенно не совпадающих с распространенным научным понятием о племени. Если же укоренившийся в Хорватии термин «племя» употребляется по отношению к «братству» или размножившейся семье, то объяснение этого следует искать, возможно, не только в особенностях хорватской истории, но и хорватского языка. С научной же точки зрения, как нам представляется, употребление термина племени к размножившимся семьям, знати, носившим одну и ту же фамилию, будет неправомерно²⁰⁷.

Корни родословной 12 «знатных» родов уходят в глубь истории, но представители этих «родов», или «братств», были, разумеется, и в XI в. Вполне возможно, что они играли важную роль в политической жизни Хорватии конца XI в. Несомненно, представители этих родов были крупными землевладельцами и, возможно, составляли ядро господствующего класса²⁰⁸. Но остается совершенно недоказанным утверждение Клаича, что только эти «племена» были господствующими до XII в., что только они имели освобождение от уплаты налогов в королевский фиск до XII в. Требуется еще доказать, что эти «роды» («братства») были освобождены от уплаты налогов, а затем подтвердить мысль, что только эти «роды» имели подобную привилегию. Но и доказательство этого совершенно не предопределяет и не может предопределить решение вопроса о наличии племен и составе господствующего класса хорватов.

В настоящем для нас важно отметить наличие сложившегося слоя крупных землевладельцев, представителей родовитой знати, семьи или «роды» которых были более или менее многочисленны; они имели своих преемников на протяжении веков. Отношения родовитой знати «двенадцати родов» к королевскому престолу строились на чисто феодальной основе. В договоре от 1102 г. зафиксированы ленные отношения 12 «знатных родов» к королю Коломану. Если такие отношения между представителями 12 родов и хорватским королем существовали и до XII в., то это послужит доказательством развитых вассально-ленных отношений в предшествующее заключение договора время. Однако в грамотах до XII в. свидетельств об освобождении представителей «двенадцати родов» от уплаты налогов нет, феодальный иммунитет, видимо, еще не получил своего широкого развития. О представителях «знатных родов» в грамотах до XII в. вообще имеются лишь случайные упоминания. Но вряд ли они составляли исключение из числа тех представителей формирующегося класса феодалов, которые были нами так или иначе отмечены. В грамотах далеко не всегда содержатся указания на социальное положение различных лиц, выступающих в качестве дарителей или продающих недвижимость, но среди них было немало состоятельных землевладельцев, которые также относились к формирующемуся классу феодалов и, возможно, принадлежали даже к одному из тех «двенадцати родов».

²⁰⁶ «Permisti ergo sunt isti et facti sunt gens una, vit moribusque consimiles, unius loquela». — «Historia salonitana», p. 25.

²⁰⁷ Этот вопрос требует особого рассмотрения.

²⁰⁸ См. О. Mandić. Bratstvo u ranosrodjovjekovoj..., str. 294.

Не все служилые люди непременно относились к знатым, именитым лицам. Они держали земли, полученные от короля, и без разрешения последнего не могли распоряжаться ими. Ранее нами уже приводились примеры, когда испрашивалось особое разрешение на дарение земель монастырям²⁰⁹. Такого рода держания были типично бенефициальными держаниями; после смерти держателя владение вновь возвращалось в королевский фиск²¹⁰.

Светские феодалы получали от королевской власти в пожалование не только земли, но также право собирать государственную подать. В практике наделение подобными правами получает распространение, по всей вероятности, со второй половины XI в. Передача в руки частных лиц сбора государственных податей составляет существеннейшую черту иммунитетных прав, которые получают развитие в Хорватии в XI в.

Следовательно, в Хорватии в рассматриваемое время крупнейшими землевладельцами были представители феодализирующейся бывшей родоплеменной знати, из числа которой назначались баны, жупаны и придворная знать при королевском дворе. Эта знать располагала преимущественно наследственными землями вотчинного характера, а также землями, полученными за службу от короля. В связи с превращением земли в товар происходит дальнейшее расслоение общества, «распределение собственности делается в нем все более неравномерным, противоположность между богатством и бедностью становится все резче, и собственность все более концентрируется в немногих руках...»²¹¹. Эти слова Ф. Энгельса находят полное подтверждение и в общественных отношениях хорватского общества рассматриваемого времени. Соответственно данным источников, в хорватском обществе в ходе развития хозяйственной и общественной жизни выделяется слой людей, концентрирующий в своих руках значительные земельные владения за счет разорения общинного крестьянства. В этом процессе формирования феодального господствующего класса бывшие представители родоплеменной знати, слой служилых людей, а также часть состоятельных общинников превращаются в феодалов, обладателей более или менее крупных участков земель, обрабатываемых либо с помощью рабочей силы сервов, приближающихся по своему положению к прикрепленному крестьянину, либо при помощи труда разоряющегося крестьянина-общинника, потерявшего свои земли и вынужденного брать земли у крупных, состоятельных землевладельцев.

* * *

Итак, мы пришли к заключению, что в Хорватии в X—XI вв. формируется феодальная собственность на землю, складывается крупное феодальное землевладение, представленное королевским землевладением, церковно-монастырским и светским феодальным землевладением. Феодалы эксплуатируют труд как несвободного населения, так и труд лично свободного населения. Эта эксплуатация происходила на основе феодальной собственности на землю.

Королевские пожалования земель церкви, служилым людям способствовали становлению и развитию феодальных отношений, образованию

²⁰⁹ См. стр. 171.

²¹⁰ См. стр. 172.

²¹¹ Ф. Энгельс. Франкский период. — К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 392.

феодальной собственности на землю и росту зависимости крестьян от феодалов.

Крупное феодальное церковно-монастырское хозяйство образовалось из пожалований земель хорватским двором, знатью и представителями различных социальных слоев общества, а также путем скупки земель разоряющегося населения и захвата земель.

Представители светского феодального землевладения располагали наследственными землями вотчинного характера, а также землями, полученными от короля за службу. Они были представлены родовитой знатью, служилой знатью, слоем служилых людей и мелких вотчинников.

Отношения внутри складывающегося господствующего класса были типично феодальными. Несмотря на то, что в грамотах уступленные королем в держание земли именуются «аллодом», они являлись бенефициальными держаниями. Не позднее чем с середины XI в. представители церковно-монастырских хозяйств, а также светского феодального землевладения наделяются иммунитетными правами.

Процесс формирования феодальных отношений еще не завершился. В хорватском обществе сохраняются пережитки родо-племенного строя. Но нет никаких оснований к утверждениям о господстве так называемого племенного строя. Мнение буржуазных хорватских историков ничем не подтверждается. Эта надуманная теория была плодом глубоких заблуждений и происхождение ее объясняется общими пороками буржуазной историографии.

Б. А. Цветкова

София

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ
ДЕРВЕНТДЖИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ
В ПЕРИОД ТУРЕЦКОГО ГОСПОДСТВА¹

Положение зависимого населения в Болгарии в период турецкого владычества всегда привлекало внимание историков. Этот вопрос является частью большой проблемы, связанной с изучением сущности и особенностей турецкой феодальной системы, которая в течение нескольких веков господствовала в Болгарии. В рамках этой основной проблемы истории Болгарии периода турецкого господства стоит интересный и малоизученный вопрос о категориях эксплуатируемого населения, о формах их зависимости и, в частности, о правах и обязанностях так называемой привилегированной райи.

Степень феодальной зависимости проявлялась в различных формах, претерпевавших изменения в процессе развития. Различия в степени и формах феодальной зависимости дали повод некоторым буржуазным исследователям в прошлом создать версию о «привилегированной райе». Эти исследователи неправильно освещали отдельные отклонения от повсеместно существовавшей системы тяжелых феодальных обязанностей, приняв их за своего рода привилегии, которые якобы предоставлялись турецкой властью отдельным слоям подвластного ей населения. Таким образом, возникло научное представление о том, что турецкий феодализм создавал в известных случаях более легкие и более терпимые условия жизни, хотя и для ограниченной группы подвластного населения. Это приводило к совершенно необоснованной недооценке значения тяжелого феодального гнета, под которым находились все категории райи в Болгарии в период турецкого владычества.

¹ В этом направлении уже кое-что сделано, в частности в вопросах изучения так называемого войнушко населения, относящегося к той же категории райи, что и дервентджии. Несмотря на то, что оно исследовано сравнительно лучше и имеется ряд работ, посвященных ему, все же еще остаются проблемы, которые нуждаются в более глубокой и всесторонней разработке (ср., например, Г. Д. Гылыбов. Осmano-турски извори за българската история. — ГСУ ИФФ, XXXIV, 1937—1938 гг., отдельный оттиск стр. 1—70; XXXIX, 1942—1943 гг., отдельный оттиск стр. 1—98; Бр. Ђурђе в. О војнуцима, са освртом на развој турског феудализма и на питање босанског алгалука. — «Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu», nova serija, 1947, društvene nauke, sv. II, str. 75—137 (ср. В. Мутафчиева. Към въпроса за положението на войнушкото население. — «Известия на ДБВК за 1952 г.», стр. 247—276).

Именно поэтому изучение различных категорий эксплуатируемых имеет первостепенное значение как для османистики в целом, так и для болгарской истории периода турецкого господства в частности. В связи с этим представляет интерес и исследование так называемого дервентджийского населения Болгарии. Обстоятельный анализ хотя и сравнительно небольшого количества источников об этой категории населения позволяет с более обоснованных позиций опровергнуть теорию о мнимых привилегиях и льготах значительной части зависимого населения — райи, которая несла специальные повинности.

Источники, содержащие сведения о дервентджийском населении в Болгарии, чрезвычайно скудны. Самыми надежными из них являются турецкие документы, которые, несмотря на их малочисленность, дают возможность осветить положение дервентджиев, их феодальную зависимость и их борьбу против турецкого феодального гнета. Большая часть этих источников представляет собой жалобы дервентджийского населения на всевозможные издевательства и насилия, которые чинились местными феодалами или органами центральной власти. Это позволяет исследователю понять и раскрыть подлинное положение дервентджиев, так как в данных случаях характерная для турецких документов тенденциозность полностью исключается².

Турецкие источники очень удачно дополняются многочисленными интересными свидетельствами ряда европейских путешественников, посетивших Болгарию³. Наличие богатых сведений о дервентджиях в их дневниках вполне понятно. Передвигаясь через горы, через самые важные проходы и перевалы, иностранные путешественники постоянно встречались с дервентджиями — этими своеобразными стражами ущелий и дорог — и имели возможность непосредственно наблюдать их тяжелую и опасную службу, их страдания и их попытки уклониться от бремени своих специальных повинностей Порте. Путевые заметки, однако, носят весьма

² В настоящей работе использованы все турецкие документы о дервентджиях, сохранившиеся в Ориентальском отделе Национальной библиотеки им. В. Коларова в Софии.

³ Изучая данные о дервентджиях, мы просмотрели почти все путевые записки о Болгарии; здесь отметим лишь те, которые содержат сведения по рассматриваемому нами вопросу (Ch. Schefer. *Le voyage d'Outremer de Betrandon de la Broquière*. — «Recueil de voyages et de documents pour servir à l'histoire de la géographie», XII, 1892; H. Dernschwam. *Tagebuch einer Reise nach Konstantinopel und Kleinasien (1553/55)*, ed. Fr. Babinger. München und Leipzig, 1923; P. Matković. *Putopis Marka Antuna Pigafette u Carigrad od god. 1567*. — *Starine*, XXII, 1890, p. 68—194; его же. *Dva talijanska putopisa po balkanskom poluotoku iz XVI veka*. — *Starine*, X, 1878, p. 201—256; его же. *Putovanja po Balkanskom poluotoku XVI veka*. — «*Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti*», kn. LXXI, 1884, p. 34; CXII, 1892, p. 176, 226—227; CXVI, 1893, p. 41—42; CXXIV, 1895, p. 92; CXXIX, 1896, p. 33, 76—77; St. Gerlach. *Türkisches Tag-Buch*. Frankfurt, 1674; A. Wenner. *Ein gantz new Reysebuch von Prag aus bisz gen Constantinopel*. Nuerenberg, 1622; Fr. Babinger. *Robert Bargrave in Bulgarien (1652)*. — «Известия на Българското историческо дружество» (ИБИД), т. XIV—XV, 1937, p. 147; Evliya Çelebi. *Siyahatnamesi*, III, Dersaadet, 1314; «A Brief Account of some travels in Hungaria, Servia, Bulgaria, Macedonia, Thessaly, Austria, Styria, Carinthia, Carniola and Friuli by E. Brown», London, 1673, p. 46—47; ср. Ст. Новакович. *Белешке доктора Брауна из српских земаља од године 1669*. — «Споменик», Српска Краљевска академија, IX, 1891, стр. 43; Хр. Кесяков. *Стари пѣтувания през България*, СбНУ, XI, 1894, стр. 160, 168—169; *Стари пѣтувания през България*. Граф Волфганг Эттингенски. — «Периодическо списание», LVIII, 1899, стр. 638; Л. Попов. *Пѣтуване от Цариград през България в 18 век от С. Niebuhr*. ПСП, XIX, 1908, стр. 288; «*Journal d'un voyage de Constantinople en Pologne. Fait à la suite de son excellence M-r Jaq Porter, ambassadeur d'Angleterre, par le R. P. Joseph Boscowich*», A Lausanne, 1772; A. Lamartine. *Voyage en Orient*. Berlin, 1878, p. 236—238.

беглый и поверхностный характер, а иногда и не совсем достоверны. Они дают представление лишь о внешних признаках и особенностях этой категории зависимого населения, не раскрывая ее сущности.

Болгарские источники почти полностью отсутствуют, — те немногие сведения, которые в них содержатся, лишь подтверждают то, что уже известно и по другим источникам.

Скудость данных имеющихся источников заставляет исследователя обращаться и к сравнительному материалу, относящемуся к другим балканским странам, которые также были подчинены турецким феодальным властям⁴, где существовала дервентджийская категория в тех же формах, как и в Болгарии.

История дервентджиев как особой категории зависимого населения привлекала внимание еще старых специалистов-османистов. В своем фундаментальном труде об устройстве османского государства Гаммер опубликовал юридические памятники, освещающие и положение дервентджиев⁵. Однако подробно он этим вопросом не занимался. В 1877 г. в своей монографии о военных дорогах и балканских проходах историк К. Иречек отводит известное место и дервентджийскому населению, которое он неправильно называл «войнишко», разумеется, не отождествляя его повинностей с повинностями настоящих войнуков. Он использовал данные, приводившиеся некоторыми путешественниками, и на основании их попытался, хотя и совсем кратко, определить характер дервентджийских обязанностей. Но автор недостаточно критически подошел к используемому материалу, так как он неправильно относит возникновение этой прослойки населения лишь ко времени султана Сулеймана I (1520—1566 гг.) и то после падения Белграда⁶.

Одним из первых наших исследователей, который принимает и поддерживает теорию о «привилегированной райе» и рассматривает войнуков, дервентджиев, доганджиев и др. в качестве населения, поставленного турецкими властями в значительно более благоприятные условия, является тюрколог Д. Ихчиев. Еще в одной из своих ранних работ он подробно останавливается на дервентджиях⁷. Эта работа остается и до настоящего времени наиболее подробным очерком по рассматриваемому здесь вопросу. Д. Ихчиев привлек и опубликовал в переводе несколько турецких документов. Однако в настоящее время они непригодны для серьезной исследовательской работы, тем более что Д. Ихчиев вообще не указал, где находится часть оригиналов соответствующих документов. Неточные переводы турецких материалов и способ их издания — без факсимиле и транскрипции первоисточников — ставят под сомнение и достоверность положений Ихчиева.

Наряду с обычной службой, которую несли дервентджи по охране дорог и горных проходов, Ихчиев приписывает им ряд служебных обязан-

⁴ Бр. Ђурђе в. Канун-нама Босанског санџака из године 1530. — «Гласник Земалског музеја у Сарајеву», III, 1948, стр. 197—198; его же. Канун-нама за Босански, Херцеговачки и Зворнички санџак из 1539 год. — «Историко-правни зборник», Сарајево, 1950. тв. 3—4, отдельный оттиск, стр. 236—237; «Kanuni i kanun-name za Bosanski, Hercegovacki, Zvornicki, Kliški Crnogorski i Skadarski sandžak. Saobštavaju B. Durdev, N. Filipović, H. Hadžibegić, M. Mujić i H. Sabanović», Sarajevo, 1957; J. v. Hammer. Des Osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung, Bd. I. Wien, 1815, S. 323—324.

⁵ J. V. Hammer. Указ. соч., т. I, стр. 284, 304, 313, 323—324, 327.

⁶ С. Jireček. Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Prag, 1877, S. 110.

⁷ Д. Ихчиев. Материали за историята на под турското робство. — «Известия на Историческото дружество» (ИИД), II, 1906, стр. 160—168.

ностей в военное время⁸. Но ни в одном из известных до настоящего времени документов не говорится, что дервентджи несли обязанности по отношению к османской армии. Подобный вывод нельзя сделать и из самих материалов, опубликованных Д. Ихчиевым. Вполне возможно и допустимо, конечно, что дервентджи сопровождали султанские войска и облегчали им движение на охраняемых ими дорогах, как это они делали и с обыкновенными путниками. Однако из этого не следует, что их специальная повинность имела и военный характер: обслуживание армии не было их постоянной обязанностью. Д. Ихчиев касается и вопроса о так называемых привилегиях дервентджиев. Он переоценивает некоторые налоговые привилегии для этой части населения. Причем не соответствует истине и утверждение, что дервентджи были освобождены от налогов джизие и испенче. Из имеющихся документов видно, что дервентджи регулярно платили эти налоги. Ихчиев отмечает, что они не испытывали насилий со стороны султанских чиновников, имея право на «баштину», за которую обязаны были платить лишь обычную десятину. Из всех известных в настоящее время турецких документов видно, что в отличие от доганджиев и войнуков дервентджи не имели права на «баштину», свободную от зависимости местных феодалов, что дервентджи подвергались произволу и угнетению со стороны местных землевладельцев и султанских чиновников.

В своем курсе по истории Болгарии в период турецкого господства В. Н. Златарский обрисовал некоторые из основных обязанностей дервентджиев⁹. Но, вероятно, на основании опубликованных Д. Ихчиевым материалов и В. Н. Златарский особо подчеркивает привилегии этой категории населения. Подобно ему поступает и Алонс Гайек, который изображает установление турецкой феодальной власти в Болгарии как событие, принесшее облегчение и относительно большую свободу всему зависимому населению и особенно привилегированной райе, которая была освобождена от уплаты всякого рода налогов¹⁰.

Специальную статью о дервентджиях опубликовал довольно давно югославский тюрколог Гл. Елезович¹¹. Турецкие документы и материалы, им напечатанные, относятся преимущественно к Македонии. Необходимо отметить, что возникает ряд сомнений в достоверности данных, приводимых Гл. Елезовичем. Он не показал тяжелого положения дервентджийского населения и его борьбы против турецкого феодального гнета.

В своей «Истории болгар» К. Иречек вторично и уже более углубленно возвращается к проблеме дервентджиев. Подобно другим, писавшим о дервентджиях ранее, он причисляет их к «привилегированной райе»^{11а}.

Хотя и не исчерпывающе и не очень углубленно, Иречек обрисовывает в общем правильно основные повинности дервентджийского населения. Противоречит историческим данным его утверждение о том, что эта категория райи была обязана взамен своей тяжелой службы платить лишь

⁸ Неизвестно, на основании каких первоисточников Д. Ихчиев утверждает, что дервентджи обыкновенно выставляли вооруженную охрану — «нубеч» — по дорогам в количестве 6—12 человек (Д. Ихчиев. Указ. соч., стр. 161). Очевидно, здесь идет речь об обязательном дежурстве на посту, последовательно выполняемом всеми дервентджиями, которое Ихчиев неправильно называет «нубеч», вероятно вместо *nohet* (дежурство).

⁹ В. Н. Златарски. Нова политическа и социална история на България и Балканския полуостров. София, 1921, стр. 12.

¹⁰ А. Hajek. Bulgarien unter Türkenherrschaft. Berlin und Leipzig, 1925, S. 17.

¹¹ Гл. Елезович. Девентџије. Један прилог за историју у нашег народа под турцима. — «Јужна Србија», књ. III, бр. 28, стр. 321—329; особо см. стр. 325—326, 328.

^{11а} К. Иречек. История на българите. София, 1929, стр. 345.

половину харача (т. е. джизие) и один небольшой налог на зерно. Все сведения о налоговом бремени, ложившемся на дервентджиев, как мы увидим впоследствии, свидетельствуют о том, что эта группа населения была обременена не только подушным налогом в полном объеме, не только десятиной с урожая земельного надела в самых разнообразных его формах, но и рядом других фискальных обложений.

Более подробно пытался обосновать теорию о привилегированной райе Ив. Сакизов в работе «Стопанска история на България», где он рассматривал и вопрос о положении дервентджиев¹². По мнению Сакизова, турки еще при установлении своей феодальной власти разделили зависимое население на две категории: на привилегированную и обыкновенную райю¹³. Всю тяжесть налогового бремени турецкие завоеватели возложили на плечи только обыкновенной райи. Очевидно, автор преувеличивает некоторые налоговые привилегии, предоставлявшиеся райе. Сакизов находит, что именно предоставлением подобных привилегий турецкая власть привлекала на свою сторону специальные категории райи и что только в этом заключается военный гений турок, которым удалось путем затраты небольших средств установить свое господство над покоренными народами. Теория Сакизова не находит никакого подтверждения. Наоборот, источники раскрывают действительное положение вещей, недвусмысленно опровергают легенду о «свободах привилегированной райи», которые не признавал ни один из турецких властителей. Естественно, что специальным категориям райи, несмотря на тяжелые условия турецкой феодальной системы, удавалось в известных случаях, и то в небольшой степени, обезопасить себя от посягательств турецких феодалов, ссылаясь на свои зафиксированные в законодательстве свободы и привилегии. Но это совсем не может служить основанием для переоценки привилегий райи, несшей специальные повинности.

Новые и интересные сведения относительно тяжелых специальных повинностей дервентджиев и вообще относительно их феодальной зависимости содержит статья Баркана, опубликованная в 1937 г. в турецком журнале «Ülkü»¹⁴. Баркан располагал большим количеством разнообразных материалов из турецких архивов. Он сумел очень верно охарактеризовать дервентджийский институт, показав всю тяжесть этого рода специальных повинностей. Приходится сожалеть, что автор коснулся столь интересного вопроса лишь мимоходом.

Более серьезное опровержение теории о привилегированной райе, а соответственно и о свободах дервентджиев было дано после того, как тюрколог Г. Д. Гылыбов опубликовал несколько статей о войнуках. На основании большого количества материалов из турецких архивов Гылыбов показал, что привилегии войнуков — вещь весьма относительная, что на практике таких льгот даже не существовало, что райя со специальными обязанностями, в данном случае войнуки, была загружена множеством других налогов, кроме тех налогов, от которых она освободилась в силу своих особых повинностей по отношению к центральной власти¹⁵. Статьи

¹² Iv. Sakazov. *Bulgarische Wirtschaftsgeschichte*. Berlin und Leipzig, 1929, S. 178—179, 182—183.

¹³ Автор не относит к так называемой райе и турецкое зависимое население. Из его изложения видно, что он рассматривает завоевателей как социально однородную массу, а райей считает только покоренное христианское население. Этот неправильный взгляд был опровергнут впоследствии И. Кабырдой в его работе «Рая» (ИБИД, т. XIV—XV, 1937, стр. 172—185).

¹⁴ G. L. Barkan. *Osmanlı İmparatorluğunda çiftçi sınıfların hukukî statüsü*. — «Ülkü», 1937, Nr. 50, s. 102—103.

¹⁵ См. Г. Д. Гылыбов. Указанные сочинения.

Г. Д. Гылыбова оказали известное влияние на историческую науку, по крайней мере в Болгарии, и способствовали тому, что старая версия о привилегированной райе стала представляться несостоятельной. В книге «Българска история» Ив. Пастухов уделил значительное место дервентджиям, добросовестно изучив все известные до того времени материалы о них на болгарском языке¹⁶. Пастухов справедливо отбрасывает утверждение Ихчиева о военных обязанностях дервентджиев и с полным основанием уделяет заслуженное внимание вопросу об их тяжелом положении.

Все доступные до сего времени данные, опровергающие версию о преувеличенных «привилегиях» войнуков, дервентджиев, доганджиев и пр., собрал и систематизировал Й. Митев в одной из своих статей¹⁷.

Анализ всего написанного до настоящего времени о дервентджиях показывает, что большая часть из того, что опубликовано по этому вопросу, имеет в той или иной степени популярный или обобщающий характер; в трудах буржуазных исследователей переоценены фискальные и другие привилегии, предоставлявшиеся дервентджийской райе подобно войнукам, доганджиям и др.

Основные источники по рассматриваемой проблеме — турецкие документы — использовались в очень незначительной степени и при недостаточно тщательном переводе их. Это привело к тому, что в историографию по данному вопросу было внесено много неверного.

* * *

Дервентджийство, как и другие институты, существовавшие в Османской империи, можно было бы сопоставить с выполнением подобного же рода повинностей в средневековых балканских странах, а соответственно и в средневековом болгарском государстве. Некоторые исследователи уже высказывали эту точку зрения, однако не обосновывали ее в достаточной степени. Так, например, Ив. Сакизов подчеркивает, что дервентджии не представляли ничего нового для балканских народов, так как значительно раньше в Византии существовали так называемые акриты — часть населения, которая обязана была охранять границы, укрепления и горные проходы от неприятелей и разбойников¹⁸. Ив. Пастухов и Н. С. Державин также подчеркивают, что дервентджийские обязанности были известны в средневековой Болгарии, что корни дервентджийства следует искать именно там¹⁹. Однако было бы преувеличением считать дервентджийский институт продолжением какого-то определенного института в средневековых балканских странах. Напротив, до установления турецкого господства на Балканском полуострове отсутствовала обособленная категория зависимого населения, которое имело своей обязанностью охрану дорог и горных проходов внутри своей страны. Речь может идти об известном подобии с некоторыми близкими по характеру повинностями, существовавшими в балканских странах до нашествия турок. В этом смысле допустимо, чтобы исследователь попытался установить аналогию и, может быть, влия-

¹⁶ Ив. Пастухов. Българска история, т. II. София, 1943, стр. 266—271.

¹⁷ Й. Митев. Има ли временно подобие на положението на българския народ след падането му под турско иго. — «Народна просвета», VI, 1949—1950, кн. 5, стр. 5—13. С небольшими изменениями эта статья была опубликована тем же автором в книге «Исторически студии», София, 1955, стр. 182—192.

¹⁸ Ив. Сакизов. Указ. соч., стр. 182—183.

¹⁹ Ив. Пастухов. Указ. соч., т. II, стр. 266; Н. С. Державин. История Болгарии, т. III, стр. 23.

ние со стороны одной из феодальных повинностей населения в XIV в. — так называемой виглы (сторожевая служба). Ее выполняли все жители городов и даже сел. В средневековых сербских грамотах она упоминается как обязательная повинность всех городов, от которой освобождались лишь монастырские подворья²⁰.

В законнике Стефана Душана также находят отражение подобные обязанности зависимого населения. Так, статья 157 законника предусматривает следующее: в жупах, не принадлежащих одному хозяину, и в которых есть села, поставленные в зависимость от церкви, короля или феодалов, охрана всех дорог организуется королевскими кефалиями с помощью стражи, по-видимому, из среды местного зависимого населения. В статье 158 предписывается следующее: если где-либо между жупами имеется какой-нибудь пустынный холм, то окрестные села должны выставлять стражу для его охраны. В том случае, если эта обязанность не будет выполняться и произойдет ограбление или какое-либо другое злодеяние, жители указанных сел обязаны будут возместить убытки²¹.

Нет необходимости подчеркивать, каким тяжелым бременем ложились подобные повинности на плечи зависимого населения. По своему характеру они очень напоминают некоторые стороны дервентджийских повинностей.

Название «дервентджии» очевидно происходит от слова «дервент» — горный проход, перевал. Иногда в литературе их называют «харбалиями» или «харбаджиями». Авторы производят это слово от *harba*, что означало короткое и толстое копье²². С. Табаков связывает происхождение названия «харбалии» с арабским словом *harb* (война)²³. В летописных заметках попа Йовчо из Трявны стражники, охранявшие дорогу, проходившую через Трявну, названы «харбалиями»²⁴.

Весьма вероятно, что это название было популярно лишь в массах населения и поэтому не нашло отражения в официальных источниках.

Невозможно определить точно, когда дервентджийство обособилось как специфический институт в болгарских землях в период турецкого владычества. Посланник Вранчич, который в 1553 г. проехал через Болгарию по пути в Константинополь с дипломатической миссией от германского императора Фердинанда I к султану²⁵, отразил очень подробно в путевом дневнике свои впечатления о дервентджийском населении в районе Вакарела. Между прочим, он упоминает о том, что дервентджии здесь были поселены султаном Сулейманом I вскоре после падения Белграда, т. е. в 1521 г.²⁶ Это сообщение Вранчича нельзя принимать с полным доверием, потому что путешествовавший на целый век раньше его по

²⁰ Ал. Соловьев и Вл. Мошин. Грчке повеље српских владара. — «Извори за историју јужних словена», серија 6; «Извори на грчком језику», књ. I, стр. 413.

²¹ «Законник Стефана Душана цара српског». Изд. Ст. Новаковић, Београд, 1898, стр. 123, 124.

²² Ив. Шишманов. Стари пътувания през България по посока на римския военен път от Бялград за Цариград. — СбНУ, IV, 1891, стр. 373; Н. С. Державин. Указ. соч., т. III, стр. 23.

²³ С. Табаков. Опит за история на град Сливен, т. I. София, 1911, стр. 358—359.

²⁴ П. Р. Славейков. Извлечения из летописа на поп Йовчо от Трявна. СбНУ, II, 1890, стр. 310.

²⁵ См. заметки о нем в Rad, LXXI, 1884, стр. 1—16.

²⁶ Эти сведения использовал в своих работах К. Иречек (см. С. Jireček. Die Heerstrasse..., S. 110; «История на българите», стр. 345). Выдающийся болгарский географ Г. Ст. Гунчев отнесся весьма критически к указанному известию, приведя несколько очень справедливых доводов: он считает, что нельзя допустить, чтобы османские захватчики оставили до третьего десятилетия XVI в. эти важные горные районы

этим же местам французский рыцарь Бертрандон де ла Брокьер уже тогда обнаружил дервентджиев.

Этот процесс начался не сразу и не везде, а путем постепенного установления и признания турецкими властями дервентджийских поселений в различных пунктах страны в соответствии с нуждами властей и стратегическим значением самих районов. Из сообщения де ла Брокьера, однако, видно, что начало дервентджийства без всякого сомнения датируется ранним периодом — началом XV в., а может быть, даже и концом XIV в. Очень вероятно, что еще в процессе расширения своих территорий на Балканах османские правители осознали необходимость утверждения дервентджийства с целью обеспечения известной безопасности на дорогах и в важных военных зонах, через которые они продвигались. Эта безопасность была для них чрезвычайно необходимой, особенно если иметь в виду, что само завоевание шло с большим трудом, так как в течение длительного времени им приходилось преодолевать героическое сопротивление балканских народов²⁷. И позднее, после окончательного установления турецкого господства на Балканах, продолжало существовать вооруженное народное сопротивление завоевателям — так называемое хайдучество. Известно, что хайдуки действовали именно в горных районах и большей частью совершали свои нападения в легкоуязвимых горных проходах и на лесных дорогах и перевалах.

Все это, конечно, заставляло турецкие власти заботиться о сохранении и поддержании специальных дервентджийских повинностей. Подтверждение этому мы находим в ряде некоторых свидетельств иностранных путешественников, которые объяснили присутствие дервентджийских стражников в отдельных районах наличием большого количества хайдуков и хайдуцких дружин и указывали на одну из дервентджийских обязанностей — охрану соответствующих дорог и горных проходов от этих хайдуков²⁸.

Но не только антифеодальный отпор и освободительная борьба местного населения обуславливали необходимость существования дервентджиев на Балканах. Несмотря на усиление Османской империи в XVI в., несмотря на то, что она достигла самых больших своих территориальных размеров, в ее пределах имели место характерные для всякого феодального государства разбойничьи нападения на всех дорогах внутри империи²⁹.

неохраняемыми и незащищенными, так как через них проходил самый большой торговый и стратегический путь на Балканский полуостров. Гунчев считает, что возникновение дервентджийства особенно в этом районе следует отнести ко времени между 1396 г., когда Болгария была окончательно завоевана турками, и 1433 г., когда наличие дервентджиев было отмечено путешественником де ла Брокьером (Г. Ст. Гунчев. Вакарел, антропогеографски проучвания. София, 1933, стр. 74—75). В уже упомянутом выше курсе по истории Болгарии в период турецкого господства и Златарский высказывает известную точку зрения относительно зачатков дервентджийского института. Так, он считает, что дервентджи встречались еще в XIV в., и османские турки использовали услуги дервентджиев во время завоевания (В. Н. Златарски. Указ. соч., стр. 12). Пастухов, подобно Ихчиеву, отмечает, что дервентджийство обособилось, по всей вероятности, еще при Мураде I (Ив. Пастухов. Указ. соч., стр. 266). Но ни он, ни Златарский не мотивируют свои предположения.

²⁷ Д. Ангелов. Турско завоювание и борбата на балканските народы против нашествениците. — «Исторически преглед», XI, 1953, кн. 4, стр. 378—398; И. С. Достяи. Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV в. — «Византийский временник», 1953, т. VII, стр. 32—49.

²⁸ См., например, Rad, CXXIX, 1896, 76—77.

²⁹ Обширные сведения о различных разбойничьих нападениях и злодеяниях содержатся в «Еврейски извори за обществено-икономическо развитие на балканските земи през XVI в.», т. I, София, 1958. Подбрали, перевели и коментирали Д-р А. Хананел и Ели Ешкенази.

Разбои участились в XVII и XVIII вв. в связи с разложением империи и сопутствовавшими ему децентрализацией, бесконечными мятежами, проявлениями анархии. Эта нарастающая внутренняя дезорганизация заставляла турецкую государственную власть обращать серьезное внимание на институт дервентджиев и не упразднять его.

Специальные повинности, которые Османское государство возлагало на дервентджийское население, определены и зафиксированы еще в самых старых османских юридических памятниках. Так, например, в одном кануннаме 1539 г. для Боснийского, Герцеговинского и Зворницкого санджаков предусматривается дословно следующее: «А в ущельях и в опасных местах есть дервентджии, которые назначаются для охраны перевалов, чтобы обеспечивать сохранность самих путешественников и их имущества. Если им будет нанесен ущерб, они (дervентджии) отвечают своей головой и обязаны возместить убытки»³⁰. Согласно распоряжениям, которые содержатся в этих старых кодексах законов, выделенные для стражи дервентджии должны были не только осматривать окрестности, но и ударами в барабан подавать сигнал о том, что заметили опасность, или предупреждать таким же способом путников, что они их видели и что они готовы принять своевременные меры, если эти путники имеют намерение совершить разбойничье нападение или какое-либо иное преступление. В этих же канунах точно определяется, на какое количество домов возлагаются дервентджийские обязанности. Так, например, в законе для города Видина XVI в. отмечалось: «Дervентджии обязаны следить за безопасностью горных проходов и опасных мест. Если их не более 30 семейств, они должны бить в барабан в одном месте». В случае если их численность составляла 60 семейств, они обязаны быть на страже и сигнализировать ударами в барабан в двух местах, если их было 90 семейств, то число сторожевых постов с барабанами доходило до трех³¹. Подобные распоряжения мы находим в кодексе законов для санджака Никопол. На самые ценные и обширные данные о служебных обязанностях дервентджиев и вообще о сущности всей этой категории содержат кануннаме Авни Омера эфенди и трактат Али Чауша из Софии³².

Хотя оба эти документа и относятся к XVII в., в них имеется ряд данных, относящихся и к более раннему историческому периоду — к XV—XVI вв.; они носят характер предписаний, имеющих в двух законодательных документах. В этих интересных источниках указывается, что дервентджии обычно выставляли посты «в опасных и сомнительных местах», расположенных на дорогах и перекрестках. Они обязаны были охранять проезжавших там путников и сопровождать их.

В случае если путники терпели потери в охраняемом районе или у них пропадало что-нибудь из товаров, дервентджийское население обязано было возмещать их убытки.

Каждые 30 дервентджиев охраняли с оружием в руках и барабаном опасные для путников места. Кроме того, как указывается в цитируемых юридических трактатах, на дервентджиях лежала обязанность расширять

³⁰ Бр. Ђурђе в. Канун-нама за Босански, Херцеговачки и Зворнички санџак из 1539 год. «Историко-правни зборник», Сарајево, 1950, св. 3—4, пособан отисак, стр. 236—237 (в дальнейшем — Бр. Ђурђе в. II кануннаме ср. Kanuni i kanunname..., p. 56).

³¹ J. v. Hammer. Указ. соч., I, стр. 304, 313.

³² Н. Hadžibegić. Rasprava Ali Čauša iz Sofije o timarskoj organizaciji u XVII stoljeću. — «Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu», nova serija, 1947, društvene nauke, sv. II, p. 158; I. H. Uzunçarşılı. Kanun-i Osmanî Mevhûm-i Defter-i hâkânî. — Belleten, c. XV, Ankara, 1951, sayr 59, s. 396.

и расчищать каменистые места в районе соответствующего прохода, делать более удобными для проезда труднопреодолеваемые горные реки и пр.

Дервентджии поселялись не только около горных проходов и на опасных дорогах, но и около горных рек, где природа создавала естественные места для переправ^{32a}. В таких зонах они должны были переправлять на лодках путешественников на другой берег. По данным Баркана, дервентджии имели обязанность обеспечивать для путников место для привала, нести дежурство, наряд (*nöbet*) в районе охраняемых перевалов или на протяжении дорог по стране.

В турецких документах отражается и служба дервентджиев. В одной из копий, снятых с нового султанского подробного реестра (мифассала), относящегося к 1622 г., сообщается, что район с. Ески Истамболлук (ныне Преслав) Шуменской нахии Никопольской ливы был опасным. В документе говорится: «Довольно часто находят убитых людей близ берегов реки Камчии в местности, которая называется Брамали»³³. Само село находилось на большой дороге и по своему положению было дервентджийским. Местные дервентджии охраняли район в двух местах.

Сравнительно ограниченные и однообразные сведения, имеющиеся в турецких источниках, подтверждаются и дополняются большим количеством интересных подробностей из многочисленных путевых записок иностранных послов и путешественников, проезжавших по Болгарии в разные периоды турецкого господства. Наиболее правдивыми являются сведения А. Вранчича, относящиеся к 1553 г. Его описание, правда, касается лишь дервентджиев Вакарелского района, но оно, разумеется, имеет значение и для изучения дервентджийства во всей империи в целом. Вранчич сообщает, что жители дервентджийского с. Вакарел выставляли стражу в наиболее опасных местах для охраны окрестных сел. На страже вакарелские крестьяне стояли по очереди. Сторожевые посты выставлялись на возвышенностях, чтобы иметь возможность лучше наблюдать за дорогой. Здесь находился обычно и соломенный шалаш сторожа. Сторож обязан был ударами в барабан подавать сигнал, когда он замечал людей, идущих по дороге или через лес. Если в этом районе совершалось ограбление, местные жители подвергались допросу. В том случае, если допрос не давал результатов, на жителей дервентджийских сел накладывался штраф в таком размере, как если бы они сами совершили кражу. Крестьяне, естественно, старались избежать этих штрафов, и упомянутые выше горные районы, по словам Вранчича, охранялись более тщательно и по ним можно было передвигаться безопасно³⁴.

Выполнение дервентджиями своих обязанностей отмечает в 1550 г. и путешественник К. Цен. Как он сообщает, недалеко от Цариброда, в лесу Гешовица, находилось четыре сторожевых поста, расположенных в разных концах леса; в этих постов стражники ударами в барабан давали знать о том, что место безопасно для проезда³⁵. Х. Дерншвам, который два раза — в 1553 и 1555 гг. — проезжал по болгарским землям, встретил в горах, в окрестностях с. Вакарел и по дороге из с. Величе (вероятно, Белица) в Софию, дервентджийских стражников, которые били в свой барабан, пока путешественники проходили по дороге³⁶. Об исполнении таких обязанностей нам оставил сведения и Пигафета, посетивший Болгарию в 1577 г.³⁷

^{32a} Ulkü, № 50, s. 102—103.

³³ Неизданный документ из Ориентальского отдела НБВК, ОАК 52/64, л. 2.

³⁴ Rad, LXXI, 1884, p. 34.

³⁵ Starine, X, 1878, p. 210.

³⁶ H. Dergschwam. Указ. соч., стр. 14, 17, 252.

³⁷ Starine, XXII, 1890, p. 126.

Известный путешественник Ст. Герлах дал в своем дневнике довольно подробные сведения о повинностях дервентджийского с. Ветрен, через которое он сам проехал, возвращаясь на родину в 1578 г. Местные жители были обязаны не только давать пищу путешественникам и корм их лошадям (за что турки им уплачивали лишь половину стоимости), но и сторожить ночью вещи путешественников^{37а}.

В XVII в. автор путевых заметок Хейеса³⁸ путешественник Роберт Барграв (1672 г.)³⁹, Браун (1669 г.)⁴⁰ и османский путешественник Евлия Челеби⁴¹ рассказывают в путевых заметках об обязанностях дервентджиев, которых они встречали на ихтиманских возвышенностях вблизи с. Ветрена, в Македонии и Восточной Болгарии в окрестностях с. Ченге.

В XVIII в. вплоть до последних его десятилетий иностранные наблюдатели и путешественники отмечают, что дервентджии во многих районах Болгарии продолжали выполнять свои старые специальные обязанности. Так, например, К. Нибур сообщает, что в то время, когда он проезжал через восточные проходы Старой Планины, он то тут, то там встречал дервентджийских стражников. Для большей безопасности во время путешествия сопровождавший его ага заставил четырех местных вооруженных крестьян придерживать повозку и идти вперед сквозь чащу, следя за тем, нет ли где спрятавшихся разбойников⁴². Очень возможно, что и эти четыре крестьянина принадлежали к категории дервентджиев.

В 1762 г. Бошкович также встретил дервентджийских стражников в Страндже по дороге в с. Факию: «За несколько минут до того как мы прибыли к месту отдыха, мы встретили стражу с барабаном; такие стражники расставлены в различных местах этих гор, чтобы обеспечить безопасность путешественников». По дороге в Карнобат, как рассказывает Бошкович, он встретил «турецкую стражу со своим барабаном»⁴³.

Из некоторых сообщений видно, что в редких случаях дервентджии были обязаны охранять и содержать в порядке наиболее крупные мосты в стране. В этих случаях их обязанности совпадали со специальными повинностями так называемых кюпрюджиев, или мостарей. В копии приказа, изданного в 1683 г., совершенно ясно говорится, что жители с. Горубляне, в окрестностях Софии, обязаны были содержать в порядке мост через р. Искыр⁴⁴. Документ 1698 г. подтверждает, что горублянские жители действительно были зарегистрированы в качестве дервентджиев и кюпрюджиев, чтобы следить за мостом на р. Искыр около их села⁴⁵.

Иногда дервентджии использовались и для охраны городов и их окрестностей⁴⁶.

^{37а} St. Gerlach. Указ. соч., стр. 518, 520; Rad, CXVI, 1893, p. 41—42.

³⁸ Rad, CXXIX, 1896, p. 76—77.

³⁹ E. Brown. Указ. соч., стр. 46—47.

⁴⁰ Rad, CXXIX, 1896, p. 76—77.

⁴¹ Evliya Celebi. III, s. 303.

⁴² Л. Попов, Указ. соч., стр. 288.

⁴³ J. Bosovich. Указ. соч., стр. 65, 76—77.

⁴⁴ Документ издан вместе с его копией на арабике Д. Ихчиевым и Г. Баласчевым («Привилегия на христианство-рая в османската империя и документи върху тях». — Минало, I кн. I, стр. 31—33). Как указывает издатель, документ был вписан в Софийский сиджил № 7, который исчез в 1944 г., и исследователь не может проверить точность приложенной копии. Во всяком случае наличие копии является преимуществом и позволяет специалисту черпать сведения прямо из нее, а не из неточного перевода Д. Ихчиева.

⁴⁵ Неизданный документ Ориентальского отдела, Горубляне — население, II, А. 6. Рая със специали задължения, П. А. Г. Зависимо население, 1 зилхидже 1109 г.

⁴⁶ Бр. Ђурђе в. Кануннама Босанског санџака из родине 1530. — «Гласник Земаљског Музеја», Сарајево, 1948, III, стр. 197—198 (в дальнейшем — Бр. Ђурђе в. I кануннаме, Ср. Kanuni..., p. 43).

Нет достоверных данных, из которых было бы видно, что дервентджийская служба передавалась по наследству. Это можно допустить, однако, не только по аналогии с войнуками и доганджиями, но и имея в виду, что обыкновенно дервентджии жили компактными поселениями, образуя целые села, жители которых в течение веков совместно выполняли дервентджийские обязанности⁴⁷. Это было связано с расходами — нужно было прежде всего достаточное количество средств для питания дежурных дервентджийских стражников. Видимо, чаще всего эти расходы покрывались из общих средств соответствующего села и собирались в виде точно определенных сумм с жителей сел, которые должны были выделять дервентджиев независимо от того, были ли эти села полностью дервентджийскими. В подтверждение этой мысли Вранчич, например, сообщает, что крестьяне из дервентджийского с. Вакарел выполняли по очереди за счет средств общины свою обязанность охранять окрестности⁴⁸. В процитированном уже списке дервентджиев из софийских сел предусмотрено было собрать по 24 пара от каждых ста домов райи для содержания составленной из них дервентджийской дружины⁴⁹.

В начале XVIII в. турецкие власти официально ликвидировали две особые категории зависимого населения — так называемых мартолосов и пандуров⁵⁰ и возложили выполнявшиеся ими служебные обязанности на дервентджиев. По своему характеру обязанности тех и других мало чем отличались. Эти перемены в дервентджийской службе нашли отражение в турецких документах. Так, например, в одном документе 1721 г. сообщается, что мартолосы и пандуры, охранявшие проходы в Румелийском вилайете, были ликвидированы, были сожжены даже их лачуги. Места их поселений было разрешено занять старому дервентджийскому населению с условием, что оно будет охранять путников^{50а}.

Сведения о внутренней жизни дервентджийского населения и о его месте в рамках османской административной системы очень скудны. В канунаме Авни Омера эфенди и трактате Али-чауша из Софии говорится, что, подобно сокольникам, и дервентджии образовывали две категории. К одной категории относились обыкновенные дервентджии, к другой — дервентджии, владельцы тимаров (феодалных владений). Эта вторая категория представляла собой, вероятно, дервентджийских начальников. Власть наделяла их самыми мелкими ленными владениями — тимарами, за что они должны были безупречно исполнять свои служебные обязан-

⁴⁷ С. Табаков, который описывает дервентджиев, живших в Сливене, подчеркивает, что дервентджийские обязанности передавались по наследству от отца к сыну. Автор указывает, что в народном эпосе имелись песни, в которых говорилось, что после смерти отца, если в семье не было сыновей, дервентджиями становились дочери. Это очень интересная подробность, но, к сожалению, Табаков не указывает источника, откуда он ее взял (С. Табаков. Указ. соч., т. I, стр. 358—359).

⁴⁸ Rad, LXXI, 1884, p. 34.

⁴⁹ ИИД, стр. 162, зам. 1.

⁵⁰ О мартолосах и пандурах см. Д. Ихчиев. ИИД II, 1906, стр. 188—197; Г. Баласчев и Д. Ихчиев. Привилегии на христианите-рая..., Минало, I, 1, стр. 18—29, 22; Iv. Sakazov. Указ. соч., стр. 182—183; Ettore Rossi, Encyclopédie des Islam, III, Leiden—Leipzig, 1928, S. 363—364; H. Hadžibegić. Džizja ili harač. — «Prilozi za orijentalnu filologiju i istoriju jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom», III—IV, 1952—1953, p. 70. Д. Ихчиев дает перевод самого фирмана султана Ахмеда III, по которому официально предписывалось осуществить упомянутые перемены. Кадийский реестр, в котором, по мнению Ихчиева, находилась копия этого фирмана, не сохранился в Ориентальском отделе, и поэтому никакая проверка невозможна. Вот почему мы воздерживаемся от использования перевода Д. Ихчиева, а обращаемся к другим документам, в которых содержатся сведения об этих событиях.

^{50а} Неизданный документ из Ор. отдела, Тиквеш-кадия, II. А. 1. б. Рая със специални задължения, 26 мухаррем 1134 г.

ности. Согласно кануннаме, дервентджии этой категории не могли быть отстранены от определенной занимаемой ими должности, кроме тех случаев, когда они проявляли небрежность в выполнении своих обязательств перед центральной властью. Тимары таких дервентджийских начальников передавались по наследству сыновьям и родственникам, разумеется, при условии, если они будут нести ту же службу. Право владения этими тимарами было узаконено надлежащими грамотами⁵¹.

Ни в одном из известных до сих пор турецких документов о дервентджийстве в болгарских землях не подтверждаются данные османских правовых памятников о дервентджиях-тимариотах. Это, разумеется, еще не дает нам основания отбросить предположение о том, что действительно существовала категория дервентджийских начальников, имеющих тимары. Дервентджии-тимариоты, как и все остальные обладатели ленных владений в Османской империи, причислялись к османской земельной аристократии, разделяя ее классовые привилегии.

Дервентджийское население в болгарских землях, как и во всей империи, регистрировалось, подобно другим категориям этого рода, отдельно от остальной обыкновенной райи ввиду специальных повинностей, возложенных на него.

В учреждениях верховной финансовой власти велся точный учет дервентджийских селений и разбросанных по различным населенным пунктам отдельных дервентджиев. Когда проводилась новая регистрация населения с целью подготовки нового более точного реестра, необходимого для полного обложения налогом, специальные регистраторы (мухарири) собирали на местах сведения и о дервентджиях, но, разумеется, отдельно от остального зависимого населения. Именно в связи с этим в последние годы XVI в. областной регистратор Яхя заде Сюлейман собрал и записал новые сведения о дервентджийском с. Кёпеклю Карнобатской околии⁵². В начале XVII в. регистратору Махмед паше, бывшему дунайскому дефтерюру, было поручено, кроме всего прочего, собрать сведения и о старом дервентджийском с. Ески Истамболлук⁵³, а в 50-е годы того же столетия дервентджии в Острово были перерегистрированы снова неким Ахмедом агой⁵⁴.

Окончательные сведения после каждой новой регистрации входили в силу лишь на основании специальных докладов, которые делались санджакбеями и кадиями тех районов, где имелись дервентджийские поселения. В этих докладах упомянутые должностные лица, будучи близко знакомыми с положением населения в подчиненных им районах, осведомлялись о том, продолжают ли исполнять свои служебные обязанности люди, являвшиеся дервентджиями согласно старой регистрации, и следует ли при новой регистрации причислить их к этой категории. В цитируемом выше кануннаме от 1542 г. подчеркивается, что после того как старый реестр выйдет из употребления, санджакбеи и кадии должны подготовить доклады, сообщающие в султанский двор о том, что дервентджии в Видинском санджаке действительно исполняют свои служебные обязанности, т. е. охраняют горные проходы⁵⁵.

Реестры, в которые были внесены все данные о податном населении, включая и дервентджиев вместе со сведениями об их налоговом обложе-

⁵¹ I. H. Uzunçarşılı. Указ. соч., стр. 396—397.

⁵² Неизданный док. из Ор. отдела ОАК 22/59.

⁵³ Неизданный док. из Ор. отдела ОАК 52/64.

⁵⁴ Неизданный док. из Ор. отдела МК 22/2, I.

⁵⁵ Неизданный док. из Ор. отдела, ОАК 3/36 лист 3 а.

нии, хранились в одном из отделов Управления кадастрымевкуфате, ввиду чего они называются часто в документах «мевкуфатские реестры».

По данным, собранным при регистрации населения, всегда можно было составить надлежащую справку о численности дервентджиев, о том, действительно ли данное село являлось дервентджийским и охраняет ли оно вверенную ему местность и перевал, какими налоговыми льготами пользуется и пр.

Возлагая дервентджийские обязанности на целые села, группы людей или на отдельных лиц, турецкие власти официально оформляли их положение надлежащими султанскими приказами. Наряду с этим дервентджии обладали и официальными копиями мевкуфатских реестров, в которых указывались численность населения, порядок обложения его налогом и пр. В одном старом кануннаме для Никопольского санджака XVI в. сообщается следующее: «Большая часть этих дервентджиев (т. е. дервентджиев Никопольского санджака. — Б. Ц.) имеют султанские приказы, в силу которых им доверена охрана этих перевалов»⁵⁶. Согласно этому кануннаму, в тех же приказах было указано, какие налоги и в каком размере они должны платить и от каких фискальных обязательств они освобождаются за их службу.

Султанские фирманы, в которых официально оформлялось положение дервентджиев, периодически обновлялись. Это происходило не только тогда, когда население теряло свой документ, но и в случае каких-либо других перемен в условиях, при которых дервентджии исполняли свои специальные обязанности.

Необходимо подчеркнуть, что дервентджийские обязанности возлагались на немусульманскую райю. Это видно не только из старых законодательных памятников XVI в., в которых дервентджии недвусмысленно названы обидным прозвищем «кяфиры»⁵⁷. Это подтверждается и малоизвестными поименными списками дервентджиев, где перечисляются болгарские имена⁵⁸. А в летописи попа Йовчо из Трявны подчеркивается, что дервентджийское с. Трявна было населено только болгарами, которые охраняли проходившую там дорогу, выставляя на нее стражников⁵⁹. Исключение в этом отношении представляет сообщение, которое имеется в турецком документе, относящемся к 1660 г. Из него мы узнаем, что дервентджии, зарегистрированные в Острово, в Македонии, были мусульманами⁶⁰. Однако этот частный случай не дает основания утверждать, что дервентджийское население и в других местах было мусульманским.

Чаще всего дервентджии жили компактно в своих селах. Часть из этих сел возникала благодаря поселению дервентджиев в районе горных перевалов или вблизи важных дорог. Другая же часть состояла чаще всего из сел, которые с самого начала были расположены на важных дорогах и впоследствии были объявлены дервентджийскими, на их жителей были возложены эти тяжелые обязанности. Во всяком случае подобные дервентджийские села имелись в различных частях Болгарии, причем главным образом в горных районах. На основе тех первоисточников, которые привлекаются нами в этой работе, можно отметить целый ряд таких дервентджийских поселений, часть из которых до настоящего времени

⁵⁶ J. v. Hammet. Указ. соч., т. I, стр. 304.

⁵⁷ Ср. Бр. Ђурђеви. I кануннаме, стр. 197—198; O. L. Barkan. XV ve XVI ncı asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda zirai ekonominin hukuki ve mali esasları. I. Kanunlar. İstanbul, 1945, s. 254, § 7.

⁵⁸ Неизданный док. из Ор. отдела ОАК, 52/64; ИИД, II, 1906, стр. 162, зам. 1.

⁵⁹ П. Р. Славейков. Указ. соч., стр. 310.

⁶⁰ Неизданный документ из Ор. отдела, Мк 22/2, I.

неизвестна в литературе. Разумеется, и этот перечень был бы далеко не полным.

Чаще всего упоминаются в путевых заметках и документах дервентджийские села, расположенные вдоль большой дороги из Белграда в Константинополь. Таким является, например, с. Вакарел, которое возникло именно в результате поселения дервентджиев в этих горных и опасных местах⁶¹. Не только данные Вранчица свидетельствуют о том, что создание этого села является результатом поселения дервентджийского населения. Сохранился и ряд местных преданий в самых различных вариантах, в которых рассказывается о том, что турки поселили здесь, в селах Ветрен и Василица, освобожденных рабов и вменили им в обязанность охранять дорогу от разбойников⁶². Еще в 1443 г. путешественник де ла Брокьер описывал с. Вакарел как дервентджийское⁶³. В том же районе находится и с. Ветрен, названное в документах и путевых записках Ени Кьой, Гелидервент, Капудервент и пр. Все данные говорят о том, что оно возникло, подобно Вакарелу, в результате поселения дервентджиев. Об этом свидетельствуют упомянутые выше предания, а также точные указания, содержащиеся в путевых заметках де ла Брокьера. О с. Ветрен как о дервентджийском говорят и другие путешественники более позднего времени: в 1550 г. — К. Цен⁶⁴, в 1578 г. — С. Герлах⁶⁵, в 1583 г. — Вольф⁶⁶, в 1616 г. — А. Венер⁶⁷, в 1652 г. Р. Барграв⁶⁸ и пр. Даже до середины XIX в. население Ветрена, по всей вероятности, еще выполняло свои дервентджийские обязанности, как об этом свидетельствует французский писатель Ламартин⁶⁹, останавливавшийся там. На той же большой военной дороге, недалеко от Софии, находилось дервентджийское с. Горубляне⁷⁰. Вдоль этой дороги имелись дервентджийские села и около Харманли и возле Узунджово, так как путешественники упоминали о наличии и в них дервентджийской стражи⁷¹. На дороге в Адрианополь, недалеко от нынешнего Тополовграда, было и другое старое дервентджийское село — Вақыф (в настоящее время — с. Устрем)⁷². В конце XVI в. здесь на вакуфных землях были поселены дервентджи с целью охраны проходившей там дороги. Значительное число дервентджийских сел, как упоминается в документах, находилось и в восточных районах Старой Планины. Так, например, с. Ески Истамболлук было крупным дервентджийским поселением⁷³. Еще в первый период турецкого господства дорога, проходившая через Чалыкавашский перевал мимо Ески Истамболлука, имела для турок важное стратегическое значение⁷⁴, в связи с чем это село очень рано было обособлено как дервентджийское. Евлия Челеби

⁶¹ Г. Гунчев. Указ. соч., стр. 73—74.

⁶² Там же, стр. 74—75.

⁶³ Ch. Scheffer. Указ. соч., стр. 102.

⁶⁴ Starine, X, 1878, p. 212. В горных ущельях около этого села Цен увидел два сторожевых пункта для охраны местности в связи с большим количеством злодеяний, совершавшихся там.

⁶⁵ St. Gerlach. Указ. соч., стр. 518.

⁶⁶ Rad, CXXIX, 1896, p. 33, 35.

⁶⁷ A. Wenner. Указ. соч., стр. 201.

⁶⁸ Fr. Babinger. Указ. соч., стр. 147.

⁶⁹ A. de Lamartine. Указ. соч., стр. 236; Ср. Iv. Sišmanov, Lamartine en Bulgarie, Paris, 1927, extrait du «Monde slave», mai 1927, p. 4.

⁷⁰ Неизданный док. из Ор. отдела, Горубляне—население, II А. 6. Рая със специални задължения, 1 зилхидже 1109 г.

⁷¹ Rad, CXII, 1892, p. 226—227; Rad, CXXIV, 1895, p. 92.

⁷² К. Иречек. Княжество България, II, стр. 697—698; П. Делирадев. Принос към историческа география на Тракия, т. I, стр. 306.

⁷³ Неизданный док. из Ор. отдела, ОАК 52/64.

⁷⁴ В. Аврамов. Юбилеен сборник Плиска—Преслав, София, 1929, стр. 169.

сообщил в своих путевых заметках о болгарском дервентджийском с. Ченге, в котором было 100 домов⁷⁵. Дервентджийским центром была также и Трявна. В конце XVII в. один современник отмечает в своей летописи, что жители Трявны и в то время выполняли дервентджийские обязанности⁷⁶. Дервентджийские обязанности возлагались и на жителей с. Шипка в окрестностях Казанлыка⁷⁷. Очень часто встречались дервентджийские села и в районе Карнобата; это, очевидно, объясняется тем, что там проходила значительная дорога, идущей через восточную часть Старой Планины. Такими были, например, села Кёпеклю, Камарак и пр.⁷⁸ В Страндже также, по всей вероятности, имелись подобные дервентджийские села, так как даже Бошкович в конце XVIII в. писал о существовании дервентджиев в этих горах⁷⁹. По некоторым сведениям, села Калофер и Копривштица в прошлом были дервентджийскими⁸⁰.

Иногда дервентджии жили некомпактной массой в различных селах вместе с обыкновенной райей. Так, из записи на полях одного документа, изданного в 1694 г., видно, что в с. Дряново Преспанской околии санджак Паша было зарегистрировано 20 дервентджиев⁸¹. Из 33 жителей с. Покровик Петричской нахии 20 было дервентджиями, в обязанность которым было вменено охранять ближайший перевал⁸². Известное число дервентджиев жило вместе с остальной райей в Сливене⁸³. По данным одного документа 1833 г., в с. Габрово Тырновской околии из всего населения, которое составляло 700 человек, 320 душ были дервентджиями. По сведениям, имеющимся в неоднократно упомянутом списке, изданном Д. Ихчиевым, во многих софийских селах жили по одному или по два дервентджия, которые объединялись для исполнения своих служебных обязанностей в пределах Софийской околии⁸⁴.

Несмотря на свое особое положение, дервентджийские села находились, как и все остальные села, в рамках османской аграрной системы. Эти села вместе с принадлежавшими им землями обычно относились к тому или иному феодальному владению. Они не были изолированными и обособленными от существовавших поземельных отношений. Это видно из ряда турецких документов, относящихся к различным временам. Так, в одном из распоряжений султана скопленскому санджак-бею и кадии, датированном 1595 г., сообщается, что в зиамете некоего Мустафы-чауша, находившемся в пределах указанного санджака, имелось дервентджийское с. Градманци⁸⁵. В документе 1585 г. сообщается, что дервентджийское с. Елине, близ Тырново, относилось к хасам султана⁸⁶. Из одного прошения, датированного 1660 г., мы узнаем, что с. Острово, в котором жило

⁷⁵ Evliya Celebi, III, s. 303.

⁷⁶ П. Р. Славейков. Указ. соч., стр. 310.

⁷⁷ К. Иречек. Указ. соч., стр. 214; Неизданный док. из Ор. отдела с. Шипка — население, II. А. 1. Зависимо население. 18 реджеб 1105 г.

⁷⁸ Неизданные документы Ор. отдела ОАК 22/59; НПТА XVII 4/63.

⁷⁹ J. Boscowich. Указ. соч., стр. 65.

⁸⁰ К. Иречек. Указ. соч., стр. 355, 375; ср. Н. Начов. Калофер в миналото. 1927, стр. 15. Начов допускает, что калоферцы были дервентджиями, но в отличие от других авторов он считает, что они охраняли самый близкий к Каласферу проход, или так называемую Русалскую тропинку.

⁸¹ Неизданный док. Ор. отдела Преспа — тахсилдар, II. А. 1. 6. Дервентджии, 25 реджеб 1106 г.

⁸² Неизданный док. из Ор. отдела, Бл. 3/1.

⁸³ С. Табаков. Указ. соч., стр. 358—359.

⁸⁴ ИИД, II, 1906, стр. 162, замеч. 1.

⁸⁵ Д. Шопова. Македонија в XVI и XVII вв. Документи од цариградските архиви (1557—1645). Скопје, 1955, стр. 79—80, № 59.

⁸⁶ Неизданный док. из Ор. отдела ОАК 181/14, № 8.

значительное число дервентджиев, относилось также к султанским хасам⁸⁷. Из султанского приказа, изданного в 1702 г., выясняется, что в зиамете Елхадж Али в Оряховской околии были расположены дервентджийские села Сарница и Амалика, жители которых были обязаны охранять большой перевал на берегу Огосты и дорогу, ведущую из Белграда⁸⁸.

Ни в одном из известных до настоящего времени достоверных источников нет определенных указаний на то, что дервентджии владели «баштинами», освобожденными от прямой феодальной зависимости и обложения налогами. Напротив, из имеющихся сведений можно заключить, что дервентджии, независимо от своих специальных обязанностей по отношению к центральной власти, находились под непосредственным господством местных феодалов, к чьим ленным владениям относились их села.

В связи с тем, что дервентджии владели участками земли, входившими в состав этих владений, на них лежали тяжелые повинности в пользу феодалов, как это было и у обыкновенной райи⁸⁹.

Дервентджии были обязаны прежде всего уплачивать своим феодальным господам поземельный налог в форме испенче⁹⁰. Имеющиеся в османских законодательных памятниках сведения о размерах испенче, уплачивавшегося дервентджиями, очень разнообразны. Так, например, в Софийском кануннаме 1525 г.⁹¹ и в законе о дервентджиях, также XVI в.⁹², выдвигается требование, чтобы дервентджийское население платило испенче по 10 акче с человека, а с вдовы по 6 акче. В иных кануннаме того же времени, которые относились к другим балканским землям, предусматривалось, что дервентджии таких санджаков, как Босния, Герцеговина Зворник и Трикала, обязаны уплачивать испенче в тех же размерах — по 10 акче с человека⁹³. Если судить только по этим сведениям, то можно допустить, что с дервентджиев испенче собирали в размерах меньше половины обычного. Однако в кануннаме для санджаков Силистра и Никополь мы находим другие сведения по этому вопросу. Там ясно подчеркивалось, что испенче с дервентджийской райи равнялось 12 акче⁹⁴. Этим сведениям противоречат данные, которые мы находим в упомянутой выше копии мевкуфатского реестра 1622 г. в отношении дервентджиев с. Ески Истамболука. В этом документе дословно сказано: «Испенче подлежит уплате 174 [человек] по 25 [акче] 4350 [акче]»⁹⁵. Другими словами, дервентджии этого поселения уплачивали свое испенче в тех же размерах, как обыкновенная райя. Конечно, при отсутствии большего ко-

⁸⁷ Неизданный док. из Ор. отдела МК 22/2.

⁸⁸ ИИД, II, 1906, стр. 164—165.

⁸⁹ О феодальной зависимости райи см. подробно: Б. А. Цветкова. Принос към изучаването на турската феодализъм. — ИИБИ, т. VI. 115—173.

⁹⁰ Идентичность налогов испенче и ресми чифт можно считать доказанной. Это подтверждается и самими документами. Разница между испенче и ресми чифт состоит в том, что первый налог выплачивался лишь немусульманской райей и в больших размерах, чем второй, который собирали только с мусульманской райи (О. Л. Баркан. Cift. Islâm ansiklopedisi, III, Istanbul, 1945, s. 393). Ср. перевод этой статьи, сделанный Х. Хацбегишем в журнале «Годишник историског друштва Босне и Херцеговине», ч. II, 1950, стр. 290. Ср. и Б. А. Цветкова. О религиозно-национальной дискриминации в Болгарии во время турецкого владычества. — «Советское востоковедение», 1957, кн. 2, стр. 79; В. Мутафчиева. Феодальная рента, присваивана от ленника държател в Османската империя с оглед на нашите земи през XV—XVI в. — «Известия на Института за българска история в БАН», т. VII, стр. 181—184.

⁹¹ О. Л. Баркан. Kanunlar..., s. 254.

⁹² I. v. Намтгер. Указ. соч., стр. 327.

⁹³ Бр. Ђурђев. I кануннаме, стр. 197—198; II кануннаме, стр. 236—237; ср. Kanuni..., p. 44, 56; J. v. Намтгер. Указ. соч., т. I, стр. 323—324.

⁹⁴ J. v. Намтгер. Указ. соч., I, стр. 284, 304.

⁹⁵ Неизданный док. из Ор. отдела ОАК 52/64.

личества данных, полученных из турецких документов, приведенные сведения о дервентджиях Ески Истамболлука являются недостаточными и заставляют исследователя проявить известную осторожность при окончательном решении вопроса о подлинных размерах дервентджийского испенче. Наряду с испенче дервентджии были обязаны, как и остальная райя, отдавать местным феодалам и десятую часть своего дохода от земель. В канунаме 1530 и 1539 гг. для Боснийского, Герцеговинского и Эвроницкого санджаков предусмотрено, что дервентджийское население этих санджаков должно отдавать десятую часть винограда, если есть виноградники, или десятую часть вина. «Там, где есть сено, отдавать десятую часть сена, а где нет — там не брать»⁹⁶.

Однако упомянутые предписания, имеющиеся в законодательных памятниках, чрезвычайно скудны для того, чтобы раскрыть полный объем и размер десятины, налагавшейся на дервентджийское население. Более подробные и разнообразные данные содержатся в уже известной копии мевкуфатского реестра о дервентджиях в Ески Истамболлуке⁹⁷. Из-за отсутствия достаточных данных трудно установить, равнялась ли десятина, взимавшаяся с дервентджиев, десятине, взимавшейся с обыкновенной райи.

Подобно обыкновенной, райе дервентджии облагались и некоторыми другими натуральными налогами. В ряде старых османских канунаме указывается на обязанность дервентджиев давать ежегодно с каждого хозяйства определенные натуральные подати на определенное количество пшеницы и ячменя. Независимо от формы, в которой они налагались, указанные подати были не только предусмотрены в законах, но и собирались с дервентджийской райи. Дервентджийское население уплачивало и налоги ресми арус, ресми агнам, ресми ханзар, налог на мельницы (ресми асиаб), штраф джюрму джинаем, налог бадиваха, бадж на вино и пр.⁹⁸

Наряду со всеми податями дервентджии платили государству и подушный налог джизие, так как сами они относились к немусульманской райе⁹⁹. В Боснийском канунаме особо подчеркивается, что каждый дервентджийский дом должен был давать по 30 акче налога джизие¹⁰⁰. В иляме штипского кадия, относящемся к XVI в., сообщается, что дервентджии с Герман Вранского кадылыка были обязаны уплачивать наряду с другими налогами и джизие, или харач¹⁰¹.

Феодальная зависимость дервентджиев от местных ленных владельцев выражалась не только в уплате феодальной ренты, но и в их прикреплении к земле, которой они пользовались. Имеются все основания полагать, что сначала дервентджийское население не было прикреплено к земле, на которой оно сидело. К этому мнению нас приводит один пассаж канунаме Сулеймана (XVI в.), в котором говорится, что на дервентджиев не распространялось право спахийского преследования в тех случаях, когда они

⁹⁶ Бр. Ћурђе в. I канунаме, стр. 197—198; II канунаме, стр. 236—237; ср. Kanuni..., р. 43, 56.

⁹⁷ Неизданный документ из Ор. отдела ОАК 52/64.

⁹⁸ Бр. Ћурђе в. II канунаме, стр. 237; ср. Kanuni..., р. 56; I Канунаме, стр. 197—198; J. v. Hammer. Указ. соч., т. I, стр. 304, 327; O. L. Barkan. Kanunlar, s. 281. Об этих же податях обыкновенной райи см. Б. Цветкова. Принос..., част II. — «Известия на Института за българска история при БАН», т. VI, 1956, стр. 127—128, 142. Неизданный документ из Ор. отдела ОАК 52/64.

⁹⁹ Известно, что этим налогом облагалась только немусульманская райя. Ср. Б. Недков. Поголовният данък в Османската империя с оглед на България. — «Исторически преглед», год II, 1945, кн. 1, стр. 19—21; B. Nedkoff. Die Gizya (Kopfsteuer) im Osmanischen Reich mit besonderer Berücksichtigung von Bulgarien. Leipzig, 1942; О джизие на дервентджиев см. H. Hadžibegić. Džizja ili harač. — «Prilozi», III—IV, 1952—1953, p. 71.

¹⁰⁰ Бр. Ћурђе в. I канунаме, стр. 197—198; ср. Kanuni..., р. 43.

¹⁰¹ Гл. Елєзовић. Турски споменици, стр. 345.

переселялись из одного лена в другой¹⁰². Эта гипотеза представляется еще более правдоподобной, если учесть то обстоятельство, что в самом начале государственная власть сознательно установила известные облегчения для части райи с целью привлечь ее к регулярному выполнению специальных, но не легких обязанностей. Однако впоследствии этот режим изменился. Это видно из упомянутого уже документа от 1702 г., изданного Ихчиевым. В этом документе приводится категорическое распоряжение вернуть в свои старые поселения дервентджиев из оряховских сел Сарница и Амалика, входивших в состав знамета некоего Елхадж Али, которые по разным причинам находились и в околиях Новой Загоры, Плевны, Никополя, Вратци, Берковицы и Видина¹⁰³. Это сообщение дает основание считать, что с течением времени режим прикрепления к ленным землям стал распространяться и на дервентджиев, которые вначале были освобождены от этой тяжелой формы феодальной зависимости. Это являлось результатом возрастающего стремления отдельных феодалов к расширению своих владений (конец XVI—середина XVIII в.). С другой стороны, это было результатом и того обстоятельства, что в течение указанного периода участились случаи побегов и переселения райи вследствие усиления феодальной эксплуатации и гнета. При этих условиях османское государство было кровно заинтересовано в том, чтобы дервентджи не переселялись и не покидали охраняемых ими зон и важных дорог. По этим причинам оно всячески содействовало феодалам удерживать находящихся на территории их владений дервентджиев.

В связи с тем, что дервентджи выполняли для государства ряд тяжелых повинностей, они были освобождены от известной категории налогов, которые собирались исключительно представителями центральной власти. Этим привилегиям, не столь значительным по сравнению с налоговыми бременем, лежавшим на плечах дервентджийской райи, часто не соблюдавшимся властями, в буржуазной историографии без всяких к тому оснований придается чрезвычайно большое значение.

Налоговые привилегии дервентджиев находят отражение еще в самых старых юридических памятниках Османской империи. Так, например, в двух кануннаме Силистринского санджака, относящихся к XVI в., отмечается, что за свою службу дервентджи были освобождены от уплаты налогов «аваризи дивание»¹⁰⁴, т. е. от уплаты одной из групп налогов, относившихся к категории чрезвычайных налогов¹⁰⁵. В кануннаме Боснийского, Герцеговинского и Зворницкого санджаков (1530 и 1539 гг.) предусматривалось, что дервентджи в этих районах должны быть освобождены от всех чрезвычайных налогов (аваризи дивание и текялифи йорфие)¹⁰⁶. В законоположении о дервентджиях Видинской Ливы находит отражение тот факт, что население ее было освобождено от уплаты аваризи дивание¹⁰⁷.

В трактате Али-чауша и в кануннаме Авии Омера эфенди отмечается, что дервентджи до тех пор, пока они выполняли свои служебные обязанности, освобождались от уплаты налогов аваризи дивание и текялифи йорфие^{107а}. Эти постановления отражали установившуюся и ставшую обыч-

¹⁰² «Osmanlı kanunnameleri. — Milli tettebbüler mecmuası», I, Nr. 2, s. 304.

¹⁰³ ИИД, II, 1906, стр. 164—165.

¹⁰⁴ O. L. Barkan. Kanunlar, s. 276, § 18, s. 281, § 20.

¹⁰⁵ Эти налоги подробно исследуются в книге Б. Цветковой «Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт». София, 1958.

¹⁰⁶ Бр. Ђурђевић. I кануннаме, стр. 197—198; II кануннаме, стр. 236—237; ср. Kanuni..., р. 44, 56.

¹⁰⁷ Неизданный док. из. Оп. отдела ОАК 3/36 лист. 3 а.

^{107а} H. Hadžibegić. Rasprava..., р. 158; J. H. Uzunçarsili. Указ. соч., стр. 397.

ной практику по отношению к дервентджийской райе. Десятки документов, которые раскрывают положение этой райи, подтверждают, что не только по писаным законам, но и в действительности дервентджии пользовались подобными фискальными льготами. В фермане 1598 г. отмечается, что дервентджии с. Кёпеклю Карнобатской околии были освобождены от указанных налогов¹⁰⁸. В приказе султана Шуменскому кадию, написанном в 1624 г., где говорилось о положении дервентджиев в с. Ески Истамболлук, отмечается, что за свою службу они были освобождены от налогов аваризи дивание и от других текалифи йорфие. Кадий был обязан следить за тем, чтобы виновники, собиравшие авариз, и другие представители власти не посягали бы на эти привилегии¹⁰⁹. В соответствии с документом 1702 г. дервентджии с. Синоджа, в окрестностях Самокова, были освобождены от налогов авариз, нузул и других текалифи йорфие и аваризи дивание¹¹⁰. Из одного прошения 1660 г. мы узнаем, что дервентджии в Острово освобождались от уплаты авариза и нузула¹¹¹.

Все указанные выше налоговые льготы были тесно связаны с выполнением дервентджиями их служебных обязанностей. Невыполнение этих обязанностей или уклонение от них вело к утрате этих льгот. В кануннаме Сулеймана I было предусмотрено следующее: «Дервентджии, которые не охраняют перевала, а находятся в другом селе, утрачивают свои привилегии»¹¹². Кануннаме Боснийского санджака 1530 г. категорически устанавливает, что дервентджийское население освобождается от уплаты указанных выше налогов лишь до тех пор, пока оно охраняет жизнь и имущество проезжающих¹¹³, т. е. пока оно выполняет свои обязанности. В кануннаме Авни Омера эфенди говорится: «До тех пор, пока они постоянно несут свою службу по охране и наблюдению, они освобождены от уплаты чрезвычайных налогов»¹¹⁴.

Имеющиеся данные о дервентджиях в Болгарии недвусмысленно показывают, что, несмотря на фискальные льготы, эти стражники горных перевалов и дорог отнюдь не жили в более благоприятных условиях по сравнению с обыкновенной райей. Прежде всего они несли в отношении центральной власти тяжелые специальные обязанности. При этом они не могли по своей воле отказаться от их выполнения¹¹⁵. Государство принимало все меры к тому, чтобы дервентджии, подобно другим специальным категориям райи, были бы прикреплены к своей службе. С другой стороны, над дервентджиями тяготела в самой непосредственной форме и их феодальная зависимость от местных землевладельцев. Дервентджии не были освобождены от уплаты значительной феодальной ренты, причем не только феодалам, но и государству (джизие, ресми, агнам, ресми хънзър и пр.). В силу этой зависимости дервентджийское население было прикреплено в XVII и начале XVIII в. к обрабатывавшимся ими участкам земли, которые входили в состав отдельных феодальных владений. Ко всему этому прибавляется и неизбежный произвол и нарушение законов, которые дервентджии постоянно терпели по самым различным поводам в условиях турецкой феодальной системы. Принимая

¹⁰⁸ Неизданный док. из. Ор. отдела ОАК 22/59.

¹⁰⁹ Неизданный док. из Ор. отдела ОАК 52/64.

¹¹⁰ Неизданный док. из Ор. отдела Самоков — население II, А. I. б. Рая със специални задължения — дервентджии, 5 сафар 1114 г.

¹¹¹ Неизданный док. из Ор. отдела МК 22/2, I.

¹¹² Х. Хаџибегин. Канун-нама султана Сулеймана Законодавца. — Гласник Земаљског Музеја у Сарајеву, 1948—50, стр. 365.

¹¹³ Бр. Ђурђев. I кануннаме, стр. 197—198; ср. Kanuni..., р. 44.

¹¹⁴ I. H. Uzunçarsılı. Kanuni-i..., s. 397.

¹¹⁵ O. L. Barkan. Ulkü, 1937, Nr. 50, s. 102—103.

во внимание все это, не будет преувеличением сказать, что обеспеченные центральными властями фискальные привилегии — освобождение от уплаты некоторых государственных податей — фактически не вносили существенного улучшения в положение дервентджийского населения, тем более что эти облегчения часто грубо нарушались властями.

Самые разнообразные посягательства и произвол в отношении к дервентджийскому населению имели место еще во время его регистрации. Органы власти, которые вели регистрацию, неоднократно пренебрегали особым положением этой категории райи, вписывая ее в султанские реестры наряду с обыкновенной райей, с целью лишить ее законных облегчений в налогах. В подтверждение этого в одном фермане 1598 г. сообщается, что некое лицо Яхя заде Сюлейман не регистрировал дервентджиев карнобатского с. Кёпеклю и тем самым отстранил их от дервентджийской службы¹¹⁶. В фермане 1624 г. отмечается, что во время регистрации Мехмед паша (он же регистратор) вписал дервентджийскому населению Ески Истамболлука 23 хане авариз¹¹⁷. Регистратор Ахмед-ага, как это видно из одного документа, датированного 1660 г., не включил в реестр при регистрации дервентджиев из Острова, и это явилось причиной того, что они были подвергнуты еще большему угнетению¹¹⁸. В других случаях при регистрации соответствующие служебные лица налагали на дервентджиев дополнительные фискальные тяжести путем внесения в список для обложения каким-либо налогом большего количества хане, чем это было по закону¹¹⁹.

Нарушение налоговых облегчений, которыми пользовались дервентджии, часто происходило по указанию властей. В самих ферманах, в которых содержалось требование сбора тех или иных налогов, определенно указывалось, что их надо взимать одновременно и с райи, которая была освобождена от уплаты таковых. Чаще всего это происходило во время войн, когда государство испытывало финансовые затруднения и стремилось к извлечению максимальных средств с податного населения. Это подтверждает и один документ, датированный 1698 г. В нем дервентджии и кюпрюджии с. Горубляне, в окрестностях Софии, жалуются, на то, что их фискальные права были нарушены. В ферманы, которыми предопределялся порядок обложения ряда налогов, были включены и освобожденные от уплаты.

Имеется немало фактов, показывающих, что фискальные агенты совершали насилие над дервентджиями в процессе самого обложения налогами. Так, например, дервентджийское население тырновского с. Елине (?) жалуется, как это видно из документа 1585 г., на всякие притеснения со стороны собирателей налогов джизие и куюн хакъ¹²⁰. В фермане 1680—1681 гг. сообщается, что дервентджии с. Тресонче в Македонии подвергались притеснениям. С них незаконным и насильственным путем взимались налоги, несмотря на то, что они пользовались известными налоговыми облегчениями¹²¹. В документе 1710 г. указывается, что с дервентджийского населения с. Покровик, под Петричем, были насильственно собраны налоги текялифи йорфие, гирихте и другие харч теклифи¹²².

¹¹⁶ Неизданный док. из Ор. отдела ОАК 22/59.

¹¹⁷ Неизданный док. из Ор. отдела ОАК 52/64.

¹¹⁸ Неизданный док. из Ор. отдела МК 22/2.

¹¹⁹ Неизданный док. из Ор. отдела Тырново — кадия, II, А. 1. 6. Дервентджии, 20—30 сафар 1057 г.

¹²⁰ Неизданный док. из Ор. отдела ОАК 181/14, № 8.

¹²¹ Гл. Елизовић. Дервенџије..., стр. 325—326.

¹²² Неизданный док. из Ор. отдела Бл. 3/1.

Иногда дервентджиин терпели притеснения и со стороны местной административной власти.

Это видно из документов. Так, в одном дефтеркехасе Румелийского вилайета, относящемся к 1718 г., сообщается, что население струмишского с. Кострин было дервентджийским и безусловно несло свою службу, за что оно было освобождено от уплаты различных налогов. Но скопенский назър без всякого права поставил своих сейменов в перевалах, охранявшихся этими дервентджиями, с целью проверять вещи проезжающих и незаконно получать с них разные суммы под видом пошлыны. Жандармы не ограничивались только этим; они силой отбирали у дервентджиев еду и питье и под различными предлогами совершали всевозможные насилия над населением. Дефтеркехас настаивает на том, чтобы скопенский назър приказал жандармам не беспокоить дервентджийское население и путников¹²³.

Из текста одного султанского приказа 1702 г. видно, что дервентджиин из оряховских сел Сарница и Амалика терпели насилия со стороны проходивших там войск и государственных служащих¹²⁴.

Не раз дервентджиин были вынуждены терпеть издевательства со стороны местных землевладельцев. Например, из приказа скопенскому санджак-бею и кадию, написанному в 1595 г., явствует, что заим Мустафа-Чауш угнетал жившее на территории его поместья дервентджийское население из с. Градманци: он не только уводил и позорил вместе со своими людьми жен дервентджиев, но и по два раза в год собирал доходы с этой райи¹²⁵.

Особенно тяжелым было положение дервентджиев, когда проходили через их села войска. Нетрудно себе представить, каким грабегам и издевательствам подвергали их недисциплинированные, озверевшие и уставшие от войн османские солдаты. В подтверждение этого в иляме карнобатского кадия, относящемся к 1691 г., отмечается, что дервентджиин из с. Камарак, близ Карнабата, подвергались насилию и угнетению со стороны проходящих войск, которые уходили в этот год на войну¹²⁶.

Дервентджиин страдали и от различных путников, которые ежедневно проходили по охранявшимся ими перевалам и дорогам¹²⁷.

Герлах рассказывает о дервентджиях с. Ветрен: «... бедные люди ежедневно притеснялись путниками, которым они должны были давать сено, ячмень и др.». Чтобы заставить сопровождать путешественников и их повозки, чауш отбирал у тех дервентджиев, которых посылали сопровождать путников, в качестве залога их одежду, их мотыги, топоры и другие орудия. Если дервентджия бежал или не приходил, он терял взятые в залог вещи. Далее Герлах сообщает, что многие оставляли свой залог и бежали¹²⁸.

Трудные условия жизни, тяжелые обязанности, эксплуатация и гнет со стороны органов центральной власти, местных феодалов, проходивших войск и всевозможных путешественников отразились на быте дервентджийского населения. Его села имели тот же нищенский и жалкий облик, как и села, где жила обычная райя. Так, например, путешественник Вольфганг Эттингенский (1700 г.) рассказывает, что дервентджийское

¹²³ Неизданный док. из Ор. отдела Струмица — население, II, А. 1. Б. Дервентджиин, 4 зиладже 1130 г.

¹²⁴ ИИД, II, 1906, стр. 164—165.

¹²⁵ Д. Шопова. Указ. соч., стр. 79—80, № 59.

¹²⁶ Неизданный док. из Ор. отдела НПТА XVII, 463.

¹²⁷ Rad, CXXXIX, 1896, p. 33.

¹²⁸ St. Gerlach. Указ. соч., стр. 518.

с. Ветрен было бедным селом с тесными, убогими домишками на четырех подпорках¹²⁹. Даже в XIX в. Ламартин описывает Ветрен как жалкое село с бедными жителями¹³⁰. Такая бедность дервентджийских сел является еще одним доказательством того, что дервентджии никогда не жили в более благоприятных условиях по сравнению с остальным зависимым населением и что незначительные постоянно нарушавшиеся налоговые облегчения ни в какой степени не улучшали их жизни.

Тяжелая феодальная зависимость и угнетение дервентджиев как органами местной, так и органами центральной власти заставляли их подниматься на борьбу, оказывать упорное сопротивление своим угнетателям. Формы проявления этой борьбы достаточно отражены в источниках и могут быть полностью исследованы. Достоверными свидетельствами, говорящими о наличии постоянного, хотя и пассивного сопротивления дервентджиев феодальному гнету, являются многочисленные жалобы, обращения и просьбы, которые они постоянно посылали в адрес верховной власти по поводу тех издевательств, которые они терпели¹³¹.

Нередки были случаи, когда дервентджии различными способами уклонялись от выполнения специальных служебных обязанностей, очевидно, потому, что такие повинности были нелегкими. Так, в документе 1683 г. сообщается, что дервентджии с. Горубляне прекратили поддерживать в порядке мост через р. Искры¹³².

Очень часто, не имея возможности избавиться иным способом от насилий, которые они терпели от путников, дервентджии покидали свои села и скрывались в горах и лесах до тех пор, пока не уходили непрошенные гости. О подобном случае рассказал Вольф в 1583 г., описывая дервентджийское с. Ветрен. Когда он и его спутники проезжали через него, то они не застали там ни одного мужчины. Все мужчины покинули село, вероятно для того, чтобы избежать обязанности сопровождать путешественников по трудным и опасным дорогам¹³³. Вскоре после Вольфа (в 1616 г.) А. Венер также посетил с. Ветрен. Он рассказывает, что все жители села покинули его; поэтому путешественники не могли пополнить своих запасов хлеба и вина. Поздно вечером домой вернулись женщины и когда увидели, что в их домах не хватало многого, они начали кричать, царапать руками себе лицо до крови и повторять: «олеле-ле». Поэтому, отмечает путешественник, его спутники назвали село *Leleledorf* (Лелеле-село¹³⁴). Многочисленные данные свидетельствуют о том, что сопротивление дервентджиев против тяжелого гнета, которому они были подвергнуты, часто выражалось и в бегстве целых сел. Подобно обыкновенной райе, дервентджии не раз прибегали к такому отчаянному средству, чтобы облегчить свое положение, освободившись прежде всего от тяжелой повинности перед государством. Так именно поступила в связи с фискальными притеснениями большая часть населения дервентджийского с. Елине Тырновской околии, как об этом свидетельствует документ

¹²⁹ Хр. Кесяков. Стари пътувания през България. Граф Волфганг Еттингенски. — «Периодическо списание», LVIII, 1899 г., стр. 638.

¹³⁰ A. Lamartine. Указ. соч., стр. 237—238.

¹³¹ См., например, неизданные документы из Ор. отдела Шипка — население, II. А. 1. Зависимо население, 18 реджеб 1105 г.; Бл. 3/1; МК 22/2; Горубляне — население, II. А. 6. Рая със специални задължения, II. А. 1. Зависимо население, 1 зилхидже 1109 г.

¹³² Г. Баласчев и Д. Ихчиев. Привилегите на християните — рая... стр. 18—19.

¹³³ Rad, CXXIX, 1896, p. 33.

¹³⁴ A. Wenneг. Указ. соч., стр. 102.

1585 г.¹³⁵ По тем же причинам покинули свое село и дервентджии из карнобатского с. Кёпеклю, как об этом указывается в документе 1598 г.¹³⁶ Путешественник В. Мясковский (1640 г.) сообщает, что по пути из Провадии, проезжая через Балканы, он попал в совсем опустевшее село. Жители покинули свое поселение, забрав при этом все домашнее имущество и оставив лишь избы¹³⁷. Согласно документу, относящемуся к 1647 г., дервентджии Тырновского с. Истрайча (?) покинули свое село, так как им было не под силу платить налог джизие в незаконно больших размерах. Впоследствии вернулось в село лишь человек 40—50¹³⁸.

Дервентджии прибегали и к активному вооруженному сопротивлению. Они устанавливали связи с хайдуцкими дружинами и сами действовали как хайдуки. Местоположение поселений дервентджиев, характер их обязанностей и то обстоятельство, что они были вооружены, давали им полную возможность бороться открыто и весьма успешно против угнетения, которому их подвергала турецкая власть. Из одного документа XVI в. мы узнаем, что действия некоторых хайдуцких дружин в Македонии вызвали большую тревогу у местных турецких властей и привлекли внимание центральной власти. После поимки некоторых хайдуков, названных в документе, разумеется, разбойниками, стали известны подробности этого происшествия¹³⁹. Больше всего подобных проявлений сопротивления было в среде дервентджиев в районе Качаника. Хайдуцким гнездом было и вранское дервентджийское с. Герман, в их распоряжении было также довольно большое количество горных перевалов¹⁴⁰.

Если подобные проявления вооруженного сопротивления дервентджиев существовали еще в XVI в., легко себе представить, до какой степени возросли они позднее, когда начался упадок Османской империи и ухудшилось положение райи, усилилась ее антифеодалная борьба.

Институт дервентджиев продолжал существовать до конца XVIII в., а в некоторых местах даже позднее, до XIX в. Как мы видели, даже в 1762 г. Бошкович встречал на своем пути дервентджийских стражников¹⁴¹. Из документа, изданного в 1833 г., можно сделать вывод, что до этого времени в тырновском с. Габрово существовали дервентджии¹⁴². В своих путевых заметках и Ламартин описывает дервентджийское с. Ветрен. Из его рассказа становится ясно, что жители села продолжали выполнять известные обязанности, возлагавшиеся в прошлом на дервентджиев: они встретили Ламартина, взяли коней под уздцы, шли по обе стороны повозок и придерживали их плечами, несколько раз поднимали их, чтобы колеса не соскользнули в пропасть, и таким образом сопровождали французского писателя до самого села¹⁴³. Однако эти данные имеют все же единичный характер и на их основании нельзя считать, что дервентджийство в целом продолжало существовать в течение всего XIX в. Если бы это было так, то обстоятельство это нашло бы отражение

¹³⁵ Неизданный док. из Ор. отдела ОАК 181/14, № 8.

¹³⁶ Неизданный док. из Ор. отдела ОАК 22/59.

¹³⁷ Хр. Кесьяков. Стари пътувания през България, СбНУ, XI, 1894, стр. 168—169.

¹³⁸ Неизданный док. из Ор. отдела Тырново — кадия, II. А. 1. 6. Дервентджии, 20—30 сафар 1057 г.

¹³⁹ В официальных турецких документах борцы против феодалов и национального гнета часто называются «ешкия» — разбойники.

¹⁴⁰ Гл. Елезев и др. Турски, споменици, стр. 337, 347.

¹⁴¹ J. Boscowich. Указ. соч., стр. 65, 76—77.

¹⁴² ДБИ, III, стр. 178, № 324.

¹⁴³ A. Lamartine. Указ. соч., стр. 237—238.

и в турецких документах. А таких документов почти нет. Решение вопроса о закате и полном исчезновении института дервентджиев затрудняется тем, что отсутствуют достоверные данные о том, когда точно он был ликвидирован и было ли это вообще оформлено властями в официальном порядке. Во всяком случае упадок дервентджийства начался довольно рано. Уже в конце XVII в. и особенно в течение следующего века более частыми стали случаи прямого посягательства на его элементарные права¹⁴⁴. Это, разумеется, отразилось самым неблагоприятным образом на существовании и развитии самого института, расшатывало его устои, принуждало дервентджийское население под тем или иным предлогом оставлять свои служебные обязанности.

По всей вероятности, дервентджийский институт постепенно утратил свое значение, особенно после того, как в Турции усилилась анархия, когда уже стало ясно, что дервентджийство не в состоянии обеспечивать безопасность. Еще меньшую роль эта категория могла сыграть в период развивавшихся товаро-денежных отношений, особенно в конце XVIII и начале XIX в., в период развертывания внутреннего рынка, когда оживление дорог и появление новых транспортных средств уменьшали существовавшую до того опасность и различного рода инциденты во время путешествий. При этом и турецкая власть, вероятно, не очень содействовала сохранению дервентджиев, так как сами они создавали постоянную заботу и беспокойство туркам благодаря своим частым выступлениям, а также и тому, что они оказывали помощь народным массам, боровшимся против турецкого гнета.

Так с течением времени исторические условия способствовали тому, что дервентджии постепенно сравнялись во всех отношениях с другими категориями зависимого населения и перестали выполнять свои обременительные, уже никому не нужные обязанности. Вместо старых дервентджийских стражников Османское государство поставило для охраны наиболее опасных мест турецких стражников, поместив их в специальные, более солидные сторожевые помещения, так называемые беклеме. В большинстве случаев места расположения этих беклеме совпадали со старыми дервентджийскими постами и поэтому их местонахождение может служить до известной степени свидетельством того, что здесь были старые дервентджийские наблюдательные пункты. Путешественники второй половины XIX в. и многие исследователи периода после освобождения упоминают о наличии таких беклеме в Старой Планине, Средней Горе и пр.¹⁴⁵

Обрисованный таким образом облик дервентджийства и его многовековое развитие убеждают нас в том, что эта категория зависимого населения, на которую были возложены специальные обязанности, далеко не могла считаться привилегированной и находящейся под покровительством турецкой власти. Напротив, в течение всего периода турецкого господства в Болгарии дервентджии, подобно остальной рае, не прекращали проявлять свое недовольство и оказывать открытое сопротивление этому господству и нередко участвовали с оружием в руках в антифеодалной борьбе угнетенных народных масс.

¹⁴⁴ См. цитированные уже документы на стр. 217.

¹⁴⁵ См., например, К. Иречек. Княжество Болгария, II, стр. 117—118, 313; С. Табаков. Указ. соч., стр. 359; F. Kanitz. Donau-Bulgarien und der Balkan. II. Auflage, Leipzig, 1882, I, S. 77 и пр.

В. Д. Конобеев

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОЛГАРИИ В 1828—1830 гг.

Документов о героической борьбе болгарского народа против турецких поработителей во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. сохранилось немного. Основными из них являются воспоминания болгарского революционера Георгия С. Раковского, написанные в форме примечаний к его поэме «Горски пътник»¹, увидевшей свет в 1858 г.

Г. Раковский сообщает, что в боях за Силистрию вместе с русской армией принимал участие болгарский военный отряд под командованием Георгия Мамарчева Буюклау. А когда русская армия перешла Балканы, Георгий Мамарчев появился с 500 вооруженными болгарами в м. Котел, намереваясь поднять на борьбу жителей окрестных сел и г. Сливена, а затем направиться в Великое Тырново, чтобы разбудить давно «заснувшего болгарского льва на народном знамени и торжественно провозгласить свободу». Однако русское командование запретило выступление болгар, а Георгий Мамарчева за самовольные действия арестовало. Далее Г. Раковский воспроизводит текст прошения болгар Сливена и Котел к главнокомандующему русской армией И. И. Дибичу-Забалканскому об освобождении Г. Мамарчева². Вот те основные сведения, которые оставил историкам Г. Раковский. Их мало. И это вполне естественно, так как во время войны ему было 7—8 лет (Г. Раковский родился в 1821 г.), и события тех лет передавал как рассказ старшего поколения.

В исторической литературе известны еще очень краткие заметки И. Селиминского³ — очевидца и участника событий в г. Сливене кануна войны и после войны. В его воспоминаниях период войны выпал, так как он во время ее находился в Пловдиве, куда русская армия не вступала.

В 1930 г. были опубликованы копии некоторых документов о миссии «болгарского депутата» Александра Нековича⁴, в которых имеется ряд сведений о событиях рассматриваемого периода.

Национально-освободительное движение 1828—1830 гг. слабо освещено и в буржуазной историографии.

¹ Мы используем последнее издание: Георги С. Раковски. Горски пътник. София, 1958.

² Там же, стр. 217—223.

³ «Библиотека Д-ръ И. Селимински», ч. II, София, 1904. Воспоминания И. Селиминского отрывочно были опубликованы впервые П. Кисимовым (см. П. Кисимов. Монте спомени, ч. IV, София, 1903).

⁴ С. Романски. Българите в Влашко и Молдава. Документи. София, 1930, стр. 36—42.

Буржуазные болгарские историки в общих курсах истории Болгарии обычно только пересказывали воспоминания Г. Раковского и И. Селиминского, добавляя к тому лишь некоторые комментарии⁵.

Специальное исследование посвятил рассматриваемой проблеме С. Романский⁶. Он ввел в историческую литературу список добровольческого отряда Г. Мамарчева, используя воспоминания И. Селиминского, материалы П. Кисимова, и сделал попытку описать борьбу отряда. Видный болгарский историк В. Н. Златарский в работе о восстаниях в Болгарии до середины XIX в.⁷ отводит событиям 1828—1829 гг. лишь две страницы.

Болгарские историки досентябрьской Болгарии, как авторы общих курсов истории, так и специальных статей, дают только описание событий, обходя вопрос о социально-классовом содержании движения, его движущих силах.

Отношение России к национально-освободительному движению в Болгарии 30-х годов в русской буржуазно-дворянской историографии специально не затрагивалось. Такие видные представители ее, как С. С. Татищев и С. Жигарев⁸, с позиций своего класса только дали толкование внешней политики царизма на Востоке в целом, изображая ее как «освободительную миссию» царизма. Русские военные историки Н. А. Лукьянович и Н. Епанчин, создавшие два многотомных описания русско-турецкой войны 1828—1829 гг., также не освещают вооруженную борьбу болгарского народа и отношение царизма к национальному движению в Болгарии⁹.

Впервые марксистский анализ начала эпохи болгарского возрождения дан в трудах Д. Благоева, и прежде всего в его книге «Принос към историята на социализма в България» (1906). Он указывает, что возрождение вызвано социально-экономическим развитием страны, приведшим к разрушению феодальных отношений и становлению буржуазных. Началось формирование нового класса, класса буржуазии. Д. Благоев, говоря о субъективных захватнических целях царизма на Балканском полуострове, подчеркивает объективно прогрессивное значение войн России против Турции, которые порождали надежды у болгарского народа на свое национальное освобождение, вызывали симпатии у болгар к России. Среди войн начала XIX в. он особенно останавливается на войне 1828—1829 гг., подчеркивая ее влияние на национальное движение в Болгарии и ставя в зависимость от нее последующую политику реформ турецкого правительства по отношению к своим европейским владениям¹⁰.

Взяв за основу положения Д. Благоева о болгарском возрождении, профессор Ж. Натан рассматривает вооруженную борьбу болгарского народа 1828—1829 гг. в ряду национально-революционного движения. В целом такая постановка верна. Но Ж. Натан, по нашему мнению, несправедливо оценивает движение тех лет как только явление стихийное, имевшее

⁵ И. Пастухов. Българска история. София, т. II, 1943, стр. 646—656; Н. Станев. България под иго. София, 1947, стр. 306—308.

⁶ С. Романски. Георги Мамарчев и доброволческата му команда от 1828—1829 г. — «Списание на Българската Академия на науките», кн. XXII, София, 1921, стр. 175—207.

⁷ В. Н. Златарски. Български въстания и опати за въстания до средата на XIX в. — «България 1000 години», София, 1930.

⁸ С. С. Татищев. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887; С. Жигарев. Русская политика в Восточном вопросе, т. 1. М., 1896.

⁹ Н. А. Лукьянович. Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов, ч. 1—4. СПб., 1844—1847; Н. Епанчин. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции, ч. 1—3. СПб., 1906—1907.

¹⁰ Д. Благоев. Принос към историята на социализма в България. София, 1956, стр. 25.

местное значение, без выражения политических целей — освобождения всей страны от турецкого гнета. Отсюда вооруженная борьба 1828—1829 гг. ставится им в один ряд с хайдучеством¹¹.

Обстоятельный анализ развития производительных сил и производственных отношений в Болгарии второй четверти XIX в. дан в лекциях профессора Д. Косева, который борьбу болгарского народа указанного периода рассматривает как часть национально-освободительного движения, как попытку организации восстания в Болгарии Г. Мамарчевым¹². Д. Косев рассмотрение национально-освободительного движения второй четверти XIX в. начинает с событий 1828—1829 гг.

В коллективном труде Института истории Болгарской Академии наук «История на България» движению 1828—1829 гг. отведено иное место; авторы исключили его из народно-революционной борьбы второй четверти XIX в. и перенесли в раздел о событиях, связанных с греческим восстанием 1821 г., под заголовком, который не отвечает содержанию: «Русско-турецкая война 1828—1829 гг. и переселение болгар Восточной Болгарии»¹³.

Крупнейший советский историк академик Н. С. Державин рассматривал национально-освободительное движение 1828—1829 гг. вне пределов начального периода национально-освободительного движения в Болгарии¹⁴.

Коллектив советских историков на основе марксистско-ленинской методологии в своем обобщающем труде по истории Болгарии связывает начало национально-освободительного движения, как и современные болгарские историки, с разложением феодальных и развитием капиталистических отношений в Болгарии. События 1828—1829 гг. здесь завершают начальный период национально-освободительного движения эпохи болгарского возрождения¹⁵.

Советский историк А. В. Фадеев в монографии¹⁶ дал анализ социально-экономическим предпосылкам восточной политики России, вскрыл ее классовую сущность, объективно-историческое значение для развития и укрепления связей народов Балканского полуострова с Россией. Однако при освещении русско-болгарских отношений А. В. Фадеев опирался только на уже известные положения, высказанные в лекциях Д. Косева.

Подводя итоги оценке национально-освободительного движения болгарского народа 1828—1829 гг. в трудах современных болгарских историков и историков Советского Союза, можно сделать вывод, что в них правильно показаны социально-экономические корни этого движения. Следует отметить, что есть и известные расхождения, в частности в том, какое место отвести ему в эпохе возрождения.

Однако из-за отсутствия источников по рассматриваемой проблеме авторы современных курсов истории Болгарии и специальных исследований не смогли дать развернутый анализ национально-освободительного движения в Болгарии в 1828—1829 гг.

Настоящая работа ставит своей задачей на основе новых архивных материалов частично восполнить этот пробел, дать не только историю организации движения, но и проанализировать социально-классовое содержание движения, его движущие силы, цели и влияние на последующую

¹¹ Ж. Натан. Българското възраждане. София, 1950, стр. 127, 136.

¹² Д. Косев. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 169—173.

¹³ «История на България», т. 1, София, 1954, стр. 326—328.

¹⁴ Н. С. Державин. История Болгарии, т. III. М., 1947, стр. 124—125.

¹⁵ «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 246—247.

¹⁶ А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958.

историю и борьбу болгарского народа, определить место в национально-освободительном движении эпохи болгарского возрождения, а также показать русско-болгарские отношения в 1828—1830 гг.

* * *

Марксистско-ленинский анализ национального движения требует прежде всего определения исторических рамок, историко-экономических условий возникновения и развития движения, с учетом конкретных особенностей страны. Национальные движения являются закономерностью эпохи окончательной победы капитализма над феодализмом. Их экономическая основа состоит в том, что товарное производство не может утвердиться без необходимого внутреннего рынка, без государственного сплочения территории с населением, говорящим на одном языке, образования национального государства. Опыт истории учит, подчеркивает В. И. Ленин, что все экономические факторы эпохи перехода от феодализма к капитализму толкают к сплочению народов в нации и национальные государства¹⁷.

Какую же стадию исторического развития переживала Болгария в начале XIX в., каковы ее особенности? Национальное движение, которое является предметом исследования данной статьи, проходило на рубеже первой и второй четверти XIX в., и корни его лежат в историко-экономических условиях начального периода эпохи болгарского возрождения.

Проблема разложения феодальных и развития капиталистических отношений в Болгарии во второй четверти XIX в. в последних работах советских и болгарских историков освещена достаточно полно¹⁸. В области аграрных отношений завершился процесс перехода от военно-ленной системы (спахилука) к помещичьему хозяйству полуфеодального-полукapиталистического типа (к чифликчийству), сопровождавшийся резким ухудшением положения крестьян, усилением их эксплуатации. Кроме кабалы турецких помещиков, крестьянин был обременен налогами турецкому государству. Крестьянин страдал не только от экономического, но и политического гнета, который лишал его элементарных политических прав. В Османской империи царил продажность в ее государственном аппарате. Не соблюдалась даже видимость законности. Налицо было полное национальное бесправие болгарского крестьянина. К кабале турецких феодалов прибавлялась еще эксплуатация со стороны своей растущей буржуазии (чорбаджиев), которая опутывала долговыми обязательствами болгарского крестьянина и в результате захватывала его землю.

Развитие капиталистических отношений происходило и в городе¹⁹. В рассматриваемый период наблюдался дальнейший рост капиталистической мануфактуры, ломавшей старые феодальные порядки в области орга-

¹⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 372.

¹⁸ «История Болгарии», т. I, стр. 216—236; Д. Косев. Новая история Болгарии, стр. 82—123; «История на България», т. I, стр. 355—361; А. Ф. Миллер. Краткая история Турции, М., 1948, стр. 32—33.

¹⁹ Развитие капиталистических отношений привлекает постоянное внимание как историков Болгарии, так и СССР. За последние годы вышли работы: Ж. Натан. Към въпроса за първоначалното натрупване на капитала в България. — «Известия на Економическия Институт», кн. 1—2, 1954, стр. 13—46; Д. Косев. Към изясняване на някои проблеми от историята на България през XVIII и начало на XIX в. — «Исторически преглед», 1956, № 3, стр. 26—62; Хр. Гандев. Към развитието на промишления капитализъм у нас през Възраждането. — «Исторически преглед», 1954, № 4, стр. 81—116; Н. Т. Тодоров. К развитию мануфактуры в Болгарии во второй четверти XIX века. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XVI, 1958, стр. 109—150.

низации ремесла. Центрами возникновения капиталистической промышленности и торговли в Болгарии становились города, куда стекались болгарские крестьяне и ремесленники, бежавшие от грабежей и насилий турецких пашей и беев. Вокруг городов складывались экономические районы и местные рынки. Важными торговыми центрами в северной части придунайской Болгарии стали Русе, Свиштов, Габрово, Тырново, Варна. К югу от Балкан выросли такие города, как Пловдив, Адрианополь, Сливен, Пазарджик, Бургас и др.

Экономическое развитие Болгарии создавало необходимые предпосылки для формирования национального рынка. Это был период становления болгарской нации как исторической категории эпохи поднимающегося капитализма. «Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нацию»²⁰. Однако свободное развитие капиталистических отношений, образование общенационального рынка тормозилось турецкой феодальной системой. Отсутствие основного условия буржуазного приобретения, как писал Ф. Энгельс, а именно — обеспеченности личности купца и его собственности, создавали несовместимость турецкого господства с капиталистическим строем²¹.

По мере развития торговли и промышленности во второй четверти XIX в. сделан был значительный шаг в формировании болгарской буржуазии. Как отмечает Д. Косев, внутри класса буржуазии отчетливо определились два слоя: крупная торгово-чорбаджийская и мелкая торгово-промышленная. Д. Косев связывает образование чорбаджийства как высшего слоя болгарской буржуазии с развитием капиталистических отношений в городе и деревне. Торгово-чорбаджийскую буржуазию составляли богатые торговцы и ростовщики, откупщики государственных налогов, поставщики турецкой армии. Экономическая сила чорбаджиев заключалась главным образом в денежном капитале. Благодаря своему экономическому положению чорбаджии сумели стать во главе болгарских городских и сельских общин, что использовалось ими для их дальнейшего обогащения²².

Чорбаджийская буржуазия, будучи экономически и политически связана с военно-феодальным турецким режимом, выступала как реакционная сила. Однако на рубеже первой и второй четверти XIX в. известная ее часть принимала, как увидим ниже, участие в национальном движении, преследуя свои сугубо классовые эгоистические цели.

Что касается городской мелкой торгово-промышленной буржуазии, то большая часть ее была активной силой в борьбе против турецких феодалов.

К концу первой четверти XIX в. имелись уже известные основы идеологии болгарской буржуазии, заложенные первыми ее представителями: Паисием Хилендарским и Софронием Врачанским. Главной социальной опорой прогрессивных слоев болгарской буржуазии в национальном движении было болгарское крестьянство, более всех заинтересованное в освобождении не только от национального, но и социального гнета турецких феодалов.

Начало XIX в. ознаменовалось широким массовым движением народных масс Болгарии против турецких захватчиков. Первые вооруженные

²⁰ И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 303.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 22.

²² Д. Косев. Новая история Болгарии, стр. 115—116. Профессор С. А. Никитин также определяет чорбаджиев как представителей кулацкого землевладения и торгово-ростовщического капитала (см. «История Болгарии», т. I, стр. 223—224).

выступления болгарского крестьянства в XIX в. происходили в районе северо-западной части Болгарии, на границах Сербии, где складывались благоприятные условия для борьбы болгарского народа в связи с сербским восстанием 1804 г. Большое влияние на рост национально-освободительного движения в Болгарии оказали успехи России в войне против Турции в 1806—1812 гг. Кульминационным пунктом его было образование в 1811 г. болгарского земского войска. Боевое содружество болгарского народа с русскими воинами имело огромное влияние на дальнейшее развитие дружбы двух народов.

К этому времени относится не только формирование идеологии болгарской буржуазии, но и появление ее первой политической программы, установление политических связей деятелей болгарского национального движения с Россией²³ (в Петербург направляется первая болгарская депутация). У болгарских общественных деятелей накопился уже известный опыт политических взаимоотношений.

После русско-турецкой войны 1806—1812 гг. национально-освободительное движение в Болгарии продолжалось и достигло известного подъема в 1821 г., когда вспыхнуло греческое восстание. И хотя в стране восстания не произошло, болгары участвовали как в отрядах Александра Ипсиланти и Тудора Владимиреску в Румынии, так и на греческой территории.

Накануне войны 1828—1829 гг. в Болгарии создались социально-экономические предпосылки для нового взрыва национально-освободительного движения. Нет никакого сомнения, что вековой грабеж болгарского народа турецкими феодалами не мог не породить народного движения. А столкновение двух держав, России и Турции, успехи России в войне не могли быть не использованы болгарами для своего освобождения. Это понимали и турецкий султан и русский царь.

Султан предупреждал своих правоверных в прокламации 8 декабря 1827 г., что войной воспользуются христиане, чтобы «сокрушить до основания Оттоманскую империю»²⁴. Турецкие власти задолго до войны изыкали оружие у болгар, закрыли все частные пороховые предприятия²⁵.

Возникновение восточного кризиса заставило Россию внимательно следить за развитием национального движения на Балканах, в частности в Болгарии. Однако отношение русского царизма к национально-освободительной борьбе балканских народов было чрезвычайно противоречивым. С одной стороны, царизм, будучи олицетворением помещичьего феодального строя, не мог поддержать народного выступления на Балканах, антифеодального по своей сущности. Царизм, естественно, оценивал национальное движение как бунт народа против «своего законного» государя. Александр I, получив известия о греческом восстании в Лейбахе, где происходил очередной конгресс «Священного Союза», быстро согласился с мнением западных держав об осуждении греческого восстания, отказался поддержать греческих повстанцев²⁶. Более того, царь распорядился назначить в поход в Европу для борьбы с «гидрой революции» в Италии три дивизии из состава 2-й армии²⁷, которая предназначалась для действий на Дунае.

²³ См. подробнее об этом: В. Д. Конобеев. Русско-болгарские отношения в 1806—1812 гг. — «Из истории русско-болгарских отношений», М., 1958.

²⁴ Н. Епанчин. Указ. соч., ч. I. Приложения, стр. 7—8.

²⁵ Центральный Государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. ВУА, д. 4479, л. 93; там же, ф. МА, оп. 183, св. 978, д. 204, л. 34.

²⁶ А. Ф. Фадеев. Указ. соч., стр. 47—48.

²⁷ Пушкинский Дом, ф. Киселева, копия рескрипта Александра I Витгенштейну от 8 апреля 1821 г.

Подчеркивая свою поддержку «Священному Союзу», Александр I с трибуны Веронского конгресса в ноябре 1822 г. заявил: «Я первый должен показать верность началам, на которых я основал союз. Один случай представился к тому — восстание в Греции»²⁸.

С другой стороны, царизм при осуществлении своих классовых интересов на Балканском полуострове, требовавших активного военного вмешательства, не мог не считаться с фактом освободительной борьбы народов и, чтобы не утратить своего политического влияния среди них, вынужден был заигрывать с ними и даже выступал с политикой покровительства. Однако верх всегда брали страх перед народным выступлением, боязнь влияния антифеодальной борьбы на русскую армию, крестьянскую по своему классовому составу.

Эти противоречия нашли свое яркое отражение, как в зеркале, в политике царизма по отношению к болгарскому национальному движению, в военных планах русского командования.

Военные планы русской армии начали готовиться с самого начала восточного кризиса. Первый вариант был разработан начальником Главного штаба генералом И. И. Дибичем в июле 1821 г.²⁹

Хотя в политических планах царизма и не стоял пока вопрос о Болгарии, но поскольку вероятным театром военных действий должна была стать часть этой страны, при составлении военных планов нельзя было обойти проблемы взаимоотношения с национальным движением болгарского народа. Правящие круги России, естественно, предполагали, что при вступлении русской армии в Дунайские княжества, а особенно на территорию Болгарии, болгары не останутся безучастными. В первом варианте военного плана 1821 г. Главного штаба болгарам отводилась пассивная роль. Они должны были прикрывать фланг армии под Разградом и вести наблюдение за некоторыми перевалами, т. е. только «подкреплять» русский отряд³⁰.

К этому же времени относятся интересные мысли о возможном участии болгар в войне полковника Главного штаба Чуйковича, который в одном из вариантов операционного плана (4 августа 1821 г.) считал необходимым после занятия Валахии установить связь с сербами, послать к ним два егерских и два казачьих полка с конной артиллерией. Командование отрядом поручить русскому генералу, пользующемуся доверием сербского народа, «коего диверсия с таковым отрядом будет весьма полезна прикрытием операций правого нашего фланга». Основные силы русской армии, перейдя Балканы в их восточной части, вступив в Румелию, должны «овладеть странойю богатою, хлебородною и населенною большей частью болгарами, которые притесняются там торгующими турками, более чем в других местах, примут против турок оружие, а посему и нужно иметь запас оного на флоте»³¹.

Не последнее место в плане занимает содействие болгар в снабжении продовольствием русской армии за Балканами. Чтобы обеспечить поддержку русской армии со стороны болгар, необходимо обратиться к ним с прокламацией, в которой предложить им защиту и покровительство³². Но все это были только предположения офицера штаба, которые, естественно, не могли получить официального признания, так как практически привели бы к «бунту» против «своего», хотя и турецкого, государя.

²⁸ Н. Шильдер. Император Александр I, т. 4. СПб., 1905, стр. 259.

²⁹ Н. Епанчин. Указ. соч., ч. I, стр. 160.

³⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18186, л. 2.

³¹ Там же, д. 4395, л. 92—93, 97.

³² Там же, лл. 101, 102.

Вопрос о военном плане вновь встал в марте 1826 г., когда русский ультиматум Турции необходимо было подкрепить военной демонстрацией на Дунае. И. Дибич в мае того же года сообщил главнокомандующему 2-й армией фельдмаршалу П. Х. Витгенштейну «план действий российских войск против Турции», в основу которого был положен план 1821 г., хотя русская армия должна была ограничиться только занятием Молдавии, Валахии и части Болгарии (до Троянова вала)³³. Вопрос о взаимоотношениях с болгарским национальным движением в этом плане был обойден молчанием.

В Петербурге в Главном штабе также продолжалась разработка планов ведения войны. Эту работу выполнял генерал-квартирмейстер П. П. Сухтелен. В результате им были составлены две записки от 27 и 28 сентября 1826 г.³⁴

В итоге при обсуждении в сентябре 1826 г. сложились следующие соображения о национальном движении. П. Сухтелен писал: «В случае если из единоверцев наших вызовутся охотники вступать в российскую военную службу, то таковые решительно отклонять»³⁵. И. Дибич сделал к этому добавление: «Или составлять из них особенные гарнизонные батальоны». Наконец, главнокомандующий 2-й армией П. Витгенштейн высказался за то, чтобы вопрос оставить пока открытым: «Запрещение или дозволение принимать в российскую военную службу единоверцев, кои бы пожелали вступить в оную, зависеть должно от дальнейших соображений и обстоятельств»³⁶.

Таким образом, в Главном штабе в Петербурге считали недопустимым участие болгар в войне даже на условиях вступления их на русскую службу, в крайнем случае им разрешалась охрана уже освобожденных городов. Болгарскому народу опять отводилась пассивная роль. Правда, в штабе 2-й армии, как видим из заключения П. Витгенштейна, придерживались того мнения, что вопрос о военном сотрудничестве с христианами следует решать в конкретной обстановке. Но политику делали в Петербурге, не особенно считаясь с мнениями командования армии.

Последний план военных действий был изложен И. Дибичем в конце 1827 г. и одобрен Николаем I³⁷. Однако и согласно окончательному варианту активного участия болгарского народа в войне не допускалось. Особым рескриптом Николай I обращал внимание П. Витгенштейна на сохранение «спокойствия» и в придунайских княжествах³⁸.

Развитие восточного кризиса к концу 1827 г. привело к русско-турецкой войне. Турецкое правительство, поощряемое Англией и Австрией, желавшими закрыть для России выход из Черного моря и подорвать ее влияние на Балканах, 18 декабря 1827 г. объявило о расторжении всех прежних русско-турецких договоров. Султан провозгласил войну с Россией³⁹.

Болгарское национально-освободительное движение вновь становится предметом обсуждения и в Петербурге и в штабе 2-й армии. В начале 1828 г., когда война была поставлена в порядок дня и вступление русской армии в Болгарию стало неизбежным, появилось несколько новых проектов.

³³ Н. Епанчин. Указ. соч., ч. I, стр. 160.

³⁴ Там же, стр. 165.

³⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4395, л. 36; там же, д. 4650, л. 37.

³⁶ Там же.

³⁷ Н. Епанчин. Указ. соч., ч. I, стр. 245, 289—290, 303.

³⁸ ЦГВИА, ф. 29, д. 161, ч. 13, л. 2.

³⁹ Социально-экономические предпосылки войны, ее характер и цели мы не рассматриваем, поскольку это не относится к нашей теме. О них см.: А. В. Фадеев. Указ. соч.

Заслуживает внимания прежде всего записка выдающегося русского флотоводца адмирала Д. Н. Сенявина, который в войне 1806—1812 гг. так умело наладил военное сотрудничество с народами Балканского полуострова на Адриатическом побережье. Он писал Николаю I: «Я осмеливаюсь предложить вашему императорскому величеству о сформировании на первый случай нескольких сотен горных воинских народов на вседневное употребление в аванпостах для надзирания и прояснения дефилеов и вместе с сим для ограждения наших регулярных войск от бесполезной и чувствительной потери»⁴⁰.

Николай I разрешил Д. Н. Сенявину «начертать в подробности» предложения о сформировании горного передового отряда.

По мнению Д. Н. Сенявина, Россия должна была помочь болгарам развернуть борьбу как на севере, так и на юге страны, для чего необходимо обратиться к ним с прокламациями, чтобы «отстранить от жителей тот страх, который они питают ко мщению турок по окончании войны, ибо Россия часто жертвовала ими». Так, главное условие активизации вооруженной борьбы он видел в покровительстве болгарам после войны, в предоставлении им некоторой независимости.

Самым трудным и неразрешимым вопросом для всех проектов был вопрос о классовой опоре царизма в организации вооруженной борьбы в Болгарии. На кого можно положиться, какая социальная сила может удержать народное движение в дозволенных рамках? Призрак революционных действий масс стоял перед всеми авторами проектов. Д. Н. Сенявин, сын своего класса, также не мог не заметить это. Среди болгар хотя и можно было бы действовать через тех, кто помогал князю Инсильанти при восстании греков, «но, вероятно, средство сие будет отстранено, дабы не смешивать правое ополчение России со своевольным восстанием греков». Так исключались активные элементы национального движения. Выход один — действовать «посредством духовенства, которое имеет большое влияние на сих народов, и весьма способно на таковое дело». Далее он предлагал использовать болгарскую эмиграцию в Молдавии, Валахии и Бессарабии, ее связи с Болгарией.

Организацию войска Д. Н. Сенявин считал возможным начать еще в Дунайских княжествах в виде небольших отрядов, которые «будут, так сказать, рассадником горного передового войска». Командование горными отрядами можно поручить только русским офицерам. Но они должны учитывать нравы народа. В вооруженную борьбу против Турции, по мнению Д. Н. Сенявина, необходимо включить и сербов и черногорцев, у которых «дух возмущения и ненависти к Порте, питаемый издавна, неоднократно обнаруживался»⁴¹.

При всей классовой ограниченности взглядов на принципы сотрудничества с национальным движением осуществление проекта Д. Н. Сенявина объективно способствовало бы расширению движения, пробуждало бы массы к активной борьбе против турецкого ига.

В начале 1828 г. в Главный штаб поступили еще два пректа: итальянского эмигранта, служившего тогда в русской армии, полковника Л. Серристоры, и французского эмигранта генерала А. Ф. Ланжерона, главного начальника бугских и черноморских казаков и пограничной линии. Обе записки объединены в общее «дело по предмету учреждения земского войска в Булгарии по занятии сей страны»⁴². Л. Серристоры в «проекте

⁴⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4414, л. 2.

⁴¹ Там же, лл. 3—6.

⁴² Там же, ф. МА, оп. 182 а, св. 36, д. 5.

вооружения жителей Болгарии»⁴³, рассматривая территорию Болгарии как основной театр будущих военных действий, предлагал помочь болгарам организовать партизанскую войну против турок. Для начала он советовал при русской армии создать из эмигрантов, поселившихся в Бессарабии и Дунайских княжествах, добровольческий конный болгарский полк, который должен стать ядром партизанской войны болгар на Балканах. Для вооружения болгар организовать склады оружия и боеприпасов на занятой русскими войсками территории на правом берегу Дуная. Л. Серристори предлагал всеобщее вооружение населения. Болгарское духовенство и в этом проекте выступает в качестве опоры России.

Генерал А. Ф. Ланжерон, участник русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в записке «Замечания о болгарях» поддерживает проект Серристори⁴⁴. Турецкий гнет, по мнению А. Ф. Ланжерона, толкает болгар на борьбу с султанскими войсками. В организации одного-двух конных или пеших болгарских полков, по его мнению, болгары увидят гарантию расположения к ним России. Полки послужат ядром, вокруг которого под русским знаменем соберется большое число болгарских крестьян, особенно в Румелии. Командный состав полков рекомендовалось комплектовать из отставных казачьих офицеров Буга. Проект Серристори в Главном штабе в Петербурге был встречен более чем осторожно. В отзыве неизвестного автора на проект Серристори и записку Ланжерона говорится, что хотя проект и кажется заманчивым, следует ограничиться формированием из переселенцев двух пеших рот болгарских стрелков, каждая из которых будет присоединена к корпусу русской армии. Болгарские добровольцы, хорошо знающие топографию театра военных действий, могут оказать полезную помощь русской армии. Проявляя осторожность к ним, две роты могут быть увеличены «во время остатка компании», если эта маленькая попытка удастся⁴⁵. Массовое народное движение, хотя и направляемое болгарским духовенством, при русских офицерах во главе болгарских полков пугало командование царской армии.

Наконец, особый интерес представляет обстоятельная записка генерал-майора С. Тучкова под названием «Сведения о Северной Болгарии с присовокуплением некоторых необходимых примечаний»⁴⁶, датированная 1 апреля 1828 г. Штаб 2-й армии еще в 1827 г. привлек к работе по сбору сведений о Болгарии С. Тучкова, находившегося в отставке. В прошлую русско-турецкую войну 1806—1812 гг. он имел связи с болгарскими, и проживая теперь в Измаиле, не порвал личных общений с болгарской эмиграцией⁴⁷. В начале 1828 г. С. Тучков, по представлению П. Витгенштейна, назначается Николаем I земским комиссаром северной части Болгарии. Учреждение такой должности предусматривалось в военных планах⁴⁸.

Поскольку перед С. Тучковым стояла конкретная задача — организация временного военно-административного управления в занятой части Болгарии, — он дал более или менее и обстоятельные сведения о ее экономическом и политическом положении, о классовом составе болгарского общества. С. Тучков правильно подметил, что Болгария по сравнению

⁴³ ЦГВИА, ф. МА, оп. 182 а, св. 36, лл. 7—11. Л. Серристори по долгу службы проводил осмотр границ на юго-западе России, где собрал некоторый материал о Болгарии, ее населении и топографии.

⁴⁴ Там же, л. 11—15.

⁴⁵ Там же, лл. 5—6.

⁴⁶ Там же, лл. 15—18.

⁴⁷ Там же, ф. ВУА, д. 4479, л. 181.

⁴⁸ Там же, ф. МА, оп. 182 а, св. 36, д. 3, л. 25; оп. 183, св. 1039, д. 30, л. 19; ф. ВУА, д. 4395, л. 6.

с Молдавией, Валахией и Сербией, где имеются некоторые органы самоуправления, лишена элементарных политических прав. Все административные должности снизу доверху в стране занимают турецкие чиновники. «Турки до того притеснили болгар, что даже не позволяют им учиться грамоте на природном их языке и обращают единственно к земледелию и подобным тому работам». Исключение представляли лишь чорбаджии, которые выполняли обязанность старост. Они назначались по воле турецких пашей на несколько лет, пожизненно или даже в наследство.

Будущего земского комиссара, как предполагаемого руководителя русского гражданского управления, интересовали экономика и экономические отношения страны. В деревне они определялись тем, что «все земли принадлежат казне и все вообще как и христиане, так и турки платят десятину». Зависимость христианского населения от государства заключалась в многообразии налогов, которые перечисляет С. Тучков в записке. Он подметил и развитие товарно-денежных отношений в стране. Основными предметами торговли были зерно, вино, мед, сало, кожи, шерсть, шелк и лес. В стране существовала система таможен. «Таможни находятся во всех крепостях и на границах каждого аянства и пашалыка, в которых взимается пошлина со всех привозимых и ввозимых товаров по три процента. Сии таможенные сборы отдаются... на откуп самим пашам и аянам Болгарии».

Что касается классового состава болгарского общества (С. Тучков именует как «сословии народа»), то в Болгарии «дворянства вовсе нет и весь народ разделяется только на три разряда: духовенство, купечество и земледельцев, в прочем все оные не имеют никаких особых преимуществ, исключая некоторой малой разницы в податях».

Подводя итоги, С. Тучков делает заключение: «В Молдавии, Валахии и Сербии начальники наши найдут готовые правительства и остается им только смотреть за порядком, а в Болгарии не найдем мы ни правительства, ни чиновников». Как и другие деятели царской России, он испытывает затруднения в том, на кого же опереться в Болгарии? И если в княжествах «степени высших и прочих чиновников занимает тамошнее дворянство, а в Ионических островах был сенат и сие же сословие составляло оный, напротив того в Болгарии вообще нет дворянства, оно с давнего времени искоренено турками»⁴⁹. Итак, самая верная возможная социальная опора — класс болгарских помещиков — отсутствует, вот в чем видит он трудности России в проведении своей политики в Болгарии.

Поэтому С. Тучков предлагает составить временное правление при комиссаре из депутатов, которые избираются от каждого сословия по одному от округа. Депутатское собрание, как он громко именует этот совещательный и исполнительный орган, работает в месте пребывания комиссара и рассматривает гражданские, уголовные и казенные дела. В его заседаниях принимают участие и русские чиновники, работающие при земском комиссаре. Большинство в собрании принадлежало бы духовенству и торговцам вместе с русскими чиновниками. Такой имущий класс, как нарождавшаяся болгарская (торговая) буржуазия, а также духовенство — вот социальные силы, на которые могла опереться Россия в занятых в Болгарии областях.

В записке С. Тучкова даны рекомендации в отношении национального движения. Для борьбы с турецкими разбойничьими шайками, всякого рода вооруженными пройсками Порты на освобожденной русской армией территории он предлагает создать «из числа *благонадежных* (курсив

⁴⁹ Там же, д. 5, л. 15.

наш. — В. К.) тамошних жителей» на первый случай небольшой волонтерский отряд. И только потом уже приступить к учреждению земского войска, состоящего из конницы, легкой пехоты и легкой артиллерии⁵⁰.

Каков же был общий итог политики царской России по отношению к национальной борьбе болгарского народа в начале войны? В конечном счете итог всем суждениям подвел Николай I, душитель малейшего проявления свободолобивой мысли внутри России. Во внешней политике царизм не мог допустить сотрудничества с освободительным движением. Все проекты, так даже классово ограниченные и робкие, были им отвергнуты. Так, записка Д. Н. Сенявина, составленная по «соизволению» самого царя, осталась лежать без движения в делах армии. Проекты Серристор и Ланжерона были пересланы в штаб 2-й армии с визой И. Дибича, чтобы П. Киселев сделал свое заключение, хотя прекрасно знал, что Николай I допускает только участие болгар из Бессарабии и то лишь в русских полках на правах вольноопределяющихся⁵¹. А из переписки главнокомандующего армией П. Витгенштейна видно, что он еще в феврале 1828 г. получил от Николая I «высочайшее воспреещение на формирование волонтерских войск»⁵².

Боязнь самостоятельного демократического движения среди «опекаемых» народов — вот одна из причин, определявшая политику царизма по отношению к освободительному движению болгарского народа. Царь и помещики вели на войну крепостных мужиков, которых всячески оберегали от соприкосновения с антифеодальным движением болгарских крестьян.

Таким образом, реакционная сущность политики царизма была одной из причин сдержанного отношения к освободительной борьбе болгарского народа. Однако, чтобы создать видимость покровительственного отношения к болгарскому народу и сохранить политическое влияние России в Болгарии, Николай I допускал возможным образование отряда из болгар. В этой связи интересна судьба предложения С. Тучкова. Его мысль о формировании отряда «из благонадежнейших» болгар была поддержана в штабе 2-й армии. П. Киселев просил И. Дибича доложить об этом Николаю I и отпустить вооружения и снаряжения на 1000 человек⁵³. При условии строго классового набора из «благонадежнейших жителей Болгарии» царь считал возможным создание такого отряда, который вместе с русскими частями поддерживал бы порядок в занятых русской армией районах Болгарии. Но чтобы болгар — участников войны не подвергнуть преследованию и мщению со стороны турок за приверженность к России, он разрешал приступить к формированию только в том случае, если волонтеры «согласятся и обяжутся по заключении мира с Оттоманской Портою переселиться в Россию»⁵⁴.

Что касается предложений С. Тучкова о принципах учреждения временных органов управления в Болгарии, то они претерпели значительные изменения и в окончательном виде были введены только в июле 1829 г., и будут рассмотрены нами ниже.

Наконец, одна из главных причин отрицательного отношения царизма к национальной борьбе в Болгарии заключалась и в той неблагоприятной международной обстановке, в которой Россия начинала войну, при вра-

⁵⁰ ЦГВИА, ф. МА, оп. 182 а, св. 36, д. 5, л. 18.

⁵¹ Там же, л. 13.

⁵² Там же, оп. 183, св. 868, д. 13, л. 5.

⁵³ Там же, оп. 182 а, св. 36, д. 5, л. 21.

⁵⁴ Там же, л. 22.

жебной позиции Англии и Австрии по отношению не только к России, но и к национально-освободительному движению славянских народов. Английское правительство в меморандуме от 24 февраля 1828 г. прямо заявило о недопустимости восстания турецких христиан, а Австрия готовилась при этом к вторжению в Сербию и в Дунайские княжества⁵⁵.

Политическая линия царизма нашла свое отражение в тех документах, которые были опубликованы в начале войны. 14 (26) апреля 1828 г. был объявлен манифест о войне с Турцией и одновременно опубликована декларация, в которой до сведения европейских держав доводились условия будущего мира: присоединение к России Анапы и Поти, уточнение русско-турецкой границы в дельте Дуная, обеспечение автономии Дунайских княжеств и Сербии, восстановление прав русской торговли и свободы навигации в проливах и «умиротворение Греции» с последующим предоставлением ей автономных прав⁵⁶. Хотя битва за политические цели войны должна была проходить на территории Болгарии, ни в манифестах, ни в декларации, ни в других официальных документах царизма о судьбе этой страны ничего не говорилось.

Нежелание активизировать освободительную борьбу болгарского народа нашло отражение и в обращении главнокомандующего П. Витгенштейна к болгарам. Воззвание тщательно обсуждалось в Министерстве иностранных дел и еще накануне объявления войны Николай I написал на нем: «Быть по сему»⁵⁷. В обращении нет и намека на будущее Болгарии. Болгары призывались стать «свидетелями завоевания твердого мира и восстановления договоров российским оружием». Естественно, нет и намека о призыве болгар к вооруженной борьбе против иноземного гнета, участие болгар в войне допускалось только в форме снабжения русской армии продовольствием. «Болгары всех состояний!»⁵⁸ Не удаляйтесь от ваших жилищ, домашних занятий и промыслов. Снабжайте армию по мере возможности необходимым для движений и продовольствия ея в сем крае». Обращение проникнуто боязнью народного вооруженного движения против турецких феодалов. Более того, под видом борьбы с национальным антагонизмом главнокомандующий предупреждал, что никто не смеет применять насилия, и «первые нарушители спокойствия везде наказаны будут без лицемерия».

Однако независимо от желания царизма русско-турецкая война пробудила в болгарском народе надежду на освобождение от турецкого ига и послужила толчком к усилению национальной борьбы болгар. Царизм был вынужден считаться с фактом ее объективного существования и в ходе войны менять к ней свое отношение.

* * *

Национально-освободительное движение болгарского народа во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. по размаху, степени участия в нем народных масс и в какой-то мере задачам можно разделить на три периода.

Первый период охватывает 1828 год, когда война шла пока на территории Дунайских княжеств и небольшой части Болгарии. В национальном

⁵⁵ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 200.

⁵⁶ «Собрание Трактатов и конвенций», т. XI. СПб., 1895, стр. 378.

⁵⁷ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярии, 1828 г., д. 12 107, лл. 37—38. Воззвание в болгарском переводе было опубликовано болгарским историком В. Д. Стояновым («Периодическое списание на българского книжовно дружество», кн. 47, София, 1894, стр. 794—795).

⁵⁸ В тексте на французском языке сказано: «Bulgares de toutes des classes!».

движении принимает участие главным образом болгарская эмиграция Молдавии, Валахии и России.

Второй период — 1829 год. Военные действия были перенесены на территорию Болгарии, в национально-освободительную борьбу включаются широкие народные массы города и деревни, в юго-восточной части Болгарии она принимает форму вооруженного восстания.

Третий период составляет 1830 год, когда из Болгарии выводятся русские войска, а внутренние силы делают попытку поднять восстание.

Рассмотрим национальное движение 1828 г. В канун войны оживилась политическая деятельность болгарской эмиграции в России, особенно в Бессарабии. Еще в 1812 г. сюда перешло почти целиком болгарское земское войско, принимавшее участие в русско-турецкой войне 1806—1812 гг., ополченцы которого сохранили известные связи с родиной и надежды на ее освобождение. В сентябре 1815 г. они обратились к командованию 2-й армии с просьбой об организации болгарского войска на правах войска Донского, об отводе им казенных земель. Движение тогда носило ярко выраженный антифеодальный характер, болгарские крестьяне через организацию войска рассчитывали оградить себя от кабалы молдавских помещиков.

Другой причиной, побуждавшей их к организации болгарского войска, было желание объединить все перешедшие в Россию силы и сохранить их для продолжения борьбы с турецкими угнетателями при возникновении подходящей ситуации, чтобы к ним могли присоединиться болгары «скорбящие и ныне под игом турецким», — писали в 1815 г. бывшие болгарские волонтеры⁵⁹.

Просьбу болгарских ополченцев горячо поддержал тогда А. П. Юшневский, будущий декабрист-революционер, служивший при командующем 2-й армии по дипломатической части. Но в Петербурге считали нежелательным допустить организацию болгарского войска.

Теперь, со вступлением России в войну, по мнению болгарских волонтеров, пришло время для освобождения родной страны от иностранных захватчиков. В феврале 1828 г. болгарские крестьяне из Бессарабии обратились через Новороссийского губернатора к командованию 2-й армии с просьбой разрешить им «при нынешних политических обстоятельствах» принять участие в войне на положении Донского казачьего войска⁶⁰. Таким образом, болгарская крестьянская эмиграция еще раз попыталась воссоздать болгарское войско, так успешно боровшееся в рядах русской армии в 1811 г., когда командующим был М. И. Кутузов. Поскольку главную массу болгарских переселенцев составляли крестьяне, то и классовый состав будущего болгарского формирования определился бы как крестьянский.

Однако болгарских патриотов ждало разочарование. Крепостник Ф. П. Пален, временно управлявший Новороссийской губернией и Бессарабской областью, дал отрицательное заключение на обращение болгар, пугая П. Витгенштейна вредностью подобных формирований. Предупреждение Ф. Палена было уже излишне. П. Витгенштейн отвечал: «Имея в виду высочайшее воспрещение на формирование волонтерских войск, я не могу удовлетворить сей просьбы»⁶¹.

Такое запрещение было естественным проявлением официально принятой политики царизма. Болгарское войско, крестьянское по своему со-

⁵⁹ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 25, д. 22, л. 1—3. Подробнее об этом В. Д. Конобеев. Русско-болгарские отношения в 1806—1812 гг.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 868, д. 13, л. 4.

⁶¹ Там же, л. 5.

ставу, возбудило бы против турецких феодалов народное движение, что не входило в планы царизма.

Одновременно в штабе 2-й армии была получена просьба такого же содержания от бывших болгарских волонтеров, проживавших в Кишиневе⁶². Это были ремесленники и представители болгарской торговой буржуазии.

Брожение среди болгарской эмиграции в России за создание отдельного болгарского отряда было настолько сильным, что Николай I был вынужден сделать болгарам малую уступку. В апреле 1828 г. он через начальника Главного штаба И. Дибича приказал полечителю колонистов Южного края генералу И. Инзову «объявить всем болгарам, поселенным в Бессарабии, что ежели кто из них пожелает служить во время предстоящей компании, то может быть принят в полки 4-й Уланской дивизии с тем, что по окончании войны получают отставку, буде не захочет продолжить службу»⁶³. При этом болгары должны были просьбу о зачислении в армию подавать поодиночке⁶⁴.

Так царизм свел на нет усилия болгарской эмиграции в России создать отдельный вооруженный отряд в составе русской армии.

Реальная помощь русской армии со стороны болгарских крестьян была оказана при переправе через Дунай у дер. Сатуново. В апреле 6 и 8-й корпуса 2-й армии перешли Прут у Рени, Водолуй—Исаки, Леки и Скулян и быстро к середине мая заняли Дунайские княжества. 7-й корпус обложил Бранлов.

В то же время у дер. Сатуново сосредоточился 3-й корпус для переправы через Дунай и занятия Добруджи. Место, избранное для переправы, было неудачно. Левый берег Дуная представлял собой болото, заросшее тростником, по которому пришлось проложить гать длиной около 5 км. Для обстрела гати турки сосредоточили 15 орудий. Здесь в течение двух недель ежедневно работало 30 тыс. рабочих, среди них было много болгар из Бессарабии. Трудом русских и болгарских крестьян к 25 мая постройка гати была закончена. Отличившиеся были награждены медалями⁶⁵.

К началу военных действий в армию прибыл Николай I, считавший себя выдающимся полководцем. Его сопровождала «Золотая Орда» военных советников, штатских сановников и чиновников, адъютантов и ординарцев. Некоторые круги славянской эмиграции решили лично обратиться к царю за разрешением сформировать добровольческий отряд.

Так, 9 мая 1828 г. в крепости Бендеры в императорскую «главную квартиру» прибыли бывшие волонтеры так называемого Хорватского отряда, сражавшегося в рядах русской армии в войне 1806—1812 гг.⁶⁶, а затем участники Гетерии 1821 г. «Повелите... принять нас, — писали они царю, — и дозволейте пригласить желающих следовать с нами единоверцев наших: болгаров, сербов и албанов, коих число на первый случай простирается до 500 человек, состоящих из мужей верных, храбрых и со всею готовностью вооружения на верховых лошадях и с собственным своим

⁶² Там же.

⁶³ Там же, оп. 182 а, св. 36, д. 5, л. 13.

⁶⁴ Там же, оп. 183, св. 866, д. 3, л. 5.

⁶⁵ А. Скальковский. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848, стр. 152.

⁶⁶ Хорватский отряд действовал в составе русской армии в 1806—1812 гг. После заключения Бухарестского мира он перешел в пределы России. Хорватский отряд возглавлял «сербский булгар Вучич». Николай Вучич был одним из организаторов защиты Бухареста в 1806 г. В отряд входили болгары, валахи и сербы. Численность отряда составляла 320 человек (подробнее см. В. Д. Конобеев. Указ. соч., стр. 220, 225).

оружием»⁶⁷. По мнению инициаторов создания смешанного отряда, 500 человек эмигрантов должны были только положить начало освободительному движению в странах, в которые вступит русская армия. Своеобразно выражая эту мысль, они писали: «Если же всевышний творец поможет нам за знаменами российскими обратиться к своему отечеству, то надеемся иметь гораздо умножительное количество».

Что касается цели движения, то она выражена в чрезвычайно общей постановке: как «дань преданности нашей к защитникам веры», как надежда «некогда увидеть и родину нашу, которую указывает нам русское оружие, избавляющее оную от ига иноверцев».

Из целей отряда вытекали и принципы его организации. Во главе отряда должны были стать наиболее храбрые, отличившиеся в боях, «доброго поведения» соотечественники, т. е. активные элементы национального движения начала XIX в. Руководители обязывались находиться в безусловном подчинении русской армии в политическом и военном отношении: «... мы обязуемся, — писали они, — и клянемся перед всемогущим богом быть верными и усердными к престолу, храня подчиненность и исполняя в самой точности все приказания будущих над нами военно-начальников и до тех пор не положим оружие наше, доколе продолжится война противу врага веры»⁶⁸. Свои военные усилия они предлагали направить на разведку занятых турками районов, на действия в передовых частях русской армии, чтобы «быть достойными внимания славных сынов России».

И несмотря на то, что все прошение пересыпано клятвами быть «верными и усердными к престолу» и делать «все, что нужно будет к пользе государства Российского», Николай I не удостоил его ответа. Более года ожидали волонтеры того дня, «когда... объявлено будет желанное соизволение государя императора», — жаловались они в марте 1829 г. во втором своем прошении. Царь занял ту же позицию, что и по отношению к волонтерам болгарского войска. Претендуя на роль жандарма Европы, он не разрешил даже такое ограниченное, с абстрактными требованиями освободительное движение, руководители которого и не помышляли выходить за рамки политики официальной России.

Только небольшой группе болгар удалось принять участие в военных действиях. Когда русская армия в 1828 г. стояла под Шумлой, охотники провели разведку турецких войск, дорог к Константинополю⁶⁹.

Какое же отношение к событиям заняла болгарская эмиграция в Дунайских княжествах, ее движение в 1828 г.?

Народ Молдавии и Валахии тепло приветствовал вступление русской армии, которая шла утвердить автономию княжеств, положить конец бесчинствам турецких пашей, погромам турецких войск, вторгавшихся в страну. Авангард русского корпуса был встречен далеко еще «по дороге к Бухаресту с живейшим восторгом, ... не доходя Бухареста, авангард встречен митрополитом, членами Дивана и всеми почетными жителями. В предместьи и городе все народонаселение покрывало крыши зданий и улицы, изъявляло радость свою о приходе войск русских кликами: «Ура!», — так описывается эта встреча в донесении⁷⁰. Из г. Краева также сообщали, что казаки «были встречены как избавители»⁷¹.

⁶⁷ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее — ЦГИАЛ), ф. 673, оп. 1, 1828 г., д. 379, л. 3—4.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, л. 2.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4592, л. 4.

⁷¹ Там же, л. 36.

Приход русских войск пробудил у болгарской эмиграции в княжествах большие надежды на освобождение Болгарии от турецкого ига. Оживилась ее политическая деятельность. Организация вооруженной борьбы болгар связана здесь с именем славного сына болгарского народа Георгия Мамарчева, известного по русским документам под именем Георгия Буюкли⁷², который создал вооруженный отряд в 1828 г.

Георгий Буюкли (1786—1846 гг.) уроженец м. Котел, имел уже достаточный военный опыт, принимал активное участие в вооруженной борьбе болгар во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Некоторые историки высказывают предположения о его участии в греческом восстании 1821 г.⁷³

Основным источником, на который опирались историки при изучении событий 1828 г., как говорилось в начале статьи, были воспоминания Г. Раковского. Его сообщение, хотя в основе своей и правильное, но чрезвычайно краткое, обычно и пересказывалось во всей старой и новой исторической литературе. История возникновения отряда, его действия, социальный состав, цели борьбы не нашли своего отражения в литературе. Собранные в советских архивах документы позволяют до некоторой степени восполнить этот пробел.

Следует отметить, что Г. Раковский правильно называет Г. Мамарчева предводителем «самовольного военного отряда, составленного из болгар»⁷⁴. Отряд Г. Мамарчева возникает действительно вопреки политике царизма. Царские генералы были поставлены перед фактом существования отряда, они вынуждены были искать оправдательные мотивы для объяснения возникновения болгарского формирования.

Отряд волонтеров был создан весной 1828 г. после вступления русской армии в Бухарест. Организаторами его были Г. Мамарчев и капитан Панайоти Фокияно⁷⁵, родной брат руководителя болгарских добровольцев в греческом восстании в Румынии в 1821 г. сливенца Саввы Бинбаши, погибшего в сражении с турками.

Социальный, классовый состав отряда раскрывают частично сами волонтеры. В письме от 29 августа 1830 г. на имя П. Киселева они просят русскую администрацию в княжествах помочь им в самом необходимом для жизни: «Теперь нуждаемся в одеянии и даже дневном пропитании», оградить их от различных повинностей и поборов княжеской администрации и чиновников «чтобы мы не были считаемы наравне с прочими жителями в отправлении разных повинностей»⁷⁶.

В отряд влился мелкий торговый и ремесленный люд из болгарской эмиграции городов Дунайских княжеств, а также болгарские крестьяне, находившиеся в зависимости от молдавских и валахских бояр. Через Диван бояре просили главнокомандующего П. Витгенштейна оградить их от побегов крестьян, чтобы они не могли «воспользоваться свободой и безнаказанностью»⁷⁷. Граф Ф. Пален поддержал требования помещиков. Через все преграды, чинимые боярами и всем чиновничьим аппаратом княжеств, в отряд все-таки пришли и крестьяне, о чем свидетельствует просьба

⁷² На одном из его рапортов значится подпись: «Начальник волонтерской команды капитан Буюклу» (ЦГВИА, ф. МА, оп. 3 а, св. 27, д. 452, л. 10). Раскрывая содержание слова «капитан», И. Липранди сообщает, что оно «означает буквально начальник, господин и потому не должно смешивать с европейскими капитанами» (ЦГИАЛ, ф. 673, оп. 1, д. 222, л. 14).

⁷³ С. Романски. Указ. соч., стр. 179—180.

⁷⁴ Г. Раковский. Указ. соч., стр. 217.

⁷⁵ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 868, д. 13, л. 10; д. 14, л. 37.

⁷⁶ Там же, оп. 3 А, д. 172, л. 8—13.

⁷⁷ Там же, оп. 183, св. 868, д. 13, л. 6.

волонтеров об отмежевании «земли для населения» и об освобождении от земских повинностей⁷⁸. В основном это были представители трудового народа, изгнанные из родной страны как активные участники национально-освободительного движения в прошлом.

Что касается социального положения руководителей движения, то они относятся к более состоятельной части эмиграции, располагавшей минимум средств для формирования отряда. Так, Панайоти сообщает в одной из своих записок, что отряд он создал «на собственном... коште... успел... их экипировать и вооружить всем нужным для военного человека»⁷⁹.

Известными суммами располагал и Г. Мамарчев. Волонтеры, которые пришли в отряд по его приглашению, говорят о том, что они были вооружены и экипированы «единственно попечением и собственностью помянутого Буюклея» (Г. Мамарчева. — В. К.)⁸⁰. Часть волонтеров явилась в отряд с собственным оружием и на собственных лошадях.

Национальный состав отряда был сравнительно пестрым. Больше всего было болгар, меньше валахов, молдаван, греков. В отряде служили сербы и албанцы. Отряд насчитывал около 275 человек. Всех их объединяла ненависть к турецким угнетателям.

И вот, когда части 6-го пехотного корпуса готовились форсировать многоводный Дунай при Туртукае (у м. Фундени), в распоряжение русских войск прибыл болгарский отряд, вооруженный ружьями самых разнообразных систем, словно взятых на прокат из военно-исторического музея. Одежда волонтеров была самого разнообразного покроя, от богато украшенной, до одеяния бедняка. Половину отряда составляли конники; те, кто не имел коня и не получил его от предводителя, шел в пешем строю.

Отряд русских войск, которым командовал генерал Л. Рот, палач декабристов, душитель героев Черниговского полка, не имел средств для переправы у Туртукая. В частях не было людей, умеющих управлять на быстром течении Дуная даже простыми лодками, никто из офицеров не знал форватера реки. Прибытие болгар было более чем кстати. «Проклятый Рот», как именovali его современники, вынужден был вопреки запрещению царя использовать в войне против Турции болгарский отряд, обратиться в трудную минуту к Панайоти и Мамарчеву. Однако это не было еще утверждением права болгар на ведение борьбы с турецкими поработителями. Как только Л. Рот получил приказ перебросить свой отряд к Гирсову, где в начале июня была учреждена переправа через Дунай, и необходимость в помощи болгар отпала, он запретил им следовать в Болгарию вместе с русской армией.

Вопреки запрещению волонтеры Мамарчева и Панайоти подошли к Гирсову, сели в крестьянские лодки, переехали на правый берег Дуная, переправив своих лошадей вплавь. Конники-болгары ходили вместе с казаками в разведку, несли аванпостную службу, пешие — чинили дороги, пристани, шли в авангарде русских войск в качестве проводников, участвуя в стычках с турецкими войсками⁸¹.

Отряд Л. Рота был назначен для окружения Силистрии (две дивизии, всего около 10 тыс. человек). Турецкий гарнизон насчитывал 15 тыс. че-

⁷⁸ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 868, д. 14, л. 36.

⁷⁹ Там же, д. 13, л. 23—24. И. Липранди в своих записках дает такие сведения о Панайоти: «Паньит, одушевленный мщением за брата, продал в Бухаресте каменный дом, и вместе с прочей наличностью употребил все на формирование отряда из отличных и известных людей, которых вооружил, купил для них лошадей, некоторым одеяние и давал жалованье в продолжение всей войны» (ЦГИАЛ, ф. 673, сп. 1, д. 222, л. 15).

⁸⁰ ЦГВИА, ф. МА, оп. 3 а, д. 172, лл. 8—13.

⁸¹ Там же, оп. 183, св. 868, д. 13, л. 10.

ловек⁸². 9 июня русские войска подошли к Силистрии. Здесь произошло упорное сражение с вышедшими из крепости турецкими войсками. Плечом к плечу с русскими воинами 31 и 32-го егерских полков сражались болгары, завоевав теперь своей кровью право на существование отдельного болгарского отряда в рядах русской армии.

Первые донесения, полученные в главной квартире, с известием о боевых действиях болгар вызвали у главнокомандующего П. Витгенштейна недоумение и возмущение. В главной квартире армии не могли понять — откуда взялся болгарский отряд. П. Витгенштейн приказал немедленно выслать болгар в княжествах и распустить волонтеров. Роту пришлось оправдываться перед главнокомандующим: он был вынужден высказать вопреки желанию более объективную оценку боевым делам болгарского отряда. Рассказав в начале рапорта о самовольной переправе болгар на правый берег Дуная, он продолжал: «Столь большое рвение помогать нам в крае, где не осталось ни одного жителя для показания дорог, я не видел никакой неудобности позволить им следовать за корпусом, тем более, что они ничего от нас не требовали, исключая отпуска на первый случай небольшого количества сухарей. А как они служили наравне с казаками, коих не более 300 человек состоит, как при отправлении аванпостной службы, так и в бывших стычках и в деле 9-го числа, где имели несколько убитых и раненых, то в уважение усердия их, хорошего поведения и храбрости, получив приказ вашего сиятельства от 23 июня, долгом поставляю, прежде отправления болгар сих, довести до сведения Вашего сиятельства и осмеливаюсь всепокорнейше просить, во уважение изъявленных причин, позволить оставить их при корпусе»⁸³.

П. Витгенштейн вынужден был пойти на уступку: «булгары, — писал он, — могут до времени оставаться...» Болгарским волонтерам было не только разрешено «до времени оставаться», но и Витгенштейн приказал Роту представить соображения о сформировании из болгарской эмиграции войска, «могущего в настоящую войну быть для нас полезным»⁸⁴. Эта уступка была вырвана у царских генералов героическими действиями волонтеров. Кроме того, на использование добровольческих формирований в составе русской армии толкала сама необходимость, трудности, которые армия переживала в июле 1828 г.

Планируя войну, Главный штаб русской армии, во главе которого стоял самоуверенный И. Дибич, допустил непростительный просчет, что явилось одной из главных причин неудач военных действий в 1828 г. Для решения главной стратегической задачи войны на основной театр военных действий — Балканский полуостров — выделялась только 2-я армия, в которой числилось вместе с нестроевыми, музыкантами, жандармами, обозными 115 563 человека. Боевую силу армии составляли 94 638 человек (75 141 пехотинец, 15 389 конников, 14 108 казаков)⁸⁵.

Общее состояние армии было неудовлетворительным. Во главе армии стоял бездарный и престарелый фельдмаршал граф П. Х. Витгенштейн. Хотя начальником штаба и был образованный и энергичный, тогда еще молодой генерал П. Д. Киселев, но он не имел особого опыта боевой оперативной штабной работы. Командиры корпусов были подстать главнокомандующему. Характеризуя генералов армии, Киселев восклицал: «Что за несчастная богодельня сделалась из 2-й армии!»⁸⁶.

⁸² Н. Епанчин. Указ. соч., т. I, стр. 435.

⁸³ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 868, д. 13, л. 10.

⁸⁴ Там же, л. 9.

⁸⁵ Н. Епанчин. Указ. соч., т. 1, стр. 414.

⁸⁶ Киселев к Закревскому от 13 июля 1819 г. — Сб. РИО, т. 78, стр. 17.

В армии испытывался недостаток офицеров. Лучшие из участников Отечественной войны 1812 г. были изгнаны, гордость русской военной мысли — декабристы-офицеры — томились в далекой Сибири. Армия была плохо обучена в боевом отношении, поскольку главное место в учении солдат отводилось подготовке к парадам и смотрам.

На Балканском полуострове Турция противопоставила армии в 150 тыс. человек (в зоне проливов — 37, в Адрианополе — 30, в Шумле и Варне — около 20, в Добрудже и крепостях на нижнем Дунае — до 30, прочих гарнизонах — до 35 тыс.⁸⁷). Война застала турецкую армию в тот период, когда еще военная реформа, проводившаяся с целью создания регулярной армии европейского типа, не успела дать всех положительных результатов. По мнению Ф. Энгельса, турецкие войска «хороши для внезапных активных шагов в наступательных действиях и пригодны к упорному сопротивлению при обороне, но для больших комбинированных операций с большими армиями они, очевидно, не годятся...»⁸⁸. Турецкая армия в организации и тактическом отношении уступала русской. Однако в ее распоряжении были естественные препятствия (Дунай и Балканский хребет), а также многочисленные крепости, которые упорно оборонялись турками.

Командование русской армии рассредоточило по Балканскому театру войны и так немногочисленные войска. Третью армию (7-й корпус) находилась под крепостью Браилов, осадой которой руководил бездарный вел. кн. Михаил Павлович, младший брат царя. Плохо подготовленный и плохо организованный штурм крепости 3 (15) июня обошелся русской армии в 2747 человек. Но мужество русского солдата деморализовало турецкий гарнизон. 5 (17) июня турки вступили в переговоры, а 7 (19) июня они подписали соглашение о сдаче крепости, гарнизону которого разрешалось уйти в Силистрию.

Хотя вслед за падением Браилова турки сдали Мачин, Гирсов, Кюстенджи и Тульчу, русская армия не могла решить исход войны в свою пользу. Россия оказывалась вынужденной держать в Валахии 4-й Резервный кавалерийский корпус (6,5 тыс. человек), который должен был прикрывать ее от вторжения турецких войск и противостоять вторжению войск Австрии, враждебно относящейся к России. 10 тыс. человек были прикованы к Силистрии. Поэтому к Шумле, где было сосредоточено 40 тыс. лучшего турецкого войска, 8 (20) июля под предводительством самого Николая I могло выступить только 30 тыс. человек. Часть войска пришлось выделить для охраны этой армии (со стороны Варны и Балкан).

Таким образом, вся вторая армия в июле была так разбросана, что о взятии и Шумлы и Варны не могло быть и речи.

Вот почему Витгенштейну пришлось согласиться на использование болгарского отряда и даже робко высказать мысль о возможности в дальнейшем формирования болгарского войска из эмиграции.

Боевой путь сынов болгарского народа изобилует многими героическими подвигами, о чем рассказывают дошедшие до нас донесения командиров русских частей, вместе с которыми действовал болгарский отряд. Еще на подступах к Силистрии болгарские волонтеры разделились на два отряда — на отряд Панайоти и отряд Г. Мамарчева.

⁸⁷ Н. Епанчин. Указ. соч., т. 1, стр. 417. Примечание: Г. Мольтке дает другие цифры, по его данным, Турция на Балканском полуострове имела 127 тыс. (см. Г. Мольтке. Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828 и 1829 гг. Вып. II. СПб., 1876, стр. 38). Данные Н. Епанчина основываются на проверенных документах.

⁸⁸ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. М., 1938, т. II, стр. 71.

Отряд Панайоти объединил главным образом конников, и действовал он вместе с казаками на суше, очищая от турецких разбойничьих шаек правый фланг русских войск, осаждавших крепость. С 20 июля (ст. ст.) русско-болгарский конный отряд выполнил важное задание — он вел бои с частями иррегулярной турецкой конницы по дороге Силистрия—Пазарджик, чтобы восстановить коммуникации с главными силами армии, расположенными под Шумлой⁸⁹. Болгарские конники отличались смелостью в бою и тем заслужили уважение русских казаков. Командир казачьего полка, в содружестве с которым действовал отряд Панайоти Фокияно, генерал-майор Бегидов, подводя итоги боевой деятельности болгарских волонтеров, доносил, что к полку «был прикомандирован... для отправления службы молдавский сердарь Панайот Фокияно, с 120 волонтерами из сословия грек и булгар, который с оною командою его (содержа ее на своем счету) во все время блокады крепости Силистрии употребляясь на аванпосты и в партии для открытия неприятеля по опасным лесным местам, исполнял возлагаемую на него обязанность с истинным усердием и точностью»⁹⁰.

Затем болгарский конный отряд в конце кампании 1828 г. был переброшен через Бухарест в Малую Валахию. Здесь болгарские волонтеры вместе с казаками охраняли левый берег Дуная, ведя стычки с отдельными турецкими командами, переправлявшимися через Дунай⁹¹. Генерал П. Киселев, высоко оценивая большие заслуги болгар, писал, что они «во всех стычках и делах против неприятеля отличаются примерным мужеством и храбростью»⁹². Особенно героически вел себя сам Панайот, отличавшийся честностью и прямоотой. В одной из боевых схваток болгары овладели неприятельскими пушками, за что Панайот был награжден орденом Владимира 4-й степени с бантом⁹³.

Отряд Г. Мамарчева объединял главным образом всех пеших волонтеров и действовал на Дунае.

Деление болгарского отряда произошло не только по родам войск. В основе разделения лежали и социальные различия двух этих обособившихся болгарских отрядов. На это, в частности, указывает И. Липранди, которому в 1829 г. было поручено формирование единого отряда волонтеров при русской армии. В записках «О партизанской войне вообще и в особенности о партизанах 1828 и 1829 годов» он конников Панайота характеризует как «известных людей», а пеших волонтеров как людей бедных, а их предводителя Г. Мамарчева называет человеком «беспокойного характера»⁹⁴. В отряде Г. Мамарчева остались в основном плебейские элементы болгарской эмиграции.

О боевой деятельности отряда Г. Мамарчева сохранился такой ценный документ, как упоминаемое выше прошение волонтеров к генералу П. Киселеву, датированное 29 августа 1830 г.⁹⁵ Первая часть прошения раскрывает путь команды от ее создания до конца войны. Это своеобразный краткий журнал боевых действий отряда, данные которого подтверждаются донесениями командиров русских частей.

⁸⁹ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 868, д. 13, л. 23—24.

⁹⁰ Там же, л. 64.

⁹¹ Там же, л. 55.

⁹² Там же, л. 92.

⁹³ ЦГИАА, ф. 673, оп. 1, д. 222, л. 16.

⁹⁴ Там же, л. 15.

⁹⁵ Прощение «Команды бывшей из волонтерской службе составлявшей из 116 человек булгаров и другого звания под начальством капитана Буйюклия» (ЦГВИА, ф. МА, оп. 3 а, д. 172, лл. 8—13).

После битвы у Силистрии 9 июня (ст. ст.), где еще единый болгарский отряд сражается с турками вместе с 31 и 32-м егерскими полками, волонтеры Мамарчева действовали на Дунае. Дунайская русская флотилия еще не подошла к Силистрии, на Дунае находились турецкие суда. Чтобы попасть на левый румынский берег Дуная, русским воинским командам надо было делать окружной путь через переправу у Гирсова. Перед болгарами была поставлена задача установить связь с левым берегом реки, с румынским городом Калараш. Отряд не имел переправочных средств. И вот в ряде боевых стычек волонтеры отбивают у неприятеля несколько больших и малых лодок, превращают их в военную «флотилию», занимают лежащие между Силистрией и Каларашем три острова, лишив турецкий гарнизон возможности заготавливать здесь дрова и сено. Переправляясь на своих суденышках через Дунай, волонтеры не раз появлялись у стен Силистрии. В один из таких налетов они сожгли сарай, в которых турки хранили дрова, сено и другие припасы для гарнизона. Болгары захватывали у неприятеля скот и доставляли его русскому корпусу.

«Флотилия» болгар пополнилась отбитыми у неприятеля несколькими большими лодками, из них они построили несколько паромов для перевозки русскому отряду продовольствия из Румынии, помогая русской армии в перевозке мелких команд, офицеров, курьеров, охраняя их от неприятеля. Трудно переоценить оказанную ими помощь русской армии. Своеобразная «флотилия» действовала почти в течение месяца, пока не подошли к Силистрии суда Дунайской флотилии.

Дунайская флотилия также пользовалась поддержкой болгар. Они разгружали суда, перетаскивали на берег артиллерии, пушки, снаряды к ним, а ночью вместе с русскими моряками промеряли в рукавах Дуная форвартер, чтобы разведать наиболее удобные места, с которых русские суда могли бы вести обстрел Силистрии.

Пожалуй самой замечательной страницей истории боевой славы болгарского отряда в 1828 г. были его действия на Дунае между Рушуком и Силистрией. Турецкий гарнизон, оборонявший Силистрию, непрерывно получал помощь водным путем из Рушука. Надо было прервать или хотя бы затруднить эту связь. Болгарская «флотилия» через Каларашское озеро и р. Боту вышла на просторы Дуная выше Силистрии. Против устья р. Боты на большом острове на Дунае болгары сразились с турками, охранявшими остров, и разбили их, захватив восемь языков в плен. На своих утлых суденышках волонтеры не раз появлялись здесь на Дунае, делая смелые набеги на турецкие мелкие суда, захватывая их с командами, курьерами и продовольственными припасами. А в сентябре болгары отбили у неприятеля и большое судно, плывшее из Рушука в Силистрию с различными припасами.

В документах о блокаде Силистрии в октябре 1828 г. упоминаются и болгарские волонтеры⁹⁶.

Героическое поведение болгар было отмечено награждением Г. Мамарчева орденом св. Анны 3-й степени с бантом⁹⁷.

По окончании кампании 1828 г. отряд Г. Мамарчева расквартировался в румынском селении Чукунешти, охраняя его «без всякой перемены другими войсками, оберегая пункт сей от внезапных нападений неприятеля со всею нашею рачительностью, претерпевая холода, стужи и ненастные погоды», — сообщают волонтеры⁹⁸.

⁹⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4835, л. 49.

⁹⁷ ЦГИАЛ, ф. 673, оп. 1, д. 222, л. 15.

⁹⁸ ЦГВИА, ф. МА, оп. 3 а, д. 172, лл. 8—13.

Стихийно, явочным порядком в 1828 г. возникли еще два отряда волонтеров в Малой Валахии: отряд под командой капитана Алекси, «человека простого, но храброго», замечает И. Липранди, и отряд Милко Петровича. О волонтерах из отряда Алекси мы располагаем скудными сведениями. Это был небольшой пеший отряд в 50 человек, находившийся на передовых позициях, отличавшийся исполнительностью боевых поручений⁹⁹.

Милко Петрович, брат известного воеводы Велко Петровича, из «сербских булгар», сформировал отряд, который насчитывал от 150 до 200 человек¹⁰⁰. В отряд вошли бывшие участники первого сербского восстания, оказавшиеся в оппозиции к князю Милошу Обреновичу, а также участники волонтерских отрядов 1806—1812 гг.

Национальный состав отряда был пестрым. Здесь служили сербы, болгары из Сербии и Болгарии, греки, валахи. Отряд Милко Петровича отличался боеспособностью. Вместе с русскими солдатами он участвовал в ряде боев с турками. За смелые действия отряда и личную храбрость, проявленную в сражении при Боелешти, Милко Петрович был награжден золотой саблей с надписью «князю Милко Петровичу, за храбрость»¹⁰¹.

Милко Петрович, как скупно говорят документы, установил связь с единомышленниками из Неготина, где имелось болгарское население, и предложил командованию русской армии какой-то план вооружения населения против турок¹⁰². Появление отряда на границах Сербии вызвало чрезвычайно отрицательную реакцию сербского князя Милоша Обреновича, который просил правительство России запретить всякую политическую деятельность Милко Петровича, а отряд распустить¹⁰³.

Исходя из принятого курса политики, Николай I через К. В. Нессельроде потребовал от командования армии категорически отвергнуть предложения Милко Петровича, «принятие коих, — писал К. Нессельроде, — решительно отвергнуто его императорским величеством». Чтобы не обострять отношений с Милошем Обреновичем, Николай I приказал командованию армии немедленно решить вопрос о судьбе отряда, так как его существование «сопряжено было бы с неудобством при настоящих обстоятельствах»¹⁰⁴.

Командование армии решило этот вопрос своеобразно. Отряд был переброшен с сербской границы на восток, к Шумле, а Милошу Обреновичу было сообщено о его роспуске¹⁰⁵.

Вот общая картина развертывания национального движения болгарской эмиграции в 1828 г. в форме вооруженной борьбы против турецких угнетателей. По приблизительным подсчетам за оружие взялось около 550

⁹⁹ ЦГИАА, ф. 673, оп. 1, д. 222, л. 16; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4585, л. 2.

¹⁰⁰ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 868, д. 13, л. 50, 85. Примечание: Велко Петрович и его брат Милко происходили из крестьянской семьи с. Леновци Чернореченской нахии, большинство населения которой составляли болгары. Отряд воеводы Велко, состоявший в большей части из болгар, был наиболее боеспособным в войске Кара-Георгия. Милко, после гибели брата Велко, в отряде которого он состоял, эмигрировал в Бессарабию. В документах русской армии он именуется как «князь Милко Петрович».

¹⁰¹ ЦГИАА, ф. 673, оп. 1, д. 222, л. 14.

¹⁰² ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 868, д. 13, л. 86; ф. ВУА, д. 4476, л. 196.

¹⁰³ Там же, л. 206.

¹⁰⁴ Там же, л. 196.

¹⁰⁵ Там же, д. 4422, л. 24. Командир русского отряда в Малой Валахии генерал Ф. Гейсмар, провожая Милко Петровича в штаб 2-й армии, писал П. Киселеву: «Важные услуги, оказанные им мне в прошедшую кампанию, обязывают меня ходатайствовать о благосклонном к нему внимании. Примерная неустрашимость его, знание края и малой войны против турок, обнадеживает в том, что он может быть употреблен с пользою» (ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 868, д. 13, л. 119).

человек. Несомненно, вооруженная борьба приняла бы гораздо больший размах, если бы из движения не были исключены болгары Бессарабии, бывшие волонтеры болгарского земского войска и других отрядов 1806—1812 гг.

Главную социальную силу движения составляли народные массы, различные категории трудящихся слоев городского люда и крестьянства. Движение носило стихийный характер, не было централизовано в своей организации. Но эти люди уже не оплакивали свое вековое рабство, а стремились с оружием в руках бороться против угнетателей Болгарии. Надо отдать должное и руководителям движения, особенно такому сыну болгарского народа как Г. Мамарчев, который, несмотря на все препоны официальной политики России, сумел поднять трудовой народ на активную борьбу против турецких поработителей.

В июле 1828 г., когда болгарские волонтерские отряды упрочили свое положение при русской армии, когда основные силы русской армии находились под Шумлой, в главную квартиру прибыл «поверенный болгарского народа» Александр Павлович Некович, чтобы просить Николая I взять Болгарию под защиту и покровительство России, как это было сделано в отношении Греции, Сербии и Дунайских княжеств. Естественно, эмиграционные буржуазные болгарские круги в Бухаресте стремились использовать в своих интересах поднявшееся народное движение, высказать свои политические требования о национальном положении Болгарии.

В исторической литературе миссия А. Нековича известна. В старых курсах истории Болгарии наиболее полно она освещена И. Пастуховым, который пересказал документы без анализа классового содержания миссии¹⁰⁶. В новых курсах первым, кто показал социальные силы, которые стояли за миссией А. Нековича, является профессор Д. Косев¹⁰⁷. Однако он сделал это в общем виде, во вводной части к разделу о национальном движении во второй четверти XIX в., говоря, что часть торгово-промышленной болгарской буржуазии вынашивала планы политического освобождения Болгарии.

Нам представляется, что необходимо более подробно раскрыть как историю деятельности А. Нековича и в особенности классовый состав группы болгарской эмиграции, от имени которой он действовал, так и ее связь с национальным освободительным движением в Болгарии в 1829—1830 гг. Следует рассмотреть также исторические связи этой группы болгарской буржуазии с деятельностью Софрония Врачанского, общее для их политических взглядов и эволюцию в планах политического освобождения Болгарии.

Подлинные документы миссии А. Нековича хранятся в Архиве внешней политики России: меморандум, поданный А. Нековичем «от лица всего народа болгарского, рассеянного по разным местам Оттоманской державы» на имя Николая I, доверенность А. Нековичу «подавать ноты, прошения» от имени болгарского народа, объяснительная записка от 30 июля к меморандуму, поданная А. Нековичем главнокомандующему П. Витгенштейну, его же записка от 22 августа 1828 г. о положении болгарской эмиграции в Дунайских княжествах¹⁰⁸.

¹⁰⁶ И. Пастухов. Указ. соч., т. II, стр. 648—651; С. Романски. Българите в Влашко и Молдава, стр. 36—42.

¹⁰⁷ Д. Косев. Указ. соч., стр. 169.

¹⁰⁸ АВПр, ф. ГА, II—I, 1802—1830 гг., д. 2, лл. 133—173. А. Некович подал первый меморандум на имя Николая I через главнокомандующего 30 июля 1828 г. Идентичный меморандум от 3 сентября был им передан Николаю I через свиту царя в Варне на корабле «Париж». В опубликованных С. Романски текстах документов имеются неточности, которые меняют иногда смысл документа.

Полномочия А. Нековичу подписали 13 человек, которые в русских документах именуются как «старшины из разных мест»¹⁰⁹.

Здесь числятся полномочные от Вратцы, Габрово, Систова, Рушук, Трявна, Копривштицы и других районов Болгарии. Чтобы придать юридическую силу полномочиям, группу возглавил архимандрит болгарский Константин, печатью которого скреплены подписи¹¹⁰. На социально-классовый состав этой группы, как представителей торгово-промышленной буржуазии, указывает в воспоминаниях И. Селиминский¹¹¹.

Бухарест был важным центром болгарской торговли¹¹². Здесь образовалось крупное поселение болгарской торгово-промышленной буржуазии, которая вела торговлю и в Болгарии.

Анализ документов показывает, что А. Некович был уполномочен теми же кругами болгарской буржуазии, которые в свое время группировались вокруг Софрония Врачанского и окружали его. В этом отношении интересна сама личность Александра Нековича. Он племянник Афанасия Нековича, одного из болгарских депутатов, ездивших в 1804—1807 гг. в Петербург с ходатайством о покровительстве и присоединении Болгарии к России. Еще при жизни Софрония Врачанского Аф. Некович прочно закрепляет за собой звание «болгарского депутата» при главнокомандующем русской армии на Дунае в войне 1806—1812 гг., через него осуществляются связи главной квартиры Дунайской армии с болгарами. По делам болгар к нему постоянно обращается генеральный консул России в Бухаресте Л. Кирико. По ходатайству главнокомандующего Дунайской армией адмирала Чичагова, Аф. Нековичу как депутату болгарского народа в 1812 г. Александр I подарил бриллиантовый перстень. После смерти Софрония Врачанского (1813 г.) Аф. Некович становится во главе болгарской буржуазной эмиграции в Бухаресте. По ее поручению в 1819 г. он, теперь уже вместе с племянником, Александром Нековичем, более года пребывает в Константинополе, где ведет переговоры с русским послом Г. А. Строгановым о восстановлении прав и льгот, объявленных М. И. Кутузовым для болгарских переселенцев в Дунайских княжествах¹¹³. Нековичи пытаются поставить еще раз вопрос об осуществлении принципов организации переселенцев, разработанных Софронием Врачанским в 1811 г.

Во время русско-турецких переговоров в Аккермане А. Некович находится в Бухаресте, Аф. Некович — в Одессе, чтобы быть ближе к месту встреч полномочных двух держав. С прибытием в Константинополь в начале 1827 г. русского посланника А. И. Рибоьера туда возвращается и Афанасий Некович не без известных надежд вновь поставить перед русским послом и болгарский вопрос. И только арест турецкими властями обрывает его деятельность¹¹⁴, теперь его место занимает Ал. Некович.

В списке подписавших полномочия Ал. Нековичу первым стоит имя Семеона Кипариса из Вратцы, через него болгарский депутат в Петербурге Иван Замбин в 1806 г. ведет переписку с Софронием Врачанским¹¹⁵. Полномочия подписал Димитрий Попский из Трявна, современник событий

¹⁰⁹ Там же, л. 166.

¹¹⁰ Там же, л. 167. В исторической литературе полномочия были изданы П. Кисимовым (П. Кисимов. Указ, соч., ч. IV, стр. 80) как извлечение из архива И. Селиминского. В опубликованном экземпляре числится только 12 подписей.

¹¹¹ «Библиотека Д-р Ив. Селимински», кн. II, стр. 57.

¹¹² «История Болгарии», т. I, стр. 234.

¹¹³ АВПР, ф. ГА, II—I, 1802—1830 гг., д. 2, л. 169.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, л. 98.

1806—1812 гг., автор известной оды, посвященной Софронии Врачанскому. Итак, эти примеры убедительно говорят о живой связи Ал. Нековича с кругами болгарской эмиграции, группировавшейся в начале XIX в. около Софрония Врачанского.

Но дело не только и не столько в этих живых связях. В идеологии, политических связях, национальных требованиях, во взглядах на судьбу Болгарии, на роль России в освобождении их страны от турецкого ига болгарская эмиграция 20-х годов опирается полностью на наследие Софрония Врачанского. Так, меморандум 1828 г. повторяет характеристику турецкого гнета, данную им в 1808 г.¹¹⁶, как воплощение беззакония и грабежей, преследования христианской веры, когда Оттоманское правительство «имело всегда жизнь, честь и собственность сего (болгарского. — В. К.) народа в своей власти». Здесь в своеобразной форме выражена мысль, что турецкий гнет мешает экономическому развитию Болгарии, где не обеспечена ни личность буржуа, ни его собственность.

В обращении 1828 г. к России за покровительством болгары исходят также из сложившихся русско-болгарских отношений в эпоху Софрония Врачанского. «Хотя несколько раз уже несчастный народ сей получал от великой Российской Державы обещания в покровительстве, — говорится в меморандуме, — но по неисповеданным судьбам ли или же по своему несчастью, такового не удостоился, а еще более подвергся многообразным притеснениям по причине единоверия и приверженности к Российской Державе, от которой единственно ожидает себе защиты и спасения»¹¹⁷. В объяснительной записке к меморандуму Ал. Некович прямо ссылается на итоги переговоров первой болгарской депутации в Петербурге в 1804—1808 гг., которая ходатайствовала о покровительстве России болгарскому народу, и ему «обещана была великая милость...» Он напоминает об участии болгар в войне 1806—1812 гг., об уважении к болгарскому народу со стороны русского полководца М. И. Кутузова, о последующих русско-болгарских связях.

В меморандуме также повторяется взгляд Софрония Врачанского на Россию как единственную силу, которая может дать Болгарии покровительство и принести освобождение от турецкого ига, подчеркивается общность религии и языка, приверженность болгарского народа к русскому.

Болгарская буржуазия, как и всякая буржуазия, ставит свои политические требования от имени «всего народа», от имени всего народа она просит оказать ему со стороны России «такого... покровительства, каковым удостоены будут прочие единоверцы, обитающие в Молдавии, Валахии, Сербии и Греции», — сказано в меморандуме¹¹⁸. Другими словами, в 1828 г. она ставит вопрос об автономии Болгарии.

Наличие турецкого феодального господства сковывало развитие товарно-денежных отношений, мешало буржуазии завоевать внутренний рынок, она всецело зависела от произвола турецкой администрации. Экономические факторы толкали эту часть буржуазии на поиски путей освобождения Болгарии, чтобы самой управлять страной, хотя бы в рамках внутренней автономии.

Осуществление автономии сыграло бы большую прогрессивную роль в судьбе Болгарии, в политическом и экономическом развитии страны.

¹¹⁶ В. Д. Конобеев. Указ. соч., 212, 272—273.

¹¹⁷ АВГР, ф. ГА, II—I, 1802—1830 гг., д. 20, л. 164. В публикации С. Романски сказано «ожидает», что дает возможность толковать как желание узкой группы болгар, а не народа.

¹¹⁸ Там же, л. 164.

В документах миссии Ал. Нековича не сформулированы открыто предложения о политическом устройстве Болгарии. в условиях автономии, но в принципе предполагалось осуществить ее по образцу соседних народов. В объяснительной записке Ал. Некович просит «доставить ему (болгарскому народу. — В. К.) яко единоверному, те же самые права и преимущества, коими они (народы Сербии, Валахии, Молдавии и Греции. — В. К.) имеют быть благодетельствованы»¹¹⁹.

Необходимо отметить, что в политических взглядах болгарской буржуазии произошла известная эволюция. Если в 1806—1812 гг., когда буржуазия ставила вопрос о присоединении Болгарии к единоверной России, она не высказывала взглядов о центральных органах той Болгарии, которую возможно было бы «российскому оружию присоединить к Российской империи»¹²⁰, то теперь, в 1828 г., она не двусмысленно говорит о той политической автономии, какой пользовались Молдавия, Валахия, Сербия.

По-видимому, болгарская буржуазия рассматривала получение автономии для Болгарии как шаг по пути полного отделения от Османской империи с помощью России.

Что касается местных административных органов Болгарии, то, по мысли Софрония Врачанского (1811 г.), они должны быть национальными (суды, городское самоуправление и др.). В стране должны осуществляться свобода христианского вероисповедания, равноправие болгарского языка¹²¹, созданы национальные школы. Болгарская эмиграция в 1828 г. к этому, пожалуй, ничего нового не внесла, если судить по содержанию записки Ал. Нековича, поданной П. Витгенштейну 22 августа о «разных обидах», которые болгарам приходится терпеть в княжествах»¹²².

Существовала ли какая-либо связь между болгарской буржуазной эмиграцией в Бухаресте и волонтерскими болгарскими вооруженными отрядами? Мы не имеем данных об участии буржуазных кругов в формировании и материальной поддержке этих отрядов.

В организации миссии Ал. Нековича, видимо, принял участие и Георгий Мамарчев. Свидетельством этому является деятельность некоего Василия Даскала. В 1828 г., находясь в Бухаресте, он посылал документы к Ал. Нековичу в главную квартиру под Шумлу через волонтеров. А в 1829—1830 гг. «Василий из Бухареста» уже вместе с Г. Мамарчевым готовит восстание за Балканами¹²³. Кроме того, в списке отряда Г. Мамарчева числится волонтер Петр Вражилъ, который «находился за депутатом в разных местах»¹²⁴. Далее Ал. Некович, будучи принят в Варне, на корабле «Париж» генералом Делинсгаузенем, военным советником Николая I, дал понять последнему, что болгары желают быть «полезными оружием» русскому¹²⁵. Нет сомнения, что Ал. Некович имел в виду уже действовавшие болгарские отряды и возможность расширения вооруженной борьбы болгарского народа.

Естественно, Г. Мамарчев не мог не поддержать миссию Ал. Нековича, ибо ее цели в известной мере отражали общедемократические требования, в которых были заинтересованы и малоимущие слои как болгарской эмиграции, так и народные массы самой Болгарии¹²⁶.

¹¹⁹ Там же, л. 170.

¹²⁰ «Из истории русско-болгарских отношений», стр. 277.

¹²¹ Там же, стр. 276.

¹²² АВПР, ф. ГА, II—I, 1802—1830 гг., д. 2, л. 171—173.

¹²³ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 721, д. 74, л. 152; там же, св. 1045, д. 51, л. 57.

¹²⁴ Там же, оп. 3 а, д. 172, л. 116.

¹²⁵ АВПР, ф. ГА, II—I, 1802—1830 гг., д. 2, л. 166.

¹²⁶ Подтверждением того может служить записка Ал. Нековича русским властям об улучшении положения болгарских переселенцев в Дунайских княжествах, Молдавии

Итак, требование болгарской эмиграции об автономии Болгарии нельзя рассматривать изолированно от народного движения, без связи с вооруженной борьбой болгарских отрядов, как это все еще имеет место в курсах истории. Борьба за автономию Болгарии составляла политическую цель национально-освободительного движения не только в 1828, но и 1829 и 1830 гг., как увидим ниже.

Как же отнеслась официальная Россия к требованию болгар? С. Романски в одном из примечаний к опубликованным им документам говорит о том, что в Архиве Румынии хранится проект освобождения Болгарии, разработанный в Варне, в ставке царя¹²⁷.

Наши многочисленные поиски этого проекта в Архиве внешней политики России и других архивах СССР, к сожалению, пока не дали положительных результатов. Из найденных нами материалов видно, что в России проявили интерес к миссии Ал. Нековича. Получив болгарский меморандум на борту военного корабля «Париж» 8 сентября, Николай I дал распоряжение генералу Делингаузену «потребовать от означенного Нековича надлежащих объяснений и доказательств о действительности данного ему полномочия от болгарского народа», и потом доложить ему. 22 сентября Делингаузен, получив от Нековича доверенность «за подписью Архимандрита и старшин из разных мест», доложил Николаю I в положительном смысле о болгарях, что они действительно могут быть «полезными оружием нашему»¹²⁸.

В проекте, которым располагал С. Романски, предусматривались границы освобожденной Болгарии, во главе которой предполагался «принц» или «господарь». Болгария должна была располагать войском, созданным с помощью русских офицеров.

В той исторической обстановке предоставление Болгарии автономии было бы, несомненно, объективно прогрессивным явлением. Конечно, царизм при этом преследовал свои субъективные цели. В проекте говорилось, что болгарский народ будет полезен в будущей войне с Портой, поскольку имелось в виду то, что участие Болгарии облегчит России ведение войны.

Однако проект об освобождении Болгарии, как показала история, не был тогда не только осуществлен, но даже и объявлен Россией, ввиду враждебного отношения к таким планам со стороны Англии и Австрии.

Болгарская буржуазия не вышла тогда еще в своей деятельности на международную арену, как это было в национально-освободительном движении других народов Балканского полуострова. Но она все же уже сделала в этом направлении новый шаг, заявив в 1828 г. о своем требовании автономии для Болгарии. Болгарская буржуазия надеялась с помощью России сделать проблему освобождения Болгарии гласной, привлечь к ней внимание международной общественности.

Можно сказать, что возникновением и боевой деятельностью волонтерских болгарских отрядов и миссией Ал. Нековича исчерпывается активное проявление национально-освободительного движения первого периода.

Русская армия в Болгарии встретила пустые селения. Турецкая армия, отступая, угоняла все христианское население. План организации болгарского земского войска, разработанный С. Тучковым, не мог быть выпол-

и Валахии. Ал. Некович просил, чтобы «дань, которую переселенцы обязаны платить ежегодно, ... была умеренна», отменена десятина и другие обременительные налоги, ликвидирована всякая феодальная зависимость болгарских крестьян от помещиков-бояр (АВПР, ф. ГА, II—I, 1802—1803 гг., д. 2, л. 171).

¹²⁷ Р. Романски. Указ. соч., стр. 39—40.

¹²⁸ АВПР, ф. ГА, II—I, 1802—1830 гг., д. 2, лл. 165, 166.

ненным. 24 июня он доносил, что болгары все угнаны турками, по словам некоторых, в Балканские горы, и даже «не могущие следовать преданы мечу». Только несколько десятков человек, скрывавшиеся по лесам, явились к русскому комиссару. С. Тучков просил разрешить ему создать из болгар Бессарабии волонтерский отряд для охраны коммуникаций русской армии от набегов турецких бандитских шаек. Однако Николай I и на этот раз запретил формирование отряда из бессарабских болгар¹²⁹.

Только под Разградом и Шумлой русским войскам удалось отбить у турок две партии болгарских крестьян, которые с величайшей радостью восприняли свое освобождение и в знак благодарности преподнесли русским солдатам 25 голов крупного рогатого скота и 125 баранов¹³⁰.

Практически деятельность русского гражданского управления по внутренним болгарским делам и свелась к устройству этих крестьян¹³¹. Сначала болгарам было предложено переселиться в Бессарабию, на что они ответили отказом. Из Главного штаба предупредили Тучкова, «что никакое насилие, ни в каком случае не должно быть им делаяемо». Все болгарские семьи были поселены в оставленных турками селах, им было разрешено пользоваться не собранным с полей урожаем, пустить в ход оставленные мельницы и т. д.¹³² Из экономических мер гражданского управления следует еще отметить отмену сбора за выпас скота в Добруджи с жителей Бабадагской области¹³³.

В конце июня 1828 г. в организации гражданского управления произошли значительные изменения. Занятая часть Болгарии была разделена на две области: Бабадагскую (где комиссаром оставался С. Тучков) и Базарджикскую (комиссаром которой был назначен генерал-майор Войнов, председатель полевого аудитариата)¹³⁴. Такая организация военной администрации более отвечала интересам армии по обеспечению коммуникаций.

1828 г. для русской армии окончился неудачно. Она заняла только крепость Варну, ни Силистрию, ни Шумлы взять не удалось. Решение стратегических задач войны пришлось отложить до следующего года.

* * *

Наступал 1829 год. Неудачи в кампании заставили командование армии и царя пересматривать планы дальнейшего ведения войны. С этой целью 19 ноября 1828 г. Николай I созвал особый секретный комитет. В результате обсуждения различных проектов продолжения войны комитет высказался за план «войны наступательной», за переход Балкан как стратегическую задачу на 1829 г., за взятие Бургаса, Айдоса, Карнобата и наступление в направлении Константинополя¹³⁵. Однако в отношении политических целей войны не было принято никаких изменений. Вопрос об автономии Болгарии снова не нашел своего положительного решения. Николай I не желал обострения отношений с Англией и Австрией, выступавших в поддержку Порты и против национально-освободительного дви-

¹²⁹ ЦГВИА, ф. МА, оп. 182 а, св. 36, д. 5, л. 26; оп. 1 а, св. 4, д. 6, л. 3.

¹³⁰ Там же, оп. 183, св. 721, д. 74, л. 13; оп. 182 а, св. 24, д. 81, л. 29.

¹³¹ В ведении русского земского комиссара находились еще военные комендатуры и этапные начальники, обеспечивавшие воинский порядок в тылу и охрану коммуникаций армии.

¹³² Там же, св. 36, д. 81, л. 21; д. 22, л. 25.

¹³³ Там же, оп. 1 а, св. 4, д. 19, л. 15.

¹³⁴ Там же, оп. 182 а, св. 26, д. 131, ч. 3, л. 49.

¹³⁵ Н. Епанчин. Указ. соч., ч. 2, стр. 30.

жения балканских народов. Секретный комитет отверг предложение об «ополчении единоверцев»¹³⁶. Поэтому в обращении нового главнокомандующего русской армии ни слова не говорилось о вооруженном выступлении болгарского народа. И. Дибич просил болгар только о снабжении армии продовольствием¹³⁷.

Независимо от субъективных желаний царя и царедворцев болгарский народ поднялся на борьбу против своих поработителей.

Национально-освободительное движение болгарского народа в 1829 г. проходило в двух районах страны: на севере действовали отряды, созданные болгарской эмиграцией Дунайских княжеств; на юге — в Румелии — началось в своеобразных условиях вооруженное восстание.

Боевая деятельность болгарских отрядов на севере страны оживилась весной со взятием русскими войсками в феврале 1829 г. крепости Турну. Отряд Г. Мамарчева, не расходившийся на зиму по домам, помогал русской армии в переброске по Дунаю плашкаутов¹³⁸. Их необходимо было доставить к устью р. Боты для устройства переправы у Силистрии. Болгарским волонтерам вместе с русскими солдатами пришлось проплыть по Дунаю свыше 80 км под обстрелом турецких пушек. Караван был застигнут бурей, не раз атаковывался вражеской флотилией. Смелые совместные действия русских и болгар были отмечены командованием русских войск¹³⁹.

Отважные волонтеры на своей флотилии продолжали действовать на Дунае и самостоятельно. А с началом осады крепости Силистрии они вместе с русскими солдатами находились в траншеях, отбивая ночные вылазки турок, участвуя в разведке¹⁴⁰. Плечом к плечу с русскими солдатами болгары участвовали во взятии Силистрии, в походе армии к Шумле.

В марте 1829 г. воссоздается вновь конный отряд под командой Панайоти Фокиано численностью свыше 100 человек. Он действует до июня на правом фланге русской армии при корпусе П. Киселева «с примерным мужеством и храбростью»¹⁴¹.

В Малой Валахии капитан Алексис весной создал свой отряд, который теперь насчитывал до 90 волонтеров. Отряд проводил постоянные вылазки на правый берег Дуная (от австрийской границы до устья р. Жио). В военно-историческом журнале русской армии даны прекрасные отзывы о боевых делах болгар, а Алексис охарактеризован как человек «необыкновенной предприимчивости и отличной храбрости», не раз с волонтерами переправлявшийся через Дунай и захватывавший турецких офицеров. В документах упоминается помощником Алексиса «капитан Стойко», командовавший отделением в 30 человек¹⁴².

Наконец, Милко Петрович также вновь создал отряд (150 человек), который действовал под Силистрией. Как и в 1828 г., к нему пришли болгары и сербы. Милко Петрович погиб в бою под Туртукаем¹⁴³.

¹³⁶ Н. Епанчин. Указ. соч., ч. 2, стр. 30.

¹³⁷ АВПР, ф. ГА, I—IX, 1829 г., д. 2, лл. 6, 194.

¹³⁸ Плашкаут — плоскодонная барка, применялась для промежуточных опор на плавных мостов.

¹³⁹ В журнале военных действий армии об этом говорится: «при сем случае мы не только не понесли ни малейшей потери, но и завладели турецкой купеческой корветой, взятую охотниками полков Архангельского и Вологодского и арнаутами капитана Буюклея» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4591, л. 338).

¹⁴⁰ ЦГВИА, ф. МА, оп. 3 а, д. 172, л. 8; ф. ВУА, д. 4829, л. 242.

¹⁴¹ Там же, ф. МА, оп. 183, св. 868, д. 13, л. 92.

¹⁴² Там же, ф. ВУА, д. 4822, ч. I, лл. 148, 150, 154, 172, 183.

¹⁴³ Генерал П. Киселев доносил о его смерти: «Князь Милко Петрович вперед казаков и волонтеров бросился на толпу в числе до 70 человек, сильным ружейным

Начало военных действий и в особенности возникновение болгарских отрядов на Дунае вызвали усиление национально-освободительной борьбы в Болгарии. Дальнейшее существование самостоятельных болгарских отрядов, по мнению командования русской армии, могло привести к вооруженному выступлению всего народа, что противоречило планам царизма.

Чтобы ограничить размах выступлений, командование армии решило подчинить все отряды одному начальнику, назначенному из русских офицеров. Формирование такого сводного волонтерского отряда было поручено полковнику И. Липранди, который еще в январе 1829 г. подал записку о создании «корпуса партизанов» из славянской эмиграции для охраны коммуникаций русской армии в Болгарии¹⁴⁴. Однако все попытки И. Липранди сформировать «корпус партизанов» окончились безрезультатно. И только объединение существовавших отрядов дало возможность И. Липранди сформировать в июле 1829 г. «корпус» в 610 пеших и 147 конных волонтеров¹⁴⁵. Отряд И. Липранди успешно действовал в районе Дель-Орманского леса¹⁴⁶.

Военные подвиги волонтеров были действительно значительны, волонтеры успешно участвовали в стычках с турецкими войсками, в разведке тылов противника и т. д.

Создание отряда отрицательно сказалось на развертывании вооруженной борьбы болгарского народа, ибо сковало инициативу ее организаторов. Перед И. Липранди была поставлена задача: «ограничиться набором охотников только в княжествах, но отнюдь не распространяя его на правом берегу (Дуная. — В. К.), чтобы не подвинуть славянских племен к общему восстанию... Получавшиеся мною письменные заявления из разных мест Болгарии с заявлением желанья восстать остались без дальнейшего движения»¹⁴⁷. И действительно, И. Липранди в начале мая получил строжайший приказ И. Дибича, «чтобы набор... не произвел общего восстания болгар»¹⁴⁸.

Надо сказать, что И. Липранди эту задачу выполнил. Всякая попытка к самостоятельному действию болгарских волонтеров запрещалась. Например, около 125 волонтеров в одну из операций пытались уйти из отряда и прорваться к г. Габрово, чтобы поднять там восстание, но они были задержаны И. Липранди и возвращены в отряд¹⁴⁹. В отряде был вынужден находиться и Г. Мамарчев. Правда, имеются сведения, что он также пытался уйти из отряда и «беспрерывно сманивал» к этому своих сторонников¹⁵⁰. Г. Мамарчев мог попасть за Балканы, где стихийно восстал народ, только уже после заключения Адрианопольского мира. Несомненно, при самостоятельной инициативе и действиях болгарских патриотов не исключена была возможность, как увидим ниже, вовлечения в вооруженную борьбу широких масс народа.

огнем стан свой защищавшим, и поразив своеручно нескольких турок, был убит ружейной пулей в грудь; тогда волонтеры и казаки, ожесточенные падением храброго... капитана сего, бросились с яростью на неприятеля и изрубили на месте до 50 и взяли в плен 19 человек...» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4848, л. 303).

¹⁴⁴ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 868, л. 14.

¹⁴⁵ Там же, ф. ВУА, д. 4841, ч. 2, л. 44. В отряд не были включены только волонтеры капитана Алекси, которые действовали до конца войны в Малой Валахии, а затем принимали участие в походе на Вратцу и Софию.

¹⁴⁶ И. П. Липранди. Особенности войн с турками. СПб., 1877.

¹⁴⁷ Там же, стр. 95.

¹⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 673, оп. 1, д. 318, л. 60.

¹⁴⁹ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 1045, д. 51, л. 126; ЦГВИАЛ, ф. 673, оп. 1, д. 222, л. 28.

¹⁵⁰ ЦГИА, ф. III отд., 1 эксп., 1833, д. 154, л. 16.

В северной части Болгарии, в районе Провадия, в 1829 г. самостоятельно действовали только два небольших болгарских отряда по 30 человек. Одним командовал Федор Попов, другим некто Николай¹⁵¹. Оба эти отряда возникли в Варне¹⁵².

Главным районом национально-освободительного движения в 1829 г. стала южная часть Болгарии. Но прежде чем перейти к описанию вооруженной борьбы болгарского народа за Балканами, следует несколько остановиться на вопросе, на какие социально-классовые силы Болгарии ориентировался царизм в проведении своей политики в занимаемых частях страны. Иначе не будет ясна политика царизма по отношению к освободительному движению болгар во второй половине 1829 г.

18 июля 1829 г. И. Дибич утвердил разработанное сенатором Абакумовым «Положение об учреждении окружных и областных правлений в завоеванных за Балканами провинциях»¹⁵³. Этот документ дает возможность раскрыть классовое содержание политики царизма в Болгарии. В историческую литературу он вводится впервые, поэтому ему дан более подробный анализ.

По «Положению» хотя и учреждались «новые» по названию органы, окружные и областные земские правления, но основное содержание политики царизма сводилось к тому, чтобы оставить в неприкосновенности существовавший до прихода русской армии строй. Этот принцип проходит красной нитью через все «Положение»: «Вообще внутренний порядок и устройство городского и сельского управления остается без всякой перемены..., чтобы порядок и устройство внутреннего управления между жителями оставались прежние, без всяких в них перемен», — так определены задачи создаваемых органов.

«Новые» органы должны были, естественно, охранять существовавшие экономические отношения, т. е. феодальные. «Положение» предусматривало, чтобы «равным образом подати и повинности отправляемы были на прежнем же основании», чтобы «взимание податей в деньгах, в продуктах производились неупустительно». Таким образом, основная функция земских управлений сводилась к сохранению в неприкосновенности феодального строя.

На гражданское управление возлагалась обязанность, чтобы и торговля и промышленность в покоренных российским оружием городах и селениях производилась свободно и беспрепятственно. Это означает, что царизм надеялся найти себе поддержку в кругах торгово-чорбаджийской буржуазии, являвшейся своего рода посредником между турецкими властями и болгарским населением. Царизм также рассчитывал на помощь со стороны высшего духовенства, ибо оно не было заинтересовано в социальных изменениях и выступало за сохранение существовавших феодальных отношений. Поэтому органы гражданского управления комплектовались из представителей указанных выше социальных групп.

В окружное земское правление входили: местный архиерей или кто-либо иной из духовного звания, гражданский чиновник, «от которого зависело, до занятия российскою армиею края, управление собственно над христианами», «два или три из почетных жителя, по назначению архиерея или местного чиновника, управлявшего христианами, до вступления войск российских», включались начальник войск или комендант того района, в котором учреждается окружное правление; чиновник интендантского ведомства, по назначению интендантства под названием земского комиссара.

¹⁵¹ Фамилию не удалось установить.

¹⁵² ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 801, д. 102, лл. 7, 9.

¹⁵³ Там же, оп. 1 а, св. 7, д. 73, лл. 2—8.

Что же касается управления в болгарских общинах, то весь аппарат и должностные лица сохранялись здесь в прежнем виде. В «Положении» на этот счет сказано, что к окружному земскому правлению «причисляются все те лица, кои находились при прежнем управлении христианами в каких-либо должностях и по распоряжению окружного правления употребляются к исправлению тех же самых должностей и в том же порядке, как до сего было».

Председательствовал в Окружном земском правлении архиерей, он подписывал журнал правления и все «прочия от онаго бумаги...». Он являлся «во всяком случае выше всех прочих членов в знак уважения, принадлежащего званию его». Разбор споров и дел между жителями предоставлялся исключительно архиерею, «и вообще, — говорится в «Положении», — внутренний порядок и устройство городского и сельского управления остается без всякой перемены»¹⁵⁴.

Если сопоставить проект учреждения так называемого «депутатского собрания» С. Тучкова (он предлагал создавать управления из депутатов от каждого сословия) с разработанным Абакумовым «Положением», то видно, что от проекта Тучкова ничего не осталось. Предоставить право населению избирать депутатов значило бы, до некоторой степени, развязать инициативу народных масс, что ни в какой мере не входило в планы царизма.

В исторической литературе вооруженная борьба болгарского народа в 1829 г. не нашла своего отражения, о ней имеются только отдельные упоминания.

Рассмотрим национально-освободительное движение за Балканами, поскольку оно здесь в активной форме проявляется ранее, чем в других районах.

В начале 1829 г. на левом фланге русской армии произошло значительное событие. Десант Черноморского флота 16 февраля занял г. Сизополь, расположенный на берегу Фаресского залива, южнее крупного по тому времени порта в Болгарии — Бургаса. Таким образом, до начала решающего похода была приобретена база за хребтом Балканских гор. Она явилась надежным убежищем для русского флота и удобным местом, откуда сухопутный отряд мог угрожать неприятельским коммуникациям.

Сизополь был взят русскими моряками уже при активной поддержке местного населения. Отряд военных судов под командованием контр-адмирала Кумани подошел к городу. На берег для переговоров с турками был послан офицер. Но турецкий гарнизон стал разбегаться. Тогда, как записано в журнале боевых действий Черноморского флота, посланный офицер «с находившимися при нем 14 человек гребцами и присоединившимися к сему жителями занял батареи, обратил пушки по перешейку», чтобы преградить путь бежавшему неприятелю. Высадившийся десант овладел городом и близлежащими высотами¹⁵⁵. Весть об этом быстро облетела болгарские города и села южной части Болгарии. В Сизополь стали стекаться болгары из близлежащих деревень, возник вооруженный отряд — Сизопольская болгарская дружина.

Турецкие войска не раз пытались возвратить Сизополь, но все их попытки решительно отражались русским отрядом, вместе с которым в защите города принимала участие и болгарская дружина.

¹⁵⁴ Мы располагаем данными об организации управления в г. Сизополе, где делами ведали «четыре примата» (старшины. — В. К.); в Сливене для управления были назначены также «старшины» (ЦГВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3210, л. 210; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4841, ч. 2, л. 456).

¹⁵⁵ ЦГВМФ, ф. 126, оп. 1, д. 3, л. 22, 23; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4818, л. 12.

Подразделения болгарской дружины уже в феврале-марте 1829 г. провели несколько рейдов в тыл турецких войск «для обозрения неприятельских предместий около Сизополя и других мест», побывали на другом берегу Фаресского залива, в городах Ахиало и Бургасе¹⁵⁶. К 5 мая 1829 г. дружина насчитывала уже свыше сотни волонтеров¹⁵⁷. Главный командир Черноморского флота вице-адмирал А. С. Грейг вынужден был оправдываться перед Николаем I за допущение формирования болгарского отряда, объясняя это малочисленностью русского отряда в Сизополе. Однако самостоятельная организация дружины была упразднена, во главе болгарской дружины был поставлен подпоручик Екатеринбургского пехотного полка Ревельоти.

Создание вооруженного отряда было не единственным проявлением национально-освободительного движения в Сизополе. Ежедневно по собственной воле на строительство укреплений города выходило по 300—450 человек прибывших из деревень болгар¹⁵⁸. Черноморский флот оказывал большую помощь населению в продовольствии.

Для болгарского народа отряд волонтеров в Сизополе был открытой базой для подготовки вооруженного восстания в южной части Болгарии к моменту перехода русской армии через Балканы^{158а}.

Одним из активных организаторов Сизопольской дружины был некто болгарин Мавруди Стайко (так он именуется в русских документах). Когда положение дружины упрочилось, 2 мая 1829 г. он заявил русскому командованию, что он уполномочен тайной болгарской организацией объявить о подготовке за Балканами восстания, связаться с русским отрядом, получить от него материальную помощь, оружие. Инициатива, как объявил Мавруди, исходит от «примата» г. Малко Тырново, который имеет уже 1000 человек, желающих взяться за оружие, и если им дадут оружие, то они с русским отрядом в 500 человек смогут овладеть турецким лагерем, расположенным в Ниаде, разрушить литейный завод в Самакове, который снабжает турецкую армию снарядами¹⁵⁹. Вскоре прибыл еще один болгарский эмиссар, некто Вулкан. Он также повторил сведения Мавруди и объявил, что является одним из членов организации, которая готовит восстание.

Если русское командование готово пойти навстречу болгарам, то за Балканами можно при первом успехе восстания собрать от 15 до 20 тыс. человек¹⁶⁰.

10 мая 1829 г. Вулкан и Мавруди были приняты Главным командиром Черноморского флота А. Грейгом на борту военного корабля «Париж».

¹⁵⁶ ЦГАВМФ, ф. 8, оп. I, д. 15, л. 16—17. В журнале флагманского корабля отряда «Пимен» 22 февраля записано: «По овладении города Сизополя победоносным нашим оружием, жители соответственных с ним мест, состоящие из греков, а большую частью из мирных болгар, известившись об оном, объятые радостью, что спасены, наконец, от ига своих притеснителей мусульманов и во избежание дальнейших бедствий и совершенной гибели от голода и страха, спешат искать убежища и покровительства в недрах... города» (ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 307, л. 45).

¹⁵⁷ Там же, ф. 243, д. 3044, лл. 1—2.

¹⁵⁸ Там же, ф. 243, оп. 1, д. 3202, л. 22.

^{158а} Надо отметить, что еще в 1828 г. с момента возникновения войны, болгары начали готовиться к восстанию: устанавливалась связь между городами южной части Болгарии, связанные посылались в северную часть страны, в Бухарест, налажено было наблюдение за поведением турецких властей и административного аппарата, постоянно собирались сведения о действиях турецких войск и др. Центром подготовки восстания стал г. Сливен, где оживили свою деятельность организации, уцелевшие от греческого восстания 1821 г.

¹⁵⁹ ЦГВИА, ф. 1 (л), д. 3853, лл. 3, 18; ЦГАВМФ, ф. 8, оп. 1, д. 12, лл. 9—10.

¹⁶⁰ Там же, л. 19.

Они изложили свои планы и попросили помощи со стороны России¹⁶¹.

Итак, инициатива подготовки вооруженного восстания исходила от болгарского народа, командование русской армии даже не предполагало такого размаха движения, и сообщение Вулкана и Мавроди было неожиданным для А. Грейга.

Немедленно, после свидания на корабле «Париж», 11 мая, командир Сизопольского отряда генерал Понсет послал в Малко Тырново болгарина Василия Райко с запиской к старшине, чтобы тот подтвердил планы восстания болгар. Пробравшись через турецкие цепи, Василий Райко выполнил задание. Примат (именуется в документах старшина), как видно, проявил некоторое колебание. Прочитав записку, он просил прийти за ответом только на следующий день. Приняв посланца со всеми предосторожностями, он дал устный ответ: «Я нахожусь теперь в центре Турции и ничего не могу предпринять: ибо из числа многих легко может случиться один злоумышленник, который, обнаружив наши затеи, подвергнет и меня и все селения ужасному мщению турок. Русские находятся еще далеко от нас и они, как говорят нам, скоро заключат мир, и Сизополь останется вновь за турками. Коль скоро русские приблизятся к нам, тогда и я весь к услугам их»¹⁶².

На позиции болгар в Малко Тырново оказали влияние два фактора. Во-первых, турки действительно подозревали их в сочувствии к русским; командующий турецким отрядом в Инади доносил султану, что болгары намереваются присоединиться к русским, и просил санкции на подавление движения¹⁶³. Во-вторых, как видно из ответа старшины, болгары были обеспокоены условиями будущего мира, по которому положение Болгарии оставалось без изменений.

¹⁶¹ ЦГАВМФ, ф. 8, оп. 1, д. 12, лл. 17—18. В связи с особым интересом документа, мы приводим его полностью. «Показания двух болгар, Вулкана и Мавроди, прибывших в Сизополь, первый из местечка Чанакчи, а второй — из Граматико.

Все болгары, подобно грекам и прочим жителям христианским ожидают с нетерпением прибытия российского войска для избавления своего от ига и тиранства турок. Главнейшие из них, обитающие в Тирнове, Самакове и Кирк-Клусах, вступили в заговор против турецкого правительства, возбуждая своих единомышленников к восстанию. Сие предпринятое намерение исполняется с довольным успехом, и несколько тысяч уже болгар готовы принять оружие и действовать с нами в брани против турок; но несмотря на первоначальные сии успехи, приматы болгарские к крайнему своему сожалению, увидя невозможность привести столь желаемое свое намерение по неимению, вовсе способов к тому нужнейших, решились уведомить наше начальство о их предприятии и просить скорейшим доставлением им к сему способов и средств.

Для сего избрали они упомянутого болгарина Вулкана, одного из членов заговора и стоящего ныне в Сизополе, и приказали ему объявить в тайне его высокопревосходительству адмиралу нашему о их намерении и испросить его пособия.

В Тирнове, говорят они, имеют около четырех тысяч готовых к вооружению, а в составе с прочими булгарами из других мест, и при глорном малейшем успехе они надеются собрать до 15-ти и даже до 20-ти тысяч человек.

Люди и души (?) готовы, но лишены всех средств; нет ни пороха, ни пуль, ни даже самого оружия. Много, много если могут они вооружить сами около шестисот человек и то оружие может быть негодным к употреблению; а посему они просят доставить им в Тирнов вышесказанного материала и оружие, и прислать к ним не более пятисот человек солдат, с которыми они соединившись пойдут прямо к Самокову, где у турок находится важный литейный завод для приготовления артиллерийских снарядов, а по истреблении сего места идти в Инаду, а там уже под прикрытием наших кораблей и в содействии с флотом истреблять везде, где только найдут неприятеля.

Записал титулярный советник
Иван Ботьанов

10-го мая 1829 г. корабль «Париж».

¹⁶² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4805, л. 21; д. 4705, л. 76.

¹⁶³ ЦГАВМФ, ф. 8, оп. 1, д. 12, лл. 9—10.

И все-таки при всех этих неблагоприятных обстоятельствах болгары были полны решимости взяться за оружие с подходом русской армии.

Какую же политику заняло царское правительство по отношению к готовящемуся болгарскому восстанию?

Трудные обстоятельства, в которых оказалась русская армия, вынудили командование пойти навстречу пожеланиям болгар — предоставить им материальную помощь¹⁶⁴. На этот шаг, как замечает И. Дибич, царское правительство пошло из-за сложившихся «в разгаре упорной войны» трудностей.

Перспектива третьей кампании пугала Николая I не менее, чем И. Дибича. Взаимоотношения с Австрией и Англией при этом были чреватые военными столкновениями. «Международная обстановка была в это время для России еще более неблагоприятной, чем к началу войны с Турцией. Призрак антирусской коалиции, которую пытался сколотить Меттерних, маячил перед глазами царских дипломатов»¹⁶⁵. Внутреннее положение России характеризовалось ростом хозяйственных трудностей, ропотом народа, вызванным рекрутскими наборами и неудачами войны.

Поэтому Николай I полностью согласился с предложениями И. Дибича и А. Грейга о материальной поддержке вооруженной борьбы болгар против турецкой армии. Он разделял все политические аспекты, высказанные ими.

На рапорте И. Дибича Николай I сделал помету: «Отвечать г. Дибичу, что я совершенно уполномочиваю его исполнить на счет болгар все меры, кои предлагаются»¹⁶⁶. 26 мая 1829 г. последовал официальный рескрипт, которым разрешалось А. Грейгу «продолжать вооружение их (болгар. — В. К.) на том же основании, как оно было начато при формировании образованной им дружины из ста человек в Сизополе расположенной»^{166а}.

Мы позволим себе привести здесь выдержку из рапорта И. Дибича царю. Она полностью поможет вскрыть причины, почему царское правительство вынуждено было пойти на это. «Соображая все сии обстоятельства, — писал И. Дибич, — я должен перед вашим императорским величеством открыться, что столь важная диверсия, которую мы ожидать можем от содействия за Балканами болгар, откроет нам врата в Ромелию и Балканы... С переходом нашим за Балканы найдем мы сильную опору нашим действиям в сем народе воинственном и готовом жертвовать жизнью для спасения себя и своего имущества. Он приготовит нам по возможности продовольствие и мы найдем в нем искреннего союзника, а он в нас своего избавителя».

Что же касается болгарского народа, он действительно искренне верил в Россию. По словам К. Маркса, балканские народы видели в лице России своего освободителя... «Чтобы ни случилось, они ожидают из Петербурга своего мессию, который освободит их от всех зол...»¹⁶⁷.

Царские генералы, как и сам царь, не могли быть искренними в своих отношениях к болгарскому народу. Однако они вынуждены были маскировать это, чтобы совсем не потерять веры среди христианского населения Балкан. Поэтому И. Дибич заявлял, что ему не известны «политические виды» правительства относительно болгар, и обещал болгарскому народу

¹⁶⁴ ЦГВИА, ф. 1 (л), д. 3853, лл. 1—2, 8—16.

¹⁶⁵ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 286—287.

¹⁶⁶ ЦГВИА, ф. 1 (л), д. 3853, л. 8.

^{166а} Там же, л. 20; ф. 29, оп. 153в, св. 71, д. 162а, ч. 218, л. 24.

¹⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, стр. 377.

после войны «свободное переселение в наше отечество, что служило бы и порукою в том, что он после мира на жертву оставлен не будет»¹⁶⁸.

Идя на такой шаг, как материальная поддержка национальной борьбы народа, генералы и царь надеялись, что вооруженное выступление всех славян Балканского полуострова приведет к быстрой победе, так как султан из-за страха перед революцией скорее пойдет на мир с Россией, чем будет рисковать судьбой империи. «Почти уверенным быть можно, — писал И. Дибич, — что султан не доведет дела до сей крайности и будет искать мира»¹⁶⁹.

И Дибичу хотелось бы, чтобы до «крайности» дело не дошло, так как он сам боялся «крайности» не менее, чем султан. Это ясно видно из его письма к Николаю I от 17 мая¹⁷⁰.

Что касается будущего положения болгар после войны, то Николай I окончательное решение вопроса пока откладывал¹⁷¹. И. Дибич в письме от 17 мая высказал два варианта. Так как Россия не желает никаких завоеваний и не собирается производить какие-либо изменения во внутреннем управлении турецкими областями, то болгарам можно предложить переселение в Россию. Другой вариант заключался в том, чтобы семейства болгар, взявшихся за оружие, поселить в Добрудже, «обеспечив за ними, при заключении мира, полунезависимое положение, подобно тому, каким пользуются княжества»¹⁷².

Идея образования автономного болгарского княжества в Добрудже, по всей видимости, была высказана тогда болгарской эмиграцией в Дунайских княжествах. По-видимому, болгарская эмиграция сообщила о ней представителям России. После войны эта идея была поставлена эмигрантами открыто¹⁷³. В 1828—1829 гг. она была приемлема и для России. Николай I, отвечая на предложения И. Дибича, писал: «Мысль о поселении их (болгар, участников вооруженной борьбы. — В. К.) между Дунаем и Трояновым валом я всегда имел, но она не легко осуществима»¹⁷⁴. Уже 30 мая царь отказался от ее осуществления и принял решение лишь о предоставлении болгарам возможности на переселение.

Предполагалось начать вооружение болгар безотлагательно. Поручалось это сделать А. Грейгу, поскольку район восстания находился в непосредственной близости от базы Черноморского флота — Сизополя. Общее руководство принадлежало И. Дибичу как главнокомандующему армией¹⁷⁵.

Получив разрешение царя, И. Дибич все же откладывал вопрос о материальной помощи болгарам в подготовке вооруженного восстания. Когда А. Грейг запросил И. Дибича, как же практически приступить к делу,

¹⁶⁸ ЦГВИА, ф. 1 (л), д. 3853, л. 10.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ «Русская старина», т. 32, 1881, стр. 566. Письмо Дибича к Николаю I от 17.V 1829. Дибич писал: «Я всегда старался устранять всякое революционное движение от тех планов военных действий против турок, которые имел счастье предъявлять на благоусмотрение в. в-а, и конечно я никогда не осмелился бы посоветовать, в мирное время, готовить народы к подобным идеям, так как глубоко убежден в том, что принцип (власти) и его поддержание слишком священны, и даже более полезны, нежели временные преимущества».

¹⁷¹ «Что же принадлежит до определения участи болгар после войны, то по предмету сему и не оставлю поставить вас в известность о моем заключении», — писал Николай I 26 мая 1829 г. (ЦГВИА, ф. 1 (л), д. 3853, л. 20).

¹⁷² «Русская старина», т. 32, 1881, стр. 567. Письмо Дибича к Николаю I от 17.V 1829.

¹⁷³ М. Арнаудов. Селимински. Живот — дело — идеи. София, 1938, стр. 169.

¹⁷⁴ «Русская старина», т. 32, 1881, стр. 568. Письмо Николая I к Дибичу от 26.V 1829.

¹⁷⁵ ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, т. 2, д. 3044, л. 70.

то получил ответ, что вооружение болгар — дело хорошее, но необходимо с ним подождать некоторое время в связи с ходом «военных действий русской армии»¹⁷⁶. Так до подхода русской армии к Балканам болгары и остались без оружия. Боязнь самостоятельных выступлений народа взяла верх.

О вооружении болгар в штабе армии начали беспокоиться уже тогда, когда русская армия в июле 1829 г. начала преодолевать Балканы и испытывать затруднения. «Забыв» о своем распоряжении «не спешить с принятием мер к восстанию болгар», И. Дибич запрашивает А. Грейга, как же обстоит дело с подготовкой восстания. Что мог ответить А. Грейг, когда все было пущено на самотек. 25 июля он сообщил И. Дибичу, что «не приступал ни к каким вообще переговорам насчет восстания оных... по переходе же армии за Балканы полагал, что сие будет произведено со стороны самого г. главнокомандующего»¹⁷⁷.

Пока генералы переписывались между собой, делая попытки свалить друг на друга ответственность за затяжку вооружения болгар, болгарский народ вел героическую борьбу с турецкими поработителями, изыскивая другие средства для своего вооружения. Необходимо сказать, что и руководители готовившегося восстания так же, как показано выше, колебались, боясь турецких репрессий, и не принимали решительных мер к заблаговременному вооружению народа. Все это вместе взятое и привело к тому, что вооруженное выступление хотя и носило массовый характер, но проходило не одновременно во всех городах и селах южной части Болгарии. Отсутствовал единый центр руководства, связь между отдельными отрядами и группами восставших была лишь случайной.

Тем не менее борьба болгарского народа в 1829 г., в ее наиболее острой, вооруженной форме составила героический этап в истории Болгарии и показать его подробно, насколько позволяют собранные документы, есть настоящая необходимость.

Вооруженные выступления болгарского народа против турецких поработителей происходили в основном в двух районах страны: в Причерноморской полосе, где болгары боролись вместе с русскими моряками, и в южной части Болгарии, где они также выступали вместе с русскими солдатами армии, перешедшей через Балканы.

Действия Черноморского флота были подчинены общему плану наступления сухопутной армии. Флот должен был обеспечить левый фланг армии, занять города на Черноморском побережье. Его активные действия начинаются в начале июля 1829 г., когда армия штурмовала Балканы. В это время начинается и активная борьба болгарского народа.

Возвратимся прежде всего к боевой деятельности Сизопольской болгарской дружины. Действуя небольшими группами, болгарские волонтеры провели ряд рейдов в тыл турецкой армии.

24 июля в экспедицию в тыл противнику вышли две группы волонтеров. Одна из них действовала на дороге Бургас-Адрианополь, важной коммуникации турецкой армии. Вторая, выйдя в тыл к противнику, окружила турецкого пашу, сборщика налогов, который «стесняет жителей», и после упорного боя захватила его вместе с охраной в плен и доставила 2 июля в Сизополь. В качестве трофея болгары пригнали 40 голов крупного рогатого скота, отбитого у турецкого пашы. Появление вооруженных болгар в тылу врага вызвало переполох среди турецких войск¹⁷⁸.

¹⁷⁶ ЦГАВМФ, ф. 8, д. 5, л. 8.

¹⁷⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4719, л. 467.

¹⁷⁸ ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, т. 2, д. 3044, л. 16.

3 июля группа волонтеров, перейдя передовую линию войск противника, 15 дней провела в его тылу, проникла в Василико, Аготополь, к порту Ниада, побывала на литейном заводе в Самокове и, наконец, в Малко Тырново. Волонтеры собрали сведения о турецкой армии, выяснили настроение болгарского населения, установили связи с жителями сел и городов. В сводке об этом походе говорится, что «приматы деревень Тырнова и Самоково к нам расположены хорошо»¹⁷⁹.

8 июля команда волонтеров в 50 человек вышла на разведку турецких форпостов на побережье Черного моря, проведя в тылу врага два дня¹⁸⁰.

Замечательной была вылазка небольшой группы волонтеров морем на лодке в приморское местечко Василико, расположенное к югу от г. Сизополя. 16 июля ночью партизаны, высадившись в городе, провели разведку, а на обратном пути напали на турецкую лодку, подвозившую для турок снаряды, и захватили ее¹⁸¹. Волонтеры установили связь с населением Василико.

В начале июля 1829 г. в организации Сизопольской дружины произошли значительные изменения. Волонтеры в категорической форме потребовали предоставить им возможность действовать самостоятельно, без офицера, иначе, как доносил командир сухопутных войск в Сизополе генерал Понсет, они «готовы за сие отказаться от своего звания». Командование вынуждено было пойти на уступку: «Волонтеров же, — говорится в рапорте Понсета, — поручил фельдфебелю их Мавруде Стайко, избранному ими самими. Я им позволил идти во внутренность Турции и разделиться, как сами желают, на разные партии»¹⁸². О боевых действиях одной такой партии находим сведения в донесении командира 2-й бригады 19-й пехотной дивизии генерала Свободского, который 24 июля, следуя с бригадой из Сизополя в Карабунару, встретил болгар в горах. Болгарский отряд в 30 человек напал на небольшой турецкий отряд в лесу, отбил у турок осадную пушку. Преследуя турецких солдат, болгары вынудили их бросить зарядный ящик и другое снаряжение. Передав пушку русской бригаде, болгары ушли в горы «для дальнейшего уничтожения турецких разбойников, грабящих мирных поселян»¹⁸³.

Значение Сизопольской дружины заключается главным образом в развiti и организации вооруженной борьбы в Причерноморской полосе части Болгарии. Так, по примеру Сизополя, болгарский отряд возникает в г. Месемврия, вооруженный турецкими трофейными ружьями¹⁸⁴. Своеобразно возник отряд в г. Анхиало.

Произошло это так. 10 июля к бригу «Орфей», стоящему на виду недалеко от города, подплыли на двух лодках 15 человек местных жителей (болгары и греки), которые заявили, что два часа тому назад турки начали оставлять город¹⁸⁵, и если русские высадутся на берег, то их поддержит христианское население города.

75 русских моряков немедленно направились в город, где их радушно встретили жители. К каждому матросу присоединилось по 15 человек.

¹⁷⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4719, л. 423.

¹⁸⁰ ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, т. 2, д. 3044, л. 28.

¹⁸¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4591, ч. 3, л. 69.

¹⁸² ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, т. 2, д. 3044, л. 27.

¹⁸³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4841, ч. 1, л. 542—543. Командование армии приказало: «Выдать каждому из булгар, отнявших у турок пушку, по два, а начальнику их десять червонных».

¹⁸⁴ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 974, д. 228, л. 20.

¹⁸⁵ Турки оставляли город, боясь быть отрезанными перешедшей через Балканы русской армией.

Были захвачены брошенные неприятелем орудия. 63 турецких солдата взяли в плен, их оружие разобрали христиане¹⁸⁶.

Еще в мае из Василико в Сизополь, пробираясь мимо турецких пикетов через горы, приходили болгары и греки просить русских моряков занять город. Но силы Сизопольского русского отряда были так малочисленны, что выполнить их просьбу было невозможно. Между тем болгары из Сизопольской дружины продолжали держать связь с Василико.

19 июля болгарин Вилю доставил в Сизополь из Василико два письма, в которых жители просили русских моряков немедленно войти в город, так как турки, хотя при появлении за Балканами русской армии и отошли на юг, еще появляются в окрестностях города. Болгары находятся в опасном положении, сказал Вилю, «и для защиты на ночь выходят из города, вооруженные топорами, лопатами, дрючками и тому подобным»¹⁸⁷. В Василико были посланы две роты солдат с артиллерией. Из запасов оружия жители взяли 300 ружей. Так возник еще один отряд.

21 июля был высажен десант в г. Агатополе. Из близлежащих деревень сейчас же явились болгарские крестьяне, заявив, что «турецкая кавалерия грабит все деревни». Болгары просили дать им оружие для освобождения и защиты своих деревень. Здесь вооружилось около 350 человек¹⁸⁸.

17 июля в районе селения Юк-Тепе возник партизанский крестьянский отряд под руководством известного уже нам Вулкана. Оружие крестьяне добыли частично на месте, но просили выделить им еще ружей, пороху, свинцу, так как желающих бороться против турок набралось до 1000 человек. Если к ним придут 150 русских солдат, писал Вулкан, то они «тогда могут избавить большое число людей». Болгарские партизаны района Юк-Тепе вывезли из Сизополя 150 ружей. Нам не удалось уточнить общую численность отряда, но есть сведения о его активных действиях¹⁸⁹.

Наконец, поступили известия, что и в районе Малко Тырново и окружающих его деревень болгарские крестьяне также поднялись против турецких поработителей. Старшина Малко Тырново просил послать ему обоз с оружием, так как «ополчившихся насчитывается около тысячи человек». В письме к А. Грейгу жители города сообщали: «Все мы — духовные, мирские, старые, мужчины и женщины, родители и дети со слезами и с простертыми руками осмеливаемся обратиться к тебе, и всепокорнейше просить не допустить к кровопролитию и отвратить всеобщее наше истребление, ибо мы находимся в большой опасности». Болгарские патриоты вывезли из Сизополя 100 ружей и из Агатополя — 150¹⁹⁰. А разезд русских войск в Малко Тырново «был встречен священниками и старшинами города с крестом, иконами и хлебом»¹⁹¹.

20 июля поступили сведения об ополчении крестьян ряда сел района Карабунара. Часть из них уже вооружилась, но многие просили оружия, чтобы вести борьбу с мелкими отрядами рассеянного русской армией турецкого войска. Болгарские крестьяне увезли 200 трофейных турецких ружей¹⁹².

¹⁸⁶ ЦГАВМФ, ф. 126, оп. 1, д. 4, л. 154; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4705, лл. 115—117, 121.

¹⁸⁷ ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, т. 2, д. 3044, лл. 32, 35—36.

¹⁸⁸ Там же, д. 3048, лл. 30, 33; ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 974, д. 228, л. 219.

¹⁸⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4712, лл. 447—448.

¹⁹⁰ ЦГАВМФ, ф. 8, оп. 1, д. 12, л. 26; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4719, лл. 483, 485.

¹⁹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4841, ч. 1, л. 749.

¹⁹² Там же, лл. 544, 545.

Стихийно, еще до прихода русской армии, образовались вооруженные отряды в селах около Кирк-Килиса. Русские войска¹ были встречены здесь с величайшей радостью, оказалось, что в селениях есть караулы, а в сел. Бунар крестьяне «имеют вооруженную команду из 30 человек под начальством капитана Георгия Стоянова», — говорится в донесении. Крестьяне просили русских офицеров разрешить им идти вперед вместе с войском¹⁹³.

Мы так подробно остановились на возникновении отдельных отрядов, чтобы показать, что население всего района южной части Болгарии, прилегающего к Черному морю, поднялось на борьбу против вековых угнетателей.

С неменьшим героизмом поднимался болгарский народ в городах и селах, куда вступали основные силы второй армии.

Движение русской армии за Балканы началось после падения Силистрии (18 июня ст. ст.). К подножью Балкан И. Дибич привел всего 30 тыс. штыков и 7 тыс. сабель при 148 орудиях¹⁹⁴, что составляло менее половины всей армии, большая половина — охраняла тыл и фланги армии. Участие болгарского народа в борьбе против турок имело важное значение для успеха русской армии.

Военный историк Н. Епанчин признал, что при переходе через Балканы начали подумывать о том, чтобы вооружить болгар¹⁹⁵. Но описав подробно поход за Балканы, он не заметил, как независимо от планов командования нарастал энтузиазм болгарского народа, как он вместе с русскими воинами сражался за Балканами. Для представителя буржуазно-дворянской историографии такой порок, как умалчивание о действиях народных масс, присущ органически. Буржуазно-дворянская историография много нашумела о «чуде», которое «совершил» Дибич за Балканами. Но историки, публицисты этой школы обошли вопрос о роли народа в совершении «чуда» как русского, в лице русского солдата, так и болгарского. А ведь тот героизм, который был характерен для рядовых участников похода, находил питательную почву в горячем проявлении беспредельной любви болгарского народа к русским воинам, русского народа к болгарам.

В войсках царя обстановка боевого подъема, рядовые воины полагали, что они помогают своим братьям-болгарам. Русские солдаты шли «...освободить единоплеменные и единоверные народы от гнусного ига...»¹⁹⁶. В жестокостях турецких войск русские солдаты, впервые попав так глубоко на территорию Османской империи, воочию убеждались. Нельзя без содрогания читать донесения командиров передовых частей, которые обычно заканчивались словами: «Наехал на вопль болгар, коих резали турки».

Но в совершении «чуда» очень большая заслуга и болгарского народа, борьба которого буквально парализовала действия турок, заставила бежать их из южной части Болгарии, дезорганизовала деятельность государственного аппарата. Болгары, вооружившись, вели успешную борьбу с отрядами разбитой и рассеянной турецкой армии, обеспечивая тем самым тыл перешедшей за Балканы русской армии.

В преодолении грозных и как будто бы недоступных для армий Балкан русской армии оказали неоценимую услугу болгары. Ведь впервые в истории русские войска переходили Балканы целой армией, по неизведанным

¹⁹³ Там же, ч. 2, л. 426.

¹⁹⁴ Н. Епанчин. Указ. соч., ч. 3, стр. 28.

¹⁹⁵ Там же, стр. 90.

¹⁹⁶ Ф. П. Фонтон. Воспоминания, т. II, Лейпциг, 1866, стр. 71.

путям. К армии явился небольшой отряд (23 человека) Федора Попова, образовавшийся еще в Варне, и вместе с русскими солдатами сражавшийся на р. Камчик. Отряд участвовал во взятии лагеря турок при переправе у Дервиш-Иована 7 июля, а 10 июля при Месемврии. Несмотря на ранение в голову и руку при Месемврии, Федор Попов со своими товарищами вместе с русскими штурмовал г. Айдос¹⁹⁷. У переправы при дер. Кюприкией русским войскам показывал дорогу «старик болгар, с детства своего знающий все места около Камчика и далее за оной со всеми подробностями на Ахиолу, Месември, Бургас и Адрианополь». Это он вел авангардный отряд к Чалы-Малы «удобной дорогой»¹⁹⁸. Вот кто были проводниками армии через Балканы.

В Балканах русская армия чувствовала моральную поддержку болгарского народа. С передовых отрядов шли донесения, что болгары «хорошо расположены к русским»¹⁹⁹. Это были болгарские крестьяне. И. Дибич 9 июля издал особый приказ, в котором признавал, что «со вступлением в Балканы, я к удовольствию моему нашел, что христианские здешние поселяне не только что не оставили своих жилищ, но и везде встречают наши войска с радостью и показывают всю готовность к доставлению нам по мере своих средств пособия»²⁰⁰.

Первым городом, который взят совместно моряками и жителями, был Месемврия (10 июля). 13 июля русские войска заняли Айдос, а 16 — Карнобат. Эти дни были решающими для развертывания вооруженной борьбы болгар. Если после занятия Карнобата И. Дибич доносил 18 июля из Айдоса Николаю I, что «с появлением наших казаков до 500 жителей вышли к ним навстречу, приветствуя их как избавителей своих»²⁰¹, немного позже поступили от командира отряда в г. Карнобате генерала Ф. В. Ридигера другие сведения, что «жители христиане уже явно восстали против своих притеснителей», что вооруженные жители отправились в горы выручать свои семейства, возвращающиеся с гор, «располагаются в домах своих повелителей»²⁰². Из окружающих местностей поступают сведения о стычках между болгарами и турками. Болгары Карнобата явились к Ридигеру с требованием оружия «для действия против турок», уверяя при этом, что в Ямболе и Сливене, где население многочисленнее, найдется большое число охотников. Он запрашивал — как быть?

Перейдя Балканы, заняв Айдос, Карнобат, И. Дибич все же не был уверен в прочности положения русской армии. Правый фланг армии и ее тыл оставались слабым местом. От Шумлы подходил 15-тысячный корпус Халил-паши. 19 июля русский разведывательный отряд, состоявший из двух уланских полков под командой генерал-майора Шереметьева, у города Ямбол встретился с войсками Халил-паши и после горячей схватки вынужден был отойти к Карнобату.

И. Дибич был вынужден принять помощь болгар, возложив на них вместе с небольшим русским отрядом охрану занятого района. Этим он освобождал основные силы для дальнейшего наступления. Хотя штаб армии и располагал сведениями о начавшейся вооруженной борьбе болгар,

¹⁹⁷ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 967, д. 162, лл. 1—3. Федор Попов за переход был награжден медалью на Георгиевской ленте.

¹⁹⁸ Там же, ф. ВУА, д. 4841, ч. 1, л. 74.

¹⁹⁹ Там же, л. 204.

²⁰⁰ Там же, ф. МА, оп. 183, св. 850, д. 40, л. 7. Приказ требовал от всех чинов армии безупречного поведения за Балканами: «Ежели же замечено будет хотя какое-либо малейшее нарушение сего моего приказа, виновные будут наказаны по всей строгости воинских законов, без малейшего снисхождения».

²⁰¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4586, л. 21.

²⁰² Там же, д. 4841, ч. 1, лл. 434, 463.

тем не менее об их настроении запросили мнение ахиольского митрополита Антимоса, который ответил: «Ежели жители за Балканских провинций снабжены будут оружием и подкреплены хотя частью российских войск, тогда в истинной готовности их защищать обителища свои нет ни малейшего сомнения»²⁰³.

Однако для царедворцев встал вопрос — можно ли надеяться на послушание вооруженного народа, не превратится ли его борьба в антифеодальное выступление. Эта мысль ярко проявляется в донесении генерала Ридигера: «... и если признается полезным дозволить вооружение оных (болгар. — В. К.), — писал он, — то не угодно ли будет назначить особенных чиновников, кои бы занялись устройством корпуса волонтеров и управлениями его действий, дабы не могли они причинять каких-либо беспорядков»²⁰⁴. На кого, на какие классовые слои можно надеяться, — вот что также волновало царедворцев.

И выход для И. Дибича был один — опереться на старшин, т. е. на чорбаджийство. 20 июля, отвечая Ридигеру, он писал, что оружие вручать только через старшин, «на ответственность коих должно быть возложено соблюдение нужного порядка между волонтерами», причем предписывалось внушить болгарам, что оружие им выдается «единственно только для защиты от турок собственности своей», чтоб они «отнюдь ничего более не предпринимали»²⁰⁵. Здесь все оговорено. Не допустить действия народа далее охраны своей собственности, не допустить движения, посягающего на собственность турка-феодала.

Однако болгары не дожидались, когда им дадут оружие, а вооружались оставленными турками ружьями. Так произошло, например, в г. Ямбол. После столкновения с русским отрядом Халил-паша 20 июля ночью оставил город так поспешно, что бросил склад ружей, которые немедленно были разобраны болгарами. По явно уменьшенным данным Ридигера, в руки болгар попало до 250 ружей²⁰⁶.

В селах проходили жаркие схватки болгарских партизан с мелкими отрядами противника. Взятых в плен турецких солдат и офицеров они приводили в Ямбол и сдавали русским властям²⁰⁷. И опять у царедворцев сомнения, кому попало оружие, захваченное в Ямболе? Ридигер даже приказал собрать ружья, а «соблюдение внутреннего порядка поручено первоклассным жителям», — доносил он Дибичу. Однако было ясно, что собрать оружие уже невозможно. «Выход один, — писал Дибич, — раздавать оружие необходимо с должною разборчивостью»²⁰⁸.

25 июля, в штабе армии было принято решение идти прямо на Адрианополь, но чтобы обеспечить правый фланг армии, необходимо было взять г. Сливен. На 28 июля был отдан приказ о выступлении из Ямбола. В этот день прибыла в штаб армии уже вторая депутация болгар Сливена с настоятельной просьбой занять город. Болгары предложили свои услуги показать удобные пути к городу, не занятые турками или слабо охраняемые. А главное, депутация предлагала вооруженную помощь

²⁰³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4722, л. 103; Н. Епанчин, искажая действительность, говорит, что ахиольскому митрополиту принадлежит вообще мысль об использовании христиан для борьбы с турками. Вместо болгарского народа, который поднимался на борьбу против ига, выступает у Н. Епанчина митрополит Антимос, о вооруженных усилиях болгарского народа говорится как о «предположении» (Указ, соч., ч. 3, стр. 87).

²⁰⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4841, ч. 1, л. 463.

²⁰⁵ Там же, л. 464.

²⁰⁶ Там же, лл. 501, 530, 532.

²⁰⁷ Там же, лл. 454, 646.

²⁰⁸ Там же, л. 530.

болгар русской армии, как только она появится у стен города²⁰⁹. 31 июля Сливен был взят. Русские войска, сообщал И. Дибич П. Киселеву, «были встречены булгарами, которые не умели умерить восторг свой, что избавились от владычества турок»²¹⁰.

Брошенный турками склад оружия был немедленно разобран жителями, которые теперь вместе с русскими войсками начали преследовать отступающих турок. По данным И. Селиминского, в городе вооружилось около 600 человек, составив болгарскую дружину²¹¹. Вместе с тем в Сливене началась открытая классовая борьба против турецких поработителей. Городской трудовой народ начал мстить турецким беям и чиновникам, напоминая каждому из них о причиненном зле. Такое содержание движения противоречило принятой царизмом политике. И. Дибич в письме к Николаю I сразу сообщает о принятых мерах: «Болгаре начали было мстить туркам за их притеснения, но Фонтон (который отменно хорош везде, а особенно в подобных случаях) сумел тотчас же образумить их»²¹².

Со взятием Сливена дорога на Адрианополь была открыта. Но тыл русской армии со стороны Балкан оставался уязвимым. Только обеспечив охрану тыла, можно было продолжать наступление. Поэтому трудно переоценить значение вооруженной борьбы болгарского народа в успехе борьбы русских войск на заключительном этапе войны.

Два крупных организационных и боевых мероприятия в вооруженном выступлении болгарского народа связаны со взятием русской армией Адрианополя. Во-первых, организация болгарских дружин в Айдосе и Карнобате для совместной с русскими частями обороны тыла и правого фланга русской армии; во-вторых, знаменитый рейд смешанного русско-болгарского отряда на г. Самоков.

Составной частью плана взятия Адрианополя было создание 25 июля в Айдосе подвижного, мобильного отряда для охраны тыла и правого фланга армии. В отряд выделялась 1-я бригада 19-й пехотной дивизии (Азовский и Днепровский полки), один казачий полк. В помощь пехотным полкам назначалось 400 болгарских волонтеров, на каждый полк по 200, под общим командованием генерал-майора Монтрезора²¹³. Волонтеры вооружались трофейным оружием. Если учесть, что в обоих пехотных полках было немногим более 400 штыков, то болгарское формирование составляло половину отряда. Со взятием г. Сливена отряд перемещался в Карнобат.

Базируясь в Карнобате, смешанный русско-болгарский отряд должен был охранять районы городов Айдоса, Карнобата, Сливена, Ямбола и коммуникации русской армии через Балканы, «где лишь появится какое-либо скопление неприятеля, тотчас обще с болгарскими, идти, разбить и рассеять оные»²¹⁴, — предписывалось в инструкции генералу Монтрезору.

Помимо формирования из 400 человек, в распоряжение Монтрезора поступили возникшие болгарские отряды Сливена, Карнобата, Айдоса. Эти отряды предназначались «единственно для обороны собственного своего имущества», т. е. своих городов²¹⁵.

²⁰⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4841, ч. 1, л. 761.

²¹⁰ Там же, ч. 2, л. 42.

²¹¹ М. Арнаудов. Указ. соч., стр. 135. П. Кисимов сообщает: «тогда многие вооруженные сливенцы, как разъяренные львы обрушились на бегущих турок и, догнав, многих убили» (П. Кисимов. Указ. соч., т. III, стр. 76).

²¹² «Русская старина», т. 34, 1882, стр. 84. Примечание: А. А. Фонтон — начальник дипломатической канцелярии при главнокомандующем.

²¹³ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 966, д. 142, л. 14.

²¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4841, ч. 2, л. 185.

²¹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4841, ч. 2, лл. 26—27.

Перед наступлением на Адрианополь произошло еще одно важное событие. 1 августа в Карнобат, в штаб бригады 19-й пехотной дивизии, явились два посланца из м. Котел, которые сообщили, что в местечке турецких войск немного и просили русских занять его. 3 августа Котел был освобожден казаками, в местечке образовался волонтерский отряд. Казаки оставили ему восемь ящиков патронов и 30 ружей²¹⁶.

Создавая болгарские формирования, И. Дибич преследовал несколько целей. Во-первых, болгарские отряды вместе с русскими частями обеспечивали охрану тыла и фланга русской армии при ее движении. Во-вторых, организация болгарских формирований облегчала царским генералам предотвращение стихийной борьбы народных масс против турецких феодалов. Болгарские команды подчинялись «старшинам». Они наблюдали за формированием отрядов, выдачей оружия, его учетом. «Одним словом, — писал И. Дибич Монтрезору, — постарайтесь привести в некоторый порядок сформированные таким образом отряды»²¹⁷. В-третьих, будучи неуверенным в положительном исходе кампании 1829 г., И. Дибич предполагал использовать болгарские формирования в третьей кампании, «от которой, — писал он Николаю I 25 июля, — надеюсь, божья милость нас избавит»²¹⁸.

Обеспечив тыл, русские войска 7 августа, численностью около 14 тыс. штыков и 5 тыс. сабель, при 110 орудиях, подошли к Адрианополу²¹⁹. Нелегко было такими силами овладеть второй столицей турецкой империи, как называли турки Адрианополь. И. Дибич еще ранее приказал А. Грейгу, когда войска будут сосредоточены у стен города, провести рейд в Самоков. Хотя турки и не приняли боя под Адрианополем и 8 августа его сдали, тем не менее рейд на Самоков имел большое значение в истории войны. Он явился яркой страницей в летописи совместных боевых действий русских воинов и болгарских партизан. Расположенный в г. Самокове металлургический турецкий завод был предметом особой ненависти болгарских крестьян. Крестьяне семи кадальков (уездов) были прикреплены к заводу. Они добывали руду, жгли уголь в лесах, транспортировали его к печам, вывозили готовый металл и снаряды и грузили их на корабли. Еще в мае 1829 г. они предлагали свои силы, чтобы разрушить завод. Но тогда не доставало войск для такой операции. Завод являлся настоящей крепостью. Он был окружен высокой стеной с бойницами и башнями с орудиями. Тысяча турецких солдат постоянно находилась в крепости.

В рейд отправился смешанный русско-болгарский отряд: егерский полк, эскадрон гусар и, по имеющимся сведениям, до тысячи болгарских партизан, собравшихся с Малко Тырнова, Сизополя и болгарских сел²²⁰. Впереди отряда шли партизаны из г. Самокова, знавшие пути и подступы к городу.

8 августа отряд атаковал завод, разогнал турецкий гарнизон, разрушил завод — базу снабжения турецкой армии.

Занятие Адрианополя определило конец войны. Но и здесь болгарский народ использовал возможности для своего вооружения и продолжения борьбы против турецких угнетателей. Турки сложили в Адрианополь

²¹⁶ Там же, лл. 57—58, 69, 113, 145.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ «Русская старина», т. 34, 1882, стр. 79.

²¹⁹ Н. Е п а н ч и н. Указ. соч., ч. 3, стр. 149.

²²⁰ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 944, д. 50, ч. 1, лл. 170—172. Сообщение Хаджи Георгаки, одного из активных участников этого похода, заверенное генералом Обручевым, дежурным генералом штаба армии.

поле несколько тысяч ружей, из которых много попало в руки болгар²²¹. Болгары, доносил И. Дибич, «вооружаются охотно для защищения своих жилищ и семейств и обще с казаками нашими ходят на поиски, если где только узнают скопление рассеянных войск неприятельских»²²². Взяв оружие, болгарские патриоты не пассивно созерцали события, а включались в активную вооруженную борьбу против турок. В послании архиепископа Константинопольского к христианам Болгарии после войны говорилось, что правительству турецкому известно о том, как во время «гибельной войны» болгары Адрианополя и сел этого округа взялись за оружие и вели борьбу²²³.

После занятия Адрианополя турецкое правительство под влиянием Англии и Австрии продолжало затягивать переговоры о мире. 25 августа русская армия была вынуждена возобновить военные действия и занять Визе, Люле-Бургас, подойти к Чорлу. Кавалерийские разъезды начали появляться в 60 км от Константинополя. Активизировались военные действия и болгарских отрядов. Так, подвижной отряд генерала Монтрезора не раз вступал в бой с турецкими войсками, появившимися в тылу армии. 22 августа 120 казаков и 200 волонтеров провели успешный бой под сел. Эрizarь с турецким отрядом численностью до 500 сабель²²⁴. 26 августа русско-болгарский отряд (70 казаков и 90 болгар-волонтеров) разгромили турецкий отряд под сел. Твердицы, захватив пленных, оружие, обоз²²⁵. Боевые действия вели болгарские отряды в районе городов Виза, Люле-Бургас.

Чтобы представить себе обстановку в целом в Болгарии, тот размах и возможности национального движения в 1829 г. во всей стране, необходимо рассмотреть выступление болгарского народа и в других районах страны.

Документы свидетельствуют, что в районе Филиппополя болгарский народ ожидал русские войска для своего освобождения и готов был поддержать русских воинов²²⁶. В г. Харманли и окружающих селах болгары разоружали турецких солдат, вели активные действия против отрядов турецких войск. В документах упоминается о действиях болгарского отряда у Новой Загоры.

Накалена была обстановка и в северной части Болгарии. Помимо действия здесь сводного отряда под командой И. Липранди, наблюдались стихийные выступления болгар. В конце 1828 г. поступили сведения из района Габрово, что болгары готовы восстать против турок, при первом приближении русских войск, при наличии оружия здесь может подняться до 10 тыс. человек²²⁷. Известно, что Георгий Мамарчев в 1830 г. стремился

²²¹ «Древняя и новая Россия», т. 14, 1879, стр. 537. Письмо И. Дибича к Николаю I от 9.VIII 1829.

²²² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4841, ч. 2, л. 239.

²²³ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 1045, д. 51, лл. 56—58.

²²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4841, ч. 2, л. 679.

²²⁵ Там же, д. 4848, л. 6.

²²⁶ Там же, д. 4841, ч. 2, лл. 545, 546; д. 4848, л. 513; д. 4854, л. 206.

²²⁷ Сведения поступили от переводчика 6-го корпуса болгарина Афанасия Мистанкова, участника восстания в Сербии, служившего до войны в России окружным начальником болгарских колонистов. В докладной записке от 13 ноября 1828 г. он сообщал, что в Габрово он имеет близкие связи с соотечественниками, которые готовы восстать. Мистанков дал описание проходов через Балканы по линии Габрово—Шипка—Казанлык, показывая как на район, в котором русская армия найдет активную помощь со стороны болгарского населения. А. Мистанков представил командиру корпуса прибывшего из Габрово в качестве ходатая от болгар этого района купеческого сына Ивана Константинова Сагачиолу, который объяснил, что «при появлении наших (русских. — В. К.) войск не только мужчины, но и даже женщины готовы были поднять оружие; ибо разного рода угнетения и обиды, делаемые им турками возмущают их ужасным

из-за Балкан прийти сюда, чтобы разбудить «болгарского льва». В этот район пытались попасть, как мы видели, волонтеры из отряда И. Липранди.

В марте 1829 г. были получены сведения из Софии, что турки принимают здесь экстренные меры и ввели туда до 2 тыс. иррегулярного войска, «цель сего войска удерживать в повиновении болгар, которых возмущения чрезвычайно опасаются»²²⁸.

Вступление русских войск в Ряхово в июне 1829 г. породило у болгар всей северо-западной части страны большие надежды на скорое избавление от турецкого гнета. В военно-историческом журнале отряда есть такая запись: «Жители селений, отдаленных на 60 и более верст от Ряхова присылают беспрестанно просить о покровительстве». Из г. Враца прибыла депутация с просьбой о покровительстве и присылке в город «хотя небольшого отряда». Русские разъезды доходили до предместий Плевны, и всюду их встречали радушно болгары, готовые поддержать русскую армию²²⁹. Это подтверждалось делами. В районе Ряхова возник волонтерский отряд под командой капитана Букаревича, о деятельности которого упоминается в военно-историческом журнале. Отряд участвовал в боях вместе с казаками и драгунами²³⁰.

Именно благоприятная обстановка в северной части Болгарии и позволила небольшому пятитысячному русскому корпусу²³¹ под начальством генерала Киселева совершить переход в августе-сентябре из Валахии по северным предгорьям Балкан (через Врацу, Плевну, Левеч, Севлиево, Габрово) к Шипке и установить связь с армией Дибича за Балканами. На подступах к Врацу 2 сентября корпус был встречен колоннами болгар²³². Хотя с известием о мире болгарский народ стал сдержаннее встречать русские войска, тем не менее они «принимали их во всех местах с отменным дружелюбием», — доносил П. Киселев²³³.

Наконец, в районе Шумлы, где находилась турецкая армия под командованием самого визиря, болгары даже после заключения мира готовились поднять восстание. Командир 3-го корпуса Красовский писал Дибичу 5 октября: «Христиане шумленские по первому моему слову готовы восстать против турок; но я почел нужным остановить всякие порывы их к обнаружению неудовольствия в ожидании дальнейших последствий»²³⁴. Необходимо иметь в виду, что речь идет не об одном городе (Шумле), а о целом районе²³⁵.

образом». В штабе армии подозрительно отнеслись к Ивану Константиновичу, потребовали свидетельства болгарской эмиграции в его пользу. В одной из церквей были взяты клятвы от четырех зажиточных болгар, «его знающие с залогом своего имени». А Мистынков писал: «Я клянусь моею честью и всем семейством, имеющим жительство в Бессарабской области, подвергая себя, в противном случае, всей строгости законов». В делах хранится аттестат на имя Ивана Сагачиоло, выданного в феврале 1830 г., свидетельствующего, что «в минувшую войну с турками употреблен был при российских войсках по различным поручениям, и усердно службою своею приносил войскам пользу» (ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 1039, д. 21, лл. 2—13; д. 30, лл. 72—73; д. 29, л. 1; в. ВУА, д. 4719, л. 302).

²²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2/822, ч. 1, л. 24.

²²⁹ Там же, ч. 4848, ч. 1, лл. 105—113.

²³⁰ Там же, д. 4822, ч. 1, л. 129.

²³¹ Н. Епанчин. Указ. соч., ч. 3, стр. 309.

²³² Ф. Торнау. Воспоминания о кампании 1829 г. М., 1867, стр. 108, 115.

²³³ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4848, л. 787.

²³⁴ Там же, л. 690.

²³⁵ 31 августа от Шумлы в сторону Тырнова и Джумайи в тыл армии визиря провел рейд отряд генерала Мадатова (бригада 3-й гусарской дивизии и полк улан при 6 орудиях) и во всех деревнях и населенных пунктах болгары встретили оный весьма дружелюбно» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4591, ч. 3, л. 137).

Однако в силу экономической и политической слабости и отсутствия организованности болгарской буржуазии, в силу сложной внешней обстановки происходившая национально-освободительная борьба не вылилась в восстание в масштабах всей страны.

Стихийное национально-освободительное движение превращается в вооруженное восстание лишь в южной части Болгарии. Мы вполне можем говорить именно о вооруженном восстании в июле-августе 1829 г. в этой части страны. Ибо народ, не считаясь ни с чем, явочным порядком создавал вооруженные отряды и вступал в вооруженную борьбу против своих поработителей. Были сметены, хотя и на короткий срок, органы власти в пашалыках района восстания. Все призывы и обращения командования русской армии к турецким властям с просьбой остаться на месте и выполнять свои функции оказались тщетными. Турецкие чиновники, боясь народного гнева, бежали. Исключение, пожалуй, представляет г. Адрианополь, где аян остался на месте, но потерял всякую власть над болгарским населением²³⁶.

В результате сложились благоприятные условия для выступления народа этой части страны. Он получил возможность иметь свои вооруженные отряды, открыто выражать свои требования о национальном освобождении. Эти требования обсуждались уже не в строжайшей конспирации, а открыто, установилось общение между населением городов и сел, составлялись депутации целых районов. Наконец, даже бурно обсуждался вопрос о дальнейшей тактике борьбы.

К сожалению, поднявшийся народ остался без руководства и руководителя^{236а}. Попытка централизовать движение, объединить усилия народа, направить их на решение основного вопроса движения — национальное освобождение страны — относится к началу сентября 1829 г., когда уже был подписан Адрианопольский договор. По нему Болгария оставалась под турецким игом. Г. Мамарчев, который мог бы стать военным руководителем восстания, был на севере Болгарии и прибыл за Балканы не ранее начала сентября 1829 г. Александр Некович, находившийся при Главной квартире русской армии в качестве «поверенного болгарского народа», к сожалению, умер в начале 1829 г. в Силистрии. Только в начале сентября 1829 г. в Сливене возникает подобие представительства болгарских городов освобожденной части Болгарии. Сюда же прибывают представители из Бухареста, некие Василий, которого мы встречали уже в 1828 г. как соратника Ал. Нековича, и Анастас (фамилии их установить не удалось).

Восстание носило массовый характер. О числе участников восстаний можно судить, хотя и приблизительно, по числу переселившихся из-за Балкан в 1830 г. в Россию и Дунайские княжества семейств²³⁷. Дело в том, что переселялись преимущественно те болгары, которые «непосредственно или посредственно, — говорится в рапорте И. Дибича, — прини-

²³⁶ За Балканами в течение первого месяца по вступлении русских войск, не функционировали даже временные органы русского гражданского управления. Назначенный генерал-губернатором Румелии генерал Головин еще 16 августа доносил, «что, судя по всему, здесь самого первого приступа к распоряжениям еще не сделано и что мисс остается все начинать вновь» (ЦГВИА, ф. ВУА, ч. 2, л. 422).

^{236а} Восстание здесь приняло стихийный характер в силу отсутствия единого руководящего центра. Выступления населения отдельных городов, сел происходили разрозненно. И только в двух случаях они приняли более или менее организованный характер — это в рейде на Самоков и окружающий его район, ч в создании отряда в Карнобате, а затем Сливене.

²³⁷ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 1045, д. 51, л. 52.

мали участие в военных действиях против турок»²³⁸. По данным И. Селиминского, на Айтосском поле за Балканами собралось 16 500 таких семейств²³⁹. В это число не входят болгарские и греческие семейства Причерноморских городов и сел. По нашим подсчетам, боевые силы восставших исчислялись не менее 5 тыс. человек²⁴⁰.

О классовом составе тех, «кои непосредственно или посредственно принимали участие в военных действиях против турок», т. е. социальной базе восстания, дают представление списки переселявшихся болгар, в которых отмечался род занятий. Подавляющее большинство участников национальной борьбы — это крестьянство и мелкая торгово-промышленная буржуазия²⁴¹. В движении принимало участие незначительное число представителей торговой, чорбаджийской буржуазии. И, наконец, мы видим и представителей низшего духовенства, рекрутировавшегося из болгар. О низшем духовенстве, священниках, есть интересные замечания очевидца того времени Ф. Фонтон, который писал: «Оно держит явно и бесстрашно сторону народа, и в решительный момент, крест поведет в бой секиры и ружья за народную независимость. И теперь дать бы им только воли и оружия, и тотчас вооружились для святой борьбы»²⁴². Таким образом, социальная база вооруженного восстания была широкой. Стремления к национальному освобождению, как известно, были сильны.

Какова же цель национального движения вооруженной борьбы того времени? В. И. Ленин, исследуя историю национального вопроса, открыл закон двух тенденций капитализма в национальном вопросе: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств»²⁴³. В. И. Ленин указывал, что эта тенденция проявляется в начале развития капитализма, когда происходит пробуждение масс от феодальной спячки, когда массы вступают в борьбу против всякого национального гнета, за национальную независимость и суверенность народа.

В своем начале вооруженное восстание, в июле-августе 1829 г. носило стихийный характер не только потому, что не было централизованной организации, но и в силу отсутствия сформулированной цели движения. Народ, берясь за оружие, стихийно тогда выступал против турецкого национального угнетения. В сентябре, после длительных и многочисленных обсуждений, появляются документы, в которых делается попытка выразить цели борьбы. Мы имеем в виду те прошения, которые были поданы главнокомандующему русской армией. Г. Раковский в свое время опубликовал одну из таких жалоб жителей Сливена и Котел, составленную

²³⁸ Там же, св. 944, д. 50, ч. 1, л. 160.

²³⁹ «Библиотека» Д-ръ Ив. Селимински», кн. 2, стр. 37.

²⁴⁰ Эти данные основываются на заявлении болгарских старшин г. Сливена русскому консулу Ващенко в марте 1831 г. По поручению П. Киселева, Ващенко выяснял справедливость слухов о том, будто бы в Болгарии готовилось в марте 1831 г. восстание. Болгарские старшины заявили, что болгары и прежде (1829 г. — В. К.) имели мысль освобождения от турок, и имели уже готовых вооруженных людей до 4000 человек (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1072, л. 154). К этой цифре необходимо прибавить до 1000 человек, находившихся в Причерноморской полосе, от которых оружие было отобрано в сентябре 1829 г. (ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 974, д. 228, л. 219; ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, т. 2, лл. 70—72).

²⁴¹ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 944, д. 50, ч. 1, лл. 140—142. В ведомости крестьяне отмечены как хлебопашцы, виноградари, хлебопашцы-работники, пастухи. Мелкая торгово-промышленная буржуазия обозначена под наименованием: суконные мастера, красильщики, обувники, оружейные мастера, мыльники и т. д.

²⁴² Ф. Фонтон. Указ. соч., т. II, стр. 73.

²⁴³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 11.

«после долгого заседания»²⁴⁴. Однако надо сказать, что жалоба не характерна для того времени, в смысле выражения идей и политических стремлений руководителей движения.

К сожалению, нам не удалось обнаружить в архивах материалов депутации болгар, посетившей Главную квартиру в конце сентября 1829 г. Но в нашем распоряжении два прошения болгарской депутации Румелийских городов и уездов, датированные ноябрем 1829 г.²⁴⁵ Описав национальный, религиозный, политический гнет, отсутствие каких-либо политических прав болгарского народа, депутация говорит о том, что он вооружился против турок, чтобы избавиться при помощи России «от такового несносного ига», что болгары питают надежду получить такие же свободы, которые дарованы «трем христианским народам». В прошениях говорится, что болгары и сейчас «не потеряли еще сии надежды».

По своему идейному содержанию и политическим требованиям прошения 1829 г. полностью соответствуют мемуару, поданному Ал. Нековичем в 1828 г.

Таким образом, в тех исторических условиях болгарская буржуазия, как и в 1828 г., выдвигала осуществимую цель движения — добиться автономии для Болгарии по примеру соседних народов. Несомненно, это требование в то время было прогрессивным, хотя оно не решало полностью вопроса о национальной независимости. Создание суверенного национального государства тем не менее способствовало бы образованию условий для развития капиталистических отношений в стране, для последующего шага к образованию национального государства. Такое требование было прогрессивным и потому, что пробуждало массы к борьбе против национального и феодального гнета. Положительной стороной деятельности болгарской депутации является постановка вопроса о национальных требованиях для всей страны в целом. Как вооруженная борьба народа, так и деятельность депутации имеет не местное значение, а общенациональное для всей Болгарии²⁴⁶.

Главной социальной опорой движения был болгарский крестьянин. Но в документах, вышедших из рук болгарской депутации, т. е. своеобразной организации движения, вопрос о положении болгарского крестьянства поставлен глухо. Здесь в общих выражениях сказано о том, что «турок живущего близ его дома христианина имеет за крепостного, употребляя всю его собственность в свою пользу», турки считают болгар «крепостными, и посему христиане должны трудиться для них и удовлетворять неуместным их прихотям»²⁴⁷. Здесь говорится о турках и христианах больше в связи с национальной принадлежностью, а не в связи с социальным положением.

Надо сказать, что болгарский крестьянин выражал свои требования куда решительнее и яснее, чем представители буржуазных кругов. Когда

²⁴⁴ Г. Раковски. Указ. соч., стр. 219.

²⁴⁵ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 944, д. 50, ч. 1, лл. 115—117, 122—123.

²⁴⁶ Характерно, что протесты против заключения Адрианопольского договора, в части касающейся Болгарии, были направлены населением г. Вратца. Вратчанцы выступили раньше других городов. 11 сентября к генералу П. Киселеву явилась депутация с просьбой известить жителей о том, есть ли «в трактате мира с турками и на Булгарию некоторое презрение». Мы надеемся, писали вратчанцы, что болгарский народ получит такую свободу, чтобы «могли просвещаться в науках и успевать в добродетелях... и отечеству на пользу жить возмогли». Болгары ожидали, говорится в прошении, что победоносное русское оружие освободит их от «ига и порабощения турецкого». Они просят в договоре оговорить им такие же права, как Греции и Сербии (ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 944, д. 50, ч. 1, лл. 73—74).

²⁴⁷ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 944, д. 50, ч. 1, лл. 115—116.

чиновник дипломатической канцелярии Ф. Фонтон обратился к зажиточному крестьянину сел. Факи с вопросом о том, в чем же состоят требования болгар, тот, взяв листок бумаги, изложил эти требования в 16 пунктах. Среди них наряду с национальными и религиозными вопросами упоминаются требования ликвидации спахийского землевладения, феодальной эксплуатации крестьянина, отмены тяжелых обременительных налогов, системы откупов некоторых налогов, ликвидации ангорий²⁴⁸.

Среди руководителей национального движения была известная часть, которая выражала буржуазно-демократические требования довольно решительно. В одном из распоряжений И. Дибича говорилось о том, что в Сливене имеется группа болгар, склоняющая жителей города и сел не повиноваться духовной власти, позволяющая «себе на шет оногo и турецкого правительства нетактичные выражения и даже угрозы, клонящиеся к общему возмущению»²⁴⁹.

И. Дибичу не удалось удержать движение в рамках, не допускающих антифеодальной борьбы. Опора на высшее духовенство оказалась явно непрочной, болгарский народ ненавидел греческое духовенство не менее турецких пашей. В национальном движении мы видим проявление борьбы против него. Несостоятельной оказалась и такая классовая опора, как «старшины», на которых И. Дибич возлагал особые надежды в смысле влияния через них на крестьянство. В документах встречаются многочисленные данные об антифеодальной борьбе крестьянства. Генерал Монтрезор, формировавший болгарский отряд, отвечая на приказ Дибича о вовлечении возможно большего числа болгар, взмолился «не увеличивать числа волонтеров болгарских» свыше 400 человек. Болгары, доносил он 17 августа, «нередко вступают в сию службу, лишь бы получить ружье, пару пистолетов, а там скрываются так, что и старшина, долженствующий за него отвечать, уже сам отыскать не может и многие другие неудобства при том имеются»²⁵⁰. Хотя И. Дибич и приказал иметь в отряде только 400 вооруженных болгар и использовать их «при нашей пехоте, а никогда одних, дабы иметь их, так сказать всегда на глазах, чтобы они не могли скрываться», это не помогло. Монтрезор сообщал, что, получив оружие, болгары уходят малыми партиями²⁵¹.

Куда же уходили болгарские крестьяне? Как только болгарский крестьянин чувствовал в руках ружье, он направлял его против турецких помещиков, видя в них не только своих национальных угнетателей, но и эксплуататоров. Болгарские крестьяне захватывали помещичий скот, тяловую силу, инвентарь, занимали постройки имений. Перед нами письма 1830 г. Адрианопольского Алиш-паши к Дибичу, в которых он перечисляет поместья, занятые болгарскими крестьянами. Так было с имением сливенского аяна «во время, когда он оставил город Сливен, жители из булгаров взяли весь скот, находящийся в хуторах, и другие вещи и мельницу и прочие его собственные лавки и строения, которые и ныне находятся в руках сих булгаров»²⁵².

²⁴⁸ Ф. Фонтон. Указ. соч., т. II, стр. 190—191.

²⁴⁹ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, д. 51, св. 1045, лл. 52, 53. И. Дибич называет их «людьми неблагонамеренными и нарушителями общего спокойствия». В деле есть список этих лиц: Ходжи Андрей — начальник волонтеров, Петр — также начальник волонтеров, Їорбаджи Русо, Гаванцо Їорбаджи, учитель Николай, учитель Хаджи Гордани, Панагет сын Ходжи Василия от Кадикной, Василий и Анастас, «приехавшие из Бухареста». Это наиболее активные деятели национального движения 1829 г., по их инициативе и происходили сборы представителей городов Румелии.

²⁵⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4841, ч. 2, л. 496.

²⁵¹ Там же, лл. 482—483.

²⁵² ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 943, д. 40, л. 19.

Крестьяне заняли поместья аяна Руссо Кастро, бывшего верховного визиря в Ямбальском уезде, имение Гасан-паши в районе Кирк-Килиссе и др. Такие сообщения шли буквально из всех селений южной части Болгарии: Бургаса, Карнобата, Ахиоло, и особенно Адрианополя²⁵³. Всюду не могли появиться не только помещики, но даже и их поверенные. Антифеодальная борьба проходила и за демаркационной линией. Вооруженные крестьяне выгнали из м. Самоковец турецкий отряд под командованием аги, собиравшего налоги. При движении русского отряда к Родосто (берег Эгейского моря) не было обнаружено турецких регулярных войск, отряд «открыл токмо цепь, содержанную помещиками для защиты своих владений»²⁵⁴.

Развернувшаяся борьба болгарского крестьянства заставила и русское гражданское управление отменить сбор каких бы то ни было налогов. И. Дибич дал распоряжение не делать «отнюдь никаких сборов»²⁵⁵. Урожай на полях турецких пашей было разрешено убирать болгарам. Да болгарские крестьяне и не дожидались разрешения. Нет необходимости увеличивать отдельные примеры.

Итак, в южной части Болгарии национально-освободительное движение по своему содержанию было антифеодальным. Крестьянство составляло значительную часть участников вооруженного выступления.

Мы рассмотрели национально-освободительное движение в Болгарии в 1829 г., его содержание, характер и классовые силы.

* * *

1830 год принес новые испытания болгарскому народу. Деятельность болгарских депутатов, протест народа против условий Адрианопольского договора, определяющих дальнейшую судьбу Болгарии, окончились безрезультатно.

И. Дибич в конце сентября запросил Николая I о том, как быть с просьбами болгар, каково решение правительства? Царь ответил, что болгарам разрешено следовать с русской армией в пределы России, что он распорядился о созыве комитета министров, который должен определить меры «о прочном водворении в полуденной России перешедших к нам из турецких владений христианских жителей»²⁵⁶. Уточняя свои решения, царь в январе 1830 г. писал И. Дибичу, «чтобы правом переселения в Россию преимущественно дозволено было воспользоваться тем из жителей Булгарии и Румелии, кои непосредственно или посредственно принимали участие в военных действиях противу турок»²⁵⁷. И. Дибичу было поручено отклонять просьбу тех болгар, которые не принимали участия в «военных действиях». Для наблюдения за выполнением Адрианопольского мира и защиты интересов оставшихся жителей в Сливене назначался русский консул.

²⁵³ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 943, д. 40, лл. 49, 53, 55, 92, 146; св. 974, д. 228, лл. 76, 81, 104.

²⁵⁴ Там же, ф. ВУА, д. 4854, л. 91; д. 4841, ч. 2, л. 648.

²⁵⁵ Там же, д. 4855, л. 10.

²⁵⁶ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 944, д. 50, ч. 1, лл. 36, 37. Комитет министров в своих решениях от 8 октября 1829 г. и 11 февраля 1830 г. поручил министру внутренних дел поселить болгар в Бессарабии или «в других местах Новороссийского края» (ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 1. Журнал заседания Комитета министров от 11 февраля 1830 г., л. 565).

²⁵⁷ Там же, лл. 151—152.

Перед руководителями национально-освободительного движения встал вопрос — какую же тактику принять в борьбе против турецкого ига? Не все выдержали испытание трудностей. В руководстве движением произошел раскол. Образовалось два крыла: умеренное, в которое входили И. Селиминский, Василий Хаджи Михайлов и большинство другие депутатов городов; оно настаивало на переселении в Россию; радикальное — главным образом молодежь, оно настаивало на подготовке и проведении восстания. Как сообщает И. Селиминский, двум этим направлениям в национальном движении противостояли еще чорбаджи, туркофилы и высшее духовенство, которые вели агитацию за безусловное подчинение туркам, проповедуя о их миролюбии и т. д.²⁵⁸

Раскол в руководстве национально-освободительного движения был отражением в размежевании социально-классовых сил, принимавших участие в вооруженном восстании в июле-августе 1829 г.

От активных действий отошла значительная часть городской торгово-промышленной буржуазии, так называемых «културни торговци и еснафи»²⁵⁹. Эта социальная прослойка движения и определила тактику и поведение партии, выступавшей за переселение в Россию.

Естественно, носителями демократического движения выступают народные массы, которые были сторонниками решительной борьбы против турецкого ига. Настроение этой части выражал Г. Мамарчев, ставший на путь подготовки и проведения вооруженного восстания. Его поддерживали, как упоминается в одном распоряжении И. Дибича, «Хаджи Андрей — начальник волонтеров, Петр, также начальник волонтеров» и др., которые ведут действия, «клоняющиеся к общему возмущению»²⁶⁰.

И. Селиминский указывает, что Г. Мамарчев объединил «всички голтацы»²⁶¹, т. е. всех бедных. План восстания Г. Мамарчева, как сообщает Г. Раковский, состоял в том, чтобы поднять болгарский народ за Балканами и направиться в Великий Тырнов и провозгласить там свободу Болгарии²⁶². Г. Мамарчев развернул деятельность по подготовке восстания. Для осуществления своего плана он провел несколько собраний в Сливене, разослал своих сторонников во многие места Болгарии. И отовсюду получал положительные ответы. Восстание намечалось на весну 1830 г.

Как видно из архивных документов, центром подготовки восстания было избрано м. Котел. В ноябре 1829 г. Г. Мамарчев обратился к И. Дибичу «дозволить ему с находящимися при нем 20 человеками прозимовать в Балканах в незанимаемых никем селениях Градец, Катунешто, Баш-Кеу и Медвень»²⁶³. Это был район наиболее активного крестьянского движения²⁶⁴. Активные действия восстания начались 2 апреля 1830 г. в сел. Градец, около м. Котел, появился Г. Мамарчев во главе отряда волонтеров в 500 человек. Это вызвало тревогу чорбаджиев, и те же старшины, которые просили русские войска в 1829 г. занять Котел, теперь, перепуганные народным движением, просят И. Дибича вмешаться и предотвратить народное восстание. План восстания был ими выдан

²⁵⁸ «„Библиотека“ Д-ръ Ив. Селимински», ч. 1, стр. 16—17. В рапорте дежурного генерала от 30 января 1830 г. сообщается, что в числе депутатов от Сливена находится «булгар, получивший хорошее образование, молодой человек Базилус Хаджа Михаил», а через него шла связь с переселяющимися болгарам (ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 944, д. 50, ч. 1, л. 147).

²⁵⁹ М. Арнаудов. Указ. соч., стр. 142.

²⁶⁰ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, д. 51, св. 1045, лл. 52, 57.

²⁶¹ П. Кисимов. Указ. соч., ч. IV, стр. 84.

²⁶² Г. Раковский. Указ. соч., стр. 218.

²⁶³ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 868, д. 13, лл. 110—111.

²⁶⁴ Там же, св. 944, д. 50, ч. 1, л. 140.

И. Дибичу, они «изъявили крайнее беспокойство относительно намерений Буюкли, тем более что не уверены в булгарах окрестных деревень, беспрестанно присоединяющихся к партии».

Царские генералы явно были обеспокоены народным движением, которое могло охватить всю Болгарию. В стан к Г. Мамарчеву был послан майор Крылов для выяснения намерений волонтеров. Г. Мамарчев, чтобы обмануть командование армии, заявил, что с ним 500 человек, «что он, кроме сих, имеет еще в разных местах много готовых и вооруженных волонтеров», но собираются они для защиты болгар, переселяющихся в Россию. Однако, как сообщает Крылов, при выяснении оказалось, что здесь готовится восстание болгар «по выходе русских войск»²⁶⁵.

Г. Мамарчеву и его сторонникам не удалось осуществить своих планов. Они были сорваны в начальной стадии их осуществления, о чем рассказано в воспоминаниях Г. Раковского²⁶⁶.

Причины поражения восстания заключаются не только в отрицательном отношении к нему царского правительства и прямого предательства чорбаджиев, требовавших принятия мер против народного движения, но и в отходе от вооруженной борьбы значительной части городской мелкой торгово-промышленной буржуазии. Умеренной части руководства национальным движением, партии, выступавшей против восстания, удалось взять верх. Национально-освободительное движение в 1830 г. вылилось в конечном итоге в такую своеобразную форму протеста против турецкого ига, как переселение.

Подвиг Г. Мамарчева — поднять народное восстание — был высоко оценен следующим поколением национальных героев и в первую очередь Г. Раковским. Он назвал действия Г. Мамарчева «благородным делом»²⁶⁷.

Подведем некоторые итоги. Рассмотрев борьбу болгарского народа против турецкого ига в 1828—1830 гг., мы видим ясно громадный шаг вперед в национально-освободительном движении. Происходило пробуждение массового народного движения, вылившегося в стихийное вооруженное восстание в 1829 г. Главную силу движения составляло крестьянство и городские низы, мелкая буржуазия. Борьба крестьянских масс, которые выступили за уничтожение турецкого феодального землевладения, придавала движению антифеодальное содержание.

Мы можем с полным основанием говорить о появлении в национально-освободительном движении болгарского народа первой организации, которая поставила вопрос об освобождении Болгарии от турецкого ига, опираясь на выступление народа. Следовательно, мы имеем дело с переходом разрозненных выступлений к сознательному демократическому движению. Это было буржуазно-демократическое национальное движение, во главе которого шла поднимающаяся болгарская буржуазия.

В истории болгарского народа эпохи возрождения борьба 1828—1830 гг. занимает важное место. Прямым следствием этой борьбы были реформы 30-х годов. Антифеодальные выступления крестьян в 1829—1830 гг. явились прологом крестьянских восстаний 1830—1850 гг. Борьба болгарского народа 1828—1830 гг. явилась переходным этапом к организованному революционному национально-освободительному движению под руководством Г. С. Раковского. И на наш взгляд, в общих курсах истории Болгарии рассмотрение национально-освободительного движения второй четверти XIX столетия следует начинать именно с борьбы болгарского народа в 1828—1830 гг.

²⁶⁵ ЦГВИА, ф. МА, оп. 183, св. 978, д. 204, лл. 52—53.

²⁶⁶ Г. Раковский. Указ. соч., стр. 218.

²⁶⁷ Там же.

В. И. Фрейдзон

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
АНТУНА И СТЕПАНА РАДИЧЕЙ В 1900-х гг.
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХОРВАТСКОЙ
КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ (1904—1905)**

Массовое крестьянское движение среди хорватов представляло весьма важный элемент острой политической борьбы в буржуазной Югославии в 1920-х годах. Лидер хорватской крестьянской партии (ХКП) Степан Радич являлся одним из наиболее крупных буржуазных деятелей Хорватии первых десятилетий XX в.

Превращение ХКП в массовую партию произошло в Югославии в обстановке революционного подъема, наступившего после первой мировой войны под мощным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Победа социалистической революции в России создала коренной перелом в способах борьбы, формах организации, традициях, идеологии эксплуатируемых масс всего мира. На хорватские крестьянские массы, в частности, огромное впечатление произвело решение аграрного и национального вопросов в Советской России. Это обстоятельство наложило печать на всю деятельность ХКП, ее тактику и идеологию. Влияние ХКП в начале 1920-х годов достигло кульминации. Хорватская крестьянская партия стала самой многочисленной партией Югославии, и ее деятельность в этот период еще ждет основательного исследования. Между тем, чтобы правильно понять сущность эволюции и идеологию крестьянской партии в эти, наиболее важные для нее годы, необходимо изучать ее историю в период до первой мировой войны, когда были заложены основы идеологии ХКП.

Ввиду того, что Степан Радич длительное время находился в центре политической борьбы в Югославии, освещение его деятельности буржуазными авторами зависело от их принадлежности к тому или иному политическому лагерю. Буржуазная историография вообще не была способна дать правдивое научное исследование идеологии и деятельности организаторов ХКП Антуна и Степана Радичей в целом, так как защищала интересы буржуазии. Примером попытки изложить социально-политические взгляды организаторов ХКП с «объективных» и «беспристрастных» позиций является монография буржуазного историка Л. Вукович-Тодорович¹. Л. Вукович-Тодорович, хотя и характеризует тяжелое

¹ Л. Вукович-Тодорович. Хрватски селачки покрет браће Радича. Антун Радич. Београд, 1940.

положение крестьянских масс Хорватии в конце XIX—начале XX в., даже не пытается сопоставить те или иные взгляды, проекты, требования А. Радича с коренными интересами этих масс, разоряемых капитализмом, не пытается определить, интересами какого слоя сельского населения были обусловлены взгляды А. Радича, и утверждает, что А. Радич выступал просто в качестве искреннего друга народа: видел бедствия, переживаемые крестьянством, и предлагал средства против них. Таким образом, этот труд, несмотря на имеющиеся в нем интересные замечания по некоторым конкретным вопросам, порочен в своей основе, ибо взгляды одного из основателей крестьянской партии изображаются в нем в идеализированном виде.

В ФНР Югославии еще не появилось исследований, специально посвященных интересующей нас проблеме². В Советском Союзе также нет подобных работ. Для периода до первой мировой войны имеются лишь краткие характеристики хорватской крестьянской партии³. Тем более следует изучать историю этой партии, влияние которой в крестьянской среде между двумя мировыми войнами было столь серьезным. В рамках данной статьи мы намерены коротко изложить лишь основные черты идеологии и политической линии организаторов ХКП (главным образом к моменту создания партии) в связи с социально-политической обстановкой в Хорватии в начале XX в., определившей существо их взглядов, программные требования крестьянской партии, охарактеризовать ее социальную базу в предвоенный период и отношение к ней со стороны властей и буржуазно-помещичьих кругов.

* * *

В конце XIX—начале XX в. Королевство Хорватия и Славония входило в состав венгерской части австро-венгерской монархии и пользовалось автономией внутреннего управления, а также в области культуры и церковных дел.

Развитие экономики страны было полностью подчинено интересам австро-венгерских господствующих классов, подвергавших Хорватию эксплуатации (высокие налоги, большая часть которых уходила в Венгрию, колониальная политика в области сельского хозяйства, транспорта и промышленности). «Венгерская индустрия должна иметь свои рынки, свои колонии, — отмечала в 1901 г. газета «Слобода» — орган хорватской социал-демократии, — а этим и является Хорватия и Славония. Вполне естественно, что венгерские буржуа, капиталисты, промышленники и финансисты не станут заботиться о поддержке нашего экономического прогресса, но стремятся препятствовать ему на каждом шагу»⁴. Венгерский и австрийский крупный капитал, владевший большинством значительных предприятий, все в более широких масштабах эксплуатировал как хорватских рабочих, так и ремесленников и крестьян.

Огромные дворянские имения, занимавшие около четверти сельскохозяйственной площади Хорватии, в своей большей части принадлежали

² В 1951 г. вышла книга Кулунджича (Z. Kulundžić. Ante Radić i klerikalci. Zagreb), посвященная важному, но все же частному вопросу, указанному в ее названии.

³ См., например, «Первая русская революция и международное революционное движение», ч. I, М., 1955, стр. 462, 463; «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. X, 1954, стр. 126; т. XV, стр. 109, 119; «История южных и западных славян», учебник, М., 1957, стр. 391, 392.

⁴ «Radnički pokret u Hrvatskoj potkraj XIX stoljeća. Izabrani izvori. Priredila M. Gross», Zagreb, 1957, стр. 113.

венгерским и австрийским магнатам. В помещичьих хозяйствах наряду с широким применением наемного труда еще большое место занимала издольная аренда (за треть — половину урожая) и другие формы кабальной эксплуатации крестьянства. Крупные помещики имели привилегии на устройство рынков, перевозов, ловлю рыбы, постройку мельниц, продажу вина и т. п., они фактически были освобождены от тяжелого общинного налога. Потравы во время помещичьей охоты наносили большой ущерб крестьянскому хозяйству. Помещики хозяйничали в местном управлении. Владельцы крупнейших латифундий сохраняли право личного участия в работе сабора (сейма) Хорватии. В отношении крестьянства сохранял силу ряд реакционных законов, в том числе абсолютистских патентов 1850-х годов, ставивших крестьянство в целом на низшую общественную ступень. Крестьянские общины находились под скрупулезным контролем чиновников; местные власти обладали правом лишения свободы крестьянина на две недели без суда. Крестьянство страдало от чудовищной волокиты, взяточничества и самоуправства⁵.

Закон о выборах в сабор носил четко выраженный антикрестьянский характер: в сельской местности существовал двухступенный порядок выборов, при котором 50 избирателей-крестьян выдвигали одного выборщика, тогда как буржуазно-помещичья верхушка и чиновники избирали депутата непосредственно.

Венгерские, австрийские и хорватские магнаты являлись одной из главных социальных опор австро-венгерского господства. Кроме австро-венгерских помещиков, правящие круги опирались на хорватскую банкирскую верхушку, зависящую от австрийского и венгерского капитала, и многочисленный чиновничий аппарат. Свои господствующие экономические и политические позиции в Хорватии венгерские помещики и буржуазия использовали для постепенной мадьяризации страны. Крупное землевладение и крупный капитал, разорявший крестьян и ремесленников, были представлены, таким образом, прежде всего нехорватами. Понятно, почему социальные противоречия в Хорватии приобретали в значительной мере национальную окраску, а народные массы деревни и города проникались национально-освободительными стремлениями.

В конце XIX—начале XX в. перед Хорватией стояла задача буржуазно-демократического преобразования, расчистки пути для свободного развития капитализма. Содержанием буржуазно-демократического переворота должны были быть ликвидация полуфеодалного помещичьего землевладения и национального гнета.

В 1900-х годах буржуазное развитие самого хорватского общества зашло очень далеко. Уже в последние десятилетия XIX в. сформировались основные классы капиталистического общества — буржуазия и пролетариат. Эксплуататорской верхушке в деревне противостояла бедняцкая и полупролетарская масса (которая составляла не менее $\frac{2}{3}$ населения деревни в конце XIX в.)⁶. Преобладающую часть хорватской национальной буржуазии в начале 1900-х годов составлял торгово-ростовщический элемент: скупщики урожая у крестьян, торговцы хлебом и скотом, акционеры и вкладчики сберегательных касс, спекулянты землей, адвокаты, распрода-

⁵ См. нашу статью «Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян в Хорватии в конце XIX—начале XX в.». — «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. X.

⁶ В 1895 г. свыше 44% хозяйств (владельцы до 3 га) занимали лишь 8,5% земли, а более 27% хозяев (владельцы 3—6 га) — 17,3% земли (см. «Statistički godišnjak kraljevina Hrvatske i Slavonije», I, Zagreb, 1913, str. 326 и далее; «Österreichisch-Ungarische Monarchie in Wort und Bild», Bd. 24, Wien, 1902, S. 225). Подробнее о социальной структуре хорватского крестьянства см. в указанной выше нашей статье.

вавшие с молотка крестьянские участки, и т. п. Эти сравнительно немногочисленные, слабо связанные с производством, но быстро богатевшие буржуазные слои эксплуатировали все крестьянство как зажиточное, так и бедняцкое, и поэтому были глубоко враждебны ему. В 1900-е годы произошли определенные сдвиги в развитии хорватской промышленной буржуазии, однако она еще занимала второстепенные позиции в национальном буржуазном лагере. Промышленный рабочий класс Хорватии, насчитывавший в 1900 г. более 40 тыс. человек, был распылен по мелким мастерским (в 1900 г. 56% рабочих было занято на предприятиях с числом лиц на каждом до 20⁷).

Весьма существенным процессом в хозяйственной жизни Хорватии явилось то, что с середины 1890-х годов зажиточные слои крестьянства относительно быстро стали развивать интенсивное хозяйство (животноводство), производя товар в большой мере для нехорватского (австрийского прежде всего) рынка, и их роль в экономике Хорватии заметно возрастала. Между тем, как и все крестьянство, они оставались политически неравноправными, подвергались эксплуатации и произволу помещиков и чиновников, крупных ростовщиков и торговцев, ставивших препятствия расширению их хозяйства. Венгерские власти в интересах аграриев своей страны всячески стремились подавить растущую конкуренцию этой мелкой хорватской крестьянской буржуазии. Привилегии помещиков, национальный гнет, эксплуатация крестьянства крупными ростовщиками и бюрократией являлись причиной того, что крестьянская буржуазия, несмотря на растущие противоречия между нею и сельской беднотой, еще сохраняла определенную (ограниченную) общность интересов со всей массой крестьянства.

Эта полуразоренная бедняцкая масса хорватской деревни в начале 1900-х годов голодала уже зимой⁸. Не находя работы у себя в стране, тысячи крестьян-бедняков ежегодно покидали родную землю. В хорватской деревне нарастало широкое возмущение полуфеодальной и капиталистической эксплуатацией. Стихийные крестьянские волнения локального характера неоднократно вспыхивали в течение последних десятилетий XIX в. и жестоко подавлялись вооруженной силой, но к концу 1890-х—началу 1900-х годов положение обострилось настолько, что, по выражению Ст. Радича, настроения в хорватской деревне напоминали обстановку в предреволюционной Франции конца XVIII в., а брожение проникло даже в «самую терпеливую душу» и докатилось «до последней избенки»⁹. В широких полупролетарских слоях деревни зрело сознание необходимости ликвидации помещичьего землевладения и всего реакционного строя путем революционной борьбы¹⁰, все более популярным становилось требование раздела латифундий. В 1897 г. серьезные крестьянские волнения, направленные против ростовщиков, чиновников и реакционного режима бана Куена-Хедервари и сопровождавшиеся вооруженными столкновениями с жандармерией, прокатились по ряду районов бывшей Военной Границы (Карловац, Огулин, Оточац и др.). Военно-полевой суд приговорил нескольких крестьян, участвовавших в движении, к смертной казни.

⁷ «Statistički godišnjak...», I, str. 497.

⁸ «...мало сел в Хорватии, где бы народ имел свой хлеб в течение всей зимы» (S. Radić. Kako ćemo iz našeg zla u dobro». Sisak, 1902, str. 4).

⁹ «Hrvatska misao», Zagreb, 1903—1904, sv. 4, str. 207.

¹⁰ Журнал, выступавший против революционного движения, отмечал, что крестьяне «в душе своей за такую «партию», программа которой никогда не произносится вслух и не пишется, но в момент крайнего отчаяния сразу проводится...» (см. «Hrvatska misao», 1904—1905, sv. 2, str. 92).

Между разорявшимся крестьянством и обогащавшейся за счет народа национальной оппозиционной буржуазией, которая ограничивалась шумными парламентскими выступлениями и провозглашением государственно-правовых программ (объединения хорватских земель, расширения автономии Хорватии), но занимала контрреволюционную позицию, зная пропасть. Руководящие верхушки буржуазных оппозиционных партий — независимой народной партии и партии права — боялись народа. Крестьянская масса все более разочаровывалась в буржуазных лидерах, представлявших интересы эксплуататоров. Нередко крестьянские выступления оказывались направленными против «патриотических» буржуа.

В связи с этим, когда в 1894 г. возникла Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии, выступившая с требованием буржуазно-демократических реформ (всеобщего избирательного права, свободы собраний, объединений, печати и т. д., ликвидации сословных и национальных привилегий), она вскоре нашла поддержку среди крестьян ряда районов, в особенности Срема, где были созданы десятки местных организаций партии, состоявших в основном из сельскохозяйственных рабочих и крестьян.

Период 1895—1906 гг. ознаменовался подъемом революционной борьбы батраков и беднейшего крестьянства Срема и Славонии, связанным с массовым движением сельского пролетариата в южной Венгрии¹¹. Движение было направлено против кабальных методов эксплуатации, однако выдвигались и лозунги раздела помещичьих латифундий.

Многочисленные и разнообразные документы, использованные в работе А. Раденича¹², убедительно рисуют картину всеобщего возбуждения, подъема революционных настроений среди широких слоев сельского полупролетариата и эксплуатируемого крестьянства Срема, повсеместного распространения духа протеста против засилия помещиков и бюрократии, готовности бороться против властей, стоявших на страже интересов крупных землевладельцев, уверенности в наступлении революционных событий в ближайшем будущем.

Вступление большого числа представителей сельского полупролетариата Срема в социал-демократическую партию существенно повлияло на характер политической позиции многих местных организаций партии. Они прониклись бунтарским боевым духом. По существу мелкое крестьянство и рабочие-поденщики Срема под флагом социал-демократии боролись за революционные преобразования буржуазно-демократического характера. Революционные настроения охватили и средние слои.

Это движение «снизу» в своей основе было стихийным, оно давило на руководящие органы социал-демократии, а не направлялось ими.

Хорватская социал-демократия, состоявшая в конце 1890-х — начале 1900-х годов главным образом из мелких ремесленников и ремесленных рабочих¹³, боролась за буржуазно-демократические свободы и экономические требования рабочих, но она не была революционной пролетарской партией. Ее оппортунистическое руководство отстаивало теорию исключительно мирного перехода к социализму с помощью всеобщего избирательного права. Естественно, что это руководство не выдвинуло революционных аграрных требований и не намеревалось возглавить крестьянское

¹¹ А. Lebl. Sindikalna borba agrarnog proletarijata. Beograd, 1954. str. 56—90, 105—108.

¹² А. Раденич. Положај и борба селаштва у Срему од краја XIX века до 1914. Београд, 1958.

¹³ М. Gross. Neke karakteristike socialne demokracije u Hrvatskoj i Slavoniji. — «Historijski zbornik». Zagreb, 1952. Br. 3—4, str. 312.

революционное движение. Правда, ввиду быстрого роста политической активности широких масс в 1890—1900-х годах и остроты крестьянского вопроса в Хорватии социал-демократия неоднократно обсуждала проблему работы в деревне, но она не выработала программу радикального решения аграрного вопроса. Это способствовало в дальнейшем укреплению влияния на крестьянство идеологов крестьянской буржуазии.

В 1897 г. в связи с предстоящими выборами в сабор в Среме (Нуштар) дело дошло до столкновений между крестьянами, возглавляемыми социалистами, и полицией. Правительство послало в районы Осиека, Шида и Вуковара войска. Сотни крестьян были арестованы, однако социалистические организации продолжали борьбу. Готовилось массовое празднование 1 Мая. Крестьяне договорились не допустить избрания в сабор «попов и графов» и выдвинули своего кандидата — крестьянина. В ответ на арест руководителя одной из социал-демократических организаций Стево Вельина крестьяне дер. Маринци ударили в набат и, схватив колья, пытались освободить арестованного, а затем заняли дом общинной управы в Нуштаре. Маринчане добыли несколько ружей, вооружились топорами и мотыгами. Когда в ночь на 1 апреля 1897 г. к деревне подошло подразделение 78-го пехотного полка, оно было встречено выстрелами. Лишь увидев, что против них выступают регулярные войска, крестьяне прекратили сопротивление. Выступления трудящихся Срема в 1897 г. свидетельствовали о росте классового самосознания беднейших крестьян этого развитого в капиталистическом отношении района: на судебном процессе в 1897 г. крестьяне заявляли, что они по своему положению близки пролетариям и поэтому пошли за социал-демократами. Успехи социал-демократии среди крестьян, многочисленного и по-боевому настроенного полупролетариата и батраков серьезно встревожили помещиков, буржуазию и власти, более терпимо относившихся к деятельности социал-демократов в городах. Путем жестоких судебных преследований правительству удалось временно подавить движение¹⁴.

В связи с тем, что обострение национальных и социальных противоречий в Хорватии в конце XIX в. сопровождалось быстрым падением влияния буржуазных оппозиционных партий, слабых и изолированных от народа, с критикой этих партий выступили леволиберальные и либерально-народнические элементы, отражавшие требования нарождавшейся промышленной и сельской буржуазии. Ядром этих элементов, изложивших свои взгляды в сборниках «Hrvatska misao» («Хорватская мысль», 1897 г.), «Novo doba» («Новое время», 1898 г.) и других явилась молодежь, учившаяся в Праге и находившаяся под влиянием буржуазно-либеральных идей профессора Т. Масарика. В области национальной это течение («прогрессисты» или «реалисты») провозгласило возрождение югославянской идеи, т. е. вновь после периода нарастания хорвато-сербских противоречий в 1870-х—1890-х годах, выдвинуло важную для дела национального освобождения югославянских народов программу сплочения хорватов, словенцев и сербов для борьбы против австро-венгерского гнета, за создание объединенного югославянского государства. Ближайшим требованием «прогрессистов» было предоставление Хорватии финансовой автономии, т. е. права самостоятельно собирать налоги на своей территории и распоряжаться собранными средствами. Это требование вскоре получило широкое распространение.

¹⁴ См. «Radnički pokret...», стр. 84—92; «Arbeiter Zeitung». Wien. Апрель—июль 1897, а также нашу указанную выше работу, стр. 128—130.

С целью вовлечения масс в национальную борьбу под руководством буржуазной интеллигенции прогрессисты призывали оппозиционные партии не ограничиваться критикой правительства и провозглашением программ «великой Хорватии», но «действовать»¹⁵, а именно «спуститься вниз» к крестьянину и «спасть его экономически»: помочь ему вводить улучшения в хозяйство, создавать кооперативы, вытеснить ростовщика и т. п., т. е. заинтересовать крестьян социальной программой. Старая буржуазная оппозиция на первых порах обрушилась на прогрессистов, объявив их анархистами и даже социалистами. Тогда эти либеральные интеллигенты и сторонники оппортунистической теории «малых дел» подчеркнули, что их социальная программа не имеет ничего общего с «социально-демократической философией» и «в особенности историческим материализмом»¹⁶, хотя при этом признавали оправданность «практических» (общедемократических) требований социал-демократии. Прогрессисты, убедившись в победе оппортунизма в руководстве социал-демократии, рекомендовали буржуазии сотрудничество с социалистами в борьбе за национальные и общедемократические цели. Идеи прогрессистов имели общедемократическое содержание, ибо прогрессисты стремились устранить некоторые препятствия капиталистическому развитию страны, но программа «спасения» народа от разорения являлась демагогическим маневром либералов, имевшим целью укрепить влияние буржуазии на трудящиеся слои населения. Важной причиной выступления прогрессистов являлся подъем революционной активности широких масс, напугавший либеральную буржуазию.

Промышленный и финансовый кризис начала 1900-х годов, рост дороговизны и безработицы еще более накалили обстановку в Хорватии. Одновременно национальное движение разворачивалось в Венгрии. Венгерская промышленная буржуазия добивалась ослабления зависимости Венгрии от Австрии: отделения страны таможенной границей от Австрии, организации национального банка и даже замены в венгерских воинских частях немецкого языка национальным. Хорватская буржуазия в этой обстановке активизировала свои выступления. Либеральные деятели организовывали собрания, призывая население поддержать оппозицию в борьбе за финансовую автономию страны. Массовый митинг, на который собрались тысячи людей, состоялся в Загребе 11 марта 1903 г.

Возбуждение было столь велико, что стоило ректору Загребского университета произнести верноподданническую речь, как вспыхнули демонстрации студентов, требовавших гарантии гражданских прав, финансовой автономии, изгнания реакционного бана Куена-Хедервари¹⁷. В этой обстановке провокация властей, вывесивших венгерские надписи на здании управления железных дорог, подлила масла в огонь. С конца марта вопреки стремлениям либералов в Загребе развернулись массовые демонстрации против национального гнета. 11 апреля на станции Запрешич жандармерия стреляла в крестьян, сорвавших венгерский флаг со здания вокзала. Слух о расстреле в Запрешиче распространился по стране. В Загребе демонстрации перешли в борьбу населения, единственным оружием которого были камни, с жандармерией, а позже и с войсками. Были повреждены здания правительственной газеты «Народне новине», вокзала, ряд домов сторонников режима. В уличных демонстрациях активно выступали рабочие. С марта 1903 г. города Загреб, Осиек, Крижевцы,

¹⁵ «Novo doba», U Zlatnom Pragu, 1898, str. 267.

¹⁶ Там же, str. 5.

¹⁷ J. Horvat. Politička povijest Hrvatske, sv. I. Zagreb. 1936, str. 334.

Сушак, Бакар находились во власти австрийской военщины. В Хорватию были введены военные подкрепления из других частей империи, на границах страны был установлен строгий контроль.

В апреле волнения охватили хорватскую деревню. Они приняли социальный характер: наряду с нападением на правительственные учреждения, представителей бюрократии, разоружением жандармов и т. п. крестьяне стали выступать против помещиков и богатых буржуа — ростовщиков, купцов, владельцев сберегательных касс¹⁸. В Лудбреге, Костайнице, Копривнице, Иваниче и других районах были разгромлены кредитные кассы, дома богатей-торговцев. Кровавые столкновения крестьян с войсками продолжались в течение всего лета 1903 г. Полевые суды карали крестьян за «злостное нанесение ущерба чужой собственности» и «мятеж»¹⁹. Тюремь были переполнены арестованными, а больницы ранеными. Оппортунистические вожди социал-демократии вновь выступили лишь за «законные методы» борьбы и таким образом способствовали подавлению народных выступлений²⁰. Движение осталось стихийным. Крестьяне, врывавшиеся в имения магнатов, удовлетворялись иногда обещаниями помещиков «отказаться» от поддержки реакционного режима. Отсутствие союза рабочего класса и крестьянства решительно ослабило революционное движение в Хорватии. Буржуазная либеральная печать, выступавшая за демократизацию порядков в стране и поэтому подвергавшаяся преследованиям, вместе с тем обрушилась на крестьян и поддержала полицейские мероприятия властей. Ввиду нараставших внутри-и внешне-политических трудностей австро-венгерским властям в июне 1903 г. пришлось убрать бана Куена-Хедервари из Хорватии.

Такова была обстановка в Хорватии в период подготовки Степаном и Антуном Радичами и их единомышленниками создания хорватской крестьянской партии.

Что же представляли собой основные социально-политические взгляды основателей этой партии? Каковы причины возникновения крестьянской партии в Хорватии и на какой общественный слой опиралась партия в первую очередь?

* * *

Основатели крестьянской партии Степан Радич (1871—1928 гг.) и его старший брат Антун Радич (1868—1919 гг.) происходили из крестьянской семьи. Благодаря своим политическим выступлениям Ст. Радич стал известен уже в 1880—1890-х годах. Он демонстративно протестовал против национального гнета: отказывался брать железнодорожные билеты с венгерскими надписями, публично назвал бана Куена-Хедервари тираном, был одним из организаторов демонстрации в 1895 г., когда в связи с приездом Франца-Иосифа в Загреб был сожжен венгерский флаг и т. п. За эти выступления Ст. Радич несколько раз попадал в тюрьму, был исключен из гимназии, а затем — из университета²¹. В 1888 и 1896 гг. он побывал в России, затем учился в Париже. Имя Ст. Радича мы встречаем среди «прогрессистов», авторов статей в «Ново доба» и других изданиях.

¹⁸ См. указанную нашу статью в «Ученых записках Института славяноведения», стр. 132, 133.

¹⁹ «Arbeiter Zeitung», Wien. 25.VI 1903.

²⁰ Именно от социал-демократии крестьяне ждали руководства. По свидетельству современников, в деревнях ожидалось появление социалистических «красных листов», которые должны были явиться сигналом к восстанию (см. M. Gross, Social-demokratska stranka Hrvatske i Slavonije i narodni pokret 1903. — «Historijski zbornik». 1954, Br. 1—4, str. 70).

²¹ М. Марјановић. Стјепан Радич. Београд, 1937, стр. 7—36.

Ст. Радич уже в начале 1890-х годов был убежден в необходимости обращения к крестьянству с социальной программой с целью активизации национальной борьбы. Так, например, в 1892 г. он убеждал лидера партии права Антуна Старчевича в необходимости издания массовой газеты («50 000 экземпляров») для крестьян, в которой трактовались бы интересующие крестьянина вопросы²². «Крестьянин — единственная наша надежда», — убеждал Радич Старчевича. На это последовал ответ патриарха хорватского национализма: «Пусть его учит черт или бог, я его учить не буду». В этом любопытном разговоре ярко отразилось бессилие буржуазной оппозиции, которая хотя и обращалась к «низам» с призывом поддержать ее, но больше всего опасалась демократического движения. Решение социальных вопросов она призывала «отложить» до национального освобождения Хорватии, которое будто бы избавит народ от всякой эксплуатации, а тяжелое положение народа объясняла исключительно национальным гнетом. Правда, в связи с ростом рабочего движения с конца 1890-х годов социальная демагогия становилась все более важным оружием всех группировок буржуазии в их попытках подчинения масс своим интересам.

В 1900 г. клерикальные круги при участии национальной буржуазии с целью борьбы против социалистического и революционного движения созвали хорватский католический конгресс. На этом съезде раздавались тревожные призывы готовиться к борьбе с «издалека надвигающимся валом» революционного движения²³. Реакция восхваляла «христианско-социальную политику», пропагандой которой занималась католическая церковь, призывала усилить влияние церкви путем разного рода экономических мер, ограничения ростовщичества и т. п. Было решено организовать Аграрный банк с целью финансирования сети сельской кредитной кооперации. Среди членов правления этого банка находился и Антун Радич, в прошлом учитель.

В 1902—1903 гг. братья Радичи активно сотрудничали в буржуазных партиях, а Ст. Радич был секретарем Хорватской партии права, главной партии хорватской буржуазии. Радичи еще находились во власти иллюзии, что им удастся «убедить» банковско-ростовщическую буржуазию «вернуться к народу», принять привлекательную для крестьян программу и превратить Хорватскую партию права в «крестьянскую партию»²⁴.

К началу политической деятельности Радичей их основной идейный багаж заключался в ряде положений либерального народничества. Они не понимали классовой структуры общества и отрицали наличие непримиримых противоречий в эксплуататорском обществе.

А. Радич в своей теории отразил существовавшую в Хорватии социальную обстановку с точки зрения мелкого хозяйчика и протест этого еще во многом патриархального крестьянина против национального гнета, пережитков феодализма, господства помещиков и крупного капитала. «Господа» и «народ» — таковы, по А. Радичу, основные лагеря современного ему общества. Народ А. Радич определял как массу, живущую в селах и не имеющую образования, это «...крестьяне-земледельцы и сельские ремесленники до сельские торговцы»²⁵. «Господами» являются помещики, фабриканты, городские ростовщики-финансисты, адвокаты и т. п., прези-

²² S. Radić. Najjača stranka u Hrvatskoj. Rieka, 1902.

²³ V. Cević. Organiziranje klerikalizma u Hrvatskoj. — «Republika», Zagreb, 1954, № 1, str. 106.

²⁴ См. S. Radić. Najjača stranka...; его же. Kako ćemo...

²⁵ A. Radić. Sabrana djela, t. I. Zagreb, 1936, str. 3; t. II, str. 1; t. IV, str. 177.

рающие народ, держащие его в темноте. Представителям каждого лагеря, по А. Радичу, свойственна особая культура: одним — народная, другим — «западная» культура или «цивилизация». А. Радич указывал на противоречия между крупным капиталом и трудом, свойственные «господской культуре», т. е. капитализму: после устранения феодализма в Европе возобладал «либерализм», личная свобода, которая, однако, по существу представляет свободу сильных (богатых) разорять слабых и эксплуатировать рабочих²⁶.

За «народной хорватской культурой» скрывался патриархальный быт крестьянина, идеализированный А. Радичем в его ранних сочинениях. Крестьянский «дом» олицетворял благополучие. Этот дом, по Радичу, необходимо спасти от разрушительного действия капитала. Наличие эксплуатации в Хорватии и разорение крестьянства А. Радич объяснял проникновением в страну чуждой хорватам западной культуры, влиянию которой поддались хорватские господа. В 1890-х—начале 1900-х годов он еще впадал в отчаяние от ужасов капитализма. Указывая, что «свобода» после 1848 г. принесла невиданные бедствия массам, он оплакивал «идиллию» задруги (большой патриархальной семьи, обеспечивавшей себя всем необходимым и в основном уже распавшейся к 1900-м годам), отстаивал подчиненное положение женщины, как «установленное богом», защищал регламентацию торговли и призывал хорватское общество воспрепятствовать «проникновению» торговцев в народ и тем самым «преградить путь злу» (1897 г.)²⁷, т. е. «спасти» крестьянина от разорения. Но при этом А. Радич решительно выступал против всех видов неравноправия крестьян и засилия бюрократии²⁸.

Идеология А. Радича в основном сформировалась в период издания им «Дома» — газеты для крестьян (1899—1904 гг.)²⁹. В 1900-х годах А. Радич, развивая свои взгляды о господах и народе, сформулировал понятие «господской» и «демократической» политики. Если «господская политика», писал А. Радич, считает, что только господа могут управлять государством, оправдывает сословные привилегии и бесправие масс (легко увидеть, что под «господской политикой» А. Радич подразумевал реакционный государственный строй Хорватии, при котором правом выборов в сабор пользовались 7—8% мужского населения и т. п.), то демократическая или крестьянская (эти понятия, считали Радичи, совпадают) политика является ее противоположностью. Общедемократическое содержание этих высказываний заключалось в том, что Радичи не только требовали политических прав для крестьян, но и участия народа в управлении государством, и даже утверждали, что народ может самостоятельно вести политику. Эта пропаганда, хотя она, как это станет ясно из дальнейшего, на практике была далека от революционности, представляла опасность для банкирско-помещичьей клики. Таким образом, в статьях А. Радича отра-

²⁶ «Dom», № 16, 1903. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. V, стр. 242.

²⁷ «Obzor», № 219, 1897. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. XVI, стр. 12—13.

²⁸ Демократическое требование равноправия выдвигалось Радичами в течение всего периода до первой мировой войны. Например, в 1905 г. А. Радич призывал изменить реакционный закон об общинах, ибо он «...переносит прежние сословные различия в наше время и в некотором роде еще и ныне оставляет на бывших кметах и их потомках клеймо их прежнего крепостного состояния, отмененного у нас в прочих делах» («Hrvatski narod», № 30, 1905. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. IX, 92, 93).

²⁹ Между взглядами А. и С. Радичей в разные периоды имелись второстепенные различия, которых мы здесь касаться не будем. Однако в основных вопросах — социальных и национальных — их позиция совпадала. Идеология крестьянской партии в большей части была выработана А. Радичем.

зилось противоречивое положение мелкой буржуазии: общедемократические тенденции — с одной стороны, страх перед капитализмом и на первых порах симпатии к остаткам патриархальщины — с другой.

Развитие мировоззрения Радичей в 1900-х годах соответствовало развитию зажиточного крестьянства, т. е. превращению его верхушки в буржуазию.

По мере укрепления кулацкого хозяйства, шедшего в 1900-х годах быстрым темпом, А. Радич стал занимать все более четкую позицию признания капитализма и приспособления к нему мелкого хозяйства. А. Радич идеализировал мелкий капитал, т. е. отрицал эксплуататорский характер «трудового» зажиточного хозяина-крестьянина и считал возможным устранение господства крупного капитала в условиях системы товарно-денежных отношений. Он проповедовал, что путь к устранению пропасти между господами и народом состоит в перевоспитании господ и звал буржуазию повернуться лицом к «родному народу», помочь ему поднять хозяйство и таким образом обеспечить «мир и любовь» в обществе, т. е. сотрудничество классов.

Уделяя все внимание проблеме укрепления частнособственнического хозяйства, «Дом» представлял интересы мелкой буржуазии, а не массы эксплуатируемых. «Дом» обращался к массе крестьян с призывами экономить, не брать в долг и т. п. «И самый бедный бедняк... может кое-что скопить», «девятью ложками похлебки будешь точно так же сыт, как и десятью...», — учил А. Радич вымиравших от голодовок крестьян³⁰. Но только богатым крестьянам выгодно, чтобы крестьянская масса, разоряемая капитализмом, тянулась бы за зажиточными, стремилась накоплять, «выбиться в хозяева», вместо того чтобы бороться против капиталистического строя.

По-народнически объясняя разорение масс недостатками управления, величиной налогов, «расточительностью» крестьян и т. п., А. Радич утверждал, что для того чтобы весь народ «встал на ноги», достаточно кредитно-сбытовой кооперации, обеспечения сбыта продуктов сельского хозяйства и установления выгодных цен³¹. Однако кооперация мелких хозяев в условиях капитализма лишь расширяет возможности для превращения части мелких производителей в буржуа.

Важно отметить, что А. Радич видел невозможность для массы крестьян воспользоваться его проектами. Когда в кооперативы стали вступать бедняки, нуждавшиеся в средствах для покупки хлеба и уплаты налогов, А. Радич сетовал: «Не обращалось внимания на то, чтобы члены задруг (в данном случае кооперативов. — В. Ф.) были крепкими и исправными хозяевами, но как раз наоборот говорили, будто надо принимать в задругу всякого, прежде всего того, кто больше нуждается»³². А. Радич призывал давать деньги в кредит «тому, кто с помощью этих денег может достичь больших результатов в хозяйстве». «Пусть в каждом селе, — продолжал он, — объединяются только крепкие и исправные хозяева...»³³. Организовав снабжение своих членов скотом и орудиями, «...более сильные задруги создали бы свои молочные предприятия и склады». Зажиточное крестьянство, объединенное в кооперативы, могло бы согласованно выдвигать требования правительству, например, указывая А. Радич, требование постройки дамб на берегах рек и т. п. Кооперативы

³⁰ «Дом», № 23, 1900. Цит. по кн.: А. Радич. Указ. соч., т. II, стр. 360, 361.

³¹ «Дом», № 14, 1900. Цит. по кн.: А. Радич. Указ. соч., т. II, стр. 219.

³² «Дом», № 9, 1902. Цит. по кн.: А. Радич. Указ. соч., т. IV, стр. 135.

³³ Там же.

сводили бы за тем, чтобы земля в Хорватии не переходила в руки иноземцев. «Это был бы верный путь»³⁴. Итак, кооперация нужна лишь для тех, кто меньше нуждается. Жизнь вскрыла вопиющее противоречие между теорией и ее практическим приложением. «Верный путь», указанный А. Радичем, являлся путем укрепления крестьянской буржуазии, роста ее экономических возможностей и усиления ее политического влияния³⁵.

В этой связи интересно выступление А. Радича по поводу незадолго до этого изданного властями закона о комасации (землеустройстве, сведения разбросанных участков в земельные массивы). А. Радич критиковал этот закон за то, что он был направлен целиком на защиту немногочисленных крупных землевладельцев, которые могли осуществлять комасацию вопреки воле подавляющего большинства заинтересованного сельского населения данной местности, а также за то, что проведение комасации поручалось представителям бюрократии (тесно связанным с помещиками). Критикуя закон, А. Радич в принципе выступал за комасацию, требуя лишь, чтобы при землеустройстве «народ» мог сказать веское слово. Землеустройство, необходимое для развития буржуазного хозяйства, било по бедноте, и полуразоренные массы крестьян сопротивлялись комасации. А. Радич же выражал надежду, что в результате комасации хорватские крестьяне, «по крайней мере некоторые [!], уподобились бы маленьким помещикам, маленьким графам и магнатам»³⁶. Он, таким образом, представлял интересы этих «маленьких помещиков» против помещиков подлинных.

Именно с позиций зажиточных крестьян Радичи и рассматривали все вопросы экономической и политической жизни Хорватии. Не случайно утверждение Радичей, что в Хорватии, поскольку в ней крестьяне составляют большинство населения, понятия «демократический» и «крестьянский» совпадают. Оно органически связано с их теорией монолитного единства интересов всего крестьянства, как «трудового», «неэгоистического» и т. п. пятого сословия³⁷. Замазывание мелкобуржуазной сущности крестьянского хозяйства, порождающего капитализм, — основа всех идеологических построений Радичей.

Отмечая сословную приниженность крестьянства, Радичи игнорировали наличие в среде крестьянства растущего основного противоречия современного им общества, противоречия между капиталом и трудом, замалчивали факт классовой борьбы в среде крестьянства.

Эволюция Радичей не остановилась на проповеди «помощи селу». В 1902—1903 гг. они пришли к требованию крестьянского большинства в саборе, к идее «крестьянского государства». Это государство изображалось как абсолютная демократия, «спасающая» крестьян от пролетаризации. Радичи и их сторонники неоднократно подчеркивали, что требование устранения сословного неравноправия и проведения демократических ре-

³⁴ «Дом», № 9, 1902. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. IV, стр. 136.

³⁵ Выступая за развитие буржуазного кооперативного движения, А. Радич вовсе не был сторонником так называемого кооперативного строя. Наоборот, и это весьма характерно для его идеологии: он считал, что кооперативы — дело временное, к ним следует обращаться лишь ввиду невозможности иным путем выйти из кризиса, преодолеть трудности. Укрепившись же экономически, крестьяне должны будут, считал А. Радич, распустить кооперативы и уделить все внимание своему частному хозяйству, которое только одно обеспечит им «счастье», «независимость» и т. п.

³⁶ «Дом», № 3, 1902. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. IV, стр. 41.

³⁷ Называя мелкособственническое крестьянство «пятым сословием», Радичи пытались утверждать, что оно выступает на политическую арену позже пролетариата и что именно ему принадлежит будущее.

форм они выдвигают от имени «трезвых» хозяев, питающих отвращение к «бунтам», уважающих собственность. В крестьянском государстве должна была в действительности править лишь крестьянская верхушка³⁸. Свое требование, чтобы крестьянам была предоставлена возможность занимать важные посты в государстве, чтобы крестьянам оказывалось уважение, они аргументировали тем, что в Хорватии появилось немало крестьян-хозяев, скопивших значительный капитал и ведущих свое хозяйство получше многих «господ». А. Радич прямо заявлял, что плохой хозяин не может быть хорошим политическим деятелем: «Кто не заботится о своем доме, как он будет заботиться об отечестве?»³⁹.

В пропаганде основателей крестьянской партии большое место занимало «крестьянское право». Под этой формулой вообще (абстрактно) понималось право крестьянина на собственный участок, на пользование лугом, лесом, на участие в решении общественных дел и т. д. Крестьянское право, осуществление которого должно было обеспечить «крестьянское государство», имело, таким образом, в условиях Хорватии существенное общедемократическое содержание и было направлено против пережитков феодализма (хотя и здесь заключалась попытка убедить крестьянина в возможности его приспособления к капитализму, ибо обеспечение крестьянского права Радичи считали достаточным для благоденствия всех крестьян). Именно ввиду своего демократического характера лозунг крестьянского права звучал угрожающе для буржуазно-помещичьей верхушки. Однако, как только Радичам надо было перейти от абстрактных заявлений о «праве» к изложению составляющих его конкретных требований, последние оказывались урезанными и уже менее страшными для помещиков (см. ниже).

Радичи постепенно отказывались от критики капитализма с позиций патриархального крестьянства, характерной для первых лет их деятельности. Они все более последовательно защищали буржуазное хозяйство. Вместе с тем после 1905 г.⁴⁰ они прикрывались антикапиталистической фразой в целях расширения влияния сельской буржуазии на массу крестьян. «Дом» стал все чаще выступать против остатков патриархальщины, за развитие предпринимательского духа у крестьян. В своих статьях А. Радич останавливался на «положительных сторонах» капитализма. Уже в 1904 г. он писал, что конкуренция — положительное явление, ибо хотя она и губит слабых, но «что остается — то здоровое»⁴¹. Исчезли сетования на уход «доброго прошлого». В 1904 г. А. Радич призывал «не возвращаться назад и не искать хорошего там, где его не было, а если и было, то прошло и больше нет»⁴². Уже в 1903 г. «Дом» обращался к читателям: «Человек, ты куда загляделся? Помни хорошо: что было, то больше никогда не вернется! Поэтому не оглядывайся и иди прямо вперед. И не стой, а иди, ибо иначе тебя другие без всякого милосердия растопчут, как уже растоптали сотни других...»⁴³. Если еще

³⁸ Под крестьянским государством Радичи понимали государство, в котором решающее влияние будет принадлежать крестьянам. В действительности это было буржуазное государство с господством сельской буржуазии.

³⁹ «Nrvatski narod», № 8. 1905. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. IX, стр. 30.

⁴⁰ Деятельность братьев Радичей и история крестьянской партии после 1905 г. выходят за рамки данной статьи. Вместе с тем мы решаемся в отдельных случаях привлекать материал этого периода с целью характеристики тенденции дальнейшего развития идеологии основателей крестьянской партии.

⁴¹ «Дом», № 18, 1904. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. VI, стр. 283.

⁴² См., например, «Дом», № 11, 1904. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. VI, стр. 163.

⁴³ «Дом», № 18, 1903. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. V, стр. 274.

в 1900 г. А. Радич воспевал натуральное хозяйство и писал, что железные дороги разоряют мелкого производителя, то через три-пять лет он призывал больше производить на рынок и считал, что железные дороги способствуют развитию хозяйства. А в 1910 г. Ст. Радич уже считал, что задачей хорватов является превращение своей страны в подобие Дании⁴⁴, т. е. в развитую аграрную капиталистическую страну.

Возникновение планов гегемонии крестьянской буржуазии в Хорватии стало возможным ввиду относительной слабости крупной национальной буржуазии, связанной с австро-венгерским капиталом и вместе с помещиками угнетавшей все крестьянство. В связи с подъемом буржуазного сельского хозяйства (в особенности животноводства) в начале XX в. в области национального производства все увеличивающееся место занимали зажиточные крестьяне, тысячами нитей связанные с массой середняков и бедноты и оказывавшие большое влияние на массу. Слабость фабрично-заводского пролетариата способствовала росту этого влияния. Обстановка благоприятствовала усилению политической активности сельской буржуазии, которая использовала политическую неразвитость масс и их ненависть к существующим порядкам и стремилась при помощи «общекрестьянских» лозунгов подчинить себе массы. Так крестьянская буржуазия надеялась обеспечить свои интересы в предстоящей борьбе классов.

В. Коларов отмечал, что в странах со слабой промышленностью, где подавляющее большинство населения составляет крестьянство, «... у богатых крестьян появляется стремление к самостоятельному захвату власти и ее использованию»⁴⁵. Естественно, что Ст. Радич утверждал: «У нас, хорватов, нет ни настоящей буржуазии, ни настоящего рабочего класса в такой мере, чтобы третье и четвертое сословия могли вести наши общественные дела»⁴⁶.

Буржуазно-демократическое преобразование в Хорватии и решение аграрного вопроса могло пойти двумя путями. Если в интересах массы крестьянства был путь революционной ломки старого строя, то зажиточные «хозяйские» элементы, нуждаясь в минимуме демократизма, уже боялись революции и стремились повести страну по пути постепенного изживания крепостнических остатков. Радичи стремились удержать протест масс в рамках, нужных крестьянской буржуазии.

С первых шагов своей деятельности Радичи выступали с декларациями против классовой борьбы в обществе. Ст. Радич считал, что надо не усиливать недовольство там, где оно есть, а успокаивать массы⁴⁷. «Дом» вел систематическую пропаганду против революционных выступлений крестьянства, стремясь убедить их в бесперспективности восстаний. Ст. Радич утверждал, что всякая революция — дело «господское», дело интеллигентов и чуждо крестьянам, а А. Радич писал, что крестьянин «может работать и сохранить собственность при наличии порядка», ибо «во время волнений и восстаний лишь бездомные и бесхозяйные надеются что-нибудь захватить»⁴⁸. «... хотим ли мы, — спрашивал один из сотрудников «Хорватской мысли» — журнала, издававшегося Ст. Радичем в 1902—1906 гг., — чтобы ... демократическое сознание было рекой, с пользой разливающейся по тысяче протоков, чтобы оплодотворить наше нацио-

⁴⁴ «Dom», № 20—21, 1900. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. II, стр. 314, 330; его же. Указ. соч., т. VII, стр. 49; «Stenografski zapisnici sabora kraljevina Dalmacije, Hrvatske i Slavonije», 1908—1913, sv. I, str. 548.

⁴⁵ В. Коларов. Крестьянские партии и союзы. М.—Л., 1925, стр. 18.

⁴⁶ «Hrvatska misao», 1903—1904, sv. 10, str. 586.

⁴⁷ Там же, sv. 5, стр. 350.

⁴⁸ «Dom», № 16, 1900. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. II, стр. 244.

нальное поле? Или чтобы оно было бурным потоком, сносящим все перед собой, разрушающим насыпи и преграды?»⁴⁹. Обращенные к крестьянам призывы к спокойствию особенно усилились во время народного движения 1903 г. и после него.

Именно потому, что чем последовательнее было бы буржуазно-демократическое аграрное преобразование, тем активнее развивалась бы классовая борьба сельскохозяйственного пролетариата против крестьянской буржуазии, идеологи последней выступали против буржуазно-демократической революции.

Боясь массового революционного движения, Радичи призывали «просвещать» народ в духе уважения к законности и т. п. и лишь затем постепенно приобщать его к политике⁵⁰. Таким образом, их тезис о «самостоятельном» выступлении народа в политической жизни на практике выражал стремление вовлечь массы в политическую борьбу под опекой реформистской буржуазной интеллигенции. В этом проявилось родство «демократической политики» Радичей политике «господской».

Организаторы и идеологи крестьянской партии немало сделали для пропаганды среди крестьян требования равенства прав граждан, буржуазно-демократических свобод и т. п. Эту сторону их деятельности подчеркивали сторонники крестьянской партии, утверждая будто Радичи «пробудили» деревню. В действительности Радичи развернули свою агитацию в связи с тем, что хорватский крестьянин уже пробудился, что в Хорватии назревало революционное движение, что крестьяне прислушивались к социалистической агитации. Поэтому деятельность Радичей и их сторонников среди крестьян носила двойственный характер, и ее консервативная сторона — пропаганда уважения к буржуазно-помещичьей законности, к святости частной собственности и т. п. — тормозила развитие сознания масс.

До 1918 г. Радичи были монархистами. Монархию они объявили «совершенно беспристрастным фактором», необходимым для подавления классовой борьбы в обстановке «современной демократии»⁵¹, т. е. капитализма. Монархизм Радичи объявили извечно присущим крестьянству. Позиция Радичей свидетельствовала о том, что крестьянскую буржуазию в период до краха австро-венгерского государства вполне устраивало сохранение одной из опор старого строя — монархии⁵².

Свою классовую позицию Радичи проявили и в отношении к пролетариату и социализму. В 1901 г. А. Радич в связи с движением рабочих за установление минимума заработной платы писал: «... если государство может и смеет как-либо регулировать и определять плату за труд, тогда больше никто не является хозяином своей собственности». «Если я, — продолжал А. Радич, — нуждаюсь в рабочем или батраке для своего дела, например, чтобы он мне пахал или копал, да если я должен платить, сколько хочет другой, а не столько, сколько я могу, тогда мое хозяйство быстро вылетит в трубу»⁵³. Итак, утверждение о единстве интересов всех крестьян исчезает, как только автор этой теории переходит к рассмотрению реальных отношений между сельским буржуа и пролетарием. Однако

⁴⁹ «Hrvatska misao», 1904—1905, sv. 3, str. 125.

⁵⁰ Это с удовлетворением отмечает буржуазный историк (см. Л. Вуковић-Тодоровић. Хрватски сељачки покрет браће Радича, стр. 166).

⁵¹ «Hrvatska misao», 1905—1906, sv. 7, str. 419, 420.

⁵² В обстановке большого революционного подъема в югославских землях, последовавшего за Великой Октябрьской социалистической революцией, крестьянская партия приняла республиканскую программу, от которой отказалась в 1925 г.

⁵³ «Dom», № 15, 1901. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. III, стр. 263.

стремление расширить влияние крестьянской буржуазии в дальнейшем побудило организаторов крестьянской партии поддержать некоторые экономические требования рабочих.

Сами «хозяйственные мужички» — деятели крестьянской партии — относились к пролетариату как к «опасному элементу» и предпочитали иметь дело с полупролетарием, привязанным к клочку земли и проникнутым мелкособственнической идеологией. Они критиковали распродажу крестьянских участков с торгов потому, что в результате этого растет число людей, «которые завтра нанесут родине вред»⁵⁴.

Радичи вели систематическую пропаганду против социалистического учения. Показательно, что свою вражду к учению, выражающему коренные интересы трудящихся масс, они объясняли тем, что социализм говорит: «Необходимо разрушить весь этот мир и создать другой, новый...»⁵⁵ (т. е. ссылались на пролетарский гимн). Идеологи же крестьянской буржуазии чувствовали свою органическую связь с миром капитализма. Подлинное существо их критики капитализма все более сводилось к утверждению, что промышленный капитализм опасен потому, что он не способен существовать, не порождая пролетариат, т. е. к выражению страха перед массами обездоленных капиталистической эксплуатацией людей и надвигающейся пролетарской революцией.

«Дом» с тревогой отмечал распространение влияния социал-демократии в деревне. Причину этого влияния он видел в том, что «народные господа» оставляют крестьян без внимания, а потому «народ блуждает как может». Предотвращение классового союза рабочих и крестьян, — вот что составляло одну из главных забот организаторов крестьянской партии. «...я боюсь, что и вы по неосторожности пойдете к социалистам», — писал А. Радич, обращаясь к сельской бедноте (1903 г.)⁵⁶. Обращаясь же к буржуазии, Ст. Радич выражал надежду, что предубеждение «интеллигенции» против создаваемой им партии исчезнет, «...когда станет ясно, что хорватская крестьянская партия... — давно уже необходимая национальная концентрация снизу, которая с помощью своей аграрной программы воспрепятствует развитию социализма»⁵⁷. Смысл этого высказывания, разумеется, заключался не только в стремлении Ст. Радича ослабить враждебность капиталистической верхушки к организуемой им партии. Мысль о необходимости создать для «общества» более широкую опору, привлекая к этому крестьян-собственников, неоднократно подчеркивалась Ст. Радичем.

Классовые интересы крестьянской верхушки проявились в отношении Радичей к помещичьему землевладению: они понимали, что «большие спахилуки (латифундии. — В. Ф.) препятствуют экономической жизни и развитию крестьянина»⁵⁸, но боролись против распространенных в крестьянских массах мыслей о необходимости раздела латифундий революционным путем. Радичи являлись сторонниками дробления латифундий и распродажи участков крестьянам. Они приветствовали факты сделок между «добрыми помещиками» и крестьянами о продаже мелким крестьянам земельных участков. Хорватские богатые крестьяне, эти мелкие аграрии, в конечном счете стремились к сближению с помещиками на базе аграрной политики, однако в Хорватии осуществить это сближение

⁵⁴ См. *Stenografsko zapisnici...*, 1910—1915, sv. 1. str. 196.

⁵⁵ A. Radić. Указ. соч., т. VII, стр. 30.

⁵⁶ «Dom», № 16, 1903. Цит. по кн.: A. Radić. Указ. соч., т. V, стр. 244.

⁵⁷ «Hrvatska misao», 1903—1904, sv. 8, str. 473.

⁵⁸ S. Radić. *Najjača stranka u Hrvatskoj*, str. 31.

не удавалось, так как слишком велики еще были противоречия между всем крестьянством и помещиками.

Идеи буржуа-агрария, так называемая теория аграризма, были широко использованы Ст. Радичем в 1908—1910 гг. Лидер ХКП сочувственно отзывался об экономической политике юнкеров в Германии, считал «здоровым» развитие земледелия во Франции, приветствовал призыв Ллойд-Джорджа поддержать земледелие в Англии⁵⁹. Отражая заинтересованность сельской буржуазии в усиленном притоке капиталов и рабочей силы в сельское хозяйство, Радичи в Хорватии, страдавшей от низкого уровня промышленного развития, повторяли обычный лозунг аграриев: «назад к земле».

Следуя буржуазной демагогии, Ст. Радич противопоставлял аграризм капитализму: «Капитализм стремится к прибыли, а аграризм лишь к удовлетворению жизненных потребностей» — говорил он⁶⁰, вновь повторяя теорию о «трудовом» хозяйстве, о «соединении капитала и труда», о всеобщем благоденствии в аграрном государстве и т. д. Ст. Радич в качестве опоры для своей «теории» приводил высказывания реакционных экономистов и политиков (в том числе Теодора Рузвельта), доказывавших, что «аграризм» и капитализм — различные «социальные направления»⁶¹. Ст. Радич умилялся отношением деревенского хозяина к батраку, «сидящему с ним за одним столом», и противопоставлял этому враждебность между городским капиталистом и рабочим.

Сущность теории аграризма — в защите высокопродуктивного капиталистического сельского хозяйства. Но, оценивая ее политическое значение, следует помнить, что Радичи намеревались достигнуть своих целей исключительно путем компромисса с господствующими классами и стремились использовать свою «теорию» для борьбы против социализма. Для обоснования своей позиции Ст. Радич пускался в «опровержения» учения Маркса и вслед за буржуазными экономистами и ренегатами социал-демократии утверждал, что марксизм «непригоден» для объяснения процессов, происходящих в сельском хозяйстве. Он утверждал, что в сельском хозяйстве не происходит вытеснения мелкого хозяйства крупным, ибо «среднее владение, можно сказать, почти мелкое, ежедневно проглатывает крупные имения» и поэтому будто бы «происходит обратное тому, что Маркс про-

рицал»⁶². Подобные реакционные теории были разоблачены В. И. Лениным, отстоявшим и развившим марксистское учение о капитализме в сельском хозяйстве. На материале ряда стран, в том числе США и Германии, В. И. Ленин показал, что, хотя развитие капитализма в земледелии имеет свои особенности, процесс роста крупного капиталистического хозяйства происходит повсеместно, сопровождаясь вытеснением и гибелью мелкого хозяйства. В. И. Ленин разоблачил буржуазные теории о «распаде капитализма» на «трудовые» хозяйства, теории, созданные с целью обосновать возможность процветания мелкой крестьянской собственности при капитализме.

Ст. Радич путал вопрос об укрупнении хозяйства с вопросом о распаде помещичьих латифундий. Ему, однако, приходилось признать, что на месте латифундий вырастает «среднее, почти мелкое» хозяйство, т. е. буржуазное, кулацкое.

⁵⁹ См. «Stenografski zapisnici...», 1908—1913, sv. 1, str. 545.

⁶⁰ Там же, стр. 881.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, стр. 546.

Вплоть до 1906 г. в сочинениях Радичей можно встретить идеализацию русской общины и сочувственные отзывы о политике царизма (в особенности Александра III), консервировавшего общину и тем самым, как полагали Радичи, «спасавшего» крестьян от капитализма. В более же поздних выступлениях Ст. Радич положительно отзывался об аграрной политике Столыпина. В этом наиболее ярко проявились свойственные крестьянской верхушке тенденции к сотрудничеству с помещиками в деле защиты интересов аграриев и борьбы против народного революционного движения. Так, например, когда в саборе представитель хорватских аграриев Хрвой хвалил Столыпина за «огромную реформаторскую деятельность», Ст. Радич подал реплику: «Очень хорошо!»⁶³. Сам он переход к новой аграрной политике царизма называл «великой реформой» и призывал хорватов внимательно с ней ознакомиться⁶⁴. Во время первой мировой войны Ст. Радич, требуя осуществления в Хорватии политики «на крестьянском и законном основании», ставил в пример... политику царизма: «Россия с тех пор как она имеет свой государственный сабор, думу, быстрым шагом двигалась вперед по пути крестьянской политики»⁶⁵ и не только выделяла для этой цели огромные средства, но и с помощью законов, весьма соответствующих обстановке и разумно разработанных, поставила свои аграрные и экономические отношения на совершенно новые основания»⁶⁶. Прологаем, что не требуется лучшего изложения существа «крестьянской политики», какой она представлялась лидеру крестьянской партии в период после русской революции 1905—1907 гг.

Все свои планы в социально-политической области, в частности необходимость организации массовой партии, Радичи обосновывали задачей борьбы за национальную свободу. Сущность взглядов Радичей состояла в стремлении связать политическое и экономическое возрождение Хорватии с «подъемом крестьянства», с втягиванием крестьянства в национальную борьбу. Но для этого надо было связать национальные требования с социальными требованиями крестьян. Поэтому, призывал А. Радич, «уничтожим внутреннюю несправедливость, освободим народ, особенно крестьянский, от внутреннего рабства, которого много у нас»⁶⁷. Идея развития крестьянского национального движения была шагом вперед по сравнению с идеологией и тактикой старых буржуазных партий.

Таким образом, в отличие от крупной буржуазии крестьянская буржуазия могла смелее обращаться к массам, ибо с массами ее объединяла определенная общность задач борьбы против пережитков феодализма. Ясно, что приведенное выше прогрессивное требование создавало возможность втягивания крестьянства в организованную национальную борьбу под руководством крестьянской буржуазии. Но противоречия между крестьянской буржуазией и массой крестьянства уже серьезно ограничивали эту возможность. Все существо же национализма Радичей строго определялось интересами верхушки крестьянства, так как было органической частью их социально-политических взглядов.

Главным путем к освобождению от иноземного гнета Радичи считали развитие национального, прежде всего аграрного капитала. Ст. Радич провозглашал: «Развитием хозяйства, благосостоянием — к просвещению, а потом — просвещением к свободе»⁶⁸. Он призывал крестьян бороться за

⁶³ «Stenografski zapisnici...», 1913—1918, sv. 1, str. 916.

⁶⁴ Там же, 1908—1913, стр. 545.

⁶⁵ Подчеркнуто нами. — В. Ф.

⁶⁶ «Za hrvatsku državu i hrvatski seljački narod». U Zagrebu, 1915, str. 63.

⁶⁷ «Dom», № 39, 1911. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. XII, стр. 126.

⁶⁸ «Stenografski zapisnici...», 1910—1915, sv. 1, str. 544.

свободу «словом», но главное — «плугом и мотыгой», т. е. укрепляя хозяйство. При господстве капиталистических отношений крестьянство распадалось на буржуазию и пролетариат и «подъем» мелкого крестьянского хозяйства означал укрепление крестьянской буржуазии. Именно с развитием хозяйства «крепких крестьян» и с уступками этому слою со стороны буржуазно-помещичьих кругов и связывали Радичи будущность Хорватии: «Настоящего хорватского ко́ло (т. е. в данном случае национального единства; ко́ло — танец, исполнители которого становятся в круг. — В. Ф.) не будет до тех пор, пока в это ко́ло не вступят просвещенные хорватские крестьяне и крепкие хозяева»⁶⁹ (1901 г.). Как мы знаем, со временем эти «хозяева» потребовали предоставления им руководства в «хорватском ко́ло».

Ввиду того, что Радичам казалось опасным, что «... все западное общество раскололось на враждебные сословия и разряды, среди которых ныне больше всех выдвигается вперед рабочее сословие, открыто объявляющее непримиримую борьбу и грозящее полным переворотом всему современному обществу»⁷⁰, они восприняли реакционную теорию об «особенности славянского характера», которому будто бы чужды идеи классовой борьбы и социализма. Ст. Радич утверждал, что существует «коренная противоположность» между историческим развитием общества у славян и у народов германских и романских⁷¹. «Политика, проводимая неславянскими народами к западу от нас, — это вечная борьба, вечное восстание и вечная ненависть... Это не по нашей славянской природе и нраву... (отметим, что данная статья А. Радича написана в начале 1905 г. — В. Ф.). По нашему нраву и естеству мы больше за мир (подразумевается классовый мир. — В. Ф.), а политика для нас выражается... в стремлении поправить старое постепенно и по возможности»⁷².

В своей политической деятельности Радичи в поисках идейных учителей обратились к русской публицистике, ибо видели сходство в общественной структуре России и Хорватии. Их внимание, естественно, привлекли идеи либерального народничества. Радичам по душе пришлась теория «малых дел», оппортунизм, идеализация мелкой буржуазии. Радичи обращались к русскому материалу, созрев в основном на почве социальных отношений своей страны. Поэтому из богатейшего опыта идейно-политической борьбы в России они отбирали лишь то, что им было нужно для защиты мелкособственнического хозяйства. Поэтому также они неправильно изображали положение в России, замалчивали разгоравшуюся в нашей стране классовую борьбу и революционизацию масс народа, превносили взгляды славянофильствующих либералов.

⁶⁹ «Dom». № 5, 1901. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. III, стр. 89.

⁷⁰ «Hrvatska misao», 1905—1906, sv. 5, str. 298.

⁷¹ Там же; см. также S. Radić. Moderna kolonizacija i slaveni. Zagreb, 1904, str. 361. str. 361.

⁷² А. Radić. Pučka politika; его же. Указ. соч., т. IX, стр. 213 (см. также т. VII, стр. 29). Ст. Радич признавал, что «на первый взгляд кажется, что у славянских народов раздел между интеллигенцией и народом столь же или даже более глубок, чем в Западной Европе. Внешние признаки свидетельствуют о еще большей враждебности и более тяжелой болезни общества». Но, полагал Ст. Радич, ввиду того, что «выдающиеся умы» в славянских странах считают возможным сближение интеллигенции с народом, «этот общественный кризис не столь опасен, как на Западе». В связи с этим Ст. Радич полагал, что в славянских странах «можно убедить интеллигенцию» в способности народа сотрудничать с ней и что, «если интеллигенция не заинтересована в том, чтобы раздор превратился в пропасть», она (интеллигенция, т. е. буржуазия) должна отвергнуть «западные идеи» и вместе с «народом» «создать единое целое» (см. S. Radić. Savremena Evropa. Zagreb, 1905, str. 219, 220, 223). В этом высказывании выявилась тенденция к компромиссу с буржуазно-помещичьим обществом.

Наряду со взглядами русских либеральных народников Радичи заимствовали многое у различных мелкобуржуазных и буржуазных ученых Западной Европы. Так, ряд рассуждений А. Радича о «народе» перенят им у французского историка мелкобуржуазного демократа Мишле. Ст. Радич, учившийся в Париже в эпоху буржуазной реакции, воспринял взгляды ряда буржуазных ученых, яростно нападавших на марксизм. В числе авторитетов Ст. Радич называл Лавеле, монархиста Э. Фаге, Густава ле-Бона, А. Сореля, а крупнейшим философом — Спенсера. Ст. Радич заявлял о своей приверженности к агностицизму, позитивизму, неокантианству, как философии, свободной от «крайностей»⁷³. Выше мы отмечали, что Ст. Радич в 1890-х годах сотрудничал в изданиях вместе с учениками Т. Масарика, а позже пропагандировал стандартные буржуазные теории аграризма. Таким образом, идеологи сельской буржуазии охотно заимствовали подходящие для них идеи и с Запада, а их «славизм» имел вполне определенную политическую окраску.

Со временем, в особенности после русской революции 1905 г., Радичи все более стали искать свои политические идеалы на Западе: крестьянская буржуазия нуждалась в определенном минимуме буржуазной демократии, которая имела на Западе, к тому же революционная гроза, которой она боялась и которая, как ранее казалось идеологам крестьянской буржуазии, надвигалась с Запада, разразилась в России. Так как за «славизмом» Радичей скрывалась, в частности, боязнь революции, то понятно, что они враждебно отнеслись к русской буржуазно-демократической революции. Русская революция уничтожала их надежды на примирение классов в славянских странах. В 1905—1907 гг. Ст. Радич опубликовал не мало статей, направленных против революции. Особенно пугала Ст. Радича гегемония пролетариата в революции. Так, он возмущался тем, что во время революции в России «...студенты руководят профессорами, солдаты — офицерами, рабочие — крестьянами, а взбунтовавшийся народ — властями»⁷⁴. В период революции Ст. Радич утверждал, что в России нет царской тирании, народ любит государя, а революционеры являются небольшой группой, действующей по наущению немцев...⁷⁵

Неоднократно правильно отмечалось, что Ст. Радич надеялся на помощь Хорватии со стороны царя⁷⁶. К периоду до боснийского кризиса 1908 г. относятся многочисленные высказывания Радичей, свидетельствующие о симпатии к России и надеждах на ее содействие национальному освобождению хорватов⁷⁷. Революция ослабляет внешнеполитические возможности России и потому вредна — таков ход суждений Радичей. Идеологи крестьянской партии выступали с подобными высказываниями в то время, когда в самых широких слоях хорватского народа русская революция нашла горячее сочувствие⁷⁸, когда не только в социал-демократи-

⁷³ См. например, «Hrvatska misao», 1903—1904, sv. 4, str. 196.

⁷⁴ «Hrvatska misao», 1905—1906, sv. 4, str. 218.

⁷⁵ См. ряд статей в «Hrvatska misao» за 1905 и 1906 гг.

⁷⁶ Љ. Вуковић - Тодоровић. Свесловенство Стјепана Радића. Београд (без года), стр. 16, 17; Ђ. Тасић. Социјална идеологија и национализам Антуна Радића. Београд, 1939, стр. 29 и др.

⁷⁷ Например: «Русских около ста миллионов и они являются нашей великой защитой потому, что из-за них никто не решается силой обрушиться на нас, в том числе та же Германия...» (S. Radić. Kako ćemo..., str. 34). Славянские народы могут сохранить свое значение в мире лишь «ввиду существования России», указывалось в программе крестьянской партии (см. A. Radić. Указ. соч., т. VII, стр. 18).

⁷⁸ См. Ю. А. Писарев. Народы Югославии и первая русская революция 1905—1907 гг. — «Первая русская революция и международное революционное движение», т. I, М., 1955, стр. 459—467.

ческой⁷⁹, но и в буржуазной печати публиковались приветствия русской революции, а активность хорватского рабочего класса под влиянием событий в России поднялась на невиданную высоту (волна стачек и митингов в 1905—1906 гг., борьба за всеобщее избирательное право, популярность лозунга всеобщей стачки). Влияние русской народной революции на южных славян было глубоким, длительным и разносторонним, ибо самые широкие слои населения южнославянских народов связывали перспективы своей борьбы за свободу с помощью русского народа. И в Хорватии массы народа и даже часть национальной буржуазии понимали, что русская революция начинает новый период истории, в течение которого неизбежно потерпит крах режим национального гнета, господствовавший в Хорватии, и что русская революция, лишь начавшись, уже облегчает борьбу за политические права и демократизацию порядков в Хорватии. Даже буржуазная хорвато-сербская коалиция, в 1905—1906 гг. боровшаяся против австрийского гнета, заявила в декабре 1905 г., что оправданность ее требований основана, в частности, на «героической борьбе братского народа русского, всеми силами добивающегося, чтобы свою общественную жизнь основать на принципах свободы и конституционности»⁸⁰.

Но было бы неправильным полагать, что позиция, занятая Радичами в отношении русской революции, являлась только следствием их национальных надежд. Их отношение к крестьянским революционным выступлениям в самой Хорватии свидетельствует о том, что эта позиция соответствовала их политической линии. Организаторы крестьянской партии, конечно, не были сторонниками самодержавия вообще, они выступали за конституционный порядок, но являлись врагами всякого революционного движения.

Сильное влияние на формирование национальной идеологии братьев Радичей оказали взгляды, развившиеся в среде двух традиционных буржуазных политических течений в Хорватии во второй половине XIX в. — «правашей» (А. Старчевич и др.) и «югославистов» (И. Штросмайер, Ф. Рачки и др.). Радичи приспособляли те или иные элементы идеологии названных деятелей к интересам политики своего социального слоя и практическим целям своей партии, действовавшей в новой, отличной от условий XIX в., обстановке, и не представляет труда проследить, как в разные годы в их теоретических положениях проглядывают самые различные стороны традиционной хорватской национально-буржуазной идеологии. (Радичи, выдвигая национальную программу, как и деятели XIX в., опирались на историческое «государственное право» Хорватии, но «подкрепляя» его, как они подчеркивали, «крестьянским правом», т. е. новыми требованиями; в позиции Радичей проявлялись идеи панхорватства, югославизма и сербо-хорватского единства, идеи сербо-хорватской дружбы, а также частичное отрицание национальных прав сербского населения, вражда к Австрии или к Венгрии, лояльность по отношению к династии Габсбургов, то есть идейно-политический багаж буржуазии XIX в.). Изложение влияния старчевичанства и югославизма на Радичей, само по себе представляющее интерес, несколько отвлекло бы нас и заставило бы серьезно расширить рамки статьи, в то же время оно не вызывается основной задачей автора. Ведь *сущность* взглядов Радичей заключалась не в восприятии идей упомянутых деятелей Хорватии (как и идей российских славянофилов), так как Радичи представляли иной социальный слой, а именно мелкую крестьянскую буржуазию, выраставшую из среды

⁷⁹ См., например, «Istorijski arhiv KPJ», т. IV, стр. 83.

⁸⁰ «Istorijski arhiv KPJ», т. IV, стр. 73.

полупатриархального крестьянства. Как мы стремились показать, именно в представительстве интересов этого слоя — сущность взглядов Радичей.

В соответствии со своей идеализацией мелкой буржуазии, Радичи объявили крестьянство в целом носителем идеи братства народов и особого «демократического национализма», будто бы враждебного шовинизму. Но как «демократическая политика» вообще являлась буржуазной, так и «особый» демократический национализм не выходил за рамки буржуазного национализма. Крестьянство Хорватии жестоко страдало от гнета австро-венгров, но крестьянская буржуазия при этом все теснее связывалась с основным рынком сбыта своей продукции — Австрией. Радичи, отражая настроения широких слоев народа, были противниками австрийского или венгерского господства над славянскими народами и особенно в начальный период своей деятельности (1890-е — начало 1900-х годов) не раз разоблачали эксплуататорскую сущность этого господства. Но по мере того как Радичи все более последовательно становились в лагерь крестьянской буржуазии (а более конкретно — той ее части, которая экономически тяготела к Австрии), они все более энергично проявляли свои прогабсбургские настроения (Ст. Радич занял эту позицию ранее своего брата).

Так, Ст. Радич, выступая за расширение автономии Хорватии, возражал против «югославянских ирреденты»⁸¹, т. е. борьбы за отделение югославянских земель от Австро-Венгрии и объединение их в независимом государстве (по примеру итальянского национального движения) и развивал планы перестройки империи Габсбургов⁸², т. е. стоял на австро-славистской позиции. Радичи мечтали об объединении всех югославянских земель монархии вокруг Хорватии. С обострением внешнеполитических противоречий в Европе и в частности на Балканах они все более последовательно стали выступать в австрофильском лагере. Радичи видели опасность для славянских народов со стороны германской агрессии, но, с другой стороны, они боялись распада Австрии и выступали против антиавстрийского сербского национального движения, получившего особый размах после 1903 г. В качестве выхода они предлагали превращение Австрии в союз национальных областей, т. е. федерализацию монархии Габсбургов, преобладающее значение в которой должны были получить славяне⁸³. «Главная наша цель — быть свободным народом в свободном австрийском царстве», — утверждал А. Радич⁸⁴. В связи с этим уточняется сущность их надежд на помощь России. В период до первой мировой войны Радичи не выступали за поражение и распад Австрии, но полагали, что Россия окажет содействие планам перестройки империи, после которой монархия Габсбургов станет дружественным России государством.

В качестве минимальной национальной программы Ст. Радич выдвигал широкую автономию Хорватии (распоряжение финансами и экономикой, назначение бана без влияния венгерских властей)⁸⁵.

⁸¹ Ирредента — итальянское буржуазное движение в конце XIX — начале XX в., ставившее целью присоединение к Италии земель, хотя бы частично населенных итальянцами (и в основном принадлежавших Австро-Венгрии).

⁸² Ст. Радич. Сербо-хорватский спор и славянство. — «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества», № 1, 1902 г., стр. 32.

⁸³ S. R. Radić. Slavonska politika u Habsburžkoj monarkiji. Zagreb, 1906, str. 29—41. Кроме того, Ст. Радич предлагал ввести персональную национально-культурную автономию: «В национальный сейм выбирали бы лица, относящиеся к данной нации и находящиеся на всей территории империи». Несмотря на враждебность к социал-демократии, Ст. Радич с симпатией отзывался о мелкобуржуазно-оппортунистических проектах австромарксистов (там же, стр. 53).

⁸⁴ A. Radić. Указ. соч., т. III, стр. 386.

⁸⁵ S. Radić. Kako ćemo..., str. 42.

Весьма актуальным в Хорватии являлся вопрос хорвато-сербских отношений. Сербы составляли более четверти населения страны и жили компактной массой на востоке и в районе б. Военной Границы. Радичи видели, что добиться расширения автономии Хорватии невозможно без хорвато-сербского сотрудничества.

Радичи придерживались взгляда, что хорваты и сербы представляют собой единый народ. Разные политические группировки хорватской и сербской буржуазии, а также отдельные политические деятели в конце XIX—начале XX в. вкладывали различный смысл в понятие «единого народа». Эта формула могла означать искреннее стремление к равноправному сотрудничеству хорватов и сербов или, как тогда говорили и писали, двух частей одного народа, но чаще за ней скрывались эгоистические интересы буржуазных групп одной из наций. То или иное понимание сущности вопроса находилось в зависимости от классовых интересов каждой буржуазной группировки, и не в последнюю очередь от ее взаимоотношений с австрийским и венгерским капиталом. В условиях Хорватии начала XX в. теория единого народа могла быть и действительно была использована частью хорватской буржуазии для попыток подчинения своему влиянию сербского национального движения.

В 1890—1902 гг. Ст. Радич сотрудничал с другими буржуазно-демократическими деятелями (упоминавшимися выше «прогрессистами») как хорватами, так и сербами (И. Лоркович, С. Прибичевич и др.), выступавшими за хорвато-сербское единство в борьбе против австро-венгерского господства над южными славянами, за объединение южнославянских земель. В 1902 г. он выступил против антисербских демонстраций, организованных в Загребе хорватскими националистами. Эти выступления вспыхнули после того, как сербский публицист Н. Стоянович выступил со статьей, в которой (кстати, тоже с позиций «единого народа») предсказывал неизбежность борьбы «на истребление» между хорватами и сербами и поражение хорватов в этой борьбе. Ст. Радич тогда справедливо говорил, что хорвато-сербская рознь лишь укрепляет систему национального гнета, в условиях которого живут хорваты и сербы, и призывал выступать не против братьев-сербов, а против самой системы. За это он был арестован властями.

Вскоре, однако, все более четко стала проявляться другая сторона взглядов Радичей на сербский вопрос в Хорватии. Они отказывали сербскому населению Хорватии в праве на проведение «сербской политики, отличающейся от хорватской», т. е. в праве на самостоятельную политику. Примечательно, что, отстаивая данный взгляд, они ссылались именно на то, что хорваты и сербы — один народ⁸⁶. В течение ряда лет они стремились совместить эту позицию с проповедью хорвато-сербской дружбы. Но при таких условиях проповедь дружбы не могла внушать доверия сербам. Идеиные представители буржуазии были не в состоянии выбраться из тупика национальных противоречий. Даже борясь за национальное освобождение, буржуазия стремится не к равенству, а к привилегиям.

Крестьянским массам антисербские настроения были чужды, но Радичи, идеализируя крестьянство, отрицали рост шовинистических настроений в среде его буржуазной верхушки. Между тем интересы этого слоя определяли их политическую линию. Так, австрийскую экспансию на

⁸⁶ Естественно поэтому, что после 1918 г., когда в королевской Югославии теория единого народа была взята на вооружение великосербскими шовинистами (одним из лидеров которых до 1927 г. был С. Прибичевич, упомянутый выше прогрессист 1900-х годов), использовавшими эту теорию с целью подавления национально-освободительного движения хорватов, Ст. Радич стал ее решительным противником.

Балканы Радичи считали благом для славянских народов, ибо она, увеличивая численность славян в империи, будто бы облегчает ее перестройку⁸⁷. Попытка Радичей соединить оппозиционность господству австро-венгров в монархии Габсбургов с защитой прочности империи как будущего «союза равноправных народов», на практике привела их к союзу с австро-венгерским и германским империализмом, к надеждам на политику и планы венского двора.

Национализм крестьянской буржуазии в конечном счете определил их позицию в 1908 и 1914 гг. (в 1908 г. крестьянская партия приветствовала аннексию Боснии и Герцеговины Габсбургской монархией и добивалась присоединения этих земель к Хорватии⁸⁸, а в 1914 г., в начале мировой войны руководство крестьянской партии поддержало разбойничий поход австро-венгерских империалистов против независимой Сербии).

В связи с нерешенностью национального вопроса, имевшего в Хорватии глубокое социальное содержание, слабость хорватского рабочего класса, отсутствие революционной марксистской партии, господство австромарксизма в социал-демократии всей Австро-Венгрии способствовали росту влияния националистической буржуазной верхушки деревни на массу трудящихся.

Интересы зажиточного крестьянства определяли и отношения Радичей с католической церковью — одним из важнейших факторов в жизни Хорватии начала XX в. В первые годы деятельности Радичи возлагали надежды на национальную и «социальную» политику церкви, однако в начале 1900-х годов они убедились в том, что клир, действующий по приказу Вены и Ватикана, не может быть опорой дела национального освобождения хорватов. Церковь служила инонациональным помещикам и капиталу и сама являлась владельцем латифундий — ярим врагом крестьянского движения, даже умеренного. Ясно, что враждебность Радичей к церковной верхушке отражала противоречия между помещиками и крестьянами-хозяевами.

Основатели крестьянской партии поэтому выступили с критикой клерикализма, и разоблачение А. Радичем клерикалов в «Доме» принесло пользу хорватскому национальному движению. «Церковь и ее сановники очень тесно связаны не только с государями (царями и королями), но и магнатами», писал А. Радич в 1904 г., растолковывая, почему «римские попы» никогда не боролись за свободу, но сами держали народ «в послушании и покорности, даже и в рабстве». Причину взаимной поддержки между церковью и государством А. Радич в 1901 г. объяснял крестьянам так: «Государи, то есть цари и короли, обычно уважают веру и священников потому, что священники держат в узде простой народ, чтобы он не бунтовал против власти; священники проповедуют, что... человек должен добровольно терпеть несправедливость, ибо так угодно богу. Когда такое учение пустит прочные корни, тогда действительно господствовать над народом намного легче»⁸⁹.

Однако организаторы крестьянской партии, борясь против стремления церкви руководить политической жизнью Хорватии, отказывались при-

⁸⁷ S. Radić. *Slavenska politika...*, str. 25.

⁸⁸ Босния и Герцеговина вопреки воле подавляющего большинства их населения были оккупированы Австро-Венгрией после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 г. В 1908 г. Франц-Иосиф объявил о присоединении (аннексии) их к империи Габсбургов. Этот империалистический акт вызвал бурю возмущения в Сербии. «Боснийский кризис» едва не привел к войне в Европе. В начале XX в. население Боснии и Герцеговины составляло 1,8 млн. человек (800 тыс. православных сербов, 600 тыс. мусульман и 400 тыс. хорватов-католиков).

⁸⁹ Z. Kulundžić. *Ante Radić i klerikalci*. Zagreb, 1951, str. 29, 74.

нимать в партию неверующих, подчеркивали свою религиозность, защищали воспитание детей в религиозном духе именно потому, что считали религию одним из важных средств борьбы против «бунтовщических» идей. Теории о «христианской демократии» как демократии «истинной» (некапиталистической) усиленно распространялись католической церковью в начале 1900-х годов в качестве средства борьбы против социализма. Ст. Радич воспринял и широко использовал лозунг христианской демократии (отождествляя ее с крестьянской). Радичи приспособили христианско-демократическую пропаганду интересам своего класса, заявив, что «истинно христианские» и «истинно демократические» взгляды свойственны только крестьянству. Существо позиции Радичей хорошо отразилось, таким образом, и в их отношении к религии и церкви⁹⁰. Радичи стремились вовлечь в крестьянскую партию сельское духовенство, близкое по своему положению крестьянской буржуазии. Действительно, в начале 1900-х годов «Дом» был поддержан частью духовенства, сочувствовавшей либерально-народнической проповеди. Однако, когда в «Доме» с 1902—1903 гг. стали выражаться идеи о руководящей роли крестьян в государстве и об опасности клерикализма, то подавляющая часть духовенства покинула «Дом».

* * *

Революционное народно-освободительное движение 1903 г., в особенности выступления крестьянства, с невиданной ранее четкостью выявили пропасть, существовавшую между богатой банковской и торгово-промышленной буржуазией и массами крестьянства. Радичи убедились, что верхушка оппозиционной буржуазии не способна ни повести народ в национальной борьбе, ни содействовать ликвидации нетерпимых пережитков феодализма, ни предупредить революционные выступления в дальнейшем. События 1903 г. ускорили создание крестьянской партии, призванной по замыслу ее организаторов решить эти задачи.

В 1903 г. Ст. Радич порвал с прогрессистами, отражавшими интересы торгово-промышленных слоев, к тому же настроенных антиавстрийски. Деятельность Аграрного банка, вначале разрекламированная «Домом», показала, что «господа» вовсе не желают идти навстречу «народу». Банк был обычным капиталистическим предприятием, связанным со спекулянтами земель. В 1904 г. Радичи и группа их сторонников порвала с банком, а также с хорватской партией права.

Радичи и ряд примкнувших к ним журналистов, кооператоров и землевладельцев развернули подготовку к созданию партии. Они объехали много сел, призывая крестьян «встать за свои права» (что всполошило буржуазно-помещичье общество), но вместе с тем заявляя, что «крикуны и бунтовщики» в партию приниматься не будут. На совещании 5 декабря 1904 г. было принято решение о создании партии, образован ее временный комитет во главе со Ст. Радичем. Партия была названа: «Хорватская

⁹⁰ По мере обострения противоречий на Балканах лидеры крестьянской партии стали склоняться к сотрудничеству с клерикалами, отстаивавшими укрепление габсбургской монархии, в частности, со Словенской народной партией (СЛС), опиравшейся на крестьянскую буржуазию. Крестьянская верхушка в Хорватии принципиально не выступала против клерикализма. Участие А. Радича вместе с сановниками церкви в Аграрном банке не было случайным. Заявления А. Радича о желании сотрудничать с церковью не объяснялись лишь тактическими соображениями, как утверждал, например, З. Кулунджич. Кулунджич прав, говоря, что в основе выступления А. Радича против клира лежали социальные причины, но эти же причины побуждали А. Радича стремиться к урегулированию противоречий между крестьянством и клиром (см. Z. Kulundžić. Указ. соч., стр. 9—12, 54—55).

демократическая крестьянская партия» — ХДКП. 22 декабря 1904 г. комитет ХДКП принял программу⁹¹ партии, которая в окончательном виде была подписана 9 января 1905 г. Среди подписавших было три буржуа-аггария, один «крупный землевладелец» (как он подписался), один торговец, один ремесленник, один управляющий имением, четыре священника, шесть журналистов, один мелкий служащий, два адвоката и два крестьянина.

Своей основной целью ХДКП объявила объединение хорватского народа в едином государстве. Крестьянская партия выступала против ионационального господства над хорватскими землями.

Важнейшим элементом программы ХДКП, определившим лицо партии, являлись ее требования в области аграрного вопроса. В программе сказано: «Большие дворянские имения (спахилуки) могут быть ради общей народной пользы и с согласия сабора ликвидированы, и по требованию одной или нескольких самоуправляющихся общин может быть объявлена распродажа всякого земельного владения свыше 500 ютров⁹², смешанная комиссия доверенных лиц должна такое имение оценить, а община или несколько общин согласно оценке — выплатить собственнику эту покупную цену». Радичи подчеркивали, что пункт о выкупе не имеет ничего общего с требованием: «делить господскую землю!» («как будто она ничья», — писал А. Радич) и выражали уверенность, что многие помещики сами согласятся продать землю, «если будет установлен принцип, что за землю им будет достаточно и в определенном порядке уплачено»⁹³.

Земельный максимум в 300 га обеспечивал простор для роста крестьянской буржуазии. Крестьяне в результате выкупа земли оказались бы в еще большем рабстве у ростовщика и кулака. Экономически необходимая для капитализма ликвидация прежних видов землевладения происходила бы полностью за счет масс.

Итак, крестьянское право на землю, луга, леса! — провозглашали основатели крестьянской партии. Крестьяне имеют право *купить* у помещиков землю, луга и леса — так было конкретизировано это «право» в программе партии. Крестьянская партия засвидетельствовала готовность идти на соглашение с помещиками.

В. И. Ленин писал о положении в царской России начала XX в.: «... помещики могут победить, навязать крестьянам выкуп или иные жалкие уступки, соединиться с кучкой богатеев, разорить массу окончательно и превратить свои хозяйства в юнкерские, капиталистические»⁹⁴. В Хорватии крестьянская буржуазия по существу требовала от австрийских, венгерских и хорватских помещиков уступок, обещая за это способствовать проведению необходимого аграрного преобразования наиболее выгодными для помещиков методами, т. е. «навязав крестьянам выкуп».

Ряд пунктов в различной степени отражал общедемократические требования и экономические интересы зажиточного крестьянства.

Программа требовала передачи хозяйственных вопросов в руки самоуправляющихся общин и создания системы избираемых «земледельческих советов» для регулирования экономической жизни Хорватии. В функции

⁹¹ А. Radić. Указ. соч., т. VII, стр. 17—25. Размеры статьи, к сожалению, не позволяют нам остановиться на характеристике первоначально предложенного Ст. Радичем проекта программы крестьянской партии, как и на ряде деталей в программных требованиях партии.

⁹² Т. е. около 300 га (ютро = 0,57 га).

⁹³ А. Radić. Указ. соч., т. VII, стр. 19, 45.

⁹⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 12, стр. 418, 419.

общин входило создание кооперативов, мелиорация и т. п. Это были проекты развития и интенсификации буржуазного хозяйства. В качестве ближайшего требования программа выдвигала предоставление общине права первой покупать продающийся за долги участок. Это требование было направлено против крупных скупщиков (в значительной части инациональных капиталистов), но ясно, что лишь зажиточные хозяева, а не «община» вообще могли бы воспользоваться привилегией скупать участки.

В финансовых вопросах ХДКП добивались отмены косвенных налогов на важнейшие товары (соль, керосин и т. д.), упрощения системы сбора налогов и направления основной массы казенных средств в сельское хозяйство. ХДКП требовала ликвидации привилегии магнатов при уплате общинных налогов, снижения ссудного процента, отмены налогов на передачу крестьянином наследства и т. п.

Крестьянская партия требовала признания права рабочих и капиталистов на создание «камер», т. е. союзов, организации социального страхования, посреднических учреждений для урегулирования конфликтов между рабочими и хозяевами и биржи труда. Вот и вся «социальная программа», выдававшаяся основателями крестьянской партии за средство, делающее «излишним» социализм...

Отстаивая интересы национальной экономики, ХДКП предлагала, чтобы государство удовлетворяло потребности прежде всего с помощью местных промышленников и чтобы при заключении торговых договоров, изменении пошлин и т. п. Хорватии был предоставлен решающий голос. ХДКП выступала против попыток отделить Хорватию таможенной границей «от тех соседних земель габсбургской монархии, через которые или с которыми ведется почти вся хорватская торговля», т. е. от Цислейтании (Австрии). В этом пункте нашла отражение экономическая заинтересованность крестьянской буржуазии в единстве габсбургской монархии.

Как и в аграрном вопросе, в политической области крестьянская партия пыталась ужиться с остатками старого строя. В проектах государственного устройства Хорватии проявилась половинчатость буржуазно-демократических требований ХДКП. Программа предлагала сохранить принцип назначения властей сверху (кроме общинных) и сильный бюрократический аппарат. Эта позиция отражала как стремление организаторов ХДКП обеспечить прочность господства аграриев, так и их попытку сделать программу наиболее приемлемой для габсбургских властей.

Вместе с тем ХДКП требовала ликвидации арханческого института личного представительства магнатов в саборе, проведения референдума при решении важнейших политических вопросов, избирательной реформы «в духе всеобщего избирательного права». За этим «в духе» скрывалось требование предоставления избирательного права только «независимым хозяевам»⁹⁵. Такое расширение избирательного права было бы шагом по пути демократизации Хорватии, но нельзя забывать, что ХДКП соглашалась с сохранением бесправия городского и сельского пролетариата, женщин и членов семей. А. Радич полагал, что когда при общем избирательном праве влияние масс народа на ход политической жизни возрастет, то перед политическими партиями встанет задача «серьезной деятельности» во избежание того, чтобы всеобщее избирательное право не стало «общенациональным бедствием». Итак, Радичей беспокоила возможность выхода масс из-под влияния буржуазии.

⁹⁵ «Hrvatski narod», № 10, 1905; A. Radić. Указ. соч., т. XVIII, стр. 36.

Среди других реформ ХДКП требовала отмены смертной казни и упрощения судопроизводства. ХДКП признавала лишь «законные методы» политической деятельности.

Таково основное содержание программы ХДКП. Программа отражала нужды крестьянства лишь в мере, приемлемой для богатых крестьян, нуждавшихся в благоприятных условиях для развития хозяйства. Более того, можно сказать, что основатели ХДКП в принципе добивались демократизации Хорватии, но, будучи оппортунистами, они в своих конкретных требованиях отступали от последовательной защиты даже непосредственных экономических интересов зажиточного крестьянства (проект выкупа земли по полной цене). Буржуазная монархия и господство мелких аграриев — вот цель ХДКП.

Итак, хорватская крестьянская буржуазия в начале XX в. нуждалась в минимуме демократизма, в устранении препятствий для развития хозяйства — прежде всего латифундий, чиновничьей опеки и, наконец, в устранении инонационального господства над Хорватией. Но степень ее противоречий с нищавшей массой крестьянства и пролетариатом была уже столь высокой, что она боялась народа, боялась революции больше, чем реакции. 1900-е годы — начало периода империализма, время быстрого усиления реакционности буржуазии, резкого обострения борьбы классов в капиталистических странах, в том числе и в австро-венгерской полукolonии — Хорватии, роста мощи организованного пролетариата во всей Европе и в особенности в России, куда переместился центр революционного движения. Все это определило позицию идеологов буржуазных элементов деревни в Хорватии.

Развитие капитализма привело к усилению либеральных тенденций в среде хорватских крестьянских верхов. Это был либерально-мещанский оппортунизм мелкой крестьянской буржуазии, интересы которой при всей ее умеренности существенно отличались от интересов крупной банковской и торгово-промышленной либеральной буржуазии⁹⁶.

Для лучшего уяснения социально-политической сущности взглядов организаторов хорватской крестьянской партии полезно обратиться к характеристике В. И. Лениным мелкобуржуазно-оппортунистических течений в России. Так, о деятелях лагеря «Русского богатства», выдвигавших программу постепенных «улучшений» крестьянского хозяйства, В. И. Ленин писал, что они представляли «культурнический оппортунизм, сливающийся с ... либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии»⁹⁷. В более позднее время в связи с усилением оппортунистического крыла в эсэровском движении (Пешехонов и др.), отстаивавшего монархизм и признававшего исключительно мирный путь развития, В. И. Ленин указывал, что классовая социально-экономическая основа этого оппортунизма в том, «что г.г. Пешехоновы и К^о подлаживаются к интересам хозяйственного мужичка»⁹⁸. «... г.г. Пешехоновы идейно делают ту самую работу, которую г.г. Гурко и Стишинские делают грубо-материально, подкупая крестьянских буржуа продажей удельных и казенных земель»⁹⁹. Нетрудно

⁹⁶ В связи с быстрой революционизацией хорватского крестьянства после 1917 г. Ст. Радич, стремясь сохранить контакт с массами, проделал заметную эволюцию влево, в сторону демократизма и в сложной политической ситуации в крестьянской партии в начале 1920 г. занял промежуточную позицию между правым (кулацким) крылом партии и представителями широких слоев трудящихся деревни, влившихся в партию в эти годы.

⁹⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 257.

⁹⁸ Там же, т. 11, стр. 175.

⁹⁹ Там же, стр. 178.

заметить, что программа ХДКП по существу «призывала» помещиков «подкупить крестьянского буржуа...»

Не ставя перед собой задачу изложения политической борьбы в Хорватии после 1904 г., мы остановимся только на отношении властей и национальной буржуазии к ХДКП и на составе партии в этот период.

Положение крестьянских масс в Хорватии начала XX в. побуждало их к революционным выступлениям, и крестьяне, собиравшиеся на митинги, организуемые ХДКП, по-своему воспринимали декларации крестьянской партии. Так, Радичи, противопоставляя «народ» «господам», призывали их к примирению, но крестьянская масса легко воспринимала лишь это противопоставление, что было крайне опасно для помещиков и ростовщиков. Недаром газета «Аграмер тагблат» во время крестьянского восстания в Румынии (1907 г.) напоминала Радичам о гетевском чародее, вызвавшем злых духов, с которыми он не мог затем совладать¹⁰⁰.

Деятельность ХДКП поэтому не могла не способствовать обострению классовых противоречий в деревне. Организация крестьян была опасной для господствующих классов прежде всего потому, что массы легко могли разорвать рамки движения, которые им ставила зажиточная верхушка. Например, владелец сберегательной кассы в г. Сисаке Г. Тушкан сообщал о «страшных примерах гибельной деятельности» ХДКП: крестьяне говорят, что «надо отнять у господ леса и поля и разделить между крестьянами»¹⁰¹. Конечно, не следует считать эти настроения крестьянства только результатом деятельности ХДКП: крестьяне выступали против засилья помещиков и сословного неравноправия и до создания ХДКП. Далее Тушкан признавал: «К чести нашего крестьянства относится то, что так говорили... наихудшие крестьяне, даже не являющиеся хозяевами: исключения очень редки». Итак, радикально была настроена лишь крестьянская беднота.

Помещики и буржуазия, еще в большой мере эксплуатировавшие крестьян полуфеодальными методами, боялись не только революционного движения, но и расширения демократизма, требуемого ХДКП. Поэтому «Дом» А. Радича в 1900—1904 гг. неоднократно конфисковывался цензурой, а ХДКП подвергалась преследованиям со стороны властей и церкви.

Загребский архиепископ Посилович в 1905 г. разослал циркуляр, предписывавший духовенству всеми средствами — вплоть до вызова жандармов — срывать собрания ХДКП. Бан Т. Пеячевич запретил распространение программы ХДКП (однако запрет был снят судом, признавшим «законность» всех пунктов программы). Правительство Т. Пеячевича (1906—1907 гг.) запретило десятки собраний ХДКП, на которых собирались подписи под требованием расширения избирательного права и выдвигались другие демократические лозунги. В 1908 г. вараждинский великий жупан Елачич дал указание властям «особое внимание уделить сторонникам так называемой крестьянской партии, а именно братьям Радичам и их приверженцам, так как донынешние действия этой компании не оставили сомнения, что она весьма опасна для общественного спокойствия и что ее деятельность буквально отнимает разум у нашего трудолюбивого и миролюбивого сельского населения и вызывает самого острого характера выходки и преступления. Поэтому против упомянутых братьев, где бы они ни появились, следует поступать самым строжайшим образом»¹⁰².

¹⁰⁰ «Дом», № 43, 1907. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. X, стр. 108.

¹⁰¹ «Дом», № 38, 1910. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. XVIII, стр. 309, 310. То же Тушкан говорил и в саборе (см. «Stenografski zapisnici...», 1913—1918. sv. 1, str. 1028).

¹⁰² Z. Kulundžić. Указ. соч., стр. 52.

Буржуазные партии в 1905—1914 гг. для сохранения своего влияния перенимали многие социальные и общедемократические требования ХДКП и социал-демократии (социальная демагогия стала в 1900-х годах серьезным оружием эксплуататоров). Они соглашались несколько расширить избирательное право, но противопоставление Радичами «народа» «господам», требования Радичей полностью покончить с неравноправием крестьянства, даже поставить его интересы (хотя в действительности речь шла об интересах зажиточных слоев) на первый план и признать крестьянина «субъектом политической жизни» вызывали тревогу в среде национальной буржуазии. Поэтому сколько руководители ХДКП ни убеждали буржуазию в стремлении «хозяев» к мирному сотрудничеству, крестьянская партия, как констатировал ее орган в 1911 г., «среди господ почти не имеет сторонников, но все господа без различия ее ненавидят или по крайней мере полностью ей враждебны»¹⁰³. Депутаты буржуазных партий призывали запретить «бунтовщическую» ХДКП¹⁰⁴. Нередко местные «господа» угрожали крестьянам расправой в случае вступления их в ХДКП. Заправилы буржуазных партий травили приезжавших в села агитаторов ХДКП.

Следует, однако, учитывать, что большую роль в отношениях между ХДКП и прочими партиями играли серьезные различия их позиций в национальном вопросе.

Несмотря на это, влияние ХДКП росло. На учредительный съезд ХДКП в сентябре 1905 г. собралось 325 человек, а число крестьян, присутствовавших на ее собраниях достигло 20 тыс. На выборах в сабор в 1906 г. ХДКП собрала лишь около 1000 голосов и не провела в сабор ни одного кандидата. Однако следует учитывать, что масса крестьян не имела права голоса. На II съезде ХДКП (1906 г.) присутствовало 1500 человек, на III съезде (1907 г.) — свыше 2000 человек. В 1907 г. была создана партийная типография. Наконец, в 1908 г. ХДКП собрала большинство голосов в округах Чазма, Новиград и Лудбрег. В 1909 г. актив крестьянской партии состоял из 1000 человек, а на съезде присутствовало 3000 членов. На выборах в октябре 1910 г. ХДКП собрала более 14 тыс. голосов.

Количество интеллигентов в ХДКП было невелико, в 1910 г. оно не достигало и сотни¹⁰⁵. Интеллигенция в основном была связана с интересами крупной и средней буржуазии. Но усиление крестьянской буржуазии привело к расширению группы интеллигентов — сторонников ХДКП¹⁰⁶. После 1908 г. увеличилось число сторонников ХДКП и среди сельского духовенства.

Все руководство ХДКП, в том числе ее фракция в саборе, принадлежало к зажиточному, богатому крестьянству. Например, Иосип Предавец — фермер-аграрий, уже давно лично не работал в поле, Томо Ялжабетич — руководитель сети сельской кооперации, оптовый торговец скотом, ездивший по делам не только в Австрию, но и Германию и т. д.¹⁰⁷ Такие люди, как Предавец и Ялжабетич в действительности являлись сельскими капиталистами.

¹⁰³ «Dom», № 39, 1911. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. XII, стр. 124.

¹⁰⁴ «Hrvatski narod», № 10, 1905. Цит. по кн.: А. Radić. Указ. соч., т. XVIII, стр. 36.

¹⁰⁵ «Stenografski zapisnici...», 1908—1913, sv. 1, str. 945.

¹⁰⁶ А. Radić. Указ. соч., т. XVIII, стр. 318—319; J. Baričević. Omladina u radu za narod. Zagreb, 1912, str. 9.

¹⁰⁷ См. «Božićnica. Hrvatski seljački koledar za 1908 g.», Zagreb (здесь помещены биографии активистов крестьянской партии).

Расширяя свое влияние, ХДКП находила опору прежде всего в верхушке крестьянства. Описывая хозяйство активных деятелей ХДКП братьев Думбовичей и отметив, что братья прикупают землю у соседнего графа, а в страдную пору нанимают по 30—40 батраков, А. Радич заключает: «Было бы чудом, если такие люди, крестьяне, не были бы в крестьянской партии», ибо это — «гордость», «надежда» Хорватии. Вот какова главная социальная опора ХДКП в 1905—1914 гг. Вот в чьих интересах Радичи проповедовали идеи о «единстве» крестьянства, о том, что крестьяне должны бороться только при помощи кооперации и голосования. Сам Ст. Радич так характеризовал в саборе костяк ХДКП: «...если, скажем, крестьянин имеет 20 ютров земли и при этом образован, если читает..., то он определенно будет членом крестьянской партии, так как в ней, как видите, — крестьянская интеллигенция»¹⁰⁸. Ст. Радич указывал, что партия «вовлекла в общественную жизнь как раз наиболее консервативную и наиболее трезвую часть крестьянства»¹⁰⁹.

Безусловно, буржуазно-демократические требования ХДКП, несмотря на их умеренность, привлекли в партию часть среднего крестьянства. Антикапиталистическая фразеология партии также способствовала определенному укреплению ХДКП. Крестьян привлекал в ХДКП и призрак их «спасения» как мелких собственников, ибо лишь длительный опыт, разочарования и неудачи могут убедить мелких крестьян в необходимости борьбы против капитализма вообще и поддержки классовой борьбы рабочих. Однако крестьянской партии, которая не боролась за коренные интересы широких слоев крестьянства, в период до первой мировой войны не удалось стать массовой партией¹¹⁰.

«Распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет экономически и политически либо буржуазия..., либо пролетариат»¹¹¹, указывал В. И. Ленин. Третьего пути для крестьянства нет. Идеология и политическая позиция ХДКП вновь показали это. Роль крестьянской партии состояла не только в борьбе за устранение наиболее нетерпимых препятствий экономическому развитию страны (феодалных пережитков и национального гнета), но и в попытке создать идейную и политическую пропасть между пролетариатом и его естественным союзником — полупролетариатом, беднотой и средними слоями деревни.

Но именно в гегемонии пролетариата, в союзе пролетариата с крестьянством залог действительного освобождения крестьянской массы от эксплуатации: «Крестьяне поэтому находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный строй»¹¹².

¹⁰⁸ «Stenografski zapisnici...», 1913—1918, sv. 1, str. 695.

¹⁰⁹ «Hrvatska misao», 1905—1906, sv. 2, str. 173. То обстоятельство, что ХДКП до 1914 г. была поддержана в основном богатыми крестьянами, отметил выдающийся хорватский писатель и публицист Аугуст Цесарец. Лишь этот слой, писал Цесарец, «первый, и в течение всего довоенного периода единственный, присоединился к Радичу, ибо лишь этот слой имел основания требовать «крестьянского права», так как если бы он его завоевал, то имел бы на чем его использовать!» (А. Cesaгес. Stjepan Radić i republika. Zagreb, 1925, str. 8).

¹¹⁰ В данной статье мы ограничились в основном изложением социально-политических взглядов основателей хорватской крестьянской партии к моменту организации партии (1904—1905 гг.) и упомянули о наиболее важных выступлениях С. Радича в этой области в более поздний период. Поучительная история крестьянской партии в 1905—1914 гг. — ее участие в острой социальной и национальной борьбе этого периода — тема, достойная отдельной работы.

¹¹¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 339.

¹¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, стр. 409.

В. Н. Кондратьева

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ОБЪЕДИНЕННОЙ СЕРБСКОЙ ОМЛАДИНЫ

Для Сербии 60-х годов XIX в. характерно быстрое развитие либеральных течений. Истоки их следует искать в событиях 1848 г., оказавших огромное влияние на тогдашнюю сербскую молодежь, среди которой были такие будущие государственные и общественные деятели, как Ристич, Груич, Иованович и др. Учась за границей, сербская молодежь воспринимала передовые идеи эпохи, лозунги буржуазной революции и стремилась применить их к социально-экономическим процессам, происходившим в самой Сербии на начальной стадии капитализма (расслоение деревни, накопление в городах торгового капитала и вытекавшая отсюда потребность в создании широкого внутреннего и внешнего национального рынка). Одновременно в кругах молодой либеральной буржуазии крепла возникшая еще в 40-х годах идея объединения вокруг Сербии всех южных славян, находившихся под турецкой и австрийской властью. В 1848 г., когда стала господствующей идея объединения сербов, возросло влияние Сербии в славянских областях Балканского полуострова, находившихся под гнетом Турции. Во время революции 1848 г. Сербии удалось упрочить свои связи со всеми югославянскими областями. Белград стал притягательным центром для южных славян. Здесь получали приют беженцы из Боснии и Герцеговины. В 50-х годах сербское правительство начинает особенно интересоваться Боснией. По этому поводу Ламанский писал: «...из княжества Сербии пишут, что Порта очень недовольна сербами; обвиняет будто их в соумышлении с босняками во время последнего возмущения. Не верить этому нельзя — братья живут в соседстве, имеют одного врага, помнят, как сами страдали и видят собственными глазами страдания босняков... Одна кровь, одна вера, одна цель»¹.

Сербское правительство и особенно Гарашанин продолжали свою работу по подготовке освобождения и объединения южных славян во главе с Сербией. Сербские агенты присылали регулярные сведения о том, что делалось в югославянских землях. Французский консул доносил своему правительству, что Белград стал «политическим, моральным и религиозным центром южных славян»².

¹ Архив Академии наук СССР, ф. Ламанского, д. 233, 1951.

² См. Д. Страняковић. Сербия — Пьемонт южных славян. 1842—1853. Београд, 1932 г.

Программа молодых сербских либералов отражала чаяния нарождающейся сербской буржуазии, стремившейся к овладению государственной властью.

Так, во внутренней политике они требовали: отчетности министров перед Скупщиной, предоставления народу (т. е. буржуазии. — В. К.) инициативы в хозяйственной и государственной жизни страны, передачи кредита в частные руки, равенства всех граждан перед законом, введения гласного суда, переустройства всего гражданского управления в «народном духе»³.

Для сербских либералов было характерно игнорирование социальных проблем, в особенности вопросов, непосредственно касающихся положения трудящихся масс города и деревни. Они явно опасались революционных потрясений. Декларации о необходимости «внутренних свобод» были не более, как фразеологией, рассчитанной на то, чтобы увлечь за собой широкие слои молодежи.

Во внешней политике Сербии либералы требовали «более активных действий» и настаивали на «освобождении подъяремных братьев».

Организация молодых сербских либералов «Сербская Омладина», позднее получившая название «Объединенной сербской Омладины», возникла в 1866 г. В нее входили молодые торговцы, адвокаты, врачи, учителя, студенческая молодежь.

15 августа 1866 г. в Новом Саде состоялась первая Омладинская скупщина. Сюда собрались представители молодежи всех югославянских областей в количестве 400 человек. Несмотря на весьма скромную программу, провозглашенную в Новом Саде (было заявлено, что Омладина будет в первую очередь заниматься народным просвещением, издавать книги для народа и для молодежи и пропагандировать идею единства сербского племени⁴). Эта Омладинская скупщина имела большое значение. Во всех югославянских областях стали возникать омладинские дружины.

6 августа 1867 г. в Белграде состоялась вторая Омладинская скупщина. На этот раз съехалось уже до 3000 молодых сербов, представителей всех югославянских областей. Австрия отказала молодым славянам в паспортах и оттуда прибыли лишь немногие⁵.

От хорватов на второй скупщине присутствовал торговец Михаил Навала. От имени хорватской народной партии прислал поздравление из Загреба Мразович, адресованное «Сербской Омладине, надежде югославянства»⁶. Болгар представляли Любен Каравелов и Забранов.

Сербское правительство было напугано широким общественным движением, порожденным созывом второй Омладинской скупщины. Не дожидаясь конца скупщины, правительство выслало из Белграда двух омладинцев, делегированных из Воеводины и осмелившихся на одной из частных встреч поднять тост за Светозара Милетича и Владимира Ивановича, высказывавших свое отрицательное отношение к «настоящему порядку»⁷ в Сербии. Затем полиция предписала всем сербам, приехавшим на скупщину, вернуться в свои страны.

Третья Омладинская скупщина состоялась в Великом Бечкереке, в Воеводине, с 22 по 25 августа 1868 г. На скупщине был заявлен

³ Мирослав Ђорђевић. «Светозар Марковић и ујединена Омладина српска». — «Наша книжевност», 1946, № 2, стр. 77; а также Ј. Скерлић. Омладина и нена книжевност, стр. 139.

⁴ Ј. Скерлић. Омладина и нена книжевност, стр. 152.

⁵ Архив внешней политики России, Главный архив (далее — АВПР, ГА), V Аз. Белград, 1867, д. 254.

⁶ Ј. Скерлић. Омладина... стр. 120.

⁷ См. Ј. Скерлић. Омладина...

протест по поводу клеветы об участии Омладины в убийстве князя Михаила. Скупщина выразила надежду, что в Сербии будет «просвещенное правительство, понимающее сербские интересы»⁸. В третьей Омладинской скупщине участвовали уже не только горожане, но и представители крестьян.

На четвертой скупщине в Великой Кикинде, в августе 1869 г. также присутствовало много представителей крестьян.

Как и на первой скупщине, Омладина продолжала определять свою основную задачу как национально-просветительную (организация церковных школ, распространение книг, забота о сохранении чистоты сербского языка и т. п.). Характерным для Омладины этого времени было также опоэтизирование Душанова царства, культ исторического прошлого сербского народа. Романтический национализм был основной чертой первого периода существования этой организации сербской либеральной буржуазии.

На пятой скупщине, состоявшейся 27 августа 1870 г. в Новом Саде, политические вопросы начали оттеснять вопросы просвещения и культуры. Большинство членов Омладины во главе с Владимиром Иовановичем высказалось за то, что все усилия должны быть направлены на скорейшее объединение южных славян во главе с Сербией⁹. При этом подчеркивалось, что ввиду сложности внешнеполитического положения Сербии не время сейчас заниматься вопросами внутреннего преобразования Сербии. Был, в частности, оставлен в стороне вопрос о земельной реформе¹⁰.

Основная цель Омладины на пятой скупщине была сформулирована, как объединение сербов по обеим сторонам Дуная и Савы¹¹. В качестве конкретной задачи выдвигалось объединение Сербии и Черногории и присоединение к ним Боснии и Герцеговины¹².

Таким образом, тогдашнее руководство Омладины удерживало организацию в тех рамках, которые были установлены по внутренним вопросам консервативно-либеральным лагерем Сербии.

Консервативно-либеральному лагерю противостоял, однако, лагерь сербской революционной демократии. Участники сербского революционного движения второй половины XIX в. выросли и сформировались на идеях русских революционных демократов 60-х годов, в особенности Герцена и Чернышевского. Приезжавшие в Россию для получения образования сербы встречались в Москве, Петербурге, Киеве с представителями передовой русской демократической молодежи и в их среде впервые знакомились с идеями русских революционных демократов и с учением основоположников научного социализма. Как известно, выдающийся сербский революционер Светозар Маркович считал петербургский период своей жизни определяющим в формировании своего мировоззрения. Через Россию, где сербские студенты знакомились с идеями социализма, шло проникновение социалистических идей в югославянские земли.

В августе 1871 г. русский генеральный консул в Белграде Шишкин писал директору Азиатского департамента Стремоухову о пропаганде «Раденика», издаваемого Светозаром Марковичем: «...к сожалению, в этой пропаганде принимают деятельное участие люди, получившие образование у нас (в России. — В. К.)...» Далее Шишкин отмечал: «Митро-

⁸ J. Скерлић. Омладина..., стр. 124.

⁹ Там же, стр. 127.

¹⁰ Там же.

¹¹ Иован Радонић. Слика из историје и књижевности. Београд. 1938, стр. 209.

¹² По тайному договору от 23 сентября 1866 г., заключенному между сербским и черногорским правительствами, в случае удачной войны против турок черногорский князь Николай отрекался от власти в пользу сербского князя Михаила.

полит Михаил... уверял меня недавно, что слышал от одного серба, воспитывающегося у нас (назвать его он не хотел), что в России во всех высших учебных заведениях, особенно в университетах и семинариях, существуют тайные общества, находящиеся в связи с Association Internationale, имеющие задачей распространение ее учения в низших слоях нашего общества... Мне весьма трудно судить о направлении умов нашей учащейся молодежи в настоящее время, но каково оно было прежде, я могу судить по сербским питомцам, особенно Киевской семинарии, вернувшимся на родину отъявленными нигилистами»¹³.

Замещавший Шишкина Церетелев писал из Белграда Стремоухову 10 марта 1873 г., что князь Милан, говоря «... о сербских питомцах в России... выражал желание, чтобы от них требовалась непременно рекомендация нашего Генерального консульства и Княжеского министерства народного просвещения... следовало бы также, по словам князя Милана, строже относиться к учащимся сербам, снисхождение к которым компрометирует сербскую молодежь в России»¹⁴.

Светозар Маркович, возглавлявший революционно-демократический лагерь сербов, и его сторонники выдвинули программу социальных преобразований в Сербии. Они требовали установления демократической республики. В области внешней политики Светозар Маркович и его сторонники требовали национально-освободительной революции, в ходе которой должны были быть решены и задачи социальных и политических преобразований. По мысли Светозара Марковича, национально-освободительная революция должна была привести к созданию союза народных республик на Балканах. Маркович призывал к единству действий народов, поработенных Турцией и Австрией, к их союзу в освободительной борьбе. Он писал в книге «Сербия на Востоке»: «Сербский народ не имеет другого выхода, кроме революции на Балканском полуострове, революции, которая бы завершилась уничтожением того государства, которое сегодня существует»¹⁵.

В задачу данной работы не входит разбор взаимоотношений Светозара Марковича с Омладиной; отметим только, что Маркович резко критиковал Омладину за ее националистическую и социальную фразеологию¹⁶. Он обвинял близоруких вождей Омладины в том, что они идут на поводу у бюрократического правительства Сербии, тянут Омладину назад, в результате чего члены ее ограничиваются только патриотическими речами и ничего не делают для разрешения практических насущных задач, стоящих перед движением. Резкую критику Марковича вызывало и то, что либеральное руководство Омладины оказывало поддержку местническому режиму в Сербии и открыто выражало свои симпатии сербскому «просвещенному» правительству¹⁷.

Светозар Маркович и его сторонники — Раша Милошевич, Джуро Льетич, Драгиша Станоевич и др. — высказались за переустройство сербской Омладины. Они представили на скупщину записку, в которой требовали точного определения цели и задач Омладины и настаивали на радикальных реформах в «чисто демократическом духе»¹⁸, что должно было обеспечить прогрессивное политическое и экономическое развитие

¹³ АВПР, ГА, V Аз, Белград, 1871, д. 258, л. 345.

¹⁴ АВПР, ГА, V Аз, Белград, 1873, д. 261, л. 251.

¹⁵ См. Св. Марковић.— «Србија на Истоку», Београд, 1946.

¹⁶ Мирослав Ђорђевић. Указ. соч., стр. 68.

¹⁷ Там же, стр. 69.

¹⁸ Ј. Скерлић. Омладина..., стр. 128.

народа. Ожесточенная борьба между двумя направлениями Омладины продолжалась и в начале 70-х годов.

Правительственная реакция делала все, чтобы прекратить деятельность Омладины вообще и ее левого крыла в особенности.

* * *

Лозунг объединения всех южных славян, входивший в программу Омладины, отражал рост национально-освободительного движения в европейских провинциях Турции, получившего новый размах в связи с восстанием на Крите и турецко-греческим конфликтом.

В 1869 г. Ионин, сменивший Петковича на посту русского консула в Рагузе, пишет своему коллеге на о-в Корфу: «Дипломатический разрыв, происшедший между Турцией и Грецией, занимает сильно умы не только в Черногории, но и в Албании и Герцеговине, где жители как христиане, так и мусульмане явно и громко высказывают свое неудовольствие на турецкие порядки. В случае открытой войны между упомянутыми державами можно наверное предсказать, что черногорцы не останутся равнодушными зрителями, а их пример легко может повлечь за собою также серьезные восстания в Албании и Герцеговине и даже в Боснии. При таком же всеобщем движении в провинциях, соприкасающихся с сербскими границами и населенных сербским народом, едва ли будет возможно Сербскому правительству удержать свой нейтралитет в отношении к Турции, если бы оно по каким-либо политическим соображениям вздумало отказаться от дружбы с Черногорию. Черногорцы не скрывают своих будущих намерений, они явно говорят, что дело Греции есть дело всех христианских народов Балканского полуострова и что эти народы обязаны ради улучшения собственной своей участи принять открыто и с полным сознанием своего долга и своей задачи участие в борьбе греков против турок»¹⁹.

Еще до этого, в 1867 г. по этому поводу Петкович писал Стремоухову: «Восстание на о. Кандии²⁰ занимает сильно умы в Черногории; не только князь, отец его Мирко и сенаторы, но и простые черногорцы следят с живейшим участием за ходом борьбы кандиотов против турок и желают, чтобы она продлилась еще месяца на два или на три и дала возможность грекам и славянам на материке приготовить свои силы и свои средства». Черногорцы, по словам Петковича, стремились узнать, «удерживается ли еще восстание на острове Кандии и воюет ли теперь против турок еще другой какой-нибудь народ»²¹ и выражали надежду, что они скоро тоже схватятся с турками и теперь уже в последний раз.

Обеспокоенный влиянием этих событий на черногорцев, князь Николай писал Ионину: «Настоящая война²² пробуждает воинственные чувства не только в черногорцах, но и в окрестных жителях до такой степени, что мне очень трудно их удерживать... Албанцы приходят толпами в Цетинье, а я не знаю, что с ними делать»²³.

Как уже сказано выше, Сербия становилась центром национально-освободительной борьбы, охватывавшей весь Балканский полуостров. Учащаются поездки сербских эмиссаров по всем краям и областям, насе-

¹⁹ АВПР, ГА, V Аз, Рагуза, 1869, д. 734, л. 8.

²⁰ О-в Крит.

²¹ АВПР, ГА, V Аз, Рагуза, 1867, д. 730, л. 36.

²² Франко-прусская война.

²³ АВПР, ГА, V Аз, Рагуза, 1870, д. 735, л. 315.

ленным южными славянами. Усиливается связь с Сербией представителей герцеговинцев, боснийцев и другого славянского населения, находящегося под властью Турции. Русский посол в Вене Балабин сообщал о положении в Боснии: «... все там готово восстать. Босняки рассчитывают преимущественно на помощь Сербии и сознаются, что они погибнут, если восстанут отдельно»²⁴.

Находящиеся под властью Австрии славянские области, населенные сербами и хорватами, также готовы были прийти на помощь боснийцам. 30 июня 1860 г. русский консул в Белграде Шишкин писал князю Горчакову: «... говорят, что австрийские сербы, преимущественно же жители Славонии и Кроации, имеют тайное соглашение с босняками и намерены оказать этим последним значительную помощь не только оружием и порохом, но даже отдельными «четами» (иррегулярными отрядами), готовыми при первом удобном случае перейти на турецкую территорию ... беспокойное состояние умов в Среме, Бачке и Банате составляет предмет самых сильных опасений в Австрии»²⁵.

Отовсюду в Белград шли сведения и запросы.

Шишкин в донесении от 30 декабря 1865 г. в Азиатский департамент писал о том, что в Белград «... прибыл Коста Грегурович Дрека из Герцеговины с полномочием от попа Жарко. По сведениям, сообщенным им Гарашанину, негодование в Герцеговине ежедневно возрастает. Турки требуют уплаты разных поборов и подати за семь лет и людей в военную службу. Крайняя нищета и убыль в людях делают удовлетворение требований турок невозможными. Употребляемое насилие побуждает народ, дошедший до отчаяния, восстать. Просят у Сербии совета и помощи. Министр убеждал депутата уговорить народ отсрочить такое «отчаянное решение»²⁶.

В 1866 г. из Герцеговины снова поступают запросы к Гарашанину о том, насколько герцеговинцы «могут рассчитывать на поддержку княжества». Гарашанин просил своего агента успокаивать нетерпеливых и отсрочить, по возможности, вспышку»²⁷.

В 1867 г. в Белград приезжал представитель хорватской народной партии Мразович для того, чтобы узнать намерения сербского правительства. Отвечая на вопрос хорватского депутата, что нужно предпринять, Гарашанин призывал его склонить своих товарищей по партии пока лишь содействовать подготовке восстания в Боснии, когда же настанет время действовать, то помочь Сербии присылкою волонтеров, офицеров и вообще всяких средств для поддержания движения. «... Мразович, не колеблясь, обещал исполнить желание Гарашанина, присовокупив, что хорваты даже готовы при первом движении отложиться от Австрии и провозгласить свое присоединение к Сербии». Гарашанин, однако, убеждал Мразовича не возбуждать такого открытого движения, «... могущего навлечь на Сербию при начале борьбы с Турцией не только все силы Австрии, но даже вмешательство Франции и даже придать народному делу характер вопроса европейского»²⁸. Хорватский представитель согласился с этими доводами и уехал с тем, чтобы советовать хорватской Народной партии ждать благоприятных обстоятельств, а пока только тайно участвовать в действиях Сербии.

²⁴ АВПР, ГА, V Аз, Вена, 1859, л. 75.

²⁵ АВПР, ГА, V Аз, Белград, 1861, д. 244, лл. 58—59.

²⁶ Там же. Белград, 1865, д. 231, л. 108.

²⁷ Там же. Белград, 1866, д. 252, л. 119.

²⁸ Там же, 1867, д. 253, л. 59.

В Боснии к 70-м годам в среде представителей молодой боснийской торговой буржуазии и интеллигенции крепнет решимость вести вместе с «низами» борьбу за освобождение от турецкого ига. В этом отношении большее влияние на городское население Боснии и Герцеговины оказало движение Омладины. Боснийские молодые торговцы, учителя, священники примыкали к омладинскому движению²⁹. «...если старые торговцы проявляют... равнодушие к общему благу... есть люди им противодействующие, это, в особенности, члены Омладины»³⁰. Видными деятелями боснийской Омладины были Васа Пелагич, ведший активную работу в Северной Боснии, Стоян Угринич, Йово Скобла и Джока Влайкович.

Через молодого торговца из Старой Градишки, Стояна Угринича, осуществлялась связь боснийских омладинцев с омладинскими организациями Сербии и Воеводины. Он переправлял жалобы своих соотечественников на «зулум» представителям великих держав, он же сообщал в Новый Сад, в газету «Застава», материал о притеснениях, которые терпят босняки и герцеговинцы от турецких чиновников и своих бегов. Новосадская «Застава» во главе с Милетичем печатала статьи о положении боснийской раи на основании сообщений Угринича³¹.

В начале 70-х годов, когда Омладина все больше уклонялась от постановки и разрешения внутренних вопросов, стоявших перед сербами и другими югославянскими народами, она все свое внимание сосредоточила на вопросе создания югославянского государства. Ограниченность Омладины диктовала ей опору не на народ, а на одного из «просвещенных» правителей — молодого наследника сербского престола — князя Милана, или черногорского князя Николая. Отношения между регентским правительством Сербии и правительством Черногории в это время были напряженными. Оба они хотели стать во главе борьбы южных славян за национальное освобождение.

Каждое из этих правительств старалось очернить друг друга и показать себя с выгодной стороны.

Секретарь князя Николая Сундечич сказал русскому консулу в Рагузе Патковичу: «Нынешние правители Сербии... заботятся больше о своих материальных выгодах, чем о том, как бы привести в исполнение планы и намерения покойного князя. Блазнавац и Ристич³² смотрят свысока на Черногорию и другие народы Балканского полуострова, претендуют сделать из Сербского княжества что-то вроде Пьемонта, но без всяких предварительных жертв в пользу тех, которых хотят захватить в свои руки, и для достижения этой цели ищут дружбы и благорасположения у мадьяров. В их (регентов. — В. К.) поступках и действиях нет ничего искреннего и положительного; они обманывали и обманывают южных славян, думают перехитрить и обмануть также мадьяров, но едва ли в этом успеют: венгерские патриоты и государственные люди заткнули бы за пояс и не таких мудрецов и дипломатов, каковы белградские»³³.

«Насчет отношений Сербии к Черногории Сундечич заметил мне, — писал Петкович, — что договор, заключенный между покойным князем Михаилом и правителем Черногории, не имеет теперь никакой силы и значения...» И далее: «То, что черногорский князь обещал уступить князю Михаилу ради блага всего Сербства, прибавил Сундечич, при

²⁹ В. Чубриловић. Босански устанак. 1875—1878 гг. Београд, 1930, стр. 17.

³⁰ АВПР, ГА, V Аз, Мостар, 1871, д. 625, л. 31.

³¹ В. Чубриловић. Указ. соч., стр. 17—22.

³² Регенты, правившие Сербией до совершеннолетия князя Милана в 1872 г.: Блазнавац, Ристич и Гаврилович.

³³ АВПР, ГА, V Аз, Рагуза, 1868, д. 732, л. 75.

этом, того требовать от него не имеет никакого права его наследник молодой князь Милан»³⁴.

Князь Николай мнил себя вторым Виктором-Эммануилом и «...мечтал из Черногории сделать Пьемонт...», но он забывал, что ни он, ни Черногория не имеют для этого достаточных условий»³⁵.

«Черногория... представляет еще зрелище первобытного патриархального общества»³⁶, без путей сообщения, без торговли и промышленности.

Дело освобождения южных славян от турецкого ига не могло, конечно, обойтись без Черногории, но «...было бы смешно и безумно предполагать, чтобы Черногория могла сделаться руководительницею славянских стремлений на Балканском полуострове и увлекла бы за собою в этом деле Сербию, не говоря уже о том, что такой подвиг далеко не под силу и не под рост нынешнему князю»³⁷. Главную роль в этом деле Черногория играть не могла, так как не имела для этого данных.

Однако положение дел в Сербии все время подогревало честолюбивые замыслы князя Николая и его желание «...взять то место в сербо-славянском вопросе, которое занимал князь Михаил»³⁸. Омладина все пристальнее приглядывалась к князю Николаю. Омладинцы собирались даже провести свою очередную скупщину в Цетинье. Члены Омладины просили прислать за ними пароход в Триест. «Омладина писала в Каттаро, чтобы иметь к своему приезду готовые квартиры на триста человек»³⁹. Князь Николай понимал, что созыв Омладинской скупщины в Цетинье будет вызовом всем. Он писал Ионину в Рагузу: «...сердце мое... страдает при мысли, что я должен из политических видов отказаться себе в удовольствии видеть в первый раз в Цетинском поле представителей сербского народа...»⁴⁰. Отвечая на просьбу омладинцев о присылке парохода в Триест, князь советовал им отложить это намерение до более удобного времени⁴¹.

В 1870 г. в Черногорию приезжал майор Любомир Иованович и вел с князем Николаем переговоры от имени сербского правительства по поводу заключения военной конвенции. Переговоры эти не привели к положительным результатам. Сербия желала получить новое подтверждение трактата 1866 г., по второй статье которого князь Николай, в случае победы над турками, отрекался от своей власти в пользу сербского князя Михаила, «ввиду соединения в одних руках всех сербских земель»⁴². Князь Николай был возмущен тем, что, по его мнению, регенты желают перенести его отречение в пользу князя Михаила на князя Милана.

И хотя князь Николай в марте 1871 г. и писал Ионину, что черногорцы радуются успехам сербов и готовы действовать с ней вместе «...пусть только Сербия будет искренна... Черногория пристанет к ней, как к милой своей сестре, чтобы с нею заодно или пасть, или подняться»⁴³, отношения между двумя правительствами продолжали ухудшаться.

Князь Николай послал с воеводой Пламенцом сербским регентам письмо от 31 мая (12 июня) 1871 г., в котором писал, что после устано-

³⁴ Там же.

³⁵ АВПР, ГА, V Аз, Рагуза, 1869, д. 734, л. 197.

³⁶ Там же, л. 198.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, л. 60.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Рагуза, 1870, д. 735, л. 174.

⁴³ Там же, 1871, д. 736, л. 7.

вившихся недружелюбных отношений между Сербией и Черногорией он «...еще более убедился в бесполезности всякой военной конвенции, а тем более таковой, какая была мне предложена»⁴⁴.

Династический вопрос князь Николай оставлял на будущее открытым, не отрекаясь уже в пользу сербского князя.

31 июля 1871 г. регенты послали ответ на письмо князя Николая, которое повез воевода Пламенац, возвращавшийся в Цетинье, в котором они заявили, что «...военная конвенция есть единственное средство избежать недоразумений...»⁴⁵ Князь Николай отказался от заключения военной конвенции с Сербией.

Члены Омладины сожалели об антагонизме между правительствами Сербии и Черногории. Они считали, что нужно добиться единства действий.

Постепенно, в 70-х годах, «Омладина» начинает смотреть на Черногорию как на центр, вокруг которого может произойти объединение южных славян. Мысль, что князь черногорский должен возглавить южных славян «давно существует между австрийскими сербами, и последнее время... они уже серьезно начали внушать эту мысль самому князю Николаю»⁴⁶.

В апреле 1871 г. в Цетинье приехал влиятельный член Омладины Влайкович. «...на днях в Цетинье приехал некто Влайкович, бывший в русской службе и потерявший в Севастополе ногу. Влайкович — приятель Милетича и человек с большим влиянием (так, даже в Рагузе у него были с визитом все православные)»⁴⁷.

Русский генеральный консул в Рагузе Ионин писал русскому послу в Вене Новикову, что из недосказанных слов секретаря князя Николая, Сундечича, он понял, что поездка Влайковича имеет политическое значение и что он приехал в Цетинье, «...если не с условиями от Милетича, то с предложением от него услуг и особенного расположения...»⁴⁸.

Ионин высказывает предположение, что вряд ли князь Николай пойдет на политическую сделку с Омладиной, но что он может стать «жертвой и орудием» ее, если в Белграде «...будут продолжать его (князя Николая. — В. К.) раздражать»⁴⁹.

27 апреля (9 мая) 1871 г. Ионин пишет директору Азиатского департамента, что «Влайкович... вместе с Милетичем играет первую роль, особенно между австрийскими сербами»⁵⁰. Далее Ионин сообщает, что «Влайкович отзывался о князе с восторгом, который он будет стараться передать своим единоплеменникам». «Мы в последнее время питаем особенную симпатию к князю Николаю, говорил он мне, но теперь, когда я расскажу своим друзьям, что Черногория под его управлением представляет совершенно неожиданное для нас зрелище, что все идет вперед, порядок, школы, войско... мы будем к нему относиться не только с симпатией, но и с особенною преданностью»⁵¹.

В своем донесении в Азиатский департамент Ионин высказывает предположение, что, по-видимому, целью поездки Влайковича в Цетинье было только осведомиться о положении Черногории, но не исключено, что

⁴⁴ АВПР, ГА, V Аз, Рагуза, 1871, д. 736, л. 31.

⁴⁵ Там же, д. 737, л. 78. Перевод с письма сербских регентов кн. Черногорскому от 31 июля 1871 г.

⁴⁶ Там же, Рагуза, 1871, д. 736, л. 15.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, л. 16.

⁵⁰ Там же, л. 28.

⁵¹ Там же, л. 29.

эта поездка могла стать точкой отправления для укрепления связей Омладины с князем Николаем⁵².

Ионин писал далее, что князь Николай не доверяет членам Омладины, выдвинувшим идею о его кандидатуре на сербский престол: «...князь боится распространения этой идеи, ничуть не верит в ее успех, боится, что его обманывают, что хотят воспользоваться его именем, а в сущности имеют в виду республиканский образ правления в Сербии»⁵³.

Когда в Бршице 15 августа 1871 г. происходила последняя Омладинская скупщина, на ней присутствовал черногорский воевода Машо Врбица. Он был избран председателем скупщины. Венгерское правительство⁵⁴ потребовало, чтобы общество ограничило свою деятельность исключительно просветительными и литературными задачами и не вмешивалось в политику. Скупщина была закрыта. Решено было собраться на частную скупщину, но полиция разогнала ее участников.

Ионин по этому поводу писал Стремоухову: «...Омладинская скупщина была распущена Венгерским правительством на другой день ее открытия и комиссар его объявил прямо, что таковая мера принята по просьбе Сербского правительства. Легальным поводом к закрытию скупщины было следующее: Венгерское правительство предложило Омладине исключить из среды своей членов не венгерских подданных, т. е. подданных сербских, турецких и черногорских. Если б Омладина согласилась, то могла бы продолжать свое заседание, но так как она отвергла предложение, то и должна была разойтись»⁵⁵.

Таким образом, Омладина формально перестала существовать в 1871 г., но фактически она и в 70-х годах оставалась активным проводником идей и стремлений молодой сербской буржуазии. «Они (омладинцы) и дальше были носителями нашего (т. е. сербского. — В. К.) боевого национализма», — говорит по этому поводу Чубрилович⁵⁶.

Так, боснийский архимандрит Василий Пелагич в 1871 г. организует омладинский комитет, который распространял омладинские издания и патриотические воззвания в Скутари, Подгорице, Беране, Гусинье, Белом Поле, Соче и других местах⁵⁷. В Цетинье, Черногорской Реке и Боке Которской основываются омладинские издательства⁵⁸.

По случаю крестин наследника черногорского престола, которые состоялись 8 сентября 1871 г., в Цетинье съехалось много представителей из славянских областей. Ионин доносил 18 (30) сентября 1871 г. Стремоухову, что на празднество в Цетинье прибыло более тысячи человек из Австрии и что среди них большое число членов Омладины, которые юношескою заносчивостью, не находящею себе твердой опоры, нападают отчасти наших нигилистов»⁵⁹. В Цетинье приехало также много бокезцев во главе со своим депутатом в рейхсрате Георгием Войновичем. «Речи, которые они говорили на собраниях, — пишет Ионин, — отличались особенным рвением к воссозданию и воссоединению сельского народа»⁶⁰. Много было людей в Цетинье и из остальной Далмации. Члены Омладины Лаза Костич, Миша Димитриевич и другие также прибыли в Цетинье

⁵² Там же.

⁵³ Там же, л. 23.

⁵⁴ Правительство Транслейтании.

⁵⁵ АВПР, ГА, V А₂, Рагуза, 1871, д. 737, л. 89.

⁵⁶ В. Чубрилович. Босански устанак, стр. 19.

⁵⁷ Ј. Скерлић. Омладина..., стр. 132.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ АВПР, ГА, V А₂, Рагуза, 1871, д. 737, л. 85.

⁶⁰ Там же, л. 86.

под предлогом празднования крестин наследника черногорского престола. Они «...явились на Цетинье с намерением исследовать, кто прав и кто виноват, и затем действовать решительнее против виновного»⁶¹, — писал Ионин в Азиатский департамент. Далее он указывает, что оmlадинцы во время своего пребывания в Цетинье просили князя Николая дать им объяснения по ряду вопросов. Князь ответил отказом. Тогда оmlадинцы попросили князя прислать на собрание представителя черногорского правительства. Князь Николай и в этом отказал оmlадинцам, заявив, что «... так как свобода речи у него не запрещена, то они могут говорить, что им угодно, но что разговор их и решения не будут никоим образом приняты в соображение черногорским правительством, которое остается при своем образе действий»⁶². Создавшуюся ситуацию Ионин характеризует так: «...поссорившись с Черногорией, Оmlадине некуда было деваться»⁶³.

На вечере у князя Николая по случаю крестин наследника Лаза Костиц высказал присутствовавшему там Ионину ряд своих мыслей. Он заявил, что «...сербское правительство ведет не политику, а интригу, и что осведомившись об этом основательнее, они будут действовать против него более серьезно». «Можно удивляться, — сказал далее Костиц, — что регенты, которые представляют себе и другим Оmlадину как сборище экзальтированных крикунов и вредных утопистов, входят с ними в компромиссы и тайные переговоры политического свойства и о таких предметах, которые по существу своему должны были бы оставаться кабинетною тайною»⁶⁴.

Затем Костиц сообщил Ионину, что «...сербы из разных стран подали князю Николаю меморандум, в котором изложили свои взгляды на сербский вопрос. По словам Костица, в меморандуме было сказано, что «цель австрийских сербов есть конечное отпадение их от Австрийской монархии и присоединение к сербам, живущим теперь в Княжествах и Турции»⁶⁵.

Далее в меморандуме говорилось, что «...дух народа возбужден повсюду. Для освобождения сербского народа из-под турецкого ига должен представиться скорый и удобный случай, который не следует упускать, а потому нужно заранее приготовиться и сплачивать свои силы»⁶⁶.

«Первою потребностью представляется единодушие между Белградом и Цетинье, которые должны согласиться наконец действовать заодно и без задней мысли при первом удобном случае, а пока не разъединять своими распрями стремлений и сил народа»⁶⁷.

В меморандуме, по словам Костица, высказывалась мысль о заключении союза между Сербией и Черногорией. «Союз этот, — пишет Ионин, — должен сербское правительство обязать действовать в народном духе, и если оно откажется, заключить его или если, заключивши его, будет действовать по-старому, то тогда, они, австрийские сербы и вообще вся сербская интеллигенция, примут другие меры. Вообще интеллигенция эта употребит свое влияние против того, кто окажется нравственно виновным, против Белграда или Цетинье, а до сих пор по отношению к этим обоим центрам цели их остаются строго консервативными»⁶⁸.

Меморандум обвинял сербское правительство в том, что оно поступало «в ущерб этим целям». В нем подчеркивалась необходимость опираться

⁶¹ АВПР, ГА, V Аз, Рагуза, 1871, д. 737, л. 91.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, л. 92.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, л. 102.

⁶⁶ Там же, л. 103.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, л. 104.

на Россию в борьбе за освобождение: «... нравственное сплочение сербского народа и единодушие между ними немыслимы без опоры и содействия России, а потому они будут наблюдать с своей стороны, чтобы в Цетинье и Белграде поддерживать эту мысль»⁶⁹.

Костич далее сказал Ионину, что «... они (омладинцы. — В. К.) употребляют все свое влияние, чтобы заставить правительство княжества действовать».

На вопрос Ионина, думает ли Костич, что сербы и черногорцы могут предпринять борьбу против Турции, хотя бы и соединенными силами, Костич ответил: «Нет, для этого нужна опора и согласие России»⁷⁰.

Из беседы Костича с Иониным, таким образом, явствует, что омладинская буржуазия искала опору в единоверной России, так как сама была слаба и понимала также, что оба княжества даже соединенными силами, без поддержки России как материальной, так и дипломатической, не могли успешно завершить борьбу.

Костич заметил в беседе с Иониным, что в князе Николае омладинцы не сомневаются, но что Черногория одна действовать не может. На вопрос Ионина, как омладинцы думают воздействовать на Сербию, Костич сказал: «... мы будем готовить только средства, чтобы заставить уважать наш голос, действовать на народ, спланировать наше общество, увеличивать наши материальные средства»⁷¹. Эти слова Костича показывают, насколько далека была Омладина от каких бы то ни было революционных методов в своей деятельности. Весьма характерным для буржуазной ограниченности Омладины представляется дальнейший диалог между Иониным и Костичем. Ионин сказал, что по его впечатлению «... народ не разделяет во многом ваших взглядов и боится вас отчасти: вы беретесь часто переиначивать у него такие вещи и такие убеждения, которые в нем крепки и без которых столь малая его сила была бы совершенно уничтожена. Например, вы поднимаете в вашей журналистике и книжной деятельности, да и в Карловце на Церковном собрании, вопросы социальные и религиозные». «О, — отвечал мне Костич, — в этом случае я должен признаться, что и для нас самих наше путешествие в Цетинье принесло много пользы. Мы могли там видеть настоящий быт и чувство народа, не разделенного партиями, и говорить с сербами, пришедшими со всех стран. Мы убедились, что касаться социального быта нашего народа нельзя и вредно, и теперь, возвратившись, употребим наше влияние, чтобы устранить эти вопросы из нашей деятельности. Да притом, скажу вам, эти вопросы никогда не составляли предмета забот и стремлений главных людей между нами, но у нас не было строго организованного общества, и потому молодежь заносилась. Теперь мы обратим на это внимание и, возвратившись домой, из этого хаоса составим именно общество, которое бы слушалось передовых людей, удерживало бы свои порывы ввиду политических целей и польз и отказывалось бы от личной деятельности и личных страстей в пользу первой необходимости: на каком бы то ни было основании быть всем за одно и не оскорблять друг у друга не только чувств, но даже и предрасудков»⁷².

Из дальнейших слов Костича видно, что вожди Омладины в этот период по существу отбросили идею политического переустройства и отказались от идеи республики в пользу монархии, даже не конституционной.

«... мы возвращаемся с намерением основать строго политическую

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, л. 105.

⁷¹ Там же, л. 106.

⁷² Там же, л. 108.

деятельность и... нас не будут больше обвинять в этой заносчивости и незрелости. Нас и без того слишком много обвиняли напрасно. Например, говорили, что наш идеал — республика. Горячие головы у нас об этом мечтали, но мы, первые люди, — никогда. Нам даже не нравится, что сербское правительство кичится своею конституцией; честное, хотя бы и неограниченное правительство нужно еще в княжествах, у которых главной целью должна быть предстоящая борьба...»⁷³

Для подтверждения своих слов, Костич показал Ионину письмо Милетича, полученное им в Цетинье, в котором говорилось, что «...народ наш может следовать и единодушно действовать только под предводительством своих правительств, и сохранение их есть залог порядка и успеха, потому что должны действовать в пользу их сохранения и избегать всякого переворота в каком бы то ни было смысле»⁷⁴.

Ионин писал, что письмо это имело «вид инструкции»⁷⁵. В нем говорилось, что «местные учреждения и образ правления трогать не следует»⁷⁶. Это письмо изучалось и освещено в литературе, поэтому мы подробно останавливаться на нем не будем.

На цетинском празднике Ионин беседовал также с Георгием Войновичем и графом Деде-Янковичем. Об этом он пишет: «По словам их, князь сказал всем этим господам, что он, конечно, разделяет их виды на будущее, но что если они желают сохранить с ним хорошие отношения, то должны оставить его действовать в политике свободно и убедить его, что социальные и другие вопросы этого рода ими будут оставлены»⁷⁷.

Далее Ионин пишет, что Омладину обвиняли «...в искании революций, особенно в Сербии... Но всех бывших в Цетинье и участвовавших в описываемой мною деятельности нельзя обвинить в этом, как, например, Войновича и Янковича, которые, однако, подписали вместе с Костичем приведенный мною выше меморандум»⁷⁸. «Может быть, здравый смысл, который они там (в Цетинье. — В. К.) встретили, заставит, как мне сказал Костич, и самую так называемую Омладину переменить свои цели и стремления; но может быть также, что обещания, высказанные... князю Николаю, суть только маска, под которую будет скрываться та же подозрительная и не совсем честная агитация»⁷⁹.

Князь Николай высказал Ионину свое личное мнение об Омладине: «...я не заметил в них ни интернационалов, ни коммунистов, ни безбожников. Экзальтированы только — это правда. Говорят, что вся их цель — воссоединение сербов, которое они будут проповедовать как слово Божие, и за которое готовы жертвовать и жизнью...»⁸⁰.

Сербское правительство представлял на празднествах в Цетинье полковник Боевич, который жаловался Ионину на черногорское правительство и оправдывал свое, сербское. Он упрекал князя Николая за то, что тот позволил собраться в Цетинье «главным представителям Сербской Омладины...»⁸¹.

Князь Николай объяснил Ионину, что он боится окончательного разрыва с регентами, но что порвать с омладинцами он тоже не может,

⁷³ АВПР, ГА, V А2, Рагуза, 1871, л. 737, л. 108.

⁷⁴ Там же, л. 109.

⁷⁵ Там же, л. 108.

⁷⁶ Там же, л. 109.

⁷⁷ Там же, л. 110.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, л. 111.

⁸⁰ Там же, л. 116—117.

⁸¹ Там же, л. 112.

«... для выгод самой Черногории, — сказал князь, — общественное мнение в Далмации и других окружающих странах слишком важно, а оно может только поддерживаться сознанием, что Черногория не изолирована среди сербского мира, как это было прежде. Порвать отношения с интеллигенциею значило бы испугать всех этих соседей»⁸².

* * *

Некоторые архивные документы дают представление о роли, которую играла Омладина в связи с обострением положения в Боснии и Герцеговине.

Положение народных масс в Боснии и Герцеговине было в этот период крайне тяжелым. «Вместо прежней десятины стали теперь брать осьмину с собираемого зернового хлеба, увеличив в такой же и большей пропорции налог на скот и другие отрасли сельского хозяйства; что остается у бедняка по удовлетворении всех требований правительственных сборщиков, то съедается у него приезжающими чиновниками или жандармами (заплате), которые вопреки существующему на бумаге запрещению требуют, чтобы поселяне-христиане кормили и поили их даром»⁸³.

Рассказывавшие об этом Ионину старшины Нико Якшич из Невесинья и Томо Вукманович из Гатско заявили, что народ совершенно изнемог, «совершенно обнищал» и что жалобы христиан, посылаемые ими в Мостар и Сараево, никто не читает.

«Турецкие власти, — продолжали они, — бояться... не только живых, но даже и мертвых герцеговинцев, а, благодарение богу, мы еще не все мертвы... а в последнее время стали смотреть на нас как на тайных союзников Черногории и Сербии; а потому не перестают следить зорко за каждым нашим шагом и принимать всякого рода предосторожности. Строющиеся в Герцеговине и Боснии форты и стратегические дороги имеют в виду не столько внешних врагов, сколько местное христианское народонаселение»⁸⁴.

Боснийцы и герцеговинцы готовились к вооруженному выступлению, и сербскому правительству приходилось с этим считаться, желало оно этого или нет. «Сведения, полученные из Боснии..., обнаруживают между христианами серьезные приготовления к вооруженному отпору, влияние коего на княжество и на положение его правительства будет тем решительнее, что обоим классам народного войска оружие роздано на руки еще в прошедшем году, и нельзя поручиться, чтобы это войско осталось равнодушным зрителем резни христиан под боком Сербии»⁸⁵.

Член регентского правительства военный министр Блазнавац получил из Боснии и Герцеговины несколько писем, в которых его запрашивают, «точно ли нужно готовиться к скорому восстанию, ссылаясь при этом на дошедшие недавно ко всем патриотам в этих турецких областях воззвания, к коим вместо подписи приложена печать, на которой вырезаны слова: «Белградский комитет для организации освобождения христиан в Турции»»⁸⁶.

Русский посол в Вене Новиков послал 15 декабря 1871 г. телеграмму директору Азиатского департамента, в которой говорилось, что «агитаторы... хотят увлечь регентов открыто поддержать восстание, готовимое

⁸² Там же, лл. 97—98.

⁸³ Там же, Рагуза, 1868, д. 732, л. 81.

⁸⁴ Там же, л. 82.

⁸⁵ Там же, Белград, 1872, д. 259, л. 193.

⁸⁶ Там же, Белград, 1871, д. 258, л. 91.

ими к началу февраля... Подробности плана и средства еще неизвестны... всем руководит Милетич с Новосадской Омладиной»⁸⁷.

Новиков получил ответ, в котором директор Азиатского департамента Стремоухов писал, чтобы Новиков через русского консула в Белграде Шишкина выразил «порицание замыслов Омладины, могущих навлечь на Сербию гибельные последствия»⁸⁸.

Омладина за распрю между Сербией и Черногорией продолжала осуждать сербское правительство. «...газеты в распоряжении Милетича и Омладины и общественное мнение особенно нападали на регентов за их двусмысленное отношение к Венгрии, за их отчуждение от России, за политическое бездействие и, наконец, за ссору с Черногорией»⁸⁹. Регенты, стараясь оправдаться перед Омладиной, заявляли, что готовы действовать, но Черногория не хочет прийти к согласию. Они «отправили к Милетичу Дучича для переговоров и объяснений и даже передали Милетичу их секретную переписку с Черногорией за последний год...»⁹⁰. «...Дучич доказывал, что Сербия сделала все уступки, чтобы удовлетворить князя Николая, что она согласилась отказаться от династического вопроса в пользу Обреновичей, на который имела право в силу договора 1866 г., что она готова действовать, но что, не надеясь на изменчивый, испорченный и ребяческий характер князя Николая, она должна была связать его военной конвенцией, чтобы в случае предприятия не испытать с этой стороны измены»⁹¹.

Со своей стороны, князь старался всячески эксплуатировать свою популярность, заигрывать с Омладиной, говоря, что «Омладина сама ничего не может без нее (Черногории. — В. К.)»⁹².

Руководители Омладины решили прибегнуть к посредничеству митрополита Михаила для переговоров с Блазнавцем. Митрополит Михаил просил в декабре 1871 г. регента Блазнавца принять и выслушать доверенное лицо от Новосадской Омладины, которое хочет сообщить ему «план восстания между христианами Турецких пограничных областей»⁹³ и просит сербское правительство оказать этому предприятию сначала тайное, а затем явное содействие». Митрополит Михаил сам рассказал Шишкину, что «Омладина решилась во чтобы то ни стало возбудить восстание между турецкими христианами... и что, сознавая всю помощь, которую может оказать ей в этом предприятии сербское правительство, оно желало бы заручиться согласием его и в таком случае доверить ему даже руководство всем делом»⁹⁴. Шишкин выразил Блазнавцу уверенность в том, что Блазнавац воспрепятствует «безрассудному предприятию Омладины»⁹⁵, которое вызовет только бесполезное кровопролитие.

В декабре 1871 г. Блазнавац принял доверенное лицо Омладины. Этим доверенным лицом был Ефрем Маркович⁹⁶. Е. Маркович заявил регенту, что он «уполномочен Главным комитетом Омладины изложить регенту

⁸⁷ АВПР, ГА, V Аз, Белград, 1871, д. 258, л. 91.

⁸⁸ Там же, Белград, 1872, д. 259, л. 15.

⁸⁹ Там же, Рагуза, 1871, д. 737, л. 90.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, л. 132.

⁹³ Там же, л. 16.

⁹⁴ Там же, л. 17.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Брат Светозара Марковича, член Омладины, за политическую агитацию в войсках был уволен из офицеров сербской армии. По материалам АВПР участвовал в польском восстании 1863—1864 гг. в числе других иностранцев.

план предполагаемого восстания»⁹⁷. Ефрем Маркович подчеркнул далее, что комитет нуждается в помощи сербского правительства «деньгами, оружием и амундичею»⁹⁸, что вопрос об ускорении подготовки восстания в христианских областях, находящихся под властью Турции, был решен в Цетинье, куда по случаю крестин наследника черногорского князя съехалось много гостей, в том числе и члены Омладины. В Цетинье в дни крестин, как сказал Маркович Блазнавцу, был составлен комитет, который должен был собраться в Белграде. В комитет вошли Маркович, Павлович, Бегович, Хаджич и Томич. Омладина располагала центрами агитации, которые должны были заниматься подготовкой восстания.

Главный комитет, по словам Марковича, имел в своем распоряжении:

1) «денежные пособия, обещанные ему в России Московским и Одесским славянскими комитетами»;

2) содействие граничар, из коих значительное число обещало явиться в назначенное место по первому призыву;

3) обещание содействия со стороны многих черногорских воевод, но «помимо и без ведома Цетинского Правительства»;

4) неусмирное еще совсем восстание в Албании, которое снова можно будет разжечь;

5) черногорцев, находящихся на заработках в Константинополе;

6) помощь со стороны Болгарского комитета в Бухаресте. (Болгарский комитет обещал в начале 1872 г. организовать несколько чет «в Балканах», которые отвлекут на себя турецкие войска, «расположенные в Дунайском вилайете») ⁹⁹;

7) эллинские гетерии обещают организовать отряды в Эпире и Македонии.

«Главным пунктом, где должно вспыхнуть восстание, избраны Болгария, Босния и Македония»¹⁰⁰.

«С этими средствами одбор (комитет. — В. К.) надеется в два месяца времени очистить от турецких войск Боснию и Герцеговину, которые при содействии мусульманского населения, сочувствие коего будет заранее приобретено обещанием сохранения за ним религии и поземельных имуществ, объявит себя независимым»¹⁰¹.

Комитет рассчитывал на помощь сербского правительства как на денежную, так и на военную.

Блазнавац ответил Марковичу, что все средства, перечисленные им, слишком незначительны и не дают права надеяться на успех задуманного предприятия.

Во-первых, денежные средства будут получены только в размере нескольких тысяч рублей. Во-вторых, рассчитывать на массовое участие граничар в боснийском восстании нельзя из-за того, что граница охраняется Австро-Венгрией. В-третьих, участие черногорцев будет затруднено, если князь не даст разрешения на вербовку волонтеров.

Так, пункт за пунктом Блазнавац разбивал доводы Ефрема Марковича. В отношении боснийских мусульман Блазнавац заметил Марковичу, что нельзя будет поднять райю, «сохраняя за мусульманским элементом его давнишние права на землю»¹⁰² (т. е. поместья турецких феодалов в Боснии и Герцеговине).

⁹⁷ АВПР, ГА, V Аз, Белград, 1872, д. 259, л. 18.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, л. 19.

¹⁰⁰ Там же, л. 20.

¹⁰¹ Там же, л. 21.

¹⁰² Там же, л. 23.

Ефрем Маркович в конце концов признал правильность доводов Блазнавца о том, что средств в распоряжении комитета недостаточно и «обещал регенту отправиться... в Новый Сад и убедить своих товарищей отсрочить восстание до более благоприятных обстоятельств...»¹⁰³.

Затем Блазнавац стал доказывать Марковичу «всю непоследовательность деятельности Омладины на пути соединения и освобождения славянского племени»¹⁰⁴. Он сказал, в частности, Марковичу, что новосадская газета «Застава» и белградская газета «Раденик», «вместо того, чтобы словом и делом наставлять сербский народ к предстоящей ему великой задаче, истощаются одна в посеянии в различных отраслях сербского племени раздоров и зависти, другая — в проповедовании ему социальных теорий, несогласных ни с его духом, ни с его исторической жизнью», вместо всего этого стали бы поучать народ жить в согласии и стремиться к единству, сплотившись вокруг Сербии, которая одна представляет им гарантии гражданской свободы и государственной жизни, огражденной законами, почерпнутыми из народной жизни»¹⁰⁵.

Ефрем Маркович обещал Блазнавцу «употребить все свое влияние... на своих товарищей по Омладине для достижения указанной ему цели...»¹⁰⁶. Он поехал в Новый Сад, чтобы убедить вождей Омладины в том, что восставать еще рано и что регенты не согласны их поддержать. По возвращении в Белград Маркович вновь явился к Блазнавцу, чтобы рассказать ему о результатах своей поездки.

«...если верить его словам, Омладина отказывается до времени провозгласить общее движение между своими единоверцами и готова была бы подчинить свою деятельность вполне княжескому правительству»¹⁰⁷. Затем Маркович заявил Блазнавцу, что Омладина «собирается прислать в Белград для переговоров об условиях окончательного соглашения Костица и Димитриевича»¹⁰⁸.

В феврале 1872 г. в Белград из Нового Сада приехал представитель Омладины Лаза Костиц для переговоров с княжеским правительством. Регенты также были непрочь прийти к соглашению с Омладиной, для того чтобы ограничить роль этой партии в руководстве движением южных славян. Блазнавац прямо говорил Шишкину, что он желает сблизиться с Омладиной, подчинить ее своему влиянию, сделать ее своим орудием, переложить на ее плечи ответственность за все то, что будет предшествовать всеобщему восстанию.

Блазнавац снова, как ранее Марковичу, доказывал Костицу мизерность средств, которыми располагает Омладина для восстания. Доводы Блазнавца «...убедили Костица в недостаточности имеющихся средств и приготовлений... исполнить столь трудную и сложную задачу»¹⁰⁹ освобождения южных славян. Костиц обещал Блазнавцу «склонить своих единомышленников безусловно подчиниться руководству княжеского правительства»¹¹⁰. Блазнавац потребовал от Костица ручательства, что «Омладина признает необходимость: во-первых, избрать Сербию центром соединения всех южных славян с династиею Обреновичей во главе; во-вторых, отказаться от всяких враждебных действий или газетной полемики против

¹⁰³ АВПР, ГА V Аз, Белград, 1872, д. 259, л. 24.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же, л. 25.

¹⁰⁷ Там же, Белград, 1872 г., д. 260, л. 6.

¹⁰⁸ Там же, л. 7.

¹⁰⁹ Там же, л. 38.

¹¹⁰ Там же.

существующего в княжестве порядка вещей»¹¹¹. Только приняв эти условия, Омладина, по мнению регента, может «доказать искренность, своего примирения и желания подчиниться указаниям княжеского правительства»¹¹². Костич обещал внушить своим товарищам необходимость принять требования регента. На этот раз Блазнавац усомнился в искренности уполномоченного Омладины. Он сказал Шишкину, что из донесений полиции видно, что проживающие в Белграде члены Омладины говорят «о безотлагательной необходимости возбудить восстание и образовать для этого четы в соседних областях Турции»¹¹³.

В Архиве внешней политики России в фонде Азиатского департамента находится документ, переведенный на русский язык, под названием, «Записка», адресованная Омладиной сербскому правительству. В имеющейся литературе по истории Омладины сведений об этой записке нет.

Омладина подала сербскому правительству эту «Записку» в 1872 г. В Записке говорилось, что притеснения в Боснии и Герцеговине дошли до того, что «народ в этих землях не может сносить оное без отчаянных покушений себя спасти»¹¹⁴. Составители Записки далее заявляли: «Сербский народ без Боснии и Герцеговины не только числительно, но и по географическому своему положению и по условиям своей торговли, сухопутных и морских сообщений, не может иметь не только счастливой, но и продолжительной будущности»¹¹⁵.

«Погибель нашего народа в этих краях есть начало гибели остального народа сербского. Скорейшее освобождение от турецкого ига тем необходимее, что Босния и Герцеговина будут до такой степени искрещены железными дорогами и потоплены Западом, что сделаются клином, обращенным против сербского народа»¹¹⁶.

В Записке проводилась мысль, что нужно скорее освободить Боснию, Герцеговину и Старую Сербию, что «если освобождение и нельзя еще назвать объединением народа, то можно смотреть на оное как на ключ и предисловие к объединению»¹¹⁷.

По мнению авторов Записки, освободить эти земли дипломатическим путем невозможно; от Порты трудно добиться чего-нибудь мирным путем, и нечего также рассчитывать на поддержку держав. Боснии и Герцеговине трудно самим освободить себя вооруженною рукой, ввиду разной веры населения и ввиду того, что Турция получила поддержку извне от тех, кто строит свои расчеты на целости Турции. Поэтому восстание в Боснии и Герцеговине оказалось бы изолированным и «носило бы на себе характер внутреннего бунта против властей, а не имело бы значения народного объединения»¹¹⁸.

В Записке подчеркивалось, что особенно ответственны за освобождение Боснии и Герцеговины Сербия и Черногория. «...Освобождение Боснии и Герцеговины есть дело общесербское...», поэтому не только правительства Сербии и Черногории, но и сами сербы «имеют право взять это дело в свои руки»¹¹⁹, чтобы инициатива этого предприятия была принята обществом, составленным с этой целью»¹²⁰.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, Белград, 1872 г., д. 259, л. 73.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же, л. 74.

¹¹⁷ Там же, л. 75.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Разрядка в документе.

¹²⁰ Там же.

«...в сербских землях составилось общество, имеющее целью вызвать восстание в Боснии, Герцеговине, Старой Сербии и Болгарии...»¹²¹. Авторы Записки рекомендовали далее начать действия четами, а затем Сербия уже официально вступит в борьбу, когда настанет подходящий момент и когда Сербское правительство найдет нужным.

Записка имеет на полях примечания Блазнавца. Например, к приведенному выше абзацу сделано примечание: «Успеха не может быть, если Сербия не вступит в борьбу»¹²².

Авторы Записки считали, что внешние обстоятельства будут благоприятствовать им, что не предвидется никакого внешнего вмешательства, «особенно соседнего», и поэтому «Сербия будет иметь полную свободу действий и она в состоянии в случае надобности нам помочь, когда она найдет это необходимым»¹²³. Этот абзац также снабжен примечанием Блазнавца: «Как только Сербия дозволит высылку из своей внутренности чет, не может быть и речи о ее свободе действий»¹²⁴.

«Болгаре, как и сербы в Боснии и Герцеговине, — говорится в заключение в Записке, — всегда готовы стать на ноги, только бы им была обещана помощь и защита...» «Только союз между ними (сербам и болгарам. — В. К.) может сохранить южным славянам Балканский полуостров... Как Босния с западной, так и Болгария с восточной стороны — ключи к Сербии»¹²⁵.

Регенты ответили вождям Омладины, что «не могут согласиться на домогательства о содействии предприятия, в котором на долю Сербии выпала бы одна только тяжелая ответственность, без всякой надежды на успех...»¹²⁶.

В своем донесении Стремоухову Шишкин выражал надежду, что после такого ответа регентов вожди Омладины откажутся от своего предприятия, «убежденные в ничтожестве средств, находящихся в их распоряжении»¹²⁷.

Чтобы угодить Австрии и продемонстрировать свою «искренность» по отношению к ней, они послали Андраши подлинник Записки, представленной им Омладиной, в которой говорилось о необходимости общего восстания. Австрийское правительство тотчас же посадило в тюрьму подозреваемого в авторстве этой Записки Лазу Костица, обвинив его «в государственной измене»¹²⁸.

Регенты готовы были пойти на сделку с кем угодно, даже на предательство, лишь бы избежать пугавшего их радикального разрешения внутренних вопросов.

Не менее характерны и другие маневры регентов. «...князь Николай сообщил мне..., — пишет Ионин, — что сербское правительство, желая оправдать себя в глазах Омладины, обвиняющей его в бездействии, позволило будто бы образование чет в Крагуевце, откуда они перешли за турецкую границу к Зворнику, и что другие четы должны составиться около Требинья, под начальством Перо Матановича, который действительно приехал на днях из Белграда в Рагузу»¹²⁹.

¹²¹ АВПР, ГА, V Аз, Белград, 1874, д. 259, л. 75.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же, л. 80.

¹²⁶ Там же, л. 85.

¹²⁷ Там же, л. 86.

¹²⁸ Там же, л. 160.

¹²⁹ Там же, Рагуза, 1872, д. 739, л. 148.

К Блазнавцу и Ристичу явился прибывший из Герцеговины учитель Филиппович и от имени известных герцеговинских воевод заявил им, что «все приготовлено для начатия восстания в Герцеговине и что главари, считая долгом сообщить об этом княжескому правительству, просят его оказать им содействие по мере признаваемой возможности»¹³⁰.

Регенты заявили Шишкину, что, по их мнению, эта попытка вызвать восстание «есть дело Омладины и втайне поощряется князем Черногорским...»¹³¹. В доказательство регенты ссылались на то, что герцеговинские главари недавно собирались в Цетинье.

Так, оба правительства, сваливая друг на друга или на Омладину вину за подготовку восстания в христианских областях Турции для того, чтобы оправдать себя в глазах великих держав, вели в то же время двойную игру, помогая развязыванию восстания в Боснии и Герцеговине.

Летом 1872 г. в Герцеговину отправились молодые сербы Лепов и Дреч.

«...еще весной Омладина собрала отовсюду горячих юношей, вошла в сношения с некоторыми ускоками и послала их в Герцеговину и на границу Черногории»¹³².

«...Дреч и Лепов были в числе молодых людей, вызванных Омладиной из Московского университета и посланных бунтовать Герцеговинцев»¹³³. Дреч учился на медицинском факультете, бросил все и поехал по призыву Омладины. Ионин называет его «неисправимым нигилистом», о Лепове же пишет, что это «порядочный и добродушный юноша»¹³⁴.

Ионин писал, что «трудно теперь найти между сербскою молодежью человека, особенно из учившихся в России, который не был бы слепым орудием Омладины»¹³⁵.

Митрополит Михаил рекомендовал православной общине в Мостаре, чтобы она взяла Дреча и Лепова в учителя. «Правительство Черногории было этим крайне недовольно, и князь, боясь какой-нибудь вспышки, приказал пограничным своим властям строго смотреть за порядком и преследовать подобных людей»¹³⁶.

Русский консул в Мостаре Славолубов заподозрил Лепова и Дреча в каких-то тайных замыслах. Тем более, что один из передовых людей Мостара сообщил Славолубову, что «в Герцеговине готовится восстание, в котором примут будто бы участие сербы, черногорцы, боснийцы, болгары, младо-валахи и австрийская Воеводина»¹³⁷ и, что эти слухи распространяются в здешнем обществе Дречем, который узнал сам об этом в Новом Саде от Милетича.

Из Московского университета был вызван Омладиной также студент Иванишевич¹³⁸. «Вообще можно заметить, что все воспитывавшиеся в России, принадлежат к самым ревностным агентам Омладины...»¹³⁹.

Попытка вызвать восстание в Герцеговине в 1872 г. не удалась. «Князь Николай обвиняет в этом деле г. Ристича и митрополита Михаила в том, что, не предупредив его, они чуть было не поставили Черно-

¹³⁰ АВПР, ГА, V Аз, Белград, 1872, д. 259, л. 130.

¹³¹ АВПР, ГА, V Аз, Мостар, 1875, д. 633, л. 132.

¹³² АВПР, ГА, V Аз, Рагуза, 1872, д. 739, л. 81.

¹³³ Там же, л. 82.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же, л. 81.

¹³⁷ АВПР, ГА, V Аз, Мостар, 1872, д. 627, л. 50.

¹³⁸ Там же, Рагуза, 1875, д. 747, л. 56.

¹³⁹ Там же.

горию в опасное положение»¹⁴⁰. Ионин пишет, что юноши, вызванные Омладиной «...остались без куска хлеба и проклинают Омладину...», но отдает должное их энтузиазму и тут же добавляет, что «Дреч и Лепов в случае новых затей, конечно, опять окажутся ее (Омладины. — В. К.) агентами...»¹⁴¹.

В Архиве внешней политики России имеется копия прокламации, выпущенная Петром Узелац. Она появилась в августе 1872 г. в Мостаре от имени Луки Вукаловича, но, как выяснилось позже, эта прокламация была составлена и отпечатана Петром Узелац в Новом Саде и переслана в Боснию и Герцеговину.

В ней говорилось: «...нашим противникам и в голову не приходит, что мы — сербы и сами можем думать о своей свободе и независимости»¹⁴². В прокламации отмечался произвол турецких чиновников в Боснии: «...Самый незначительный чиновник в Боснии выше стоит, нежели Султан; всякий делает, что хочет, всякий располагает по произволу жизнью, имуществом и свободой бедного серба»¹⁴³.

Прокламация призывает к единству действий всех участников освободительной борьбы без различия национальности и религии: «Нам нужно стать на хорошую ногу с братьями в Боснии, т. е. с турками и католиками... религия не должна составлять никакой розни...»¹⁴⁴.

«Дело идет о соединении Боснии и Герцеговины с Сербией и Черногорией, — продолжает составитель прокламации, — каждый останется владельцем своего имущества, религия каждого будет неприкосновенна...»¹⁴⁵. Далее в прокламации подчеркивается ведущая роль Сербии в национально-освободительной борьбе. «...Сербия сделала громадный шаг вперед, освободившись от иноземного влияния... Ей предстоит исполнить богом определенную миссию, освободить бедствующих своих братьев и собрать по крайней мере около себя сербов, поработанных турецким игом»¹⁴⁶.

В октябре 1873 г. в Цетинье к князю Николаю приехал герцеговинец Скобла, «бывший богатый купец в Ливно»¹⁴⁷. Он бежал от преследователей-турок и жил после этого в Сплите. «Он принадлежал обществу Омладины, имел влияние и деятельно занимался политикой. Теперь он состоит одним из главных членов тайного общества, образованного в Боснии с целью подготовить восстание»¹⁴⁸.

В беседе Скоблы с князем Николаем мы видим некоторые характерные черты взглядов и тактики боснийских сторонников омладинского движения начала 70-х годов.

Скобла сказал князю Николаю, что ввиду событий в Северной Боснии и увеличения угнетения христиан «...общество его решило, что теперь лучшее время восстать», что христианское население везде раздражено, что турки выгонят всех лучших людей из Боснии и что «следствием того будет увеличение влияния Австрии в ущерб планам сербов, надежду на которых народ теряет, но как восстание без надежды на помощь немис-

¹⁴⁰ Там же, Рагуза, 1872, д. 739, л. 82.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же, Мостар, д. 627. Перевод с печатной прокламации на сербском языке, л. 66.

¹⁴³ Там же, л. 69.

¹⁴⁴ Там же, л. 73.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же, стр. 74.

¹⁴⁷ Там же, Рагуза, 1873, д. 740, л. 37.

¹⁴⁸ Там же.

лимо, то общество это послало его на Цетинье и двух других в Белград для переговоров»¹⁴⁹.

Скобла подчеркивал, что «положение Северной Боснии до того невыносимо, что христиане собираются, если восстание в Боснии не состоится, толпами перебегать в Австрию...». Он говорил, что бежавшим из Градишки на территорию Австрии «помогают только сербы, граничары и хорваты... в случае восстания они рассчитывают на помощь граничар, недовольных венским правительством». Между граничарами имеются члены боснийского общества¹⁵⁰, которое «имеет тоже сношения с многими мусульманами, однако, не посвященными в тайные цели»¹⁵¹. По мнению Скоблы, «турки не догадываются об обществе», что между его членами нет переписки, что «открыть его может одна измена»¹⁵².

«...Скобла говорит, что теперь общество его желает восстания только как крайности и радо было бы избежать этого риска, но в таком случае нужно было бы, чтобы иностранные кабинеты вступились за судьбу босняков и заставили бы турецкое правительство изменить свой образ действий, давшим им удовлетворение и переставши фантазировать местных мусульман»¹⁵³.

В конце ноября 1873 г. Ионин сообщал Стремоухову, что посылает ему два письма, «полученных одним черногорцем, находившимся в сношениях с тайным боснийским комитетом, от некоторых лиц этого комитета»¹⁵⁴. В первом из этих писем, находящихся в Архиве внешней политики России, подписанном Иваном Билбия, Федором Пиштеличем и Евто Авдаловичем и датированным 6 октября 1872 г., было сказано: «О гонении наших братьев в Градиске, о злоупотреблениях Асим-Паши и Банья-лукского Каймакама писал вам мой брат Стоян». «Напрасными были все хитрости и насилия, Асим-Паша не мог принудить никого подписать ложные свидетельства и обвинения против наших перебежавших братьев и боснийские торговцы выказали при этом случае характер и постоянство. Боснийские торговцы сохраняют полную надежду на исполнение цели, к которой мы стремимся». И далее: «Брат Попович вернулся из Белграда. Ристич ему много кое-чего наговорил, но ничего такого, чтобы ободрило наши надежды. Им мало горя, и они не заботятся о наших муках. Сказал Ристич, что если сама Босния серьезно начнет восстание, то Сербия, конечно, ее не оставит, но кто им может верить. Говорит брат Попович, что в Белграде царствует большое неудовольствие и возбуждение против правительства... по поводу Боснийских дел. И у нас тоже». Далее в письме написано: «Братья наши боснийские католики теперь нам братски протягивают руку, чего никогда до сих пор не было». «...никто из наших торговцев не подписал по требованию Асим-Паши ложных показаний против перебежавших»¹⁵⁵. «...Мусульманский элемент в Боснии хотел бы скорее к черному дьяволу, чем в Австрию, и потому мы находимся в договоре со многими боснийскими турками. Кулинович, мусульманин-помещик, с нами и по нашему делу пошел в Константинополь. Он оттуда пишет многим бегам, нашим приятелям, чтобы они по-братски с нами держались. Видно, и они увидели, что Османли и нам, и им готовят недоброе будущее».

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же, Рагуза, 1873, д. 741, л. 100.

¹⁵¹ Там же, л. 101.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же, л. 134.

¹⁵⁵ Там же, л. 136.

«...Мы ждем многого от князя Николая и главным образом на него надеемся. Твои братья Иван Билбия, Федор Пиштелич и Евто Авдалович, члены Комитета Баньялуки, 6 Октября 1873 г.»¹⁵⁶.

Во втором письме, подписанном Йово Скоблой, сказано, что в Сербию ездил депутат из Боснии, «наш брат Попович». «Сказал ему Ристич, что Сербия ждет первого удобного случая, первой кутерьмы в Европе и тогда освободит все Сербство и что тогда произойдет соглашение и с князем Николаем и с боснийским Комитетом, а что теперь не может ничего предпринять, особенно зимою, но если бы боснийские христиане начали что-либо серьезно, то не оставил бы их одних. А если не могут они сами поднять самого серьезного восстания, так пусть де лучше ничего не предпринимают, чтобы не компрометировать народ». «Рассказывает Попович, что народ в Белграде сильно восстановлен против своего правительства... по поводу дел с боснийскими христианами. Так же и в Боснии»¹⁵⁷. 13/25 октября. Спалатро. Йово Скобла»¹⁵⁸.

* * *

Приведенные документы свидетельствуют, что популярность князя Николая среди представителей оmlадинского лагеря продолжала расти. Молодой сербской буржуазии, игравшей ведущую роль в оmlадинском движении, нужен был человек, которого можно было бы поставить во главе объединения сербов. Но Сербия в это время (70-е годы) не могла быть «Пьемонтом южных славян».

Поэтому оmlадинские вожди все чаще обращали свои взоры на князя Николая.

Сербское правительство было обеспокоено этой популярностью князя Николая. Оно распространяло слухи о том, что якобы «Оmlадина по уговору с мадьярскими радикалами желает свержения князя Милана и признания на его место князя Николая» и что, с другой стороны, имя князя Николая «должно служить лишь покровом для осуществления революционного плана»¹⁵⁹.

Ионин сообщал в Азиатский департамент, что по его убеждению князь Николай ни в каких «происках Оmlадины» не участвует. Однако, опасаясь, что Оmlадина «...весьма может повлиять и увлечь воображение черногорцев, особенно если положение Сербии будет ухудшено...»¹⁶⁰, Ионин давал понять князю Николаю, что это встретит порицание со стороны русского правительства. «...Мирная политика князя должна послужить притом антиподом увеличению Оmlадины...»¹⁶¹.

В мае 1875 г. усилилась эмиграция герцеговинцев в Черногорию, и это способствовало возбуждению черногорцев. Черногорцы шли в отряды, которые образовали перешедшие за черногорскую границу герцеговинцы.

Князь Николай жаловался Ионину на «происки сербской партии действия и на ее агентов в Мостаре»¹⁶². «...мостарские же агитаторы большею частью зажиточные купцы и их агенты хотят, по-видимому, во что бы

¹⁵⁶ Там же, л. 136.

¹⁵⁷ Там же, л. 138.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ АВПР, ГА, А₂, Рагуза, 1875, д. 747, л. 541.

¹⁶⁰ Там же, л. 53.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, л. 55.

то ни стало вызвать Черногорию из ее замкнутого положения». Князь Николай хотел получить выгоды от предстоящей борьбы и в то же время не компрометировать себя единством действий с Омладиной. «Идти открыто против партии действия, — писал Ионин, — для князя крайне... опасно. Опасно также поддаваться и ослабеть перед ее происками... при настоящем положении, волнуемом умы самих черногорцев, было бы крайнею опасностью идти прямо наперекор общим стремлениям и чувствам...»¹⁶³. Характерно следующее замечание Ионина, показывающее, что он видел двойственную природу Омладины — ее приверженность к революционной фразеологии и в то же время — практическую ориентацию на «просвещенных государей».

«...сербы ищут человека, а на безлюдье и Фома — дворянин... и с одной стороны, проповедуя социализм и крайние учения, обращают взоры на деспота, князя Черногорского...»¹⁶⁴.

«...Некоторые вожди оппозиции являлись к Богичевичу и Даниле Степановичу, обещая прекратить всякое противодействие правительству, если оно вступит на путь деятельного сочувствия герцеговинскому восстанию. Настроение в пользу одного так сильно, что не только министерству, но и самому князю не удержаться, если они не войдут в это народное движение...»¹⁶⁵.

* * *

В конце июня 1875 г. вспыхнуло крестьянское восстание в Невесинском округе Герцеговины, а затем в Боснийской Крайне и Подрииньи.

Руководители Омладины, получив известие о восстании, растерялись, не зная, что предпринять. Но скоро их охватил общий патриотический подъем¹⁶⁶. Светозар Милетич своими статьями в новосадской газете «Застава» призывал молодежь составлять добровольческие отряды в помощь босне-герцеговинским повстанцам, а торговые слои — слать повстанцам деньги и оружие¹⁶⁷.

Помощь восстанию шла из всех югославянских областей. В сентябре 1875 г. Ионин писал в Азиатский департамент «...дело стало не герцеговинско-боснийским, а вообще сербо-хорвато-славянским; восстание это также существует в Сербии, Черногории и австрийских землях, хотя там и не дерутся»¹⁶⁸.

Между тем в Сербии все больше нарастало недовольство как внешней, так и внутренней политикой регентов. Оппозиция группировалась вокруг Стевы Михайловича, Ефрема Груича и митрополита Михаила. «...Ряды ее увеличиваются всеми людьми, игравшими более или менее выдающуюся роль во время Свято-Андреевской скупщины 1858 года, всеми недовольными и обиженными настоящим правительством...»¹⁶⁹.

Роль Омладины в этом оппозиционном движении охарактеризована Иониным следующим образом: «Кроме того, в состав ее (оппозиции. — В. К.) входит вся «Омладина», агитирующая как в Новом Саде, так и в самом Белграде, и тем более опасная и деятельная, что она... пополняется преимущественно в сословии профессоров и учителей, злоупотреб-

¹⁶³ Там же, л. 56.

¹⁶⁴ Там же, л. 436.

¹⁶⁵ АВПР, Канцелярия, Вена, 1875, д. 113, л. 387.

¹⁶⁶ Радонич. Слика из исторје и книжевности, стр. 213.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ АВПР, ГА, V А2, Рагуза, 1875, д. 747, л. 447.

¹⁶⁹ АВПР, ГА, V А2, Белград, 1875, д. 265, лл. 26—27.

ляющих своим влиянием на учеников...». «Партия эта... успела... приобрести в настоящем Сербском Народном Собрании большинство довольно значительное»¹⁷⁰.

* * *

Интересы молодой сербской буржуазии властно требовали объединения сербского народа, создания единого национального рынка и получения портов на Адриатике для развития внешней торговли, свободной от опеки Австрии. Не случайно в период боснийско-герцеговинского восстания и сербско-турецкой войны сербская буржуазия выдвинула лозунг: «Излазак Србије на море».

Омладина была националистической организацией сербской буржуазии. Левая ее фразеология скрывала за собой великосербскую тенденцию, стремление объединить южных славян и создать сильную югославянскую державу.

Но сербская буржуазия в 70-х годах XIX в. была еще слишком слаба, чтобы взять руководство по освобождению и объединению южных славян в свои руки и тем самым обеспечить себе возможность дальнейшего свободного капиталистического развития.

¹⁷⁰ АВПР, ГА, V Аз, Белград, д. 265, лл. 26—27.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Б. Валев.</i> Из истории Болгарии накануне и в начале второй мировой войны .	3
<i>И. В. Чуркина.</i> Горная промышленность Словении в XVI в.	69
<i>И. В. Созин.</i> К вопросу о товарности помещичьего хозяйства южной части Польши в 70—90-е годы XVIII в.	112
<i>Е. А. Ефремов.</i> Формирование феодальной собственности на землю в Далма- тинской Хорватии в X—XI вв.	159
<i>Б. А. Цветкова.</i> К вопросу о положении дервентджийского населения в болгар- ских землях в период турецкого господства	196
<i>В. Д. Конобеев.</i> Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828— 1830 гг.	221
<i>В. И. Фрейдзон.</i> Социально-политические взгляды Антуна и Степана Радичей в 1900-х годах и возникновение хорватской крестьянской партии (1904—1905)	275
<i>В. Н. Кондратьева.</i> Новые архивные материалы по истории Объединенной сербской Омладины	306

*Ученые записки Института славяноведения,
том XX*

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения*

Редактор Издательства *Д. М. Колян*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

РИСО АН СССР № 110-94В. Сдано в набор 3/II 1960 г.
Подписано к печати 14/V 1960 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ.
л. 20,75. Усл. печ. л. 28,43. Уч.-изд. л. 30,0. Тираж 1400
экз. Т-06504. Изд. № 4304. Тип. вак. № 596.

Цена 19 руб. 50 коп.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В-34, 9 лин., дом 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
206	16 сн.	⁴⁰ Rad, CXXIX, 1896, p. 76—77.	⁴⁰ E. Brown. Указ. соч., стр. 46—47.
206	17 сн.	³⁹ E. Brown. Указ. соч., стр. 46—47.	³⁹ Fr. Babinger. Указ. соч., стр. 147.
211	9 сн.	дороги	часть дороги
213	31 сн.	джинаем	джинает

Уч. записки Ин-та славяноведения, т. XX.

